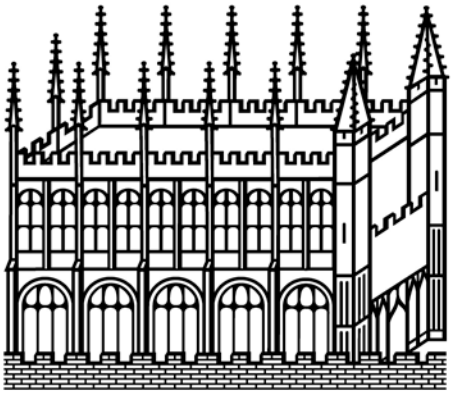


Bodleian Libraries

UNIVERSITY OF OXFORD

This book is part of the collection held by the Bodleian Libraries and scanned by Google, Inc. for the Google Books Library Project.

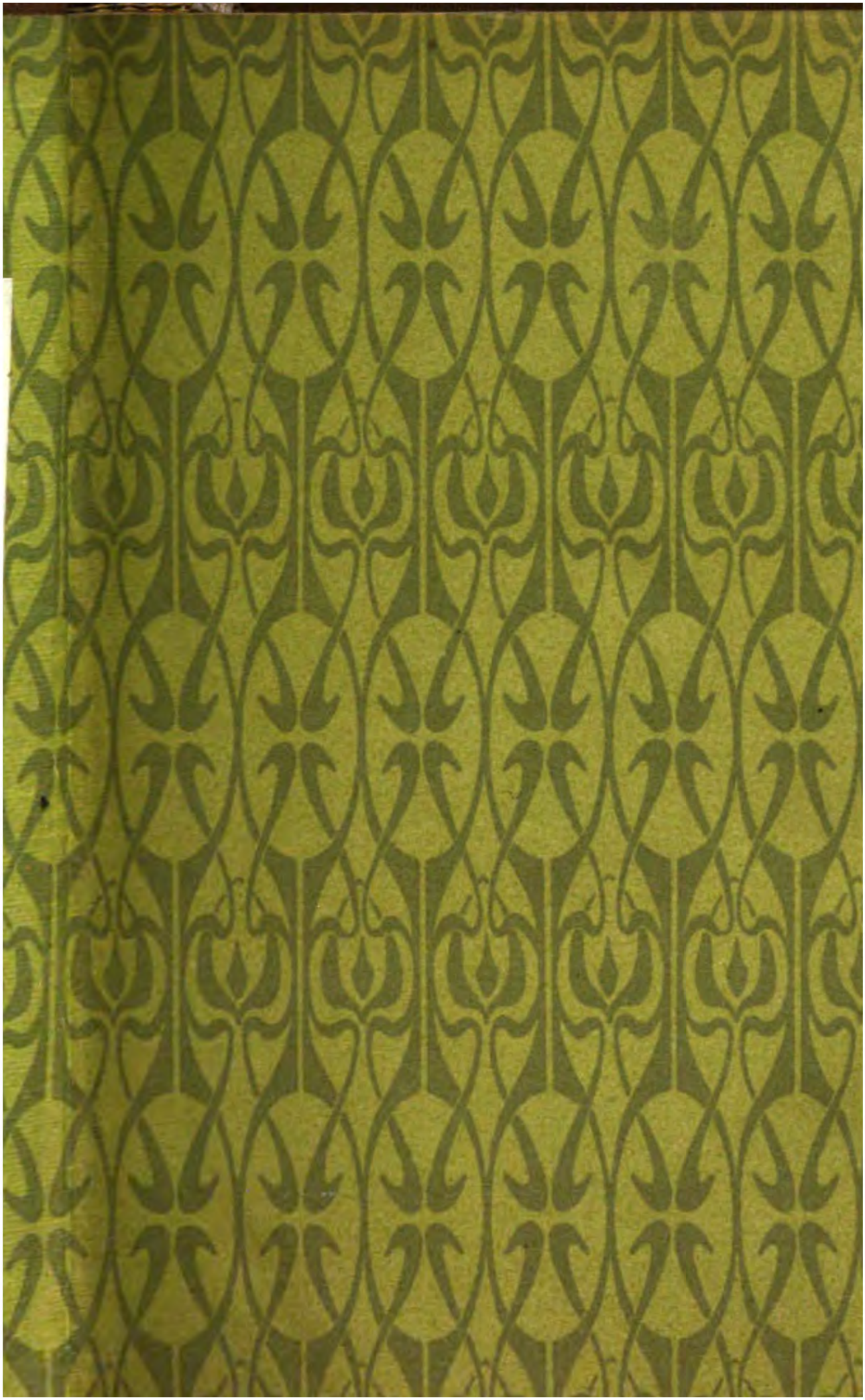
For more information see:

http://www.bodleian.ox.ac.uk/dbooks

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 2.0 UK: England & Wales (CC BY-NC-SA 2.0) licence.

PG3332.A1.1896 (5)
= Rep. Slav. 106
300 JJ
42

Presented to the Library
by Dr. Jay Williams.
V PROV.



Гоголь въ 1851—52 гг.

(По офорту Панова съ рисунка Э. А. Дмитріева-Мамонова)

Сочиненія и письма

Н. В. Гоголя.

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій извѣстныхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Русскіе писатели:

Аксаковъ, С. Т., подъ редакціей *А. Г. Горнфельда;*
Андреевъ, Л. Н., со вступительной статьей проф. *М. А. Рейснера;*
Ан—скій, С. А., подъ наблюденіемъ *автора;*
Амфитеатровъ, А. В., подъ наблюденіемъ *автора;*
Айзманъ, Д. Я., подъ наблюденіемъ *автора;*
Гоголь, Н. В., подъ редакціей *В. В. Каллаша;*
Добролюбовъ, Н. А., подъ редакціей *В. П. Кранихфельда;*
Достоевскій, Ѳ. М., съ многочисл. приложеніями;
Златовратскій, Н. Н., подъ наблюденіемъ *автора;*
Кольцовъ, А. В., подъ редакціей *Арс. Ив. Введенскаго;*
Крыловъ, И. А., подъ редакціей *В. В. Каллаша;*
Лазаревскій, Б. А., подъ наблюденіемъ *автора;*
Левитовъ, А. И., со вступ. статьей *А. А. Измайлова;*
Лермонтовъ, М. Ю., подъ ред. *Арс. И. Введенскаго;*
Максимовъ, С. В., со вступ. статьей *П. В. Быкова;*
Мачтетъ, Г. А., подъ редакціей *Д. П. Сильчевскаго;*
Муйжель, В. В., подъ наблюденіемъ *автора;*
Невѣжинъ, П. М., подъ наблюденіемъ *автора;*
Никитинъ, И. С., подъ ред. *А. Г. Фомина,* со вступительной статьей *Ю. И. Айхенвальда;*
Немировичъ-Данченко, Вас. И., подъ наблюденіемъ *автора;*
Олигеръ, Н. Ф., подъ наблюденіемъ *автора;*
Осиповичъ, Н. М., подъ наблюденіемъ *автора;*
Островскій, А. Н., подъ ред. *М. И. Писарева;*
Помяловскій, Н. Г., съ біограф. очеркомъ *Н. А. Благовѣщенскаго*
Потѣхинъ, А. А., подъ наблюденіемъ *автора;*
Пушкинъ, А. С., подъ редакціей *П. О. Морозова* и *В. В. Каллаша;*
Соловьевъ, Н. Я., съ портретомъ *автора;*
Танъ, В. Г., подъ наблюденіемъ *автора;*
Толстой, Л. Н., подъ редакціей *А. М. Хирьякова;*
Шапиръ, Ольга, подъ наблюденіемъ *автора.*

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе",
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Сочиненія и письма
Н. В. Гоголя.

Редакція, вступительныя статьи и примѣчанія

В. В. Каллаша.

Томъ пятый.

Мертвыя души.

Томъ второй.

Повѣсти.

С.-Петербургъ.
Типо-литографія Акціонернаго О-ва „Самообразованіе".
Забалканскій просп., д № 75.

TAYLOR INSTITUTION
UNIVERSITY
9 SEP. 1942
OF OXFORD
LIBRARY OF THE

Бумага безъ примѣси древесной массы.

Оглавленіе V-го тома.

Вступительныя статьи: Стр.

„Мертвыя Души“, т. II 3
Повѣсти Гоголя 11

„Мертвыя Души“, т. II (въ исправленной редакціи):

Глава I. (Тѣнтѣтниковъ.) 21
Глава II. (Бетрищевъ.) 61
Глава III. (Пѣтухъ, Платоновъ, Кошкаревъ, Костанжогло.) 72
Глава IV. (Хлобуевъ, Лѣницынъ.) 114
Глава . . (Муразовъ, Чичиковъ подъ судомъ.) 137

Приложенія:

„Мертвыя Души“, т. II (одна изъ первоначальныхъ редакцій):

Глава I. (Тѣнтѣтниковъ.) 181
Глава II. (Бетрищевъ.) 211
Глава III. (Пѣтухъ, Платоновъ, Кошкаревъ, Скудронжогло.) 220
Глава IV. (Хлобуевъ, Лѣницынъ.) 254
Глава . . (Муразовъ, Чичиковъ подъ судомъ.) 273

Страницы, передѣланныя авторомъ по выходѣ въ свѣтъ I т. „М. Д.“:

Отрывки изъ VII главы 307
Отрывки изъ VIII главы 309
Отрывокъ изъ конца VIII главы 314
Вновь найденныя страницы изъ 2 части „М. Д.“ 316

Повѣсти:

Носъ 323
Шинель 356
Коляска 397
Римъ 412

Отрывки изъ неоконченныхъ повѣстей . . 465

Примѣчанія 471

Списокъ иллюстрацій.

	Стр.
Гоголь въ 1851—2 гг. (По офорту Панова съ рисунка Э. А. Дмитріева-Мамонова.) . . .	1
Послѣдніе дни жизни Н. В. Гоголя. (Рисунокъ А. Солоницкаго, 1852 г.)	177
Гоголь въ гробу. (Съ рисунка Ястребцова.) .	320
Гоголь въ гробу. (По офорту Панова съ рисунка В. А. Рачинскаго.)	464

Вступительная статья.

I.

Второй томъ „Мертвыхъ Душъ".

„Вторая часть „Мертвыхъ Душъ" выдѣляется изъ ряда большихъ произведеній Гоголя своею трагическою судьбою. Первую часть поэмы авторъ началъ писать, „какъ забавный, незначащій анекдотъ"; но, чѣмъ болѣе углублялся авторъ въ свою работу, тѣмъ серьезнѣе становился подъ его перомъ сюжетъ, пока, наконецъ, „составилось колоссальное созданіе". Окончивши вчернѣ первую часть „Мертвыхъ Душъ" и приступая къ продолженію поэмы, Гоголь уже имѣетъ надежду создать „кое-что колоссальное", извѣдавши на опытѣ, „на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначащій сюжетъ". Планъ широкаго и многозначительнаго художественнаго созданія уже окрѣпъ въ Гоголѣ при самомъ началѣ работъ надъ второю частью „М. Д."; первая часть поэмы представляется собраніемъ „невинныхъ и скромныхъ главъ" въ сравненіи со второю, простымъ „крыльцомъ къ тому дворцу, который въ немъ строится".

„Болѣзненный переворотъ, потрясшій въ основаніяхъ все существо писателя, пережитое имъ тяжелое нравственное воспитаніе даютъ новый ростъ широкимъ планамъ поэта и поднимаютъ задачу второй части „М. Д." на высоту творенія, долженствующаго обновить общественный организмъ, внести въ него новую жизнь... „Озирая" русскую жизнь, Гоголь (особенно съ 1848 г.) видитъ „повсюду смущенья, повсюду бѣды и вражду на мѣсто любви", слышитъ „повсюду голосъ неудовольствій". „Потрясающая безтолковщина сумасшедшаго" времени наполняетъ всѣхъ „страшною тоскою", и онъ съ отчаяніемъ помышляетъ, „будетъ ли онъ въ силахъ удержаться на своемъ мирномъ литературномъ поприщѣ". По его убѣжденію, наступили „времена молитвы — о мирѣ и соединеніи всѣхъ".

„Скажите мнѣ", спрашиваетъ онъ наканунѣ 1848 г.,

„зачѣмъ мнѣ, вмѣсто того, чтобы молиться о прощеніи всѣхъ прежнихъ грѣховъ моихъ, хочется молиться о спасеніи русской земли, о водвореніи въ ней мира, на мѣсто смятенія, и любви, на мѣсто ненависти къ брату? Зачѣмъ я помышляю объ этомъ, на мѣсто того, чтобы оплакивать собственные грѣхи мои? Зачѣмъ мнѣ хочется молиться еще и о томъ, чтобы Богъ далъ силы мнѣ загладить новымъ, лучшимъ дѣломъ и подвигомъ мои прежніе худые, даже и въ дѣлѣ писательства?“ Вторая часть „Мертвыхъ Душъ“ должна, по замыслу автора, дать обществу новый идеалъ; образы ихъ должны быть „состроены изъ нашего матеріала, изъ нашей земли, такъ что всякій почувствуетъ, что это изъ его же тѣла взято: тогда только онъ проснется и тогда только можетъ сдѣлаться другимъ человѣкомъ“. И Гоголь высказываетъ твердое убѣжденіе, что вторая часть поэмы „можетъ быть очень нужная и очень полезная вещь, потому что никакая проповѣдь не въ силахъ такъ подѣйствовать, какъ рядъ живыхъ примѣровъ, взятыхъ изъ той же земли, изъ того же тѣла, изъ котораго и мы“. „Какое полное знаніе жизни (восклицаетъ Гоголь), сколько разума и безпристрастія старческаго нужно для того, чтобы создать такіе живые образы и характеры, которые пошли бы навѣки въ урокъ людямъ, которыхъ бы никто не назвалъ въ то же время идеальными, но почувствовалъ, что они взяты изъ нашего же тѣла, изъ нашей же русской природы! Какъ много нужно сообразить, чтобы создать такихъ людей, которые были бы истинно нужны нынѣшнему времени!“ Гоголь чувствуетъ себя обязаннымъ изобразить, въ назиданіе современникамъ, „людей добрыхъ, вѣрующихъ и живущихъ въ Законѣ Божіемъ“. Объ изготовляемомъ сочиненіи онъ пишетъ въ 1848 г.: „Все мнѣ такъ же, какъ и прежде, хочется такъ произвести его, чтобъ оно имѣло доброе вліяніе, чтобъ образумились многіе и обратились бы къ тому, что должно быть вѣчно и незыблемо“. Въ письмѣ къ Плетневу Гоголь выражаетъ убѣжденіе: „еще никогда не былъ такъ нуженъ трудъ, составляющій предметъ давнихъ обдумываній моихъ и помышленій, какъ въ нынѣшнее время. Хоть что-нибудь вынести на свѣтъ и сохранить отъ этого всеобщаго разрушенія — это уже есть подвигъ всякаго честнаго гражданина“. Этотъ подвигъ и мечтаетъ совершить Гоголь созданіемъ второй части „Мертвыхъ Душъ“: среди возмущающихъ явленій времени онъ желаетъ „удержаться на литературномъ поприщѣ и быть пѣвцомъ мира и тишины посреди брани“. До конца жизни его не покидаетъ надежда „пропѣть гимнъ Красотѣ Небесной“...

„Вторая часть „М. Д.“ занимала Гоголя въ послѣднія 11 лѣтъ его жизни. Поэтъ не былъ доволенъ результатами своихъ работъ: написанныя главы поэмы не удовлетворяли взыскательнаго автора. Произведеніе доводилось до конца, оцѣнивалось самимъ творцомъ въ тиши рабочаго кабинета и „сожигалось“, — съ тѣмъ, чтобы „воскреснуть въ новомъ, лучшемъ видѣ“. Всѣ наброски написанныхъ главъ, тщательно скрывавшіеся отъ любопытства друзей, уничтожались, и трудъ начинался сызнова. Анненковъ свидѣтельствуетъ, что написанная вторая часть „М. Д.“ уничтожалось три раза. Горькія жалобы на оскудѣніе „творческой силы“, на утрату „способности творить“ раздаются въ письмахъ Гоголя, относящихся къ первому періоду работы, который завершается поѣздкою въ Іерусалимъ. Только въ 1849 г. Гоголь рѣшается прочесть избраннымъ близкимъ людямъ нѣсколько главъ второй части „М. Д.“. Недовольство написаннымъ, вызвавшее однажды уничтоженіе цѣлаго произведенія и всѣхъ предварительныхъ черновыхъ набросковъ, высказывается художникомъ съ твердымъ убѣжденіемъ за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины и разрѣшается сожженіемъ созданія, уже вполнѣ оконченнаго, хотя не вездѣ получившаго послѣдній ударъ кисти“ [1].

Заграницей, въ 1840 г., Гоголь одновременно работаетъ надъ „очисткой“, подготовленіемъ къ печати перваго тома и началомъ второго. И въ тотъ и въ другой трудъ онъ дѣлаетъ вставки, въ которыхъ отразились все болѣе захватывавшія душу автора „лирическія“, мистическія, проповѣдническія настроенія; все ярче сказывается тенденціозность въ подборѣ и даже распорядкѣ матеріала поэмы. Въ свою записную книжку 1841—1842 гг. онъ вноситъ замѣтку: „развить статью о воспитаніи во второй части“, и дѣйствительно расширяетъ и „развиваетъ“ эпизодъ о воспитаніи Тѣнтѣтникова въ цѣлую „статью“, въ духѣ новыхъ своихъ идей. „Мертвыя Души“ должны были быть результатомъ нравственнаго самосовершенствованія автора и залогомъ спасенія для всего русскаго общества...

Къ 1842 г. работа настолько подвинулась впередъ, что, по желанію Гоголя, Погодинъ объявилъ въ „Москвитянинѣ“: „два тома уже написаны, третій пишется, и все сочиненіе выйдетъ въ продолженіе года“. Скоро Гоголю пришлось отказаться отъ своихъ словъ: программа, планы росли обратно пропорціонально творческимъ си-

[1] Тихонравовъ, 10-е изд., III, 533—535.

ламъ, все болѣе ослабляемымъ болѣзненными настроеніями. 6 октября 1843 г. онъ пишетъ Плетневу: „Я знаю, что послѣ буду творить полнѣй и даже быстрѣй, но до этого еще не скоро мнѣ достигнуть. Сочиненія мои такъ связаны тѣсно съ духовнымъ образованіемъ меня самого и такое мнѣ нужно до того времени вынесть внутреннее сильное воспитаніе душевное, глубокое воспитаніе, что нельзя и надѣяться на скорое появленіе моихъ новыхъ сочиненій". Вѣроятно, около этого времени и произошло первое сожженіе „М. Д.": игнорируя всю предшествующую свою работу, Гоголь пишетъ 2 декабря 1843 г. Жуковскому, что „набрасываетъ на бумагу хаосъ", изъ котораго произойдутъ „М. Д.".

Точка зрѣнія на главный трудъ своей жизни настолько измѣнилась, что Гоголь отказывается отъ своего рѣшенія перепечатать первый томъ безъ перемѣнъ: теперь онъ совершенно не удовлетворяетъ „взыскательнаго художника-моралиста".

Внутренняя смута, болѣзненная „переоцѣнка всѣхъ цѣнностей" мѣшаютъ творчеству. 2 апрѣля 1845 г. Гоголь писалъ Смирновой, что онъ „мучилъ себя, насиловалъ писать, страдалъ тяжкимъ страданіемъ, видя безсиліе свое, и нѣсколько разъ уже причинялъ себѣ болѣзнь такимъ принужденіемъ и ничего не могъ сдѣлать, и все выходило принужденно и дурно". Лѣтомъ 1845 г. онъ опасно заболѣлъ и въ началѣ іюля сжегъ рукопись второго тома. Передъ нимъ носится неуловимый, сплывающійся идеалъ, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ его произведенія, даже „Мертвыя Души". „Я не люблю моихъ сочиненій", пишетъ онъ Смирновой (25 іюля, 1845 г.), „доселѣ бывшихъ и напечатанныхъ, и особенно „М. Д.". Вовсе не губернія и не нѣсколько уродливыхъ помѣщиковъ, и не то, что имъ приписываютъ, есть предметъ „М. Д.". Это покамѣстъ еще тайна автора, которая должна была вдругъ, къ изумленію всѣхъ, раскрыться въ послѣдующихъ томахъ, еслибы Богу угодно было продлить жизнь мою и благословить будущій трудъ мой". Теперь эта „тайна" болѣе или менѣе открылась передъ нами: Гоголя больше всего волновала идея духовнаго возрожденія человѣка и человѣчества...

Даже изъ неудачи онъ дѣлаетъ выводъ провиденціальнаго характера. 20 апрѣля 1847 г. Гоголь писалъ Смирновой: „Богъ не даромъ отнялъ у меня на время силу и способность производить произведенія искусства, чтобы я не сталъ произвольно выдумывать отъ себя, не отвлекался бы въ идеальность, а держался бы самой существенной правды". Несомнѣнно, сожженная въ 1845 г.

редакція „М. Д.“ и страдала болѣе всего „произвольнымъ выдумываніемъ отъ себя“, „отвлеченіемъ въ идеальность“, отказомъ, хотя бы и частичнымъ, отъ „существенной правды“. Трудность задачи заключается въ томъ, что требованія этой „правды“ приходится мирить съ мистико-идеалистическими запросами „души и дѣла душевнаго“, на которые онъ пробуетъ дать отвѣтъ и въ „Развязкѣ Ревизора“, и въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“. „Вихрь сплетней“ города М. Д. долженъ былъ разрѣшиться въ „прообразованіе бездѣльности жизни всего человѣчества въ массѣ, которая смѣняется мутною, ничего не говорящею смертью“.

„Выбранныя мѣста“ должны были подготовить русскаго читателя къ воспріятію высшей спасительной мудрости — въ образахъ второго тома „М. Д“. Провалъ этой книги, стремительныя нападенія на нее почти изъ всѣхъ лагерей нанесли Гоголю тяжелый ударъ. Онъ пробуетъ ослабить его значеніе въ „Авторской исповѣди“ ,но въ душѣ его все болѣе нарастаютъ тревога, недовѣріе къ себѣ и своимъ творческимъ силамъ, все рѣже перемежаемое горделивыми замыслами. Поѣздка въ Святую Землю въ 1848 г. не внесла покоя и равновѣсія въ истерзанную душу великаго писателя. Работа надъ „М. Д.“ все болѣе тормозится обостреннымъ внутреннимъ разладомъ. Только въ 1849 г. онъ рѣшается прочесть наиболѣе близкимъ людямъ новыя главы продолженія своей поэмы, рѣшается послѣ долгихъ колебаній и болѣзненныхъ сомнѣній въ продуктивности своего выстраданнаго труда. Искренніе восторги Смирновой, ея брата Арнольди и семьи Аксаковыхъ дали ему нѣкоторую нравственную поддержку, но только на время. Грандіозность поставленныхъ задачъ вмѣстѣ съ быстрымъ упадкомъ физическихъ и духовныхъ силъ неуклонно ведутъ Гоголя къ катастрофѣ. Въ октября 1851 г. онъ говоритъ Аксаковой, что печатать второго тома нельзя, потому что онъ никуда не годится, что его цѣликомъ нужно передѣлать; 2 февраля слѣдующаго года проситъ (въ письмѣ) Жуковскаго помолиться, чтобы онъ „хоть сколько-нибудь былъ удостоенъ пропѣть гимнъ Красотѣ Небесной“, — и за нѣсколько дней до смерти сжигаетъ результаты почти 11-лѣтняго упорнаго и мучительнаго труда...

„Въ фактѣ сожженія дорогой для него рукописи не было ничего необыкновеннаго и ненормальнаго. То была его старая привычка. Не такъ ли сжегъ онъ еще въ 1829 г. своего „Ганца Кюхельгартена“, три раза сжигалъ статью о существѣ русской поэзіи и нѣсколько

разъ уничтожалъ тѣ же „Мертвыя Души“? Тяжелое нравственное состояніе его послѣднихъ дней, подтверждаемое показаніями врачей, внѣ сомнѣнія, но именно въ сожженіи рукописи нельзя видѣть акта безумія и повторять праздную легенду, которая не разъ порождала въ картинахъ нашихъ художниковъ неудачныя изображенія Гоголя въ видѣ маніака, дико вперившаго взоръ въ догорающіе лоскутки его произведеній. Къ счастью, беретъ верхъ другой, правдивый взглядъ на эту тяжелую сцену, и новѣйшій издатель[1] Гоголя могъ назвать ее „сознательнымъ дѣломъ художника, убѣдившагося въ несовершенствѣ всего, что было выработано его многолѣтнимъ мучительнымъ трудомъ“. Потомству нужно во что бы то ни стало найти здѣсь трагедію; оно и не обманется въ своихъ ожиданіяхъ. Но что трагичнѣе: зрѣлище ли больного, помутившагося разумомъ отъ изнуренія и безсознательно налагающаго руку на то, что для него святѣе всего, или отчаяніе умирающаго писателя въ виду неизбѣжной гибели, которая застанетъ прежняго властителя думъ въ безсиліи творчества и къ дальнему потомству донесетъ лишь смутное воспоминаніе о невыполненной мечтѣ?..“[2]

Тайна, которую носилъ Гоголь въ своей душѣ и которую онъ не успѣлъ, не смогъ воплотить въ живыхъ образахъ, — возможность нравственнаго возрожденія для самаго пошлаго, опустившагося, низменнаго человѣка, даже для „прорѣхи на человѣчествѣ“, „пріобрѣтателя“ и „подлеца“. Глубоко засѣла она въ душу писателя, сначала питаемая гуманнымъ чувствомъ юмориста-моралиста, потомъ „окутанная мистической дымкой“ мессіониста-аскета. И въ ней — залогъ непреходящаго значенія второго тома „М. Д.“, при всѣхъ художественныхъ недостаткахъ сохранившихся его осколковъ...

То, что сохранилось[3], несомнѣнно относится къ раннимъ наброскамъ и носитъ на себѣ печать тяжелыхъ мукъ творчества и тѣхъ взглядовъ, которые охватили душу великаго писателя въ 40-хъ годахъ.

Гоголь выдвигаетъ теперь на первый планъ „Науку Жизни“, по словамъ г. Чижова („Вѣстникъ Европы“. 1872, іюль, стр. 433 — „Послѣдніе годы Гоголя“), „очевидно, ту самую науку, которая преподана Гоголемъ въ его „Перепискѣ“, и учила сочетать искусство практиче-

---

[1] Тихонравовъ.

[2] А. Н. Веселовскій, Этюды и характеристики, 3 изд., стр. 686.

[3] Въ 50-хъ годахъ ходили по рукамъ списки 2-го тома „М. Д.“, иногда съ довольно любопытными варіантами. См. статью г. Языкова въ „Истор. Вѣстникѣ“ 1884, августъ, стр. 340—345.

ской наживы съ бездѣятельностію мысли, подчиняющейся внѣшнему авторитету". „Общій смыслъ поэмы можетъ быть выраженъ въ немногихъ словахъ. Всѣ сословія, званія и должности въ государствѣ должны оставаться тѣмъ, чѣмъ они были; но всѣ, отъ мала до велика, должны быть перевоспитаны въ духѣ довольства своимъ относительнымъ положеніемъ и своими относительными средствами, чтобы строгимъ исполненіемъ возложенныхъ на себя обязанностей поднять уровень общаго благосостоянія. Призваніе автора заключается въ томъ, чтобы возвысить это благосостояніе, побудивъ всѣхъ и каждаго къ исполненію этихъ обязанностей" (ib., стр. 437). Эта основная тенденція внесла во второй томъ поэмы рядъ новыхъ красокъ и пріемовъ.

„Желая теперь изобразить идеальныхъ людей вродѣ Костанжогло, Гоголь ставитъ на противоположной сторонѣ уже не распущенныхъ мечтателей или кутилъ, противопоставленныхъ въ первомъ томѣ помѣщикамъ-скопидомамъ, но временно опустившихся, слабовольныхъ людей, способныхъ возродиться къ иной — лучшей жизни. Такимъ образомъ съ матеріальной почвы дѣло переносится на почву нравственную" [1].

„Затѣмъ мѣстами проглядываетъ другая тенденція — поставить выше теоретическаго образованія познаніе русскаго человѣка" (ib.), и отсюда большое вниманіе къ вопросу о разумномъ и ложномъ воспитаніи, своеобразная его постановка въ главахъ о Тентетниковѣ и Костанжогло.

Если въ первой части поэмы центральной фигурой былъ Чичиковъ, то во второй онъ все болѣе отодвигается на задній планъ. Въ характерѣ его выдвигаются новыя черты, постепенно подготовляющія читателя къ нравственному возрожденію „пріобрѣтателя" и „подлеца" въ третьемъ томѣ: Чичиковъ хочетъ сдѣлаться и дѣлается настоящимъ помѣщикомъ, все болѣе увлекается деревенскою жизнью и раціональнымъ, во вкусѣ Костанжогло, хозяйствомъ. Во второмъ томѣ Чичиковъ, „уступая побочнымъ тенденціознымъ цѣлямъ автора, отодвигается уже на менѣе видный планъ, а вмѣстѣ съ нимъ — и мертвыя души, которыя являются здѣсь на сцену значительно рѣже. Въ противоположность первому тому, гдѣ Чичиковъ постоянно находится въ дорогѣ, а жизнь помѣщиковъ и чиновниковъ изображена ровно настолько, насколько она раскрывалась наблюдательному взору героя, во второмъ — авторъ гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе вводитъ насъ въ сферу внут-

[1] Шенрокъ, Матеріалы, Къ вопросу о второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ", IV, 877.

ренней жизни каждаго новаго лица, описывая, независимо отъ впечатлѣній героя, предшествующую жизнь помѣщиковъ, ихъ привычки и знакомства. Мѣсто дѣловыхъ разговоровъ о мертвыхъ душахъ заступаютъ здѣсь простыя застольныя бесѣды, очень живыя и любопытныя, но уже не всегда имѣющія прямое отношеніе къ основной темѣ произведенія. Кромѣ того, вообще говоря, во второмъ томѣ уже не столько изображаются измѣнчивыя дорожныя впечатлѣнія, сколько мирныя и опредѣленныя картины деревенской жизни, выступающія здѣсь впервые на самый видный планъ, тогда какъ въ первомъ томѣ преимущественно описываются или дорога, или торгъ мертвыми душами, или же городъ и его чиновники, его мужское и дамское общество" (ib., стр. 880). Теперь Гоголь „съ особенной охотой останавливается на ландшафтныхъ изображеніяхъ, часто оставляя ради этихъ картинъ героевъ повѣсти" (881). Въ самомъ развитіи разсказа случайности играютъ бо̀льшую роль, чѣмъ въ первомъ томѣ, и „каждая поѣздка Чичикова раскрываетъ передъ читателемъ взаимныя отношенія нѣсколькихъ лицъ, вводя его постоянно въ новую небольшую группу помѣщиковъ, связанныхъ между собою знакомствомъ, родствомъ или дружбой; дальнѣйшій путь обыкновенно обусловливается какой-нибудь случайной встрѣчей или неожиданнымъ поводомъ въ разговорѣ къ новой поѣздкѣ" (886).

Въ самой компоновкѣ разсказа есть антихудожественныя симметрія и нарочитость, не говоря уже о несимпатичныхъ обличительныхъ выпадахъ противъ Бѣлинскаго, Грановскаго и, повидимому, петрашевцевъ. Пошлымъ типамъ перваго тома противопоставляются опустившіеся, но далеко не лишенные хорошихъ свойствъ и все же имъ родственные типы второго (Тентетниковъ — Маниловъ, Платонъ Платоновъ — Мижуевъ, Пѣтухъ — Собакевичъ, Хлобуевъ — Ноздревъ); еще рѣзче противопоставленіе отрицательныхъ и положительныхъ типовъ второго тома. Чѣмъ дальше къ концу сохранившихся его отрывковъ, тѣмъ безжизненнѣе и противорѣчивѣе идеальныя лица, и Гоголь могъ создать такую „наглядную несообразность", какъ „добродѣтельный откупщикъ" Муразовъ, идеализировать „загребистую лапу" и умѣніе извлекать деньги „изъ всякой дряни" Костанжогло. Уже въ Пѣтухѣ есть карикатурныя черты, Кошкаревъ же вышелъ совсѣмъ грубымъ шаржемъ [1].

---

[1] См. статьи Писемскаго въ „Отеч. Запискахъ". 1855, октябрь, стр. 57—76, и Милко ib., 1856, іюнь, Шепрокъ, l. c.

По словамъ Мизко, принятый на себя Гоголемъ „подвигъ остался неисполненнымъ... Передъ нами теперь только печальный слѣдъ того прекраснаго начала, которое мы нѣкогда привѣтствовали, какъ свѣтлую зарю, предвѣщающую блистательный востокъ великаго національнаго дѣла. Цѣль Гоголя — пробудить въ послѣднемъ томѣ „М. Д." самосознаніе, и это ему не удалось" [1]. Но Тентетниковъ, Пѣтухъ и Бетрищевъ, даже безъ окончательной творческой обработки, — большой и цѣнный вкладъ въ галлерею нашихъ національныхъ типовъ.

II.

Повѣсти Гоголя.

Вмѣстѣ съ „Записками сумасшедшаго" и „Невскимъ проспектомъ", „Носъ" и „Шинель" могутъ быть выдѣлены въ особую группу „петербургскихъ повѣстей" Гоголя.

Какъ нервно-отзывчивый художникъ, Гоголь живо реагировалъ на новыя впечатлѣнія петербургской жизни, ея „необыкновенную тишину" и призрачную суматоху. Малороссія съ ея красочными тонами и сценами все болѣе блекла въ его творческомъ воображеніи, отступала на второй планъ, вытѣсняемая Попрыщиными и Башмачкиными, Пироговыми и Ковалевыми, чиновничьимъ городомъ, въ которомъ „душу живу" выѣла мертвящая канцелярщина, пошлая бюрократическая и военная среда.

Съ чиновничьимъ міромъ сблизила великаго писателя его кратковременная служба въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и удѣловъ. Можетъ быть, въ извѣстномъ патетическомъ мѣстѣ „Шинели" о молодомъ чиновникѣ, ужаснувшемся словъ Акакія Акакіевича: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?" отразилось личное воспоминаніе Гоголя.

„И что то странное заключалось въ словахъ и въ голосѣ, съ какимъ они были произнесены. Въ немъ слышалось что то такое, преклоняющее на жалость, что одинъ молодой человѣкъ, недавно опредѣлившійся, который, по примѣру другихъ, позволилъ было себѣ посмѣяться надъ нимъ, вдругъ остановился, какъ будто пронзенный, и съ тѣхъ поръ какъ будто все перемѣни-

---

[1] Ib., стр. 53.

лось передъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ. Какая то неестественная сила оттолкнула его отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за приличныхъ, свѣтскихъ людей. И долго потомъ, среди самыхъ веселыхъ минутъ, представлялся ему низенькій чиновникъ съ лысинкою на лбу, съ своими проникающими словами: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?“ И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: „Я братъ твой“. И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ, и много разъ содрагался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и — Боже! — даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ...“ Не одна „свирѣпая грубость“ въ чиновничьихъ нравахъ испугала „бѣднаго молодого человѣка“, если онъ дѣйствительно сдѣлался потомъ авторомъ „Шинели“: остро почувствовалъ онъ ужасъ обращенія человѣка въ пишущую машину, его полное обезличеніе канцеляріей, удручающее умственное и нравственное убожество всего этого міра, задавившаго тяжестью своихъ рапортовъ, донесеній и отношеній какъ душу отдѣльнаго человѣка, такъ и жизнь цѣлаго народа...

Незначительный случай, впитывая въ себя залегшія въ глубину души писателя наблюденія и впечатлѣнія, вырасталъ подъ его перомъ въ потрясающую картину человѣческой пошлости, озаренную „горькимъ смѣхомъ“.

Въ этомъ отношеніи очень важенъ разсказъ Анненкова [1] о происхожденіи „Записокъ сумасшедшаго“ и „Шинели“.

„Въ числѣ гостей былъ у него (Гоголя) пожилой человѣкъ, разсказывавшій о привычкахъ сумасшедшихъ, строгой, почти логической послѣдовательности, замѣчаемой въ развитіи нелѣпыхъ ихъ идей. Гоголь подсѣлъ къ нему, внимательно слушалъ его повѣствованіе... Большая часть матеріаловъ, собранныхъ изъ разсказовъ пожилого человѣка, употреблены были Гоголемъ потомъ въ „Зап. сумасшедшаго“.

Лѣчившій Гоголя докторъ Тарасенковъ [2] завелъ съ нимъ какъ то разговоръ о „Запискахъ сумасшедшаго“. „Разсказавъ, что я постоянно наблюдаю психопатовъ и даже имѣю ихъ подлинныя записки, я пожелалъ отъ него узнать, не читалъ ли онъ подобныхъ записокъ прежде, нежели написалъ это сочиненіе. Онъ отвѣчалъ:

---

[1] Восп. и критич. очерки, I, 185, 189.
[2] „Послѣдніе дни жизни Н. В. Гоголя“, М. 1902, стр. 11.

„читалъ, но послѣ". — „Да какъ же вы такъ вѣрно приблизились къ естественности?" спросилъ я его. „Это легко: стоитъ представить себѣ"...

Въ описаніи сумасшествія Попрышина живость творческаго представленія (по чужимъ разсказамъ) помогла обойтись безъ непосредственныхъ наблюденій, но они, и только одни они создали весь соціально-психологическій фонъ повѣсти.

Такъ возникла и „Шинель".

По словамъ Анненкова, „однажды при Гоголѣ разсказанъ былъ канцелярскій анекдотъ о какомъ то бѣдномъ чиновникѣ, страстномъ охотникѣ за птицей, который необычайной экономіей и неутомимыми, усиленными трудами сверхъ должности накопилъ сумму, достаточную на покупку лепажевскаго ружья рублей въ 200 (асс.). Въ первый разъ, какъ на маленькой своей лодочкѣ пустился онъ по Финскому заливу—за добычей, положивъ драгоцѣнное ружье передъ собою на носъ, онъ находился, по его собственному увѣренію, въ какомъ то самозабвеніи и пришелъ въ себя только тогда, какъ, взглянувъ на носъ, не увидалъ своей обновки. Ружье было стянуто въ воду густымъ тростникомъ, черезъ который онъ гдѣ то проѣзжалъ, и всѣ усилія отыскать его были тщетны. Чиновникъ возвратился домой, легъ въ постель и уже не вставалъ: онъ схватилъ горячку. Только общей подпиской его товарищей, узнавшихъ о происшествіи и купившихъ ему новое ружье, возвращенъ онъ былъ къ жизни, но о страшномъ событіи онъ уже не могъ никогда вспоминать безъ смертельной блѣдности въ лицѣ...

Всѣ смѣялись анекдоту, имѣвшему въ основаніи истинное происшествіе, исключая Гоголя, который выслушалъ его задумчиво и опустилъ голову. Анекдотъ былъ первой мыслію чудной повѣсти его „Шинель", и она заронилась въ душу его въ тотъ же самый вечеръ".

На „канцелярскій анекдотъ" наслоились канцелярскія воспоминанія и впечатлѣнія, которыя дали въ результатѣ одно изъ лучшихъ, наиболѣе глубокихъ по своему общественному смыслу и выдержанныхъ въ своихъ творческихъ пріемахъ произведеній великаго сердцевѣдца...

Бѣлинскій назвалъ „Шинель" „произведеніемъ, отличающимся глубиною идеи и чувства, зрѣлостію художественнаго рѣзца" [1].

Въ ней и гуманный, глубоко демократическій при-

[1] Соч., М., 1860, VII, 221.

зывъ, проникновенная „защита меньшаго брата“, представлявшая большую общественную цѣнность, и протестъ противъ жестокой грубости чиновничьихъ нравовъ, и „свѣтлый“ смѣхъ надъ распадомъ человѣческой души. Со „Станціоннаго смотрителя“ Пушкина и „Шинели“ Гоголя начинается типичная для нашей литературы защита „смиренныхъ“, „униженныхъ и оскорбленныхъ“ людей, на которыхъ потомъ спеціализируется Достоевскій. Наивный и „тупой“ Макаръ Дѣвушкинъ „Бѣдныхъ людей“ увидитъ въ „Станціонномъ смотрителѣ“ свою жизнь, „какъ по пальцамъ разложенную“: „читаешь, словно самъ написалъ, точно это, примѣрно говоря, мое собственное сердце, какое ужъ тамъ ни есть, взялъ его, людямъ выворотилъ изнанкой, да и описалъ все подробно“.

„Шинель“ для него „пашквиль“ и „неправдоподобная“, „злонамѣренная книжка“ — потому что отъ ея смѣха повѣяло на него холодомъ безжалостнаго обнаженія измельчавшей души и заглохшей жизни, даже издѣвательствомъ, потому что ея гуманное чувство было облечено въ болѣе сложную форму. Но этотъ приговоръ слишкомъ мелокъ и субъективенъ.

„Въ разсказѣ Гоголя сила обличенія значительно уступаетъ силѣ мягкаго жалостливаго чувства. Авторъ заставляетъ насъ прожить вмѣстѣ съ Акакіемъ Акакіевичемъ всѣ замѣчательныя минуты его жизни... Смѣшонъ онъ во всѣхъ... положеніяхъ, но, читая повѣсть, ни какъ нельзя подавить въ себѣ слезъ, и ни къ одному изъ произведеній Гоголя не подходитъ такъ извѣстное выраженіе: „смѣхъ сквозь слезы“ въ прямомъ, не переносномъ смыслѣ, какъ къ „Шинели“... Грустно и тяжело стало и автору отъ собственной иронiи, и въ концѣ повѣсти онъ смѣнилъ ее на столь имъ любимую элегію... Можетъ быть, для удовлетворенія нравственнаго чувства было къ этой повѣсти присочинено и странное фантастическое окончаніе, въ которомъ разсказываютъ, какъ Акакій Акакіевичъ, уже мертвый, содралъ, въ отместку, шубу съ плеча того самаго значительнаго лица, которое такъ любило кричать на подчиненныхъ. Послѣ встрѣчи съ мертвецомъ генералъ сталъ кричать рѣже. Это фантастическое окончаніе, къ повѣсти произвольно приставленное, написано Гоголемъ чрезвычайно умѣло, совсѣмъ въ иномъ тонѣ, чѣмъ его прежніе фантастическіе разсказы. Къ фантастическому въ „Шинели“ примѣшано столько юмора, насмѣшки и смѣха, столько сдѣлано въ немъ намековъ на возможное правдоподобное объясненіе всей чепухи, которая творится съ шинелями

въ Петербургѣ у Калинкина моста, что фантастическое совершенно затеривается въ юмористическомъ и утрачиваетъ свой романтическій характеръ. Авторъ пользуется этимъ чудеснымъ лишь въ интересахъ маленькихъ жанровыхъ сценокъ, какими онъ заканчиваетъ свою повѣсть. Такъ силенъ былъ писатель, какъ художникъ, когда, покидая старую манеру, давалъ полный ходъ своему таланту наблюдателя и юмориста" [1].

Для Бѣлинскаго [2] „Носъ" — „арабескъ, небрежно набросанный карандашемъ великаго мастера", „Коляска" — „мастерской юмористическій очеркъ, въ которомъ больше поэтической жизни и истины, чѣмъ во многихъ пудахъ романовъ многихъ нашихъ романистовъ".

По словамъ г. Котляревскаго [3], „шутками можно назвать и „Коляску", и „Носъ" — два коротенькихъ разсказа, въ которыхъ авторъ далъ полную волю своему остроумію; въ этихъ повѣстяхъ или, вѣрнѣе, анекдотахъ странно было бы доискиваться какой-нибудь идеи, но, при всей незначительности содержанія, эти шутки — въ литературномъ смыслѣ явленіе замѣчательное, именно въ виду реальной обрисовки нѣкоторыхъ типовъ и сценъ, хотя бы самыхъ незатѣйливыхъ. Цирюльникъ Иванъ Яковлевичъ и майоръ Ковалевъ, носъ котораго позволилъ себѣ такую непристойную выходку, — люди живые, несмотря на всю чепуху, которая съ ними творится. Но рядомъ съ этой необъяснимой чепухой имъ приходится быть свидѣтелями и небезынтересныхъ житейскихъ явленій. Такова, напр., сцена въ газетной экспедиціи, гдѣ печатались объявленія о томъ, „что отпускается въ услуженіе кучеръ трезваго поведенія, малоподержанная коляска, вывезенная въ 1814 году изъ Парижа, и дворовая дѣвка 19-ти лѣтъ, упражнявшаяся въ прачечномъ дѣлѣ, годная и для другихъ работъ"... Такова сцена у частнаго пристава; наконецъ, описаніе той сенсаціи, какую произвелъ сбѣжавшій и прогуливающійся носъ въ столицѣ, — сенсаціи, охватившей всѣ круги общества... Такіе тонкіе сатирическіе штрихи — впрочемъ, очень безобидные — попадаются и въ „Колескѣ". Взять хотя бы типъ главнаго виновника этого смѣшного инцидента — помѣщика, который давалъ

---

[1] Котляревскій, Гоголь, стр. 319—322.
[2] Бѣлинскій. VII, 220—221.
[3] Іb., стр. 215.

прекрасные обѣды дворянству, на которыхъ объявлялъ, что если его выберутъ предводителемъ, то онъ поставитъ дворянъ на самую лучшую ногу, который затѣмъ употребилъ приданое жены на шестерку отличныхъ лошадей, вызолоченные замки къ дверямъ, ручную обезьяну для дома и француза-дворецкаго... Вообще, въ этихъ шуткахъ Гоголя читатель могъ наткнуться совсѣмъ неожиданно на проблески общественной сатиры".

Капризъ генія, „арабескъ", за которымъ стоитъ стремленіе къ свободной музѣ фантазіи, „выворачиванію дѣйствительности на-изнанку" — своеобразный сюжетъ разсказа „Носъ" далъ возможность Гоголю проникнуть въ самую глубину мелкой души „майора Ковалева", жизни маленькаго петербургскаго ремесленника и смѣхомъ смягчилъ подавляющее впечатлѣніе, вызванное „пошлостью пошлаго человѣка". Еслибы фантастикѣ „Носа" не былъ приданъ такой реалистически-объективный характеръ, то можно было бы принять взглядъ г. Мочульскаго [1], что эта повѣсть — „тонкій психологическій этюдъ", въ которомъ былъ затронутъ тогда еще мало изученный вопросъ о раздвоеніи личности. Судя по теперешнему тексту разсказа въ его полномъ объемѣ, Гоголь не ставилъ себѣ этой цѣли.

Отрывокъ изъ повѣсти „Римъ" рѣзко выдѣляется изъ ряда другихъ повѣстей Гоголя и содержаніемъ, и тономъ, въ которомъ съ особенною силою опять зазвучали романтическія, „лирическія" ноты. Въ ней ярко отразились тѣ настроенія, которыя охватили великаго писателя въ концѣ 30-хъ годовъ.

Измученный перипетіями, съ которыми связана была постановка на сцену „Ревизора", Гоголь искалъ нравственнаго отдыха въ Италіи и особенно въ Римѣ, и поддался сильному ихъ вліянію, которое выразилось въ „отвращеніи къ европейской цивилизаціи, наклонности къ художническому уединенію, сосредоточенности мысли, поискѣ за крѣпкимъ основаніемъ, которое могло бы держать духъ въ напряженномъ довольствѣ однимъ самимъ собою" (Анненковъ, 200). „Подъ возрѣніе свое на Римъ Гоголь начиналъ подводить въ эту эпоху и свои сужденія, вообще, о предметахъ нравственнаго свойства, свой образъ мыслей и, наконецъ, жизнь свою... Взлелѣянный уединеніемъ Рима, онъ весь предался

[1] Малороссійскія и петербургскія повѣсти Гоголя, Одесса, 1902 стр. 13–14.

творчеству и пересталъ читать и заботиться о томъ, что дѣлается въ остальной Европѣ“ (ib., 200).

Въ данной Гоголемъ характеристикѣ Рима и римской жизни много субъективнаго и односторонняго.

Прекрасно, хотя, можетъ быть, нѣсколько рѣзко, эту сторону „Рима“ оттѣнилъ Стасовъ [1]:

„Какая чудесная картина, какія свѣркающія краски — и какая неправда и бѣдность содержанія! Тутъ не римскій молодой князь говоритъ, воротившійся изъ непонятой имъ Европы и кидающій любовные взгляды на заплѣсневѣвшій Римъ, — ни римлянъ, ни ихъ князей, ни ихъ молодежи вовсе и не зналъ Гоголь, вовсе и не подозрѣвалъ, какіе среди нихъ готовились бойцы 1848 года и освобождающейся отъ австрійцевъ и папы Италіи: нѣтъ, тутъ не было ничего римскаго, ни молодого. Тутъ были только взгляды пожилого, опустившагося Гоголя и взгляды окружавшихъ его русскихъ художниковъ. Какъ и Гоголь, они видѣли и искали въ Римѣ только живописность и внѣшнюю красивость, и все остальное — хоть трава не расти. И имъ тоже скучны были тогда и несносны всѣ эти „общественные толки и политическія мнѣнія“, и имъ тоже не было никакого дѣла „до камерныхъ преній и испанскихъ дѣлъ“. То ли дѣло было всею душою и мыслью только и интересоваться новооткрытою древнею статуею и достоинствомъ кисти великихъ мастеровъ! Пусть только грязный капуцинъ великолѣпно освѣтится упавшимъ на него лучомъ солнца, пусть картинна грязь улицъ, пусть живописны лохмотья и всклокоченныя головы, — и до людей, до ихъ жизни никакого дѣла не должно и быть! Картинность, живописность — что еще иное, высшее должно интересовать художниковъ, пропитанныхъ Рафаэлями и греками?“

Въ отрывкѣ повѣсти „Римъ“ есть все-таки прекрасныя жанровыя картинки, но, на ряду съ ними — и описанія, написанныя въ духѣ прежняго „бенгальскаго освѣщенія“.

„Въ этомъ смыслѣ „Римъ“ — запоздалое произведеніе, которое, вѣроятно, потому и не было окончено, что художникъ уже не могъ найти въ себѣ прежней силы, которая была нужна не для обрисовки бытовыхъ картинъ изъ римской жизни, а для выраженія того подъема эстетическаго и религіознаго чувства, какимъ самъ писатель былъ охваченъ, когда жилъ въ Италіи

[1] Гоголь и русскіе художники въ Римѣ, „Древняя и Новая Россія“, 1879, III. 529.

А именно этотъ то свой личный восторгъ передъ божественной красотой и намѣревался Гоголь излить въ своемъ „Римѣ“. Героемъ разсказа былъ не вымышленный князь, упоенный красотой вѣчнаго города и Аннунціаты, а сама эта красота, какъ она воплотилась въ природѣ, въ римскомъ народѣ, въ римской красавицѣ и во всѣхъ чудесахъ торжествующаго въ Римѣ искусства. Мы знаемъ, какъ Гоголь самъ былъ обвороженъ этой красотой, въ которой для него временно потонули всѣ и житейскіе и даже религіозные интересы“ [1].

Разсказъ обрывается на словахъ; „Боже! Какой видъ! Князь, объятый имъ, позабылъ и себя, и красоту Аннунціаты, и таинственную судьбу своего народа и все, что ни есть на свѣтѣ...“

„И въ этомъ созерцательномъ настроеніи покинулъ Гоголь своего князя. Все, даже чувство загоравшейся любви, умолкло передъ красотой, и эстетикъ впалъ въ оцѣпенѣніе передъ ликомъ своего Бога... Нельзя, конечно, поставить на счетъ Гоголя всѣ слова князя и все, что объ этомъ князѣ говорится. Гоголь дошелъ до Рима путемъ болѣе короткимъ, и въ Парижѣ не замѣшкался. Ему не нужно было разочаровываться въ политикѣ, которою онъ никогда очарованъ не былъ. Но во всемъ остальномъ мы узнаемъ въ князѣ нашего романтика, который грѣлся подъ итальянскимъ небомъ. Всепоглощающая любовь къ красотѣ, религіозное чувство, умиленіе передъ стариной, сантиментальный взглядъ на народную массу, преклоненіе передъ ослѣпительной красотою женщины и это утопаніе въ нѣжныхъ ощущеніяхъ чего то далекаго, неземного и безстрастнаго — все это намъ уже встрѣчалось и въ характерѣ, и въ мысляхъ, и въ словахъ нашего писателя. Въ Италіи всѣ эти романтическія чувства въ немъ оживились, онъ хотѣлъ одѣть ихъ въ плоть и кровь въ своемъ „Римѣ“... но сила художника ему измѣнила, и повѣсть осталась неоконченной“ [2].

---

[1] Котляревскій, 310.
[2] Ib., стр. 314.

Похожденія Чичикова

или

Мертвыя Души.

Поэма.

Томъ второй.

(Въ исправленной редакціи.)

Глава I.

Зачѣмъ же изображать бѣдность, да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? Что жъ дѣлать, если уже таковы свойства сочинителя и, заболѣвъ собственнымъ несовершенствомъ, уже и не можетъ изображать онъ ничего другого, какъ только бѣдность, да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? И вотъ опять попали мы въ глушь, опять наткнулись на закоулокъ. Зато какая глушь и какой закоулокъ!

Какъ бы исполинскій валъ какой то безконечной крѣпости, съ наугольниками и бойницами, шли, извиваясь, на тысячу слишкомъ верстъ горныя возвышенія. Великолѣпно возносились они надъ безконечными пространствами равнинъ, то отломами, известковато-глинистаго свойства, въ видѣ отвѣсныхъ стѣнъ, исчерченныхъ проточинами и рытвинами, то миловидно круглившеюся зеленою выпуклостью, покрытой, какъ мерлушками, молодымъ кустарникомъ, подымавшимся отъ срубленныхъ деревъ, то, наконецъ, темными гущами лѣса, какимъ то чудомъ еще уцѣлѣвшими отъ топора. Рѣка то, вѣрная своимъ берегамъ, давала вмѣстѣ съ ними колѣна и повороты, то отлучалась прочь въ луга, затѣмъ, чтобы, извившись тамъ въ нѣсколько извивовъ, блеснуть, какъ огонь, передъ солнцемъ, скрыться въ рощи березъ, осинъ и ольхъ и выбѣ-

жать оттуда въ торжествѣ, въ сопровожденьи мостовъ, мельницъ и плотинъ, какъ бы гонявшихся за нею на всякомъ поворотѣ.

Въ одномъ мѣстѣ крутой бокъ возвышенiй убирался гуще въ зеленыя кудри деревъ. Искусственнымъ насажденьемъ, благодаря неровности гористаго оврага, сѣверъ и югъ растительнаго царства собрались сюда вмѣстѣ. Дубъ, ель, лѣсная груша, кленъ, вишнякъ и терновникъ, чилига и рябина, опутанная хмелемъ, то помогая другъ (другу) въ ростѣ, то заглушая другъ друга, карабкались по всей горѣ, отъ низу до верху. Вверху же, у самаго ея темени, примѣшивались къ ихъ зеленымъ верхушкамъ красныя крышки господскихъ строенiй, коньки и гребни сзади скрывшихся избъ, верхняя надстройка господскаго дома съ рѣзнымъ балкономъ и большимъ полукруглымъ окномъ. И надъ всѣмъ этимъ собраньемъ деревъ и крышъ возносилась свыше всего своими пятью позлащенными, играющими верхушками старинная деревянная церковь. На всѣхъ ея главахъ стояли золотые прорѣзные кресты, утвержденные золотыми прорѣзными же цѣпями, такъ что издали, казалось, висѣло на воздухѣ ничѣмъ неподдержанное, сверкавшее горячими червонцами золото. И все это, въ опрокинутомъ видѣ, верхушками, крышками, крестами внизъ, миловидно отражалось въ рѣкѣ, гдѣ безобразно-дуплистыя ивы, однѣ стоя у береговъ, другiя совсѣмъ въ водѣ, опустивши туда и вѣтви, и листья, опутанныя склизкой бодягой [1], плававшей по водѣ вмѣстѣ съ желтыми кувшинчиками, точно какъ (бы) разсматривали это чудное изображенiе.

Видъ былъ очень хорошъ, но видъ сверху внизъ, съ надстройки дома на отдаленья, былъ еще лучше. Равнодушно не могъ выстоять на

[1] Водоросли (Spongia fluviatilis).

балконѣ никакой гость и посѣтитель. Отъ изумленья у него захватывало въ груди духъ, и онъ только вскрикивалъ: „Господи, какъ здѣсь просторно!“ Безъ конца, безъ предѣловъ открывались пространства: за лугами, усѣянными рощами и водяными мельницами, въ нѣсколько зеленыхъ поясовъ, зеленѣли лѣса; за лѣсами, сквозь воздухъ, уже начинавшій становиться мглистымъ, желтѣли пески, и вновь лѣса, уже синѣвшіе, какъ моря или туманъ, далеко разливавшійся; и вновь пески, еще блѣднѣй, но все желтѣвшіе. На отдаленномъ небосклонѣ лежали гребнемъ мѣловыя горы, блиставшія бѣлизною даже и въ ненастное время, какъ бы освѣщало ихъ вѣчное солнце. По ослѣпительной бѣлизнѣ ихъ, у подошвъ, мѣстами гипсовыхъ, мелькали какъ бы дымившіяся туманносизыя пятна. Это были отдаленныя деревни; но ихъ уже не могъ разсмотрѣть человѣческій глазъ. Только вспыхивавшая при солнечномъ освѣщеніи искра золотой церковной маковки давала знать, что это было людное большое селенье. Все это облечено было въ тишину невозмущаемую, которую не пробуждали даже чуть долетавшіе до слуха отголоски воздушныхъ пѣвцовъ, пропадавшіе въ пространствахъ. Словомъ — гость, стоявшій на балконѣ, и послѣ какого-нибудь двухчасоваго созерцанія ничего другого не могъ выговорить, какъ только: „Господи, какъ здѣсь просторно!“

Кто жъ былъ жилецъ и владѣтель этой деревни, къ которой, какъ къ неприступной крѣпости, нельзя было и подъѣхать отсюда, а нужно было подъѣзжать съ другой стороны, гдѣ вразсыпку дубы встрѣчали привѣтливо подъѣзжавшаго гостя, распростирая развѣсистыя вѣтви, какъ дружескія объятья, и провожая его къ лицу того самаго дома, котораго верхушку видѣли мы сзади и который стоялъ теперь весь налицо, имѣя по одну сторону рядъ избъ, выказывавшихъ коньки и рѣзные греб-

ни, а по другую — церковь, блиставшую золотомъ крестовъ и золотыми прорѣзными узорами висѣвшихъ въ воздухѣ цѣпей. Какому счастливцу принадлежалъ этотъ закоулокъ?

Помѣщику Тремалаханскаго уѣзда, Андрею Ивановичу Тѣнтѣтникову, молодому тридцатитрехлѣтнему счастливцу и притомъ еще и неженатому человѣку.

Кто жъ онъ, что жъ онъ, какихъ качествъ, какихъ свойствъ человѣкъ? У сосѣдей, читательницы, у сосѣдей слѣдуетъ разспросить. Сосѣдъ, принадлежавшій къ фамиліи ловкихъ, уже нынѣ вовсе исчезающихъ, отставныхъ штабъ-офицеровъ-бранде-ровъ, изъяснялся о немъ выраженьемъ: „Естественнѣйшій скотина!“ Генералъ, проживавшій въ десяти верстахъ, говорилъ: „Молодой человѣкъ неглупый, но много забралъ себѣ въ голову. Я бы могъ быть ему полезнымъ, потому что у меня не безъ связей и въ Петербургѣ, и даже при...“ — генералъ рѣчи не оканчивалъ. Капитанъ-исправникъ давалъ такой оборотъ отвѣту: „А вотъ я завтра же къ нему за недоимкой!“ Мужикъ его деревни на вопросъ о томъ, какой у нихъ баринъ, ничего не отвѣчалъ. Стало быть, мнѣнье о немъ было неблагопріятное.

Безпристрастно же сказать — онъ не былъ дурной человѣкъ, онъ, просто, коптитель неба. Такъ какъ уже не мало есть на бѣломъ свѣтѣ людей, которые коптятъ небо, то почему жъ и Тѣнтѣтникову не коптить его? Впрочемъ, вотъ на выдержку день изъ его жизни, совершенно похожій на всѣ другіе, и пусть изъ него судитъ читатель самъ, какой у него былъ характеръ, и какъ его жизнь соотвѣтствовала окружавшимъ его красотамъ.

Поутру просыпался онъ очень поздно и, приподнявшись, долго сидѣлъ на своей кровати, протирая глаза. И такъ какъ глаза на бѣду были малень-

кіе, то протиранье ихъ производилось необыкновенно долго, и во все это время у дверей стоялъ человѣкъ Михайло, съ рукомойникомъ и полотенцемъ. Стоялъ этотъ бѣдный Михайло часъ, другой, отправлялся потомъ на кухню, потомъ вновь приходилъ, — баринъ все еще протиралъ глаза и сидѣлъ на кровати. Наконецъ, подымался онъ съ постели, умывался, надѣвалъ халатъ и выходилъ въ гостиную затѣмъ, чтобы пить чай, кофей, какао и даже парное молоко, всего прихлебывая понемногу, накрошивая хлѣба безжалостно и насоривая повсюду трубочной золы безсовѣстно. И два часа просиживалъ онъ за чаемъ. И этого мало: онъ бралъ еще холодную чашку и съ ней подвигался къ окну, обращенному на дворъ; у окна же происходила всякій день слѣдующая сцена.

Прежде всего ревѣлъ Григорій, дворовый человѣкъ въ качествѣ буфетчика, относившійся къ домоводкѣ Перфильевнѣ почти въ сихъ выраженіяхъ.

— Душонка ты возмутительная, ничтожность этакая! Тебѣ бы, гнусной, молчать!

— А не хочешь ли вотъ этого? — выкрикивала ничтожность, или Перфильевна, показывая кукишь, — баба, жесткая въ поступкахъ, несмотря на то, что охотница была до изюму, пастилы и всякихъ сластей, бывшихъ у нея подъ замкомъ.

— Вѣдь ты и съ приказчикомъ сцѣпишься, мелочь ты анбарная! — ревѣлъ Григорій.

— Да и приказчикъ воръ такой же, какъ и ты. Думаешь, баринъ не знаетъ васъ? вѣдь онъ здѣсь, вѣдь онъ все слышитъ.

— Гдѣ баринъ?

— Да, вотъ онъ сидитъ у окна; онъ все видитъ.

И точно, баринъ сидѣлъ у окна и все видѣлъ.

Къ довершенью содома, кричалъ-кричмя дворо-

вый ребятишка, получившій отъ матери затрещину, визжалъ борзой кобель, присѣвъ задомъ къ землѣ, по поводу горячаго кипятка, которымъ обкатилъ его, выглянувши изъ кухни, поваръ. Словомъ, все голосило и верещало невыносимо. Баринъ все видѣлъ и слышалъ. И только тогда, когда это дѣлалось до такой степени несносно, что мѣшало даже ничѣмъ не заниматься, высылалъ онъ сказать, чтобы шумѣли потише.

За два часа до обѣда уходилъ онъ къ себѣ въ кабинетъ затѣмъ, чтобы заняться серьезно сочиненіемъ, долженствовавшимъ обнять всю Россію со всѣхъ точекъ — съ гражданской, политической, религіозной, философической, разрѣшить затруднительные задачи и вопросы, заданные ей временемъ и опредѣлить ясно ея великую будущность; словомъ — все такъ и въ томъ видѣ, какъ любитъ задавать себѣ современный человѣкъ. Впрочемъ, колоссальное предпріятіе больше ограничивалось однимъ обдумываніемъ: изгрызалось перо, являлись на бумагѣ рисунки, и потомъ все это отодвигалось на сторону, бралась намѣсто того въ руки книга и уже не выпускалась до самаго обѣда. Книга эта читалась вмѣстѣ съ супомъ, соусомъ, жаркимъ и даже съ пирожнымъ, такъ что иныя блюда оттого стыли, а другія принимались вовсе нетронутыми. Затѣмъ слѣдовала трубка съ кофіемъ, игра въ шахматы съ самимъ собой. Что же дѣлалось потомъ до самаго ужина — право, и сказать трудно. Кажется, просто ничего не дѣлалось.

И этакъ проводилъ время, одинъ-одинёшенекъ въ цѣломъ (мірѣ), молодой тридцати-трехлѣтній человѣкъ, сидень-сиднемъ, въ халатѣ и безъ галстука. Ему не гулялось, не ходилось, не хотѣлось даже подняться вверхъ, не хотѣлось даже растворять окна затѣмъ, чтобы забрать свѣжаго воздуха въ комнату, и прекрасный видъ деревни,

которымъ не могъ равнодушно любоваться никакой посѣтитель, точно не существовалъ для самого хозяина. Изъ этого можетъ читатель видѣть, что Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ принадлежалъ къ семейству тѣхъ людей, которые на Руси не переводятся, которымъ прежде имена были: увальни, лежебоки, байбаки и которыхъ теперь, право, не знаю, какъ назвать. Родятся ли уже такіе характеры, или потомъ образуются, какъ порожденіе печальныхъ обстоятельствъ, сурово обстанавливающихъ человѣка? Вмѣсто отвѣта на это, лучше разсказать исторію его воспитанья и дѣтства.

Казалось, все клонилось къ тому, чтобы вышло изъ него что то путное. Двѣнадцатилѣтній мальчикъ, остроумный, полузадумчиваго свойства, полуболѣзненный, попалъ онъ въ учебное заведеніе, котораго начальникомъ на ту пору былъ человѣкъ необыкновенный. Идолъ юношей, диво воспитателей, несравненный Александръ Петровичъ одаренъ былъ чутьемъ слышать...[1]. Какъ зналъ онъ свойства русскаго человѣка! Какъ зналъ онъ дѣтей! Какъ умѣлъ двигать! Не было шалуна, который, сдѣлавши шалость, не пришелъ бы къ нему самъ и не повинился во всемъ. Этого мало: онъ получалъ строгое... но шалунъ уходилъ отъ него, не повѣсивши носъ, но поднявъ его. И было что то ободряющее, что то говорившее: „Впередъ! Поднимайся скорѣе на ноги, не смотря, что ты упалъ“. Не было у него и рѣчи къ нимъ о хорошемъ поведеніи. Онъ обыкновенно говорилъ: „Я требую ума, а не чего-либо другого. Кто помышляетъ о томъ, чтобы быть умнымъ, тому некогда шалить: шалость должна исчезнуть сама собою“. И точно, шалости исчезали сами собою. Презрѣнью товарищей подвергался тотъ, кто не стремился быть... Обиднѣйшія прозвища должны были переносить

[1] Неразобранныя слова

взрослые ослы и дураки отъ самыхъ малолѣтнихъ и не смѣли ихъ тронуть пальцемъ.

— Это ужъ слишкомъ! — говорили многіе, — умники выйдутъ люди заносчивые.

— Нѣтъ, это не слишкомъ, — говорилъ (онъ): — неспособныхъ я не держу долго; съ нихъ довольно одного курса, а для умныхъ у меня другой курсъ [1].

И точно, всѣ способные выдерживали у него другой курсъ. Многихъ рѣзвостей онъ не удерживалъ, видя въ нихъ начало развитія свойствъ душевныхъ и говоря, что онѣ ему нужны, какъ сыпи врачу — затѣмъ, чтобы узнать достовѣрно, что именно заключено внутри человѣка.

Какъ любили его всѣ мальчики! Нѣтъ, никогда не бываетъ такой привязанности у дѣтей къ своимъ родителямъ. Нѣтъ, ни даже въ безумные годы безумныхъ увлеченій не бываетъ такъ сильна неугасимая страсть, какъ сильна была любовь къ нему. До гроба, до позднихъ дней благодарный воспитанникъ, поднявъ бокалъ въ день рожденія своего чуднаго воспитателя, уже давно бывшаго въ могилѣ... закрывалъ глаза и лилъ слезы по немъ. Его малѣйшее ободренье уже бросало въ дрожь и въ радостный трепетъ и толкало часто-

---

[1] Первоначально характеристика воспитанія Тентетникова имѣла у Гоголя такой видъ: „Родятся ли уже сами собою такіе характеры или дѣлаются потомъ, — какъ отвѣчать на это? Вотъ лучше вмѣсто того исторія его воспитанія и дѣтства, и пусть читатель выводитъ. Директоромъ училища, въ которое попалъ онъ, былъ человѣкъ необыкновенный. Александръ Петровичъ имѣлъ чутье слышать природу человѣка. Не было шалуна, который, сдѣлавши шалость, не пришелъ къ нему самъ и не повинился во всемъ. Этого мало. Шалунъ уходилъ отъ него, не повѣсивши носъ, но поднявъ его, съ бодрымъ желаніемъ загладить поступокъ. Въ самомъ упрекѣ Александра Петровича было что (то) ободряющее; честолюбіе онъ называлъ силою, толкающею впередъ способности человѣка, и потому особенно старался возбудить. О поведеніи у Александра Петровича не бывало и рѣчи. Онъ обыкновенно говорилъ: „Я требую ума, а не чего-либо другого. Кто помышляетъ о томъ, чтобы быть умнымъ, тому некогда шалить; шалость должна исчезнуть сама собою“. Его упрекали въ томъ, что онъ слишкомъ много далъ воли умникамъ, позволяя имъ насмѣхаться и даже оскорблять малоспособныхъ. На это онъ отвѣчалъ: „Что жъ дѣлать? Я пристрастенъ къ умникамъ, и хочу, чтобъ всѣ это видѣли“. Онъ считалъ также необходимымъ прежде всего...

любивое желанье всѣхъ превзойти. Малоспособныхъ онъ не держалъ долго: для нихъ у него былъ коротенькій курсъ; но способные должны были у него выдерживать двойное ученье. И послѣдній классъ, который былъ у него для однихъ избранныхъ, вовсе не походилъ на тѣ, какіе бываютъ въ другихъ заведеньяхъ. Тутъ только онъ требовалъ отъ воспитанника всего того, чего иные неблагоразумно [требуютъ] отъ дѣтей, — того высшаго ума, который умѣетъ не посмѣяться, но вынести всякую насмѣшку, спустить дураку и не раздражиться, и не выйти изъ себя, не мстить ни въ какомъ [случаѣ] и пребывать въ гордомъ покоѣ невозмущенной души; и все, что способно образовать изъ человѣка твердаго мужа, тутъ было употреблено въ дѣйствіе, и онъ самъ дѣлалъ съ ними безпрерывныя пробы. О, какъ онъ зналъ науку жизни!

Учителей у него не было много. Бóльшую часть наукъ читалъ онъ самъ. Безъ педантскихъ терминовъ, напыщенныхъ воззрѣній и взглядовъ, умѣлъ онъ передать самую душу науки, такъ что и малолѣтнему было видно, на что она ему нужна. Изъ наукъ были избраны только тѣ, которыя способны образовать изъ человѣка гражданина земли своей. Бóльшая часть лекцій состояла въ разсказахъ о томъ, что ожидаетъ юношу впереди, и весь горизонтъ его поприща умѣлъ онъ очертить такъ, что юноша, еще находясь на лавкѣ, мыслями и душой жилъ уже тамъ, на службѣ. Ничего не скрывалъ: всѣ огорченья и преграды, какія только воздвигаются человѣку на пути его, всѣ искушенья и соблазны, ему предстоящіе, собиралъ онъ предъ нимъ во всей наготѣ, не скрывая ничего. Все было ему извѣстно, точно, какъ бы перебылъ онъ самъ во всѣхъ званьяхъ и должностяхъ. Отъ того ли, что сильно уже развилось честолюбіе, отъ того ли, что въ самыхъ глазахъ необыкновеннаго наставника

было что то говорящее юношѣ: впередъ! это словцо, знакомое русскому человѣку, производящее такія чудеса надъ его чуткой природой, — но юноша съ самаго начала искалъ только трудностей, алча дѣйствовать только тамъ, гдѣ трудно, гдѣ больше препятствій, гдѣ нужно было показать бо̀льшую силу души. Немногіе выходили изъ этого курса, но зато были крѣпыши, были обкуренные порохомъ люди. Въ службѣ они удержались на самыхъ шаткихъ мѣстахъ, тогда какъ многіе, и умнѣйшіе ихъ, не вытерпѣвъ, изъ-за мелочныхъ непріятностей, бросили все или же, осовѣвъ, облѣнившись [1], очутились въ рукахъ взяточниковъ и плутовъ. Но они не пошатнулись и, зная и жизнь, и человѣка, и умудренные мудростію, возымѣли сильное вліяніе даже на дурныхъ людей.

Пылкое сердце честолюбиваго мальчишки долго билось при одной мысли о томъ, что онъ попадетъ, наконецъ, въ это отдѣленіе. Что, казалось, могло быть лучше этого воспитателя для нашего Тѣнтѣтникова! Но нужно же, чтобы въ то самое время, когда онъ переведенъ былъ въ этотъ курсъ избранныхъ, — чего такъ сильно желалъ, — необыкновенный наставникъ скоропостижно [умеръ]! О, какой былъ для него ударъ! какая страшная первая потеря! Ему казалась, какъ бы [2]... Все перемѣнилось въ училищѣ. На мѣсто Александра Петровича поступилъ какой то Ѳедоръ Ивановичъ.

---

[1] Послѣ этого зачеркнуто: „доступное для немногихъ избранныхъ. Но вдругъ необыкн...“ Въ „Полномъ собраніи сочиненій Гоголя“, вышедшемъ въ 1867 году, подъ редакціею Ѳ. В. Чижова, это мѣсто читается такъ: „Какъ поразилъ этотъ чудный наставникъ еще въ отрочествѣ Андрея Ивановича! Пылкое сердце честолюбиваго мальчика долго билось при одной мысли, что онъ попадаетъ на высшій курсъ, и шестнадцати лѣтъ Тентетниковъ, выпередивши своихъ сверстниковъ, былъ удостоенъ перевода въ этотъ высшій курсъ, какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ, и самъ тому не вѣрилъ“. Вводя въ текстъ „Мертвыхъ Душъ“ этотъ варіантъ, Чижовъ замѣчаетъ въ выноскѣ: „Отъ начала пункта до слова не вѣрилъ написано въ одной изъ записныхъ книжекъ Гоголя, послѣ того, какъ онъ набросалъ это мѣсто въ рукописи, въ разбивку, то внизу, то вверху, самымъ небрежнымъ образомъ“. *(Прим. Тихонравова.)*

[2] Фраза не кончена.

Налегъ онъ тотъ же часъ на какіе то внѣшніе порядки; сталъ требовать отъ дѣтей того, что можно требовать только отъ взрослыхъ. Въ свободной ихъ развязности почудилось ему что то необузданное. И точно какъ бы на зло своему предшественнику объявилъ съ перваго дня, что для него умъ и успѣхи ничего не значатъ, что онъ будетъ смотрѣть только на хорошее [поведеніе] [1]. Странно: хорошаго то поведенія и не добился Ѳедоръ Ивановичъ. Завелись шалости потаенныя. Все было въ струнку днемъ и шло попарно, а по ночамъ развелись кутежи.

Съ науками тоже случилось что то странное. Выписаны были новые преподаватели, съ новыми взглядами и новыми углами и точками воззрѣній. Забросали слушателей множествомъ новыхъ терминовъ и словъ; показали они въ своемъ изложеніи и логическую связь, и слѣдованіе за новыми открытіями, и горячку собственнаго увлеченія; но, увы! не было только жизни въ самой наукѣ [2]. Мертвечиной отозвалась въ устахъ ихъ мертвая наука. Однимъ словомъ, все пошло навыворотъ. Потерялось уваженье къ начальству и власти: стали насмѣхаться и надъ наставниками, и надъ препо-

---

[1] Въ текстѣ второй части „Мертвыхъ Душъ“, изданномъ Ѳ. В. Чижовымъ, это мѣсто имѣетъ такой видъ: „На мѣсто Александра Петровича поступилъ какой то Ѳедоръ Ивановичъ, человѣкъ добрый и старательный, но совершенно другого взгляда на вещи. Въ свободной развязности дѣтей перваго курса почудилось ему что то необузданное. Началъ онъ заводить между ними какіе то внѣшніе порядки, требовалъ, чтобы молодой народъ пребывалъ въ какой то безмолвной тишинѣ, чтобы ни въ какомъ случаѣ иначе всѣ не ходили, какъ попарно; началъ даже самъ аршиномъ размѣрять разстояніе отъ пары до пары. За столомъ, для лучшаго вида, разсадилъ всѣхъ по росту, а не по уму, такъ что осламъ доставались лучшіе куски, умнымъ оглодки. Все это произвело ропотъ, особенно, когда новый начальникъ, точно какъ наперекоръ своему предмѣстнику, объявилъ, что для него умъ и хорошіе успѣхи въ наукахъ ничего не значатъ, что онъ смотритъ только на поведеніе, что, если человѣкъ и плохо учится, но хорошо ведетъ себя, онъ предпочитаетъ его умнику. Но именно того то и не получилъ Ѳедоръ Ивановичъ, чего добивался“. — Къ этому варіанту, введенному въ текстъ, сдѣлано Чижовымъ такое примѣчаніе: „Мѣсто, отъ словъ: какой то Ѳедоръ Ивановичъ, до словъ: чего добивался, написалъ Гоголь въ своей записной книжкѣ“. *(Тихонравовъ.)*

[2] Въ этихъ словахъ видѣли намеки на Грановскаго.

давателями; директора стали называть Ѳедькой, булкой и другими разными именами. Развратъ завелся уже вовсе не дѣтскій: завелись такія дѣла, что нужно было многихъ выключить и выгнать. Въ два года узнать нельзя было заведенія.

Андрей Ивановичъ былъ нрава тихаго. Его не могли увлечь ни ночныя оргіи товарищей, которые обзавелись какой то дамой передъ самыми окнами директорской квартиры, ни кощунство ихъ надъ святыней изъ-за того только, что попался не весьма умный попъ. Нѣтъ, душа его и сквозь сонъ слышала небесное свое происхожденіе. Его не могли увлечь; но онъ повѣсилъ носъ. Честолюбіе уже было возбуждено, а дѣятельности и поприща ему не было. Лучше бъ было и не возбуждать его. Онъ слушалъ горячившихся на каѳедрахъ профессоровъ, а вспоминалъ прежняго наставника, который, не горячась, умѣлъ говорить понятно. Какихъ предметовъ и какихъ курсовъ онъ не слышалъ! Медицину, философію, и даже право, и всеобщую исторію человѣчества въ такомъ огромномъ видѣ, что профессоръ въ три года успѣлъ только прочесть введеніе, да развитіе общинъ какихъ то нѣмецкихъ городовъ, — и Богъ знаетъ, чего онъ не слушалъ![1] Но все это оставалось въ головѣ его какими то безобразными клочками. Благодаря природному уму, онъ слышалъ только, что не такъ должно преподаваться, а какъ — не зналъ. И вспоминалъ онъ часто объ Александрѣ Петровичѣ, и такъ ему бывало грустно, что не зналъ онъ, куда дѣться отъ тоски.

Но молодость счастлива тѣмъ, что у ней есть будущее. По мѣрѣ того, какъ приближалось время къ выпуску, сердце его билось. Онъ говорилъ себѣ: „Вѣдь это еще не жизнь; это только приготовленье къ жизни; настоящая жизнь на службѣ;

[1] Намеки на Грановскаго (отголоски мнѣній о немъ Шевырева и нѣкоторыхъ славянофиловъ).

тамъ подвиги". И, не взглянувши на прекрасный уголокъ, такъ поражавшій всякаго гостя-посѣтителя, не поклонившись праху своихъ родителей, по обычаю всѣхъ честолюбцевъ понесся онъ въ Петербургъ, куда, какъ извѣстно, стремится ото всѣхъ сторонъ Россіи наша пылкая молодежь — служить, блистать, выслуживаться или же просто схватывать вершки безцвѣтнаго, холоднаго, какъ ледъ, общественнаго обманчиваго образованья. Честолюбивое стремленіе Андрея Ивановича осадилъ, однакоже, съ самаго начала его дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ Онуфрій Ивановичъ. Онъ объявилъ, что главное дѣло въ хорошемъ почеркѣ, а не въ чемъ-либо другомъ, что безъ этого не попадешь ни въ министры, ни въ государственные люди. Съ большимъ трудомъ и съ помощью дядиныхъ протекцій, наконецъ, онъ опредѣлился въ какой то департаментъ. Когда ввели его въ великолѣпный свѣтлый залъ, съ паркетами и письменными лакированными столами, походившій на то, какъ бы засѣдали здѣсь первые вельможи государства, трактовавшіе о судьбѣ всего государства, и увидѣлъ онъ легіоны красивыхъ пишущихъ господъ, шумѣвшихъ перьями и склонившихъ голову на-бокъ, и посадили его самого за столъ, предложа тутъ же переписать какую то бумагу, какъ нарочно нѣсколько мелкаго содержанья (переписка шла о трехъ рубляхъ, производившаяся полгода) — необыкновенно странное чувство проникнуло неопытнаго юношу: сидѣвшіе вокругъ его господа показались ему такъ похожими на учениковъ! Къ довершенью сходства, иные изъ нихъ читали глупый пе[реводный] романъ, засунувъ его въ большіе листы разбираемаго дѣла, какъ бы занимались самымъ дѣломъ, и въ то же время вздрагивая при всякомъ появленіи начальника. Такъ это все ему показалось странно, такъ занятія прежнія значительнѣе нынѣшнихъ, пріуготовленіе къ службѣ

лучше самой службы! Ему стало жалко по школѣ. И вдругъ, какъ живой, предсталъ предъ нимъ Александръ Петровичъ — и чуть-чуть онъ не заплакалъ. Комната закружилась, перемѣшались чиновники и столы, и чуть удержался онъ отъ мгновеннаго потемнѣнья. „Нѣтъ“, подумалъ онъ въ себѣ, очнувшись: „примусь за дѣло, какъ бы оно ни казалось вначалѣ мелкимъ!“ Скрѣпясь духомъ и сердцемъ, рѣшился онъ служить по примѣру прочихъ.

Гдѣ не бываетъ наслажденій? Живутъ они и въ Петербургѣ, несмотря на суровую, сумрачную его наружность. Трещитъ по улицамъ сердитый, тридцатиградусный морозъ; взвизгиваетъ исчадье сѣвера, вѣдьма-вьюга, заметая тротуары, слѣпя глаза, пудря мѣховые воротники, усы людей и морды мохнатыхъ скотовъ, но привѣтливо, и сквозь летающіе перекрестно охлопья, свѣтитъ вверху окошко гдѣ-нибудь и въ четвертомъ этажѣ: въ уютной комнаткѣ, при скромныхъ стеариновыхъ свѣчкахъ, подъ шумокъ самовара, ведется согрѣвающій и сердце и душу разговоръ, читается свѣтлая страница вдохновеннаго русскаго поэта, какими наградилъ Богъ свою Россію, и такъ возвышенно-пылко трепещетъ молодое сердце юноши, какъ не водится и подъ полуденнымъ небомъ.

Скоро Тѣнтѣтниковъ свыкнулся съ службою, но только она сдѣлалась у него не первымъ дѣломъ и цѣлью, какъ онъ полагалъ было вначалѣ, но чѣмъ то вторымъ. Она служила ему распредѣленьемъ времени, заставивъ его болѣе дорожить остававшимися минутами. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, уже начиналъ было думать, что въ племянникѣ будетъ прокъ, какъ вдругъ племянникъ подгадилъ. Въ числѣ друзей Андрея Ивановича, которыхъ у него было довольно, попалось два человѣка, которые были то, что называется огорченные люди. Это были тѣ безпокойно-стран-

ные характеры, которые не могутъ переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется въ ихъ глазахъ несправедливостью. Добрые по началу, но безпорядочные сами въ своихъ дѣйствіяхъ, требуя къ себѣ снисхожденія и въ то же время исполненные нетерпимости къ другимъ, они подѣйствовали на него сильно и пылкой рѣчью, и образомъ благороднаго негодованья противъ общества. Они, разбудивши въ немъ нервы и духъ раздражительности, заставили замѣчать всѣ тѣ мелочи, на которыя онъ прежде и не думалъ обращать вниманіе. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Лѣницынъ, начальникъ одного изъ отдѣленій, помѣщавшихся въ великолѣпныхъ залахъ, вдругъ ему не понравился. Онъ сталъ отыскивать въ немъ бездну недостатковъ. Ему показалось, что Лѣницынъ, въ разговорахъ съ высшими, весь превращался въ какой то приторный сахаръ, и — въ уксусъ, когда обращался къ нему подчиненный; что будто, по примѣру всѣхъ мелкихъ людей, бралъ онъ на замѣчанье тѣхъ, которые не являлись къ нему съ поздравленьемъ въ праздники, мстилъ тѣмъ, которыхъ имена не находились у швейцара на листѣ; и, вслѣдствіе этого, онъ почувствовалъ къ нему отвращенье нервическое. Какой то злой духъ толкалъ его сдѣлать что-нибудь непріятное Ѳедору Ѳедоровичу. Онъ на то наискивался съ какимъ то особымъ наслажденіемъ и въ томъ успѣлъ. Разъ поговорилъ онъ съ нимъ до того крупно, что ему объявлено было отъ начальства — либо просить извиненія, либо выходить въ отставку. Онъ подалъ въ отставку. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, пріѣхалъ къ нему, перепуганный и умоляющій:

— Ради Самого Христа! помилуй, Андрей Ивановичъ! что это ты дѣлаешь? Оставлять такъ выгодно начатый карьеръ изъ-за того только, что попался не такой, какъ хочется, начальникъ! По-

милуй, что ты? что ты? Вѣдь, если на это глядѣть, тогда и въ службѣ никто бы не остался. Образумься, отринь гордость, самолюбье, поѣзжай и объяснись съ нимъ!

— Не въ томъ дѣло, дядюшка, — сказалъ племянникъ. — Мнѣ не трудно попросить у него извиненья. Я виноватъ: онъ начальникъ, и такъ не слѣдовало говорить съ нимъ. Но дѣло вотъ въ чемъ. У меня есть другая служба: триста душъ крестьянъ, имѣнье въ разстройствѣ, управляющій — дуракъ. Государству утраты немного, если вмѣсто меня сядетъ въ канцелярію другой переписывать бумагу, но большая утрата, если триста человѣкъ не заплатятъ податей. Я, — что вы подумаете? — помѣщикъ, который... служба... Если я позабочусь о сохраненьи, сбереженьи и улучшеньи участи ввѣренныхъ мнѣ людей и представлю государству триста исправнѣйшихъ, трезвыхъ, работящихъ подданныхъ — чѣмъ моя служба будетъ хуже службы какого-нибудь начальника отдѣленія, Лѣницына?

Дѣйствительный статскій совѣтникъ остался съ открытымъ ртомъ отъ изумленья. Такого потока словъ онъ не ожидалъ. Немного подумавши, началъ онъ было въ такомъ родѣ:

— Но все же... но какъ же таки... какъ же запропастить себя въ деревню? Какое же общество можетъ быть между...? Здѣсь все-таки на улицѣ попадется навстрѣчу генералъ, князь. Пройдешь и самъ мимо какого-нибудь... тамъ... ну, и газовое освѣщеніе, промышленная Европа; а вѣдь тамъ, что ни попадется, все это или мужикъ, или баба. За что жъ такъ, за что жъ себя осудить на невѣжество на всю жизнь свою?

Но убѣдительныя представленья дяди на племянника не произвели дѣйствія. Деревня начинала представляться какимъ то привольнымъ пріютомъ, воспоительницею думъ и помышленій, един-

ственнымъ поприщемъ полезной дѣятельности. Ужъ онъ откопалъ и новѣйшія книги по части сельскаго хозяйства. Словомъ — черезъ недѣли двѣ послѣ этого разговора былъ онъ уже въ окрестности тѣхъ мѣстъ, гдѣ пронеслось его дѣтство, невдалекѣ отъ того прекраснаго уголка, которымъ не могъ налюбоваться никакой гость и посѣтитель. Новое чувство въ немъ встрепенулось. Въ душѣ стали просыпаться прежнія, давно не выходившія наружу впечатлѣнія. Онъ уже многія мѣста позабылъ вовсе и смотрѣлъ любопытно, какъ новичокъ, на прекрасные виды. И вотъ, неизвѣстно отчего, вдругъ забилось у него сердце. Когда же дорога понеслась узкимъ оврагомъ въ чащу огромнаго заглохнувшаго лѣса, и онъ увидѣлъ вверху, внизу, надъ собой и подъ собой, трехсотлѣтніе дубы, тремъ человѣкамъ въ обхватъ, вперемежку съ пихтой, вязомъ и осокоромъ, перераставшимъ вершину тополя, и когда на вопросъ: „чей лѣсъ?“ ему сказали: „Тѣнтѣтникова“; когда, выбравшись изъ лѣса, понеслась дорога лугами, мимо осиновыхъ рощъ, молодыхъ и старыхъ ивъ и лозъ, въ виду тянувшихся вдали возвышеній, и двумя мостами перелетѣла въ разныхъ мѣстахъ одну и ту же рѣку, оставляя ее то вправо, то влѣво отъ себя, и когда на вопросъ: „чьи луга и поемныя мѣста?“ отвѣчали ему: „Тѣнтѣтникова“; когда поднялась потомъ дорога на гору и пошла по ровной возвышенности, — съ одной стороны, мимо не снятыхъ хлѣбовъ, пшеницы, ржи и ячменя, съ другой же стороны — мимо всѣхъ прежде проѣханныхъ имъ мѣстъ, которыя всѣ вдругъ показались въ сокращенномъ отдаленіи, и когда, постепенно темнѣя, входила и вошла потомъ дорога подъ тѣнь широкихъ развилистыхъ деревъ, размѣстившихся вразсыпку по зеленому ковру до самой деревни, и замелькали рѣзныя избы мужиковъ и красныя крышки каменныхъ господскихъ строеній, и блеснули

золотые верхи [церкви], когда пылко забившееся сердце и безъ вопроса знало, куды пріѣхало: ощущенья, непрестанно накоплявшіяся, исторгнулись, наконецъ, въ громогласныхъ словахъ: „Ну, не дуракъ ли я былъ доселѣ? Судьба назначила мнѣ быть обладателемъ земного рая, а я закабалилъ себя кропателемъ мертвыхъ бумагъ? Воспитавшись, просвѣтясь, сдѣлавъ запасъ свѣдѣній, нужныхъ для распространенія добра между подвластными, для улучшенія цѣлой области, для исполненія многообразныхъ обязанностей помѣщика, который является въ одно и то же время и судьей, и распорядителемъ, и блюстителемъ порядка, ввѣрить это мѣсто невѣжѣ-управителю, а себѣ предпочесть заочное производство дѣлъ между людьми, которыхъ я и въ глаза не видалъ, которыхъ я ни характеровъ, ни качествъ не знаю, — предпочесть настоящему управленію это бумажное, фантастическое управленье провинціями, отстоящими за тысячи верстъ, гдѣ не была никогда нога моя и гдѣ могу надѣлать только кучи несообразностей и глупостей!“

А между тѣмъ, его ожидало другое зрѣлище. Узнавши о пріѣздѣ барина, мужики собрались къ крыльцу. Сороки, кички, повойники [1], зипуны и картинно-окладистыя бороды красиваго населенія обступили его кругомъ. Когда раздались слова: „Кормилецъ нашъ! вспомнилъ...“ и невольно заплакали старики и старухи, помнившіе и его дѣда, и прадѣда, не могъ онъ самъ удержаться отъ слезъ. И думалъ онъ про себя: „Столько любви! и за что? — За то, что я никогда не видалъ ихъ, никогда не занимался ими!“ И далъ онъ себѣ обѣтъ дѣлить съ (ними) труды и занятья.

И сталъ онъ хозяйничать, распоряжаться. Уменьшилъ барщину, убавивъ дни работъ на помѣщика и прибавивъ времени мужику. Дурака-управителя

---

[1] Женскіе головные уборы.

выгналъ. Самъ сталъ входить во все, показываться на поляхъ, на гумнѣ, въ овинахъ, на мельницахъ, у пристани, при грузкѣ и сплавкѣ барокъ и плоскодонокъ, такъ что лѣнивые стали даже почесываться. Но продолжалось это не долго. Мужикъ смѣтливъ: онъ понялъ скоро, что баринъ, хоть и прытокъ, и есть въ немъ тоже охота взяться за многое, но какъ именно, какимъ образомъ взяться, этого еще не смыслитъ, говоритъ грамотейно и не вдолбежъ. Вышло то, что баринъ и мужикъ какъ то не то, чтобы совершенно не поняли другъ друга, но, просто, не спѣлись вмѣстѣ, не приспособились выводить одну и ту же ноту.

Тѣнтѣтниковъ сталъ замѣчать, что на господской землѣ все выходило какъ то хуже, чѣмъ на мужичьей. Сѣялось раньше, всходило позже, а работали, казалось, хорошо. Онъ самъ присутствовалъ и приказалъ выдать даже по чапорухѣ [1] водки за усердные труды. У мужиковъ уже давно колосилась рожь, высыпался овесъ, кустилось просо, а у него едва начиналъ только идти хлѣбъ въ трубку, пятка колоса еще не завязывалась. Словомъ, сталъ замѣчать баринъ, что мужикъ просто плутуетъ, несмотря на всѣ льготы. Попробовалъ было укорить, но получилъ такой отвѣтъ:

— Какъ можно, баринъ, чтобы мы о господской, то есть, выгодѣ не радѣли! Сами изволили видѣть, какъ старались, когда пахали и сѣяли — по чапорухѣ водки приказали подать.

Что было на это возражать?

— Да отъ чего же теперь вышло скверно? — допрашивалъ баринъ.

— Кто его знаетъ? Видно, червь подъѣлъ снизу. Да и лѣто вишь ты какое: совсѣмъ дождей не было.

Но баринъ видѣлъ, что у мужиковъ червь не

[1] Большая рюмка или стаканчикъ.

подъѣдалъ снизу, да и дождь шелъ какъ то странно, полосою: мужику угодилъ, а на барскую ниву хоть бы каплю выронилъ.

Еще труднѣй ему было ладить съ бабами. То и дѣла отпрашивались онѣ отъ работъ, жалуясь на тягость барщины. Странное дѣло! Онъ уничтожилъ вовсе всякіе приносы холста, ягодъ, грибовъ и орѣховъ, наполовину сбавилъ съ нихъ другихъ работъ, думая, что бабы обратятъ это время на домашнее хозяйство, обошьютъ, одѣнутъ своихъ мужей, умножатъ огороды. Не тутъ то было! Праздность, драка, сплетни и всякія ссоры завелись между прекраснымъ поломъ такія, что мужья то и дѣла приходили къ нему съ такими словами:

— Баринъ, уйми бѣса-бабу! Точно чортъ какой — житья нѣтъ отъ ней!

Хотѣлъ онъ было, скрѣпя свое сердце, приняться за строгость; но какъ быть строгимъ? Баба приходила такой бабой; такъ развизгивалась, такая была хворая, больная, такихъ скверныхъ, гадкихъ наворачивала на себя тряпокъ; ужъ откуда она ихъ набирала, Богъ ее вѣсть.

— Ступай, ступай себѣ только съ глазъ моихъ! Богъ съ тобой! — говорилъ бѣдный Тѣнтѣтниковъ, и вослѣдъ за тѣмъ видѣлъ, какъ больная, вышедъ за ворота, схватывалась съ сосѣдкой за какую-нибудь рѣпу и такъ отламывала ей бока, какъ не сумѣетъ и здоровый мужикъ.

Вздумалъ онъ было попробовать какую то школу между ними завести, но отъ этого вышла такая чепуха, что онъ и голову повѣсилъ: лучше было и не задумывать! Въ дѣлахъ судейскихъ и разбирательствахъ оказались ровно ни къ чему всѣ эти юридическія тонкости, на которыя навели его профессора-философы. И та сторона вретъ, и другая вретъ, и чортъ ихъ разберетъ! И видѣлъ онъ, что нужнѣй было тонкостей юридическихъ и философскихъ книгъ простое познанье человѣка;

и видѣлъ онъ, что въ немъ чего то недостаетъ, а чего — Богъ вѣсть. И случилось обстоятельство, такъ часто случающееся: ни мужикъ не узналъ барина, ни баринъ мужика; и мужикъ сталъ дурной стороной, и баринъ дурной стороной. Все это значительно охладило и рвенье помѣщика. При работахъ онъ уже присутствовалъ безъ вниманія. Шумѣли ли тихо косы въ покосахъ, метали ль стога, клались ли клади, вблизи ль ладилось сельское дѣло — его глаза глядѣли подальше; вдали ль производилась работа — его глаза отыскивали предметы поближе, или смотрѣли въ сторону на какой-нибудь извивъ рѣки, по берегамъ которой ходилъ красноносый, красноногій мартынъ, разумѣется — птица, а не человѣкъ. Они смотрѣли любопытно, какъ онъ, поймавъ у берега рыбу, держалъ ее поперекъ въ носу, какъ бы раздумывая, глотать или не глотать, — и глядя въ то же время пристально вдоль рѣки, гдѣ въ отдаленьи бѣлѣлся другой мартынъ, еще не поймавшій рыбы, но глядѣвшій пристально на мартына, уже поймавшаго рыбу [1]. Или же, зажмуривъ вовсе глаза и приподнявъ голову кверху, къ пространствамъ небеснымъ, предоставлялъ онъ обонянью впивать запахъ полей, а слуху поражаться голосами воздушнаго пѣвучаго населенія, когда оно отовсюду, отъ небесъ и отъ земли, соединяется въ одинъ звукосогласный хоръ, не переча другъ другу. Во ржи бьетъ перепелъ, въ травѣ дергаетъ дергунъ [2], надъ (нимъ) урчатъ и чиликаютъ перелетающія коноплянки, блеетъ поднявшійся на воздухъ барашекъ, трелитъ жаворонокъ, исчезая въ свѣтѣ, и звонами трубъ отдается турлыканье журавлей, строящихъ въ треугольники свои вереницы въ небесахъ высоко. Откликается вся въ звуки превратившаяся окрестность... Творецъ! какъ еще прекрасенъ Твой

[1] Это мѣсто навѣяно С. Т. Аксаковымъ.
[2] Коростель.

міръ въ глуши, въ деревушкѣ, вдали отъ подлыхъ большихъ дорогъ и городовъ! Но и это стало ему наскучать. Скоро онъ и вовсе пересталъ ходить въ поля, засѣлъ въ комнаты, отказался принимать даже съ докладами приказчика.

Прежде изъ сосѣдей завернетъ къ нему бывало отставной гусаръ-поручикъ, прокуренный насквозь трубочный куряка, или же рѣзкаго направленья недоучившійся студентъ, набравшійся мудрости изъ современныхъ брошюръ и газетъ [1]. Но и это стало ему надоѣдать. Разговоры ихъ начали ему казаться какъ то поверхностными, европейски-открытое обращенье съ потрепкой по колѣну, также и низкопоклонства и развязности — начали ему казаться уже черезчуръ прямыми и открытыми. Онъ рѣшился съ ними раззнакомиться со всѣми и произвелъ это даже довольно рѣзко. Именно, когда наипріятнѣйшій во всѣхъ поверхностныхъ разговорахъ обо всемъ, представитель уже нынѣ отходящихъ полковниковъ-брандеровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ передовой начинавшагося новаго образа мыслей, Варваръ Николаевичъ Вишнепокромовъ, пріѣхалъ къ нему затѣмъ, чтобы наговориться вдоволь, коснувшись и политики, и философіи, и литературы, и морали, и даже состоянья финансовъ въ Англіи, — онъ выслалъ сказать, что его нѣтъ дома, и въ то же время имѣлъ неосторожность показаться передъ окошкомъ. Гость и хозяинъ встрѣтились взорами. Одинъ, разумѣется, проворчалъ сквозь зубы: „скотина!“, другой послалъ ему съ досады тоже что то въ родѣ свиньи. Тѣмъ и кончились сношенья. Съ тѣхъ поръ не заѣзжалъ къ нему никто.

Онъ этому былъ радъ и предался обдумыванью большого сочиненья о Россіи. Какъ обдумывалось это сочиненіе, читатель ужъ видѣлъ. Установился странный безпорядочный порядокъ. Нельзя

[1] Это мѣсто считаютъ выходкой противъ Бѣлинскаго.

сказать, однакоже, чтобы не было минутъ, въ которыя какъ будто пробуждался онъ ото сна. Когда привозила почта газеты и журналы, и попадалось ему въ печати знакомое имя прежняго товарища, уже преуспѣвавшаго на видномъ поприщѣ государственной службы или приносившаго посильную дань наукамъ и дѣлу всемірному, тайная тихая грусть подступала ему подъ сердце, и скорбная, безмолвно-грустная, тихая жалоба на бездѣйствіе свое прорывалась невольно. Тогда противной и гадкой казалась ему жизнь его. Съ необыкновенной силой воскресало передъ нимъ школьное минувшее время, и представалъ вдругъ, какъ живой, Александръ Петровичъ... Градомъ лились изъ глазъ его слезы...

Что значили эти рыданья? Обнаруживала ли ими болѣющая душа скорбную тайну своей болѣзни, — что не успѣлъ образоваться и окрѣпнуть начинавшій въ немъ строиться высокій внутренній человѣкъ; — что, неиспытанный измлада въ борьбѣ съ неудачами, не достигнулъ онъ до высокаго состоянья возвышаться и крѣпнуть отъ преградъ и препятствій; что, растопившись подобно разогрѣтому металлу, богатый запасъ великихъ ощущеній не принялъ послѣдней закалки; что слишкомъ для него рано умеръ необыкновенный наставникъ, и что нѣтъ теперь никого во всемъ свѣтѣ, кто бы былъ въ силахъ воздвигнуть шатаемыя вѣчными колебаньями силы и лишенную упругости, немощную волю, кто бы крикнулъ душѣ пробуждающимъ крикомъ это бодрящее слово: в п е р е д ъ, котораго жаждетъ повсюду, на всѣхъ ступеняхъ стоящій, всѣхъ сословій и званій, и промысловъ, русскій человѣкъ?

Гдѣ же тотъ, кто бы на родномъ языкѣ русской души нашей умѣлъ бы намъ сказать это всемогущее слово: в п е р е д ъ? кто, зная всѣ силы и свойства, и всю глубину нашей природы, однимъ

чародѣйнымъ мановеньемъ могъ бы устремить насъ на высокую жизнь? Какими слезами, какою любовью заплатилъ бы ему благодарный русскій человѣкъ! Но вѣка проходятъ за вѣками, позорной лѣнью и безумной дѣятельностью незрѣлаго юноши объемлется... и не дается Богомъ мужъ, умѣющій произносить его!

Одно обстоятельство чуть было не разбудило его, чуть было не произвело переворота въ его характерѣ: случилось что то похожее на любовь. Но и тутъ дѣло кончилось ничѣмъ. Въ сосѣдствѣ, въ десяти верстахъ отъ его деревни, проживалъ генералъ, отзывавшійся, какъ мы уже видѣли, не весьма благосклонно о Тѣнтѣтниковѣ. Генералъ жилъ генераломъ, хлѣбосольствовалъ, любилъ, чтобы сосѣди пріѣзжали изъявлять ему почтенье, самъ визитовъ не платилъ, говорилъ хрипло, читалъ книги и имѣлъ дочь, существо невиданное, странное. Она была что то живое, какъ сама жизнь.

Имя ей было Улинька. Воспиталась она какъ то странно. Ее учила англичанка-гувернантка, не знавшая ни слова по-русски. Матери лишилась она еще въ дѣтствѣ. Отцу было некогда. Впрочемъ, любя дочь до безумія, онъ могъ только избаловать ее. Какъ въ ребенкѣ, возросшемъ на свободѣ, въ ней было все своенравно. Еслибы кто увидалъ, какъ внезапный гнѣвъ собиралъ вдругъ строгія морщины на прекрасномъ челѣ ея, и какъ она спорила пылко съ отцомъ своимъ, онъ бы подумалъ, что это было капризнѣйшее созданье. Но гнѣвъ ея вспыхивалъ только тогда, когда она слышала о какой бы то ни было несправедливости или дурномъ поступкѣ съ кѣмъ бы то ни было. И никогда не спорила она за себя самое и не оправдывала себя. Гнѣвъ этотъ исчезнулъ бы въ минуту, еслибы она увидѣла въ несчастіи того самаго, на кого гнѣвалась. При первой просьбѣ о подаяньи кого бы то ни было, она готова была

бросить ему весь свой кошелекъ, со всѣмъ, что въ немъ было, не вдаваясь ни въ какіе разсужденья и разсчеты. Было въ ней что то стремительное. Когда она говорила, у ней, казалось, все стремилось вослѣдъ за мыслью — выраженье лица, выраженье разговора, движенье рукъ; самыя складки платья какъ бы стремились въ ту же сторону, и, казалось, какъ бы она сама вотъ улетитъ вослѣдъ за собственными словами. Ничего не было въ ней утаеннаго. Ни передъ кѣмъ не побоялась бы она обнаружить своихъ мыслей, и никакая сила не могла бы ее заставить молчать, когда ей хотѣлось говорить. Ея очаровательная, особенная, принадлежавшая ей одной походка была до того безтрепетно-свободна, что все ей уступало бы невольно дорогу. При ней какъ то смущался недобрый человѣкъ и нѣмѣлъ; самый развязный и бойкій на слова не находилъ съ нею слова и терялся, а застѣнчивый могъ разговориться съ нею, какъ никогда въ жизни своей ни съ кѣмъ, и съ первыхъ минутъ разговора ему уже казалось, что гдѣ то и когда то онъ зналъ ее, и какъ бы эти самыя черты ея ему гдѣ то уже видѣлись, что случилось это во дни какого то незапамятнаго младенчества, въ какомъ то родномъ домѣ, веселымъ вечеромъ, при радостныхъ играхъ дѣтской толпы: и надолго послѣ того становился ему скучнымъ разумный возрастъ человѣка.

Точно то же случилось съ нею и съ Тѣнтѣтниковымъ. Неизъяснимое новое чувство вошло къ нему въ душу. Скучная жизнь его на мгновенье озарилась.

Генералъ принималъ сначала Тѣнтѣтникова довольно хорошо и радушно; но сойтись между собою они не могли. Разговоры ихъ оканчивались споромъ и какимъ то непріятнымъ ощущеньемъ съ обѣихъ сторонъ, потому что генералъ не любилъ противорѣчья и возраженья; Тѣнтѣтниковъ, съ своей

стороны, тоже былъ человѣкъ щекотливый. Разумѣется, что ради дочери прощалось многое отцу, и миръ у нихъ держался, покуда не пріѣхали гостить къ генералу родственницы: графиня Бордырева и княжна Юзякина, отсталыя фрейлины прежняго двора, но удержавшія и донынѣ кое-какія связи, вслѣдствіе чего генералъ передъ ними немножко подличалъ. Съ самаго ихъ пріѣзда, Тѣнтѣтникову показалось, что онъ сталъ къ нему холоднѣе, не замѣчалъ его, или обращался какъ съ лицомъ безсловеснымъ; говорилъ ему какъ то пренебрежительно: любезнѣйшій, послушай, братецъ, и даже ты. Это его, наконецъ, взорвало. Скрѣпя сердце и стиснувъ зубы, онъ, однакоже, имѣлъ присутствіе духа сказать необыкновенно учтивымъ и мягкимъ голосомъ, между тѣмъ какъ пятна выступили на лицѣ его, и все внутри его кипѣло: „Я благодарю васъ, генералъ, за расположеніе. Словомъ ты вы меня вызываете на тѣсную дружбу, обязывая и меня говорить вамъ ты. Но различіе въ лѣтахъ препятствуетъ такому фамиліарному между нами обращенію“. Генералъ смутился. Собирая слова и мысли, сталъ онъ говорить, хотя нѣсколько несвязно, что слово ты было имъ сказано не въ томъ смыслѣ, что старику иной разъ позволительно сказать молодому человѣку ты (о чинѣ своемъ онъ не упомянулъ ни слова).

Разумѣется, съ этихъ поръ знакомство между ними прекратилось, и любовь кончилась при самомъ началѣ. Потухнулъ свѣтъ, на минуту было передъ нимъ блеснувшій, послѣдовавшія за нимъ сумерки стали еще сумрачнѣй. Все поворотило на жизнь, которую читатель видѣлъ въ началѣ главы— на лежанье и бездѣйствіе. Въ домѣ завелись гадость и безпорядокъ. Половая щетка оставалась по цѣлому дню посреди комнаты вмѣстѣ съ соромъ. Панталоны заходили даже въ гостиную. На ще-

голеватомъ столѣ передъ диваномъ лежали засаленныя подтяжки, точно какое угощенье гостю, и до того стала ничтожной и сонной его жизнь, что не только перестали уважать его дворовые люди, но чуть не клевали домашнія куры. Взявши перо, безсмысленно чертилъ онъ на бумагѣ по цѣлымъ часамъ рогульки, домики, избы, телѣги, тройки. Но иногда, все позабывши, перо чертило само собой, безъ вѣдома хозяина, маленькую головку съ тонкими чертами, съ быстрымъ пронзительнымъ взглядомъ и приподнятой прядью волосъ, и въ изумленьи видѣлъ хозяинъ, какъ выходилъ портретъ той, съ которой портрета не написалъ бы никакой живописецъ-художникъ. И еще грустнѣе ему становилось и, вѣря тому, что нѣтъ на землѣ счастья, оставался онъ еще болѣе послѣ того скучнымъ и безотвѣтнымъ.

Таково было состояніе души Андрея Ивановича Тѣнтѣтникова. Въ то время, когда по обыкновенію подсѣлъ онъ къ окну глазѣть обычнымъ порядкомъ, но къ изумленью своему не слыхалъ ни Григорія, ни Перфильевны, во дворѣ напротивъ было нѣкоторое движенье и нѣкоторая суета. Поварчонокъ и поломойка бѣжали отворять ворота. Въ воротахъ показались кони, точь-въ-точь, какъ лѣпятъ иль рисуютъ ихъ на тріумфальныхъ воротахъ: морда направо, морда налѣво, морда посерединѣ. Свыше ихъ на козлахъ — кучеръ и лакей, въ широкомъ сюртукѣ, опоясавшій себя носовымъ платкомъ. За ними господинъ въ картузѣ и шинели, закутанный въ косынку радужныхъ цвѣтовъ. Когда экипажъ изворотился передъ крыльцомъ, оказалось, что былъ онъ не что другое, какъ рессорная легкая бричка. Господинъ, необыкновенно приличной наружности, соскочилъ на крыльцо съ быстротой и ловкостью почти военнаго человѣка.

Андрей Ивановичъ струсилъ: онъ принялъ его

за чиновника отъ правительства. Надобно сказать, что въ молодости своей онъ было замѣшался въ одно неразумное дѣло [1]. Два философа изъ гусаръ, начитавшіеся всякихъ брошюръ, да не докончившій учебнаго курса эстетикъ, да промотавшійся игрокъ затѣяли какое то филантропическое общество, подъ верховнымъ распоряженьемъ стараго плута и масона и тоже карточнаго игрока, но краснорѣчивѣйшаго человѣка. Общество было устроено съ обширною цѣлью — доставить прочное счастіе всему человѣчеству, отъ береговъ Темзы до Камчатки. Касса денегъ потребовалась огромная; пожертвованья собирались съ великодушныхъ членовъ неимовѣрныя. Куда это все пошло, зналъ объ этомъ только одинъ верховный распорядитель. Въ общество это затянули его два пріятеля, принадлежавшіе къ классу огорченныхъ людей, добрые люди, но которые, отъ частыхъ тостовъ во имя науки, просвѣщенья и будущихъ одолженій человѣчеству, сдѣлались потомъ формальными пьяницами. Тѣнтѣтниковъ скоро спохватился и выбылъ изъ этого круга. Но общество успѣло уже запутаться въ какихъ то другихъ дѣйствіяхъ, даже не совсѣмъ приличныхъ дворянину, такъ что потомъ завязались дѣла и съ полиціей... А потому не мудрено, что, и вышедши и разорвавши всякія сношенія съ ними, Тѣнтѣтниковъ не могъ, однакоже, оставаться покоенъ: на совѣсти у него было не совсѣмъ ловко. Не безъ страха глядѣлъ онъ и теперь на растворявшуюся дверь.

Страхъ его, однакоже, прошелъ вдругъ, когда гость раскланялся съ ловкостью неимовѣрной, сохраняя почтительное положенье головы, нѣсколько на-бокъ, и въ короткихъ, но опредѣлительныхъ словахъ изъяснилъ, что уже издавна ѣздитъ онъ

---

[1] Вѣроятно, намеки на дѣло Петрашевскаго (1849 г.).

по Россіи, побуждаемый и потребностями, и любознательностью; что государство наше преизобилуетъ предметами замѣчательными, не говоря ужъ объ обиліи промысловъ и разнообразіи почвъ; что онъ увлекся картиннымъ мѣстоположеньемъ его деревни; что, несмотря, однакоже, на мѣстоположенье, онъ не дерзнулъ бы обезпокоить его неумѣстнымъ заѣздомъ своимъ, еслибы не случилось, по поводу весеннихъ разлитій и дурныхъ дорогъ, внезапной изломки въ экипажѣ его, требующей руки помощи со стороны кузнецовъ и мастеровъ; что при всемъ томъ, однакоже, еслибы даже и ничего не случилось въ его бричкѣ, онъ бы не могъ отказать себѣ въ удовольствіи засвидѣтельствовать ему лично свое почтенье.

Окончивъ рѣчь, гость, съ обворожительной пріятностью, подшаркнулъ ногой, обутой въ шегольской лайковый полусапожекъ, застегнутый на перламутровыя пуговки, и, несмотря на полноту корпуса, отпрыгнулъ тутъ же нѣсколько назадъ съ легкостью резиннаго мячика.

Успокоившійся Андрей Ивановичъ заключилъ, что это долженъ быть какой-нибудь любознательный ученый профессоръ, который ѣздитъ по Россіи, можетъ быть, затѣмъ, чтобы собирать какія-нибудь растенія или, можетъ быть, предметы ископаемые. Тотъ же часъ изъявилъ онъ ему всякую готовность споспѣшествовать во всемъ; предложилъ своихъ мастеровъ, колесниковъ и кузнецовъ; просилъ расположиться, какъ въ собственномъ домѣ; усадилъ его въ большія вольтеровскія [кресла] и приготовился слушать его разсказъ по части естественныхъ наукъ.

Гость, однакоже, коснулся больше событій внутренняго міра. Уподобилъ жизнь свою судну посреди морей, гонимому отовсюду вѣроломными вѣтрами; упомянулъ о томъ, что долженъ былъ перемѣнить много должностей, что много потерпѣлъ

за правду, что даже самая жизнь его была не разъ въ опасности со стороны враговъ, и много еще разсказалъ онъ такого, что̀ показывало въ немъ скорѣе практическаго человѣка. Въ заключенье же рѣчи, высморкался онъ въ бѣлый батистовый платокъ такъ громко, какъ Андрей Ивановичъ еще и не слыхивалъ. Подчасъ попадается въ оркестрѣ такая пройдоха-труба, которая когда хватитъ, покажется, что крякнуло не въ оркестрѣ, но въ собственномъ ухѣ. Точно такой же звукъ раздался въ пробужденныхъ покояхъ дремавшаго дома, и немедленно вослѣдъ за нимъ воспослѣдовало благоуханье одеколона, невидимо распространенное ловкимъ встряхнутьемъ носового батистоваго платка.

Читатель, можетъ быть, уже догадался, что гость былъ не другой кто, какъ нашъ почтенный, давно нами оставленный Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Онъ немножко постарѣлъ: какъ видно, не безъ бурь и тревогъ было для него это время. Казалось, какъ бы и самый фракъ на немъ немножко поизветшалъ, и бричка, и кучеръ, и слуга, и лошади, и упряжь какъ бы поистерлись и поизносились. Казалось, какъ бы и самые финансы даже не были въ завидномъ состоянiи. Но выраженье лица, приличье, обхожденье остались тѣ же. Даже какъ бы еще пріятнѣе сталъ онъ въ поступкахъ и оборотахъ, еще ловче подвертывалъ подъ ножку ножку, когда садился въ кресла. Еще болѣе было мягкости въ выговорѣ рѣчей, осторожной умѣренности въ словахъ и выраженьяхъ, болѣе умѣнья держать себя и болѣе такту во всемъ. Бѣлѣй и чище снѣговъ были на немъ воротнички и манишка, и, несмотря на то, что былъ онъ съ дороги, ни пушинки не сѣло къ нему на фракъ, — хоть приглашай сей же часъ его на именинный обѣдъ. Щеки и подбородокъ выбриты были такъ, что одинъ слѣпой могъ не полюбоваться пріятной выпуклостью круглоты ихъ.

Въ домѣ тотъ часъ произошло преобразованье. Половина его, дотолѣ пребывавшая въ слѣпотѣ, съ заколоченными ставнями, вдругъ прозрѣла и озарилась. Все начало размѣщаться въ освѣтившихся комнатахъ, и скоро все приняло такой видъ: комната, опредѣленная быть спальней, вмѣстила въ себѣ вещи, необходимыя для ночного туалета; комната, опредѣленная быть кабинетомъ... но прежде необходимо знать, что въ этой комнатѣ было три стола: одинъ письменный — передъ диваномъ, другой ломберный — между окнами, передъ зеркаломъ, третій угольный — въ углу, между дверью въ спальню и дверью въ необитаемый залъ съ инвалидною мебелью, служившій теперь передней, въ который дотолѣ съ годъ не заходилъ никто. На этомъ угольномъ столѣ помѣстилось вынутое изъ чемодана платье, и именно: панталоны подъ фракъ, панталоны новыя, панталоны сѣренькія, два бархатныхъ жилета и два атласныхъ и сюртукъ. Все это размѣстилось одно на другомъ пирамидой и прикрылось сверху носовымъ шелковымъ платкомъ. Въ другомъ углу, между дверью и окномъ, выстроились рядкомъ сапоги: одни не совсѣмъ новые, другіе совсѣмъ новые, лакированные полусапожки и спальные. Они также стыдливо занавѣсились шелковымъ носовымъ платкомъ, — такъ, какъ бы ихъ тамъ вовсе не было. На письменномъ столѣ тотчасъ же въ большомъ порядкѣ размѣстились: шкатулка, банка съ одеколономъ, календарь и два какіе то романа, оба вторые тома. Чистое бѣлье помѣстилось въ комодѣ, уже находившемся въ спальнѣ; бѣлье же, которое слѣдовало прачкѣ, завязано было въ узелъ и подсунуто подъ кровать. Чемоданъ, по опростаньи его, былъ тоже подсунутъ подъ кровать. Сабля, ѣздившая по дорогамъ для внушенья страха ворамъ, помѣстилась тоже въ спальнѣ, повиснувши на гвоздѣ, невдалекѣ отъ кровати. Все приняло видъ чи-

стоты и опрятности необыкновенной. Нигдѣ ни бумажки, ни перышка, ни соринки. Самый воздухъ какъ то облагородился: въ немъ утвердился пріятный запахъ здороваго, свѣжаго мужчины, который бѣлья не занашиваетъ, въ баню ходитъ и вытираетъ себя мокрой губкой по воскреснымъ днямъ. Въ переднемъ залѣ покушался было утвердиться на время запахъ служителя Петрушки, но Петрушка скоро перемѣщенъ былъ на кухню, какъ оно и слѣдовало.

Въ первые дни Андрей Ивановичъ опасался за свою независимость, чтобы какъ-нибудь гость не связалъ его, не стѣснилъ какими-нибудь измѣненьями въ образѣ жизни, и не разрушился бы порядокъ дня его, такъ удачно заведенный; но опасенья были напрасны. Павелъ Ивановичъ нашъ показалъ необыкновенно гибкую способность приспособиться ко всему. Одобрилъ философическую неторопливость хозяина, сказавши, что она обѣщаетъ столѣтнюю жизнь. Объ уединеньи выразился весьма счастливо, именно, что оно питаетъ великія мысли въ человѣкѣ. Взглянувъ на библіотеку и отозвавшись съ похвалой о книгахъ вообще, замѣтилъ, что онѣ спасаютъ отъ праздности человѣка. Выронилъ словъ немного, но съ вѣсомъ. Въ поступкахъ же своихъ показался онъ также еще болѣе кстати. Во-время являлся, во-время уходилъ; не затруднялъ хозяина запросами въ часы неразговорчивости его; съ удовольствіемъ игралъ съ нимъ въ шахматы, съ удовольствіемъ молчалъ. Въ то время, когда одинъ пускалъ кудреватыми облаками трубочный дымъ, другой, не куря трубки, придумывалъ, однакоже, соотвѣтствовавшее тому занятіе: вынималъ, напримѣръ, изъ кармана серебряную съ чернью табакерку и, утвердивъ ее между двухъ пальцевъ лѣвой руки, оборачивалъ ее быстро пальцемъ правой, въ подобье того, какъ земная сфера обращается около

своей оси, или же такъ по ней барабанилъ пальцемъ, въ-присвистку. Словомъ — не мѣшалъ хозяину. „Я въ первый разъ вижу человѣка, съ которымъ можно жить", говорилъ про себя Тѣнтѣтниковъ: „вообще, этого искусства у насъ мало. Между нами есть довольно людей, и умныхъ, и образованныхъ, и добрыхъ, но людей постоянно-ровнаго характера, людей, съ которыми можно бы прожить вѣкъ и не поссориться — я не знаю, много ли у насъ можно отыскать такихъ людей. Вотъ первый человѣкъ, котораго я вижу". Такъ отзывался Тѣнтѣтниковъ о своемъ гостѣ.

Чичиковъ, съ своей стороны, былъ очень радъ, что поселился на время у такого мирнаго и смирнаго хозяина. Цыганская жизнь ему надоѣла. Пріотдохнуть, хотя на мѣсяцъ, въ прекрасной деревнѣ, въ виду полей и начинавшейся весны, полезно было даже и въ гемороидальномъ отношеніи.

Трудно было найти лучшій уголокъ для отдохновенія. Весна, долго задерживаемая холодами, вдругъ началась во всей красѣ своей, и жизнь заиграла повсюду. Уже голубѣли пролѣски, и по свѣжему изумруду первой зелени желтѣлъ одуванчикъ, лилово-розовый анемонъ наклонялъ нѣжную головку. Рои мошекъ и кучи насѣкомыхъ показались на болотахъ; за ними въ-догонъ бѣгалъ ужъ водяной паукъ, а за ними всякая птица въ сухіе тростники собралась отвсюду. И все собиралось поближе см[отрѣть] другъ друга. Вдругъ населилась земля, проснулись лѣса, луга зазвучали. Въ деревнѣ пошли хороводы. Гулянью былъ просторъ. Что яркости въ зелени! что свѣжести въ воздухѣ! что птичьяго крику въ садахъ! Рай, радость и ликованье всего! Деревня звучала и пѣла, какъ бы на свадьбѣ.

Чичиковъ ходилъ много. Прогулкамъ и гуляньямъ былъ раздолъ повсюду. То направлялъ

прогулку свою по плоской вершинѣ возвышеній, въ виду разстилавшихся внизу долинъ, по которымъ повсюду оставались еще большія озера отъ водополія, и островами на нихъ темнѣли еще безлистные лѣса; или же вступалъ въ гущи, въ лѣсные овраги, гдѣ столпя...[1] густо дерева, отягченныя птичьими гнѣздами, вмѣсти...[2] каркающихъ вороновъ, перекрестными летаньями помрачавшихъ небо. По просохнувшей землѣ можно было отправляться къ пристани, откуда съ горохомъ, ячменемъ и пшеницей отчаливали первыя суда, между тѣмъ, какъ въ то же время съ оглушительнымъ шумомъ неслась повергаться вода на колеса начинавшей работать мельницы. Ходилъ онъ наблюдать первыя весеннія работы, глядѣть, какъ свѣжая орань черной полосою проходила по зелени, и засѣватель, постукивая рукою о сито, висѣвшее у него на груди, горстью разбрасывалъ сѣмена ровно, ни зернышка не передавши на ту или другую сторону.

Чичиковъ вездѣ побывалъ. Перетолковалъ и переговорилъ и съ приказчикомъ, и съ мужикомъ, и мельникомъ. Узналъ все, обо всемъ, и что̀, и какъ, и какимъ образомъ хозяйство идетъ, и на сколько хлѣба продается, и что̀ выбираютъ весной и осенью за умолъ муки, и какъ зовутъ каждаго мужика, и кто съ кѣмъ въ родствѣ, и гдѣ купилъ корову, и чѣмъ кормитъ свинью, словомъ — все. Узналъ и то, сколько перемерло мужиковъ; оказалось — немного. Какъ умный человѣкъ, замѣтилъ онъ вдругъ, что незавидно идетъ хозяйство у Андрея Ивановича: повсюду упущенья, нерадѣнье, воровство, не мало и пьянства. И думалъ: „Какая, однакоже, скотина Тѣнтѣтниковъ! Такое имѣніе и этакъ запустить! Можно бы имѣть пятьдесятъ тысячъ годового доходу“.

[1] Столпились? столпясь росли?
[2] Вмѣстилище?

Не разъ, посреди такихъ прогулокъ, приходило ему на мысль сдѣлаться когда-нибудь самому, — т.-е., разумѣется, не теперь, но послѣ, когда обдѣлается главное дѣло и будутъ средства въ рукахъ, — сдѣлаться самому мирнымъ владѣльцемъ подобнаго помѣстья. Тутъ, разумѣется, сейчасъ представлялась ему даже и молодая, свѣжая, бѣлолицая бабенка, изъ купеческаго или другого богатаго сословія, которая бы даже знала и музыку. Представлялось ему и молодое поколѣніе, долженствовавшее увѣковѣчить фамилью Чичиковыхъ: рѣзвунчикъ-мальчишка и красавица-дочка, или даже два мальчугана, двѣ и даже три дѣвчонки, чтобы было всѣмъ извѣстно, что онъ дѣйствительно жилъ и существовалъ, а не то, что прошелъ какой-нибудь тѣнью или призракомъ по землѣ, — чтобы не было стыдно и передъ отечествомъ. Тогда ему начинало представляться даже и то, что недурно бы и къ чину нѣкоторое прибавленіе: статскій совѣтникъ, напримѣръ, чинъ почтенный и уважительный ... Мало ли чего не приходитъ въ умъ, во время прогулокъ, человѣку, что̀ человѣка такъ часто уноситъ отъ скучной настоящей минуты, теребитъ, дразнитъ, шевелитъ воображенье, и бываетъ ему любо даже тогда, когда увѣренъ онъ самъ, что это никогда не сбудется!

Людямъ Павла Ивановича деревня тоже понравилась. Они такъ же, какъ и онъ, обжились въ ней. Петрушка сошелся очень скоро съ буфетчикомъ Григоріемъ, хотя сначала они оба важничали и дулись другъ передъ другомъ нестерпимо. Петрушка пустилъ Григорію пыль въ глаза своею бывалостью въ разныхъ мѣстахъ; Григорій же осадилъ его сразу Петербургомъ, въ которомъ Петрушка не былъ. Послѣдній хотѣлъ было подняться и выѣхать на дальности разстояній тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ бывалъ; но Григорій назвалъ ему такое мѣсто, какого ни на какой картѣ

нельзя было отыскать, и насчиталъ тридцать тысячъ слишкомъ верстъ, такъ что служитель Павла Ивановича совсѣмъ осовѣлъ, разинулъ ротъ и былъ поднятъ на смѣхъ тутъ же всею дворней. Дѣло, однакожъ, кончилось между ними самой тѣсной дружбой. Въ концѣ деревни Лысый Пименъ, дядя всѣхъ крестьянъ, держалъ кабакъ, которому имя было „Акулька“. Въ этомъ заведеньи видѣли ихъ всѣ часы дня. Тамъ стали они свои други, или то, что́ называютъ въ народѣ — кабацкіе завсегдатели.

У Селифана была другого рода приманка. На деревнѣ, что ни вечеръ, пѣлись пѣсни, заплетались и расплетались весенніе хороводы. Породистыя стройныя дѣвки, какихъ уже трудно теперь найти въ большихъ деревняхъ, заставляли его по нѣсколькимъ часамъ стоять вороной. Трудно было сказать, которая лучше: всѣ бѣлогрудыя, бѣлошейныя, у всѣхъ глаза рѣпой, у всѣхъ глаза съ поволокой, походка павлиномъ и коса до пояса. Когда, взявшись обѣими руками за бѣлыя руки, медленно двигался онъ съ ними въ хороводѣ, или же выходилъ на нихъ стѣной, въ ряду другихъ парней, и, выходя также стѣной навстрѣчу имъ, громко выпѣвали, усмѣхаясь, горластыя дѣвки: „Бояре, покажите жениха!“ и тихо померкала вокругъ окольность [1], и раздававшійся далеко за рѣкой возвращался грустнымъ назадъ отголосокъ напѣва, — не зналъ онъ и самъ тогда, что съ нимъ дѣлалось. Во снѣ и наяву, утромъ и въ сумерки, все мерещилось ему потомъ, что въ обѣихъ рукахъ его бѣлыя руки, и движется онъ въ хороводѣ.

Конямъ Чичикова понравилось тоже новое жилище. И коренной, и засѣдатель, и самый чубарый нашли пребыванье у Тѣнтѣтникова совсѣмъ

[1] Окрестность.

не скучнымъ, овесъ отличнымъ, а расположенье конюшенъ необыкновенно удобнымъ: у всякаго стойло, хотя и отгороженное, но черезъ перегородки можно было видѣть и другихъ лошадей, такъ что, еслибы пришла кому-нибудь изъ нихъ, даже самому дальнему, блажь вдругъ заржать, можно было ему отвѣтствовать тѣмъ же тотъ же часъ.

Словомъ, всѣ обжились, какъ дома. Что же касается до той надобности, ради которой Павелъ Ивановичъ объѣзжалъ пространную Россію, то есть — до мертвыхъ душъ, то на счетъ этого предмета онъ сдѣлался очень остороженъ и деликатенъ, еслибы даже пришлось вести дѣло съ дураками круглыми. Но Тѣнтѣтниковъ, какъ бы то ни было, читаетъ книги, философствуетъ, старается изъяснить себѣ всякія причины всего — зачѣмъ и почему? „Нѣтъ, лучше поискать, нельзя ли съ другого конца“. Такъ думалъ онъ. Раздобаривая почасту съ дворовыми людьми, онъ, между прочимъ, отъ нихъ развѣдалъ, что баринъ ѣздилъ прежде довольно нерѣдко къ сосѣду-генералу, что у генерала барышня, что баринъ было къ барышнѣ, да и барышня тоже къ барину ... но потомъ вдругъ за что то не поладили и разошлись. Онъ замѣтилъ и самъ, что Андрей Ивановичъ карандашомъ и перомъ все рисовалъ какія то головки, одна на другую похожія.

Одинъ разъ, послѣ обѣда, оборачивая, по обыкновенью, пальцемъ серебряную табакерку вокругъ ея оси, сказалъ онъ такъ:

— У васъ все есть, Андрей Ивановичъ, одного только недостаетъ.

— Чего? — спросилъ тотъ, выпуская кудрявый дымъ.

— Подруги жизни, — сказалъ Чичиковъ.

Ничего не сказалъ Андрей Ивановичъ. Тѣмъ разговоръ и кончился.

Чичиковъ не смутился, выбралъ другое время, уже передъ ужиномъ, и, разговаривая о томъ и о семъ, сказалъ вдругъ:

— А, право, Андрей Ивановичъ, вамъ бы очень не мѣшало жениться.

Хоть бы слово сказалъ на это Тѣнтѣтниковъ, точно, какъ бы и самая рѣчь объ этомъ была ему непріятна.

Чичиковъ не смутился. Въ третій разъ выбралъ онъ время уже послѣ ужина и сказалъ такъ:

— А все-таки, какъ ни переворочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вамъ жениться: впадете въ ипохондрію.

Слова ли Чичикова были на этотъ разъ такъ убѣдительны, или же расположенье духа въ этотъ день у него было особенно настроено къ откровенности — онъ вздохнулъ, сказалъ, пустивши кверху трубочный дымъ:

— На все нужно родиться счастливцемъ, Павелъ Ивановичъ, — и разсказалъ все, какъ было, всю исторію знакомства съ генераломъ и разрыва.

Когда услыхалъ Чичиковъ, отъ слова до слова, все дѣло, и увидѣлъ, что изъ-за одного слова т ы произошла такая исторія, онъ оторопѣлъ. Съ минуту смотрѣлъ пристально въ глаза Тѣнтѣтникову, не зная, какъ рѣшить объ немъ: дуракъ ли онъ круглый, или только придурковатъ, и, наконецъ —

— Андрей Ивановичъ! помилуйте! — сказалъ онъ, взявши его за обѣ руки, — какое жъ оскорбленіе? что жъ тутъ оскорбительнаго въ словѣ т ы?

— Въ самомъ словѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго, — сказалъ Тѣнтѣтниковъ, — но въ смыслѣ слова, но въ голосѣ, съ которымъ сказано оно, заключается оскорбленье. Т ы! — это значитъ: „Помни, что ты дрянь; я принимаю тебя потому

только, что нѣтъ никого лучше; а пріѣхала какая-нибудь княжна Юзякина — ты знай свое мѣсто, стой у порога". Вотъ что это значитъ! — Говоря это, смирный и кроткій Андрей Ивановичъ засверкалъ глазами; въ голосѣ его послышалось раздраженье оскорбленнаго чувства.

— Да хоть бы даже и въ этомъ смыслѣ, что жъ тутъ такого? — сказалъ Чичиковъ.

— Какъ! Вы хотите, чтобы я продолжалъ бывать у него послѣ такого поступка?

— Да какой же это поступокъ? Это даже не поступокъ, — сказалъ хладнокровно Чичиковъ.

— Какъ не поступокъ? — спросилъ въ изумленьи Тѣнтѣтниковъ.

— Это генеральская привычка, а не поступокъ: они всѣмъ говорятъ ты. Да, впрочемъ, почему жъ этого и не позволить заслуженному, почтенному человѣку?..

— Это другое дѣло, — сказалъ Тѣнтѣтниковъ. — Еслибы онъ былъ старикъ, бѣднякъ, не гордъ, не чванливъ, не генералъ, я бы тогда позволилъ ему говорить мнѣ ты и принялъ бы даже почтительно.

„Онъ совсѣмъ дуракъ", подумалъ про себя Чичиковъ: „оборвышу позволить, а генералу не позволить!"

— Хорошо! — сказалъ онъ вслухъ: — положимъ, онъ васъ оскорбилъ, зато вы и поквитались съ нимъ: онъ вамъ, и вы ему. Ссориться, оставляя личное, собственное (дѣло), — это, извините... Если уже избрана цѣль, ужъ нужно идти напроломъ. Что глядѣть на то, что человѣкъ плюется! Человѣкъ всегда плюется: онъ такъ ужъ созданъ. Да вы не отыщете теперь во всемъ свѣтѣ такого, который бы не плевался.

„Странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!" думалъ про себя въ недоумѣніи Тѣнтѣтниковъ, совершенно озадаченный такими словами.

„Какой, однакоже, чудакъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!“ думалъ, между тѣмъ, Чичиковъ.

— Андрей Ивановичъ! я буду съ вами говорить, какъ братъ съ братомъ. Вы человѣкъ неопытный — позвольте мнѣ обдѣлать это дѣло. Я съѣзжу къ его превосходительству и объясню, что случилось это съ вашей стороны по недоразумѣнію, по молодости и незнанью людей и свѣта.

— Подличать передъ нимъ я не намѣренъ! — сказалъ, оскорбившись, Тѣнтѣтникъ: — да и васъ не могу на это уполномочить.

— Подличать я не способенъ, — сказалъ, оскорбившись, Чичиковъ. — Провиниться въ другомъ проступкѣ, по человѣчеству, могу, но въ подлости — никогда... Извините, Андрей Ивановичъ, за мое доброе желанье, я не ожидалъ, чтобы слова мои принимали вы въ такомъ обидномъ смыслѣ. — Все это было сказано съ чувствомъ достоинства.

— Я виноватъ, простите! — сказалъ торопливо тронутый Тѣнтѣтниковъ, схвативъ его за обѣ руки. — Я не думалъ васъ оскорбить. Клянусь, ваше доброе участіе мнѣ дорого! Но оставимъ этотъ разговоръ. Не будемъ больше никогда объ этомъ говорить!

— Въ такомъ случаѣ, я такъ поѣду къ генералу.

— Зачѣмъ? — спросилъ Тѣнтѣтниковъ, смотря въ недоумѣніи ему въ глаза.

— Засвидѣтельствовать почтенье.

„Странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!“ подумалъ Тѣнтѣтниковъ.

„Странный человѣкъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!“ подумалъ Чичиковъ.

— Я завтра же, Андрей Ивановичъ, около десяти часовъ утра къ нему и поѣду. По-моему, чѣмъ скорѣй засвидѣтельствовать почтенье человѣку, тѣмъ лучше. Такъ какъ бричка моя еще не

пришла въ надлежащее состояніе, то позвольте мнѣ взять у васъ коляску. Я бы завтра же, этакъ около десяти часовъ утра, къ нему бы и съѣздилъ.

— Помилуйте, что за просьба? Вы полный господинъ: и экипажъ, и все въ вашемъ положеніи.

Послѣ такого разговора, они простились и разошлись спать, не безъ разсужденія о странностяхъ другъ друга.

Чудная, однакоже, вещь! На другой день, когда подали Чичикову лошадей, и вскочилъ онъ въ коляску съ легкостью почти военнаго человѣка, одѣтый въ новый фракъ, бѣлый галстукъ и жилетъ, и покатился свидѣтельствовать почтенье генералу, Тѣнтѣтниковъ пришелъ въ такое волненье духа, какого давно не испытывалъ. Весь этотъ ржавый и дремлющій ходъ его мыслей превратился въ дѣятельно-безпокойный. Возмущенье нервическое обуяло вдругъ всѣми чувствами доселѣ погруженнаго въ безпечную лѣнь байбака. То садился онъ на диванъ, то подходилъ къ окну, то принимался за книгу, то хотѣлъ мыслить — безуспѣшное хотѣнье! мысль не лѣзла къ нему въ голову. То старался ни о чемъ не мыслить — безуспѣшное старанье! отрывки чего то, похожаго на мысли, концы и хвостики мыслей лѣзли и отовсюду наклевывались къ нему въ голову. „Странное состоянье!“ сказалъ онъ и придвинулся къ окну — глядѣть на дорогу, прорѣзавшую дуброву, въ концѣ которой еще курилась неуспѣвшая улечься пыль. Но, оставивъ Тѣнтѣтникова, послѣдуемъ за Чичиковымъ.

Глава II.

Добрые кони въ полчаса съ небольшимъ пронесли Чичикова черезъ десятиверстное простран-

ство: сначала дубровою, потомъ хлѣбами, начинавшими зеленѣть посреди свѣжей орани, потомъ горной окраиной, съ которой поминутно открывались виды на отдаленья; потомъ широкою аллеей липъ, едва начинавшихъ развиваться, внесли его въ самую середину деревни. Тутъ аллея липъ своротила направо и, превратясь въ улицу тополей, огороженныхъ снизу плетеными коробками, уперлась въ чугунныя сквозныя ворота, сквозь которыя глядѣлъ кудряво богатый рѣзной фронтонъ генеральскаго дома, опиравшійся на восемь коринѳскихъ колоннъ. Повсюду несло масляной краской, все обновлявшей и ничему не дававшей состарѣться. Дворъ чистотой подобенъ былъ паркету. Съ почтеньемъ соскочилъ Чичиковъ, приказалъ о себѣ доложить генералу и былъ введенъ къ нему прямо въ кабинетъ. Генералъ поразилъ его величественной наружностью. Онъ былъ въ атласномъ стеганомъ халатѣ великолѣпнаго пурпура. Открытый взглядъ, лицо мужественное, усы и большіе бакенбарды съ просѣдью, стрижка на затылкѣ низкая, подъ гребенку, шея сзади толстая, называемая въ три этажа, или въ три складки, съ трещиной поперекъ, словомъ — это былъ одинъ изъ тѣхъ картинныхъ генераловъ, которыми такъ богатъ былъ знаменитый 12-й годъ. Генералъ Бетрищевъ, какъ и многіе изъ насъ, заключалъ въ себѣ при кучѣ достоинствъ и кучу недостатковъ. То и другое, какъ водится въ русскомъ человѣкѣ, было набросано у него въ какомъ то картинномъ безпорядкѣ. Въ рѣшительныя минуты — великодушіе, храбрость, безграничная щедрость, умъ во всемъ и, въ примѣсь къ этому, капризы, честолюбье, самолюбіе и тѣ мелкія личности, безъ которыхъ не обходится ни одинъ русскій, когда онъ сидитъ безъ дѣла и нѣтъ рѣшитель... Онъ не любилъ всѣхъ, которые ушли впередъ его по службѣ, и выражался о нихъ ѣдко, въ колкихъ эпиграммахъ. Всего больше

доставалось его прежнему сотоварищу, котораго считалъ онъ ниже себя и умомъ, и способностями, и который, однакоже, обогналъ его и былъ уже генералъ-губернаторомъ двухъ губерній, и, какъ нарочно, тѣхъ, въ которыхъ находились его помѣстья, такъ что онъ очутился какъ бы въ зависимости отъ него. Въ отместку язвилъ онъ его при всякомъ случаѣ, порочилъ всякое распоряженье и видѣлъ во всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ его верхъ неразумія. Въ немъ было все какъ то странно, начиная съ просвѣщенія, котораго онъ былъ поборникъ и ревнитель; любилъ также знать то, чего другіе не знаютъ, и не любилъ тѣхъ людей, которые знаютъ что-нибудь такое, чего онъ не знаетъ. Словомъ, онъ любилъ похвастать умомъ. Воспитанный полуиностраннымъ воспитаньемъ, онъ хотѣлъ сыграть въ то же время роль русскаго барина. И не мудрено, что съ такой неровностью въ характерѣ, съ такими крупными, яркими противоположностями, онъ долженъ былъ неминуемо встрѣтить множество непріятностей по службѣ, вслѣдствіе которыхъ и вышелъ въ отставку, обвиняя во всемъ какую то враждебную партію и не имѣя великодушія обвинить въ чемъ-либо себя самого. Въ отставкѣ сохранилъ онъ ту же картинную величавую осанку. Въ сюртукѣ ли, во фракѣ ли, въ халатѣ — онъ былъ все тотъ же. Отъ голоса до малѣйшаго тѣлодвиженья, въ немъ все было властительное, повелѣвающее, внушавшее въ низшихъ чинахъ если не уваженіе, то, по крайней мѣрѣ, робость.

Чичиковъ почувствовалъ то и другое: и уваженье, и робость. Наклоня почтительно голову набокъ и разставивъ руки наотлетъ, какъ бы готовился приподнять ими подносъ съ чашками, онъ изумительно-ловко нагнулся всѣмъ корпусомъ и сказалъ:

— Счелъ долгомъ представиться вашему пре-

восходительству. Питая уваженье къ доблестямъ мужей, спасавшихъ отечество на бранномъ полѣ, счелъ долгомъ представиться лично вашему превосходительству.

Генералу, какъ видно, не непонравился такой приступъ. Сдѣлавши весьма благосклонное движенье головою, онъ сказалъ:

— Весьма радъ познакомиться. Милости просимъ садиться. Вы гдѣ служили?

— Поприще службы моей, — сказалъ Чичиковъ, садясь въ кресла не посрединѣ, но наискось, и ухватившись рукою за ручку креселъ: — началось въ казенной палатѣ, ваше превосходительство. Дальнѣйшее же теченье оной совершалъ по разнымъ мѣстамъ: былъ и въ надворномъ судѣ, и въ комиссіи построенія, и въ таможнѣ. Жизнь мою можно уподобить какъ бы судну среди волнъ, ваше превосходительство. Терпѣньемъ, можно сказать, повитъ, спеленатъ и, будучи, такъ сказать, самъ одно олицетворенное терпѣнье... А что было отъ враговъ, покушавшихся на самую жизнь, такъ это ни слова, ни краски, ни самая, такъ сказать, кисть не сумѣетъ передать, такъ что на склонѣ жизни своей ищу только уголка, гдѣ бы провесть остатокъ дней. Пріостановился же покуда у близкаго сосѣда вашего превосходительства...

— У кого это?

— У Тѣнтѣтникова, ваше превосходительство.

Генералъ поморщился.

— Онъ, ваше превосходительство, весьма раскаивается въ томъ, что не оказалъ должнаго уваженія...

— Къ чему?

— Къ заслугамъ вашего превосходительства. Не находитъ словъ... Говоритъ: „Еслибы я только могъ чѣмъ-нибудь... потому что точно“, говоритъ, „умѣю цѣнить мужей, спасавшихъ отечество“, говоритъ.

— Помилуйте, что жъ онъ? Да вѣдь я не сержусь, — сказалъ смягчившійся генералъ. — Въ душѣ моей я искренно полюбилъ его и увѣренъ, что современемъ онъ будетъ преполезный человѣкъ.

— Совершенно справедливо изволили выразиться, ваше превосходительство: истинно преполезный человѣкъ; можетъ побѣждать и даромъ слова, и владѣетъ перомъ.

— Но пишетъ, я чай, пустяки — какіе-нибудь стишки?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, не пустяки... Онъ что то дѣльное... Онъ пишетъ... исторію, ваше превосходительство.

— Исторію? о чемъ исторію?

— Исторію... — тутъ Чичиковъ остановился, и оттого ли, что передъ нимъ сидѣлъ генералъ, или, просто, чтобы придать болѣе важности предмету, прибавилъ: — исторію о генералахъ, ваше превосходительство.

— Какъ о генералахъ? о какихъ генералахъ?

— Вообще, о генералахъ, ваше превосходительство, въ общности. То есть, говоря собственно, объ отечественныхъ генералахъ.

Чичиковъ совершенно спутался и потерялся, чуть не плюнулъ самъ и мысленно сказалъ въ себѣ: „Господи, что за вздоръ такой несу!“

— Извините, я не очень понимаю... Что жъ это выходитъ, исторію какого-нибудь времени, или отдѣльныя біографіи? и притомъ всѣхъ ли, или только участвовавшихъ въ 12-мъ году?

— Точно такъ, ваше превосходительство, участвовавшихъ въ 12-мъ году! — Проговоривши это, онъ подумалъ въ себѣ: „Хоть убей, не понимаю!“

— Такъ что жъ онъ ко мнѣ не пріѣдетъ? Я бы могъ собрать ему весьма много любопытныхъ матеріаловъ.

— Робѣетъ, ваше превосходительство.

— Какой вздоръ! Изъ какого-нибудь пустого слова, что между нами произнесъ... Да я совсѣмъ не такой человѣкъ. Я, пожалуй, къ нему самъ готовъ пріѣхать.

— Онъ къ тому не допуститъ, онъ самъ пріѣдетъ, — сказалъ Чичиковъ, оправился и совершенно ободрился, и подумалъ: „Экая оказія! какъ генералы пришлись кстати! а вѣдь языкъ взболтнулъ сдуру“.

Въ кабинетѣ послышался шорохъ. Орѣховая дверь рѣзного шкапа отворилась сама собою, и на отворившейся обратной половинѣ ея, ухватившись рукой за мѣдную ручку замка, явилась живая фигурка. Еслибы въ темной комнатѣ вдругъ вспыхнула прозрачная картина, освѣщенная сильно сзади лампами, — одна она бы такъ не поразила внезапностью своего явленья, какъ фигурка эта. Видно было, что взошла съ тѣмъ, чтобы что то сказать, но, увидя незнакомаго человѣка... Съ нею вмѣстѣ, казалось, влетѣлъ солнечный лучъ, какъ будто разсмѣялся нахмурившійся кабинетъ генерала. Чичиковъ въ первую минуту не могъ дать себѣ отчета, что такое именно предъ нимъ стояло. Трудно было сказать, какой земли она была уроженка. Такого чистаго, благороднаго очертанья лица нельзя было отыскать нигдѣ, кромѣ развѣ только на однѣхъ древнихъ камейкахъ. Прямая и легкая, какъ стрѣлка, она какъ бы возвышалась надъ всѣми своимъ ростомъ. Но это было обольщеніе. Она была вовсе не высокаго роста. Происходило это отъ необыкновенно согласнаго соотношенья между собою всѣхъ частей тѣла. Платье сидѣло на ней такъ, что, казалось, лучшія швеи совѣщались между собой, какъ бы получше убрать ее. Но это было также обольщенье. Одѣлась она какъ будто сама собой: въ двухъ, трехъ мѣстахъ схватила игла кое-какъ не-

изрѣзанный кусокъ одноцвѣтной ткани, и онъ уже собрался и расположился вокругъ нея въ такихъ сборахъ и складкахъ, что еслибы перенести ихъ вмѣстѣ съ нею на картину, всѣ барышни, одѣтыя по модѣ, казались бы передъ ней какими то пеструшками, издѣльемъ лоскутнаго ряда. И еслибы перенесть ее со всѣми этими складками ее обольнувшаго платья на мраморъ, назвали бы его копіею геніальныхъ. Одно было нехорошо: она была черезчуръ уже тонка и худа.

— Рекомендую вамъ мою баловницу! — сказалъ генералъ, обратясь къ Чичикову. — Однакожъ фамиліи вашей, имени и отечества до сихъ не знаю.

— Должно ли быть знаемо имя и отчество человѣка, не ознаменовавшаго себя доблестями? — сказалъ скромно Чичиковъ, наклонивши голову на-бокъ.

— Все же, однакожъ, нужно знать ...

— Павелъ Ивановичъ, ваше превосходительство, — сказалъ Чичиковъ, поклонившись съ ловкостью почти военнаго человѣка и отпрыгнувши назадъ съ легкостью резиннаго мячика.

— Улинька! — сказалъ генералъ, обратясь къ дочери: — Павелъ Ивановичъ сейчасъ сказалъ преинтересную новость. Сосѣдъ нашъ Тѣнтѣтниковъ совсѣмъ не такой глупый человѣкъ, какъ мы полагали. Онъ занимается довольно важнымъ дѣломъ: исторіей генераловъ двѣнадцатаго года.

— Да кто же думалъ, что онъ глупый человѣкъ? — проговорила она быстро. — Развѣ одинъ только Вишнепокромовъ, которому ты вѣришь, который и пустой, и низкій человѣкъ!

— Зачѣмъ же низкій? Онъ пустоватъ, это правда, — сказалъ генералъ.

— Онъ подловатъ и гадковатъ, не только что пустоватъ. Кто такъ обидѣлъ своихъ братьевъ и выгналъ изъ дому родную сестру, тотъ гадкій человѣкъ.

— Да вѣдь это разсказываютъ только.

— Такихъ вещей разсказывать не будутъ напрасно. Я не понимаю, отецъ, какъ съ добрѣйшей душой, какая у тебя, и такимъ рѣдкимъ сердцемъ, ты будешь принимать человѣка, который какъ небо отъ земли отъ тебя, о которомъ самъ знаешь, что онъ дуренъ.

— Вотъ этакъ, вы видите, — сказалъ генералъ, усмѣхаясь, Чичикову: — вотъ этакъ мы всегда съ ней споримъ. — И, оборотясь къ спорящей, продолжалъ:

— Душа моя! вѣдь мнѣ жъ не прогнать его?

— Зачѣмъ прогонять? Но зачѣмъ и показывать ему такое вниманіе? зачѣмъ и любить?

Здѣсь Чичиковъ почелъ долгомъ вверпуть и отъ себя слово.

— Всѣ требуютъ къ себѣ любви, сударыня, — сказалъ Чичиковъ. — Что жъ дѣлать? И скотинка любитъ, чтобы ее погладили; сквозь хлѣвъ просунетъ для этого морду: на, погладь!

Генералъ разсмѣялся.

— Именно просунетъ морду: погладь его!., Ха, ха, ха! У него не только что рыло все, весь, весь зажилъ въ сажѣ, а вѣдь тоже требуетъ, какъ говорится, поощренья ... Ха, ха, ха, ха! — И туловище генерала стало колебаться отъ смѣха. Плечи, носившія нѣкогда густые эполеты, тряслись, точно какъ бы носили и понынѣ густые эполеты.

Чичиковъ разрѣшился тоже междометіемъ смѣха, но, изъ уваженія къ генералу, пустилъ его на букву э: хе, хе, хе, хе, хе. И туловище его также стало колебаться отъ смѣха, хотя плечи и не тряслись, потому что не носили густыхъ эполетъ.

— Обокрадетъ, обворуетъ казну, да еще и, каналья, наградъ проситъ! Нельзя, говоритъ, безъ поощренья, трудился ... Ха, ха, ха, ха!

Болѣзненное чувство выразилось на благородномъ, миломъ лицѣ дѣвушки.

— Ахъ, папа! Я не понимаю, какъ ты можешь смѣяться! На меня эти безчестные поступки наводятъ унынье и ничего болѣе. Когда я вижу, что въ глазахъ совершается обманъ въ виду всѣхъ, и не наказываются эти люди всеобщимъ презрѣньемъ, я не знаю, что со мной дѣлается, я на ту пору становлюсь зла, даже дурна: я думаю, думаю ... — И чуть сама не заплакала.

— Только, пожалуйста, не гнѣвайся на насъ, — сказалъ генералъ. — Мы тутъ ни въ чемъ не виноваты. Неправда ли? — сказалъ онъ обратясь къ Чичикову. — Поцѣлуй меня и уходи къ себѣ. Я сейчасъ стану одѣваться къ обѣду. Вѣдь ты, — сказалъ онъ, посмотрѣвъ Чичикову въ глаза: — надѣюсь, обѣдаешь у меня?

— Если только, ваше превосходительство ...

— Безъ чиновъ, что тутъ? Я вѣдь еще, слава Богу, могу накормить. Щи есть.

Бросивъ ловко обѣ руки на-отлетъ, Чичиковъ признательно и почтительно наклонилъ голову книзу, такъ что на время скрылись изъ его взоровъ всѣ предметы въ комнатѣ, и остались видны ему только одни носки своихъ собственныхъ полусапожекъ. Когда же, пробывъ нѣсколько времени въ такомъ почтительномъ расположеніи, приподнялъ онъ голову снова кверху, онъ уже не увидалъ Улиньки. Она исчезнула. Намѣсто ея предсталъ, въ густыхъ усахъ и бакенбардахъ, великанъ-камердинеръ, съ серебряной лаханкой и рукомойникомъ въ рукахъ.

— Ты мнѣ позволишь одѣваться при себѣ?

— Не только одѣваться, но можете совершить при мнѣ все, что угодно вашему превосходительству.

Опустя съ одной руки халатъ и засуча рукава рубашки на богатырскихъ рукахъ, генералъ сталъ умываться, брызгаясь и фыркая, какъ утка. Вода съ мыломъ летѣла во всѣ стороны.

— Любятъ, любятъ, точно любятъ поощренье, — сказалъ онъ, вытирая со всѣхъ сторонъ свою шею ... — Погладь, погладь его! а вѣдь безъ поощренья такъ и красть не станетъ! Ха, ха, ха!

Чичиковъ былъ въ духѣ неописанномъ. Вдругъ налетѣло на него вдохновенье. „Генералъ весельчакъ и добрякъ — попробовать!“ подумалъ онъ и, увидя, что камердинеръ съ лаханью вышелъ, вскрикнулъ:

— Ваше превосходительство! такъ какъ вы уже такъ добры ко всѣмъ и внимательны, имѣю къ вамъ крайнюю просьбу.

— Какую?

Чичиковъ осмотрѣлся вокругъ.

— Есть, ваше превосходительство, дряхлый старичишка-дядя, у него триста душъ и двѣ тысячи ... и, кромѣ меня, наслѣдниковъ никого. Самъ управлять имѣньемъ, по дряхлости, не можетъ, а мнѣ не передаетъ тоже. И какой странный приводитъ резонъ! „Я“. говоритъ, „племянника не знаю; можетъ быть, онъ мотъ. Пусть онъ докажетъ мнѣ, что онъ надежный человѣкъ: пусть пріобрѣтетъ прежде самъ собой триста душъ; тогда я ему отдамъ и свои триста душъ“.

— Да что жъ онъ, выходитъ, совсѣмъ дуракъ? — спросилъ генералъ.

— Дуракъ бы еще пусть, это при немъ бы и оставалось. Но положенье то мое, ваше превосходительство! У старикашки завелась какая то ключница, а у ключницы дѣти. Того и смотри, все перейдетъ имъ.

— Выжилъ глупый старикъ изъ ума и больше ничего, — сказалъ генералъ. — Только я не вижу, чѣмъ тутъ я могу пособить? — говорилъ онъ, смотря съ изумленьемъ на Чичикова.

— Я придумалъ вотъ что. Если вы всѣхъ мертвыхъ душъ вашей деревни, ваше превосходительство, передадите мнѣ въ такомъ видѣ, какъ

бы онѣ были живыя, съ совершеньемъ купчей крѣпости, я бы тогда эту крѣпость представилъ старику, и онъ наслѣдство бы мнѣ отдалъ.

Тутъ генералъ разразился такимъ смѣхомъ, какимъ врядъ ли когда смѣялся человѣкъ. Какъ былъ, такъ и повалился онъ въ кресла. Голову забросилъ назадъ и чуть не захлебнулся. Весь домъ встревожился. Предсталъ камердинеръ. Дочь прибѣжала въ испугѣ.

— Отецъ, что съ тобой случилось? — говорила она въ страхѣ, съ недоумѣньемъ смотря ему въ глаза.

Но генералъ долго не могъ издать никакого звука.

— Ничего, другъ мой; не заботься. Ступай къ себѣ; мы сейчасъ явимся обѣдать. Будь спокойна. Ха, ха, ха!

И, нѣсколько разъ задохнувшись, вырывался съ новою силою генеральскій хохотъ, раздаваясь отъ передней до послѣдней комнаты.

Чичиковъ былъ въ безпокойствѣ.

— Дядя то, дядя! въ какихъ дуракахъ будетъ дядя! Ха, ха, ха! Мертвецовъ вмѣсто живыхъ получить! Ха, ха!

„Опять пошелъ!“ думалъ про себя Чичиковъ. „Экъ его, щекотливый какой! Какъ не разорвется!“

— Ха, ха, ха! — продолжалъ генералъ. — Экой оселъ! Вѣдь придетъ же въ умъ этакое требованье: „пусть прежде самъ собой изъ ничего достанетъ триста душъ, такъ тогда дамъ ему триста душъ!“ Вѣдь онъ оселъ!

— Оселъ, ваше превосходительство.

— Ну, да и твоя то штука попотчивать старика мертвыми! Ха, ха, ха! Я бы Богъ знаетъ что далъ, чтобы посмотрѣть, какъ ты ему поднесешь на нихъ купчую крѣпость. Ну, что онъ? Каковъ онъ изъ себя? Очень старъ?

— Лѣтъ восемьдесятъ.

— Однакожъ, и движется, бодръ? Вѣдь онъ долженъ же быть и крѣпокъ, потому что при немъ вѣдь живетъ и ключница?..

— Какая крѣпость! Песокъ сыплется, ваше превосходительство!

— Экой дуракъ! Вѣдь онъ дуракъ?

— Дуракъ, ваше превосходительство.

— Однакожъ, выѣзжаетъ? бываетъ въ обществахъ? держится еще на ногахъ?

— Держится, но съ трудомъ.

— Экой дуракъ! Но крѣпокъ, однакожъ? Есть еще зубы?

— Два зуба всего, ваше превосходительство.

— Экой оселъ! Ты, братецъ, не сердись ... Хоть онъ тебѣ и дядя, а вѣдь онъ оселъ.

— Оселъ, ваше превосходительство. Хоть и родственникъ, и тяжело сознаваться въ этомъ, но что жъ дѣлать?

Вралъ Чичиковъ: ему вовсе не тяжело было сознаться, тѣмъ болѣе, что врядъ ли у него былъ когда-либо какой дядя.

— Такъ, ваше превосходительство, отпустите мнѣ ...

— Чтобы отдать тебѣ мертвыхъ душъ? Да за такую выдумку я ихъ тебѣ съ землей, съ жильемъ! Возьми себѣ все кладбище! Ха, ха, ха, ха! Старикъ то, старикъ! Ха, ха, ха, ха! Въ какихъ дуракахъ будетъ дядя! Ха, ха, ха, ха!..

И генеральскій смѣхъ пошелъ отдаваться вновь по генеральскимъ покоямъ.

Глава III.

„Если полковникъ Кошкаревъ точно сумасшедшій, то это недурно“, говорилъ Чичиковъ, очутившись опять посреди открытыхъ полей и про-

странствъ, когда все исчезло и только остался одинъ небесный сводъ да два облака въ сторонѣ.

— Ты, Селифанъ, разспросилъ ли хорошенько, какъ дорога къ полковнику Кошкареву?

— Я, Павелъ Ивановичъ, изволите видѣть, такъ какъ все хлопоталъ около коляски, такъ мнѣ некогда было; а Петрушка разспрашивалъ у кучера.

— Вотъ и дуракъ! На Петрушку, сказано, не полагаться: Петрушка бревно; Петрушка глупъ; Петрушка, чай, и теперь пьянъ.

— Вѣдь тутъ не мудрость какая! — сказалъ Петрушка, полуоборотясь и глядя искоса. — Окромѣ того, что, спустясь съ горы, взять лугомъ, ничего больше и нѣтъ.

— А ты, окромѣ сивухи, ничего и въ ротъ не бралъ? Хорошъ, очень хорошъ! Ужъ вотъ можно сказать: удивилъ красотой Европу! — Сказавъ это, Чичиковъ погладилъ свой подбородокъ и подумалъ: „Какая, однакожъ, разница между просвѣщеннымъ гражданиномъ и грубой лакейской физіогноміей!“

Коляска стала, между тѣмъ, спускаться. Открылись опять луга и пространства, усѣянныя осиновыми рощами.

Тихо вздрагивая на упругихъ пружинахъ, продолжалъ бережно спускаться незамѣтнымъ косогоромъ покойный экипажъ и, наконецъ, понесся лугами, мимо мельницъ, съ легкимъ громомъ по мостамъ, съ небольшой покачкой по тряскому мякишу низменной земли. И хоть бы одинъ бугорокъ или кочка дали себя почувствовать бокамъ! Утѣшенье, а не коляска.

Быстро пролетали мимо ихъ кусты лозъ, тонкія ольхи и серебристые тополи, ударяя вѣтвями сидѣвшихъ на козлахъ Селифана и Петрушку. Съ послѣдняго ежеминутно сбрасывали они картузъ. Суровый служитель соскакивалъ съ козелъ, бра-

нилъ глупое дерево и хозяина, который насадилъ его, но привязать картуза или даже придержать рукою все не хотѣлъ, надѣясь, что въ послѣдній разъ и дальше не случится. Къ деревьямъ же скоро присоединилась береза, тамъ ель. У корней гущина; трава — синяя ирь [1] и желтый лѣсной тюльпанъ. Лѣсъ затемнѣлъ и готовился превратиться въ ночь. Но вдругъ отовсюду, промежъ вѣтвей и пней, сверкнули проблески свѣта, какъ бы сіяющія зеркала. Деревья зарѣдѣли, блески становились больше ... и вотъ передъ ними озеро, — водная равнина версты четыре въ поперечникѣ. На супротивномъ берегу, надъ озеромъ, высыпалась сѣрыми бревенчатыми избами деревня. Крики раздавались въ водѣ. Человѣкъ 20, по поясъ, по плеча и по горло въ водѣ, тянули къ супротивному берегу неводъ. Случилась оказія. Вмѣстѣ съ рыбою запутался какъ то круглый человѣкъ, такой же мѣры въ вышину, какъ и въ толщину, точный арбузъ или боченокъ. Онъ былъ въ отчаянномъ положеньи и кричалъ во всю глотку:

— Телепень [2] Денисъ, передавай Козьмѣ! Козьма, бери конецъ у Дениса! Не напирай такъ, Ѳома Большой! Ступай туды, гдѣ Ѳома Меньшой. Черти! говорю вамъ, оборвете сѣти!

Арбузъ, какъ видно, боялся не за себя: потонуть, по причинѣ толщины, онъ не могъ, и, какъ бы ни кувыркался, желая нырнуть, вода бы его все выносила наверхъ; и еслибы сѣло къ нему на спину еще двое, онъ бы, какъ упрямый пузырь, остался съ ними на верхушкѣ воды, слегка только подъ ними покряхтывая да пуская носомъ волдыри. Но онъ боялся крѣпко, чтобы не оборвался неводъ, и не ушла рыба, и потому, сверхъ прочаго, тащили его еще накинутыми веревками нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ на берегу.

---

[1] Растеніе (Acorus calamus).
[2] Увалень (собств., языкъ колокола).

— Долженъ быть баринъ, полковникъ Кошкаревъ, — сказалъ Селифанъ.

— Почему?

— Оттого, что тѣло у него, изволите видѣть, побѣлѣй, чѣмъ у другихъ, и дородство почтительное, какъ у барина.

Барина, запутаннаго въ сѣти, притянули, между тѣмъ, уже значительно къ берегу. Почувствовавъ, что можетъ достать ногами, онъ сталъ на ноги, и въ это время увидѣлъ спускавшуюся съ плотины коляску и въ ней сидящаго Чичикова.

— Обѣдали?—закричалъ баринъ, подходя съ пойманною рыбою на берегъ, весь опутанный въ сѣть, — какъ, въ лѣтнее время, дамская ручка въ сквозную перчатку, — держа одну руку надъ глазами козырькомъ въ защиту отъ солнца, другую же пониже — на манеръ Венеры Медицейской, выходящей изъ бани.

— Нѣтъ, — сказалъ Чичиковъ, приподымая картузъ и продолжая раскланиваться изъ коляски.

— Ну, такъ благодарите же Бога!

— А что? — спросилъ Чичиковъ любопытно, держа надъ головою картузъ.

— А вотъ что! Брось, Ѳома Меньшой, сѣть да приподыми осетра изъ лаханки! Телепень Кузьма, ступай, помоги!

Двое рыбаковъ приподняли изъ лаханки голову какого то чудовища.

— Вона какой князь! изъ рѣки зашелъ! — кричалъ круглый баринъ. — Поѣзжайте во дворъ! Кучеръ, возьми дорогу пониже черезъ огородъ! Побѣги, телепень Ѳома Большой, снять перегородку! Онъ васъ проводитъ, а я сейчасъ ...

Длинноногій, босой Ѳома Большой, какъ былъ, въ одной рубашкѣ, побѣжалъ впередъ коляски черезъ всю деревню, гдѣ у всякой избы развѣшены были бредни, сѣти и морды [1]: всѣ мужики были

[1] Плетеная верша.

рыбаки; потомъ вынулъ изъ какого то огорода перегородку, и огородами выѣхала коляска на площадь, близъ деревянной церкви. За церковью, подальше, видны были крыши городскихъ строеній.

„Чудаковатъ этотъ Кошкаревъ“, думалъ онъ про себя.

— А вотъ я и здѣсь! — раздался голосъ сбоку. Чичиковъ оглянулся. Баринъ уже ѣхалъ возлѣ него, одѣтый: травяно-зеленый нанковый сюртукъ, желтые штаны, и шея безъ галстука, на манеръ купидона! Бокомъ сидѣлъ онъ на дрожкахъ, занявши собою всѣ дрожки. Онъ хотѣлъ было что то сказать ему, но толстякъ уже исчезъ. Дрожки показались снова на томъ мѣстѣ, гдѣ вытаскивали рыбу. Раздались снова голоса: „Ѳома Большой да Ѳома Меньшой! Козьма да Денисъ!“ Когда же подъѣхалъ онъ къ крыльцу дома, къ величайшему изумленью его, толстый баринъ былъ уже на крыльцѣ и принялъ его въ свои объятья. Какъ онъ успѣлъ такъ слетать, было непостижимо. Они поцѣловались, по старому русскому обычаю, троекратно навкрестъ: баринъ былъ стараго покроя.

— Я привезъ вамъ поклонъ отъ его превосходительства, — сказалъ Чичиковъ.

— Отъ какого превосходительства?

— Отъ родственника вашего, отъ генерала Александра Дмитріевича.

— Кто это Александръ Дмитріевичъ?

— Генералъ Бетрищевъ, — отвѣчалъ Чичиковъ съ нѣкоторымъ изумленьемъ.

— Незнакомъ, — сказалъ онъ съ изумленьемъ.

Чичиковъ пришелъ еще въ бо́льшее изумленіе:

— Какъ же это?.. Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что имѣю удовольствіе говорить съ полковникомъ Кошкаревымъ?

— Нѣтъ, не надѣйтесь. Вы пріѣхали не къ нему, а ко мнѣ. Петръ Петровичъ Пѣтухъ! Пѣтухъ, Петръ Петровичъ! — подхватилъ хозяинъ.

Чичиковъ остолбенѣлъ.

— Какъ же? — оборотился онъ къ Селифану и Петрушкѣ, которые тоже оба разинули ротъ и выпучили глаза, одинъ, сидя на козлахъ, другой, стоя у дверецъ коляски. — Какъ же вы, дураки? Вѣдь вамъ сказано: къ полковнику Кошкареву ... А вѣдь это Петръ Петровичъ Пѣтухъ ...

— Ребята сдѣлали отлично! Ступай на кухню: тамъ вамъ дадутъ по чапорухѣ водки, — сказалъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ. — Откладывайте коней и ступайте сей же часъ въ людскую!

— Я совѣщусь: такая нежданная ошибка...— говорилъ Чичиковъ.

— Не ошибка. Вы прежде попробуйте, каковъ обѣдъ, да потомъ скажите: ошибка ли это? Покорнѣйше прошу, — сказалъ Пѣтухъ, взявши Чичикова подъ руку и вводя его во внутренніе покои. Изъ покоевъ вышли имъ навстрѣчу двое юношей, въ лѣтнихъ сюртукахъ, — тонкіе, точно ивовые хлысты; цѣлымъ аршиномъ выгнало ихъ вверхъ выше отцовскаго роста.

— Сыны мои, гимназисты, пріѣхали на праздники ... Николаша, ты побудь съ гостемъ; а ты, Алексаша, ступай за мною.

Сказавъ это, хозяинъ исчезнулъ.

Чичиковъ занялся съ Николашей. Николаша, кажется, былъ будущій человѣкъ-дрянцо. Онъ разсказалъ съ первыхъ же разовъ Чичикову, что въ губернской гимназіи нѣтъ никакой выгоды учиться, что они съ братомъ хотятъ ѣхать въ Петербургъ, потому что провинція не стоитъ того, чтобы въ ней жить ...

„Понимаю“, подумалъ Чичиковъ: „кончится дѣло кондитерскими да булеварами ...“

— А что? — спросилъ онъ вслухъ: — въ какомъ состояньи имѣнье вашего батюшки?

— Заложено, — сказалъ на это самъ батюшка, снова очутившійся въ гостиной, — заложено.

„Плохо“, подумалъ Чичиковъ. „Этакъ скоро не останется ни одного имѣнья. Нужно торопиться“.

— Напрасно, однакоже, — сказалъ онъ съ видомъ соболѣзнованья, — поспѣшили заложить.

— Нѣтъ, ничего, — сказалъ Пѣтухъ. — Говорятъ, выгодно. Всѣ закладываютъ: какъ же отставать отъ другихъ? Притомъ же все жилъ здѣсь: дай-ка еще попробую прожить въ Москвѣ. Вотъ сыновья тоже уговариваютъ, хотятъ просвѣщенья столичнаго.

„Дуракъ, дуракъ!“ думалъ Чичиковъ: „промотаетъ все, да и дѣтей сдѣлаетъ мотишками. Имѣньице порядочное. Поглядишь — и мужикамъ хорошо, и имъ недурно. А какъ просвѣтятся тамъ у ресторановъ да по театрамъ, — все пойдетъ къ чорту. Жилъ бы себѣ, кулебяка, въ деревнѣ“.

— А вѣдь я знаю, что вы думаете! — сказалъ Пѣтухъ.

— Что? — спросилъ Чичиковъ, смутившись.

— Вы думаете: „Дуракъ, дуракъ этотъ Пѣтухъ: зазвалъ обѣдать, а обѣда до сихъ поръ нѣтъ“. Будетъ готовъ, почтеннѣйшій. Не успѣетъ стриженая дѣвка косы заплесть, какъ онъ поспѣетъ.

— Батюшка! Платонъ Михалычъ ѣдетъ! — сказалъ Алексаша, глядя въ окно.

— Верхомъ на гнѣдой лошади! — подхватилъ Николаша, нагибаясь къ окну.

— Гдѣ, гдѣ? — закричалъ Пѣтухъ, подступивши къ окну.

— Кто это Платонъ Михайловичъ? — спросилъ Чичиковъ у Алексаши.

— Сосѣдъ нашъ, Платонъ Михайловичъ Платоновъ, прекрасный человѣкъ, отличный человѣкъ, — сказалъ самъ Пѣтухъ.

Между тѣмъ, вошелъ въ комнату самъ Плато-

новъ, красавецъ, стройнаго роста, съ свѣтлорусыми блестящими волосами, завивавшимися въ кудри. Гремя мѣднымъ ошейникомъ, мордатый песъ, собака-страшилище, именемъ Ярбъ, вошелъ вослѣдъ за нимъ.

— Обѣдали? — спросилъ хозяинъ.

— Обѣдалъ.

— Что же вы, смѣяться, что ли, надо мной пріѣхали? Что мнѣ въ васъ послѣ обѣда?

Гость, усмѣхнувшись, сказалъ:

— Утѣшу васъ тѣмъ, что ничего не ѣлъ: вовсе нѣтъ аппетита.

— А каковъ былъ уловъ, еслибъ вы видѣли! Какой осетрище пожаловалъ! Какіе карасищи, карпище какіе!

— Даже досадно васъ слушать. Отчего вы всегда такъ веселы?

— Да отчего же скучать? помилуйте! — сказалъ хозяинъ.

— Какъ отчего скучать? — оттого, что скучно.

— Мало ѣдите, вотъ и все. Попробуйте-ка хорошенько пообѣдать. Вѣдь это въ послѣднее время выдумали скуку; прежде никто не скучалъ.

— Да полно хвастать! Будто ужъ вы никогда не скучали?

— Никогда! Да и не знаю, даже и времени нѣтъ для скучанья. Поутру проснешься — вѣдь тутъ сейчасъ поваръ, нужно заказывать обѣдъ, тутъ чай, тутъ приказчикъ, тамъ на рыбную ловлю, а тутъ и обѣдъ. Послѣ обѣда не успѣешь всхрапнуть — опять поваръ, нужно заказывать ужинъ; тутъ пришелъ поваръ — заказывать нужно на завтра обѣдъ ... Когда же скучать?

Во все время разговора Чичиковъ разсматривалъ гостя, который его изумлялъ необыкновенной красотой своей, стройнымъ, картиннымъ ростомъ, свѣжестью неистраченной юности, дѣвственной чистотой ни однимъ прыщикомъ неопозореннаго

лица. Ни страсти, ни печали, ни даже что-либо похожее на волненіе и безпокойство не дерзнули коснуться его дѣвственнаго лица и положить на немъ морщину, но съ тѣмъ вмѣстѣ и не оживили его. Оно оставалось какъ то сонно, несмотря на ироническую усмѣшку, временами его оживлявшую.

— Я также, если позволите замѣтить, — сказалъ онъ, — не могу понять, какъ при такой наружности, какова ваша, скучать. Конечно, если недостача денегъ, или враги, какъ есть иногда такіе, которые готовы покуситься даже на самую жизнь ...

— Повѣрьте, — прервалъ красавецъ-гость: — что для разнообразія я бы желалъ иногда имѣть какую-нибудь тревогу: ну, хоть бы кто разсердилъ меня — и того нѣтъ. Скучно, да и только.

— Стало быть, недостаточность земли по имѣнію, малое количество душъ?

— Ничуть. У насъ съ братомъ земли на десять тысячъ десятинъ и при нихъ больше тысячи человѣкъ крестьянъ.

— Странно, не понимаю. Но, можетъ быть, неурожаи, болѣзни? много вымерло мужеска пола людей?

— Напротивъ, все въ наилучшемъ порядкѣ, и братъ мой отличнѣйшій хозяинъ.

— И при этомъ скучать! не понимаю, — сказалъ Чичиковъ и пожалъ плечами.

— А вотъ мы скуку сейчасъ прогонимъ, — сказалъ хозяинъ. — Бѣжи, Алексаша, проворнѣй на кухню и скажи повару, чтобы поскорѣй прислалъ намъ растегайчиковъ. Да гдѣ жъ ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка? Зачѣмъ не даютъ закуски?

Но дверь растворилась. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка явились съ салфетками, накрыли столъ, поставили подносъ съ шестью графинами

разноцвѣтныхъ настоекъ. Скоро вокругъ подносовъ и графиновъ обстановилось ожерелье тарелокъ со всякой подстрекающей снѣдью. Слуги поворачивались расторопно, безпрестанно принося что то въ закрытыхъ тарелкахъ, сквозь которыя слышно было ворчавшее масло. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка расправлялись отлично. Названья эти были имъ даны такъ только — для поощренья. Баринъ былъ вовсе не охотникъ браниться, онъ былъ добрякъ; но ужъ русскій человѣкъ какъ то безъ прянаго слова не обойдется. Оно ему нужно, какъ рюмка водки для сваренья въ желудкѣ. Что жъ дѣлать? такая натура: ничего прѣснаго не любитъ.

Закускѣ послѣдовалъ обѣдъ. Здѣсь добродушный хозяинъ сдѣлался совершеннымъ разбойникомъ. Чуть замѣчалъ у кого одинъ кусокъ — подкладывалъ ему тутъ же другой, приговаривая: „Безъ пары ни человѣкъ, ни птица не могутъ жить на свѣтѣ“. У кого два — подваливалъ ему третій, приговаривая: „Что жъ за число два? Богъ любитъ троицу“. Съѣдалъ гость три — онъ ему: „Гдѣ жъ бываетъ телѣга о трехъ колесахъ? Кто жъ строитъ избу о трехъ углахъ?“ На четыре у него была тоже поговорка, на пять — опять. Чичиковъ съѣлъ чего то чуть ли не двѣнадцать ломтей и думалъ: „Ну, теперь ничего не приберетъ больше хозяинъ“. Не тутъ то было: хозяинъ, не говоря ни слова, положилъ ему на тарелку хребтовую часть теленка, жаренаго на вертелѣ, съ почками, да и какого теленка!

— Два года воспитывалъ на молокѣ, — сказалъ хозяинъ, — ухаживалъ, какъ за сыномъ.

— Не могу, — сказалъ Чичиковъ.

— Вы попробуйте да потомъ скажите: не могу.

— Не взойдетъ, нѣтъ мѣста.

— Да и въ церкви не было мѣста, взошелъ го-

родничій — нашлось. А была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ тотъ же городничій.

Попробовалъ Чичиковъ — дѣйствительно, кусокъ былъ въ родѣ городничаго: нашлось ему мѣсто, а, казалось, ничего нельзя было помѣстить.

„Ну, какъ этакому человѣку ѣхать въ Петербургъ или въ Москву? Съ этакимъ хлѣбосольствомъ онъ тамъ въ три года проживется въ пухъ!“ То есть, онъ не зналъ того, что теперь это усовершенствовано: и безъ хлѣбосольства можно все спустить не въ три года, а въ три мѣсяца.

Онъ то и дѣло подливалъ да подливалъ; чего жъ не допивали гости, давалъ допить Алексашѣ и Никóлашѣ, которые такъ и хлопали рюмку за рюмкой: впередъ видно было, на какую часть человѣческихъ познаній обратятъ они вниманіе по пріѣздѣ въ столицу. Съ гостьми было не то: въ силу, въ силу перетащились они на балконъ и въ силу помѣстились въ креслахъ. Хозяинъ, какъ сѣлъ въ свое, какое то четырехмѣстное, такъ тутъ же и заснулъ. Тучная собственность его, превратившись въ кузнечный мѣхъ, стала издавать, черезъ открытый ротъ и носовые продухи, такіе звуки, какіе рѣдко приходятъ въ голову и новаго сочинителя: и барабанъ, и флейта, и какой то отрывистый гулъ, точный собачій лай.

— Экъ его насвистываетъ! — сказалъ Платоновъ.

Чичиковъ разсмѣялся.

— Разумѣется, если этакъ пообѣдаешь, какъ тутъ придти скукѣ! Тутъ сонъ придетъ — не правда ли?

— Да. Но я, однакоже — вы меня извините — не могу понять, какъ можно скучать. Противъ скуки есть такъ много средствъ.

— Какія же?

— Да мало ли для молодого человѣка? Танцовать, играть на какомъ-нибудь инструментѣ ... а не то — жениться.

— На комъ?

— Да будто въ окружности нѣтъ хорошихъ и богатыхъ невѣстъ?

— Да нѣтъ.

— Ну, поискать въ другихъ мѣстахъ, поѣздить. — И богатая мысль сверкнула вдругъ въ головѣ Чичикова. — Да вотъ прекрасное средство! — сказалъ онъ, глядя въ глаза Платонову.

— Какое?

— Путешествіе.

— Куда же ѣхать?

— Да если вамъ свободно, такъ поѣдемъ со мной, — сказалъ Чичиковъ и подумалъ про себя, глядя на Платонова: „А это было бы хорошо. Тогда бы можно издержки пополамъ, а починку коляски отнести вовсе на его счетъ“.

— А куда вы ѣдете?

— Покамѣстъ ѣду я не столько по своей нуждѣ, сколько по надобности другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ ... Конечно, родственники родственниками; но отчасти, такъ сказать, и для самого себя: ибо видѣть свѣтъ, коловращенье людей — кто что ни говори, есть какъ бы живая книга, вторая наука.

И, сказавши это, помышлялъ Чичиковъ между тѣмъ такъ: „Право, было бы хорошо. Можно даже и всѣ издержки на его счетъ, даже и отправиться на его лошадяхъ, а мои бы покормились у него въ деревнѣ“.

„Почему же не проѣздиться?“ думалъ между тѣмъ Платоновъ. „Дома же мнѣ дѣлать нечего,

хозяйство и безъ того на рукахъ у брата; стало быть, разстройства никакого. Почему жъ въ самомъ дѣлѣ не проѣздиться?“

— А согласны ли вы, — сказалъ онъ вслухъ, — погостить у брата денька два? Иначе онъ меня не отпуститъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, хоть три.

— Ну, такъ по рукамъ! ѣдемъ! — сказалъ, оживясь, Платоновъ.

Они хлопнули по рукамъ.

— Ѣдемъ!

— Куда, куда? — вскрикнулъ хозяинъ, проснувшись и выпуча на нихъ глаза. — Нѣтъ, сударики! и колеса у коляски приказано снять, а вашего жеребца, Платонъ Михайлычъ, угнали отсюда за пятнадцать верстъ. Нѣтъ, вотъ вы сегодня переночуйте, а завтра послѣ ранняго обѣда и поѣзжайте себѣ.

Что было дѣлать съ Пѣтухомъ? Нужно было остаться. За то награждены они были удивительнымъ весеннимъ вечеромъ. Хозяинъ устроилъ гулянье на рѣкѣ. Двѣнадцать гребцовъ, въ двадцать четыре весла, съ пѣснями, понесли ихъ по гладкому хребту зеркальнаго озера. Изъ озера они пронеслись въ рѣку, безпредѣльную, съ пологими берегами на обѣ стороны, подходя безпрестанно подъ протянутые поперекъ рѣки канаты для ловли. Хоть бы струйкой шевельнулись воды; только безмолвно являлись предъ ними, одинъ за другимъ, виды, и роща за рощей тѣшила взоры разнообразнымъ размѣщеньемъ деревъ. Гребцы, хвативши разомъ въ двадцать четыре весла, подымали вдругъ всѣ весла вверхъ — и катеръ, самъ собой, какъ легкая птица, стремился по недвижной зеркальной поверхности. Парень-запѣвало, плечистый дѣтина, третій отъ руля, починалъ чистымъ, звонкимъ голосомъ, выводя какъ бы изъ соловьинаго горла начинальные запѣвы пѣсни; пятеро

подхватывало, шестеро выносило, и разливалась она, безпредѣльная, какъ Русь. И Пѣтухъ, встрепенувшись, пригаркивалъ, поддавая, гдѣ не хватало у хора силы, и самъ Чичиковъ чувствовалъ, что онъ русскій. Одинъ только Платоновъ думалъ: „Что хорошаго въ этой заунывной пѣснѣ? Отъ нея еще бо̀льшая тоска находитъ на душу“.

Возвращались назадъ уже сумерками. Впотьмахъ ударяли весла по водамъ, уже не отражавшимъ неба. Въ темнотѣ пристали они къ берегу, по которому разложены были огни; на треногахъ варили рыбаки уху изъ животрепещущихъ ершей. Все уже было дома. Деревенская скотина и птица уже давно была пригнана, и пыль отъ нихъ уже улеглась, и пастухи, пригнавшіе ихъ, стояли у воротъ, ожидая кринки молока и приглашенья къ ухѣ. Въ сумеркахъ слышался тихій гомонъ людской, бреханье собакъ, гдѣ то отдававшееся изъ чужихъ деревень. Мѣсяцъ подымался, и начали озаряться потемнѣвшія окрестности, и все озарилось. Чудныя картины! Но некому было ими любоваться! Николаша и Алексаша, вмѣсто того, чтобы пронестись, въ это время, передъ ними на двухъ лихихъ жеребцахъ, въ обгонку другъ друга, думали о Москвѣ, о кондитерскихъ, о театрахъ, о которыхъ натолковалъ имъ заѣзжій изъ столицы кадетъ; отецъ ихъ думалъ о томъ, какъ бы окормить своихъ гостей; Платоновъ зѣвалъ. Всѣхъ живѣй оказался Чичиковъ. „Эхъ, право! заведу когда-нибудь деревеньку!“ И стали ему представляться и бабенка, и Чичонки.

А за ужиномъ опять объѣлись. Когда вошелъ Павелъ Ивановичъ въ отведенную комнату для спанья и, ложась въ постель, пощупалъ животикъ свой: „Барабанъ!“ сказалъ (онъ): „никакой городничій не взойдетъ“. Надобно такое стеченье обстоятельствъ, что за стѣной былъ кабинетъ хозяина. Стѣна была тонкая, и слышалось все, что

тамъ ни говорилось. Хозяинъ заказывалъ повару, подъ видомъ ранняго завтрака, на завтрашній день рѣшительный обѣдъ, — и какъ заказывалъ! У мертваго родился бы аппетитъ.

— Да кулебяку сдѣлай на четыре угла, — говорилъ онъ съ присасываньемъ и забирая къ себѣ духъ. — Въ одинъ уголъ положи ты мнѣ щеки осетра да вязиги, въ другой гречневой кашицы, да грибочковъ съ лучкомъ, да молокъ сладкихъ, да мозговъ, да еще чего знаешь тамъ этакого... какого-нибудь тамъ того... Да чтобы она съ одного боку, понимаешь, подрумянилась бы, а съ другого пусти ее полегче. Да исподку-то... пропеки ее такъ, чтобы всю ее прососало, проняло бы такъ, чтобы она вся, знаешь, этакъ разтого — не то, чтобы разсыпалась, а истаяла бы во рту, какъ снѣгъ какой, такъ чтобы и не услышалъ. — Говоря это, Пѣтухъ присмактывалъ и подшлепывалъ губами.

„Чортъ побери! не дастъ спать“, думалъ Чичиковъ и закуталъ голову въ одѣяло, чтобы не слышать ничего. Но и сквозь одѣяло было слышно:

— А въ обкладку къ осетру подпусти свеклу звѣздочкой, да сняточковъ, да груздочковъ, да тамъ, знаешь, рѣпушки, да морковки, да бобковъ, самъ чего-нибудь этакого, знаешь, того разтого, чтобы гарниру, гарниру всякаго побольше. Да въ свиной сычугъ [1] положи ледку, чтобы онъ взбухнулъ хорошенько.

Много еще Пѣтухъ заказывалъ блюдъ. Только и раздавалось:

— Да поджарь, да подпеки, да дай взопрѣть хорошенько!

Заснулъ Чичиковъ уже на какомъ то индюкѣ.

На другой день до того объѣлись гости, что Платоновъ уже не могъ ѣхать верхомъ. Жеребецъ

---

[1] Часть желудка.

былъ отправленъ съ конюхомъ Пѣтуха. Они сѣли въ коляску. Мордатый песъ лѣниво пошелъ за коляской: онъ тоже объѣлся.

— Это уже слишкомъ, — сказалъ Чичиковъ, когда выѣхали они со двора.

— А не скучаетъ, вотъ что досадно!

„Было бы у меня, какъ у тебя, семьдесятъ тысячъ въ годъ доходу“, подумалъ Чичиковъ: „да я бы скуку и на глаза къ себѣ не пустилъ. Вонъ откупщикъ Муразовъ, легко сказать, десять милліоновъ... Экой кушъ!“

— Что, вамъ ничего заѣхать? Мнѣ бы хотѣлось проститься съ сестрой и съ зятемъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — сказалъ Чичиковъ.

— Это первый у насъ хозяинъ. Онъ, сударь мой, получаетъ 200 тысячъ годового доходу съ такого имѣнья, которое лѣтъ восемь назадъ и двадцати не давало.

— Ахъ, да это, конечно, препочтенный человѣкъ! Это преинтересно будетъ съ эдакимъ человѣкомъ познакомиться. Какъ же? Да вѣдь это сказать... А какъ по фамиліи?

— Костанжогло.

— А имя и отчество? позвольте узнать.

— Константинъ Ѳедоровичъ.

— Константинъ Ѳедоровичъ Костанжогло. Очень будетъ интересно познакомиться. Поучительно узнать этакого человѣка.

Платоновъ принялъ на себя руководить Селифаномъ, что было нужно, потому что тотъ едва держался на козлахъ. Петрушка два раза сторчакомъ [1] слетѣлъ съ коляски, такъ что необходимо было, наконецъ, привязать его веревкой къ козламъ. „Экая скотина!“ повторялъ только Чичиковъ.

---

[1] Навзничь.

— Вотъ, поглядите-ка, начинаются его земли, — сказалъ Платоновъ: — совсѣмъ другой видъ.

И въ самомъ дѣлѣ, черезъ все поле сѣянный лѣсъ — ровныя какъ стрѣлки дерева; за ними другой, повыше, тоже молодникъ; за ними старый лѣснякъ, и все одинъ выше другого. Потомъ опять полоса поля, покрытая густымъ лѣсомъ, и снова такимъ же образомъ молодой лѣсъ, и опять старый. И три раза проѣхали, какъ сквозь ворота стѣнъ, сквозь лѣса.

— Это все у него выросло какихъ-нибудь лѣтъ въ восемь, въ десять, что у другого и въ двадцать не вырастетъ.

— Какъ же это онъ сдѣлалъ?

— Разспросите у него. Это землевѣдъ такой — у него ничего нѣтъ даромъ. Мало что онъ почву знаетъ, какъ знаетъ, какое сосѣдство для кого нужно, возлѣ какого хлѣба какія дерева. Всякій у него три, четыре должности разомъ отправляетъ. Лѣсъ у него, кромѣ того, что для лѣса, нуженъ затѣмъ, чтобы въ такомъ то мѣстѣ на столько то влаги прибавить полямъ, на столько то унавозить падающимъ листомъ, на столько то дать тѣни... Когда вокругъ засуха, у него нѣтъ засухи; когда вокругъ неурожай, у него нѣтъ неурожая. Жаль, что я самъ мало эти вещи знаю, не умѣю разсказать, а у него такія штуки... Его называютъ колдуномъ. Много, много у него всякаго... А все, однакоже, скучно...

„Въ самомъ дѣлѣ это изумительный мужъ“, подумалъ Чичиковъ. „Весьма прискорбно, что молодой человѣкъ поверхностенъ и не умѣетъ разсказать“.

Наконецъ, показалась деревня. Какъ бы городъ какой, высыпалась она множествомъ избъ на трехъ возвышеньяхъ, увѣнчанныхъ тремя церквями, перегражденная повсюду исполинскими скирдами и кладями. „Да“, подумалъ Чичиковъ: „видно, что

живетъ хозяинъ-тузъ". Избы все крѣпкія; улицы торныя; стояла ли гдѣ телѣга — телѣга была крѣпкая и новешенькая; мужикъ попадался съ какимъ то умнымъ выраженьемъ лица; рогатый скотъ на отборъ; даже крестьянская свинья глядѣла дворяниномъ. Такъ и видно, что здѣсь именно живутъ тѣ мужики, которые гребутъ, какъ поется въ пѣснѣ, серебро лопатой. Не было тутъ англійскихъ парковъ и газоновъ со всякими затѣями: но, по-старинному, шелъ проспектъ амбаровъ и рабочихъ домовъ вплоть до самаго дому, чтобы все было видно барину, что ни дѣлается вокругъ его; на высокой крышѣ дома возвышался башней высокій фонарь, не для красы или для видовъ, но для наблюденья за работающими въ отдаленныхъ поляхъ. У крыльца ихъ встрѣтили слуги, расторопные, совсѣмъ не похожіе на пьяницу Петрушку, хоть на нихъ и не было фраковъ, а казацкіе чекмени синяго домашняго сукна[1].

Хозяйка дома выбѣжала сама на крыльцо. Свѣжа она была, какъ кровь съ молокомъ; хороша, какъ Божій день; походила, какъ двѣ капли, на Платонова, съ той разницей только, что не была вяла, какъ онъ, но разговорчива и весела.

— Здравствуй, братъ! Ну, какъ же я рада, что ты пріѣхалъ. А Константина нѣтъ дома; но онъ скоро будетъ.

— Гдѣ жъ онъ?

— У него есть дѣло на деревнѣ съ какими то покупщиками, — говорила она, вводя гостей въ комнату.

Чичиковъ съ любопытствомъ разсматривалъ жилище этого необыкновеннаго человѣка, который получалъ 200 тысячъ, думая по немъ отыскать въ немъ свойства самого хозяина, какъ по оставшейся раковинѣ заключаютъ объ устрицѣ или улиткѣ, нѣ-

[1] Родъ поддевки, черкеска.

когда въ ней сидѣвшей и оставившей свое отпечатлѣнье. Но нельзя было вывести никакого заключенья. Комнаты всѣ просты, даже пусты: ни фресковъ, ни картинъ, ни бронзъ, ни цвѣтовъ, ни этажерокъ съ фарфоромъ, ни даже книгъ. Словомъ, все показывало, что главная жизнь существа, здѣсь обитавшаго, проходила вовсе не въ четырехъ стѣнахъ комнаты, но въ полѣ, и самыя мысли не обдумывались заблаговременно сибаритскимъ образомъ у огня, предъ каминомъ, въ покойныхъ креслахъ, но тамъ же, на мѣстѣ дѣла, приходили въ голову, и тамъ же, гдѣ приходили, тамъ и претворялись въ дѣло. Въ комнатахъ могъ только замѣтить Чичиковъ слѣды женскаго домоводства: на столахъ и стульяхъ были поставлены чистыя липовыя доски и на нихъ лепестки какихъ то цвѣтковъ, приготовленные къ сушкѣ...

— Что это у тебя, сестра, за дрянь такая наставлена? — сказалъ Платоновъ.

— Какъ дрянь! — сказала хозяйка. — Это лучшее средство отъ лихорадки. Мы вылѣчили имъ прошлый (годъ) всѣхъ мужиковъ. А это для настоекъ; а это для варенья. Вы все смѣетесь надъ вареньями, да надъ соленьями, а потомъ, когда ѣдите, сами же похваливаете.

Платоновъ подошелъ къ фортепіано и сталъ разбирать ноты.

— Господи, что за старина! — сказалъ онъ. — Ну, не стыдно ли тебѣ, сестра?

— Ну, ужъ извини, братъ, музыкой мнѣ и подавно некогда заниматься. У меня осьмилѣтняя дочь, которую я должна учить. Сдать ее на руки чужеземной гувернанткѣ затѣмъ только, чтобы самой имѣть свободное время для музыки — нѣтъ, извини, братъ, этого то не сдѣлаю.

— Какая ты, право, стала скучная, сестра! — сказалъ братъ и подошелъ къ окну. — А, вотъ онъ! идетъ, идетъ! — сказалъ Платоновъ.

Чичиковъ тоже устремился къ окну. Къ крыльцу подходилъ лѣтъ сорока человѣкъ, живой, смуглой наружности, въ сюртукѣ верблюжьяго сукна. О нарядѣ своемъ онъ не думалъ. На немъ былъ триповый картузъ. По обѣимъ сторонамъ его, снявъ шапки, шли два человѣка нижняго сословія, шли, разговаривая и о чемъ то съ нимъ толкуя: одинъ — простой мужикъ, другой — какой то заѣзжій кулакъ и пройдоха, въ синей сибиркѣ. Такъ какъ остановились они всѣ около крыльца, то и разговоръ ихъ былъ слышенъ въ комнатахъ.

— Вы вотъ что лучше сдѣлайте: вы откупитесь у вашего барина. Я вамъ, пожалуй, дамъ взаймы: вы послѣ мнѣ отработаете.

— Нѣтъ, Константинъ Ѳедоровичъ, что ужъ откупаться? Возьмите насъ. Ужъ у васъ всякому уму выучишься. Ужъ этакого умнаго человѣка нигдѣ во всемъ свѣтѣ нельзя сыскать. А вѣдь теперь бѣда та, что себя никакъ не убережешь. Цѣловальники такія завели теперь настойки, что съ одной рюмки такъ станетъ задирать въ животѣ, что воды ведро бы выпилъ: не успѣешь опомниться, какъ все спустишь. Много соблазну. Лукавый, что ли, міромъ ворочаетъ, ей Богу! Все заводятъ, чтобы сбить съ толку мужиковъ: и табакъ, и всякіе такіе... Что жъ дѣлать, Константинъ Ѳедоровичъ? Человѣкъ — не удержишься.

— Послушай: да вѣдь вотъ въ чемъ дѣло. Вѣдь у меня все-таки неволя. Это правда, что съ перваго разу все получишь — и корову, и лошадь; да вѣдь дѣло въ томъ, что я такъ требую съ мужиковъ, какъ нигдѣ. У меня работай — первое; мнѣ ли, или себѣ, но ужъ я не дамъ никому залежаться. Я и самъ работаю, какъ волъ, и мужики у меня, потому что испыталъ, братъ: вся дрянь лѣзетъ въ голову оттого, что не работаешь. Такъ вы объ этомъ всѣ подумайте міромъ и потолкуйте между собою.

— Да мы-съ толковали ужъ объ этомъ, Константинъ Ѳедоровичъ. Ужъ это и старики говорятъ: „что говорить! вѣдь всякій мужикъ у васъ богатъ: ужъ это не даромъ; и священники такіе сердобольные. А вѣдь у насъ и тѣхъ взяли, и хоронить некому".

— Все-таки ступай и переговори.

— Слушаю-съ.

— Такъ ужъ того-съ, Константинъ Ѳедоровичъ, ужъ сдѣлайте милость... посбавьте, — говорилъ шедшій по другую сторону заѣзжій кулакъ въ синей сибиркѣ.

— Ужъ я сказалъ: торговаться я не охотникъ. Я не то, что другой помѣщикъ, къ которому ты подъѣдешь подъ самый срокъ уплаты въ ломбардъ. Вѣдь я васъ знаю всѣхъ: у васъ есть списки всѣхъ, кому когда слѣдуетъ уплачивать. Что жъ тутъ мудренаго? Ему приспичитъ, ну, онъ тебѣ и отдастъ за полцѣны. А мнѣ что твои деньги? У меня вещь хоть три года лежи: мнѣ въ ломбардъ не нужно уплачивать.

— Настоящее дѣло, Константинъ Ѳедоровичъ. Да вѣдь я того-съ, оттого только, чтобы и впредь имѣть съ вами касательство, а не ради какого корыстья. Три тысячи задаточку извольте принять.

Кулакъ вынулъ изъ-за пазухи пукъ засаленныхъ ассигнацій. Костанжогло прехладнокровно взялъ ихъ и, не считая, сунулъ въ задній карманъ своего сюртука.

„Гм! — подумалъ Чичиковъ, — точно какъ бы носовой платокъ!" Костанжогло показался въ дверяхъ гостиной. Онъ еще болѣе поразилъ Чичикова смуглостью лица, жесткостью черныхъ волосъ, мѣстами до времени посѣдѣвшихъ, живымъ выраженьемъ глазъ и какимъ то желчнымъ отпечаткомъ пылкаго южнаго происхожденья. Онъ былъ не совсѣмъ русскій. Онъ самъ не зналъ, откуда вышли его предки. Онъ не занимался своимъ родосло-

віемъ, находя, что это въ строку нейдетъ и въ хозяйствѣ вещь лишняя. Онъ думалъ, что онъ русскій, да и не зналъ другого языка, кромѣ русскаго.

Платоновъ представилъ Чичикова. Они поцѣловались.

— Я, чтобы вылѣчиться отъ хандры, придумалъ, Константинъ, проѣздиться по разнымъ губерніямъ, — сказалъ Платоновъ: — и вотъ Павелъ Ивановичъ предложилъ ѣхать съ нимъ.

— Прекрасно, — сказалъ Костанжогло. — Въ какія же мѣста? — продолжалъ онъ, привѣтливо обращаясь къ Чичикову, — предполагаете теперь направить путь?

— Признаюсь, — сказалъ Чичиковъ, привѣтливо наклоня голову на-бокъ и въ то же время поглаживая рукой кресельную ручку: — ѣду я, покамѣстъ, не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другого: генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но, съ другой стороны, такъ сказать, и для самого себя; потому что точно, не говоря уже о пользѣ, которая можетъ быть въ гемороидальномъ отношеньи, увидать свѣтъ, коловращенье людей — есть, такъ сказать, живая книга, та же наука.

— Да, заглянуть въ иные уголки не мѣшаетъ.

— Превосходно изволили замѣтить: именно истинно, дѣйствительно, не мѣшаетъ. Видишь вещи, которыхъ бы не видѣлъ; встрѣчаешь людей, которыхъ бы не встрѣтилъ. Разговоръ съ инымъ тотъ же червонецъ, какъ вотъ, напримѣръ, теперь представился случай... Къ вамъ прибѣгаю, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ, научите, научите, оросите жажду мою вразумленьемъ истины. Жду, какъ манны, сладкихъ словъ вашихъ.

— Чему же, однако?.. чему научить? — ска-

залъ Костанжогло, смутившись. — Я и самъ учился на мѣдныя деньги.

— Мудрости, почтеннѣйшій, мудрости, — мудрости управлять труднымъ кормиломъ сельскаго хозяйства, мудрости извлекать доходы вѣрные, пріобрѣсть имущество не мечтательное, а существенное, исполняя тѣмъ долгъ гражданина, заслужа уваженье соотечественниковъ.

— Знаете ли что, — сказалъ Костанжогло, смотря на него въ размышленьи: — останьтесь денекъ у меня. Я покажу вамъ все управленіе и разскажу обо всемъ. Мудрости тутъ, какъ вы увидите, никакой нѣтъ.

— Конечно, останьтесь, — сказала хозяйка и, обратясь къ брату, прибавила: — Братъ, оставайся: куды тебѣ торопиться?

— Мнѣ все равно. Какъ Павелъ Ивановичъ?

— Я тожъ, я съ большимъ удовольствіемъ... Но вотъ обстоятельство: родственникъ генерала Бетрищева, нѣкто полковникъ Кошкаревъ...

— Да вѣдь онъ сумасшедшій.

— Это такъ, сумасшедшій. Я бы къ нему и не ѣхалъ, но генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, такъ сказать, благотворитель...

— Въ такомъ случаѣ знаете что? — сказалъ (Костанжогло): — поѣзжайте, къ нему и десяти верстъ нѣтъ. У меня стоятъ готовыя пролетки — поѣзжайте къ нему теперь же. Вы успѣете къ чаю возвратиться назадъ.

— Превосходная мысль! — вскрикнулъ Чичиковъ, взявши шляпу.

Пролетки были ему поданы и въ полчаса примчали его къ полковнику. Вся деревня была вразброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу и бревенъ по всѣмъ улицамъ. Выстроены были какіе то домы, въ родѣ присутственныхъ мѣстъ. На одномъ было написано золотыми буквами: Депо земледѣльческихъ орудій; на

другомъ: Главная счетная экспедиція; далѣе: Комитетъ сельскихъ дѣлъ; Школа нормальнаго просвѣщенья поселянъ. Словомъ, чортъ знаетъ, чего не было!

Полковника онъ засталъ за пульпитромъ[1] стоячей конторки, съ перомъ въ зубахъ. Полковникъ принялъ Чичикова отмѣнно ласково. По виду, онъ былъ предобрѣйшій, преобходительный человѣкъ: сталъ ему разсказывать о томъ, сколькихъ трудовъ ему стоило возвесть имѣнье до нынѣшняго благосостоянія; съ соболѣзнованіемъ жаловался, какъ трудно дать понять мужику, что есть высшія побужденія, которыя доставляетъ человѣку просвѣщенная роскошь, искусство и художество; что бабъ онъ до сихъ поръ не могъ заставить надѣть корсетъ, тогда какъ въ Германіи, гдѣ онъ стоялъ съ полкомъ въ 14-мъ году, дочь мельника умѣла играть даже на фортепіано; что, однакоже, несмотря на все упорство со стороны невѣжества, онъ непремѣнно достигнетъ того, что мужикъ его деревни, идя за плугомъ, будетъ въ то же время читать книгу о громовыхъ отводахъ Франклина, или Виргиліевы „Георгики“, или „Химическое изслѣдованіе почвъ“.

„Да, какъ бы не такъ! — подумалъ Чичиковъ. — А вотъ я до сихъ поръ еще „Графини Лавальеръ“ не прочелъ: все нѣтъ времени“.

Много еще говорилъ полковникъ о томъ, какъ привести людей къ благополучію. Костюмъ у него имѣлъ большое значенье: онъ ручался головой, что если только одѣть половину русскихъ мужиковъ въ нѣмецкіе штаны, — науки возвысятся, торговля подымется, и золотой вѣкъ настанетъ въ Россіи.

Чичиковъ слушалъ, слушалъ, глядя ему пристально въ глаза, и, наконецъ, сказалъ: „съ этимъ, кажется, чиниться нечего“; и тутъ же объявилъ,

---

[1] Пюпитръ.

что такъ и такъ, имѣется надобность вотъ въ какихъ душахъ, съ совершеньемъ такихъ то крѣпостей и всѣхъ обрядовъ.

— Сколько могу видѣть изъ словъ вашихъ, — сказалъ полковникъ, нимало не смутясь: — это просьба, не такъ ли?

— Такъ точно.

— Въ такомъ случаѣ изложите ее письменно. Просьба пойдетъ въ контору принятья рапортовъ и донесеній. Контора, помѣтивши, препроводитъ ее ко мнѣ; отъ меня поступитъ она въ комитетъ сельскихъ дѣлъ; оттолѣ, по сдѣланіи выправокъ, къ управляющему. Управляющій совокупно съ секретаремъ...

— Помилуйте! — вскрикнулъ Чичиковъ: — вѣдь этакъ затянется Богъ знаетъ! Да какъ же трактовать объ этомъ письменно? Вѣдь это такого рода дѣло... Души вѣдь нѣкоторымъ образомъ... мертвыя.

— Очень хорошо. Вы такъ и напишите, что души нѣкоторымъ образомъ мертвыя.

— Но вѣдь какъ же — мертвыя? Вѣдь этакъ же нельзя написать. Онѣ хотя и мертвыя, но нужно, чтобы казались, какъ бы были живыя.

— Хорошо. Вы такъ и напишите: но нужно, или требуется, желается, ищется, чтобы казалось, какъ бы живыя. Безъ бумажнаго производства нельзя этого сдѣлать. Примѣръ — Англія и самъ даже Наполеонъ. Я вамъ отряжу комиссіонера, который васъ проводитъ по всѣмъ мѣстамъ.

Онъ ударилъ въ звонокъ. Явился какой то человѣкъ.

— Секретарь! Позвать ко мнѣ комиссіонера!

Предсталъ комиссіонеръ, какой то не то мужикъ, не то чиновникъ.

— Вотъ онъ васъ проводитъ по нужнѣйшимъ мѣстамъ.

Что было дѣлать съ полковникомъ? Чичиковъ рѣшился, изъ любопытства, пойти съ комиссіонеромъ смотрѣть всѣ эти самонужнѣйшія мѣста. Контора подачи рапортовъ существовала только на вывѣскѣ, и двери были заперты. Правитель дѣлъ ея Хрулевъ былъ переведенъ во вновь образовавшійся комитетъ сельскихъ построекъ. Мѣсто его заступилъ камердинеръ Березовскій; но онъ тоже былъ куда то откомандированъ комиссіей построенія. Толкнулись они въ департаментъ сельскихъ дѣлъ — тамъ передѣлка; разбудили какого то пьянаго, но не добрались отъ него никакого толку.

— У насъ безтолковщина, — сказалъ, наконецъ, Чичикову комиссіонеръ. — Барина за носъ водятъ. Всѣмъ у насъ распоряжается комиссія построенія: отрываетъ всѣхъ отъ дѣла, посылаетъ, куда угодно. Только и выгодно у насъ, что въ комиссіи построенія.

Онъ, какъ видно, былъ недоволенъ на комиссію построенья. Далѣе Чичиковъ не хотѣлъ и смотрѣть. Пришедши, разсказалъ полковнику, что такъ и такъ, что у него каша, и никакого толку нельзя добиться, и комиссіи подачи рапортовъ и вовсе нѣтъ.

Полковникъ воскипѣлъ благороднымъ негодованьемъ, крѣпко пожавши руку Чичикову, въ знакъ благодарности. Тутъ же, схвативши бумагу и перо, написалъ восемь строжайшихъ запросовъ: на какомъ основаніи комиссія построенія самоуправно распорядилась съ неподвѣдомственными ей чиновниками? Какъ могъ допустить главноуправляющій, чтобы представитель, не сдавши своего поста, отправился на слѣдствіе? и какъ могъ видѣть равнодушно комитетъ сельскихъ дѣлъ, что даже не существуетъ контора подачи рапортовъ и донесеній?

„Ну, пойдетъ кутерьма!“ — подумалъ Чичиковъ, и хотѣлъ уже уѣхать.

— Нѣтъ, я васъ не отпущу. Теперь уже собственное мое честолюбіе затронуто. Я докажу, что значитъ органическое, правильное устройство хозяйства. Я поручу ваше дѣло такому человѣку, который одинъ стоитъ всѣхъ: окончилъ университетскій курсъ. Вотъ каковы у меня крѣпостные люди! Чтобы не терять драгоцѣннаго времени, покорнѣйше прошу посидѣть у меня въ библіотекѣ, — сказалъ полковникъ, отворяя боковую дверь. — Тутъ книги, бумага, перья, карандаши, все. Пользуйтесь, пользуйтесь всѣмъ: вы — господинъ. Просвѣщенье должно быть открыто всѣмъ.

Такъ говорилъ Кошкаревъ, введя его въ книгохранилище. Это былъ огромный залъ, снизу до верху уставленный книгами. Были тамъ даже и чучела животныхъ. Книги по всѣмъ частямъ: по части лѣсоводства, скотоводства, свиноводства, садоводства; спеціальные журналы — по всѣмъ частямъ, которые только разсылаются съ обязанностью подписокъ, но никто ихъ не читаетъ. Видя, что все это были книги не для пріятнаго препровожденія, онъ обратился къ другому шкафу — изъ огня въ полымя: все книги философскія. Шесть огромныхъ томищей предстало ему предъ глаза, подъ названіемъ: „Предуготовительное вступленіе въ область мышленія, теорія общности, совокупности, сущности, и въ примѣненіи къ уразумѣнію органическихъ началъ обоюднаго раздвоенія общественной производительности“. Что ни разворачивалъ Чичиковъ книгу, на всякой страницѣ — проявленье, развитье, абстрактъ, замкнутость и сомкнутость, и чортъ знаетъ, чего тамъ не было! „Это не по мнѣ“, сказалъ Чичиковъ и оборотился къ третьему шкафу, гдѣ были книги по части искусствъ. Тутъ вытащилъ какую то огромную книгу съ нескромными мѳѳологическими картинками и началъ ихъ разсматривать. Такого рода картинки нравятся холостякамъ среднихъ

лѣтъ, а иногда и тѣмъ старикашкамъ, которые подзадориваютъ себя балетами и прочими пряностями. Окончивши разсматриванье одной книги, Чичиковъ вытащилъ уже было и другую въ томъ же родѣ, какъ появился полковникъ Кошкаревъ, съ сіяющимъ видомъ и бумагою.

— Все сдѣлано, и сдѣлано отлично! Человѣкъ, о которомъ я вамъ говорилъ, рѣшительный геній. За это я поставлю его выше всѣхъ и для него одного заведу цѣлый департаментъ. Вы посмотрите, какая свѣтлая голова и какъ въ нѣсколько минутъ онъ рѣшилъ все.

— Ну, слава те, Господи! — подумалъ Чичиковъ и приготовился слушать.

Полковникъ сталъ читать:

— Приступая къ обдумыванью возложеннаго на меня вашимъ высокородіемъ порученія, честь имѣю симъ донести на оное:

— I-е. Въ самой просьбѣ господина коллежскаго совѣтника и кавалера Павла Ивановича Чичикова уже содержится недоразумѣніе, ибо неосмотрительнымъ образомъ ревизскія души названы умершими. Подъ симъ, вѣроятно, они изволили разумѣть близкія къ смерти, а не умершія. Да и самое таковое названіе уже показываетъ изученье наукъ эмпирическое, вѣроятно, ограничившееся приходскимъ училищемъ, ибо душа безсмертна.

— Плутъ! — сказалъ, остановившись, Кошкаревъ съ самодовольствіемъ. — Тутъ онъ немножко кольнулъ васъ. Но сознайтесь, какое бойкое перо!

— Во-П-хъ, никакихъ незаложенныхъ ревизскихъ, не только близкихъ къ смерти, но и всякихъ прочихъ, по имѣнью не имѣется, ибо всѣ въ совокупности не токмо заложены безъ изъятья, но и перезаложены, съ прибавкой по полутораста рублей на душу, кромѣ небольшой деревни Гурмайловки, находящейся въ спорномъ положеніи, по случаю тяжбы съ помѣщикомъ Предищевымъ и вслѣд-

ствіе того подъ запрещеньемъ, о чемъ объявлено въ 42 номерѣ „Московскихъ Вѣдомостей“.

— Такъ зачѣмъ же вы мнѣ этого не объявили прежде? Зачѣмъ изъ пустяковъ держали? — сказалъ съ сердцемъ Чичиковъ.

— Да! да вѣдь нужно было, чтобы все это вы увидѣли сквозь форму бумажнаго производства. Этакъ не штука. Безсознательно можетъ и дуракъ увидѣть, но нужно сознательно.

Въ сердцахъ, схвативши шапку, Чичиковъ — бѣгомъ изъ дому, мимо всякихъ приличій, да въ дверь: онъ былъ сердитъ. Кучеръ стоялъ съ пролеткой наготовѣ, зная, что лошадей нечего откладывать, потому что о кормѣ пошла бы письменная просьба, и резолюція выдать овесъ лошадямъ вышла бы только на другой день. Полковникъ, однакожъ, выбѣжалъ; онъ насильно пожалъ ему руку, прижалъ ее къ сердцу и благодарилъ его за то, что онъ далъ ему случай увидѣть на дѣлѣ ходъ производства; что передрягу и гонку нужно дать необходимо, потому что способно все задремать, и пружины управленія заржавѣютъ и ослабѣваютъ; что, вслѣдствіе этого событія, пришла ему счастливая мысль — устроить новую комиссію, которая будетъ называться комиссіею наблюденія за комиссіею построенія, такъ что уже тогда никто не осмѣлится украсть.

Чичиковъ пріѣхалъ, сердитый и недовольный, поздно, когда уже давно горѣли свѣчи.

— Что это вы такъ запоздали? — сказалъ Костанжогло, когда онъ показался въ дверяхъ.

— О чемъ вы это такъ долго съ нимъ толковали? — сказалъ Платоновъ.

— Этакого дурака я еще отъ роду не видывалъ, — сказалъ Чичиковъ.

— Это еще ничего, — сказалъ Костанжогло. — Кошкаревъ — утѣшительное явленіе. Онъ нуженъ затѣмъ, что въ немъ отражаются карикатурно и

виднѣй глупости всѣхъ нашихъ умниковъ, — вотъ этихъ всѣхъ умниковъ, которые, не узнавши прежде своего, набираются дури въ чужи. Вонъ каковы помѣщики теперь наступили: завели и конторы, и мануфактуры, и школы, и комиссію, и чортъ ихъ знаетъ, чего не завели! Вотъ каковы эти умники! Было поправились послѣ француза двѣнадцатаго года, такъ вотъ теперь все давай разстроивать сызнова. Вѣдь хуже француза разстроили, такъ что теперь какой-нибудь Петръ Петровичъ Пѣтухъ еще хорошій помѣщикъ.

— Да вѣдь и онъ заложилъ теперь въ ломбардъ, — сказалъ Чичиковъ.

— Ну, да, все въ ломбардъ, все пойдетъ въ ломбардъ. — Сказавъ это, Костанжогло сталъ понемногу сердиться. — Вонъ шляпный, свѣчный заводы, — изъ Лондона мастеровъ выписалъ свѣчныхъ, торгашомъ сдѣлался! Помѣщикъ — этакое званье почтенное — въ мануфактуристы, фабриканты! Прядильныя машины... кисеи шлюхамъ городскимъ, дѣвкамъ...

— Да вѣдь и у тебя же есть фабрики, — замѣтилъ Платоновъ.

— А кто ихъ заводилъ? Сами завелись: накопилось шерсти, сбыть некуда — я и началъ ткать сукна, да и сукна толстыя, простыя, — по дешевой цѣнѣ ихъ тутъ же на рынкахъ у меня и разбираютъ, — мужику надобныя, моему мужику. Рыбью шелуху сбрасывали на мой берегъ въ продолженіе шести лѣтъ сряду промышленники, — ну, куда ее дѣвать? я началъ изъ нея варить клей, да сорокъ тысячъ и взялъ. Вѣдь у меня все такъ.

„Экой чортъ!“ думалъ Чичиковъ, глядя на него въ оба глаза: „загребистая какая лапа!“

— Да и то потому занялся, что набрело много работниковъ, которые умерли бы съ голоду: голодный годъ, и все по милости этихъ фабрикантовъ, упустившихъ посѣвы. Этакихъ фабрикъ у меня

братъ, наберется много. Всякій годъ другая фабрика, смотря по тому, отчего накопилось остатковъ и выбросковъ. Разсмотри только попристальнѣе свое хозяйство, — всякая дрянь дастъ доходъ, такъ что отталкиваешь, говоришь: не нужно! Вѣдь я не строю для этого дворцовъ съ колоннами да съ фронтонами.

— Это изумительно... Изумительнѣе же всего то, что всякая дрянь даетъ доходъ, — сказалъ Чичиковъ.

— Да помилуйте! Еслибы только брать дѣло по-просту, какъ оно есть; а то вѣдь всякій — механикъ: всякій хочетъ открыть ларчикъ съ инструментомъ, а не просто. Онъ для этого съѣздитъ въ Англію; вотъ въ чемъ дѣло! Дурачье! — Сказавши это, Костанжогло плюнулъ. — И вѣдь глупѣй въ-сотеро станетъ послѣ того, какъ возвратится изъ-за границы!

— Ахъ, Константинъ! ты опять разсердился, — сказала съ безпокойствомъ жена. — Вѣдь ты знаешь, что это для тебя вредно.

— Да вѣдь какъ не сердиться? Добро бы это было чужое, а то вѣдь это близко собственному сердцу; вѣдь досадно то, что русскій характеръ портится; вѣдь теперь явилось въ русскомъ характерѣ донъ-кишотство, котораго никогда не было! Просвѣщенье придетъ ему въ умъ — сдѣлается Донъ-Кишотомъ: заведетъ такія школы, что дураку въ умъ ни войдетъ! Выйдетъ изъ школы такой человѣкъ, что никуда не годится, ни въ деревню, ни въ городъ, только что пьяница, да чувствуетъ свое достоинство. Въ человѣколюбье пойдетъ — сдѣлается Донъ-Кишотомъ человѣколюбья: настроитъ на милліонъ безтолковѣйшихъ больницъ да заведеній съ колоннами, разорится да и пуститъ всѣхъ по міру; вотъ тебѣ и человѣколюбье!

Чичикову не до просвѣщенья было дѣло. Ему хотѣлось обстоятельно разспросить о томъ, какъ

всякая дрянь даетъ доходъ; но никакъ не далъ ему Костанжогло вставить слова: желчныя рѣчи уже лились изъ устъ его, такъ что уже онъ ихъ не могъ удержать.

— Думаютъ, какъ просвѣтить мужика... да ты сдѣлай его прежде богатымъ да хорошимъ хозяиномъ, а тамъ онъ самъ выучится. Вѣдь какъ теперь, въ это время, весь свѣтъ поглупѣлъ, такъ вы не можете себѣ представить! Что пишутъ теперь эти щелкоперы! Пуститъ какой-нибудь книжку, и такъ вотъ всѣ и бросятся на нее... Вотъ что стали говорить: „Крестьянинъ ведетъ ужъ очень простую жизнь; нужно познакомить его съ предметами роскоши, внушить ему потребности свыше состоянья“... Что сами, благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди, и болѣзней чортъ знаетъ какихъ понабрались, и ужъ нѣтъ осьмнадцатилѣтняго мальчишки, который бы не испробовалъ всего: и зубовъ у него нѣтъ, и плѣшивъ, какъ пузырь, — такъ хотятъ теперь и этихъ заразить. Да слава Богу, что у насъ осталось хотя одно еще здоровое сословіе, которое не познакомилось съ этими прихотями! За это мы, просто, должны благодарить Бога. Да хлѣбопашецъ у насъ всѣхъ почтеннѣе, — что вы его трогаете? Дай Богъ, чтобы всѣ были [какъ] хлѣбопашецъ!

— Такъ вы полагаете, что хлѣбопашествомъ доходливѣй заниматься? — спросилъ Чичиковъ.

— Законнѣе, а не то, что доходнѣе. Воздѣлывай землю въ потѣ лица своего, сказано. Тутъ нечего мудрить. Это ужъ опытомъ вѣковъ доказано, что въ земледѣльческомъ званіи человѣкъ нравственнѣй, чище, благороднѣй, выше. Не говорю — не заниматься другимъ, но чтобы въ основанье легло хлѣбопашество — вотъ что! Фабрики заведутся сами собой, да заведутся законныя фабрики, — того, что нужно здѣсь, подъ рукой человѣку на мѣстѣ, а не эти всякія потребности, разслабив-

шія теперешнихъ людей. Не эти фабрики, что потомъ, для поддержки и для сбыту, употребляютъ всѣ гнусныя мѣры, развращаютъ, растлѣваютъ несчастный народъ. Да вотъ же не заведу у себя, какъ ты тамъ ни говори въ ихъ пользу, никакихъ этихъ внушающихъ высшія потребности производствъ, ни табака, ни сахара, хоть бы потерялъ милліонъ. Пусть же, если входитъ развратъ въ міръ, такъ не черезъ мои руки! Пусть я буду передъ Богомъ правъ... Я двадцать лѣтъ живу съ народомъ; я знаю, какія отъ этого слѣдствія.

— Для меня изумительнѣе всего, какъ при благоразумномъ управленіи, изъ останковъ, изъ обрѣзковъ получается и всякая дрянь даетъ доходъ.

— Гм! политическіе экономы! — говорилъ Костанжогло, не слушая его, съ выраженіемъ желчнаго сарказма въ лицѣ. — Хороши политическіе экономы! Дуракъ на дуракѣ сидитъ и дуракомъ погоняетъ — дальше своего глупаго носа не видитъ! Оселъ, а еще взлѣзетъ на каѳедру, надѣнетъ очки... Дурачье! — И во гнѣвѣ онъ плюнулъ.

— Все это такъ и все справедливо, только, пожалуйста, не сердись, — сказала жена, — какъ будто нельзя говорить объ этомъ, не выходя изъ себя!

— Слушая васъ, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ, вникаешь, такъ сказать, въ смыслъ жизни, щупаешь самое ядро дѣла. Но, оставивъ общечеловѣческое, позвольте обратить вниманіе на приватное. Еслибы, положимъ, сдѣлавшись помѣщикомъ, возымѣлъ я мысль въ непродолжительное время разбогатѣть такъ, чтобы тѣмъ, такъ сказать, исполнить существенную обязанность гражданина, то какимъ образомъ, какъ поступить?

— Какъ поступить, чтобы разбогатѣть? — подхватилъ Костанжогло. — А вотъ какъ!..

— Пойдемъ ужинать, — сказала хозяйка, под-

нявшись съ дивана, и выступила на середину комнаты, закутывая въ шаль молодые, продрогнувшіе свои члены.

Чичиковъ схватился со стула съ ловкостью почти военнаго человѣка, коромысломъ подставилъ ей руку и повелъ ее парадно черезъ двѣ комнаты въ столовую, гдѣ уже на столѣ стояла суповая чашка и, лишенная крышки, разливала пріятное благоуханье супа, напитаннаго свѣжею зеленью и первыми кореньями весны. Всѣ сѣли за столъ. Слуги проворно поставили разомъ на столъ всѣ блюда, въ закрытыхъ соусникахъ, и все, что нужно, и тотчасъ ушли: Костанжогло не любилъ, чтобы лакеи слушали господскіе разговоры, а еще болѣе, чтобы глядѣли ему въ ротъ въ то время, когда онъ ѣстъ.

Нахлебавшись супу и выпивши рюмку какого то отличнаго питья, похожаго на венгерское, Чичиковъ сказалъ хозяину такъ:

— Позвольте, почтеннѣйшій, вновь обратить васъ къ предмету прекращеннаго разговора. Я спрашивалъ васъ о томъ, какъ быть, какъ поступить, какъ лучше приняться [1]...

. . . . . .

— Имѣнье, за которое еслибы онъ запросилъ и 40 тысячъ, я бы ему тутъ же отсчиталъ.

— Гм! — Чичиковъ задумался.

— А отчего же вы сами, — проговорилъ онъ съ нѣкоторою робостью, — не покупаете его?

— Да нужно знать, наконецъ, предѣлы. У меня и безъ того много хлопотъ около своихъ имѣній. Притомъ у насъ дворяне и безъ того уже кричатъ на меня, будто я, пользуясь крайностями и разоренными ихъ положеньями, скупаю земли за безцѣнокъ. Это мнѣ ужъ, наконецъ, надоѣло.

---

[1] Дальше въ рукописи нѣтъ двухъ страницъ.

— Какъ вообще люди способны къ злословію! — сказалъ Чичиковъ.

— А ужъ какъ въ нашей губерніи, — не можете себѣ представить: меня иначе и не называютъ, какъ сквалыгой и скупцомъ первой степени. Себя они во всемъ извиняютъ. „Я“, говоритъ, „конечно, промотался, но потому, что жилъ высшими потребностями жизни, поощрялъ промышленниковъ [мошенниковъ, то-есть, которые тру...]; а этакъ, пожалуй, можно прожить свиньею, какъ Костанжогло.

— Желалъ бы я быть этакой свиньей! — сказалъ Чичиковъ,

— И вздоръ. Какія высшія потребности? Кого они надуваютъ? Книги хоть онъ и заведетъ, но вѣдь ихъ не читаетъ. Дѣло окончится картами да... И все оттого, что не задаю обѣдовъ да не занимаю имъ денегъ. Обѣдовъ я потому не даю, что это меня бы тяготило: я къ этому не привыкъ. А пріѣзжай ко мнѣ ѣсть то, что я ѣмъ, — милости просимъ. Не даю денегъ взаймы — это вздоръ. Пріѣзжай ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ нуждающійся, да разскажи мнѣ обстоятельно, какъ ты распорядишься съ моими деньгами: если я увижу изъ твоихъ словъ, что ты употребишь ихъ умно, и деньги принесутъ тебя явную прибыль — я тебѣ не откажу и не возьму даже процентовъ.

„Это, однакоже, нужно принять къ свѣдѣнію“, подумалъ Чичиковъ.

— И никогда не откажу, — продолжалъ Костанжогло. — Но бросать денегъ на вѣтеръ я не стану. Ужъ пусть меня въ этомъ извинятъ! Чортъ побери! онъ затѣваетъ тамъ какой-нибудь обѣдъ любовницѣ, или на сумасшедшую ногу убираетъ мебелями домъ, или съ распутницей въ маскарадъ, юбилей тамъ какой-нибудь въ память того, что онъ даромъ прожилъ на свѣтѣ, а ему давай деньги взаймы!

Здѣсь Костанжогло плюнулъ и чутъ-чуть не выговорилъ нѣсколько неприличныхъ и бранныхъ словъ въ присутствіи супруги. Суровая тѣнь темной ипохондріи омрачила его лицо. Вдоль лба и вповперекъ его собрались морщины, обличители гнѣвнаго движенья взволнованной желчи.

— Позвольте мнѣ, досточтимый мною, обратить васъ вновь къ предмету прекращеннаго разговора,— сказалъ Чичиковъ, выпивая еще рюмку малиновки, которая дѣйствительно была отличная. — Еслибы, положимъ, я пріобрѣлъ то самое имѣніе, о которомъ вы изволили упомянуть, то во сколько времени и какъ скоро можно разбогатѣть въ такой степени...

— Если вы хотите, — подхватилъ сурово и отрывисто Костанжогло, полный нерасположенья духа: — разбогатѣть скоро, такъ вы никогда не разбогатѣете; если же хотите разбогатѣть, не спрашиваясь о времени, то разбогатѣете скоро.

— Вотъ оно какъ! — сказалъ Чичиковъ.

— Да, — сказалъ Костанжогло отрывисто, точно какъ бы онъ сердился на самого Чичикова: — надобно имѣть любовь къ труду: безъ этого ничего нельзя сдѣлать. Надобно полюбить хозяйство, — да! И повѣрьте, это вовсе не скучно. Выдумали, что въ деревнѣ тоска... да я бы умеръ отъ тоски, еслибы хотя одинъ день провелъ въ городѣ такъ, какъ проводятъ они въ этихъ глупыхъ своихъ клубахъ, трактирахъ, да театрахъ. Дураки, дурачье, ослиное поколѣнье! Хозяину нельзя, нѣтъ времени скучать. Въ жизни его и на полвершка нѣтъ пустоты — все полнота. Одно это разнообразье занятій, и притомъ какихъ занятій! — занятій, истинно возвышающихъ духъ. Какъ бы то ни было, но вѣдь тутъ человѣкъ идетъ рядомъ съ природой, съ временами года, соучастникъ и собесѣдникъ всего, что совершается въ твореньи. Разсмотрите-ка круговой годъ работъ:

какъ, еще прежде, чѣмъ наступитъ весна, все ужъ насторожѣ и ждетъ ея: подготовка сѣмянъ, переборка, перемѣрка по амбарамъ хлѣба и пересушка; установленіе новыхъ тяголъ. Все обсматривается впередъ и все разсчитывается въ началѣ. А какъ взломаетъ ледъ, да пройдутъ рѣки, да просохнетъ все и пойдетъ взрываться земля — по огородамъ и садамъ работаетъ заступъ, по полямъ соха и бороны; садка, сѣвы и посѣвы. Понимаете ли, что это? Бездѣлица! грядущій урожай сѣютъ! Блаженство всей земли сѣютъ! Пропитанье милліоновъ сѣютъ! Наступило лѣто... А тутъ покосы, покосы... И вотъ закипѣла вдругъ жатва; за рожью пошла рожь, а тамъ пшеница, а тамъ и ячмень, и овесъ. Все кипитъ; нельзя пропустить минуты: хоть двадцать глазъ имѣй, всѣмъ имъ работа. А какъ отпразднуется все, да пойдетъ свозиться на гумны, складываться въ клади, да зимнія запашки, да чинки къ зимѣ амбаровъ, ригъ, скотныхъ дворовъ, и въ то же время всѣ бабьи работы, да подведешь всему итогъ и увидишь, что сдѣлано, — да вѣдь это... А зима! Молотьба по всѣмъ гумнамъ; перевозка перемолотаго хлѣба изъ ригъ въ амбары. Идешь и на мельницу, идешь и на фабрики, идешь взглянуть и на рабочій дворъ, идешь и къ мужику, какъ онъ тамъ на себя копышется. Да для меня, просто, если плотникъ хорошо владѣетъ топоромъ, я два часа готовъ предъ нимъ простоять: такъ веселитъ меня работа. А если видишь еще, что все это съ какой цѣлью творится, какъ вокругъ тебя все множится да множится, принося плодъ да доходъ, — да я и разсказать не могу, что тогда въ тебѣ дѣлается. И не потому, что растутъ деньги, — деньги деньгами, — но потому, что все это дѣло рукъ твоихъ; потому что видишь, какъ ты всему причина, ты творецъ, и отъ тебя, какъ отъ какого-нибудь мага, сыплется изобилье и добро на все. Да гдѣ вы найдете мнѣ

равное наслажденье? — сказалъ Костанжогло, и лицо его поднялось кверху, морщины исчезнули. Какъ царь, въ день торжественнаго вѣнчанья своего, сіялъ онъ весь, и казалось, какъ бы лучи исходили изъ его лица. — Да въ цѣломъ мірѣ не отыщете вы подобнаго наслажденья! Здѣсь именно подражаетъ Богу человѣкъ: Богъ предоставилъ Себѣ дѣло творенья, какъ высшее всѣхъ наслажденье, и требуетъ отъ человѣка также, чтобы онъ былъ подобнымъ творцомъ благоденствія вокругъ себя. И это называютъ скучнымъ дѣломъ!..

Какъ пѣнья райской птички, заслушался Чичиковъ сладкозвучныхъ хозяйскихъ рѣчей. Глотали слюнку его уста. Самые глаза умаслились и выражали сладость, и все бы онъ слушалъ.

— Константинъ! пора вставать, — сказала хозяйка, приподнявшись со стула. Всѣ встали. Подставивъ руку коромысломъ, повелъ Чичиковъ обратно хозяйку, но уже недоставало ловкости въ его оборотахъ, потому что мысли были заняты существенными оборотами.

— Что ни разсказывай, а все, однакоже, скучно, — говорилъ, идя позади ихъ, Платоновъ.

„Гость не глупый человѣкъ“, думалъ хозяинъ: „внимателенъ, степененъ въ словахъ и не щелкоперъ“. И подумавши такъ, сталъ онъ еще веселѣе, какъ бы самъ разогрѣлся отъ своего разговора, и какъ бы празднуя, что нашелъ человѣка, умѣющаго слушать умные совѣты.

Когда потомъ помѣстились они всѣ въ уютной комнаткѣ, озаренной свѣчками, насупротивъ балкона и стекляной двери въ садъ, и глядѣли къ нимъ оттолѣ звѣзды, блиставшія надъ вершинами заснувшаго сада, — Чичикову сдѣлалось такъ пріютно, какъ не бывало давно: точно какъ бы послѣ долгихъ странствованій приняла уже его родная крыша и, по совершеніи всего, онъ уже получилъ все желаемое и бросилъ скитальческій посохъ, ска-

завши: „довольно!“ Такое обаятельное расположенье навелъ ему на душу разумный разговоръ гостепріимнаго хозяина. Есть для всякаго человѣка такія рѣчи, которыя какъ бы ближе и родственнѣй ему другихъ рѣчей. И часто неожиданно, въ глухомъ, забытомъ захолустьи, на безлюдьи безлюдномъ, встрѣтишь человѣка, котораго грѣющая бесѣда заставитъ позабыть тебя и бездорожье дороги, и безпріютность ночлеговъ, и безпутность современнаго шума, и лживость обмановъ, обманывающихъ человѣка. И живо врѣжется, разъ навсегда и навѣки, проведенный такимъ образомъ вечеръ, и все удержитъ вѣрная память: и кто соприсутствовалъ, и кто на какомъ мѣстѣ сидѣлъ, и что было въ рукахъ его, — стѣны, углы и всякую бездѣлушку.

Такъ и Чичикову замѣтилось все въ тотъ вечеръ: и эта милая, неприхотливо убранная комнатка, и добродушное выраженье, воцарившееся въ лицѣ умнаго хозяина, но даже и рисунокъ обоевъ, ... и поданная Платонову трубка съ янтарнымъ мундштукомъ, и дымъ, который онъ сталъ пускать въ толстую морду Ярбу, и фырканье Ярба, и смѣхъ миловидной хозяйки, прерываемый словами: „полно, не мучь его“, и веселыя свѣчки, и сверчокъ въ углу, и стекляная дверь, и весенняя ночь, глядѣвшая къ нимъ оттолѣ, облокотяся на вершины деревъ, осыпанная звѣздами, оглашенная соловьями, громкопѣвно высвистывавшими изъ глубины зеленолиственныхъ чащей.

— Сладки мнѣ ваши рѣчи, досточтимый мною Константинъ Ѳедоровичъ! — произнесъ Чичиковъ. — Могу сказать, что не встрѣчалъ во всей Россіи человѣка, подобнаго вамъ по уму.

Онъ улыбнулся. Онъ самъ чувствовалъ, что не несправедливы были эти слова.

— Нѣтъ, ужъ если хотите знать умнаго человѣка, такъ у насъ дѣйствительно есть одинъ, о ко-

торомъ точно можно сказать — умный человѣкъ, котораго я и подметки не стою.

— Кто жъ бы это такой могъ быть? — съ изумленьемъ спросилъ Чичиковъ.

— Это нашъ откупщикъ Муразовъ.

— Въ другой уже разъ про него слышу! — вскрикнулъ Чичиковъ.

— Это человѣкъ, который не то, что имѣньемъ помѣщика, цѣлымъ государствомъ управитъ. Будь у меня государство, я бы его сей же часъ сдѣлалъ министромъ финансовъ.

— И, говорятъ, человѣкъ, превосходящій мѣру всякаго вѣроятія: десять милліоновъ, говорятъ, нажилъ.

— Какое десять! перевалило за сорокъ. Скоро половина Россіи будетъ въ его рукахъ.

— Что вы говорите! — вскрикнулъ Чичиковъ, вытаращивъ глаза и разинувъ ротъ.

— Всенепремѣнно. Это ясно. Медленно богатѣетъ тотъ, у кого какія-нибудь сотни тысячъ; а у кого милліоны, у того радіусъ великъ: что ни захватитъ, такъ вдвое и втрое противу самого себя: поле то, поприще слишкомъ просторно. Тутъ ужъ и соперниковъ нѣтъ. Съ нимъ некому тягаться. Какую цѣну чему ни назначитъ, такая и останется: некому перебить.

— Господи, Боже ты мой! — проговорилъ Чичиковъ, перекрестившись. Смотрѣлъ Чичиковъ въ глаза Костанжогло, — захватило духъ въ груди ему. — Уму непостижимо! Каменѣетъ мысль отъ страха! Изумляются мудрости Промысла въ разсматриваньи букашки: для меня болѣе изумительно то, что въ рукахъ смертнаго могутъ обращаться такія громадныя суммы. Позвольте спросить насчетъ одного обстоятельства: скажите, вѣдь это, разумѣется, вначалѣ пріобрѣтено не безъ грѣха?

— Самымъ безукоризненнымъ путемъ и самыми справедливыми средствами.

— Не повѣрю! невѣроятно! Еслибы тысячи, но милліоны...

— Напротивъ, тысячи трудно безъ грѣха, а милліоны наживаются легко. Милліонщику нечего прибѣгать къ кривымъ путямъ: прямой дорогой такъ и ступай, все бери, что ни лежитъ передъ тобой. Другой не подыметъ: всякому не по силамъ, — нѣтъ соперниковъ. Радіусъ великъ; говорю: что ни захватитъ — вдвое или втрое противъ..... А съ тысячи что? — десятый, двадцатый процентъ.

— И что всего непостижимѣй — что дѣло вѣдь началось съ копейки!

— Да иначе и не бываетъ. Это законный порядокъ вещей, — сказалъ Костанжогло. — Кто родился съ тысячами, воспитался на тысячахъ, тотъ уже не пріобрѣтетъ, у того уже завелись и прихоти, и мало ли чего нѣтъ! Начинать нужно съ начала, а не съ середины, — съ копейки, а не съ рубля, — снизу, а не сверху: тутъ только узнаешь хорошо людъ и бытъ, среди которыхъ придется потомъ изворачиваться. Какъ вытерпишь на собственной кожѣ то да другое, да какъ узнаешь, что всякая копейка алтыннымъ гвоздемъ прибита, да какъ перейдешь всѣ мытарства, — тогда тебя умудритъ и вышколитъ [такъ], что ужъ не дашь промаха ни въ какомъ предпріятіи и не оборвешься. Повѣрьте, это правда. Съ начала нужно начинать, а не съ середины. Кто говоритъ мнѣ: „Дайте мнѣ 100 тысячъ — я сейчасъ разбогатѣю“, я тому не повѣрю: онъ бьетъ наудачу, а не навѣрняка. Съ копейки нужно начинать.

— Въ такомъ случаѣ я разбогатѣю, — сказалъ Чичиковъ, невольно помысливъ о мертвыхъ душахъ, — ибо дѣйствительно начинаю съ ничего.

— Константинъ, пора дать Павлу Ивановичу отдохнуть и поспать, — сказала хозяйка, — а ты все болтаешь.

— И непремѣнно разбогатѣете, — сказалъ Костанжогло, не слушая хозяйки. — Къ вамъ потекутъ рѣки, рѣки золота. Не будете знать, куды дѣвать доходы.

Какъ очарованный, сидѣлъ Павелъ Ивановичъ въ золотой области возрастающихъ грезъ и мечтаній. Кружилися его мысли. По золотому ковру грядущихъ прибытковъ золотые узоры вышивало разыгравшееся воображеніе, и въ ушахъ его отдавались слова: „рѣки, рѣки потекутъ...“

— Право, Константинъ, Павлу Ивановичу пора спать.

— Да что жъ тебѣ? Ну, и ступай, если захотѣлось, — сказалъ хозяинъ и остановился, потому что громко по всей комнатѣ раздалось храпѣнье Платонова, а вслѣдъ за нимъ Ярбъ затянулъ еще громче. Замѣтивъ, что въ самомъ дѣлѣ пора на ночлегъ, онъ растолкалъ Платонова, сказавши: „полно тебѣ храпѣть!“ и пожелалъ Чичикову спокойной ночи. Всѣ разбрелись и скоро заснули по своимъ постелямъ.

Одному Чичикову только не спалось. Его мысли бодрствовали. Онъ обдумывалъ, какъ сдѣлаться помѣщикомъ не фантастическаго, но существеннаго имѣнія. Послѣ разговора съ хозяиномъ все становилось такъ ясно! Возможность разбогатѣть казалась такъ очевидной! Трудное дѣло хозяйства становилось теперь такъ легко и понятно, и такъ казалось свойственно самой его натурѣ! Только бы сбыть въ ломбардъ этихъ мертвецовъ да завести не фантастическое помѣстье! Уже онъ видѣлъ себя дѣйствующимъ и правящимъ именно такъ, какъ поучалъ Костанжогло — расторопно, осмотрительно, ничего не заводя новаго, не узнавши насквозь всего стараго, все высмотрѣвши собственными глазами, всѣхъ мужиковъ узнавши, всѣ излишества отъ себя оттолкнувши, отдавши себя только труду да хозяйству. Уже заранѣе предвкушалъ онъ то удовольствіе, которое будетъ онъ чувство-

вать, когда заведется стройный порядокъ, и бойкимъ ходомъ двигнутся всѣ пружины хозяйственной машины, толкая цѣятельно другъ друга. Трудъ закипитъ, — и подобно тому, какъ въ ходкой мельницѣ шибко вымалывается изъ зерна мука, пойдетъ вымалываться изъ всякаго дрязгу и хламу чистоганъ да чистоганъ. Чудный хозяинъ такъ и стоялъ предъ нимъ ежеминутно. Это былъ человѣкъ, первый по всей Россіи, къ которому почувствовалъ онъ уваженіе личное. Доселѣ уважалъ онъ человѣка или за хорошій чинъ, или за большіе достатки; собственно за умъ онъ не уважалъ еще ни одного человѣка: Костанжогло былъ первый. Онъ понялъ, что съ этимъ нечего подыматься на какія-нибудь штуки. Его занималъ другой прожектъ — купить имѣнье Хлобуева. Десять тысячъ у него было; пятнадцать тысячъ предполагалъ онъ попробовать занять у Костанжогло, такъ какъ онъ самъ объявилъ уже, что готовъ помочь всякому желающему разбогатѣть; остальныя — какъ-нибудь, или заложивши въ ломбардъ, или такъ просто, заставивши ждать. Вѣдь и это можно: ступай, возись по судамъ, если есть охота! И долго онъ объ этомъ думалъ. Наконецъ, сонъ, который уже цѣлые четыре часа держалъ весь домъ, какъ говорится, въ объятіяхъ, принялъ, наконецъ, и Чичикова въ свои объятія. Онъ заснулъ крѣпко.

Глава IV.

На другой день все обдѣлалось, какъ нельзя лучше. Костанжогло далъ съ радостью десять тысячъ, безъ процентовъ, безъ поручительства, — просто подъ одну расписку: такъ былъ онъ готовъ помогать всякому на пути къ пріобрѣтенью. Этого мало: онъ самъ взялся сопровождать Чичикова

къ Хлобуеву [1], съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ имѣніе. Чичиковъ былъ въ духѣ. Послѣ сытнаго завтрака, всѣ они отправились, сѣвши всѣ трое въ коляску Павла Ивановича; пролетки хозяина слѣдовали за ними порожнякомъ. Ярбъ бѣжалъ впереди, сгоняя съ дороги птицъ. Цѣлыя 15 верстъ тянулись по обѣимъ сторонамъ лѣса и пахатныя земли Костанжогло. Какъ только они прекратились, все пошло иначе: хлѣбъ жиденькій, намѣсто лѣсовъ пни. Деревенька, несмотря на красивое мѣстоположенье, показывала издали запущенье. Новый каменный домъ, необитаемый, оставшійся вчернѣ въ про....., выглянулъ прежде всего, за нимъ другой, обитаемый. Хозяина нашли они растрепаннаго, заспаннаго, недавно проснувшагося. Ему было лѣтъ сорокъ; галстукъ у него былъ повязанъ на сторону; на сюртукѣ была заплата, на сапогѣ дырка.

Пріѣзду гостей онъ обрадовался, какъ Богъ вѣсть чему: точно какъ бы онъ увидѣлъ братьевъ, съ которыми надолго разставался.

— Константинъ Ѳедоровичъ! Платонъ Михайловичъ! Вотъ одолжили пріѣздомъ! Дайте протереть глаза! А ужъ, право, думалъ, что ко мнѣ никто не заѣдетъ. Всякъ бѣгаетъ меня, какъ чумы: думаетъ, попрошу взаймы. Охъ, трудно, трудно, Константинъ Ѳедоровичъ! Вижу — самъ всему виной. Что дѣлать? свинья-свиньей зажилъ. Извините, господа, что принимаю васъ въ такомъ нарядѣ: сапоги, какъ видите, съ дырами. Чѣмъ прикажете потчивать?

— Безъ церемоніи. Мы къ вамъ за дѣломъ. Вотъ вамъ покупщикъ, Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, — сказалъ Костанжогло.

— Душевно радъ познакомиться. Дайте прижать мнѣ вашу руку.

---

[1] Въ типѣ Хлобуева Гоголь воспользовался нѣкоторыми чертами П. В. Нащокина, друга Пушкина.

Чичиковъ далъ ему обѣ.

— Хотѣлъ бы очень, почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ, показать вамъ имѣніе, стоящее вниманія... Да что, господа, позвольте спросить: вы обѣдали?

— Обѣдали, обѣдали, — сказалъ Костанжогло, желая отдѣлаться. — Не будемъ мѣшкать и пойдемъ теперь же.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемъ. — Хлобуевъ взялъ въ руки картузъ. — Пойдемъ осматривать безпорядки и безпутство мое.

Гости надѣли на головы картузы, и всѣ пошли улицею деревни.

Съ обѣихъ сторонъ глядѣли слѣпыя лачуги, съ окнами крохотными, заткнутыми онучами.

— Пойдемъ осматривать безпорядки и безпутство мое, — говорилъ Хлобуевъ. — Конечно, вы сдѣлали хорошо, что пообѣдали. Повѣрите ли, Константинъ Ѳедоровичъ, курицы нѣтъ въ домѣ — до того дожилъ!

Онъ вздохнулъ и, какъ бы чувствуя, что мало будетъ участія со стороны Константина Ѳедоровича, подхватилъ подъ руку Платонова и пошелъ съ нимъ впередъ, прижимая крѣпко его къ груди своей. Костанжогло и Чичиковъ остались позади и, взявшись подъ руки, слѣдовали за ними въ отдаленіи.

— Трудно, Платонъ Михайловичъ, трудно! — говорилъ Хлобуевъ Платонову. — Не можете вообразить, какъ трудно! Безденежье, безхлѣбье, безсапожье — вѣдь это для васъ слова иностраннаго языка. Трынъ-трава бы это было все, еслибы былъ молодъ и одинъ. Но когда всѣ эти невзгоды станутъ тебя ломать подъ старость, а подъ бокомъ жена, пятеро дѣтей, — сгрустнется, поневолѣ сгрустнется...

— Ну, да если вы продадите деревню — это васъ поправитъ? — спросилъ Платоновъ.

— Какое поправитъ! — сказалъ Хлобуевъ, махнувши рукой. — Все пойдетъ на уплату долговъ, а для себя не останется и тысячи.

— Такъ что жъ вы будете дѣлать?

— А Богъ знаетъ.

— Какъ же вы ничего не предпринимаете, чтобы выпутаться изъ такихъ обстоятельствъ.

— Что жъ предпринять?

— Что жъ, вы, стало быть, возьмите какое-нибудь мѣсто.

— Вѣдь я губернскій секретарь. Какое жъ мнѣ могутъ дать мѣсто? Мѣсто мнѣ могутъ дать ничтожное. Какъ мнѣ взять жалованье — пять сотъ? А вѣдь у меня жена, пятеро дѣтей.

— Пойдите въ управляющіе.

— Да кто жъ мнѣ повѣритъ имѣніе? Я промоталъ свое.

— Ну, да если голодъ и смерть грозятъ, нужно же что-нибудь предпринимать. Я спрошу, не можетъ ли братъ мой черезъ кого-либо въ городѣ выхлопотать какую-нибудь должность.

— Нѣтъ, Платонъ Михайловичъ, — сказалъ Хлобуевъ, вздохнувши и сжавши крѣпко его руку. — Не гожусь я теперь никуды: одряхлѣлъ прежде старости своей, и поясница болитъ отъ прежнихъ грѣховъ, и ревматизмъ въ плечѣ. Куды мнѣ! что разорять казну? И безъ того теперь завелось много служащихъ ради доходныхъ мѣстъ. Храни Богъ, чтобы изъ-за доставки мнѣ жалованья прибавлены были подати на бѣдное сословіе!

„Вотъ плоды безпутнаго поведенія“, подумалъ Платоновъ. „Это хуже моей спячки“.

А между тѣмъ, какъ они такъ говорили между собой, Костанжогло, идя съ Чичиковымъ позади ихъ, выходилъ изъ себя.

— Вотъ смотрите, — сказалъ Костанжогло, указывая пальцемъ, — довелъ мужика до какой бѣдности! Вѣдь ни телѣги, ни лошади. Случился

падежъ — ужъ тутъ нечего глядѣть на свое добро: тутъ все свое продай да снабди мужика скотиной, чтобы онъ не оставался и одного дни безъ средствъ производить работу. А вѣдь теперь и годами не поправишь. И мужикъ уже излѣнился, загулялъ, сдѣлался пьяница. Да этимъ только, что одинъ годъ далъ ему пробыть безъ работы, ты ужъ развратилъ его навѣки: ужъ привыкъ къ лохмотью и бродяжничеству... А земля то какова? разглядите землю! — говорилъ онъ, указывая на луга, которые показались скоро за избами. — Все поемныя мѣста! Да я заведу ленъ, да тысячъ на пять одного льну отпущу; рѣпой засѣю, на рѣпѣ выручу тысячи четыре. А вонъ смотрите — по косогору рожь поднялась; вѣдь это все падаль [1]. Онъ хлѣба не сѣялъ — я это знаю. А вонъ овраги... да здѣсь я заведу такіе лѣса, что воронъ не долетитъ до вершины. И этакое сокровище землю бросить! Ну, ужъ если нечѣмъ было пахать, такъ копай заступомъ подъ огородъ какой — огородомъ бы взялъ. Самъ возьми въ руки заступъ, жену, дѣтей, дворню заставь; умри, ... на работѣ! Умрешь, по крайней мѣрѣ, исполняя долгъ, а не то — обожравшись свиньей за обѣдомъ! — Сказавши это, плюнулъ Костанжогло, и желчное расположеніе осѣнило сумрачнымъ облакомъ его чело.

Когда подошли они ближе и стали надъ крутизной, обросшей чилизникомъ [2], и вдали блеснулъ извивъ рѣки и темный отрогъ, и въ перспективѣ ближе показалась часть скрывавшагося въ рощахъ дома генерала Бетрищева, а за нимъ лѣсомъ обросшая, курчавая гора, пылившая синеватою пылью отдаленья, по которой вдругъ догадался Чичиковъ, что это должно быть Тѣнтѣтникова, — [онъ сказалъ]:

---

[1] Высыпавшіяся зерна.
[2] Кустарникъ.

— Здѣсь если завести лѣса, — да деревенскій видъ можетъ превзойти красотою...

— А вы охотникъ до видовъ! — сказалъ Костанжогло, вдругъ на него взглянувши строго. — Смотрите, погонитесь тамъ за видами — останетесь безъ хлѣба и безъ видовъ. Смотрите на пользу, а не на красоту. Красота сама придетъ. Примѣръ вамъ города: лучше и красивѣе до сихъ поръ города, которые сами построились, гдѣ каждый строился по своимъ надобностямъ и вкусамъ; а тѣ, которые выстроились по шнурку, — казармы казармами... Въ сторону красоту! Смотрите на потребности...

— Жалко то, что долго нужно дожидаться: такъ бы хотѣлось увидѣть все въ томъ видѣ, какъ хочется...

— Да что вы 25-лѣтній развѣ юноша?... Петербургскій чиновникъ... Терпѣнье! Шесть лѣтъ работайте сряду: садите, сѣйте, ройте землю, не отдыхая ни на минуту. Трудно, трудно. Но зато потомъ, какъ расшевелите хорошенько землю, да станетъ она помогать вамъ сама, такъ это не то, что какой-нибудь .... нѣтъ, батюшка, у васъ, сверхъ вашихъ какихъ-нибудь 70-ти рукъ, будутъ работать 700 невидимыхъ. Все вдесятеро! У меня теперь ни пальцемъ не двигнутъ, — все дѣлается само собою. Да, природа любитъ терпѣнье: и это законъ, данный ей Самимъ Богомъ, ублажавшимъ терпѣливыхъ.

— Слушая васъ, чувствуешь прибытокъ силъ. Духъ воздвигается.

— Вона земля какъ вспахана! — вскрикнулъ Костанжогло съ ѣдкимъ чувствомъ прискорбія, показывая на косогоръ. — Я не могу здѣсь больше оставаться: мнѣ смерть — глядѣть на этотъ безпорядокъ и запустѣнье. Вы теперь можете съ нимъ покончить и безъ меня. Отберите у этого дурака поскорѣе сокровище. Онъ только безчес-

титъ Божій даръ. — И, сказавши это, Костанжогло уже омрачился желчнымъ расположеніемъ взволнованнаго духа, простился съ Чичиковымъ и, нагнавши хозяина, сталъ также прощаться.

— Помилуйте, Константинъ Ѳедоровичъ, — говорилъ удивленный хозяинъ: — только что пріѣхали — и назадъ!

— Не могу. Мнѣ крайняя надобность быть дома, — сказалъ Костанжогло. Простился, сѣлъ и уѣхалъ на своихъ пролеткахъ.

Казалось, какъ будто Хлобуевъ понялъ причину его отъѣзда.

— Не выдержалъ Константинъ Ѳедоровичъ, — сказалъ онъ: — не весело такому хозяину, каковъ онъ, глядѣть на этакое безпутное управленье. Повѣрьте, Павелъ Ивановичъ, что даже хлѣба не сѣялъ въ этомъ году. Какъ честной человѣкъ! Сѣмянъ не было, не говоря ужъ о томъ, что нечѣмъ пахать. Вашъ братецъ, Платонъ Михайловичъ, говорятъ, отличный хозяинъ; о Константинѣ Ѳедоровичѣ — что ужъ говорить! это Наполеонъ своего рода. Часто, право, думаю: ну, зачѣмъ столько ума дается въ одну голову? ну, что бы хоть каплю его въ мою глупую. Тутъ, смотрите, господа, осторожнѣе черезъ мостъ, чтобъ не бултыхнуться въ лужу. Доски весною приказывалъ поправить... Жаль больше всего мнѣ мужичковъ бѣдныхъ: имъ нуженъ примѣръ, но съ меня что за примѣръ? Что прикажете дѣлать? Возьмите ихъ, Павелъ Ивановичъ, въ свое распоряженіе. Какъ пріучить ихъ къ порядку, когда самъ безпорядоченъ? Я бы ихъ отпустилъ давно на волю, но изъ этого не будетъ никакого толку. Вижу, что прежде нужно привести ихъ въ такое состояніе, чтобы умѣли жить. Нуженъ строгій и справедливый человѣкъ, который пожилъ бы съ ними долго и собственнымъ примѣромъ неутомимой дѣятельности... Русскій человѣкъ, вижу по себѣ, не

можетъ безъ понукателя: такъ и задремлетъ, такъ и закиснетъ.

— Странно, — сказалъ Платоновъ, — отчего русскій человѣкъ способенъ такъ задремать и закиснуть, что, если не смотришь за простымъ человѣкомъ, сдѣлается и пьяницей, и негодяемъ?

— Отъ недостатка просвѣщенія, — замѣтилъ Чичиковъ.

— Богъ вѣсть, отчего. Вѣдь вотъ мы просвѣтились, слушали въ университетѣ, а на что годимся? Ну, чему я выучился? Порядку жить не только не выучился, а еще больше — выучился искусству побольше издерживать деньги на всякія новыя утонченности да комфорты, больше познакомился съ такими предметами, на которые нужны деньги. Оттого ли, что я безтолково учился? — Нѣтъ, вѣдь такъ и другіе товарищи. Два, три человѣка извлекли себѣ настоящую пользу, да и то оттого, можетъ быть, что и безъ того были умны, а прочіе вѣдь только и стараются узнать то, что портитъ здоровье да и выманиваетъ деньги. Ей Богу! А что я ужъ думаю: иной разъ, право, мнѣ кажется, что будто русскій человѣкъ — какой то пропащій человѣкъ. Хочешь все сдѣлать — и ничего не можешь. Все думаешь — съ завтрашняго дня начнешь новую жизнь, съ завтрашняго дня сядешь на діэту; ничуть не бывало: къ вечеру того же дни такъ объѣшься, что только хлопаешь глазами, и языкъ не ворочается — какъ сова сидишь, глядя на всѣхъ — право! И эдакъ всѣ.

— Да, — сказалъ Чичиковъ, усмѣхнувшись, — эта исторія бываетъ.

— Мы совсѣмъ не для благоразумія рождены. Я не вѣрю, чтобы изъ насъ былъ кто-нибудь благоразумнымъ. Если я вижу, что иной даже и порядочно живетъ, собираетъ и копитъ деньги, не вѣрю я и тому. На старости и его чортъ попу-

таетъ: спуститъ потомъ все вдругъ. И всѣ такъ, право: и просвѣщенные, и непросвѣщенные. Нѣтъ, чего то другого недостаетъ, а чего — и самъ не знаю.

На возвратномъ пути были виды тѣ же. Неопрятный безпорядокъ такъ и выказывалъ отвсюду безобразную свою наружность. Прибавилась только новая лужа посереди улицы. Все было опущено и запущено какъ у мужиковъ, такъ и у барина. Сердитая баба, въ замасленой дерюгѣ, прибила до полусмерти бѣдную дѣвчонку и ругала на всѣ бока кого то въ третьемъ лицѣ, призывая всѣхъ чертей. Подальше два мужика глядѣли съ равнодушіемъ стоическимъ на гнѣвъ пьяной бабы. Одинъ чесалъ у себя пониже спины, другой зѣвалъ. Зѣвота видна была на строеніяхъ, крыши также зѣвали. Платоновъ, глядя на нихъ, зѣвнулъ. Заплата на заплатѣ. На одной избѣ, вмѣсто крыши, лежали цѣликомъ ворота; провалившіяся окна подперты были жердями, стащенными съ господскаго амбара. Какъ видно, въ хозяйствѣ исполнялась система Тришкина кафтана: отрѣзывались обшлага и фалды на заплату локтей.

— Незавидное у васъ хозяйство, — сказалъ [Чичиковъ], когда они, осмотрѣвъ, подъѣхали... Вошедши въ комнаты дома, они были поражены какъ бы смѣшеньемъ нищеты съ блестящими бездѣлушками позднѣйшей роскоши. Какой то Шекспиръ сидѣлъ на чернильницѣ; на столѣ лежала щегольская ручка слоновой кости для почесыванья себѣ самому спины. Хозяйка была одѣта со вкусомъ и по модѣ, говорила о городѣ да о театрѣ, который тамъ завелся. Дѣти были рѣзвы и веселы. Мальчики и дѣвочки были прекрасно одѣты — очень мило и со вкусомъ. Лучше бы одѣлись въ пестрядевыя юбки, простыя рубашки и бѣгали себѣ по двору и не отличались ничѣмъ отъ крестьянскихъ дѣтей. Къ хозяйкѣ скоро пріѣхала

гостья, какая то пустомеля и болтунья. Дамы ушли на свою половину. Дѣти убѣжали вслѣдъ за ними. Мужчины остались одни.

— Такъ какая же будетъ ваша цѣна? — сказалъ Чичиковъ. — Спрашиваю, признаться, чтобъ услышать крайнюю, послѣднюю цѣну, ибо помѣстье въ худшемъ положеніи, чѣмъ ожидалъ.

— Въ самомъ скверномъ, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Хлобуевъ. — И это еще не все. Я не скрою: изъ ста душъ, числящихся по ревизіи, только пятьдесятъ въ живыхъ: такъ у насъ распорядилась холера; прочіе отлучились безпаспортно, такъ что почитайте ихъ какъ бы умершими, такъ что если ихъ вытребовать по судамъ, такъ все имѣнье останется по судамъ. Потому то я и прошу всего только тридцать пять тысячъ.

Чичиковъ сталъ, разумѣется, торговаться:

— Помилуйте, какъ же тридцать пять? За этакое тридцать пять! Ну, возьмите 25 тысячъ.

Платонову сдѣлалось совѣстно.

— Покупайте, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ онъ. — За имѣнье можно всегда дать эту [цѣну]. Если вы не дадите за него тридцати пяти тысячъ, мы съ братомъ складываемся и покупаемъ.

— Очень хорошо, согласенъ, — сказалъ Чичиковъ, испугавшись. — Хорошо, только съ тѣмъ, чтобы половину денегъ черезъ годъ.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ! этого то ужъ никакъ не могу. Половину мнѣ дайте теперь же, а остальныя черезъ... Вѣдь мнѣ эти же самыя деньги выдастъ ломбардъ: было бы только чѣмъ...

— Какъ же, право? я ужъ не знаю, — сказалъ Чичиковъ: — у меня всего-на-всего теперь десять тысячъ, — сказалъ Чичиковъ, — сказалъ и совралъ: всего у него было двадцать, включая деньги, занятыя у Костанжогло; но какъ то жалко такъ много дать за однимъ разомъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, Павелъ Ивановичъ! Я

говорю, что необходимо мнѣ нужны пятнадцать тысячъ.

— Я вамъ займу 5 тысячъ, — подхватилъ Платоновъ.

— Развѣ этакъ! — сказалъ Чичиковъ и подумалъ про-себя: „А это однакоже, кстати, что онъ даетъ взаймы“. Изъ коляски была принесена шкатулка, и тутъ же было изъ нея вынуто 10,000 Хлобуеву: остальныя же пять тысячъ обѣщано было привезти ему завтра; то есть, обѣщано: предполагалось же привезти три, другія — потомъ, денька черезъ два или три, а если можно, то и еще нѣсколько просрочить. Павелъ Ивановичъ какъ то особенно не любилъ выпускать изъ рукъ денегъ. Если жъ настояла крайняя необходимость, то все таки, казалось ему, лучше выдать деньги завтра, а не сегодня. То есть, онъ поступалъ, какъ всѣ мы. Вѣдь намъ пріятно же поводить просителя: пусть его натретъ себѣ спину въ передней! Будто ужъ и нельзя подождать ему! Какое намъ дѣло до того, что, можетъ бытъ, всякій часъ ему дорогъ, и терпятъ отъ того дѣла его! „Приходи, братецъ, завтра, а сегодня мнѣ какъ то некогда“.

— Гдѣ жъ вы послѣ этого будете жить? — спросилъ Платоновъ Хлобуева. — Есть у васъ другая деревушка?

— Да въ городъ нужно переѣзжать: тамъ есть у меня домишка. Все же равно, это было нужно сдѣлать, не для себя, а для дѣтей: имъ нужны будутъ учителя Закону Божію, музыкѣ, танцованью. Вѣдь ни за какія деньги въ деревнѣ нельзя достать.

— Куска хлѣба нѣтъ, а дѣтей учить танцованью! — подумалъ Чичиковъ.

— Странно! — подумалъ Платоновъ.

— Однакожъ нужно намъ чѣмъ-нибудь вспрыснуть сдѣлку, — сказалъ Хлобуевъ. — Эй, Кирюшка! принеси, братъ, бутылку шампанскаго.

„Куска хлѣба нѣтъ, а шампанское есть“, подумалъ Чичиковъ.

Платоновъ не зналъ, что и думать.

Шампанскимъ [Хлобуевъ] обзавелся по необходимости. Онъ послалъ въ городъ: что дѣлать? — въ лавочкѣ не даютъ квасу въ долгъ безъ денегъ, а пить хочется. А французъ, который недавно пріѣхалъ съ винами изъ Петербурга, всѣмъ давалъ въ долгъ. Нечего дѣлать, нужно было брать бутылку шампанскаго.

Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуевъ развязался: сталъ милъ и уменъ, сыпалъ остротами и анекдотами. Въ рѣчахъ его обнаружилось столько познанья людей и свѣта! Такъ хорошо и вѣрно видѣлъ онъ многія вещи, такъ мѣтко и ловко очерчивалъ немногими словами сосѣдей-помѣщиковъ, такъ видѣлъ ясно недостатки и ошибки всѣхъ, такъ хорошо зналъ исторію разорившихся баръ: и почему, и какъ, и отчего они разорились; такъ оригинально и смѣшно умѣлъ передавать малѣйшія ихъ привычки, — что они оба были совершенно обворожены его рѣчами и готовы были признать его за умнѣйшаго человѣка.

— Мнѣ удивительно, — сказалъ Чичиковъ, — какъ вы, при такомъ умѣ, не найдете средствъ и оборотовъ?

— Средства то есть, — сказалъ Хлобуевъ, и тутъ [же] выгрузилъ имъ цѣлую кучу прожектовъ. Всѣ они были до того нелѣпы, такъ странны, такъ мало истекали изъ познанья людей и свѣта, что оставалось пожимать только плечами да говорить: „Господи Боже! какое необъятное разстоянье между знаньемъ свѣта и умѣньемъ пользоваться этимъ знаньемъ!“ Все основывалось на потребности достать откуда-нибудь вдругъ сто или двѣсти тысячъ. Тогда, казалось ему, все бы устроилось, какъ слѣдуетъ, и хозяйство бы пошло, и прорѣхи

всѣ бы заплатались, и доходы можно учетверить, и себя привести въ возможность выплатить всѣ долги. И оканчивалъ онъ рѣчь свою: — Но что прикажете дѣлать? Нѣтъ, да и нѣтъ такого благодѣтеля, который бы рѣшился дать двѣсти или хоть сто тысячъ взаймы. Видно, ужъ Богъ не хочетъ.

„Еще бы“, подумалъ Чичиковъ: „этакому дураку послалъ Богъ двѣсти тысячъ!“

— Есть у меня, пожалуй, трехмилліонная тетушка, — сказалъ Хлобуевъ: — старушка богомольная: на церкви и монастыри даетъ, но помогать ближнему тугенька. Прежнихъ временъ тетушка, на которую бы взглянуть стоило. У ней однѣхъ канареекъ сотни четыре, моськи, приживалки и слуги, какихъ ужъ теперь нѣтъ. Меньшому изъ слугъ будетъ лѣтъ подъ 60, хоть она и зоветъ его: „Эй, малый!“. Если гость какъ-нибудь себя не такъ поведетъ, такъ она за обѣдомъ прикажетъ обнести его блюдомъ, — и обнесутъ. Вотъ какъ!

Платоновъ усмѣхнулся.

— А какъ ея фамилія и гдѣ проживаетъ? — спросилъ Чичиковъ.

— Живетъ она у насъ же въ городѣ, Александра Ивановна Ханасарова.

— Отчего жъ вы не обратитесь къ ней? — сказалъ съ участьемъ Платоновъ. — Мнѣ кажется, еслибы она вошла въ положенье вашего семейства, она бы не могла отказать.

— Ну, нѣтъ, можетъ. У тетушки натура крѣпковата. Это старушка-кремень, Платонъ Михайловичъ! Да къ тому жъ есть и безъ меня угодники, которые около нея увиваются. Тамъ есть одинъ, который мѣтитъ въ губернаторы: приплелся ей въ родню... Сдѣлай мнѣ такое одолженіе, — сказалъ онъ вдругъ, обратясь [къ Платонову]: — на будущей недѣлѣ я даю обѣдъ всѣмъ сословіямъ въ городѣ...

Платоновъ растопырилъ глаза. Онъ еще не зналъ того, что на Руси, въ городахъ и столицахъ, водятся такіе мудрецы, которыхъ жизнь — совершенно необъяснимая загадка. Все, кажется, прожилъ, кругомъ въ долгахъ, ниоткуда никакихъ средствъ, а задаетъ обѣдъ: и всѣ обѣдающіе говорятъ, что это послѣдній, что завтра же хозяина потащатъ въ тюрьму. Проходитъ послѣ того 10 лѣтъ — мудрецъ все еще держится на свѣтѣ, еще больше прежняго кругомъ въ долгахъ, и такъ же задаетъ обѣдъ, на которомъ всѣ обѣдающіе думаютъ, что онъ послѣдній, и всѣ увѣрены, что завтра же потащатъ хозяина въ тюрьму.

Домъ Хлобуева въ городѣ представлялъ необыкновенное явленіе. Сегодня попъ въ ризахъ служилъ тамъ молебенъ; завтра давали репетицію французскіе актеры. Въ иной день ни крошки хлѣба нельзя было отыскать; въ другой хлѣбосольный пріемъ всѣхъ артистовъ и художниковъ и великодушная подача всѣмъ. Бывали такія подчасъ тяжелыя времена, что другой давно бы на его мѣстѣ повѣсился или застрѣлился; но его спасало религіозное настроеніе, которое страннымъ образомъ совмѣщалось въ немъ съ безпутною его жизнью. Въ эти горькія минуты читалъ [онъ] житія страдальцевъ и тружениковъ, воспитывавшихъ духъ свой быть превыше несчастій. Душа его въ это время вся размягчалась, умилялся духъ, и слезами исполнялись глаза его! Онъ молился, и — странное дѣло! — почти всегда приходила къ нему откуда-нибудь неожиданная помощь: или кто-нибудь изъ старыхъ друзей его вспоминалъ о немъ и присылалъ ему деньги; или какая-нибудь проѣзжая незнакомка, нечаянно услышавъ о немъ исторію, съ стремительнымъ великодушіемъ женскаго сердца присылала ему богатую подачу; или выигрывалось гдѣ-нибудь въ пользу его дѣло, о которомъ онъ никогда и не слышалъ. Благоговѣйно призна-

валъ онъ тогда необъятное милосердье Провидѣнья, служилъ благодарственный молебенъ и вновь начиналъ безпутную жизнь свою.

— Жалокъ онъ мнѣ, право жалокъ, — сказалъ Чичикову Платоновъ, когда они, простившись съ нимъ, выѣхали отъ него.

— Блудный сынъ! — сказалъ Чичиковъ. — О такихъ людяхъ и жалѣть нечего.

И скоро они оба перестали о немъ думать: Платоновъ — потому, что лѣниво и полусонно смотрѣлъ на положенья людей, такъ же, какъ и на все въ мірѣ. Сердце его сострадало и щемило при видѣ страданій другихъ, но впечатлѣнья какъ то не впечатлѣвались глубоко въ его душѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ не думалъ о Хлобуевѣ. Онъ потому не думалъ о Хлобуевѣ, что и о себѣ самомъ не думалъ; Чичиковъ потому не думалъ о Хлобуевѣ, что, въ самомъ дѣлѣ, всѣ его мысли были заняты не на шутку пріобрѣтенною покупкою. Какъ бы то ни было, но очутившись вдругъ, послѣ фантастическаго, настоящимъ, дѣйствительнымъ владѣльцемъ уже не фантастическаго имѣнія, онъ сталъ задумчивъ, и предположенья, и мысли стали степеннѣй и давали невольно значительное выраженье ли[цу]. „Терпѣнье, трудъ! Вещь нет[рудная]: съ нимъ я познакомился, такъ сказать, съ пеленъ дѣтскихъ. Мнѣ они не въ новость. Но станетъ ли теперь, въ эти годы, столько терпѣнья, сколько въ молодости?“ Какъ бы то ни было, какъ ни разсматривалъ, на какую сторону ни оборачивалъ пріобрѣтенную покупку, видѣлъ, что во всякомъ случаѣ покупка была выгодна. Можно было поступить и такъ, чтобы заложить имѣніе въ ломбардъ, прежде выпродавъ по кускамъ лучшія земли. Можно было распорядиться и такъ, чтобы заняться самому хозяйствомъ и сдѣлаться помѣщикомъ по образцу Костанжогло, пользуясь его совѣтами, какъ сосѣда и благодѣтеля. Можно было

поступить даже и такъ, чтобы перепродать въ частныя руки имѣніе [разумѣется, если не захочется самому хозяйничать], оставивши при себѣ бѣглыхъ и мертвецовъ. Тогда представлялась и другая выгода: можно было вовсе улизнуть изъ этихъ мѣстъ и не заплатить Костанжогло денегъ, взятыхъ у него взаймы. Странная мысль! не то, чтобы Чичиковъ возымѣлъ [ее], но она вдругъ, сама собой, предстала, дразня, и усмѣхаясь, и прищуриваясь на него. Непотребница! егоза! И кто творецъ этихъ вдругъ набѣгающихъ мыслей?.. Онъ почувствовалъ удовольствіе, — удовольствіе отъ того, что сталъ теперь помѣщикомъ, — помѣщикомъ не фантастическимъ, но дѣйствительнымъ, помѣщикомъ, у котораго есть уже и земли, и угодья, и люди, — люди не мечтательные, въ воображеніи пребывающіе, но существующіе. И понемногу началъ онъ и подпрыгивать, и потирать себѣ руки, и подмигивать себѣ самому, и вытрубилъ на кулакѣ, приставивши его себѣ ко рту, какъ бы на трубѣ, какой то маршъ, и даже выговорилъ вслухъ нѣсколько поощрительныхъ словъ и названій себѣ самому, въ родѣ мордашки и каплунчика. Но потомъ, вспомнивши, что онъ не одинъ, притихнулъ вдругъ, постарался кое-какъ замять неумѣренный порывъ восторгновенья; и когда Платоновъ, принявши коекакіе изъ этихъ звуковъ за обращенную къ нему рѣчь, спросилъ у него: „чего?“, онъ отвѣчалъ: „ничего“.

Тутъ только, оглянувшись вокругъ себя, онъ увидѣлъ, что они уже давно ѣхали прекрасною рощей; миловидная березовая ограда тянулась у нихъ справа и слѣва. Бѣлые [стволы] лѣсныхъ березъ и осинъ, блестя какъ снѣжный частоколъ, стройно и легко возносились на нѣжной зелени недавно развившихся листьевъ. Соловьи взапуски громко щелкали изъ рощи. Лѣсные тюльпаны желтѣли въ травѣ. Онъ не могъ себѣ дать отчета.

какъ онъ успѣлъ очутиться въ этомъ прекрасномъ мѣстѣ, когда еще недавно были открытыя поля. Между деревъ мелькала бѣлая каменная церковь, а на другой сторонѣ выказалась изъ-[за] рощи рѣшотка. Въ концѣ улицы показался господинъ, шедшій къ нимъ навстрѣчу, въ картузѣ, съ суковатой палкой въ рукахъ. Аглицкій песъ, на высокихъ тонкихъ ножкахъ, бѣжалъ передъ нимъ.

— А вотъ и братъ, — сказалъ Платоновъ. — Кучеръ, стой! — И вышелъ изъ коляски, Чичиковъ также. Псы уже успѣли облобызаться. Тонконогій, проворный Азоръ лизнулъ, проворнымъ языкомъ своимъ, Ярба въ морду, потомъ лизнулъ Платонову руки, потомъ вскочилъ на Чичикова и лизнулъ его въ ухо.

Братья обнялись.

— Помилуй, Платонъ, что это ты со мною дѣлаешь? — сказалъ остановившійся братъ, котораго звали Василіемъ.

— Какъ что? — равнодушно отвѣчалъ Платонъ.

— Да какъ же въ самомъ дѣлѣ? три дни отъ тебя ни слуху, ни духу! Конюхъ отъ Пѣтуха привелъ твоего жеребца. — Поѣхалъ — говоритъ — съ какимъ то бариномъ. Ну, хоть бы слово сказалъ: куды, зачѣмъ, на сколько времени? Помилуй, братецъ, какъ же можно этакъ поступать? А я, Богъ знаетъ, чего не передумалъ въ эти дни!

— Ну, что жъ дѣлать? позабылъ, — сказалъ Платоновъ. — Мы заѣхали къ Константину Ѳедоровичу: онъ тебѣ кланяется, сестра — также. Павелъ Ивановичъ, рекомендую вамъ: братъ Василій. — Братъ Василій! это Павелъ Ивановичъ Чичиковъ.

Оба приглашенные ко взаимному знакомству пожали другъ другу руки и, снявши картузы, поцѣловались.

— Кто бы такой былъ этотъ Чичиковъ? —

думалъ братъ Василій. — Братъ Платонъ на знакомства неразборчивъ. — И оглянулъ онъ Чичикова, насколько позволяло приличіе, и увидѣлъ, что это былъ человѣкъ, по виду, очень благонамѣренный.

Съ своей стороны, Чичиковъ оглянулъ также, насколько позволяло приличіе, брата Василія и увидѣлъ, что братъ пониже Платона, волосомъ темнѣй его и лицомъ далеко не такъ красивъ, но въ чертахъ его лица было гораздо больше жизни и одушевленья, больше сердечной доброты. Видно было, что онъ меньше дремалъ. Но на эту часть Павелъ Ивановичъ мало обращалъ вниманія.

— Я рѣшился, Вася, проѣздиться, вмѣстѣ съ Павломъ Ивановичемъ, по святой Руси. Авось-либо это размычетъ хандру мою.

— Какъ же такъ вдругъ рѣшился? — сказалъ озадаченный братъ Василій; и онъ чуть было не прибавилъ: — И еще ѣхать съ человѣкомъ, котораго видишь въ первый разъ, который, можетъ быть, и дрянь, и чортъ знаетъ что! — Полный недовѣрія, онъ оглянулъ искоса Чичикова и увидѣлъ благоприличіе изумительное.

Они повернули направо въ ворота. Дворъ былъ старинный; домъ тоже старинный, какихъ теперь не строятъ — съ навѣсами, подъ высокой крышей. Двѣ огромныя липы росли посреди двора и покрывали почти половину его своею тѣнью. Подъ ними было множество деревянныхъ скамеекъ. Цвѣтущія сирени и черемухи бисернымъ ожерельемъ обходили дворъ вмѣстѣ съ оградой, совершенно скрывавшейся подъ ихъ цвѣтами и листьями. Господскій домъ былъ совершенно закрытъ, только однѣ двери и окна миловидно глядѣли снизу сквозь вѣтви. Сквозь прямыя, какъ стрѣлы, лѣсины деревъ, бѣлѣлись кухни, кладовыя и погреба. Все было въ рощѣ. Соловьи высвистывали громко, оглашая всю рощу. Невольно вносилось въ душу

какое то безмятежно-пріятное чувство. Такъ и отзывалось все тѣми беззаботными временами, когда жилось всѣмъ добродушно, и все было просто и несложно. Братъ Василій пригласилъ Чичикова садиться. Они сѣли на скамьяхъ подъ липами.

Парень, лѣтъ 17, въ красивой рубашкѣ розовой ксандрейки [1], принесъ и поставилъ передъ ними графины съ разноцвѣтными фруктовыми квасами всѣхъ сортовъ, то густыми, какъ масло, то шипѣвшими, какъ газовые лимонады. Поставивши графины, схватилъ онъ заступъ, стоявшій у дерева, и ушелъ въ садъ. У братьевъ Платоновыхъ такъ же, какъ и у зятя Костанжогло, собственно слугъ не было: они были всѣ садовники, всѣ дворовые исправляли поочереди эту должность. Братъ Василій все утверждалъ, что слуги не сословіе: подать что-нибудь можетъ всякій, и для этого не стоитъ заводить особыхъ людей; что будто русскій человѣкъ потуда хорошъ и расторопенъ, и не лѣнтяй, покуда онъ ходитъ въ рубашкѣ и зипунѣ; но что, какъ только заберется въ нѣмецкій сюртукъ, станетъ вдругъ неуклюжъ и нерасторопенъ, и лѣнтяй, и рубашки не перемѣняетъ, и въ баню перестаетъ вовсе ходить, и спитъ въ сюртукѣ, и заведутся у него подъ сюртукомъ нѣмецкимъ и клопы, и блохъ несчетное множество. Въ этомъ, можетъ быть, онъ былъ и правъ. Въ деревнѣ ихъ народъ одѣвался особенно щеголевато: кички [2] у женщинъ были всѣ въ золотѣ, а рукава на рубахахъ — точныя коймы турецкой шали.

— Это квасы, которыми издавна славится нашъ домъ, — сказалъ братъ Василій.

Чичиковъ налилъ стаканъ изъ перваго графина — точный липецъ, который онъ нѣкогда пивалъ въ Польшѣ: игра какъ у шампанскаго, а газъ

[1] Китайка.
[2] Старинный женскій головной уборъ.

такъ и шибнулъ пріятнымъ кручкомъ изо рта въ носъ.

— Нектаръ! — сказалъ онъ. Выпилъ стаканъ отъ другого графина — еще лучше.

— Напитокъ напитковъ! — сказалъ Чичиковъ. — Могу сказать, что у почтеннѣйшаго вашего зятя, Константина Ѳедоровича, пилъ первѣйшую наливку, а у васъ — первѣйшій квасъ.

— Да вѣдь наливка тоже отъ насъ: вѣдь это сестра завела... Въ какую же сторону и въ какія мѣста предполагаете ѣхать? — спросилъ братъ Василій.

— Ѣду я, — сказалъ Чичиковъ, слегка покачиваясь на лавкѣ и рукой поглаживая себя по колѣну [и] наклоняясь: — не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого сѣбя; ибо, не говоря уже о пользѣ въ гемороидальномъ отношеніи, видѣть свѣтъ и коловращенье людей — есть уже, само по себѣ, такъ сказать, живая книга и вторая наука.

Братъ Василій задумался. „Говоритъ этотъ человѣкъ нѣсколько витіевато, но въ словахъ его, однакожъ, есть правда“, подумалъ [онъ]. Нѣсколько помолчавъ, сказалъ онъ, обратясь къ Платону:

— Я начинаю думать, Платонъ, что путешествіе можетъ, точно, расшевелить тебя. У тебя не что другое, какъ душевная спячка. Ты, просто, заснулъ, и заснулъ не отъ пресыщенія или усталости, но отъ недостатка живыхъ впечатлѣній и ощущеній. Вотъ я совершенно напротивъ. Я бы очень желалъ не такъ живо чувствовать и не такъ близко принимать къ сердцу все, что ни случается.

— Вольно жъ принимать все близко къ сердцу,— сказалъ Платонъ. — Ты выискиваешь себѣ безпокойства и самъ сочиняешь себѣ тревоги.

— Какъ сочинять, когда и безъ того на всякомъ шагу непріятность? — сказалъ Василій. — Слышалъ ты, какую безъ тебя сыгралъ съ нами штуку Лѣницынъ? — Захватилъ пустошь, гдѣ у насъ празднуется красная горка. Во-первыхъ, пустоши этой я — ни за какія деньги... Здѣсь у меня крестьяне празднуютъ всякую весну красную горку, съ ней связаны воспоминанія деревни; а для меня обычай — святая вещь, и за него готовъ пожертвовать всѣмъ.

— Не знаетъ, потому и захватилъ, — сказалъ Платонъ, — человѣкъ новый, только что пріѣхалъ изъ Петербурга; ему нужно объяснить, растолковать.

— Знаетъ, очень знаетъ. Я посылалъ ему сказать, но онъ отвѣчалъ грубостью.

— Тебѣ нужно было съѣздить самому, растолковать. Переговори съ нимъ самъ.

— Ну, нѣтъ. Онъ черезчуръ уже заважничалъ. Я къ нему не поѣду. Изволь, поѣзжай самъ, если хочешь ты.

— Я бы поѣхалъ, но вѣдь я не мѣшаюсь... Онъ можетъ меня и провести, и обмануть.

— Да если угодно, такъ я поѣду, — сказалъ Чичиковъ, — скажите дѣльцо.

Василій взглянулъ на него и подумалъ: „Экой охотникъ ѣздить!“

— Вы мнѣ подайте только понятіе, какого рода онъ человѣкъ, — сказалъ Чичиковъ, — и въ чемъ дѣло.

— Мнѣ совѣстно наложить на васъ такую непріятную комиссію. Человѣкъ онъ, по-моему, дрянь: изъ простыхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ нашей губерніи, выслужился въ Петербургѣ, женившись тамъ на чьей то побочной дочери, и заважничалъ. Тонъ задаетъ. Да у насъ народъ живетъ не глупый: мода намъ не указъ, а Петербургъ не церковь.

— Конечно, — сказалъ Чичиковъ, — а дѣло въ чемъ?

— Видите ли? ему, точно, нужна земля. Да еслибы онъ не такъ поступалъ, я бы съ охотою отвелъ въ другомъ мѣстѣ даромъ, не то, что... А теперь занозистый человѣкъ подумаетъ...

— По-моему, лучше переговориться: можетъ быть, дѣло то... Мнѣ поручали дѣла и не раскаивались... Вотъ тоже и генералъ Бетрищевъ...

— Но мнѣ совѣстно, что вамъ придется говорить съ такимъ человѣкомъ...

... [1] и наблюдая особенно, чтобъ это было втайнѣ, — сказалъ Чичиковъ, ибо не столько самое преступленье, сколько соблазнъ вредоносенъ.

— А, это такъ, это такъ, — сказалъ Лѣницынъ наклонивъ совершенно голову на-бокъ.

— Какъ пріятно встрѣтить единомыслье! — сказалъ Чичиковъ. — Есть и у меня дѣло, и законное, и незаконное вмѣстѣ: съ виду незаконное, въ существѣ законное. Имѣя надобность въ залогахъ, никого не хочу вводить въ рискъ платежомъ по два рубли за живую душу. Ну, случится, лопну, — чего Боже сохрани, — непріятно вѣдь владѣльцу: я и рѣшился воспользоваться бѣглыми и мертвыми, еще не вычеркнутыми изъ ревизіи, чтобы за однимъ разомъ сдѣлать и христіанское дѣло, и снять съ бѣднаго владѣльца тягость уплаты за нихъ податей. Мы только между собой сдѣлаемъ формальнымъ образомъ купчую, какъ на живыя.

„Это, однакоже, что то такое престранное“, подумалъ Лѣницынъ и отодвинулся со стуломъ немного назадъ. — Да дѣло то, однакоже... такого рода... — началъ [онъ].

---

[1] Передъ этимъ словомъ въ рукописи отрѣзаны двѣ страницы.

— А соблазну не будетъ, потому что втайнѣ, — отвѣчалъ Чичиковъ, — и притомъ между благонамѣренными людьми.

— Да все таки, однакоже, дѣло какъ то...

— А соблазну никакого, — отвѣчалъ весьма прямо и открыто Чичиковъ. — Дѣло такого рода, какъ сейчасъ разсуждали: между людьми благонамѣренными, благоразумныхъ лѣтъ и, кажется, хорошаго чину, и притомъ втайнѣ. — И говоря это, глядѣлъ онъ открыто и благородно ему въ глаза.

Какъ ни былъ изворотливъ Лѣницынъ, какъ ни былъ свѣдущъ вообще въ дѣлопроизводствахъ, но тутъ какъ то совершенно пришелъ въ недоумѣнье, тѣмъ болѣе, что какимъ то страннымъ образомъ онъ какъ бы запутался въ собственныя сѣти. Онъ вовсе не былъ способенъ на несправедливости и не хотѣлъ бы сдѣлать ничего несправедливаго, даже и втайнѣ. „Экая удивительная оказія!“ думалъ онъ про себя. „Прошу входить въ тѣсную дружбу даже съ хорошими людьми! Вотъ тебѣ и задача!“

Но судьба и обстоятельства какъ бы нарочно благопріятствовали Чичикову. Точно за тѣмъ, чтобы помочь этому затруднительному дѣлу, вошла въ комнату молодая хозяйка, супруга Лѣницына, блѣдная, худенькая, низенькая, но одѣтая по-петербургскому, большая охотница до людей comme il faut. За нею былъ вынесенъ на рукахъ мамкой ребенокъ-первенецъ, плодъ нѣжной любви недавно бракосочетавшихся супруговъ. Ловкимъ подходомъ съ прискочкой и наклоненьемъ головы на-бокъ, Чичиковъ совершенно обворожилъ петербургскую даму, а вслѣдъ за нею и ребенка. Сначала тотъ было разревѣлся, но словами: „Агу, агу, душенька“ и прищелкиваньемъ пальцевъ, и красотой сердоликовой печатки отъ часовъ, Чичикову удалось его переманить къ себѣ на руки. Потомъ онъ началъ его приподымать къ самому потолку и воз-

будилъ этимъ въ ребенкѣ пріятную усмѣшку, чрезвычайно обрадовавшую обоихъ родителей. Но, отъ внезапнаго удовольствія или чего-либо другого, ребенокъ вдругъ повелъ себя нехорошо.

— Ахъ, Боже мой! — вскрикнула жена Лѣницына: — онъ вамъ испортилъ весь фракъ!

Чичиковъ посмотрѣлъ: рукавъ новешенькаго фрака былъ весь испорченъ. „Пострѣлъ бы тебя взялъ, чертенокъ!“ подумалъ онъ въ сердцахъ.

Хозяинъ, хозяйка, мамка — всѣ побѣжали за одеколономъ; со всѣхъ сторонъ принялись его вытирать.

— Ничего, ничего, совершенно ничего! — говорилъ Чичиковъ, стараясь сообщить лицу своему, сколько возможно, веселое выраженіе. — Можетъ ли что испортить ребенокъ въ это золотое время своего возраста? — повторялъ онъ; а въ то же время думалъ: „Да вѣдь какъ бестія, волки бъ его съѣли, мѣтко обдѣлалъ, канальчонокъ проклятый!“

Это, повидимому, незначительное обстоятельство совершенно преклонило хозяина въ пользу дѣла Чичикова. Какъ отказать такому гостю, который оказалъ столько невинныхъ ласкъ малюткѣ и великодушно поплатился за то собственнымъ фракомъ? Чтобы не подать дурного примѣра, рѣшились рѣшить дѣло секретно, ибо не столько самое дѣло, сколько соблазнъ вредоносенъ.

— Позвольте жъ и мнѣ, въ вознагражденье за услугу, заплатить вамъ также услугой. Хочу быть посредникомъ вашимъ по дѣлу съ братьями Платоновыми. Вамъ нужна земля, не такъ ли?..

Глава...

Все на свѣтѣ обдѣлываетъ свои дѣла. Что кому требитъ[1], тотъ то и теребитъ, гово-

[1] Нужно.

ритъ пословица. Путешествіе по сундукамъ произведено было съ успѣхомъ, такъ что кое-что отъ этой экспедиціи перешло въ собственную шкатулку. Словомъ, благоразумно было обстроено. Чичиковъ не то, чтобы укралъ, но попользовался. Вѣдь всякій изъ насъ чѣмъ-нибудь пользуется: тотъ казеннымъ лѣсомъ, тотъ экономическими суммами, тотъ крадетъ у дѣтей своихъ ради какой-нибудь пріѣзжей актрисы, тотъ у крестьянъ ради мебелей Гамбса или кареты. Что жъ дѣлать, если завелось такъ много всякихъ заманокъ на свѣтѣ? и дорогіе рестораны съ сумасшедшими цѣнами, и маскарады, и гулянья, и плясанья съ цыганками. Вѣдь трудно удержаться, если всѣ, со всѣхъ сторонъ, дѣлаютъ то же, да и мода велитъ — изволь удержать себя! Чичикову слѣдовало бы уже и выѣхать, но дороги испортились. Въ городѣ между тѣмъ готова была начаться другая ярмарка — собственно дворянская. Прежняя была больше конная, скотомъ, сырыми произведеніями, да разными крестьянскими, скупаемыми прасолами[1] и кулаками. Теперь же все, что куплено на Нижегородской ярмаркѣ краснопродавцами панскихъ товаровъ, привезено сюда. Наѣхали истребители русскихъ кошельковъ, французы съ помадами и француженки съ шляпками, истребители добытыхъ кровью и трудами денегъ — эта египетская саранча, по выраженью Костанжогло, которая, мало того, что все сожретъ, да еще и яицъ послѣ себя оставитъ, зарывши ихъ въ землю.

Только неурожай да несчастный въ самомъ... удержали многихъ помѣщиковъ по деревнямъ. Зато чиновники, какъ не терпящіе неурожая, развернулись; жены ихъ на бѣду также. Начитавшись разныхъ книгъ, распущенныхъ въ послѣднее время съ цѣлью внушить всякія новыя потребности че-

[1] Скупщики скота и кустарныхъ крестьянскихъ подѣлокъ.

ловѣчеству, возымѣли жажду необыкновенную испытать всѣхъ новыхъ наслажденій. Французъ открылъ новое заведенье — какой то дотолѣ неслыханный въ губерніи воксалъ, съ ужиномъ, будто бы по необыкновенно дешевой цѣнѣ и половину на кредитъ. Этого было достаточно, чтобы [не только] столоначальники, но даже и всѣ канцелярскіе, въ надеждѣ на будущія взятки съ просителей..... Зародилось желанье пощеголять другъ предъ другомъ лошадьми, и кучерами. Ужъ это столкновенье сословій для увеселенья!.. Несмотря на мерзкую погоду и слякоть, щегольскія коляски пролетали взадъ и впередъ. Откуда взялись онѣ, Богъ вѣсть, но въ Петербургѣ не подгадили бы... Купцы, приказчики, ловко приподымая шляпы, запрашивали барынь. Рѣдко гдѣ видны были бородачи въ мѣховыхъ горлатныхъ шапкахъ. Все было европейскаго вида съ бритыми подбородками, все... и съ гнилыми зубами.

— Пожалуйте, пожалуйста! Да ужъ извольте только взойти-съ въ лавку! Господинъ, господинъ! — покрикивали кое-гдѣ мальчишки.

Но ужъ на нихъ съ презрѣньемъ смотрѣли познакомленные съ Европой несред..; изрѣдка только съ чувствомъ достоинства произносили: „Шт....“ или: „здѣсь сукны зиберъ, клеръ и черныя“.

— Есть сукна брусничныхъ цвѣтовъ съ искрой? — спросилъ Чичиковъ.

— Отличныя сукна, — сказалъ купецъ, приподнимая одной рукой картузъ, а другой указывая на лавку. Чичиковъ взошелъ въ лавку. Ловко приподнялъ доску.... и очутился на другой сторонѣ его, спиною къ товарамъ, вознесеннымъ отъ низу до потолка, штука на штукѣ, и — лицомъ къ покупателю. Опершись ловко обѣими руками и, слегка покачиваясь на нихъ всѣмъ корпусомъ, произнесъ: — Какихъ суконъ пожелаете?

— Съ искрой оливковыхъ или бутылочныхъ,

приближающихся, такъ сказать, къ брусникѣ, — сказалъ Чичиковъ.

— Могу сказать, что получите первѣйшаго сорта, лучше котораго только въ просвѣщенныхъ столицахъ можно найти. Малый! подай сукно сверху, что за 34-мъ номеромъ. Да не то, братецъ! Что ты вѣчно выше своей сферы, точно пролетарій какой! Бросай его сюда. Вотъ суконцо!— И, разворотивши его съ другого конца, купецъ поднесъ Чичикову къ самому носу, такъ что тотъ могъ не только погладить рукой шелковистый лоскъ, но даже и понюхать.

— Хорошо, но все не то, — сказалъ Чичиковъ. — Вѣдь я служилъ на таможнѣ, такъ мнѣ высшаго сорта, какое есть, и притомъ больше искрасна, не къ бутылкѣ, но къ брусникѣ чтобы приближалось.

— Понимаю-съ: вы истинно желаете такого цвѣта, какой нынче въ моду входитъ. Есть у меня сукно отличнѣйшаго свойства. Предувѣдомляю, что высокой цѣны, но и высокаго достоинства.

Европеецъ полѣзъ. Штука упала. Развернулъ онъ ее съ искусствомъ прежнихъ временъ, даже на время позабывъ, что онъ принадлежитъ уже къ позднѣйшему поколѣнію, и поднесъ къ свѣту, даже вышедши изъ лавки, и тамъ его показалъ, прищурясь къ свѣту и сказавши:

— Отличный цвѣтъ! Сукно наваринскаго дыму съ пламенемъ.

Сукно понравилось; о цѣнѣ условились, хотя она и „съ прификсомъ“ [1], какъ утверждалъ купецъ. Тутъ произведено было ловкое дранье обѣими руками. Заворочено оно было въ бумагу, по-русски, съ быстротою неимовѣрной. Свертокъ завертѣлся подъ легкою бечевкой, охватившей его животрепещущимъ узломъ. Ножницы перерѣзали бечевку, и

[1] По установленной цѣнѣ, „безъ запроса“.

все было уже въ колескѣ. Купецъ приподымалъ картузъ. Приподымающій картузъ..... причину: онъ вынулъ изъ кармана деньги.

— Покажите чернаго сукна, — раздался голосъ.

„Вотъ, чортъ побери, Хлобуевъ“, сказалъ про себя Чичиковъ и поворотился спиною, чтобы не видать его, находя неблагоразумнымъ съ своей стороны заводить съ нимъ какое-либо объясненіе насчетъ наслѣдства. Но онъ уже его увидѣлъ.

— Что это, право, Павелъ Ивановичъ, не съ умысломъ ли уходите отъ меня? Я васъ нигдѣ не могу найти, а вѣдь дѣла такого рода, что намъ нужно серьезно переговорить.

— Почтеннѣйшій, почтеннѣйшій, — сказалъ Чичиковъ, пожимая ему руки: — повѣрьте, что все хочу съ вами побесѣдовать, да времени совсѣмъ нѣтъ. — А самъ думалъ: „Чортъ бы тебя побралъ!“ И вдругъ увидѣлъ входящаго Муразова. — Ахъ, Боже! Аѳанасій Васильевичъ! Какъ здоровье ваше?

— Какъ вы? — сказалъ Муразовъ, снимая шляпу. Купецъ и Хлобуевъ сняли шляпу.

— Да вотъ поясница, да и сонъ какъ то все не то. Ужъ отъ того ли, что мало движенія...

Но Муразовъ, вмѣсто того, чтобы углубиться въ причину припадковъ Чичикова, обратился къ Хлобуеву:

— А я, Семенъ Семеновичъ, увидавши, что вы взошли въ лавку, — за вами. Мнѣ нужно кое-о-чемъ переговорить, такъ не хотите ли заѣхать ко мнѣ?

— Какъ же, какъ же! — сказалъ поспѣшно Хлобуевъ и вышелъ съ нимъ.

— О чемъ бы у нихъ разговоры? — подумалъ [Чичиковъ].

— Аѳанасій Васильевичъ — почтенный и умный человѣкъ, — сказалъ купецъ: — и дѣло свое

знаетъ, но просвѣтительности нѣтъ. Вѣдь купецъ есть негоціянтъ, а не то что купецъ. Тутъ съ этимъ соединено и буджетъ, и реакцыя, а иначе выйдетъ павпуризмъ. — Чичиковъ махнулъ рукой.

— Павелъ Ивановичъ, я васъ ищу вездѣ, — раздался позади голосъ Лѣницына. Купецъ почтительно снялъ шляпу.

— Ахъ, Ѳедоръ Ѳедорычъ!

— Ради Бога ѣдемте ко мнѣ; мнѣ нужно переговорить, — сказалъ онъ. Чичиковъ взглянулъ — на немъ не было лица. Расплатившись съ купцомъ, онъ вышелъ изъ лавки.

— Васъ жду, Семенъ Семеновичъ, — сказалъ Муразовъ, увидѣвши входящаго Хлобуева, — пожалуйте ко мнѣ въ комнатку. — И онъ повелъ Хлобуева въ комнатку, уже знакомую читателю, неприхотливѣе которой нельзя было найти и у чиновника, получающаго семьсотъ рублей въ годъ жалованья.

— Скажите, вѣдь теперь, я полагаю, обстоятельства ваши получше? Послѣ тетушки все-таки вамъ досталось кое-что.

— Да какъ вамъ сказать, Аѳанасій Васильевичъ? Я не знаю, лучше ли мои обстоятельства. Мнѣ досталось всего пятьдесятъ душъ крестьянъ и тридцать тысячъ денегъ, которыми я долженъ былъ расплатиться съ частью моихъ долговъ, — и у меня вновь ровно ничего. А главное дѣло, что дѣло по этому завѣщанью самое нечистое. Тутъ, Аѳанасій Васильевичъ, завелись такія мошенничества! Я вамъ сейчасъ разскажу, и вы подивитесь, что такое дѣлается. Этотъ Чичиковъ...

— Позвольте, Семенъ Семеновичъ: прежде чѣмъ говорить объ этомъ Чичиковѣ, позвольте поговорить собственно о васъ. Скажите мнѣ: сколько, по вашему заключенію, было бы для васъ удовлетворительно и достаточно затѣмъ, чтобы совершенно выпутаться изъ обстоятельствъ?

— Мои обстоятельства трудныя, — сказалъ Хлобуевъ. — Да чтобы выпутаться изъ обстоятельствъ, расплатиться совсѣмъ и быть въ возможности жить самымъ умѣреннымъ образомъ, мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, 100 тысячъ, если не больше, — словомъ, мнѣ это невозможно.

— Ну, еслибы это у васъ было, какъ бы вы тогда повели жизнь свою?

— Ну, я бы тогда нанялъ себѣ квартирку, занялся бы воспитаньемъ дѣтей. О себѣ нечего уже думать: карьеръ мой конченъ, потому что мнѣ не служить: я ужъ никуды не гожусь.

— И все-таки жизнь останется праздная, а въ праздности приходятъ искушенья, о которыхъ бы и не подумалъ человѣкъ, занявшись работою.

— Не могу, никуда не гожусь: осовѣлъ, болитъ поясница.

— Да какъ же жить безъ работы? Какъ быть на свѣтѣ безъ должности, безъ мѣста? Помилуйте! Взгляните на всякое творенье Божье: всякое чему-нибудь да служитъ, имѣетъ свое отправленіе. Даже камень, и тотъ затѣмъ, чтобы употреблять на дѣло; а человѣкъ, разумнѣйшее существо, чтобы оставался безъ пользы, — статочное ли это дѣло?

— Ну, да я все-таки не безъ дѣла. Я могу заняться воспитаньемъ дѣтей.

— Нѣтъ, Семенъ Семеновичъ, нѣтъ! это всего труднѣе. Какъ воспитать тому дѣтей, кто себя не воспиталъ? Дѣтей вѣдь только можно воспитать примѣромъ собственной жизни. А ваша жизнь годится имъ въ примѣръ? Чтобы выучиться развѣ тому, какъ [въ] праздности проводить время да играть въ карты? Нѣтъ, Семенъ Семеновичъ, отдайте дѣтей мнѣ: вы ихъ испортите. Подумайте не шутя: васъ сгубила праздность, — вамъ нужно отъ нея бѣжать. Какъ жить на свѣтѣ неприкрѣпленну ни къ чему? Какой-нибудь да должно исполнять долгъ. Поденщикъ, — вѣдь и тотъ слу-

житъ. Онъ ѣстъ грошовый хлѣбъ, да вѣдь онъ его добываетъ и чувствуетъ интересъ своего занятія.

— Ей Богу, пробовалъ, Аѳанасій Васильевичъ, старался преодолѣть! Что жъ дѣлать! остарѣлъ, сдѣлался неспособенъ. Ну, какъ мнѣ поступить? Неужели опредѣлиться мнѣ въ службу? Ну, какъ же мнѣ, въ сорокъ пять лѣтъ, сѣсть за одинъ столъ съ начинающими канцелярскими чиновниками? Притомъ я неспособенъ къ взяткамъ — и себѣ помѣшаю, и другимъ повредю. Тамъ ужъ у нихъ и касты свои образовались. Нѣтъ, Аѳанасій Васильевичъ, думалъ, пробовалъ, перебиралъ всѣ мѣста, — вездѣ буду неспособенъ. Только развѣ въ богадѣльню...

— Богадѣльня [тѣмъ], которые трудились; а тѣмъ, которые веселились все время въ молодости, отвѣчаютъ, какъ муравей стрекозѣ: „Поди, попляши!“ Да и въ богадѣльнѣ сидя, тоже трудятся и работаютъ, въ вистъ не играютъ. Семенъ Семеновичъ, — говорилъ [Муразовъ], смотря ему въ лицо пристально, — вы обманываете и себя, и меня.

Муразовъ глядѣлъ пристально ему въ лицо; но бѣдный Хлобуевъ ничего не могъ отвѣчать. Муразову стало его жалко.

— Послушайте, Семенъ Семеновичъ... Но вѣдь вы же молитесь, ходите въ церковь, не пропускаете, я знаю, ни утрени, ни вечерни. Вамъ хоть и не хочется рано вставать, но вѣдь вы встаете же и идете, — идете въ четыре часа утра, когда никто не подымался.

— Это — другое дѣло, Аѳанасій Васильевичъ. Я знаю, что это я дѣлаю не для человѣка, но для Того, Кто приказалъ намъ быть всѣмъ на свѣтѣ. Что жъ дѣлать! Я вѣрю, что Онъ милостивъ ко мнѣ, что какъ я ни мерзокъ, ни гадокъ, но Онъ меня можетъ простить и принять, тогда какъ люди

оттолкнутъ ногою, и наилучшій изъ друзей продастъ меня, да еще и скажетъ потомъ, что онъ продалъ изъ благой цѣли.

Огорченное чувство выразилось въ лицѣ Хлобуева. Старикъ прослезился, но ничего не...

— Такъ послужите же Тому, Который такъ милостивъ. Ему такъ же угоденъ трудъ, какъ и молитва. Возьмите какое ни есть занятіе, но возьмите, какъ бы вы дѣлали для Него, а не для людей. Ну, просто, хоть воду толките въ ступѣ, но помышляйте только, что вы дѣлаете для Него. Ужъ этимъ будетъ выгода, что для дурного не останется времени — для проигрыша въ карты, для пирушки съ объѣдалами, для свѣтской жизни. Эхъ, Семенъ Семеновичъ! Знаете вы Ивана Потапыча?

— Знаю и очень уважаю.

— Вѣдь хорошій былъ торговецъ: полмилліона было; да какъ увидѣлъ во всемъ прибытокъ — и распустился. Сына по-французски сталъ учить, дочь — за генерала. И уже не въ лавкѣ, или въ биржевой улицѣ, а все какъ бы встрѣтить пріятеля да затащить въ трактиръ пить чай; тамъ цѣлые дни — чай, да и обанкрутился. А тутъ Богъ несчастье послалъ: сынъ... Теперь онъ, видите ли, приказчикомъ у меня. Началъ сызнова. Дѣла то поправились его. Онъ могъ бы опять торговать на пятьсотъ тысячъ. „Приказчикомъ былъ, приказчикомъ хочу и умереть. Теперь“, говоритъ: „я сталъ здоровъ и свѣжъ, а тогда у меня брюхо-де заводилось, да и водяная начиналась... Нѣтъ!“ говоритъ. И чаю онъ теперь въ ротъ не беретъ. Щи да кашу — и больше ничего, да-съ. А ужъ молится онъ такъ, какъ никто изъ насъ не молится; а ужъ помогаетъ онъ бѣднымъ такъ, какъ никто изъ насъ не помогаетъ; а другой радъ бы помочь, да деньги свои прожилъ.

Бѣдный Хлобуевъ задумался.

Старикъ взялъ его за обѣ руки.

— Семенъ Семеновичъ! Еслибы вы знали, какъ мнѣ васъ жалко! Я объ васъ все время думалъ. И вотъ послушайте. Вы знаете, что въ монастырѣ есть затворникъ, который никого не видитъ. Человѣкъ этотъ большого ума — такого ума, что я не знаю. (Онъ не говоритъ); но ужъ если дастъ совѣтъ... Я началъ ему говорить, что вотъ у меня есть этакой пріятель, не имени не... что болѣетъ онъ вотъ чѣмъ. Онъ началъ слушать да вдругъ прервалъ словами: „Прежде Божье дѣло, чѣмъ свое. Церковь строятъ, а денегъ нѣтъ: сбирать нужно на церковь!“ Да и захлопнулъ дверью. Я думалъ, что жъ это значитъ? Не хочетъ, видно, дать совѣта. Да и зашелъ къ нашему архимандриту. Только что я въ дверь, а онъ мнѣ съ первыхъ же словъ: не знаю ли я такого человѣка, которому бы можно было поручить сборъ на церковь, который бы былъ или изъ дворянъ, или купцовъ, повоспитаннѣй другихъ, смотрѣлъ бы на то, какъ на спасенье свое? Я такъ съ перваго же разу и остановился. „Ахъ, Боже мой! Да вѣдь это схимникъ назначаетъ эту должность Семену Семеновичу. Дорога для его болѣзни хороша. Переходя съ книгой отъ помѣщика къ крестьянину и отъ крестьянина къ мѣщанину, онъ узнаетъ и то, какъ кто живетъ и кто въ чемъ нуждается, — такъ что воротится потомъ, обошедши нѣсколько губерній, такъ узнаетъ мѣстность и край получше всѣхъ тѣхъ людей, которые живутъ въ городахъ... А этакіе люди теперь нужны“. Вотъ мнѣ князь сказывалъ, что онъ много бы далъ, чтобы достать такого чиновника, который бы зналъ не по бумагамъ дѣло, а точно узналъ, какъ они на дѣлѣ, потому что изъ бумагъ, говорятъ, ничего ужъ не видать: такъ все запуталось.

— Вы меня совершенно смутили, сбили, Аѳанасій Васильевичъ, — сказалъ Хлобуевъ, въ изум-

ленiи смотря на него. — Я даже не вѣрю тому, что вы точно мнѣ это говорите: для этого нуженъ неутомимый, дѣятельный человѣкъ. Притомъ какъ же мнѣ бросить жену, дѣтей, которымъ ѣсть нечего?

— О супругѣ и дѣтяхъ не заботьтесь. Я возьму ихъ на свое попеченье, и учителя будутъ у дѣтей. Чѣмъ вамъ ходить съ котомкой и выпрашивать милостыню для себя, благороднѣе и лучше просить для Бога. Я вамъ дамъ простую [кибитку], тряски не бойтесь: это для вашего здоровья. Я дамъ вамъ на дорогу денегъ, чтобы вы могли мимоходомъ дать тѣмъ, которые посильнѣе другихъ нуждаются. Вы здѣсь можете много добрыхъ дѣлъ сдѣлать: вы ужъ не ошибетесь, а кому дадите, тотъ точно будетъ стоить. Этакимъ образомъ ѣздя, вы точно узнаете всѣхъ, кто..... Это не то, что иной чиновникъ, который всѣхъ боится и отъ котораго.....; а съ вами, зная, что вы просите на церковь, охотно разговорятся.

— Я вижу, это прекрасная мысль, и я бы очень [желалъ] исполнить хоть часть; но, право, мнѣ кажется, это свыше силъ.

— Да что же по нашимъ силамъ? — сказалъ Муразовъ. — Вѣдь ничего нѣтъ по нашимъ силамъ; все свыше нашихъ силъ. Безъ помощи свыше ничего нельзя. Но молитва собираетъ силы. Перекрестясь, говоритъ человѣкъ: „Господи помилуй!“ гребетъ и доплываетъ до берега. Объ этомъ не нужно и помышлять долго; это нужно, просто, принять за повелѣнье Божіе. Кибитка будетъ вамъ сейчасъ готова; а вы забѣгите къ отцу архимандриту за книгой и за благословеньемъ, да и въ дорогу.

— Повинуюсь вамъ и принимаю не иначе, какъ за указаніе Божіе. — Господи, благослови! — сказалъ онъ внутренно, и почувствовалъ, что бодрость и сила стала проникать къ нему въ душу.

Самый умъ его какъ бы сталъ пробуждаться надеждой на исходъ изъ своего печально-неисходнаго положенья. Свѣтъ сталъ мерцать вдали...

Но, оставивши Хлобуева, обратимся къ Чичикову...

А между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, по судамъ шли просьбы за просьбой. Оказались родственники, о которыхъ и не слышалъ никто. Какъ птицы слетаются на мертвечину, такъ все налетѣло на несмѣтное имущество, оставшееся послѣ старухи: доносы на Чичикова, на подложность послѣдняго завѣщанія, доносы на подложность и перваго завѣщанія, улики въ покражѣ и въ утаеніи суммъ. Явились даже улики на Чичикова въ покупкѣ мертвыхъ душъ, въ провозѣ контрабанды во время бытности его еще при таможнѣ. Выкопали все, разузнали его прежнюю исторію. Богъ вѣсть, откуда все это пронюхали и знали; только были улики даже и въ такихъ дѣлахъ, объ которыхъ, думалъ Чичиковъ, кромѣ его и четырехъ стѣнъ, никто не зналъ. Покамѣстъ все это было еще судейская тайна, и до ушей его не дошло, хотя вѣрная записка юрисконсульта, которую онъ вскорѣ получилъ, нѣсколько дала ему понять, что каша заварится. Записка была краткаго содержанія:

„Спѣшу васъ увѣдомить, что по дѣлу будетъ возня, но помните, что тревожиться никакъ не слѣдуетъ. Главное дѣло — спокойствіе. Обдѣлаемъ все“.

Записка эта успокоила совершенно его. „Точно геній“, сказалъ Чичиковъ. Въ довершенье хорошаго, портной въ это время принесъ платье. Онъ получилъ желанье сильное посмотрѣть на самого себя въ новомъ фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ. Натянулъ штаны, которые обхватили его

чудеснымъ образомъ со всѣхъ сторонъ такъ что хоть рисуй. Ляжки такъ (молодецки) славно обтянуло, икры тоже; сукно обхватило всѣ малости, сообща имъ еще бо̀льшую упругость. Какъ затянулъ онъ позади себя пряжку, животъ сталъ точно барабанъ. Онъ ударилъ по немъ тутъ щеткой, прибавивъ: „Вѣдь какой дуракъ! а въ цѣломъ онъ составляетъ картину“. Фракъ, казалось, былъ сшитъ еще лучше штановъ: ни морщинки, всѣ бока обтянуты, выгнулся на перехватѣ, показавши весь его перегибъ. На замѣчанье Чичикова, [что] подъ правой мышкой немного жало, портной только улыбался: отъ этого еще лучше прихватывало по таліи.

— Будьте покойны, будьте покойны насчетъ работы, — повторялъ онъ съ нескрытымъ торжествомъ, — кромѣ Петербурга, нигдѣ такъ не сошьютъ.

Портной былъ самъ изъ Петербурга и на вывѣскѣ выставилъ: Иностранецъ изъ Лондона и Парижа. Шутить онъ не любилъ и двумя городами разомъ хотѣлъ заткнуть глотку всѣмъ другимъ портнымъ, такъ, чтобы впредь никто не появился съ такими городами, а пусть себѣ пишетъ изъ какого-нибудь „Карлсеру“ или „Копенгара“.

Чичиковъ великодушно расплатился съ портнымъ и, оставшись одинъ, сталъ разсматривать себя на досугѣ въ зеркало, какъ артистъ, съ эстетическимъ чувствомъ и con amore [1]. Оказалось, что все какъ то было еще лучше, чѣмъ прежде: щечки интереснѣе, подбородокъ заманчивѣй, бѣлые воротнички давали тонъ щекѣ, атласный синій галстукъ давалъ тонъ воротничкамъ, новомодныя складки манишки давали тонъ галстуку, богатый бархатный [жилетъ] давалъ [тонъ] манишкѣ, а фракъ наваринскаго дыма съ пламенемъ, блистая,

[1] Съ любовью.

какъ шелкъ, давалъ тонъ всему. Поворотился направо — хорошо! Поворотился налѣво — еще лучше! Перегибъ такой, какъ у камергера или у такого господина, который такъ и чешетъ по-французски, который, даже и разсердясь, выбраниться не смѣетъ на русскомъ языкѣ, а распечетъ французскимъ діалектомъ: деликатность такая! Онъ попробовалъ, склоня голову нѣсколько на-бокъ, принять позу, какъ бы адресовался къ дамѣ среднихъ лѣтъ и послѣдняго просвѣщенья: выходила, просто, картина. Художникъ, бери кисть и пиши! Въ удовольствіи, онъ совершилъ тутъ же легкій прыжокъ, въ родѣ антраша. Вздрогнулъ комодъ, и шлепнулась на землю стклянка съ одеколономъ; но это не причинило никакого помѣшательства. Онъ назвалъ, какъ и слѣдовало, глупую стклянку дурой и подумалъ: „Къ кому теперь прежде всего явиться? Всего лучше...“ Какъ вдругъ въ передней — въ родѣ нѣкотораго бряканья сапоговъ со шпорами, и жандармъ въ полномъ вооруженіи, какъ [будто] въ лицѣ его было цѣлое войско:

— Приказано сей же часъ явиться къ генералъ-губернатору!

Чичиковъ такъ и обомлѣлъ. Передъ нимъ торчало страшилище съ усами, лошадиный хвостъ на головѣ, черезъ плечо перевязь, черезъ другое перевязь, огромнѣйшій палашъ привѣшенъ съ боку. Ему показалось, что при другомъ боку висѣло и ружье, и чортъ знаетъ что: цѣлое войско въ одномъ только! Онъ началъ было возражать, [страшилище] грубо заговорило:

— Приказано сей же часъ!

Сквозь дверь въ переднюю онъ увидѣлъ, что тамъ мелькало и другое страшилище; взглянулъ въ окошко — и экипажъ. Что тутъ дѣлать? Такъ, какъ былъ во фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ, долженъ былъ сѣсть и, дрожа всѣмъ тѣломъ,

отправился къ генералъ-губернатору, и жандармъ съ нимъ.

Въ передней не дали даже и опомниться ему.

— Ступайте! васъ князь уже ждетъ, — сказалъ дежурный чиновникъ.

Передъ нимъ, какъ въ туманѣ, мелькнула передняя съ курьерами, принимавшими пакеты, потомъ зала, черезъ которую онъ пришелъ, думая только: „Вотъ какъ схватитъ, да безъ суда, безъ всего, прямо въ Сибирь!“ Сердце его забилось съ такой силою, съ какой не бьется даже у наиревнивѣйшаго любовника. Наконецъ, растворилась роковая дверь: предсталъ кабинетъ съ портфелями, шкапами и книгами, и князь, гнѣвный, какъ самъ гнѣвъ.

„Губитель, губитель!“ сказалъ Чичиковъ: „онъ меня зарѣжетъ, какъ волкъ агнца“.

— Я васъ пощадилъ, я позволилъ вамъ остаться въ городѣ, тогда какъ вамъ слѣдовало бы въ острогъ; а вы запятнали себя вновь безчестнѣйшимъ мошенничествомъ, какимъ когда-либо запятналъ себя человѣкъ! — Губы князя дрожали отъ гнѣва.

— Какимъ же, ваше сіятельство, безчестнѣйшимъ поступкомъ и мошенничествомъ? — спросилъ Чичиковъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Женщина, — произнесъ князь, подступая нѣсколько ближе и смотря прямо въ глаза Чичикову, — женщина, которая подписывала, по вашей диктовкѣ, завѣщаніе, схвачена и станетъ съ вами на очную ставку.

Свѣтъ помутился въ очахъ Чичикова.

— Ваше сіятельство! Скажу всю истину дѣла. Я виноватъ; точно, виноватъ; но не такъ виноватъ: меня обнесли враги.

— Васъ не можетъ никто обнесть, потому что въ васъ мерзостей въ нѣсколько разъ больше того, что можетъ [выдумать] послѣдній лжецъ. Вы во

всю жизнь, я думаю, не дѣлали небезчестнаго дѣла. Всякая копейка, добытая вами, добыта безчестнѣй[шимъ образомъ], есть воровство и безчестнѣйшее дѣло, за которое кнутъ и Сибирь! Нѣтъ, теперь полно! Съ сей же минуты будешь отведенъ въ острогъ и тамъ, на ряду съ послѣдними мерзавцами и разбойниками, ты долженъ [ждать] разрѣшенья участи своей. И это милостиво еще, потому что хуже ихъ въ нѣсколько [разъ]: они въ армякѣ и тулупѣ, а ты... — Онъ взглянулъ на фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ и, взявшись за шнурокъ, позвонилъ.

— Ваше сіятельство, — вскрикнулъ Чичиковъ, — умилосердитесь! Вы отецъ семейства. Не меня пощадите — старуха-мать!

— Врешь! — вскрикнулъ гнѣвно князь. — Такъ же ты меня тогда умолялъ дѣтьми и семействомъ, которыхъ у тебя никогда не было, теперь — матерью.

— Ваше сіятельство! я мерзавецъ и послѣдній негодяй, — сказалъ Чичиковъ голосомъ... — Я дѣйствительно лгалъ, я не имѣлъ ни дѣтей, ни семейства; но вотъ Богъ свидѣтель, я всегда хотѣлъ имѣть жену, исполнить долгъ человѣка и гражданина, чтобы дѣйствительно потомъ заслужить уваженье гражданъ и начальства... Но что за бѣдственныя стеченія обстоятельствъ! Ваше сіятельство! кровью нужно было добывать насущное существованіе. На всякомъ шагу соблазны и искушенье... враги, и губители, и похитители. Вся жизнь была — точно вихорь буйный или судно среди волнъ, по волѣ вѣтровъ. Я — человѣкъ, ваше сіятельство!

Слезы вдругъ хлынули ручьями изъ глазъ его. Онъ повалился въ ноги князю, такъ, какъ былъ: во фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ, въ бархатномъ жилетѣ съ атласнымъ галстукомъ, чудесно сшитыхъ штанахъ и головной прическѣ, из-

ливавшей токъ сладкаго дыханія первѣйшаго одеколона, и ударился лбомъ.

— Поди прочь отъ меня! Позвать, чтобы его взяли, солдатъ! — сказалъ князь взошедшимъ.

— Ваше сіятельство! — кричалъ [Чичиковъ] и обхватилъ обѣими руками сапогъ князя.

Чувство содроганья пробѣжало по всѣмъ жиламъ [князя].

— Подите прочь, говорю вамъ! — сказалъ онъ, усиливаясь вырвать свою ногу изъ объятья Чичикова.

— Ваше сіятельство! не сойду съ мѣста, покуда не получу милости, — говорилъ [Чичиковъ], не выпуская сапогъ князя и проѣхавшись, вмѣстѣ съ ногой, по полу съ фракомъ наваринскаго пламени и дыма.

— Подите, говорю вамъ! — говорилъ онъ съ тѣмъ неизъяснимымъ чувствомъ отвращенья, какого чувствуетъ человѣкъ при видѣ безобразнѣйшаго насѣкомаго, котораго нѣтъ духу раздавить ногой. Онъ встряхнулъ такъ, что Чичиковъ почувствовалъ ударъ сапога въ носъ, губы и округленный подбородокъ, но не выпустилъ сапога, и еще съ большей силой держалъ его въ своихъ объятіяхъ. Два дюжихъ жандарма въ силахъ оттащили его и, взявши подъ руки, повели черезъ всѣ комнаты. Онъ былъ блѣдный, убитый, въ томъ безчувственно-страшномъ состояніи, въ какомъ бываетъ человѣкъ, видящій передъ собою черную, неотвратимую смерть, это страшилище, противное естеству нашему . . .

Въ самыхъ дверяхъ на лѣстницу навстрѣчу — Муразовъ. Лучъ надежды вдругъ скользнулъ. Въ одинъ мигъ, съ силой неестественной вырвался онъ изъ рукъ обѣихъ жандармовъ и бросился въ ноги изумленному старику.

— Батюшка, Павелъ Ивановичъ! что съ вами?

— Спасите! ведутъ въ острогъ, на смерть . . . —

Жандармы схватили его и повели, не дали даже и услышать.

Промзглый, сырой чуланъ, съ запахомъ сапоговъ и онучъ гарнизонныхъ солдатъ, некрашенный столъ, два скверныхъ стула, съ желѣзной рѣшоткой окно, дряхлая печь, сквозь щели которой только дымило, а тепла не давало, — вотъ обиталище, гдѣ помѣщенъ былъ нашъ [герой], уже начинавшій вкушать сладость жизни и привлекать вниманье соотечественниковъ въ тонкомъ новомъ фракѣ наваринскаго пламени и дыма. Не дали даже ему распорядиться взять съ собой необходимыя вещи, взять шкатулку, гдѣ были деньги, быть можетъ, достигнутыя.. Бумаги, крѣпости на мертвыхъ — все было теперь у чиновниковъ. Онъ повалился на землю, и безнадежная грусть плотояднымъ червемъ обвилась около его сердца. Съ возрастающей быстротой стала точить она это сердце, ничѣмъ не защищенное. Еще день такой, день такой грусти и не было бы Чичикова вовсе на свѣтѣ. Но и надъ Чичиковымъ не дремствовала чья то всеспасающая рука. Часъ спустя, двери тюрьмы растворились: взошелъ старикъ Муразовъ.

Еслибы истерзанному палящей жаждой, покрытому прахомъ и пылью дороги, изнуренному, изможденному путнику влилъ кто въ засохнувшее горло струю ключевой воды, — не такъ бы ею онъ освѣжился, не такъ оживился, какъ оживился бѣдный [Чичиковъ].

— Спаситель мой! — сказалъ Чичиковъ, вдругъ схвативши съ полу, на который бросился въ разрывающей его печали, его руку, быстро поцѣловалъ и прижалъ къ груди. — Богъ да наградитъ васъ за то, что посѣтили несчастнаго!

Онъ залился слезами.

Старикъ глядѣлъ на него скорбно-болѣзненнымъ взоромъ и говорилъ только:

— Ахъ, Павелъ, Павелъ Ивановичъ! Павелъ Ивановичъ, что вы сдѣлали!

— Что жъ дѣлать! Сгубила проклятая! Не зналъ мѣры; не сумѣлъ во-время остановиться. Сатана проклятый обольстилъ, вывелъ изъ предѣловъ разума и благоразумья человѣческаго. Преступилъ, преступилъ! Но только какъ же можно этакъ поступить? Дворянина, дворянина, безъ суда, безъ слѣдствія бросить въ тюрьму!.. Дворянина, Аѳанасій Васильевичъ! Да вѣдь какъ же не дать время зайти къ себѣ, распорядиться съ вещами? Вѣдь тамъ у меня все осталось теперь безъ присмотра. Шкатулка, Аѳанасій Васильевичъ, шкатулка! вѣдь тамъ все имущество. Пòтомъ пріобрѣлъ, кровью, лѣтами трудовъ, лишеній... Шкатулка, Аѳанасій Васильевичъ! Вѣдь все украдутъ, разнесутъ! О, Боже!

И, не въ силахъ будучи удержать порыва вновь подступившей къ сердцу грусти, онъ громко зарыдалъ голосомъ, проникнувшимъ толщу стѣнъ острога и глухо отозвавшимся въ отдаленьи, сорвалъ съ себя атласный галстукъ и, схвативши рукою около воротника, разорвалъ на себѣ фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ! какъ васъ ослѣпило это имущество! Изъ-за него вы не видали страшнаго своего положенія.

— Благодѣтель, спасите, спасите! — отчаянно закричалъ бѣдный Павелъ Ивановичъ, повалившись къ нему въ ноги. — Князь васъ любитъ, для васъ все сдѣлаетъ.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, не могу, какъ бы ни хотѣлъ, какъ бы ни желалъ. Вы подпали подъ неумолимый законъ, а не подъ власть какого человѣка.

— Искусилъ шельма сатана, извергъ человѣческаго рода!

Ударился головой въ стѣну, а рукой хватилъ

по столу такъ, что разбилъ въ кровь кулакъ; но ни боли въ головѣ, ни жестокости удара не почувствовалъ.

— Павелъ Ивановичъ, успокойтесь, подумайте, какъ бы примириться съ Богомъ, а не съ людьми; о бѣдной душѣ своей помыслите.

— Но вѣдь судьба какая, Аѳанасій Васильевичъ! Досталась ли хоть одному человѣку такая судьба? Вѣдь съ терпѣньемъ, можно сказать, кровавымъ добывалъ копейку, трудами, трудами, не то, чтобы кого ограбилъ, или казну обворовалъ, какъ дѣлаютъ. Зачѣмъ добывалъ копейку? Затѣмъ, чтобы въ довольствѣ прожить остатокъ дней; оставить женѣ, дѣтямъ, которыхъ намѣревался пріобрѣсть для блага, для службы отечеству. Вотъ для чего хотѣлъ пріобрѣсти! Покривилъ, не спорю, покривилъ... что жъ дѣлать? Но вѣдь покривилъ только тогда, когда увидѣлъ, что прямой дорогой не возьмешь, и что косой дорогой больше напрямикъ. Но вѣдь я трудился, я изощрялся. Если бралъ, такъ съ богатыхъ. А эти мерзавцы, которые по судамъ, берутъ тысячи съ казны, небогатыхъ людей грабятъ, послѣднюю копейку сдираютъ съ того, у кого нѣтъ ничего!... Что жъ за несчастье такое, скажите, — всякій разъ, что какъ только начинаешь достигать плодовъ и, такъ сказать, уже касаться рукой, вдругъ буря, подводный камень, сокрушенье въ щепки всего корабля. Вотъ подъ три[ста] тысячъ было капиталу; трехэтажный домъ былъ уже; два раза уже деревню покупалъ... Ахъ, Аѳанасій Васильевичъ! за что жъ такая...? За что жъ такіе удары? Развѣ и безъ того жизнь моя не была, какъ судно среди волнъ? Гдѣ справедливость небесъ? Гдѣ награда за терпѣнье, за постоянство безпримѣрное? Вѣдь я три раза сызнова начиналъ: все потерявши, начиналъ вновь съ копейки, тогда какъ иной давно бы съ отчаянья запилъ и

сгнилъ въ кабакѣ. Вѣдь сколько нужно было побороть, сколько вынести! Вѣдь всякая [копейка] выработана, такъ сказать, всѣми силами души!... Положимъ, другимъ доставалось легко, но вѣдь для меня была всякая копейка, какъ говоритъ пословица, алтыннымъ гвоздемъ прибита, а эту алтыннымъ гвоздемъ прибитую копейку я доставалъ, видитъ Богъ, съ этакой желѣзной неутомимостью...

Онъ зарыдалъ громко, отъ нестерпимой боли сердца, упалъ на стулъ и оторвалъ совсѣмъ висѣвшую, разорванную полу фрака, и швырнулъ ее прочь отъ себя, и запустивши обѣ руки себѣ въ волоса, объ укрѣпленьи которыхъ прежде такъ старался, безжалостно рвалъ ихъ, услаждаясь болью, которою хотѣлъ заглушить ничѣмъ неугасимую боль сердца.

Долго сидѣлъ молча предъ нимъ Муразовъ, глядя на это необыкновенное . . . . . , въ первый разъ имъ виданное. А несчастный ожесточенный человѣкъ, еще недавно порхавшій вокругъ съ развязной ловкостью свѣтскаго или военнаго человѣка, метался теперь въ растрепанномъ, непристойномъ [видѣ], въ разорванномъ фракѣ и разстегнутыхъ шароварахъ, [съ] окровавленнымъ разбитымъ кулакомъ, изливая хулу на враждебныя силы, перечащія человѣку.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! какой бы изъ васъ былъ человѣкъ, еслибы такъ же, и силою, и терпѣніемъ, да подвизались бы на добрый трудъ, имѣя лучшую цѣль! Боже мой, сколько бы вы надѣлали добра? Еслибы хоть кто-нибудь изъ тѣхъ людей, которые любятъ добро, да употребили бы столько усилій для него, какъ вы для добыванья своей копейки, да сумѣли бы такъ пожертвовать для добра и собственнымъ самолюбіемъ, и честолюбіемъ, не жалѣя себя, какъ вы не жалѣли для добыванья своей копейки, —

Боже мой, какъ процвѣла бы наша земля!... Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! Не то жаль, что виноваты вы стали предъ другими, а то жаль, что предъ собой стали виноваты — передъ богатыми силами и дарами, которые достались въ удѣлъ вамъ. Назначенье ваше — быть великимъ человѣкомъ, а вы себя запропастили и погубили.

Есть тайны души: какъ бы ни далеко отшатнулся отъ прямого пути заблуждающійся, какъ бы ни ожесточился чувствами безвозвратный преступникъ, какъ бы ни коснѣлъ твердо въ своей совращенной жизни; но если попрекнешь его имъ же, его же достоинствами, имъ опозоренными, въ немъ [все] поколеблется невольно, и весь онъ потрясется.

— Аѳанасій Васильевичъ, — сказалъ бѣдный Чичиковъ и схватилъ его обѣими руками за руки. — О, еслибы удалось мнѣ освободиться, возвратить мое имущество! Клянусь вамъ, повелъ бы отнынѣ совсѣмъ другую жизнь! Спасите, благодѣтель, спасите!

— Что жъ могу я сдѣлать? Я долженъ воевать съ закономъ. Положимъ, еслибы я даже и рѣшился на это; но вѣдь князь справедливъ, — онъ ни за что не отступитъ.

— Благодѣтель! вы все можете сдѣлать. Не законъ меня устрашитъ, — я передъ закономъ найду средство, — но то, что неповинно я брошенъ въ тюрьму, что я пропаду здѣсь, какъ собака, и что мое имущество, бумаги, шкатулка... Спасите!

Онъ обнялъ ноги старика, облилъ ихъ слезами.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! — говорилъ старикъ Муразовъ, качая [головой], — какъ васъ ослѣпило это могущество! Изъ-за него вы и бѣдной души своей не слышите.

— Подумаю и о душѣ, но спасите!

— Павелъ Ивановичъ!.. — сказалъ старикъ Муразовъ и остановился. — Спасти васъ не въ моей власти, — вы сами видите. Но приложу старанье, какое могу, чтобы облегчить вашу участь и освободить. Не знаю, удастся ли это сдѣлать, но буду стараться. Если же, паче чаянья, удастся, Павелъ Ивановичъ, — я попрошу у васъ награды за труды: бросьте всѣ эти поползновенья на эти пріобрѣтенья. Говорю вамъ по чести, что еслибы я и всего лишился моего имущества, — а у меня его больше, чѣмъ у васъ, — я бы не заплакалъ. Ей, ей, [дѣло] не въ этомъ имуществѣ, которое могутъ у меня конфисковать, а въ томъ, котораго никто не можетъ украсть и отнять! Вы ужъ пожили на свѣтѣ довольно. Вы сами называете жизнь свою судномъ среди волнъ. У васъ есть уже чѣмъ прожить остатокъ дней. Поселитесь себѣ въ тихомъ уголкѣ, поближе къ церквѣ и простымъ, добрымъ людямъ; или, если знобитъ сильное желанье оставить по себѣ потомковъ, женитесь на небогатой, доброй дѣвушкѣ, привыкшей къ умѣренности и простому хозяйству. Забудьте этотъ шумный міръ и всѣ его обольстительныя прихоти; пусть и онъ васъ позабудетъ: въ немъ нѣтъ успокоенья. Вы видите: все въ немъ врагъ, искуситель или предатель.

— Непремѣнно, непремѣнно! Я уже хотѣлъ, уже намѣревался повести жизнь, какъ слѣдуетъ, думалъ заняться хозяйствомъ, умѣрить жизнь. Демонъ-искуситель сбилъ, совлекъ съ пути, сатана, чортъ, исчадье!

Какія то невѣдомыя дотолѣ, незнаемыя чувства, ему необъяснимыя, пришли къ нему, какъ будто хотѣло въ немъ что то пробудиться, что то далекое, что то....., что то подавленное изъ дѣтства суровымъ, мертвымъ поученьемъ, безпривѣтностью скучнаго дѣтства, пустынностью родного жилища,

безсемейнымъ одиночествомъ, нищетой и бѣдностью первоначальныхъ впечатлѣній, и какъ будто то, что.... суровымъ взглядомъ судьбы, взглянувшей на него скучно, сквозь какое то мутное, занесенное зимней вьюгой окно, хотѣло вырваться на волю. Стенанье изнеслось изъ устъ его и, наложивъ обѣ ладони на лицо свое, скорбнымъ голосомъ произнесъ онъ:

— Правда, правда!

— И познанье людей, и опытность не помогли на незаконномъ основаньи. А еслибы къ этому да основанье законное!... Эхъ, Павелъ Ивановичъ, зачѣмъ вы себя погубили? Проснитесь: еще не поздно, есть еще время...

— Нѣтъ, поздно, поздно! — застоналъ онъ голосомъ, отъ котораго у Муразова чуть не разорвалось сердце. — Начинаю чувствовать, слышу, что не такъ, не такъ иду, и что далеко отступился отъ прямого [пути], но ужъ не могу! Нѣтъ, не такъ воспитанъ. Отецъ мнѣ твердилъ нравоученья, билъ, заставлялъ переписывать съ нравственныхъ правилъ, а самъ кралъ передо мною у сосѣдей лѣсъ и меня еще заставлялъ помогать ему. Завязалъ при мнѣ неправую тяжбу; развратилъ сиротку, которой онъ былъ опекуномъ. Примѣръ сильнѣй правилъ. Вижу, чувствую, Аѳанасій Васильевичъ, что жизнь веду не такую, но нѣтъ большого отвращенья отъ порока: огрубѣла натура; нѣтъ любви къ добру, этой прекрасной наклонности къ дѣламъ богоугоднымъ, обращающейся въ натуру, въ привычку,. Нѣтъ такой охоты подвизаться для добра, какова есть для полученья имущества. Говорю правду — что жъ дѣлать!

Сильно вздохнулъ старикъ...

— Павелъ Ивановичъ! у васъ столько воли, столько терпѣнья. Лѣкарство горько, но вѣдь больной принимаетъ, зная, что иначе не выздоро-

вѣетъ. У васъ нѣтъ любви къ добру, — дѣлайте добро насильно, безъ любви къ нему. Вамъ это зачтется еще въ большую заслугу, чѣмъ тому, кто дѣлаетъ добро по любви къ нему. Заставьте [себя] только нѣсколько разъ, — потомъ получите и любовь. Повѣрьте, все дѣлается. Царство нудится, сказано намъ. Только насильно пробираясь къ нему... насильно нужно пробираться, брать его насильно. Эхъ, Павелъ Ивановичъ! вѣдь [у] васъ есть эта сила, которой нѣтъ у другихъ, это желѣзное терпѣнье — и вамъ ли не одолѣть? Да вы, мнѣ кажется, были бы богатырь. Вѣдь теперь люди — безъ воли все, — слабые.

Замѣтно было, что слова эти вонзились въ самую душу Чичикову и задѣли что то славолюбивое на днѣ ея. Если не рѣшимость, то что то крѣпкое и на нее похожее блеснуло въ глазахъ его...

— Аѳанасій Васильевичъ! — сказалъ онъ твердо, — если только вымолите мнѣ избавленье и средства уѣхать отсюда съ какимъ-нибудь имуществомъ, я даю вамъ слово начать другую [жизнь]: куплю деревеньку, сдѣлаюсь хозяиномъ, буду копить деньги не для себя, но для того, чтобы помогать другимъ, буду дѣлать добро, сколько будетъ силъ; позабуду себя и всякія городскія объяденья и пиршества, поведу простую, трезвую жизнь.

— Богъ васъ да подкрѣпитъ въ этомъ намѣреніи! — сказалъ обрадованный старикъ. — Буду стараться изо всѣхъ силъ, чтобы вымолить у князя ваше освобожденіе. Удастся или не удастся, это Богъ [знаетъ]. Во всякомъ случаѣ, участь ваша, вѣрно, смягчится. Ахъ, Боже мой! обнимите же, позвольте мнѣ васъ обнять. Какъ вы меня, право, обрадовали! Ну, съ Богомъ, сейчасъ же иду къ князю.

Чичиковъ остался [одинъ].

Вся природа его потряслась и размягчилась.

Расплавляется и платина, твердѣйшій изъ металловъ, всѣхъ долѣе противящійся огню: когда усилить въ горнилѣ огонь, дуютъ мѣхи, и восходитъ нестерпимый жаръ огня, — бѣлѣетъ упорный и превращается также въ жидкость; подается и крѣпчайшій мужъ въ горнилѣ несчастій, когда, усиливаясь, они нестерпимымъ огнемъ своимъ жгутъ отвердѣлую природу...

„Самъ не умѣю и не чувствую, но всѣ силы употреблю, чтобы другимъ дать почувствовать; самъ дурной и ничего ....., но всѣ силы употреблю, чтобы другихъ настроить; самъ дурной христіанинъ, но всѣ силы [употреблю], чтобы не подать соблазна. Буду трудиться, буду работать въ потѣ лица въ деревнѣ и займусь честно, такъ, чтобы имѣть доброе вліянье и на другихъ. Что жъ, въ самомъ дѣлѣ, будто я уже совсѣмъ негодный! Есть способности къ хозяйству; я имѣю качества бережливости, расторопности и благоразумія, даже постоянства. Стоитъ только рѣшиться ..."

Такъ думалъ Чичиковъ и полупробужденными силами души, казалось, что то осязалъ. Казалось, природа его темнымъ чутьемъ стала слышать, что есть какой то долгъ, который нужно исполнять человѣку на землѣ, который можно исполнять всюду, на всякомъ углѣ, несмотря на всякія обстоятельства, смятенья и движенья, летающія вокругъ человѣка, съ того мѣста и угла, на которомъ онъ постановленъ. И трудолюбивая жизнь, удаленная отъ шума городовъ и тѣхъ обольщеній, которыя отъ праздности выдумалъ, позабывши трудъ, человѣкъ, такъ сильно стала передъ нимъ рисоваться, что онъ уже почти позабылъ всю непріятность своего положенія и, можетъ быть, готовъ былъ даже возблагодарить Провидѣніе за этотъ тяжелый [ударъ], если только выпустятъ его и отдадутъ хотя часть ... Но одностворчатая дверь его нечистаго чулана растворилась, вошла чиновная осо-

ба — Самосвитовъ, эпикуреецъ, собой лихачъ, въ плечахъ аршинъ, ноги стройныя, отличный товарищъ, кутила и продувная бестія, какъ выражались о немъ сами товарищи. Въ военное время человѣкъ этотъ надѣлалъ бы чудесъ: его бы послать куда-нибудь пробраться сквозь непроходимыя, опасныя мѣста, украсть подъ носомъ у самого непріятеля пушку, — это его бы дѣло. Но, за неимѣньемъ военнаго поприща, на которомъ бы, можетъ быть, его сдѣлали бы честнымъ человѣкомъ, онъ пакостилъ отъ всѣхъ силъ. Непостижимое дѣло! странныя онъ имѣлъ убѣжденія и правила: съ товарищами онъ былъ хорошъ, никого не продавалъ и, давши слово, держалъ; но высшее надъ собою начальство онъ считалъ чѣмъ то въ родѣ непріятельской батареи, сквозь которую нужно пробиваться, пользуясь всякимъ слабымъ мѣстомъ, проломомъ или упущеніемъ.

— Знаемъ все объ вашемъ положеніи, все услышали! — сказалъ онъ, когда увидѣлъ, что дверь за нимъ плотно затворилась. — Ничего, ничего! Не робѣйте: все будетъ поправлено. Всѣ станемъ работать за васъ и — ваши слуги. Тридцать тысячъ на всѣхъ — и ничего больше.

— Будто? — вскрикнулъ Чичиковъ, — и я буду совершенно оправданъ?

— Кругомъ! еще и вознагражденье получите за убытки.

— И за трудъ?

— Тридцать тысячъ. Тутъ уже всѣ вмѣстѣ — и нашимъ, и генералъ-губернаторскимъ, и секретарю.

— Но, позвольте, какъ же я могу?.. Мои всѣ вещи ... шкатулка ... все это теперь запечатано, подъ присмотромъ ...

— Черезъ часъ получите все. По рукамъ, что ли?

Чичиковъ далъ руку. Сердце его билось, и онъ не довѣрялъ, чтобы это было возможно ...

— Пока прощайте! Поручилъ вамъ [сказать] нашъ общій пріятель, что главное дѣло — спокойствіе и присутствіе духа.

„Гм!“, подумалъ Чичиковъ: „понимаю — юрисконсультъ!“

Самосвитовъ скрылся. Чичиковъ, оставшись, все еще не довѣрялъ словамъ, какъ не прошло часа послѣ этого разговора, какъ была принесена шкатулка: бумаги, деньги — все въ наилучшемъ порядкѣ. Самосвитовъ явился въ качествѣ распорядителя: выбранилъ поставленныхъ часовыхъ за то, что небдительны, смотрителю приказалъ потребовать еще лишнихъ солдатъ для усиленья присмотра, взялъ не только шкатулку, но отобралъ даже всѣ такія бумаги, которыя могли бы чѣмъ-нибудь компрометировать Чичикова, связалъ все это вмѣстѣ, запечаталъ и повелѣлъ самому солдату отнести немедленно къ самому Чичикову, въ видѣ необходимыхъ ночныхъ и спальныхъ вещей, такъ что Чичиковъ, вмѣстѣ съ бумагами, получилъ даже и все теплое, что нужно было для покрытія бреннаго его тѣла. Это скорое доставленіе обрадовало его несказанно. Онъ возымѣлъ сильную надежду, и уже начали ему вновь грезиться коекакія приманки: вечеромъ театръ, плясунья, за которою онъ волочился. Деревня и тишина стали казаться блѣднѣй, городъ и шумъ — опять ярче, яснѣй ... О, жизнь!

А между тѣмъ завязалось дѣло размѣра безпредѣльнаго въ судахъ и палатахъ. Работали перья писцовъ, и, понюхивая табакъ, трудились казусныя головы, любуясь, какъ художники, крючковатой строкой. Юрисконсультъ, какъ скрытый магъ, незримо ворочалъ всѣмъ механизмомъ; всѣхъ опуталъ рѣшительно, прежде, чѣмъ кто успѣлъ осмотрѣться. Путаница увеличилась. Самосвитовъ превзошелъ самого себя отважностью и дерзостью неслыханною. Узнавши, гдѣ караулилась схва-

ченная женщина, онъ явился прямо и вошелъ такимъ молодцомъ и начальникомъ, что часовой сдѣлалъ ему честь и вытянулся въ струнку.

— Давно ты здѣсь стоишь?

— Съ утра, ваше благородіе.

— Долго до смѣны?

— Три часа, ваше благородіе.

— Ты мнѣ будешь нуженъ. Я скажу офицеру, чтобы на мѣсто тебя отрядилъ другого.

— Слушаю, ваше благородіе!

И, уѣхавъ домой, ни минуты не медля, чтобы не замѣшивать никого и всѣ концы въ воду, самъ нарядился жандармомъ, оказался въ усахъ и бакенбардахъ — самъ чортъ бы не узналъ. Явился въ домѣ, гдѣ былъ Чичиковъ, и, схвативши первую бабу, какая попалась, сдалъ ее двумъ чиновнымъ молодцамъ, докамъ тоже, а самъ прямо явился, въ усахъ и съ ружьемъ, какъ слѣдуетъ, къ часовымъ:

— Ступай къ .... меня прислалъ командиръ выстоять, намѣсто тебя, смѣну.

Обмѣнился и сталъ самъ съ ружьемъ. Только этого было и нужно. Въ это время, намѣсто прежней бабы очутилась другая, ничего не знавшая и не понимавшая. Прежнюю запрятали куда то такъ, что и потомъ не узнали, куда она дѣлась. Въ то время, когда Самосвитовъ подвизался въ лицѣ воина, юрисконсультъ произвелъ чудеса на гражданскомъ поприщѣ: губернатору далъ знать стороною, что прокуроръ на него пишетъ доносъ; жандармскому чиновнику далъ знать, [что] секретно проживающій чиновникъ пишетъ на него доносы; секретно проживавшаго чиновника увѣрилъ, что есть еще секретнѣйшій чиновникъ, который на него доноситъ, — и всѣхъ привелъ въ такое положеніе, что къ нему должны всѣ были обратиться за совѣтами. Произошла такая безтолковщина: доносъ сѣлъ верхомъ на доносѣ, и по-

шли открываться такія дѣла, которыхъ и солнце не видывало, и даже такія, которыхъ и не было. Все пошло въ работу и въ дѣло: и кто незаконнорожденный сынъ, и какого рода и званья, и у кого любовница, и чья жена за кѣмъ волочится. Скандалы, соблазны, и все такъ замѣшалось и сплелось вмѣстѣ съ исторіей Чичикова, съ мертвыми душами, что никоимъ образомъ нельзя было понять, которое изъ этихъ дѣлъ было главнѣйшая чепуха: оба казались равнаго достоинства. Когда стали, наконецъ, поступать бумаги къ генералъ-губернатору, бѣдный князь ничего не могъ понять. Весьма умный и расторопный чиновникъ, которому поручено было сдѣлать экстрактъ, чуть не сошелъ съ ума: никакимъ образомъ нельзя было поймать нити дѣла. Князь былъ въ это время озабоченъ множествомъ другихъ дѣлъ, одно другого непріятнѣйшихъ. Въ одной части губерніи оказался голодъ. Чиновники, посланные раздать хлѣбъ, какъ то не такъ распорядились, какъ слѣдовало. Въ другой части губерніи расшевелились раскольники. Кто то пропустилъ между ними, что народился антихристъ, который и мертвымъ не даетъ покоя, скупая какія то мертвыя души. Каялись и грѣшили и, подъ видомъ изловить антихриста, укокошили не-антихристовъ. Въ другомъ мѣстѣ мужики взбунтовались противъ помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ. Какіе то бродяги пропустили между ними слухи, что наступаетъ такое время, что мужики должны [быть] помѣщики и нарядиться во фраки, а помѣщики нарядятся въ армяки и будутъ мужики, — и цѣлая волость, не размысля того, что слишкомъ много выйдетъ тогда помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ, отказалась платить ..... подать. Нужно было прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Бѣдный князь былъ въ самомъ разстроенномъ состояніи духа. Въ это время доложили ему, что пришелъ откупщикъ.

— Пусть войдетъ, — сказалъ князь. Старикъ взошелъ.

— Вотъ вамъ Чичиковъ! Вы стояли за него и защищали. Теперь онъ попался въ такомъ дѣлѣ, на какое послѣдній воръ не рѣшится.

— Позвольте вамъ доложить, ваше сіятельство, что я не очень понимаю это дѣло.

— Подлогъ завѣщанія, и еще какой!.. Публичное наказаніе плетьми за этакое дѣло!

— Ваше сіятельство, — скажу не съ тѣмъ, чтобы защищать Чичикова, — но вѣдь это — дѣло не доказанное: слѣдствіе еще не сдѣлано.

— Улика: женщина, которая была наряжена намѣсто умершей, схвачена. Я ее хочу разспросить нарочно при васъ. — Князь позвонилъ и далъ приказъ позвать ту женщину.

Муразовъ замолчалъ.

— Безчестнѣйшее дѣло! И, къ стыду, замѣшались первые чиновники города, самъ губернаторъ. Онъ не долженъ быть тамъ, гдѣ воры и бездѣльники! — сказалъ князь съ жаромъ.

— Вѣдь губернаторъ — наслѣдникъ; онъ имѣлъ право на притязанія; а что другіе то со всѣхъ сторонъ прицѣпились, такъ это-съ, ваше сіятельство, человѣческое дѣло. Умерла-съ богатая, распоряженья умнаго и справедливаго не сдѣлала; слетѣлись со всѣхъ сторонъ охотники поживиться — человѣческое дѣло ...

— Но вѣдь мерзости зачѣмъ же дѣлать?.. Подлецы! — сказалъ князь съ чувствомъ негодованья. — Ни одного чиновника нѣтъ у меня хорошаго: всѣ мерзавцы!

— Ваше сіятельство! да кто жъ изъ насъ, какъ слѣдуетъ, хорошъ? Всѣ чиновники нашего города — люди, имѣютъ достоинства и многіе очень знающіе въ дѣлѣ, а отъ грѣха всякъ близокъ.

— Послушайте, Аѳанасій Васильевичъ: скажите

мнѣ, — я васъ одного знаю за честнаго человѣка, — что̀ у васъ за страсть защищать всякаго рода мерзавцевъ?

— Ваше сіятельство, — сказалъ Муразовъ; — кто бы ни былъ человѣкъ, котораго вы называете мерзавцемъ, но вѣдь онъ человѣкъ. Какъ же не защищать человѣка, когда знаешь, что онъ половину золъ дѣлаетъ отъ грубости и невѣдѣнья? Вѣдь мы дѣлаемъ несправедливости на всякомъ шагу и всякую минуту бываемъ причиной несчастія другого, даже и не съ дурнымъ намѣреньемъ. Вѣдь ваше сіятельство сдѣлали также большую несправедливость.

— Какъ! — воскликнулъ въ изумленіи князь, совершенно пораженный такимъ нежданнымъ оборотомъ рѣчи.

Муразовъ остановился, помолчалъ, какъ бы соображая что то, и, наконецъ, сказалъ:

— Да вотъ хоть бы по дѣлу Дѣрпѣнникова.

— Аѳанасій Васильевичъ! преступленье противъ коренныхъ государственныхъ законовъ, равное измѣнѣ землѣ своей!

— Я не оправдываю его. Но справедливо ли то, если юношу, который, по неопытности своей, былъ обольщенъ и сманенъ другими, осудить такъ, какъ и того, который былъ одинъ изъ зачинщиковъ? Вѣдь участь постигла равная и Дѣрпѣнникова, и какого-нибудь Вороного-Дрянного; а вѣдь преступленья ихъ не равны,

— Ради Бога ... — сказалъ князь съ замѣтнымъ волненьемъ: — вы что-нибудь знаете объ этомъ? скажите. Я именно недавно послалъ еще прямо въ Петербургъ объ смягченіи его участи.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, я не насчетъ того говорю, чтобы я зналъ что-нибудь такое, чего вы не знаете. Хотя, точно, есть одно такое обстоятельство, которое бы послужило въ его пользу, да онъ самъ не согласится, потому что чрезъ это по-

страдалъ бы другой. А я думаю только то, что не изволили ль вы тогда слишкомъ поспѣшить? Извините, ваше сіятельство, я сужу по своему слабому разуму. Вы нѣсколько разъ приказывали мнѣ откровенно говорить. У меня-съ, когда я еще былъ начальникомъ, много было всякихъ работниковъ, и дурныхъ, и хорошихъ. [Слѣдовало бы тоже] принять во вниманье и прежнюю жизнь человѣка, потому что, если не разсмотришь все хладнокровно, а накричишь съ перваго раза, — запугаешь только его, да и признанья настоящаго не добьешься; а какъ съ участіемъ его разспросишь, какъ братъ брата, — самъ-съ все выскажетъ и даже не проситъ о смягченьи, и ожесточенія ни противъ кого нѣтъ, потому что ясно видитъ, что не я его наказываю: я законъ.

Князь задумался. Въ это время вошелъ молодой чиновникъ и почтительно остановился съ портфелемъ. Забота, трудъ выражались на его молодомъ и еще свѣжемъ лицѣ. Видно было, что онъ не даромъ служилъ по особымъ порученьямъ. Это былъ одинъ изъ числа тѣхъ немногихъ, которые занимались дѣлопроизводствомъ con amore. Не сгарая ни честолюбіемъ, ни желаньемъ прибытковъ, ни подражаньемъ другимъ, онъ занимался только потому, что былъ убѣжденъ, что ему нужно быть здѣсь, а не на другомъ мѣстѣ, что для этого дана ему жизнь. Слѣдить, разобрать по частямъ и, поймавши всѣ нити запутаннѣйшаго дѣла, разъяснить его, разобрать по частямъ — это было его дѣло. И труды, и старанія, и безсонныя ночи вознаграждались ему изобильно, если дѣло, наконецъ, начинало передъ нимъ объясняться, сокровенныя причины обнаруживаться, и онъ чувствовалъ, что можетъ передать его все въ немногихъ словахъ, отчетливо и ясно, такъ что всякому будетъ очевидно и понятно. Можно сказать, что не столько радовался ученикъ, когда предъ нимъ раскрывалась

какая[-нибудь] труднѣйшая фраза и обнаруживался настоящій смыслъ мысли великаго писателя, какъ радовался онъ, когда предъ нимъ распутывалось запутаннѣйшее дѣло. — Зато . . .[1]

— . . . . хлѣбомъ въ мѣстахъ, гдѣ голодъ; я эту часть получше знаю чиновниковъ: разсмотрю самолично, что кому нужно. Да если позволите, ваше сіятельство, я поговорю и съ раскольниками. Они то съ нашимъ братомъ, съ простымъ человѣкомъ, охотнѣе разговорятся, такъ, Богъ вѣсть, можетъ быть, помогу уладиться съ ними миролюбиво. А чиновники не сладятъ: завяжется объ этомъ переписка, да притомъ они такъ уже запутались въ бумагахъ, что ужъ дѣла изъ-за нихъ и не видятъ. А денегъ то отъ васъ я не возьму, потому что, ей Богу, стыдно въ такое время думать о своей прибыли, когда умираютъ съ голода. У меня есть въ запасѣ готовый хлѣбъ; я и теперь еще послалъ въ Сибирь, и къ будущему лѣту вновь подвезутъ.

— Васъ можетъ только наградить одинъ Богъ за такую службу, Аѳанасій Васильевичъ. А я вамъ не скажу ни одного слова, потому что, — вы сами можете чувствовать, — всякое слово тутъ безсильно. Но позвольте мнѣ одно сказать насчетъ той просьбы. Скажите сами: имѣю ли я право оставить это дѣло безъ вниманія, и справедливо ли, честно ли съ моей стороны будетъ простить мерзавцевъ?

— Ваше сіятельство, ей Богу, этакъ нельзя назвать, тѣмъ болѣе, что изъ [нихъ] есть многіе весьма достойные. Затруднительны положенія человѣка, ваше сіятельство, очень, очень затруднительны. Бываетъ такъ, что кажется кругомъ виноватъ человѣкъ; а какъ войдешь — даже и не онъ.

---

[1] Послѣ этого въ рукописи большой пропускъ.

— Но что скажутъ они сами, если оставлю? Вѣдь есть изъ нихъ, которые послѣ этого еще больше подымутъ носъ и будутъ даже говорить, что они напугали. Они первые будутъ не уважать...

— Ваше сіятельство, позвольте мнѣ вамъ дать свое мнѣніе: соберите ихъ всѣхъ, дайте имъ знать, что вамъ все извѣстно, и представьте имъ ваше собственное положеніе точно такимъ самымъ образомъ, какъ вы его изволили изобразить сейчасъ передо мной, и спросите у нихъ совѣта: что [бы] изъ нихъ каждый сдѣлалъ на вашемъ положеніи?

— Да вы думаете, имъ будутъ доступны движенья благороднѣйшія, чѣмъ каверзничать и наживаться? Повѣрьте, они надо мной посмѣются.

— Не думаю-съ, ваше сіятельство. У человѣка, даже и у того, кто похуже другихъ, все-таки чувство справедливо. Развѣ ужъ жидъ какой-нибудь, а не русскій... Нѣтъ, ваше сіятельство, вамъ нечего скрываться. Скажите такъ точно, какъ изволили передо [мной]. Вѣдь они васъ поносятъ, какъ человѣка честолюбиваго, гордаго, который и слышать ничего не хочетъ, увѣренъ въ себѣ, — такъ пусть же увидятъ все, какъ оно есть. Что жъ вамъ? Вѣдь ваше дѣло правое. Скажите имъ такъ, какъ бы вы не предъ ними, а предъ Самимъ Богомъ принесли свою исповѣдь.

— Аѳанасій Васильевичъ, — сказалъ князь въ раздумьи, — я объ этомъ подумаю, а покуда благодарю васъ очень за совѣтъ.

— А Чичикова, ваше сіятельство, прикажите отпустить.

— Скажите этому Чичикову, чтобы онъ убирался отсюда, какъ можно поскорѣй, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Его то уже я бы никогда не простилъ.

Муразовъ поклонился и прямо отъ князя отправился къ Чичикову. Онъ нашелъ Чичикова уже

въ духѣ, весьма покойно занимавшагося довольно порядочнымъ обѣдомъ, который былъ ему принесенъ въ фаянсовыхъ судкахъ изъ какой то весьма порядочной кухни. По первымъ фразамъ разговора старикъ замѣтилъ тотчасъ, что Чичиковъ уже успѣлъ переговорить кое-съ-кѣмъ изъ чиновниковъ-казусниковъ. Онъ даже понялъ, что сюда вмѣшалось невидимое участіе знатока-юрисконсульта.

— Послушайте-съ, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ онъ, — я привезъ вамъ свободу на такомъ условіи, чтобы сейчасъ васъ не было въ городѣ. Собирайте всѣ пожитки свои — да и съ Богомъ, не откладывая ни минуту, потому что дѣло еще хуже. Я знаю-съ, васъ тутъ одинъ человѣкъ настраиваетъ; такъ объявляю вамъ по секрету, что такое еще дѣло одно открывается, что ужъ никакія силы не спасутъ этого. Онъ, конечно, радъ другихъ топить, чтобы не скучно, да дѣло къ раздѣлкѣ. Я васъ оставилъ въ расположеньи хорошемъ, — лучшемъ, нежели въ какомъ теперь. Совѣтую вамъ-съ не въ шутку. Ей, ей, дѣло не въ этомъ имуществѣ, изъ-за котораго спорятъ люди и рѣжутъ другъ друга, точно какъ можно завести благоустройство въ здѣшней жизни, не помысливши о другой жизни. Повѣрьте-съ, Павелъ Ивановичъ, что покамѣстъ, брося все, изъ-за чего грызутъ и ѣдятъ другъ друга на землѣ, не подумаютъ о благоустройствѣ душевнаго имущества, — не установится благоустройство и земного имущества. Наступятъ времена голода и бѣдности, какъ во всемъ народѣ, такъ и порознь во всякомъ... Это-съ ясно. Что ни говорите, вѣдь отъ души зависитъ тѣло. Какъ же хотѣть, чтобы [шло], какъ слѣдуетъ? Подумайте не о мертвыхъ душахъ, а [о] своей живой душѣ, да и съ Богомъ на другую дорогу! Я то жъ выѣзжаю завтрашній день. Поторопитесь! не то — безъ меня бѣда будетъ.

Сказавши это, старикъ вышелъ. Чичиковъ задумался. Значенье жизни опять показалось немаловажнымъ. „Муразовъ правъ“, сказалъ онъ: „пора на другую дорогу!“ Сказавши это, онъ вышелъ изъ тюрьмы. Часовой потащилъ за нимъ шкатулку..... Селифанъ и Петрушка обрадовались, какъ Богъ знаетъ чему, освобожденью барина.

— Ну, любезные, — сказалъ Чичиковъ, обратившись [къ нимъ] милостиво: — нужно укладываться, да ѣхать.

— Покатимъ, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Селифанъ. — Дорога, должно быть, установилась: снѣгу выпало довольно. Пора ужъ, право, выбраться изъ города. Надоѣлъ онъ такъ, что и глядѣть на него не хотѣлъ бы.

— Ступай къ каретнику, чтобы поставилъ коляску на полозки, — сказалъ Чичиковъ, а самъ пошелъ въ городъ, но ни [къ кому] не хотѣлъ заходить отдавать прощальныхъ визитовъ. Послѣ всего этого событія было и неловко, — тѣмъ болѣе, что о немъ множество ходило въ городѣ самыхъ неблагопріятныхъ исторій. Онъ избѣгалъ всякихъ [встрѣчъ] и зашелъ потихоньку только къ тому купцу, у котораго купилъ сукна наваринскаго племени съ дымомъ, взялъ вновь четыре аршина на фракъ и на штаны и отправился самъ къ тому же портному. За двойную [цѣну] мастеръ рѣшился усилить рвеніе и засадилъ всю ночь работать при свѣчахъ портное народонаселеніе иглами, утюгами и зубами, и фракъ на другой день былъ готовъ, хотя и немножко поздно. Лошади всѣ были запряжены. Чичиковъ, однакожъ, фракъ примѣрилъ. Онъ былъ хорошъ, точь-въ-точь какъ прежній. Но, увы! онъ замѣтилъ, что въ головѣ уже бѣлѣло что то гладкое, и примолвилъ грустно: „И зачѣмъ было предаваться такъ сильно сокрушенью? А рвать волосъ не слѣдовало бы и подавно“. Рас-

платившись съ портнымъ, онъ выѣхалъ, наконецъ, изъ города въ какомъ то странномъ положеніи. Это былъ не прежній Чичиковъ; это была какая то развалина прежняго Чичикова. Можно было сравнить его внутреннее состояніе души съ разобраннымъ строеньемъ, которое разобрано съ тѣмъ, чтобы строить изъ него же новое, а новое еще не начиналось, потому что не пришелъ еще отъ архитектора опредѣлительный планъ, и работники остались въ недоумѣньи. Часомъ прежде его отправился старикъ Муразовъ, въ рогоженной кибиткѣ, вмѣстѣ съ Потапычемъ, а часомъ послѣ отъѣзда Чичикова пошло приказаніе, что князь, по случаю стъѣзда въ Петербургъ, желаетъ видѣть всѣхъ чиновниковъ до едина.

Въ большомъ залѣ генералъ-губернаторскаго дома собралось все чиновное сословіе города, начиная отъ губернатора до титулярнаго совѣтника: правители канцелярій и дѣлъ, совѣтники, асессоры, Кислоѣдовъ, Красноносовъ, Самосвитовъ, не бравшіе, бравшіе, кривившіе душой, полукривившіе и вовсе не кривившіе. Всѣ не безъ волненья и безпокойства ожидали выхода генералъ-губернатора. Князь вышелъ ни мрачный, ни ясный: взоръ его былъ твердъ, такъ же, какъ и шагъ. Все чиновное собраніе поклонилось, многіе — въ поясъ. Отвѣтивъ легкимъ поклономъ, князь началъ:

— Уѣзжая въ Петербургъ, я почелъ приличнымъ повидаться съ вами со всѣми и даже объяснить вамъ отчасти причину. У насъ завязалось дѣло очень соблазнительное. Я полагаю, что многіе изъ предстоящихъ знаютъ, о какомъ дѣлѣ я говорю. Дѣло это повело за собою открытіе и другихъ, не менѣе безчестныхъ дѣлъ, въ которыхъ замѣшались даже, наконецъ, и такіе люди, которыхъ я доселѣ почиталъ честными. Извѣстна мнѣ даже и сокровенная цѣль спутать такимъ образомъ все, чтобы оказалась полная невозможность

рѣшить формальнымъ порядкомъ. Знаю даже и кто главный, и чьимъ сокровеннымъ....., хотя онъ и очень искусно скрылъ свое участіе. Но дѣло въ томъ, что я намѣренъ это слѣдить не формальнымъ слѣдованьемъ по бумагамъ, а военнымъ быстрымъ судомъ, какъ въ военное [время], и надѣюсь, что государь мнѣ дастъ это право, когда я изложу все это дѣло. Въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ возможности произвести дѣло гражданскимъ образомъ, когда горятъ шкафы съ [бумагами], и, наконецъ, излишествомъ лживыхъ постороннихъ показаній и ложными доносами стараются затемнить и безъ того довольно темное дѣло, — я полагаю военный судъ единственнымъ средствомъ и желаю знать мнѣніе ваше.

Князь остановился, какъ [бы] ожидая отвѣта. Все стояло, потупивъ глаза въ землю. Многіе были блѣдны.

— Извѣстно мнѣ также еще одно дѣло, хотя производившіе его въ полной увѣренности, что оно никому не можетъ быть извѣстно. Производство его уже пойдетъ не по бумагамъ, потому что истцомъ и челобитчикомъ я буду уже самъ и представлю очевидныя доказательства.

Кто то вздрогнулъ среди чиновнаго собранія; нѣкоторые изъ боязливѣйшихъ тоже смутились.

— Само по себѣ, что главнымъ зачинщикамъ должно послѣдовать лишенье чиновъ и имущества, прочимъ отрѣшенье отъ мѣстъ. Само собою разумѣется, что въ числѣ ихъ пострадаетъ и множество невинныхъ. Что жъ дѣлать? дѣло слишкомъ безчестное и вопіетъ о правосудіи. Хотя я знаю, что это будетъ даже и не въ урокъ другимъ, потому что на мѣсто выгнанныхъ явятся другіе, и тѣ самые, которые дотолѣ были честны, сдѣлаются безчестными, и тѣ самые, которые удостоены будутъ довѣренности, обманутъ и продадутъ, — несмотря на все это, я долженъ поступить жестоко, потому

что вопіетъ правосудіе. Знаю, что будутъ меня обвинять въ суровой жестокости, но знаю, что тѣ будутъ еще ..... обвин..... я долженъ обратить такихъ только въ одно безчувственное орудіе правосудія, которое должно упасть на головы.....,

Содроганье невольно пробѣжало по всѣмъ лицамъ.

Князь былъ спокоенъ. Ни гнѣва, ни возмущенья душевнаго не выражало его лицо.

— Теперь тотъ самый, у котораго въ рукахъ участь многихъ, и котораго никакія просьбы не въ силахъ были умолить, тотъ самый теперь васъ всѣхъ проситъ. Все будетъ позабыто, изглажено, прощено; я буду вамъ ходатаемъ за всѣхъ, если исполните мою просьбу. Вотъ моя просьба. Знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаньями нельзя искоренить неправды: она слишкомъ уже глубоко вкоренилась. Безчестное дѣло брать взятки сдѣлалось необходимостью и потребностью даже и для такихъ людей, которые и не рождены быть безчестными. Знаю, что уже почти невозможно многимъ идти противу всеобщаго теченья. Но я теперь долженъ, какъ въ рѣшительную и священную минуту, когда приходится спасать свое отечество, когда всякій гражданинъ несетъ все и жертвуетъ всѣмъ, — я долженъ сдѣлать кличъ, хотя къ тѣмъ, у которыхъ еще есть въ груди русское сердце и понятно сколько-нибудь слово благородство. Что тутъ говорить о томъ, кто болѣе изъ насъ виноватъ! Я, можетъ быть, больше всѣхъ виноватъ; я, можетъ быть, слишкомъ сурово васъ принялъ вначалѣ; можетъ быть, излишней подозрительностью я оттолкнулъ изъ васъ тѣхъ, которые искренно хотѣли мнѣ быть полезными, хотя и я съ своей стороны могъ бы также сдѣлать..... Если они уже дѣйствительно любили справедливость и добро своей земли, не слѣдовало бы имъ оскорбиться и надменностью моего обращенія, слѣдовало бы имъ

Послѣдніе дни жизни Н. В. Гоголя.

Рисунокъ А. Солоницкаго (1852).

подавить въ себѣ собственное честолюбіе и пожертвовать своею личностью. Не можетъ быть, чтобы я не замѣтилъ ихъ самоотверженья и высокой любви къ добру и не принялъ бы, наконецъ, отъ нихъ полезныхъ и умныхъ совѣтовъ. Все-таки скорѣй подчиненному слѣдуетъ примѣняться къ нраву начальника, чѣмъ начальнику къ нраву подчиненнаго. Это законнѣй, по крайней мѣрѣ, и легче, потому что у подчиненныхъ одинъ начальникъ, а у начальника сотня подчиненныхъ. Но оставимъ теперь въ сторонѣ, кто кого больше виноватъ. Дѣло въ томъ, что пришло намъ спасать нашу землю; что гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплеменныхъ языковъ, а отъ насъ самихъ; что уже, мимо законнаго управленья, образовалось другое правленье, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго. Установились свои условія, все оцѣнено, и цѣны даже приведены во всеобщую извѣстность. И никакой правитель, хотя бы онъ былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ поправить зла, какъ [ни] ограничивай онъ въ дѣйствіяхъ дурныхъ чиновниковъ приставленьемъ въ надзиратели другихъ чиновниковъ. Все будетъ безуспѣшно, покуда не почувствовалъ изъ насъ всякъ, что онъ такъ же, какъ въ эпоху возстанія народовъ вооружался противъ....., такъ долженъ возстать противъ неправды. Какъ русскій, какъ связанный съ вами единокровнымъ родствомъ, одной и той же кровью, я теперь обращаюсь [къ] вамъ. Я обращаюсь къ тѣмъ изъ васъ, кто имѣетъ понятье какое-нибудь о томъ, что такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долгъ, который на всякомъ мѣстѣ предстоитъ человѣку. Я приглашаю разсмотрѣть ближе свой долгъ и обязанность земной своей должности, потому что это уже намъ всѣмъ темно представляется, и мы едва.....

Похожденія Чичикова

или

Мертвыя души.

Поэма.

Томъ второй.

(Одна изъ первоначальныхъ редакцій.)

Глава I.

Зачѣмъ же выставлять напоказъ бѣдность нашей жизни и наше грустное несовершенство, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? Что жъ дѣлать, если такого свойства сочинитель, и такъ уже заболѣлъ онъ самъ своимъ несовершенствомъ, и такъ уже устроенъ талантъ его, чтобы изображать ему бѣдность нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства! И вотъ опять попали мы въ глушь, опять наткнулись на закоулокъ. Зато какая глушь и какой закоулокъ!

На тысячу слишкомъ верстъ неслись, извиваясь, горныя возвышенія. Точно какъ бы исполинскій валъ какой то безконечной крѣпости, возвышались они надъ равнинами то желтоватымъ отломомъ, въ видѣ стѣнъ, съ промоинами и рытвинами, то зеленой кругловидной выпуклостію, покрытой, какъ мерлушками, молодымъ кустарникомъ, подымавшимся отъ срубленныхъ деревъ, то, наконецъ, темнымъ лѣсомъ, еще уцѣлѣвшимъ отъ топора. Рѣка, вѣрная своимъ высокимъ берегамъ, давала вмѣстѣ съ ними углы и колѣна по всему пространству; но иногда уходила отъ нихъ прочь, въ луга, затѣмъ, чтобы, извившись тамъ въ нѣсколько извивовъ, блеснуть, какъ огонь, передъ солнцемъ, скрыться въ рощи березъ, осинъ и ольхъ и выбѣжать оттуда въ торжествѣ, въ сопровожденьи мостовъ, мельницъ и плотинъ, какъ бы гонявшихся за нею на всякомъ поворотѣ.

Въ одномъ мѣстѣ крутой бокъ возвышеній воздымался выше прочихъ и весь отъ низу до верху убирался въ зелень столпившихся густо деревъ. Тутъ было все вмѣстѣ: и кленъ, и груша, и низкорослый ракитникъ, и чилига, и березка, и ель, и рябина, опутанная хмелемъ; тутъ... мелькали красныя крышки господскихъ строеній, коньки и гребни сзади скрывшихся избъ и верхняя надстройка господскаго дома, а надъ всей этой кучей деревъ и крышъ старинная церковь возносила своихъ пять играющихъ верхушекъ. На всѣхъ ихъ были золо-

тые прорѣзные кресты, золотыми прорѣзными цѣпями прикрѣпленные къ куполамъ, такъ что издали сверкало какъ бы на воздухѣ ни къ чему не прикрѣпленное, висѣвшее золото. И вся эта куча деревъ, крышъ, вмѣстѣ съ церковью, опрокинувшись верхушками внизъ, отдавалась въ рѣкѣ, гдѣ картинно-безобразныя старыя ивы, однѣ, стоя у береговъ, другія совсѣмъ въ водѣ, опустивши туда и вѣтви, и листья, точно какъ бы разсматривали это изображенье, которымъ не могли налюбоваться во все продолженіе своей многолѣтней жизни.

Видъ былъ очень недуренъ, но видъ сверху внизъ, съ надстройки дома на равнины и отдаленья, былъ еще лучше. Равнодушно не могъ выстоять на балконѣ никакой гость и посѣтитель: у него захватывало въ груди, и онъ могъ только произнесть: „Господи, какъ здѣсь просторно!“ Пространства открывались безъ конца. За лугами, усѣянными рощами и водяными мельницами, зеленѣли и синѣли густые лѣса, какъ моря или туманъ, далеко разливавшійся. За лѣсами, сквозь мглистый воздухъ, желтѣли пески. За песками лежали гребнемъ на отдаленномъ небосклонѣ мѣловыя горы, блиставшія ослѣпительной бѣлизной даже и въ ненастное время, какъ бы освѣщало ихъ вѣчное солнце. Кое-гдѣ дымились по нимъ легкія туманно-сизыя пятна. Это были отдаленныя деревни; но ихъ уже не могъ разсмотрѣть человѣческій глазъ, — только вспыхивавшая, подобно искрѣ, золотая церковная маковка давала знать, что это было людное, большое селенье. Все это облечено было въ тишину невозмущаемую, которую не пробуждали даже чуть долетавшіе до слуха отголоски воздушныхъ пѣвцовъ, наполнявшихъ воздухъ. Словомъ, не могъ равнодушно выстоять на балконѣ никакой гость и посѣтитель, и послѣ какого-нибудь двухчасового созерцанія издавалъ онъ то же самое восклицаніе, какъ и въ первую минуту: „Силы небесъ, какъ здѣсь просторно!“

Кто жъ былъ жилецъ этой деревни, къ которой, какъ къ неприступной крѣпости, нельзя было подъѣхать отсюда, а нужно было подъѣзжать съ другой стороны — полями, хлѣбами и, наконецъ, рѣдкой дубравой, раскинутой картинно по зелени, вплоть до самыхъ избъ и господскаго дома, — кто былъ жилецъ, господинъ и владѣтель этой деревни? Какому счастливцу принадлежалъ этотъ закоулокъ?

А помѣщику Тремалаханскаго уѣзда Адрею Ивановичу Тѣнтѣтникову, молодому, тридцатитрехлѣтнему господину, коллежскому секретарю, неженатому, холостому человѣку.

Что же за человѣкъ такой, какого нрава, какихъ свойствъ и какого характера былъ помѣщикъ Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ?

Разумѣется, слѣдуетъ разспросить у сосѣдей. Сосѣдъ, принадлежавшій къ фамиліи отставныхъ штабъ-офицеровъ брандеровъ [1], выражался о немъ лаконическимъ выраженьемъ: „Естественнѣйшій скотина!“ Генералъ, проживавшій въ десяти верстахъ, говорилъ: „Молодой человѣкъ не глупый, но много забралъ себѣ въ голову. Я бы могъ быть ему полезнымъ, потому что у меня и въ Петербургѣ, и даже при...“ Генералъ рѣчи не оканчивалъ. Капитанъ-исправникъ замѣчалъ: „Да вѣдь чинишка на немъ — дрянь; а вотъ я завтра же къ нему за недоимкой!“ Мужикъ его деревни, на вопросъ о томъ, какой у нихъ баринъ, ничего не отвѣчалъ. Словомъ, общественное мнѣнье о немъ было скорѣй неблагопріятное, чѣмъ благопріятное.

А, между тѣмъ, въ существѣ своемъ Андрей Ивановичъ былъ не то доброе, не то дурное существо, а просто — коптитель неба. Такъ какъ уже не мало есть на бѣломъ свѣтѣ людей, коптящихъ небо, то почему жъ и Тѣнтѣтникову не коптить его? Впрочемъ, вотъ, въ немногихъ словахъ, весь журналъ его дня, и пусть изъ него судитъ читатель самъ, какой у него былъ характеръ.

Поутру просыпался онъ очень поздно и, приподнявшись, долго еще сидѣлъ на своей кровати, протирая глаза. Глаза же, какъ на бѣду, были довольно маленькіе, и потому протиранье ихъ производилось необыкновенно долго. Во все это время у дверей стоялъ человѣкъ Михайло, съ рукомойникомъ и полотенцемъ. Стоялъ этотъ бѣдный Михайло часъ, другой, отправлялся потомъ на кухню, потомъ вновь приходилъ, — баринъ все еще протиралъ глаза и сидѣлъ на кровати. Наконецъ, подымался онъ съ постели, умывался, надѣвалъ халатъ и выходилъ въ гостиную затѣмъ, чтобы пить чай, кофей, какао и даже парное молоко, всего прихлебывая понемногу, накрошивая хлѣба безжалостно и насоривая повсюду трубочной золы безсовѣстно. Два часа просиживалъ онъ за чаемъ; этого мало: онъ бралъ еще холодную чашку и съ ней подвигался къ окну, обращенному на дворъ. У окна же происходила всякій день слѣдующая сцена.

Прежде всего ревѣлъ небритый буфетчикъ Григорій, относившійся къ Перфильевнѣ, ключницѣ, въ сихъ выраженіяхъ:

---

[1] Зажигательное судно; гнѣвный спорщикъ.

— Душонка ты мелкопомѣстная! ничтожность этакая! Тебѣ бы, гнусной бабѣ, молчать да и только.

— Ужъ тебя то не послушаюсь, ненасытное горло! — выкрикивала ничтожность, или Перфильевна.

— Да вѣдь съ тобой никто не уживется: вѣдь ты и съ приказчикомъ сцѣпишься, мелочь ты анбарная! — ревѣлъ Григорій.

— Да и приказчикъ — воръ такой же, какъ и ты! — выкрикивала ничтожность, такъ что было на деревнѣ слышно. — Вы оба піющіе, губители господскаго, бездонныя бочки! Ты думаешь, баринъ не знаетъ васъ? Вѣдь онъ здѣсь, вѣдь онъ все слышитъ!

— Гдѣ баринъ?

— Да вотъ онъ сидитъ у окна; онъ все видитъ.

И, точно, баринъ сидѣлъ у окна и все видѣлъ.

Къ довершенію этого, кричалъ кричмя дворовый ребятишка, получившій отъ матери затрещину; визжалъ борзой кобель, присѣвъ задомъ къ землѣ, по поводу горячаго кипятка, которымъ обкатилъ его, выглянувши изъ кухни, поваръ; словомъ, все голосило и верещало невыносимо. Баринъ все видѣлъ и слышалъ, и только тогда, когда это дѣлалось до такой степени невыносимо, что даже мѣшало барину ничѣмъ не заниматься, высылалъ онъ сказать, чтобы шумѣли потише.

За два часа до обѣда Андрей Ивановичъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ, затѣмъ, чтобы заняться сурьезно, и, дѣйствительно, занятіе было, точно, сурьезное. Оно состояло въ обдумываніи сочиненія, которое уже издавна и постоянно обдумывалось. Сочиненіе это долженствовало обнять всю Россію со всѣхъ точекъ — съ гражданской, политической, религіозной, философической, разрѣшить затруднительные задачи и вопросы, заданные ей временемъ, и опредѣлить ясно ея великую будущность; словомъ, большого объема. Но покуда все оканчивалось однимъ обдумываніемъ: изгрызалось перо, являлись на бумагѣ рисунки, и потомъ все это отодвигалось в сторону, бралась, намѣсто того, въ руки книга и уже не выпускалась до самаго обѣда. Книга эта читалась вмѣстѣ съ супомъ, соусомъ, жаркимъ и даже съ пирожнымъ, такъ что иныя блюда оттого стыли, а другія принимались вовсе нетронутыми. Потомъ слѣдовала прихлебка чашки кофію съ трубкой; потомъ игра въ шахматы съ самимъ собой. Что же дѣлалось потомъ до самаго ужина, право, уже и сказать трудно. Кажется, просто, ничего не дѣлалось.

И этакъ проводилъ время одинъ-одинёшенекъ въ цѣломъ [мірѣ] молодой тридцатитрехлѣтній человѣкъ,

сидень-сиднемъ, въ халатѣ, безъ галстука. Ему не гулялось, не ходилось, не хотѣлось даже подняться вверхъ, — взглянуть на отдаленности и виды, не хотѣлось растворять окна затѣмъ, чтобы забрать свѣжаго воздуха въ комнату; и прекрасный видъ деревни, которымъ не могъ равнодушно любоваться никакой посѣтитель, точно не существовалъ для самого хозяина.

Изъ этого журнала [1] читатель можетъ видѣть, что Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ принадлежалъ къ семейству тѣхъ людей, которыхъ на Руси много, которымъ имена — увальни, лежебоки, байбаки и тому подобныя. Родятся ли уже сами собою такіе характеры, или создаются потомъ — это еще вопросъ. Я думаю, что лучше, вмѣсто отвѣта, разсказать исторію дѣтства и воспитанія Андрея Ивановича.

Въ дѣтствѣ былъ онъ остроумный, талантливый мальчикъ, то живой, то задумчивый. Счастливымъ или несчастливымъ случаемъ попалъ онъ въ такое училище, гдѣ былъ директоромъ человѣкъ, въ своемъ родѣ необыкновенный, несмотря на нѣкоторыя причуды. Александръ Петровичъ имѣлъ даръ слышать природу русскаго человѣка и зналъ языкъ, которымъ нужно говорить съ нимъ. Никто изъ дѣтей не уходилъ отъ него съ повиснувшимъ носомъ; напротивъ, даже послѣ строжайшаго выговора, чувствовалъ онъ какую то бодрость и желанье загладить сдѣланную пакость и проступокъ. Толпа воспитанниковъ его была съ виду такъ шаловлива, развязна и жива, что можно было принять ее за необузданную вольницу; но онъ обманулся бы: власть одного слишкомъ была сильна въ этой вольницѣ. Не было проказника и шалуна, который бы не пришелъ къ нему самъ и не разсказалъ всего, что ни напроказилъ. Малѣйшее движенье ихъ помышленій было ему извѣстно. Во всемъ поступалъ онъ необыкновенно. Онъ говорилъ, что прежде всего слѣдуетъ пробудить въ человѣкѣ честолюбіе, — честолюбье называлъ онъ силою, толкающею впередъ человѣка, — безъ котораго не подвигнешь его на дѣятельность. Многихъ рѣзвостей и шалостей онъ не удерживалъ вовсе: въ первоначальныхъ рѣзвостяхъ видѣлъ онъ начало развитія свойствъ душевныхъ. Онѣ были ему нужны затѣмъ, чтобы видѣть, что такое именно таится въ ребенкѣ. Такъ умный врачъ глядитъ спокойно на появляющіеся временные припадки и сыпи, показывающіяся на тѣлѣ, не истребляетъ ихъ, но всматривается внимательно, дабы узнать достовѣрно, что заключено внутри человѣка.

[1] Здѣсь въ смыслѣ — перечень происшествій за день.

Учителей у него было немного: бо́льшую часть наукъ читалъ онъ самъ, и надо сказать правду, что, безъ всякихъ педантскихъ терминовъ, огромныхъ воззрѣній и взглядовъ, которыми любятъ пощеголять молодые профессора, онъ умѣлъ въ немногихъ словахъ передать самую душу науки, такъ что и малолѣтнему было очевидно, на что именно ему нужна наука. Онъ утверждалъ, что всего нужнѣе человѣку наука жизни, что, узнавъ ее, онъ узнаетъ тогда самъ, чѣмъ онъ долженъ заняться преимущественнѣе.

Эту то науку жизни сдѣлалъ онъ предметомъ отдѣльнаго курса воспитанія, въ который поступали только одни самые отличные. Малоспособныхъ выпускалъ онъ на службу изъ перваго класса, утверждая, что ихъ не нужно много мучить: довольно съ нихъ, если пріучились быть терпѣливыми, работящими исполнителями, не пріобрѣтая заносчивости и всякихъ видовъ вдаль. „Но съ умниками, но съ даровитыми мнѣ нужно долго повозиться“, обыкновенно говорилъ онъ. И становился въ этомъ курсѣ совершенно другой Александръ Петровичъ и съ первыхъ же разъ возвѣщалъ, что доселѣ онъ требовалъ отъ нихъ простого ума, теперь потребуетъ ума высшаго, — не того ума, который умѣетъ подтрунить надъ дуракомъ и посмѣяться, но умѣющаго вынесть всякое оскорбленіе, спустить дураку, не раздражиться. Здѣсь то сталъ онъ требовать того, что другіе требуютъ отъ дѣтей. Это то называлъ онъ высшей степенью ума. Сохранить посреди какихъ бы то ни было огорченій высокій покой, въ которомъ вѣчно долженъ пребывать человѣкъ, — вотъ что называлъ онъ умомъ. Въ этомъ то курсѣ Александръ Петровичъ показалъ, что знаетъ точно науку жизни. Изъ наукъ были избраны только тѣ, которыя способны образовать изъ человѣка гражданина земли своей. Большая часть лекцій состояла въ разсказахъ о томъ, что ожидаетъ впереди человѣка на всѣхъ поприщахъ и ступеняхъ государственной службы и частныхъ занятій. Всѣ огорченья и преграды, какія только воздвигаются человѣку на пути его, всѣ искушенья и соблазны, ему предстоящіе, собиралъ онъ предъ нимъ во всей наготѣ, не скрывая ничего. Все было ему извѣстно, точно какъ бы перебылъ онъ самъ во всѣхъ званьяхъ и должностяхъ. Словомъ, чертилъ онъ предъ ними вовсе не радужную будущность. Странное дѣло! оттого ли, что честолюбіе уже такъ сильно было въ нихъ возбуждено; оттого ли, что уже въ самыхъ глазахъ необыкновеннаго наставника было что то говорящее юношѣ в п е р е д ъ ! — это чудное словцо, производящее такія чудеса надъ русскимъ человѣкомъ, — то ли, другое ли,

но юноша съ самаго начала искалъ только трудностей, алча дѣйствовать только тамъ, гдѣ трудно, гдѣ нужно было показать большую силу души. Было что то трезвое въ ихъ жизни. Александръ Петровичъ дѣлалъ съ ними всякіе опыты и пробы, наносилъ имъ то самъ чувствительныя оскорбленія, то посредствомъ ихъ же товарищей; но, проникнувши это, они становились еще осторожнѣй. Изъ этого курса вышло немного, но эти немногіе были крѣпыши, были обкуренные порохомъ люди. Въ службѣ они удержались на самыхъ шаткихъ мѣстахъ, тогда какъ многіе, гораздо ихъ умнѣйшіе, не вытерпѣвъ, бросили службу изъ за мелочныхъ личныхъ непріятностей, бросили вовсе, или же, не вѣдая ничего, очутились въ рукахъ взяточниковъ и плутовъ. Но воспитанные Александ[ромъ Петровичемъ] не только не пошатнулись, но, умудренные познаньемъ человѣка и души, возымѣли высокое нравственное вліяніе даже на взяточниковъ и дурныхъ людей.

Но этого ученья не удалось попробовать бѣдному Андрею Ивановичу. Только что онъ былъ удостоенъ перевода въ этотъ высшій курсъ, какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ, — вдругъ несчастіе: необыкновенный наставникъ, котораго одно одобрительное слово уже бросало его въ сладкій трепетъ, скоропостижно заболѣлъ и умеръ. Все перемѣнилось въ училищѣ. На мѣсто Александра Петровича поступилъ какой то Ѳедоръ Ивановичъ, человѣкъ добрый и старательный, но совершенно другого взгляда на вещи. Въ свободной развязности дѣтей перваго курса почудилось ему что то необузданное. Началъ онъ заводить между ними какіе то внѣшніе порядки, требовалъ, чтобы молодой народъ пребывалъ въ какой то безмолвной тишинѣ, чтобы ни въ какомъ случаѣ иначе всѣ не ходили, какъ попарно; началъ даже самъ аршиномъ размѣрять разстоянье отъ пары до пары. За столомъ, для лучшаго вида, разсадилъ всѣхъ по росту, а не по уму, такъ что осламъ доставались лучшіе куски, умнымъ — оглодки. Все это произвело ропотъ, особенно, когда новый начальникъ, точно какъ наперекоръ своему предмѣстнику, объявилъ, что для него умъ и хорошіе успѣхи въ наукахъ ничего не значатъ, что онъ смотритъ только на поведенье, что если человѣкъ и плохо учится, но хорошо ведетъ себя, онъ предпочтетъ его умнику. Но именно того то и не получилъ Ѳедоръ Ивановичъ, чего добивался. Завелись шалости потаенныя, которыя, какъ извѣстно, хуже открытыхъ: все было въ струнку днемъ, а по ночамъ — кутежи.

Въ большомъ курсѣ онъ тоже все переворотилъ

вверхъ дномъ. Съ самыми благими намѣреніями, завелъ онъ всякія нововведенія — и все невпопадъ. Выписалъ новыхъ преподавателей, съ новыми взглядами и новыми точками воззрѣній. Читали они учено, забросали слушателей множествомъ новыхъ терминовъ и словъ; была и ученость, и слѣдованье за новыми открытіями, но, увы! не было только жизни въ самой наукѣ. Мертвечиной стало все это казаться въ глазахъ уже начинавшихъ понимать слушателей. Все пошло навыворотъ. Но хуже всего было то, что потерялось уваженье къ начальству и власти: стали насмѣхаться и надъ наставниками, и надъ преподавателями, директора стали называть Ѳедькой, булкой и другими разными именами; завелись такія дѣла, что нужно было многихъ выключить и выгнать.

Андрей Ивановичъ былъ нрава тихаго. Онъ не участвовалъ въ ночныхъ оргіяхъ съ товарищами, которые, несмотря на строжайшій присмотръ, завели на сторонѣ любовницу, — одну на восемь человѣкъ, — ни даже въ другихъ шалостяхъ, доходившихъ до кощунства и насмѣшекъ надъ самою религіей изъ-за того только, что директоръ требовалъ частаго хожденья въ церковь. Но онъ повѣсилъ носъ. Честолюбіе было возбуждено въ немъ сильно, а дѣятельности и поприща ему не было. Лучше бъ было и не возбуждать его! Онъ слушалъ горячившихся на каѳедрѣ профессоровъ и вспоминалъ прежняго наставника, который, не горячась, умѣлъ говорить понятно. Онъ слушалъ и химію, и философію правъ, и профессорскія углубленія во всѣ тонкости политическихъ наукъ, и всеобщую исторію человѣчества въ такомъ огромномъ видѣ, что профессоръ въ три года успѣлъ только прочесть введеніе да развитіе общинъ какихъ то нѣмецкихъ городовъ[1]; но все это оставалось въ головѣ его какими то безобразными клочками. Благодаря природному уму, онъ чувствовалъ только, что не такъ должно преподаваться, а какъ — не зналъ. И вспоминалъ онъ часто объ Александрѣ Петровичѣ, и ему бывало такъ грустно, что не зналъ онъ, куда дѣться отъ тоски.

Но у молодости есть будущее. По мѣрѣ того, какъ приближалось время къ выпуску, сердце у него билось. Онъ говорилъ себѣ: „Вѣдь это еще не жизнь; это только приготовленье къ жизни: настоящая жизнь на службѣ; тамъ подвиги“. И, по обычаю всѣхъ честолюбцевъ, понесся онъ въ Петербургъ, куда, какъ извѣстно, стремится

[1] Намекъ на Грановскаго.

ото всѣхъ сторонъ Россіи наша пылкая молодежь — служить, блистать, выслуживаться, или же, просто, схватывать вершки безцвѣтнаго, холоднаго, какъ ледъ, общественнаго обманчиваго образованья. Честолюбивое стремленіе Андрея Ивановича осадилъ, однакоже, съ самаго начала его дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ Онуфрій Ивановичъ. Онъ объявилъ, что главное дѣло — въ хорошемъ почеркѣ, а не въ чемъ-либо другомъ, что безъ этого не попадешь ни въ министры, ни въ государственные люди; а Тентетниковъ писалъ тѣмъ самымъ письмомъ, о которомъ говорятъ: „Писала сорока лапой, а не человѣкъ“. Съ большимъ трудомъ и съ помощью дядиныхъ протекцій, проведя два мѣсяца въ каллиграфическихъ урокахъ, досталъ онъ, наконецъ, мѣсто списывателя бумагъ въ какомъ то департаментѣ. Когда взошелъ онъ въ свѣтлый залъ, гдѣ за письменными лакированными столами сидѣли пишущіе господа, шумя перьями и наклоня голову на-бокъ, и когда посадили его самого, предложа ему тутъ же переписать какую то бумагу, — необыкновенно странное чувство его проникнуло. Ему на время показалось, какъ бы онъ очутился въ какой то малолѣтней школѣ, затѣмъ, чтобы сызнова учиться азбукѣ. Сидѣвшіе вокругъ его господа показались ему такъ похожими на учениковъ! Иные изъ нихъ читали романъ, засунувъ его въ большіе листы разбираемаго дѣла, какъ бы занимались они самымъ дѣломъ, и въ то же время вздрагивая при всякомъ появленьи начальника. Ему вдругъ представилось, какъ невозвратно-потерянный рай, школьное время его: такъ высокими сдѣлались вдругъ занятья ученьемъ передъ этимъ мелкимъ письменнымъ занятьемъ! Какъ это учебное приготовленье къ службѣ казалось ему теперь выше самой службы! И вдругъ предсталъ въ его мысляхъ, какъ живой, его, ни съ кѣмъ несравненный, чудесный воспитатель, никѣмъ незамѣнимый Александръ Петровичъ, и въ три ручья потекли вдругъ слезы изъ глазъ его, закружилась комната, потемнѣли столы, перемѣшались чиновники, и чуть не упалъ онъ отъ мгновеннаго потемнѣнья. „Нѣтъ“, сказалъ онъ въ себѣ, очнувшись: „примусь за дѣло, какъ бы оно ни казалось вначалѣ мелкимъ!“ Скрѣпясь духомъ и сердцемъ, рѣшился онъ служить по примѣру прочихъ.

Гдѣ не бываетъ наслажденій? Живутъ они и въ Петербургѣ, несмотря на суровую, сумрачную его наружность. Трещитъ по улицамъ сердитый тридцатиградусный морозъ, визжитъ отчаяннымъ бѣсомъ вѣдьма-вьюга, нахлобучивая на голову воротники шубъ и шинелей, пудря усы людей и морды скотовъ; но привѣтливо свѣ-

титъ вверху окошко гдѣ-нибудь, даже и въ четвертомъ этажѣ; въ уютной комнатѣ, при скромныхъ стеариновыхъ свѣчкахъ, подъ шумокъ самовара, ведется согрѣвающій и сердце, и душу разговоръ, читается вдохновенная, свѣтлая страница поэта, какими наградилъ Богъ свою Россію, и такъ возвышенно-пылко трепещетъ молодое сердце юноши, какъ не случается нигдѣ въ другихъ земляхъ и подъ полуденнымъ роскошнымъ небомъ.

Скоро Тѣнтѣтниковъ свыкнулся съ службою, но только она сдѣлалась у него не первымъ дѣломъ и цѣлью, какъ онъ полагалъ было вначалѣ, но чѣмъ то вторымъ. Она служила ему лучшимъ распредѣленьемъ времени, заставивъ его болѣе дорожить остававшимися минутами. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, начиналъ было думать, что въ племянникѣ будетъ прокъ, какъ вдругъ племянникъ подгадилъ. Надобно сказать, что въ числѣ друзей Андрея Ивановича попалось два человѣка, которые были то, что называется, огорченные люди. Это были тѣ безпокойно-странные характеры, которые не могутъ переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется въ ихъ глазахъ несправедливостью. Добрые по началу, безпорядочные сами въ своихъ дѣйствіяхъ, они исполнены нетерпимости къ другимъ Пылкая рѣчь ихъ и благородный образъ негодованья подѣйствовали на него сильно. Разбудивши въ немъ нервы и духъ раздражительности, они заставили замѣчать всѣ тѣ мелочи, на которыя онъ прежде и не думалъ обращать вниманіе. Ѳедоръ Николаичъ [1] Лѣницынъ, начальникъ того отдѣленья, въ которомъ онъ числился, человѣкъ наипріятнѣйшей наружности, вдругъ ему не понравился. Онъ сталъ отыскивать въ немъ бездну недостатковъ и возненавидѣлъ его за то, будто бы онъ выражалъ въ лицѣ своемъ черезчуръ много сахару, когда говорилъ съ высшимъ, и тутъ же, оборотившись къ низшему, становился весь уксусъ. „Я бы ему простилъ“, говорилъ Тѣнтѣтниковъ: „еслибы эта перемѣна происходила не такъ скоро въ его лицѣ; но какъ тутъ же, при моихъ глазахъ, и сахаръ, и уксусъ въ одно и то же время!“ Съ этихъ поръ онъ сталъ замѣчать всякій шагъ. Ему казалось, что и важничалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ уже черезчуръ, что имѣлъ даже всѣ замашки мелкихъ начальниковъ, бралъ на замѣчанье тѣхъ, которые не являлись къ нему съ поздравленьемъ въ праздники, даже мстилъ

[1] Дальше — „Ѳедоръ Ѳедоровичъ“.

всѣмъ тѣмъ, которыхъ имена не находились у швейцара на листѣ, и множество разныхъ тѣхъ грѣшныхъ принадлежностей, безъ которыхъ не обходится ни добрый, ни злой человѣкъ. Онъ чувствовалъ къ нему отвращенье нервическое. Какой то злой духъ толкалъ его сдѣлать что-нибудь непріятное Ѳедору Ѳедоровичу. Онъ наискивался на это съ какимъ то особымъ наслажденіемъ, и въ томъ успѣлъ Разъ поговорилъ онъ съ нимъ до такой степени крупно, что ему объявлено было отъ начальства — или просить извиненія, или выходить въ отставку. Онъ подалъ въ отставку. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, пріѣхалъ къ нему перепуганный и умоляющій.

— Ради Самого Христа, помилуй, Андрей Иванович! Что это ты дѣлаешь? Оставлять такъ выгодно начатый карьеръ изъ-за того только, что попался начальникъ не того!.. Что жъ это? Вѣдь если на это глядѣть, тогда и въ службѣ никто бы не остался. Образумься, образумься... еще есть время. Отринь гордость, самолюбье, поѣзжай и объяснись съ нимъ!

— Не въ томъ дѣло, дядюшка, — сказалъ племянникъ. — Мнѣ не трудно попросить у него извиненья, тѣмъ болѣе, что я, точно, виноватъ: онъ мнѣ начальникъ, и мнѣ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало такъ говорить съ нимъ. Но дѣло вотъ въ чемъ: вы позабыли, что у меня есть другая служба: у меня триста душъ крестьянъ, имѣнье въ разстройствѣ, а управляющій — дуракъ. Государству утраты немного, если вмѣсто меня сядетъ въ канцелярію другой переписывать бумагу, но большая утрата, если триста человѣкъ не заплатятъ податей. Я помѣщикъ: званье это также не бездѣльно. Если я позабочусь о сохраненьи, сбереженьи и улучшеньи ввѣренныхъ мнѣ людей и представлю государству триста трезвыхъ, работящихъ подданныхъ, — чѣмъ моя служба будетъ хуже службы какого-нибудь начальника отдѣленія Лѣницына?

Дѣйствительный статскій совѣтникъ остался съ открытымъ ртомъ отъ изумленья: такого потока словъ онъ не ожидалъ. Немного подумавши, началъ онъ было въ такомъ родѣ:

— Но все же таки... но какъ же таки?.. какъ же запропастить себя въ деревнѣ? Какое же общество можетъ быть между мужичьемъ? Здѣсь все таки на улицѣ пройдетъ мимо тебя генералъ, или князь. Захочешь и самъ пройдешь мимо какихъ-нибудь публичныхъ красивыхъ зданій, на Неву пойдешь взглянуть; а вѣдь тамъ, что ни попадется, — все это или мужикъ, или

баба. За что жъ себя осудить на невѣжество на всю жизнь свою?

Такъ говорилъ дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ. Самъ же онъ во всю жизнь свою не ходилъ по другой улицѣ, кромѣ той, которая вела къ мѣсту его службы, гдѣ не было никакихъ публичныхъ красивыхъ зданій; не замѣчалъ никого изъ встрѣчныхъ, былъ ли онъ генералъ, или князь; не вѣдалъ никакихъ прихотей, какія дразнятъ въ столицахъ людей, падкихъ на невоздержанье, и даже отъ роду не былъ въ театрѣ. Все это онъ говорилъ единственно затѣмъ, чтобы затеребить честолюбіе и подѣйствовать на воображенье молодого человѣка. Въ этомъ, однакоже, не успѣлъ: Тѣнтѣтниковъ стоялъ на своемъ упрямо. Департаменты и столица стали ему надоѣдать. Деревня начинала представляться какимъ то привольнымъ пріютомъ, воспоительницею думъ и помышленій, единственнымъ поприщемъ полезной дѣятельности. Черезъ недѣли двѣ послѣ этого разговора былъ онъ уже вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ протекло его дѣтство.

Какъ стало все припоминаться, какъ забилось его сердце, когда почувствовалъ, что онъ уже вблизи отцовской деревни! Онъ уже многія мѣста позабылъ вовсе и смотрѣлъ любопытно, какъ новичокъ, на прекрасные виды. Когда дорога понеслась узкимъ оврагомъ въ чащу огромнаго заглохнувшаго лѣса, и онъ увидѣлъ вверху, внизу, надъ собой и подъ собой, трехсотлѣтніе дубы, тремъ человѣкамъ въ обхватъ, вперемежку съ пихтой, вязомъ и осокоромъ, перераставшимъ вершину тополя, и когда на вопросъ: „чей лѣсъ?“ ему сказали: „Тѣнтѣтникова“; когда, выбравшись изъ лѣса, понеслась дорога лугами, мимо осиновыхъ рощъ, молодыхъ и старыхъ ивъ и лозъ, въ виду тянувшихся вдали возвышеній, и перелетѣла мостами въ разныхъ мѣстахъ одну и ту же рѣку, оставляя ее то вправо, то влѣво отъ себя, и когда на вопросъ: „чьи луга и поемныя мѣста?“ отвѣчали: „Тѣнтѣтникова“; когда поднялась потомъ дорога на гору и пошла по ровной возвышенности — съ одной стороны мимо неснятыхъ хлѣбовъ, пшеницы, ржи и ячменя, съ другой же стороны мимо всѣхъ прежде проѣханныхъ имъ мѣстъ, которыя всѣ вдругъ и разомъ показались въ картинномъ отдаленіи, и когда, постепенно темнѣя, входила и вошла потомъ дорога подъ тѣнь широкихъ развилистыхъ деревъ, размѣстившихся вразсыпку по зеленому ковру до самой деревни, и замелькали кирченныя [1] избы мужиковъ и крытыя красными крышами

[1] Гладко вытесанныя.

господскія строенія; когда пылко забившееся сердце и безъ вопроса знало, куды пріѣхало, — ощущенья и мысли, непрестанно накоплявшіяся, исторгнулись, наконецъ, почти такими словами: „Ну, не дуракъ ли я былъ доселѣ? Судьба назначила мнѣ быть обладателемъ земного рая, принцемъ, а я закабалилъ себя въ канцелярію писцомъ! Учившись, воспитавшись, просвѣтившись, сдѣлавши порядочный запасъ тѣхъ именно свѣдѣній, какія требуются для управленія людьми, улучшенія цѣлой области, для исполненія многообразныхъ обязанностей помѣщика, являющагося и судьей, и распорядителемъ, и блюстителемъ порядка, ввѣрить это мѣсто невѣжѣ-управителю! И выбрать вмѣсто этого что же? — переписыванье бумагъ, что можетъ несравненно лучше производить ничему не учившійся кантонистъ!“ И еще разъ далъ себѣ названіе дурака Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ.

А между тѣмъ его ожидало другое зрѣлище. Узнавши о пріѣздѣ барина, населенье всей деревни собралося къ крыльцу. Пестрые платки, повязки, повойники [1], зипуны, бороды всѣхъ сортовъ: заступомъ, лопатой и клиномъ, рыжія, русыя и бѣлыя, какъ серебро, покрыли всю площадь. Мужики загремѣли:

— Кормилецъ, дождались мы тебя!

Бабы заголосили:

— Золото, серебро ты сердечное!

Стоявшіе подалѣ даже подрались отъ усердія продраться. Дряблая старушонка, похожая на сушеную грушу, прошмыгнула промежъ ногъ другихъ, подступила къ нему, всплеснула руками и взвизгнула:

— Соплюнчикъ ты нашъ! да какой же ты жиденькій! изморила тебя окаянная нѣмчура!

— Пошла ты, баба! — закричали ей тутъ же бороды заступомъ, лопатой и клиномъ, — ишь куды полѣзла, корявая!

Кто то приворотилъ къ этому такое словцо, отъ котораго одинъ только русскій мужикъ могъ не засмѣяться. Баринъ не выдержалъ и разсмѣялся, но тѣмъ не менѣе онъ тронутъ былъ глубоко въ душѣ своей. „Столько любви! и за что?“ думалъ онъ въ себѣ. „За то, что я никогда не видалъ ихъ, никогда не занимался ими! Отнынѣ же даю слово раздѣлить съ вами труды и занятья ваши! Употреблю все, чтобы помочь вамъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ вы должны быть, чѣмъ вамъ назначила быть ваша добрая, внутри васъ же самихъ заключен-

[1] Женскій головной уборъ.

ная природа ваша, — чтобы не даромъ была любовь ваша ко мнѣ, чтобы я, точно, былъ кормилецъ вашъ!"

И дѣйствительно, Тѣнтѣтниковъ не шутя принялся хозяйничать и распоряжаться. Онъ увидѣлъ на мѣстѣ, что приказчикъ былъ, точно, баба и дуракъ со всѣми качествами дрянного приказчика, то есть, велъ аккуратно счетъ куръ и яицъ, пряжи и полотна, приносимыхъ бабами, но не зналъ ни бельмеса въ уборкѣ хлѣба и посѣвахъ и, въ прибавленіе ко всему, подозрѣвалъ всѣхъ мужиковъ въ покушеньи на жизнь свою. Дурака приказчика онъ выгналъ, на мѣсто его выбралъ другого, бойкаго; оставилъ мелочи, обратилъ вниманье на главныя части, уменьшилъ барщину, убавилъ дни работы на себя, прибавилъ времени мужикамъ работать на нихъ самихъ и думалъ, что теперь дѣла пойдутъ наиотличнѣйшимъ порядкомъ. Самъ сталъ входить во все, показываться на поляхъ, на гумнѣ, въ овинахъ, на мельницахъ, у пристани, при грузкѣ и сплавкѣ барокъ и плоскодоновъ.

— Да онъ, вишь ты, востроногій! — стали говорить мужики и даже почесывать въ затылкахъ, потому что отъ долговременнаго бабьяго управленія они всѣ изрядно поизлѣнились. Но это продолжалось не долго. Русскій мужикъ смѣтливъ и уменъ: онъ понялъ скоро, что баринъ хоть и прытокъ, и есть въ немъ охота взяться за многое, но какъ именно, какимъ образомъ взяться, этого еще не смыслитъ, говоритъ какъ то чрезчуръ грамотно и затѣйливо, мужику не въ долбежъ и не въ науку. Вышло то, что баринъ и мужикъ какъ то не то, чтобы совершенно не поняли другъ друга, но, просто, не спѣлись вмѣстѣ, не приспособились выводить одну и ту же ноту. Тѣнтѣтниковъ сталъ замѣчать, что на господской землѣ все выходило какъ то хуже, чѣмъ на мужичьей: сѣялось раньше, всходило позже. А работали, казалось, хорошо: онъ самъ присутствовалъ и приказалъ выдать даже по чапорухѣ водки за усердные труды. У мужиковъ давно уже колосилась рожь, высыпался овесъ, кустилось просо, а у него едва начиналъ только идти хлѣбъ въ трубку, пятка колоса еще не завязывалась. Словомъ, сталъ замѣчать баринъ, что мужикъ, просто, плутуетъ, несмотря на всѣ льготы. Попробовалъ было укорить, но получилъ такой отвѣтъ:

— Какъ можно, баринъ, чтобы мы о господской, то есть, выгодѣ не радѣли? Сами изволили видѣть, какъ старались, когда пахали и сѣяли: по чапорухѣ водки приказали подать.

Что было на это возражать?

— Да отчего жъ теперь вышло скверно? — допрашивалъ баринъ.

— Кто его знаетъ! Видно, червь подъѣлъ снизу! Да и лѣто, вишь ты, какое: совсѣмъ дождей не было.

Но баринъ видѣлъ, что у мужиковъ червь не подъѣдалъ снизу, да и дождь шелъ какъ то странно, полосою: мужику угодилъ, а на барскую ниву хоть бы каплю выронилъ. Еще труднѣй ему было ладить съ бабами. То и дѣло отпрашивались онѣ отъ работъ, жалуясь на тягость барщины. Странное дѣло! Онъ уничтожилъ вовсе всякіе приносы холста, ягодъ, грибовъ и орѣховъ, наполовину сбавилъ съ нихъ другихъ работъ, думая, что бабы обратятъ это время на домашнее хозяйство, обошьютъ, одѣнутъ своихъ мужей, умножатъ огороды. Не тутъ то было! Праздность, драка, сплетни и всякія ссоры завелись между прекраснымъ поломъ такія, что мужья то и дѣло приходили къ нему съ такими словами:

— Баринъ, уйми бѣса-бабу! Точно чортъ какой! житья нѣтъ отъ ней!

Нѣсколько разъ, скрѣпя свое сердце, хотѣлъ онъ приняться за строгость. Но какъ быть строгимъ? Баба приходила такой бабой, такъ развизгивалась, такая была хворая, больная, такихъ скверныхъ, гадкихъ наворачивала на себя тряпокъ! (Ужъ откуда она ихъ набирала, Богъ ее вѣсть.)

— Ступай, ступай себѣ только съ глазъ моихъ подальше! — говорилъ бѣдный Тѣнтѣтниковъ и вослѣдъ затѣмъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ баба тутъ же, вышедъ за ворота, схватывалась съ сосѣдкой за какую-нибудь рѣпу и, несмотря на свою хворость, такъ обламывала ей бока, какъ не сумѣетъ и здоровый мужикъ. Вздумалъ онъ было какую то школу между ними завести, но отъ этого вышла такая чепуха, что онъ и голову повѣсилъ, — лучше было и не задумывать! Все это значительно охладило его рвенье и къ хозяйству, и къ разбирательному судейскому дѣлу, и вообще къ дѣятельности. При работахъ онъ уже присутствовалъ почти безъ вниманья: мысли были далеко, глаза отыскивали посторонніе предметы. Во время покосовъ не глядѣлъ онъ на быстрое подыманье шестидесяти разомъ косъ и мѣрное паденье подъ ними, рядами, высокой травы; онъ глядѣлъ, вмѣсто того, на какой-нибудь въ сторонѣ извивъ рѣки, по берегамъ которой ходилъ красноносый, красноногій мартынъ — разумѣется, птица, а не человѣкъ; онъ глядѣлъ, какъ этотъ мартынъ, поймавъ рыбу, держалъ ее впоперекъ въ носу, раздумывая, глотать или

не глотать, и глядя въ то же время пристально вдоль рѣки, гдѣ виденъ былъ другой мартынъ, еще не поймавшій рыбы, но глядѣвшій на мартына, уже поймавшаго рыбу. Во время уборки хлѣбовъ не глядѣлъ онъ на то, какъ складывали снопы копнами, крестами, а иногда и просто шишомъ; ему не было дѣла до того, лѣниво или шибко метали стога и клали клади. Зажмуря глаза и приподнявъ голову кверху, къ пространствамъ небеснымъ, предоставлялъ онъ обонянью впивать запахъ полей, а слуху — поражаться голосами воздушнаго пѣвучаго населенія, когда оно отовсюду, отъ небесъ и отъ земли, соединяется въ одинъ хоръ, не переча другъ другу: бьетъ перепелъ, дергаетъ въ травѣ дергунъ, урчатъ и чиликаютъ перелетающія коноплянки, по невидимой воздушной лѣстницѣ сыплются трели жаворонковъ, и турлыканье журавлей, несущихся въ сторонѣ вереницею, — точный звонъ серебряныхъ трубъ, — слышится въ пустотѣ звонко сотрясающейся пустыни воздушной. Вблизи ли производилась работа — онъ былъ вдали отъ нея; была ли она вдали — его глаза отыскивали, что было поближе. И былъ онъ похожъ на того разсѣяннаго ученика, который глядитъ въ книгу, но въ то же время видитъ и фигу, подставленную ему товарищемъ. Наконецъ, и совсѣмъ пересталъ онъ ходить на работы, бросилъ совершенно и судъ, и всякія расправы, засѣлъ въ комнаты и пересталъ принимать къ себѣ даже, съ докладами, приказчика.

Временами изъ сосѣдей завернетъ къ нему, бывало, отставной гусаръ-поручикъ, прокуренный насквозь трубочный куряка, или брандеръ-полковникъ, мастеръ и охотникъ на разговоры обо всемъ. Но и это стало ему надоѣдать. Разговоры ихъ начали ему казаться какъ то поверхностными; живое, ловкое обращенье, потрепки по колѣну и прочія развязности начали ему казаться уже черезчуръ прямыми и открытыми. Онъ рѣшился съ ними раззнакомиться и произвелъ это даже довольно рѣзко. Именно, когда представитель всѣхъ полковниковъ-брандеровъ, наипріятнѣйшій во всѣхъ поверхностныхъ разговорахъ обо всемъ, Варваръ Николаичъ Вишнепокромовъ, пріѣхалъ къ нему затѣмъ именно, чтобы наговориться вдоволь, коснувшись и политики, и философіи, и литературы, и морали, и даже состоянья финансовъ въ Англіи, онъ выслалъ сказать, что его нѣтъ дома, и въ то же время имѣлъ неосторожность показаться передъ окошкомъ. Гость и хозяинъ встрѣтились взорами. Одинъ, разумѣется, проворчалъ сквозь зубы: „скотина!“, другой послалъ ему тоже нѣчто въ родѣ свиньи. Такъ и кончилось знакомство. Съ тѣхъ поръ

не заѣзжалъ къ нему никто. Уединенье полное водворилось въ домѣ. Хозяинъ залѣзъ въ халатъ безвыходно, предавши тѣло бездѣйствію, а мысль — обдумыванью большого сочиненья о Россіи. Какъ обдумывалось это сочиненіе, читатель уже видѣлъ. День приходилъ и уходилъ однообразный и безцвѣтный. Нельзя сказать, однакоже, чтобы не было минутъ, въ которыя какъ будто пробуждался онъ ото сна. Когда привозила почта газеты, новые книги и журналы, и попадалось ему въ печати знакомое имя прежняго товарища, уже преуспѣвавшаго на видномъ поприщѣ государственной службы или приносившаго посильную дань наукамъ и образованью всемірному, тайная тихая грусть подступала ему подъ сердце, и скорбная, безмолвно-грустная, тихая жалоба на бездѣйствіе свое прорывалась невольно. Тогда противной и гадкой казалась ему жизнь его. Съ необыкновенной силою воскресало предъ нимъ школьное минувшее время, и представалъ вдругъ, какъ живой, Александръ Петровичъ... Градомъ лились изъ глазъ его слезы, и рыданья продолжались почти весь день.

Что значили эти рыданья? Обнаруживала ли ими болѣющая душа скорбную тайну своей болѣзни, что не успѣлъ образоваться и окрѣпнуть начинавшій въ немъ строиться высокій внутренній человѣкъ; что, неиспытанный заранѣ въ борьбѣ съ неудачами, не достигнулъ онъ до высокаго состоянья возвышаться и крѣпнуть отъ преградъ и препятствій; что, растопившись, подобно разогрѣтому металлу, богатый запасъ великихъ ощущеній не принялъ послѣдней закалки, и теперь, безъ упругости, безсильна его воля; что слишкомъ для него рано умеръ (чудный) необыкновенный наставникъ, и что нѣтъ теперь никого во всемъ свѣтѣ, кто бы былъ въ силахъ воздвигнуть и поднять шатаемыя вѣчными колебаньями силы и лишенную упругости (или слабую), немощную волю, — кто бы крикнулъ живымъ, пробуждающимъ голосомъ, — крикнулъ душѣ пробуждающее слово: впередъ! котораго жаждетъ повсюду, на всѣхъ ступеняхъ стоящій, всѣхъ сословій, званій и промысловъ, русскій человѣкъ?

Гдѣ же тотъ, кто бы на родномъ языкѣ русской души нашей умѣлъ бы намъ сказать это всемогущее слово: впередъ? кто, зная всѣ силы, и свойства, и всю глубину нашей природы, однимъ чародѣйнымъ мановеньемъ могъ бы устремить на высокую жизнь русскаго человѣка? Какими слезами, какой любовью заплатилъ бы ему! Но вѣки проходятъ за вѣками; полмилліона сид-

ней, увальней и байбаковъ дремлетъ непробудно, и рѣдко раждается на Руси мужъ, умѣющій произносить его, это всемогущее слово.

Одно обстоятельство чуть было, однакоже, не разбудило Тѣнтѣтникова и чуть было не произвело переворота въ его характерѣ. Случилось что то въ родѣ любви, но и тутъ дѣло какъ то свелось на ничего. Въ сосѣдствѣ, въ десяти верстахъ отъ его деревни, проживалъ генералъ, отзывавшійся, какъ мы уже видѣли, не совсѣмъ благосклонно о Тѣнтѣтниковѣ. Генералъ жилъ генераломъ, хлѣбосольствовалъ, любилъ, чтобы сосѣди пріѣзжали изъявлять ему почтенье; самъ, разумѣется, визитовъ не платилъ, говорилъ хрипло, читалъ книги и имѣлъ дочь, существо невиданное, странное, которую скорѣй можно было почесть какимъ то фантастическимъ видѣніемъ, чѣмъ женщиной. Иногда случается человѣку во снѣ увидѣть что то подобное, и съ тѣхъ поръ онъ уже во всю жизнь свою грезитъ этимъ сновидѣньемъ (дѣйствительность для него пропадаетъ навсегда), — и онъ рѣшительно ни на что не годится. Имя ей было Улинька. Воспиталась она какъ то странно. Ее воспитывала англичанка-гувернантка, не знавшая ни слова по-русски. Матери лишилась она еще въ дѣтствѣ. Отцу было некогда. Впрочемъ, любя дочь до безумія, онъ могъ только избаловать ее. Необыкновенно трудно изобразить портретъ ея. Это было что то живое, какъ сама жизнь. Она была миловиднѣй, чѣмъ красавица; лучше, чѣмъ умъ; стройнѣй, воздушнѣй классической женщины. Никакъ бы нельзя было сказать, какая страна положила на ней свой отпечатокъ, потому что подобнаго профиля и очертанья лица трудно было гдѣ-нибудь отыскать, развѣ только на античныхъ камеяхъ. Какъ въ ребенкѣ, воспитанномъ на свободѣ, въ ней было все своенравно. Еслибы кто увидалъ, какъ внезапный гнѣвъ собиралъ вдругъ строгія морщины на прекрасномъ челѣ ея, и какъ она спорила пылко съ отцомъ своимъ, онъ бы подумалъ, что это было капризнѣйшее созданье. Но гнѣвъ бывалъ у нея только тогда, когда она слышала о какой бы то ни было несправедливости или жестокомъ поступкѣ съ кѣмъ бы то ни было. Но какъ вдругъ исчезнулъ бы этотъ гнѣвъ, еслибы она увидѣла того самаго, на кого гнѣвалась, въ несчастіи! Какъ бы вдругъ бросила она ему свой кошелекъ, не размышляя, умно ли это, или глупо, и разорвала на себѣ платье для перевязки, еслибъ онъ былъ раненъ! Было въ ней что то стремительное. Когда она говорила, у ней, казалось, все стремилось вслѣдъ за мыслью: выраженье лица, выраженье разговора, движенье рукъ; самыя складки

платья какъ бы летѣли въ ту же сторону, и, казалось, какъ бы она сама вотъ улетитъ вослѣдъ за собственными ея словами. Ничего не было въ ней утаеннаго. Ни предъ кѣмъ не побоялась бы она обнаружить своихъ мыслей, и никакая сила не могла бы ее заставить молчать, когда ей хотѣлось говорить. Ея очаровательная, особенная, принадлежавшая ей одной походка была до того безтрепетно-свободна, что все ей уступало бы невольно дорогу. При ней какъ то смущался недобрый человѣкъ и нѣмѣлъ, а добрый, даже самый застѣнчивый, могъ разговориться съ нею вдругъ, какъ съ сестрой, и — странный обманъ! — съ первыхъ минутъ разговора ему уже казалось, что гдѣ то и когда то онъ зналъ ее, что случилось это во дни какого то незапамятнаго младенчества, въ какомъ то родномъ домѣ, веселымъ вечеромъ, при радостныхъ играхъ дѣтской толпы, и послѣ того какъ то становился ему скучнымъ разумный возрастъ человѣка.

Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ не могъ бы никакъ разсказать, какъ это случилось, что съ перваго же дни онъ сталъ съ ней такъ, какъ бы знакомъ былъ вѣчно. Неизъяснимое, новое чувство вошло къ нему въ душу. Его жизнь на мгновенье озарилась. Халатъ на время былъ оставленъ, не такъ долго копался онъ на кровати, не такъ долго стоялъ Михайло съ рукомойникомъ въ рукахъ. Растворялись окна въ комнатахъ, и часто владѣтель картиннаго помѣстья долго ходилъ по темнымъ излучинамъ своего сада и останавливался по часамъ передъ плѣнительными видами на отдаленья. Генералъ принималъ сначала Тѣнтѣтникова довольно хорошо и радушно; но совершенно сойтись они не могли. Разговоры у нихъ всегда оканчивались споромъ и какимъ то непріятнымъ ощущеньемъ съ обѣихъ сторонъ. Генералъ не любилъ противорѣчья и возраженья, хотя въ то же время любилъ поговорить даже и о томъ, чего не зналъ вовсе. Тѣнтѣтниковъ, съ своей стороны, тоже былъ человѣкъ щекотливый. Впрочемъ, ради дочери, прощалось многое отцу, и миръ у нихъ держался до тѣхъ поръ, покуда не пріѣхали гостить къ генералу родственницы, графиня Болдырева и княжна Юзякина: одна — вдова, другая — старая дѣва, обѣ фрейлины прежнихъ временъ, отчасти болтуньи, отчасти сплетницы, не весьма обворожительныя любезностью своей, но, однакоже, имѣвшія значительныя связи въ Петербургѣ, и передъ которыми генералъ немножко даже подличалъ. Тѣнтѣтникову показалось, что, съ самаго дня пріѣзда ихъ, генералъ сталъ къ нему какъ то холоднѣе, почти не замѣчалъ его и обращался, какъ съ лицомъ безсло-

веснымъ или съ чиновникомъ, употребляемымъ для переписки, самымъ мелкимъ. Онъ говорилъ ему то братецъ, то любезнѣйшій, и одинъ разъ сказалъ ему даже ты. Андрея Ивановича взорвало; кровь бросилась ему въ голову. Скрѣпя сердце и стиснувъ зубы, онъ, однакоже, имѣлъ присутствіе духа сказать необыкновенно учтивымъ и мягкимъ голосомъ, между тѣмъ какъ пятна выступили на лицѣ его, и все внутри кипѣло: „Я долженъ благодарить васъ, генералъ, за ваше расположеніе. Вы приглашаете и вызываете меня словомъ ты на самую тѣсную дружбу, обязывая и меня также говорить вамъ ты. Но позвольте вамъ замѣтить, что я помню различіе наше въ лѣтахъ, совершенно препятствующее такому фамиліарному между нами обращенію". Генералъ смутился. Собирая слова и мысли, сталъ онъ говорить, хотя нѣсколько несвязно, что слово ты было имъ сказано не въ томъ смыслѣ, что старику иной разъ позволительно сказать молодому человѣку ты (о чинѣ своемъ онъ не упомянулъ ни слова). Разумѣется, съ этихъ поръ знакомство между ними прекратилось. Любовь кончилась при самомъ началѣ; потухнулъ свѣтъ, на минуту было передъ нимъ блеснувшій, и послѣдовавшія за нимъ сумерки стали еще сумрачнѣй. Байбакъ сызнова залѣзъ въ халатъ свой. Все поворотило сызнова на лежанье и бездѣйствіе. Въ домѣ завелись гадость и безпорядокъ: половая щетка оставалась по цѣлому дню посреди комнаты вмѣстѣ съ соромъ; панталоны заходили даже въ гостиную; на щеголеватомъ столѣ, передъ диваномъ, лежали засаленныя подтяжки, точно угощенье гостю. И до того стала ничтожной и сонной его жизнь, что не только перестали уважать его дворовые люди, но даже чуть не клевали домашнія куры. Безсильно чертилъ онъ на бумагѣ, по цѣлымъ часамъ, рогульки, домики, избы, телѣги, тройки, или же выписывалъ Милостивый Государь! съ восклицательнымъ знакомъ всѣми почерками и характерами. А иногда же, все позабывши, перо чертило само собой, безъ вѣдома хозяина, маленькую головку, съ тонкими, острыми чертами, съ приподнятой легкой прядью волосъ, упадавшей изъ-подъ гребня длинными тонкими кудрями, молодыми обнаженными руками, какъ бы летѣвшую, — и въ изумленьи видѣлъ хозяинъ, что выходилъ портретъ той, съ которой портрета не могъ бы написать никакой живописецъ. И еще грустнѣе становилось ему потомъ, и, вѣря тому, что нѣтъ на землѣ счастья, оставался онъ на цѣлый день скучнымъ и безотвѣтнымъ.

Таковы были обстоятельства Андрея Ивановича Тѣн-

тѣтникова. Вдругъ въ одинъ день, подходя къ окну обычнымъ порядкомъ, съ трубкой и чашкой въ рукахъ, замѣтилъ онъ во дворѣ движенье и нѣкоторую суету. Поварченокъ и поломойка бѣжали отворять ворота, и въ воротахъ показались кони, точь-въ-точь, какъ лѣпятъ или рисуютъ ихъ на тріумфальныхъ воротахъ: морда направо, морда налѣво, морда посерединѣ. Свыше ихъ, на козлахъ — кучеръ и лакей въ широкомъ сюргукѣ, подвязанный носовымъ платкомъ; за ними господинъ въ картузѣ и шинели, закутанный въ косынку радужныхъ цвѣтовъ. Когда экипажъ изворотился передъ крыльцомъ, оказалось, что былъ онъ не что другое, какъ рессорная легкая бричка. Господинъ необыкновенно приличной наружности соскочилъ на крыльцо съ быстротой и ловкостью почти военнаго человѣка.

Андрей Ивановичъ струсилъ. Онъ принялъ его за чиновника отъ правительства. Надобно сказать, что въ молодости своей онъ было замѣшался въ одно неразумное дѣло. Какіе то философы изъ гусаръ, да недоучившійся студентъ, да промотавшійся игрокъ затѣяли какое то филантропическое общество, подъ верховнымъ распоряженіемъ стараго плута и масона, и карточнаго игрока, пьяницы и краснорѣчивѣйшаго человѣка. Общество было устроено съ необыкновенно обширной цѣлью — доставить счастіе всему человѣчеству. Касса денегъ потребовалась огромная, пожертвованья собирались съ великодушныхъ членовъ неимовѣрныя. Куда это все пошло — зналъ объ этомъ только одинъ верховный распорядитель. Въ общество это втянули его два пріятеля, принадлежавшіе къ классу огорченныхъ людей, добрые люди, но которые отъ частыхъ тостовъ во имя науки, просвѣщенья и прогресса сдѣлались потомъ горькими пьяницами. Тѣнтѣтниковъ скоро спохватился и выбылъ изъ этого круга. Но общество успѣло уже запутаться въ какихъ то другихъ дѣйствіяхъ, даже не совсѣмъ приличныхъ дворянину, такъ что потомъ завязались дѣла и съ полиціей... А потому не мудрено, что и вышедши, и разорвавши всякія сношенія съ благодѣтелемъ человѣчества, Тѣнтѣтниковъ не могъ, однакоже, оставаться покоенъ: на совѣсти у него было не совсѣмъ ловко. И теперь не безъ страха глядѣлъ онъ на долженствовавшую раствориться дверь.

Страхъ его, однакоже, прошелъ вдругъ, когда гость раскланялся съ ловкостью неимовѣрной, сохраняя почтительное положенье головы нѣсколько на-бокъ. Въ короткихъ, но опредѣлительныхъ словахъ изъяснилъ, что уже издавна ѣздитъ онъ по Россіи, побуждаемый и по-

требностями, и любознательностью; что государство наше преизобилуетъ предметами замѣчательными, не говоря ужъ о красотѣ мѣстъ, объ обиліи промысловъ и разнообразіи почвъ; что онъ увлекся картинностью мѣстоположенья его деревни; что, несмотря, однакоже, на картинность мѣстоположенья, онъ не дерзнулъ бы никакъ обезпокоить его неумѣстнымъ заѣздомъ своимъ, еслибы не случилось что то въ бричкѣ его, требующее (искусной) руки помощи со стороны кузнецовъ и мастеровъ; что при всемъ томъ, однакоже, еслибы даже и ничего не случилось въ его бричкѣ, онъ бы не могъ отказать себѣ въ удовольствіи засвидѣтельствовать ему лично свое почтенье. Окончивъ рѣчь, гость, съ обворожительной пріятностью подшаркнувъ ножкой, отпрыгнулъ тутъ же нѣсколько назадъ съ легкостью резиннаго мячика.

Андрей Ивановичъ подумалъ, что это долженъ быть какой-нибудь любознательный ученый профессоръ, который ѣздитъ по Россіи затѣмъ, чтобы собирать какія-нибудь растенія или даже предметы ископаемые. Онъ изъявилъ ему всякую готовность споспѣшествовать; предложилъ ему своихъ мастеровъ, колесниковъ и кузнецовъ для поправки брички; просилъ расположиться у него, какъ въ собственномъ домѣ; усадилъ обходительнаго гостя въ большія вольтеровскія (кресла) и приготовился слушать его разсказъ, безъ сомнѣнія, объ ученыхъ предметахъ и естественныхъ.

Гость, однакоже, коснулся больше событій внутренняго міра. Заговорилъ о превратностяхъ судьбы; уподобилъ жизнь свою судну посреди морей, гонимому отовсюду вѣтрами; упомянулъ о томъ, что долженъ былъ перемѣнить много мѣстъ и должностей, что много потерпѣлъ за правду, что даже самая жизнь его была не разъ въ опасности со стороны враговъ, и много еще разсказалъ онъ такого, изъ чего Тѣнтѣтниковъ могъ видѣть, что гость его былъ скорѣе практическій человѣкъ. Въ заключенье всего, онъ высморкался въ бѣлый батистовый платокъ такъ громко, какъ Андрей Ивановичъ еще и не слыхивалъ. Подчасъ попадается въ оркестрѣ такая пройдоха-труба, которая когда хватитъ, покажется, что крякнуло не въ оркестрѣ, но въ собственномъ ухѣ: точно такой же звукъ раздался въ пробужденныхъ покояхъ дремавшаго дома, и немедленно вслѣдъ за нимъ воспослѣдовало благоуханье одеколона, невидимо распространенное ловкимъ встряхнутьемъ носового батистоваго платка.

Читатель, можетъ быть, уже догадался, что гость

былъ не другой кто, какъ нашъ почтенный, давно нами оставленный Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Онъ немножко постарѣлъ: какъ видно, не безъ бурь и тревогъ было для него это время. Казалось, какъ бы и самый фракъ на немъ немножко постарѣлъ, и бричка, и кучеръ, и слуга, и лошади, и упряжь какъ бы поистерлись и поизносились. Казалось, какъ бы и самые финансы не были въ завидномъ состояніи. Но выраженье лица, приличье, обхожденье остались тѣ же. Даже, казалось, какъ бы еще пріятнѣе сталъ онъ въ поступкахъ и оборотахъ. Еще ловче подвертывалъ подъ ножку ножку, когда садился въ кресла; еще болѣе было мягкости въ выговорѣ рѣчей, осторожной умѣренности въ словахъ и выраженьяхъ, болѣе умѣнья держать себя и болѣе такту во всемъ. Бѣлѣй и чище снѣговъ были на немъ воротнички и манишка, и, несмотря на то, что былъ онъ съ дороги, ни пушинки не сѣло къ нему на фракъ, — хоть на именинный обѣдъ! Щеки и подбородокъ выбриты были такъ ровно и гладко, что одинъ (развѣ только) слѣпой могъ не полюбоваться пріятной выпуклостью и круглотой ихъ.

Въ домѣ тотъ же часъ произошло преобразованье. Половина его, дотолѣ пребывавшая въ слѣпотѣ, съ заколоченными ставнями, вдругъ прозрѣла и озарилась. Изъ брички стали выносить поклажу; все начало размѣщаться въ освѣтившихся комнатахъ, и скоро все приняло такой видъ: комната, опредѣленная быть спальней, вмѣстила въ себѣ вещи, необходимыя для ночного туалета; комната, опредѣленная быть кабинетомъ... Но прежде необходимо знать, что въ этой комнатѣ было три стола: одинъ письменный — передъ диваномъ, другой ломберный — между окнами у стѣны, третій угольный — въ углу, между дверью въ спальню и дверью въ необитаемый залъ съ инвалидною мебелью. На этомъ угольномъ столѣ помѣстилось вынутое изъ чемодана платье, а именно: панталоны (старые и новые) подъ фракъ, панталоны подъ сюртукъ, панталоны сѣренькіе, два бархатныхъ жилета и два атласныхъ, сюртукъ и два фрака. (Жилеты же бѣлаго пике и лѣтнія брюки отошли къ бѣлью въ комодъ.) Все это размѣстилось одинъ на другомъ пирамидкой и прикрылось сверху носовымъ шелковымъ платкомъ. Въ другомъ углу, между дверью и окномъ, выстроились рядкомъ сапоги: сапоги не совсѣмъ новые, сапоги совсѣмъ новые, сапоги съ новыми головками и лакированные полусапожки. Они также стыдливо занавѣсились шелковымъ носовымъ платкомъ, — такъ, какъ бы ихъ тамъ вовсе не было. На столѣ предъ двумя окнами помѣстилась шка-

тулка. На письменномъ столѣ передъ диваномъ — портфель, банка съ одеколономъ, сургучъ, зубныя щетки, новый календарь и два какіе то романа, оба вторые тома. Чистое бѣлье (все) помѣстилось въ комодѣ, уже находившемся въ спальнѣ; бѣлье же, которое слѣдовало прачкѣ, завязано было въ узелъ и подсунуто подъ кровать. Чемоданъ, по опростаньи его, былъ тоже подсунутъ подъ кровать. Сабля помѣстилась также въ спальнѣ, повиснувши на гвоздѣ, невдалекѣ отъ кровати. Та и другая комната приняли видъ чистоты и опрятности необыкновенной: нигдѣ ни бумажки, ни перышка, ни соринки. Самый воздухъ какъ то облагородился: въ немъ утвердился пріятный запахъ здороваго, свѣжаго мужчины, который бѣлья не занашиваетъ, въ баню ходитъ и вытираетъ себя мокрой губкой по воскреснымъ днямъ. Въ вестибульной комнатѣ покушался было утвердиться на время запахъ служителя Петрушки, но Петрушка скоро перемѣщенъ былъ на кухню, какъ оно и слѣдовало.

Въ первые дни Андрей Ивановичъ опасался за свою независимость, чтобы какъ-нибудь гость не связалъ его, не стѣснилъ какими-нибудь измѣненьями въ образѣ жизни, и не нарушился бы порядокъ дня его, такъ удачно заведенный. Но опасенья были напрасны. Гость показалъ необыкновенно гибкую способность приспособиться ко всему. Одобрилъ философическую неторопливость хозяина, сказавши, что она обѣщаетъ столѣтнюю жизнь. Объ уединеньи (тоже) выразился весьма счастливо — именно, что оно питаетъ великія мысли въ человѣкѣ. Взглянувъ на библіотеку и отозвавшись съ похвалой о книгахъ вообще, замѣтилъ, что онѣ спасаютъ отъ праздности человѣка. Словомъ, выронилъ словъ не много, но значительныхъ Въ поступкахъ же своихъ поступалъ еще болѣе кстати: во-время являлся, во-время уходилъ; не затруднялъ хозяина запросами въ часы неразговорчивости его; съ удовольствіемъ игралъ съ нимъ въ шахматы, съ удовольствіемъ молчалъ. Въ то время, когда первый пускалъ кудреватыми облаками трубочный дымъ, другой, не куря трубки, придумывалъ соотвѣтствовавшее тому занятіе: вынималъ, напримѣръ, изъ кармана серебряную съ чернью табакерку и, утвердивъ ее между двухъ пальцевъ лѣвой руки, оборачивалъ ее быстро пальцемъ правой, въ подобье того, какъ земная сфера обращается около своей оси, или же, просто, барабанилъ по ней пальцами, насвистывая какое-нибудь ни то, ни сё. Словомъ, онъ не мѣшалъ хозяину никакъ. „Я въ первый разъ вижу человѣка, съ которымъ можно жить“, говорилъ про себя

Тѣнтѣтниковъ. „Вообще этого искусства у насъ мало. Между нами есть довольно людей и умныхъ, и образованныхъ, и добрыхъ, но людей постоянно пріятныхъ, людей постоянно ровнаго характера, людей, съ которыми можно прожить вѣкъ и не поссориться, — я не знаю, много ли у насъ можно отыскать такихъ людей! Вотъ первый, единственный человѣкъ, котораго я вижу"! Такъ отзывался Тѣнтѣтниковъ о своемъ гостѣ.

Чичиковъ, съ своей стороны, былъ очень радъ, что поселился на время у такого мирнаго и смирнаго хозяина. Цыганская жизнь ему надоѣла. Пріотдохнуть, хотя на мѣсяцъ, въ прекрасной деревнѣ, въ виду полей и начинавшейся весны, полезно было даже и въ гемороидальномъ отношеніи.

Трудно было найти лучшій уголокъ для отдохновенія. Весна убрала его красотой несказанной. Что́ яркости въ зелени! Что́ свѣжести въ воздухѣ! Что́ птичьяго крику въ садахъ! Рай, радость и ликованье всего! Деревня звучала и пѣла, какъ будто новорожденная.

Чичиковъ ходилъ много. То направлялъ онъ прогулку свою по плоской вершинѣ возвышеній (держась краевъ), въ виду разстилавшихся вдали долинъ, по которымъ вездѣ оставались еще большія озера отъ разлитія воды; или же вступалъ въ овраги,— гдѣ едва начинавшія убираться листьями, отягченныя птичьими гнѣздами дерева и узкая просинь чернѣли отъ перекрестнаго летанья, густыми стаями, воронъ,— оглушаемые карканьемъ воронъ, разговорами галокъ и граньями [1] грачей; или же спускался внизъ къ поёмнымъ мѣстамъ и разорваннымъ плотинамъ — глядѣть, какъ съ оглушительнымъ шумомъ неслась повергаться вода на мельничныя колеса; или же пробирался далѣ къ пристани, откуда неслись, вмѣстѣ съ теченіемъ воды, первыя суда, нагруженныя горохомъ, овсомъ, ячменемъ и пшеницей; или отправлялся въ поля на первыя весеннія работы — глядѣть, какъ свѣжая орань черной полосою проходила по зелени, или же какъ ловкій сѣятель бросалъ изъ горсти сѣмена, ровно, мѣтко, ни зернышка не передавши на ту или другую сторону. Толковалъ и говорилъ и съ приказчикомъ, и съ мужикомъ, и мельникомъ — что и какъ, и каковыхъ урожаевъ нужно ожидать, и на какой ладъ идетъ у нихъ запашка, и на сколько хлѣба продается, и что выбираютъ весной и осенью за умолъ муки, и какъ зовутъ каждаго му-

[1] Граяньями.

жика, и кто съ кѣмъ въ родствѣ, и гдѣ купилъ корову, и чѣмъ кормитъ свинью, словомъ — все. Узналъ и то, сколько перемерло мужиковъ. Оказалось, немного. Какъ умный человѣкъ, замѣтилъ онъ вдругъ, что незавидно идетъ хозяйство у Тѣнтѣтникова: повсюду упущенья, нерадѣнье, воровство, не мало и пьянства. И мысленно говорилъ онъ въ себѣ: „Какая, однакоже, скотина Тѣнтѣтниковъ! Запустить имѣніе, которое могло бы приносить, по малой мѣрѣ, пятьдесятъ тысячъ годового доходу!“ И, не будучи въ силахъ удержать справедливаго негодованья, повторялъ онъ: „Рѣшительно скотина!“ Не разъ, посреди такихъ прогулокъ, приходило ему на мысль сдѣлаться когда-нибудь самому, — т. е., разумѣется, не теперь, но послѣ, когда обдѣлается главное дѣло и будутъ средства въ рукахъ, — сдѣлаться самому мирнымъ владѣльцемъ подобнаго помѣстья. Тутъ обыкновенно представлялась ему молодая хозяйка, свѣжая, бѣлолицая бабенка, можетъ быть, даже изъ купеческаго сословія, впрочемъ, однакоже, образованная и воспитанная такъ, какъ и дворянка, — чтобы понимала и музыку, хотя, конечно, музыка и не главное, но почему же, если уже такъ заведено, зачѣмъ же идти противу общаго мнѣнія? Представлялось ему и молодое поколѣніе, долженствовавшее увѣковѣчить фамилію Чичиковыхъ: рѣзвунчикъ-мальчишка и красавица-дочка, или даже два мальчугана, двѣ и даже три дѣвочки, чтобы было всѣмъ извѣстно, что онъ дѣйствительно жилъ и существовалъ, а не то, что прошелъ по землѣ какой-нибудь тѣнью или призракомъ, — чтобы не было стыдно и передъ отечествомъ. Представлялось ему даже и то, что не дурно бы и къ чину нѣкоторое прибавленіе: статскій совѣтникъ, напримѣръ, чинъ почтенный и уважительный... И много приходило ему въ голову того, что̀ такъ часто уноситъ человѣка отъ скучной настоящей минуты, теребитъ, дразнитъ, шевелитъ его, и бываетъ ему любо даже и тогда, когда увѣренъ онъ самъ, что это никогда не сбудется.

Людямъ Павла Ивановича деревня тоже понравилась. Они такъ же, какъ и онъ, обжились въ ней. Петрушка сошелся очень скоро съ буфетчикомъ Григоріемъ, хотя сначала они оба важничали и дулись другъ передъ другомъ нестерпимо. Петрушка пустилъ Григорію пыль въ глаза тѣмъ, что онъ бывалъ въ Костромѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ и даже въ Москвѣ; Григорій же осадилъ его сразу Петербургомъ, въ которомъ Петрушка не былъ. Послѣдній хотѣлъ было подняться и выѣхать на дальности разстояній тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ бывалъ; но Григорій назвалъ ему такое

мѣсто, какого ни на какой картѣ нельзя было отыскать, и насчиталъ тридцать тысячъ слишкомъ верстъ, такъ что Петрушка осовѣлъ, разинулъ ротъ и былъ поднятъ на смѣхъ тутъ же всею дворней. Впрочемъ, дѣло кончилось между ними самой тѣсной дружбой: дядя лысый Пименъ держалъ въ концѣ деревни знаменитый кабакъ, которому имя было „Акулька"; въ этомъ заведеньи видѣли ихъ всѣ часы дня. Тамъ стали они свои други, или то, что называютъ въ народѣ — кабацкіе завсегдатели.

У Селифана была другого рода приманка. На деревнѣ, что ни вечеръ, пѣлись пѣсни, заплетались и расплетались хороводы. Породистыя, стройныя дѣвки, какихъ было трудно найти въ другомъ мѣстѣ, заставляли его по нѣсколькимъ часамъ стоять вороной. Трудно было сказать, которая лучше: всѣ бѣлогрудыя, бѣлошейныя; у всѣхъ глаза рѣпой, у всѣхъ глаза съ поволокой, походка павлиномъ и коса до пояса. Когда, взявшись обѣими руками за бѣлыя руки, медленно двигался онъ съ ними въ хороводѣ или же выходилъ на нихъ стѣной, въ ряду другихъ парней, и погасалъ горячо рдѣющій вечеръ, и тихо померкала вокругъ окольность [1], и далече за рѣкой отдавался вѣрный отголосокъ неизмѣнно грустнаго напѣва, — не зналъ онъ и самъ тогда, что съ нимъ дѣлалось. Долго потомъ во снѣ и наяву, утромъ и въ сумерки, все мерещилось ему, что въ обѣихъ рукахъ его бѣлыя руки, и движется онъ съ ними въ хороводѣ... Махнувъ рукой, говорилъ онъ: „Проклятыя лѣзли дѣвки!"

Конямъ Чичикова понравилось тоже новое жилище. И коренной, и пристяжной каурой масти, называемый Засѣдателемъ, и самый Чубарый, о которомъ выражался Селифанъ: „подлецъ-лошадь", нашли пребыванье у Тѣнтѣтникова совсѣмъ нескучнымъ, овесъ отличнымъ, а расположенье конюшенъ необыкновенно удобнымъ: у всякаго стойло, хотя и отгороженное, но черезъ перегородки можно было видѣть и другихъ лошадей, такъ что, еслибы пришла кому-нибудь изъ нихъ, даже самому дальнему, фантазія вдругъ заржать, то можно было ему отвѣтствовать тѣмъ же тотъ же часъ.

Словомъ, всѣ обжились, какъ дома. Читатель, можетъ быть, изумляется, что Чичиковъ доселѣ не заикнулся по части извѣстныхъ душъ. Какъ бы не такъ! Павелъ Ивановичъ сталъ очень остороженъ насчетъ этого предмета. Еслибы даже пришлось вести дѣло съ

[1] Окрестность.

дураками круглыми, онъ бы и тутъ не вдругъ его началъ. Тѣнтѣтниковъ же, какъ бы то ни было, читаетъ книги, философствуетъ, старается изъяснить себѣ всякія причины всего — и отчего, и почему... „Нѣтъ, чортъ его возьми! развѣ начать съ другого конца?“ Такъ думалъ Чичиковъ. Раздобарывая почасту съ дворовыми людьми, онъ, между прочимъ, отъ нихъ развѣдалъ, что баринъ ѣздилъ прежде довольно нерѣдко къ сосѣду-генералу, что у генерала барышня, что баринъ было къ барышнѣ, да и барышня тоже къ барину... но потомъ вдругъ за что то не поладили и разошлись. Онъ замѣтилъ и самъ, что Андрей Ивановичъ карандашомъ и перомъ все рисовалъ какія то головки, одна на другую похожія. Одинъ разъ (скоро) послѣ обѣда, оборачивая, по обыкновенью, пальцемъ серебряную табакерку вокругъ ея оси, сказалъ онъ такъ:

— У васъ все есть, Андрей Ивановичъ; одного только недостаетъ.

— Чего? — спросилъ тотъ, выпуская кудрявый дымъ.

— Подруги жизни, — сказалъ Чичиковъ.

Ничего не сказалъ Андрей Ивановичъ; тѣмъ разговоръ и кончился. Чичиковъ не смутился, выбралъ другое время, уже передъ ужиномъ, и, разговаривая о томъ и о семъ, сказалъ вдругъ:

— А, право, Андрей Ивановичъ, вамъ бы очень не мѣшало жениться.

Хоть бы слово сказалъ на это Тѣнтѣтниковъ, точно какъ бы и самая рѣчь объ этомъ была ему непріятна. Чичиковъ не смутился. Въ третій разъ выбралъ онъ время, уже послѣ ужина, и сказалъ такъ:

— А все таки, какъ ни переворочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вамъ жениться: впадете въ ипохондрію.

Слова ли Чичикова были на этотъ разъ такъ убѣдительны, или же расположенье духа у Андрея Ивановича было какъ то особенно настроено къ откровенности, — онъ вздохнулъ и сказалъ, пустивши кверху трубочный дымъ:

— На все нужно родиться счастливцемъ, Павелъ Иванычъ. — И разсказалъ все, какъ было, всю исторію знакомства съ генераломъ и разрыва.

Когда услышалъ Чичиковъ, отъ слова до слова, все дѣло и увидѣлъ, что изъ-за одного слова ты произошла такая исторія, онъ оторопѣлъ. Нѣсколько минутъ смотрѣлъ пристально въ глаза Тѣнтѣтникова и заключилъ: „Да онъ, просто, круглый дуракъ!“

— Андрей Ивановичъ, помилуйте! — сказалъ онъ,

взявши его за обѣ руки, — какое жъ оскорбленіе? что жъ тутъ оскорбительнаго въ словѣ ты?

— Въ самомъ словѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго, — сказалъ Тѣнтѣтниковъ, — но въ смыслѣ слова, но въ голосѣ, съ которымъ сказано оно, заключается оскорбленье. Ты! — это значитъ: „помни, что ты дрянь; я принимаю тебя потому только, что нѣтъ никого лучше, а пріѣхала какая-нибудь княжна Юзякина, — ты знай свое мѣсто, стой у порога". Вотъ что это значитъ! — Говоря это, смирный и кроткій Андрей Ивановичъ засверкалъ глазами; въ голосѣ его послышалось раздраженье оскорбленнаго чувства.

— Да хоть бы даже и въ этомъ смыслѣ, — что жъ тутъ такого? — сказалъ Чичиковъ.

— Какъ? — сказалъ Тѣнтѣтниковъ, смотря пристально въ глаза Чичикову, — вы хотите, чтобы я продолжалъ бывать у него послѣ такого поступка?

— Да какой же это поступокъ? это даже не поступокъ! — сказалъ Чичиковъ.

„Какой странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!" подумалъ про себя Тѣнтѣтниковъ.

„Какой странный человѣкъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!" подумалъ про себя Чичиковъ.

— Это не поступокъ, Андрей Ивановичъ. Это, просто, генеральская привычка: они всѣмъ говорятъ ты. Да, впрочемъ, почему этого и не позволить заслуженному, почтенному человѣку?

— Это другое дѣло, — сказалъ Тѣнтѣтниковъ. — Еслибы онъ былъ старикъ, бѣднякъ, не гордъ, не чванливъ, не генералъ, я бы тогда позволилъ ему говорить мнѣ ты, и принялъ бы даже почтительно.

„Онъ совсѣмъ дуракъ!" подумалъ про себя Чичиковъ. „Оборвышу позволить, а генералу не позволить!" И, вслѣдъ за такимъ размышленьемъ, такъ возразилъ ему вслухъ:

— Хорошо; положимъ, онъ васъ оскорбилъ, зато вы и поквитались съ нимъ: онъ вамъ, и вы ему. Но разставаться навсегда изъ пустяка, — помилуйте, на что же это похоже? Какъ же оставлять дѣло, которое только что началось? Если уже избрана цѣль, такъ тутъ уже нужно идти на-проломъ. Что тутъ глядѣть на то, что человѣкъ плюется! Человѣкъ всегда плюется; да вы не отыщете теперь ни одного человѣка въ свѣтѣ, который бы не плевался.

Тѣнтѣтниковъ совершенно озадачился этими словами, оторопѣлъ, глядѣлъ въ глаза Павлу Ивановичу и думалъ про себя: „Престранный, однакожъ, человѣкъ этотъ Чичиковъ!"

„Какой, однакоже, чудакъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!“ думалъ между тѣмъ Чичиковъ.

— Позвольте мнѣ какъ-нибудь обдѣлать это дѣло,— сказалъ онъ вслухъ. — Я могу съѣздить къ его превосходительству и объясню, что случилось это съ вашей стороны по недоразумѣнію, по молодости и незнанью людей и свѣта.

— Подличать передъ нимъ я не намѣренъ! — сказалъ сильно Тѣнтѣтниковъ.

— Сохрани Богъ подличать! — сказалъ Чичиковъ и перекрестился. — Подѣйствовать словомъ увѣщанья, какъ благоразумный посредникъ, но подличать... извините, Андрей Ивановичъ, за мое доброе желанье и преданность, я даже не ожидалъ, чтобы слова принимали вы въ такомъ обидномъ смыслѣ!

— Простите, Павелъ Ивановичъ, я виноватъ, — сказалъ тронутый Тѣнтѣтниковъ, схвативши признательно обѣ его руки. — Ваше доброе участіе мнѣ дорого, клянусь! Но оставимъ этотъ разговоръ, не будемъ больше никогда объ этомъ говорить!

— Въ такомъ случаѣ я поѣду, просто, къ генералу безъ причины, — сказалъ Чичиковъ.

— Зачѣмъ? — спросилъ Тѣнтѣтниковъ, въ недоумѣніи смотря на Чичикова.

— Засвидѣтельствовать почтенье, — сказалъ Чичиковъ.

„Какой странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!“ подумалъ Тѣнтѣтниковъ.

„Какой странный человѣкъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!“ подумалъ Чичиковъ.

— Такъ какъ моя бричка — сказалъ Чичиковъ — не пришла еще въ надлежащее состояніе, то позвольте мнѣ взять у васъ коляску. Я бы завтра же, эдакъ около десяти часовъ, къ нему съѣздилъ.

— Помилуйте, что за просьба! Вы — полный господинъ, выбирайте, какой хотите, экипажъ: все въ вашемъ распоряженіи.

Они простились и разошлись спать, не безъ разсужденья о странностяхъ другъ друга.

Чудная, однакоже, вещь: на другой день, когда подали Чичикову лошадей, и вскочилъ онъ въ коляску, съ легкостью почти военнаго человѣка, одѣтый въ новый фракъ, бѣлый галстукъ и жилетъ, и покатился свидѣтельствовать почтенье генералу, — Тѣнтѣтниковъ пришелъ въ такое волненье духа, какого давно не испытывалъ. Весь этотъ ржавый и дремлющій ходъ его мыслей превратился въ дѣятельно-безпокойный. Возму-

щенье нервическое обуяло вдругъ всѣми чувствами доселѣ погруженнаго въ безпечную лѣнь байбака. То садился онъ на диванъ, то подходилъ къ окну, то принимался за книгу, то хотѣлъ мыслить. Безуспѣшное хотѣнье! Мысль не лѣзла къ нему въ голову. То старался ни о чемъ не мыслить. Безуспѣшное стараніе! Отрывки чего то похожаго на мысли, концы и хвостики мыслей лѣзли и отовсюду наклевывались къ нему въ голову. „Странное состоянье!“ сказалъ онъ и придвинулся къ окну — глядѣть на дорогу, прорѣзавшую дуброву, въ концѣ которой еще курилась, не успѣвшая улечься, пыль, поднятая уѣхавшей коляской. Но оставимъ Тѣнтѣтникова и послѣдуемъ за Чичиковымъ.

Глава II.

Въ полчаса съ небольшимъ кони пронесли Чичикова чрезъ десятиверстное пространство — сначала дубровою, потомъ хлѣбами, начинавшими зеленѣть посреди свѣжей орани, потомъ горной окраиной, съ которой поминутно открывались виды на отдаленья, — и, наконецъ, широкою аллеею раскидистыхъ липъ внесли его въ генеральскую деревню. Аллея липъ превратилась въ аллею тополей, огороженныхъ снизу плетеными коробками, и уперлась въ чугунныя сквозныя ворота, сквозь которыя глядѣлъ кудряво-великолѣпный рѣзной фронтонъ генеральскаго дома, опиравшійся на восемь колоннъ съ коринѳскими капителями. Пахнуло повсюду масляной краской, которою безпрерывно обновлялося все, ничему не давая состарѣться. Дворъ чистотой подобенъ былъ паркету. Подкативши къ подъѣзду, Чичиковъ съ почтеньемъ соскочилъ на крыльцо, приказалъ о себѣ доложить и былъ введенъ прямо въ кабинетъ.

Генералъ поразилъ его величественной наружностью. Онъ былъ на ту пору въ атласномъ малиновомъ халатѣ. Открытый взглядъ, лицо мужественное, бакенбарды и большіе усы съ просѣдью, стрижка низкая, а на затылкѣ даже подъ гребенку, шея толстая, широкая, такъ называемая въ три этажа (въ три складки съ трещиной поперекъ), голосъ — басъ съ нѣкоторою охрипью, движенья генеральскія. Генералъ Бетрищевъ, какъ и всѣ мы грѣшные, былъ одаренъ многими достоинствами и многими недостатками. То и другое, какъ случается въ русскомъ человѣкѣ, было набросано въ немъ въ какомъ то картинномъ безпорядкѣ: самопожертвованье, великодушье, въ рѣшительныя минуты храбрость, умъ

и ко всему этому — изрядная подмѣсь себялюбья, честолюбья, самолюбья, мелочной щекотливости личной и многаго того, безъ чего уже не обходится человѣкъ. Всѣхъ, которые ушли впередъ его по службѣ, онъ не любилъ, выражался о нихъ ѣдко, въ сардоническихъ, колкихъ эпиграммахъ. Всего больше доставалось отъ него его прежнему сотоварищу, котораго считалъ онъ ниже себя и умомъ, и способностями, и который, однакоже, обогналъ его и былъ уже генералъ-губернаторомъ двухъ губерній, въ одной изъ которыхъ находились его помѣстья, такъ что онъ очутился какъ бы въ зависимости отъ него. Въ отместку, язвилъ онъ его при всякомъ случаѣ, критиковалъ всякое распоряженье и видѣлъ во всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ его верхъ неразумія. Несмотря на доброе сердце, генералъ былъ насмѣшливъ. Вообще говоря, онъ любилъ первенствовать, любилъ ѳиміамъ, любилъ блеснуть и похвастаться умомъ, любилъ знать то, чего другіе не знаютъ, и не любилъ тѣхъ людей, которые знаютъ что-нибудь такое, чего онъ не знаетъ. Воспитанный полуиностраннымъ воспитаньемъ, онъ хотѣлъ сыграть въ то же время роль русскаго барина. Съ такой неровностью въ характерѣ, съ такими крупными, яркими противоположностями, онъ долженъ былъ неминуемо встрѣтить по службѣ кучу непріятностей, вслѣдствіе которыхъ и вышелъ въ отставку, обвиняя во всемъ какую то враждебную партію и не имѣя великодушія обвинить въ чемъ-либо себя самого. Въ отставкѣ сохранилъ онъ ту же картинную, величавую осанку. Въ сюртукѣ ли, во фракѣ ли, въ халатѣ — онъ былъ все тотъ же. Отъ голоса до малѣйшаго тѣлодвиженья въ немъ все было властительное, повелѣвающее, внушавшее въ низшихъ чинахъ если не уваженіе, то, по крайней мѣрѣ, робость.

Чичиковъ почувствовалъ то и другое: и уваженье, и робость. Наклоня почтительно голову на-бокъ, началъ онъ такъ:

— Счелъ долгомъ представиться вашему превосходительству. Питая уваженіе къ доблестямъ мужей, спасавшихъ отечество на бранномъ полѣ, счелъ долгомъ представиться лично вашему превосходительству.

Генералу, какъ видно, не непонравился такой приступъ. Сдѣлавши весьма милостивое движенье головою, онъ сказалъ:

— Весьма радъ познакомиться. Милости просимъ садиться. Вы гдѣ служили?

— Поприще службы моей, — сказалъ Чичиковъ, садясь въ кресла не въ серединѣ, но наискось, и ухва-

тившись рукою за ручку креселъ, — началось въ казенной палатѣ, ваше превосходительство; дальнѣйшее же теченье оной продолжалъ въ разныхъ мѣстахъ: былъ и въ надворномъ судѣ, и въ комиссіи построенія, и въ таможнѣ. Жизнь мою можно уподобить судну среди волнъ, ваше превосходительство. На терпѣньи, можно сказать, выросъ, терпѣньемъ воспоенъ, терпѣньемъ спеленатъ, и самъ, такъ сказать, не что другое, какъ одно терпѣнье. А ужъ сколько претерпѣлъ отъ враговъ, такъ ни слова, ни краски не сумѣютъ передать. Теперь же, на вечерѣ, такъ сказать, жизни своей, ищу уголка, гдѣ бы провесть остатокъ дней. Пріостановился же, покуда, у близкаго сосѣда вашего превосходительства...

— У кого это?

— У Тѣнтѣтникова, ваше превосходительство.

Генералъ поморщился.

— Онъ, ваше превосходительство, весьма раскаивается въ томъ, что не оказалъ должнаго уваженья...

— Къ чему уваженья?

— Къ заслугамъ вашего превосходительства, — сказалъ Чичиковъ. — Не находитъ словъ, (не знаетъ, какъ загладить проступокъ). Говоритъ: „Еслибы я только могъ передъ его превосходительствомъ чему-нибудь... потому что, точно", говоритъ, „умѣю цѣнить мужей, спасавшихъ отечество..."

— Помилуйте, что жъ онъ?.. Да вѣдь я не сержусь! — сказалъ смягчившійся генералъ. — Въ душѣ моей я искренно полюбилъ его и увѣренъ, что современемъ онъ будетъ преполезный человѣкъ.

— Преполезный! — подхватилъ Чичиковъ, — обладаетъ даромъ слова и владѣетъ перомъ.

— Но пишетъ, я чай, пустяки, какіе-нибудь стишки?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, не пустяки..

— Что жъ такое?

— Онъ пишетъ... исторію, ваше превосходительство.

— Исторію! о чемъ исторію?

— Исторію... — тутъ Чичиковъ остановидся, и оттого ли, что передъ нимъ сидѣлъ генералъ, или, просто, чтобы придать болѣе важности предмету, прибавилъ, — исторію о генералахъ, ваше превосходительство.

— Какъ о генералахъ? о какихъ генералахъ?

— Вообще о генералахъ, ваше превосходительство, въ общности... то есть, говоря собственно, объ отечественныхъ генералахъ.

— Извините, я не очень понимаю... что жъ это? выходитъ, исторію какого-нибудь времени, или отдѣль-

ныя біографіи, и притомъ всѣхъ ли, или только участвовавшихъ въ 12-мъ году?

— Точно такъ, ваше превосходительство, участвовавшихъ въ 12-мъ году!

— Такъ что жъ онъ ко мнѣ не пріѣдетъ? Я бы могъ собрать ему весьма много любопытныхъ матеріаловъ.

— Не смѣетъ, ваше превосходительство.

— Какой вздоръ! Изъ какого-нибудь пустого слова... Да я совсѣмъ не такой человѣкъ. Я, пожалуй, къ нему самъ готовъ пріѣхать.

— Онъ къ тому не допуститъ, онъ самъ пріѣдетъ, — сказалъ Чичиковъ и въ то же время подумалъ въ себѣ: „Генералы пришлись, однакоже, кстати; между тѣмъ вѣдь языкъ совершенно болтнулъ сдуру".

Въ кабинетѣ послышался шорохъ. Орѣховая дверь рѣзного шкафа отворилась сама собою. На обратной половинѣ растворенной двери, ухватившись чудесной ручкой за ручку двери, явилась живая фигурка. Если-бы въ темной комнатѣ вдругъ вспыхнула прозрачная картина, освѣщенная сзади лампою, она бы не поразила такъ, какъ эта сіявшая жизнью фигурка, которая точно предстала затѣмъ, чтобы освѣтить комнату. Казалось, какъ бы вмѣстѣ съ нею влетѣлъ солнечный лучъ въ комнату, озарившій вдругъ потолокъ, карнизъ и темные углы ея. Она казалась блистающаго роста. Это было обольщенье; происходило это отъ необыкновенной стройности и гармоническаго соотношенья между собою всѣхъ частей тѣла, отъ головы до пальчиковъ. Одноцвѣтное платье, на ней наброшенное, было наброшено съ такимъ [вкусомъ], что, казалось, швеи столицъ совѣщались между собой, какъ бы получше убрать ее. Это былъ обманъ. Одѣлась она кое-какъ, сама собой; въ двухъ-трехъ мѣстахъ схватила неизрѣзанный кусокъ ткани, и онъ прильнулъ и расположился вокругъ нея въ такихъ складкахъ, что ваятель перенесъ бы ихъ тотчасъ же на мраморъ, и барышни, одѣтыя по модѣ, всѣ казались бы передъ ней какими то пеструшками. Несмотря на то, что Чичикову почти знакомо было лицо ея по рисункамъ Андрея Ивановича, онъ смотрѣлъ на нее, какъ оторопѣлый, и потомъ уже замѣтилъ, что у нея былъ существенный недостатокъ, именно — недостатокъ толщины.

— Рекомендую вамъ мою баловницу! — сказалъ генералъ, обратясь къ Чичикову. — Однакожъ, я вашего имени и отечества до сихъ поръ не знаю.

— Впрочемъ, должно ли быть знаемо имя и отчество человѣка, не ознаменовавшаго себя доблестями? — сказалъ Чичиковъ.

— Все же, однакожъ, нужно знать...

— Павелъ Ивановичъ, ваше превосходительство, — проговорилъ Чичиковъ, съ легкимъ наклономъ головы на-бокъ.

— Улинька! Павелъ Ивановичъ сейчасъ сказалъ преинтересную новость. Сосѣдъ нашъ Тѣнтѣтниковъ совсѣмъ не такой глупый человѣкъ, какъ мы полагали. Онъ занимается довольно важнымъ дѣломъ: исторіей генераловъ двѣнадцатаго года.

Улинька вдругъ какъ бы вспыхнула и оживилась.

— Да кто же думалъ, что онъ глупый человѣкъ?— проговорила она быстро. — Это могъ думать развѣ одинъ только Вишнепокромовъ, которому ты вѣришь, папа, который и пустой, и низкій человѣкъ!

— Зачѣмъ же низкій? Онъ пустоватъ, это правда, — сказалъ генералъ.

— Онъ подловатъ и гадковатъ, не только что пустоватъ, — подхватила живо Улинька. — Кто такъ обидѣлъ своихъ братьевъ и выгналъ изъ дому родную сестру, тотъ гадкій человѣкъ...

— Да вѣдь это разсказываютъ только.

— Разсказывать не будутъ напрасно. У тебя, отецъ, добрѣйшая душа и рѣдкое сердце, но ты поступаешь такъ, что иной подумаетъ о тебѣ совсѣмъ другое. Ты будешь принимать человѣка, о которомъ самъ знаешь, что онъ дуренъ, потому что онъ только краснобай и мастеръ передъ тобой увиваться.

— Душа моя! вѣдь мнѣ жъ не прогнать его, — сказалъ генералъ.

— Зачѣмъ прогонять, зачѣмъ и любить?!

— А вотъ и нѣтъ, ваше превосходительство, — сказалъ Чичиковъ Улинькѣ, съ легкимъ наклономъ головы, съ пріятной улыбкой. — По христіанству, именно такихъ мы должны любить. — И тутъ же, обратясь къ генералу, сказалъ съ улыбкой, уже нѣсколько плутоватой: — Изволили ли, ваше превосходительство, слышать когда-нибудь о томъ, что такое — „полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ“?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— А это преказусный анекдотъ, — сказалъ Чичиковъ съ плутоватой улыбкой. — Въ имѣніи, ваше превосходительство, у князя Гукзовскаго, котораго безъ сомнѣнія, ваше превосходительство, изволите знать...

— Не знаю.

— Былъ управитель, ваше превосходительство, изъ нѣмцевъ, молодой человѣкъ. По случаю поставки рекрутъ и прочаго, имѣлъ онъ надобность пріѣзжать въ

городъ и, разумѣется, подмазывать судейскихъ. Впрочемъ, и они тоже полюбили, угощали. Вотъ какъ то одинъ разъ у нихъ на обѣдѣ говоритъ онъ: „Что жъ, господа, когда-нибудь и ко мнѣ, въ имѣнье къ князю". Говорятъ: „Пріѣдемъ". Скоро послѣ того случилось выѣхать суду на слѣдствіе, по дѣлу, случившемуся во владѣніяхъ графа Трехметьева, котораго, ваше превосходительство, безъ сомнѣнія, тоже изволите знать.

— Не знаю.

— Самаго то слѣдствія они не дѣлали, а всѣмъ судомъ заворотили на экономическій дворъ, къ старику, графскому эконому, да три дни и три ночи безъ просыпу — въ карты. Самоваръ и пуншъ, разумѣется, со стола не сходятъ. Старику то они ужъ и надоѣли. Чтобы какъ-нибудь отъ нихъ отдѣлаться, онъ и говоритъ: „Вы бы, господа, заѣхали къ княжому управителю-нѣмцу: онъ недалеко отсюда". — „А и въ самомъ дѣлѣ", говорятъ, и съ-полупьяна, небритые и заспанные, какъ были, на телѣги да къ нѣмцу... А нѣмецъ, ваше превосходительство, надобно знать, въ это время только-что женился; женился на институткѣ, молоденькой, субтильной (Чичиковъ выразилъ въ лицѣ своемъ субтильность). Сидятъ они двое за чаемъ, ни о чемъ не думая, вдругъ отворяются двери — и ввалилось сонмище.

— Воображаю — хороши!—сказалъ генералъ, смѣясь.

— Управитель такъ и оторопѣлъ, говоритъ: „Что вамъ угодно?" — „А!" говорятъ, „такъ вотъ ты какъ!" И вдругъ, съ этимъ словомъ, перемѣна лицъ и физіогноміи... „За дѣломъ! Сколько вина выкуривается по имѣнью? Покажите книги!" Тотъ сюды-туды. „Эй, понятыхъ!" Взяли, связали, да въ городъ, да полтора года и просидѣлъ нѣмецъ въ тюрьмѣ.

— Вотъ на! — сказалъ генералъ.

Улинька всплеснула руками.

— Жена хлопотать! — продолжалъ Чичиковъ. — Ну, что жъ можетъ какая-нибудь неопытная молодая женщина? Спасибо, что случились добрые люди, которые посовѣтовали пойти на мировую. Отдѣлался онъ двумя тысячами да угостительнымъ обѣдомъ. И на обѣдѣ, когда всѣ уже развеселились, и онъ также, вотъ и говорятъ они ему: „Не стыдно ли тебѣ такъ поступить съ нами? Ты все бы хотѣлъ насъ видѣть прибранными, да выбритыми, да во фракахъ. Нѣтъ, ты полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ".

Генералъ расхохотался; болѣзненно застонала Улинька.

— Я не понимаю, папа, какъ ты можешь смѣяться! — сказала она быстро. Гнѣвъ отемнилъ прекрасный лобъ ея... — Безчестнѣйшій поступокъ, за который я не знаю, куды бы ихъ слѣдовало всѣхъ услать...

— Другъ мой, я ихъ ничуть не оправдываю, — сказалъ генералъ, — но что жъ дѣлать, если смѣшно? Какъ бишь: „полюби насъ бѣленькими“?..

— Черненькими, ваше превосходительство, — подхватилъ Чичиковъ.

— Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ. Ха, ха, ха, ха! — И туловище генерала стало колебаться отъ смѣха. Плечи, носившія нѣкогда густые эполеты, тряслись, точно, какъ бы носили и понынѣ густые эполеты.

Чичиковъ разрѣшился тоже междуиметіемъ смѣха, но, изъ уваженія къ генералу, пустилъ его на букву е: хе, хе, хе, хе, хе! И туловище его также стало колебаться отъ смѣха, хотя плечи и не тряслись, ибо не носили густыхъ эполетъ.

— Воображаю, хорошъ былъ небритый судъ! — говорилъ генералъ, продолжая смѣяться.

— Да, ваше превосходительство, какъ бы то ни было, трехдневное бдѣніе безъ просыпу — тотъ же постъ: поизнурились, поизнурились! — говорилъ Чичиковъ, продолжая смѣяться.

Улинька опустилась въ кресла и закрыла рукой прекрасные глаза; какъ бы досадуя на то, что не съ кѣмъ было подѣлиться негодованіемъ, сказала она:

— Я не знаю, меня только беретъ одна досада.

Въ самомъ дѣлѣ, необыкновенно странны были своею противоположностью тѣ чувства, которыя происходили въ сердцахъ троихъ бесѣдовавшихъ людей. Одному была смѣшна неповоротливая ненаходчивость нѣмца; другому смѣшно было оттого, что смѣшно изворотились плуты; третьему было грустно, что безнаказанно совершился несправедливый поступокъ. Не было только четвертаго, который бы задумался именно надъ этими словами, произведшими смѣхъ въ одномъ и грусть въ другомъ. Что значитъ, однакоже, что и въ паденьи своемъ гибнущій грязный человѣкъ требуетъ любви къ себѣ? Животный ли инстинктъ это? или слабый крикъ души, заглушенной (тяжелымъ) гнетомъ подлыхъ страстей, еще пробивающійся сквозь деревеняющую кору мерзостей, еще вопіющій: „Братъ, спаси!“ Не было четвертаго, которому бы тяжелѣй всего была погибающая душа его брата.

— Я не знаю, — говорила Улинька, отнимая отъ лица руку, — меня одна только досада беретъ.

— Только, пожалуйста, не гнѣвайся на насъ, — сказалъ генералъ. — Мы тутъ ни въ чемъ не виноваты. Поцѣлуй меня и уходи къ себѣ, потому что я сейчасъ буду одѣваться къ обѣду. Вѣдь ты обѣдаешь у меня? — сказалъ генералъ, вдругъ обратясь къ Чичикову.

— Если только ваше превосходительство...

— Безъ церемоніи. Щи есть!

Чичиковъ пріятно наклонилъ голову, и когда приподнялъ потомъ ее вверхъ, онъ уже не увидалъ Улиньки: она исчезнула. Намѣсто ея предсталъ, въ густыхъ усахъ и бакенбардахъ, великанъ-камердинеръ, съ серебряной лоханкой и рукомойникомъ въ рукахъ.

— Ты мнѣ позволишь одѣваться при себѣ? — сказалъ генералъ, скидая халатъ и засучивая рукава рубашки на богатырскихъ рукахъ.

— Помилуйте не только одѣваться, не можете совершать при мнѣ все, что угодно вашему превосходительству, — сказалъ Чичиковъ.

Генералъ сталъ умываться, брызгаясь и фыркая, какъ утка. Вода съ мыломъ летѣла во всѣ стороны.

— Какъ бишь? — сказалъ онъ, вытирая со всѣхъ сторонъ свою толстую шею, — полюби насъ бѣленькими?...

— Черненькими, ваше превосходительство.

— Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ. Очень, очень хорошо!

Чичиковъ былъ въ духѣ необыкновенномъ; онъ чувствовалъ какое то вдохновенье.

— Ваше превосходительство! — сказалъ онъ.

— Что? — сказалъ генералъ.

— Есть еще одна исторія.

— Какая?

— Исторія тоже смѣшная, но мнѣ то отъ ней не смѣшно. Даже такъ, что если ваше превосходительство...

— Какъ такъ?

— Да вотъ, ваше превосходительство, какъ!.. — Тутъ Чичиковъ осмотрѣлся и, увидя, что камердинеръ съ лоханкою вышелъ, началъ такъ. — Есть у меня дядя — дряхлый старикъ. У него триста душъ и, кромѣ меня, наслѣдниковъ никого. Самъ управлять имѣньемъ, по дряхлости, не можетъ, а мнѣ не передаетъ тоже. И какой странный приводитъ резонъ: „Я“, говоритъ, „племянника не знаю; можетъ быть, онъ мотъ. Пусть онъ докажетъ мнѣ, что онъ надежный человѣкъ, пусть пріі-

обрѣтетъ прежде самъ собой триста душъ, тогда я ему отдамъ и свои триста душъ".

— Какой дуракъ!

— Справедливо изволили замѣтить, ваше превосходительство. Но представьте же теперь мое положеніе...— Тутъ Чичиковъ, понизивши голосъ, сталъ говорить какъ бы по секрету: — У него въ домѣ, ваше превосходительство, есть ключница, а у ключницы дѣти. Того и смотри, все перейдетъ имъ.

— Выжилъ глупый старикъ изъ ума и больше ничего, — сказалъ генералъ. — Только я не вижу, чѣмъ тутъ я могу пособить.

— Я придумалъ вотъ что. Теперь, покуда новыя ревижскія сказки не поданы, у помѣщиковъ большихъ имѣній наберется не мало, на ряду съ душами живыми, отбывшихъ и умершихъ... Такъ, если, напримѣръ, ваше превосходительство передадите мнѣ ихъ въ такомъ видѣ, какъ бы они были живыя, съ совершеньемъ купчей крѣпости, я бы тогда эту крѣпость представилъ старику, и онъ, какъ ни вертись, а наслѣдство бы мнѣ отдалъ.

Тутъ генералъ разразился такимъ смѣхомъ, какимъ врядъ ли когда смѣялся человѣкъ: какъ былъ, такъ и повалился онъ въ кресла; голову забросилъ назадъ и чуть не захлебнулся. Весь домъ встревожился. Предсталъ камердинеръ. Дочь прибѣжала въ испугѣ.

— Папа, что съ тобой случилось?

— Ничего, мой другъ. Ха, ха, ха! Ступай къ себѣ, мы сейчасъ явимся обѣдать. Ха, ха, ха!

И нѣсколько разъ, задохнувшись, вырывался съ новою силою генеральскій хохотъ, раздаваясь отъ передней до послѣдней комнаты, въ высокихъ, звонкихъ генеральскихъ покояхъ.

Чичиковъ съ безпокойствомъ ожидалъ конца этому необыкновенному смѣху.

— Ну, братъ, извини: тебя самъ чортъ угораздилъ на такую штуку. Ха, ха, ха! Попотчивать старика, подсунуть ему мертвыхъ! Ха, ха, ха, ха! Дядя то, дядя! Въ какихъ дуракахъ дядя! Ха, ха, ха, ха!

Чичиковъ находился нѣсколько даже въ конфузномъ положеніи: тутъ же стоялъ камердинеръ, разинувши ротъ и выпуча глаза.

— Ваше превосходительство, вѣдь смѣхъ этотъ выдумали слезы, — сказалъ онъ.

— Извини, братъ! Ну, уморилъ. Да я бы пятьсотъ тысячъ далъ за то только, чтобы посмотрѣть на твоего дядю въ то время, какъ ты поднесешь ему купчую на

мертвыя души. Да что, онъ слишкомъ старъ? Сколько ему лѣтъ?

— Восемьдесятъ лѣтъ, ваше превосходительство. Но это келейное, я бы... чтобы... — Чичиковъ посмотрѣлъ значительно въ лицо генерала и въ то же время искоса на камердинера.

— Поди вонъ, братецъ. Придешь послѣ, — сказалъ генералъ камердинеру. Усачъ удалился.

— Да, ваше превосходительство... Это, ваше превосходительство, дѣло такое, что я бы хотѣлъ подержать его въ секретѣ...

— Разумѣется, я это очень понимаю. Экой дуракъ старикъ! Вѣдь придетъ же въ 80 лѣтъ этакая дурь въ голову! Да что онъ съ виду какъ? бодръ? держится еще на ногахъ?

— Держится, но съ трудомъ.

— Экой дуракъ! И зубы есть?

— Два зуба всего, ваше превосходительство.

— Экой оселъ! Ты, братецъ не сердись... а вѣдь онъ оселъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство. Хоть онъ мнѣ и родственникъ, и тяжело сознаваться въ этомъ, но дѣйствительно — оселъ. — Впрочемъ, какъ читатель можетъ смекнуть и самъ, Чичикову не тяжело было въ этомъ сознаться, тѣмъ болѣе, что врядъ ли у него былъ когда-либо какой дядя. — Такъ если, ваше превосходительство, будете уже такъ добры...

— Чтобы отдать тебѣ мертвыхъ душъ? Да за такую выдумку я ихъ тебѣ съ землей, съ жильемъ! Возьми себѣ все кладбище! Ха, ха, ха, ха! Старикъ то, старикъ! Ха, ха, ха, ха! Въ какихъ дуракахъ! Ха, ха, ха, ха! — И генеральскій смѣхъ пошелъ отдаваться вновь по генеральскимъ покоямъ [1].

Глава III.

„Нѣтъ, я не такъ“, говорилъ Чичиковъ, очутившись опять посреди открытыхъ полей и пространствъ: „нѣтъ,

---

[1] Дальше значительный пропускъ.

Въ первомъ изданіи второго тома „Мертвыхъ Душъ“ С. П. Шевыревъ замѣтилъ: „Здѣсь пропущено примиреніе генерала Бетрищева съ Тѣнтѣтниковымъ; обѣдъ у генерала и бесѣда ихъ о двѣнадцатомъ годѣ, помолвка Улиньки за Тѣнтѣтникова; молитва ея и плачъ на гробѣ матери; бесѣда помолвленныхъ въ саду. Чичиковъ отправляется, по порученію генерала Бетрищева, къ родственникамъ его, для извѣщенія о помолвкѣ дочери, и ѣдетъ къ одному изъ этихъ родственниковъ, полковнику Кошкареву“.

я не такъ распоряжусь. Какъ только, дастъ Богъ, все покончу благополучно и сдѣлаюсь дѣйствительно состоятельнымъ, зажиточнымъ человѣкомъ, я поступлю тогда совсѣмъ иначе: будетъ у меня тогда и поваръ, и домъ, какъ полная чаша, но будетъ и хозяйственная часть въ порядкѣ. Концы сведутся съ концами, да понемножку всякій годъ будетъ откладываться сумма и для потомства, если только Богъ пошлетъ женѣ плодородье"...

— Эй, ты дурачина!

Селифанъ и Петрушка оглянулися оба съ козелъ.

— А куда ты ѣдешь?

— Да какъ изволили приказывать, Павелъ Ивановичъ, — къ полковнику Кошкареву, — сказалъ Селифанъ.

— А дорогу разспросилъ?

— Я, Павелъ Ивановичъ, изволите видѣть, такъ какъ все хлопоталъ около коляски, такъ оно-съ... генеральскаго конюха только видѣлъ... А Петрушка разспрашивалъ у кучера.

— Вотъ и дуракъ! На Петрушку, сказано, не полагаться: Петрушка — бревно.

— Вѣдь тутъ не мудрость какая, — сказалъ Петрушка, глядя искоса, — окромѣ того, что, спустясь съ горы, взять попрямѣй, ничего больше и нѣтъ.

— А ты, окромѣ сивухи, ничего больше, чай, и въ ротъ не бралъ? Чай, и теперь налимонился?

Увидя, что рѣчь повернула вона въ какую сторону, Петрушка закрутилъ только носомъ. Хотѣлъ онъ было сказать, что даже и не пробовалъ, да ужъ какъ то и самому стало стыдно.

— Въ коляскѣ-съ хорошо-съ ѣхать, — сказалъ Селифанъ, оборотившись.

— Что?

— Говорю, Павелъ Ивановичъ, что въ коляскѣ-де вашей милости хорошо-съ ѣхать, получше-съ, какъ въ бричкѣ — не трясетъ.

— Пошелъ, пошелъ! Тебя вѣдь не спрашиваютъ объ этомъ.

Селифанъ хлыснулъ слегка бичомъ по крутымъ бокамъ лошадей и поворотилъ рѣчь къ Петрушкѣ:

— Слышь, мужика Кошкаревъ, баринъ, одѣлъ, говорятъ, какъ нѣмца; поодаль и не распознаешь, — выступаетъ по журавлиному, какъ нѣмецъ. И на бабѣ не то, чтобы платокъ повязуютъ пирогомъ или кокошникъ на головѣ, а нѣмецкій капоръ такой, какъ нѣмки ходятъ, знашь, въ капорахъ, — такъ капоръ называется, знашь, капоръ — нѣмецкій такой капоръ.

— А тебя какъ бы нарядить нѣмцемъ да въ каперъ! — сказалъ Петрушка, острясь надъ Селифаномъ и ухмыльнувшись. Но что за рожа вышла отъ этой усмѣшки! И подобья не было на усмѣшку, а точно какъ бы человѣкъ, доставши себѣ въ носъ насморкъ и силясь при насморкѣ чихнуть, не чихнулъ, но такъ и остался въ положеньи человѣка, собирающагося чихнуть.

Чичиковъ заглянулъ изъ-подъ низа ему въ рожу, желая знать, что тамъ дѣлается, и сказалъ:

— Хорошъ! а еще воображаетъ, что красавецъ!

Надобно сказать, что Павелъ Ивановичъ былъ сурьезно увѣренъ въ томъ, что Петрушка влюбленъ въ красоту свою, тогда какъ послѣдній временами позабывалъ, есть ли у него даже вовсе рожа.

— Вотъ какъ бы догадались было, Павелъ Иванович, — сказалъ Селифанъ, оборотившись съ козелъ, — чтобы выпросить у Андрея Ивановича другого коня, въ обмѣнъ на чубараго; онъ бы, по дружественному расположенію къ вамъ, не отказалъ бы, а это конь-съ, право, подлецъ-лошадь и помѣха.

— Пошелъ, пошелъ, не болтай! — сказалъ Чичиковъ и про себя подумалъ: — въ самомъ дѣлѣ, напрасно я не догадался.

Легкимъ ходомъ неслась тѣмъ временемъ легкая на ходу коляска. Легко подымалась и вверхъ, хотя подчасъ и неровна была дорога; легко опускалась и подъ гору, хотя были спуски проселочныхъ дорогъ. Съ горы спустились. Дорога шла лугами черезъ извивы рѣки, мимо мельницъ. Вдали мелькали пески, выступали картинно одна изъ-за другой осиновыя рощи; вблизи же пролетали быстро кусты лозъ, тонкія ольхи и серебристые тополи, ударявшіе вѣтвями сидѣвшихъ на козлахъ Селифана и Петрушку. Съ послѣдняго ежеминутно сбрасывали они картузъ. Суровый служитель соскакивалъ съ козелъ, бранилъ глупое дерево и хозяина, который насадилъ его, но привязать картуза или даже придержать рукою не догадался, все надѣясь на то, что авось дальше не случится. Деревья же становились гуще: къ осинамъ и ольхамъ начала присоединяться береза, и скоро образовалась лѣсная гущина. Свѣтъ солнца сокрылся. Затемнѣли сосны и ели. Непробудный мракъ безконечнаго лѣса сгущался и, казалось, готовился превратиться въ ночь. И вдругъ промежъ деревъ свѣтъ, тамъ и тамъ промежъ вѣтвей и пней, точно живое серебро или зеркала. Лѣсъ сталъ освѣщаться, деревья рѣдѣть, послышались крики — и вдругъ передъ ними озеро. Водная равнина версты четыре въ поперечникѣ,

вокругъ дерева, позади ихъ избы. Человѣкъ 20, по поясъ, по плеча и по горло въ водѣ, тянули къ супротивному берегу неводъ. Посреди ихъ плавалъ проворно, кричалъ и хлопоталъ за всѣхъ человѣкъ, почти такой же мѣры въ вышину, какъ и въ толщину, круглый кру́гомъ, точный арбузъ. По причинѣ толщины, онъ уже не могъ ни въ какомъ случаѣ потонуть, и какъ бы ни кувыркался, желая нырнуть, вода бы его все выносила наверхъ; и еслибы сѣло къ нему на спину еще двое человѣкъ, онъ бы, какъ упрямый пузырь, остался съ ними на верхушкѣ воды, слегка только подъ ними покряхтывая да пуская носомъ и ртомъ пузыри.

— Этотъ, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Селифанъ, оборотясь съ козелъ, — долженъ быть баринъ, полковникъ Кошкаревъ.

— Отчего?

— Оттого, что тѣло у него, изволите видѣть, побѣлѣй, чѣмъ у другихъ, и дородство почтительное, какъ у барина.

Крики между тѣмъ становились явственнѣй. Скороговоркой и звонко выкрикивалъ баринъ-арбузъ:

— Передавай, передавай, Денисъ, Козьмѣ! Козьма, бери хвостъ у Дениса! Ѳома большой, напирай туды же, гдѣ и Ѳома меньшой! Заходи справа, справа заходи! Стой, стой, чортъ васъ побери обоихъ! Запутали меня самого въ неводъ! Зацѣпили, говорю, проклятые, зацѣпили за пупъ!

Влачители праваго крыла остановились, увидя, что дѣйствительно случилась непредвидѣнная оказія: баринъ запутался въ сѣти.

— Вишь ты, — сказалъ Селифанъ Петрушкѣ, — потащили барина, какъ рыбу.

Баринъ барахтался и, желая выпутаться, перевернулся на спину, брюхомъ вверхъ, запутавшись еще въ сѣтку. Боясь оборвать сѣть, плылъ онъ вмѣстѣ съ пойманною рыбою, приказавши себя перехватить только вповперекъ веревкой. Перевязавши его веревкой, бросили конецъ ея на берегъ. Человѣкъ съ двадцать рыбаковъ, стоявшихъ на берегу, подхватили конецъ и стали бережно тащить его. Добравшись до мелкаго мѣста, баринъ сталъ на ноги, покрытый клѣтками сѣти, какъ въ лѣтнее время дамская ручка подъ сквозной перчаткой, — взглянулъ вверхъ и увидѣлъ гостя, въ коляскѣ выѣзжавшаго на плотину. Увидя гостя, кивнулъ онъ головой. Чичиковъ снялъ картузъ и учтиво раскланялся съ коляски.

— Обѣдали? — закричалъ баринъ, подходя съ пой-

манною рыбою на берегъ, держа одну руку надъ глазами козырькомъ въ защиту отъ солнца, другую же — на манеръ Венеры Медицейской, выходящей изъ бани.

— Нѣтъ, — сказалъ Чичиковъ.

— Ну, такъ благодарите же Бога.

— А что? — спросилъ Чичиковъ любопытно, держа надъ головою картузъ.

— А вотъ что! — сказалъ баринъ, очутившійся на берегу вмѣстѣ съ карпами и карасями, которые бились у ногъ его и прыгали на аршинъ отъ земли, — это ничего, на это не глядите, а вотъ штука, вонъ гдѣ... А покажите-ка, Ѳома большой [1], осетра. — Два здоровыхъ мужика вытащили изъ кадушки какое то чудовище. — Каковъ князекъ? изъ рѣки зашелъ!

— Да это цѣлый князь! — сказалъ Чичиковъ.

— Вотъ то-то же. Поѣзжайте-ка вы теперь впередъ, а я за вами. Кучеръ, ты, братецъ, возьми дорогу пониже, черезъ огородъ. Побѣги, телепень Ѳома меньшой, снять перегородку. А я за вами — какъ тутъ, прежде чѣмъ успѣете оглянуться.

„Полковникъ чудаковатъ", подумалъ [Чичиковъ], проѣхавши, наконецъ, безконечную плотину и подъѣзжая къ избамъ, въ которыхъ однѣ, подобно стаду утокъ, разсыпались по косогору возвышенья, а другія стояли внизу на сваяхъ, какъ цапли. Сѣти, невода, бредни развѣшаны было повсюду. Ѳома меньшой снялъ перегородку, коляска проѣхала огородомъ и очутилась на площади возлѣ устарѣвшей деревянной церкви. За церковью, подальше, видны были крыши господскихъ строеній.

— А вотъ я и здѣсь! — раздался голосъ сбоку. Чичиковъ оглянулся и увидѣлъ, что баринъ уже ѣхалъ возлѣ него, одѣтый, на дрожкахъ — травяно-зеленый нанковый сюртукъ, желтые штаны и шея безъ галстука, на манеръ купидона! Бокомъ сидѣлъ онъ на дрожкахъ, занявши собою всѣ дрожки. Чичиковъ хотѣлъ было что то сказать ему, но толстякъ уже исчезъ. Дрожки показались на другой сторонѣ, и только слышался голосъ:

— Щуку и семь карасей отнесите повару-телепню, а осетра подавай сюда: я его свезу самъ на дрожкахъ.

Раздались снова голоса:

— Ѳома большой да Ѳома меньшой! Козьма да Денисъ!

Когда же подъѣхалъ онъ къ крыльцу дома, къ вели-

---

[1] И Ѳома меньшой?

чайшему изумленью его, толстый баринъ былъ уже на крыльцѣ и принялъ его въ свои объятья. Какъ онъ успѣлъ такъ слетать, было непостижимо. Они поцѣловались троекратно навкрестъ.

— Я привезъ вамъ поклонъ отъ его превосходительства, — сказалъ Чичиковъ.

— Отъ какого превосходительства?

— Отъ родственника вашего, отъ генерала Александра Дмитріевича.

— Кто это Александръ Дмитріевичъ?

— Генералъ Бетрищевъ, — отвѣчалъ Чичиковъ съ нѣкоторымъ изумленьемъ.

— Не знаю-съ, незнакомъ.

Чичиковъ пришелъ въ еще бо́льшее изумленіе.

— Какъ же это?.. Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что имѣю удовольствіе говорить съ полковникомъ Кошкаревымъ?

— Петръ Петровичъ Пѣтухъ, — Пѣтухъ Петръ Петровичъ! — подхватилъ хозяинъ.

Чичиковъ остолбенѣлъ.

— Вотъ тебѣ на! Какъ же вы, дураки, — сказалъ онъ, оборотившись къ Селифану и Петрушкѣ, которые оба разинули рты и выпучили глаза, одинъ сидя на козлахъ, другой стоя у дверецъ коляски: — какъ же вы, дураки? Вѣдь вамъ сказано — къ полковнику Кошкареву... А вѣдь это Петръ Петровичъ Пѣтухъ...

— Ребята сдѣлали отлично! — сказалъ Петръ Петровичъ. — За это вамъ по чапорухѣ водки и кулебяка въ придачу. Откладывайте коней и ступайте сей же часъ въ людскую!

— Я совѣщусь, — говорилъ Чичиковъ, раскланиваясь: — такая нежданная ошибка...

— Не ошибка, — живо проговорилъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ, — не ошибка. Вы прежде попробуйте, каковъ обѣдъ, да потомъ скажете: ошибка ли это? Покорнѣйше прошу, — сказалъ [онъ], взявши Чичикова подъ руку и вводя его во внутреннiе покои. Чичиковъ, чинясь, проходилъ въ дверь бокомъ, чтобъ дать и хозяину пройти съ нимъ вмѣстѣ; но это было напрасно: хозяинъ бы не прошелъ, да его уже и не было. Слышно было, какъ раздавались его рѣчи по двору:

— Да что жъ, Ѳома большой? Зачѣмъ онъ до сихъ поръ не здѣсь? Ротозѣй Емельянъ, бѣги къ поварутелепню, чтобы потрошилъ поскорѣй осетра. Молоки, икру, потроха и лещей въ уху, а карасей — въ соусъ. Да раки, раки! Ротозѣй Ѳома меньшой! гдѣ же раки? раки, говорю, раки?! — И долго раздавался все — раки да раки

„Ну, хозяинъ захлопотался“, сказалъ Чичиковъ, садясь въ кресла и осматривая углы и стѣны.

— А вотъ и я здѣсь, — сказалъ, входя, хозяинъ и ведя за собой двухъ юношей, въ лѣтнихъ сюртукахъ,— тонкіе, точно ивовые хлысты, выгнало ихъ вверхъ почти на цѣлый аршинъ выше Петра Петровича.

— Сыны мои, гимназисты. Пріѣхали на праздники. — Николаша, ты побудь съ гостемъ, а ты, Алексаша, ступай за мною.

И снова исчезнулъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ.

Чичиковъ занялся съ Николашей. Николаша былъ говорливъ. Онъ разсказалъ, что у нихъ въ гимназіи не очень хорошо учатъ, что больше благоволятъ къ тѣмъ, которыхъ маменьки шлютъ побогаче подарки; что въ городѣ стоитъ Ингерманландскій гусарскій полкъ; что у ротмистра Вѣтвицкаго лучше лошадь, нежели у самого полковника, хотя поручикъ Взъёмцевъ ѣздитъ гораздо его почище.

— А что, въ какомъ состояньи имѣніе вашего батюшки? — спросилъ Чичиковъ.

— Заложено, — сказалъ на это самъ батюшка, снова очутившійся въ гостиной, — заложено!

Чичикову хотѣлось сдѣлать то же самое движенье губами, которое дѣлаетъ человѣкъ, какъ дѣло идетъ на нуль и оканчивается ничѣмъ.

— Зачѣмъ же вы заложили? — спросилъ онъ.

— Да такъ. Всѣ пошли закладывать, такъ зачѣмъ же отставать отъ другихъ? Говорятъ, выгодно. Притомъ же все жилъ здѣсь, дай-ка еще попробую прожить въ Москвѣ.

„Дуракъ, дуракъ!“ думалъ Чичиковъ: „промотаетъ все, да и дѣтей сдѣлаетъ мотишками. Оставался бы себѣ, кулебяка, въ деревнѣ“.

— А вѣдь я знаю, что вы думаете, — сказалъ Пѣтухъ.

— Что? — спросилъ Чичиковъ, смутившись.

— Вы думаете: „Дуракъ, дуракъ этотъ Пѣтухъ! зазвалъ обѣдать, а обѣда до сихъ поръ нѣтъ“. Будетъ готовъ, почтеннѣйшій. Не успѣетъ стриженная дѣвка косы заплесть, какъ онъ поспѣетъ.

— Батюшка, Платонъ Михалычъ ѣдетъ! — сказалъ Алексаша, глядя въ окно.

— Верхомъ на гнѣдой лошади! — подхватилъ Николаша, нагибаясь къ окну. — Ты думаешь, Алексаша, нашъ чагравый [1] хуже его?

---

[1] Очень темнаго цвѣта, съ отмѣткой на груди.

— Хуже не хуже, но выступка не такая.

Между ними завязался споръ о гнѣдомъ и чагравомъ. Между тѣмъ вошелъ въ комнату красавецъ — стройнаго роста, свѣтлорусыя блестящія кудри и темные глаза. Гремя мѣднымъ ошейникомъ, мордатый песъ, собака-страшилище, вошелъ вслѣдъ за нимъ.

— Обѣдали? — спросилъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ.

— Обѣдалъ, — сказалъ гость.

— Что жъ, вы смѣяться, что ли, надо мной пріѣхали? — сказалъ, сердясь, Пѣтухъ. — Что мнѣ въ васъ послѣ обѣда?

— Впрочемъ, Петръ Петровичъ, — сказалъ гость, усмѣхнувшись, — могу васъ утѣшить тѣмъ, что ничего не ѣлъ за обѣдомъ: совсѣмъ нѣтъ аппетита.

— А каковъ былъ уловъ, еслибы вы видѣли! Какой осетрище пожаловалъ! Карасей и не считали.

— Даже завидно васъ слушать, — сказалъ гость. — Научите меня быть такъ же веселымъ, какъ вы.

— Да отчего же скучать? помилуйте! — сказалъ хозяинъ.

— Какъ отчего скучать? — оттого, что скучно.

— Мало ѣдите, вотъ и все. Попробуйте-ка хорошенько пообѣдать. Вѣдь это въ послѣднее время выдумали скуку. Прежде никто не скучалъ.

— Да полно хвастать! Будто ужъ вы никогда не скучали?

— Никогда! Да и не знаю, даже и времени нѣтъ для скуки. Поутру проснешься — вѣдь нужно пить чай, а тутъ вѣдь приказчикъ, а тутъ и на рыбную ловлю, а тутъ и обѣдъ. Послѣ обѣда не успѣешь всхрапнуть, а тутъ и ужинъ, а послѣ пришелъ поваръ — заказывать нужно на завтра обѣдъ. Когда же скучать?

Въ все время разговора Чичиковъ разсматривалъ гостя.

Платонъ Михалычъ Платоновъ былъ Ахиллесъ и Паридъ вмѣстѣ: стройное сложенье, картинный ростъ, свѣжесть — все было собрано въ немъ. Пріятная усмѣшка, съ легкимъ выраженьемъ иронiи, какъ бы еще усиливала его красоту. Но, несмотря на все это, было въ немъ что то неоживленное и сонное. Страсти, печали и потрясенія не прорѣзали морщины на дѣвственное, свѣжее его лицо, но съ тѣмъ вмѣстѣ и не оживили его.

— Признаюсь, я тоже, — произнесъ Чичиковъ, — не могу понять, если позволите такъ замѣтить, — не могу понять, какъ при такой наружности, какъ ваша, скучать. Конечно, могутъ быть причины другія: недостача денегъ, притѣсненья отъ какихъ-нибудь злоумышленниковъ,

какъ есть иногда такіе, которые готовы покуситься даже на самую жизнь.

— Въ томъ-то (и дѣло), что ничего этого нѣтъ, — сказалъ Платоновъ. — Повѣрите ли, что иной разъ я бы хотѣлъ, чтобы это было, чтобы была какая-нибудь тревога и волненья, ну, хоть бы, просто, разсердилъ меня кто-нибудь. Но нѣтъ! Скучно — да и только. (Вотъ и все.)

— Не понимаю. Но, можетъ быть, имѣнье у васъ недостаточное, малое количество душъ?

— Ничуть: у насъ съ братомъ земли на десять тысячъ десятинъ и при нихъ тысяча душъ крестьянъ.

— И при этомъ скучать — непонятно! Но, можетъ быть, имѣнья въ безпорядкѣ? были неурожаи, много людей вымерло?

— Напротивъ, все въ наилучшемъ порядкѣ, и братъ мой отличнѣйшій хозяинъ.

— Не понимаю! — сказалъ Чичиковъ и пожалъ плечами.

— А вотъ мы скуку сейчасъ прогонимъ, — сказалъ хозяинъ. — Бѣжи, Алексаша, проворнѣй на кухню и скажи повару, чтобы поскорѣй прислалъ намъ растегайчиковъ. Да гдѣ жъ ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка? Зачѣмъ не даютъ закуски?

Но дверь растворилась. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка явились съ салфетками, накрыли столъ, поставили подносъ съ шестью графинами разноцвѣтныхъ настоекъ. Скоро вокругъ подносовъ и графиновъ обстановилось ожерелье тарелокъ — икра, сыры, соленые грузди, опенки, да новое принесли изъ кухни что то въ закрытыхъ тарелкахъ, сквозь которыя слышно было ворчавшее масло. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка были народъ хорошій и расторопный. Названья эти хозяинъ давалъ только потому, что безъ прозвищъ все какъ то выходило прѣсно, а онъ прѣснаго не любилъ; самъ былъ добръ душой, но словцо любилъ пряное. Впрочемъ, и люди за это не сердились.

Закускѣ послѣдовалъ обѣдъ. Здѣсь добродушный хозяинъ сдѣлался совершеннымъ разбойникомъ. Чуть замѣчалъ у кого одинъ кусокъ, подкладывалъ ему тутъ же другой, приговаривая: „Безъ пары ни человѣкъ, ни птица не могутъ жить на свѣтѣ“. Съѣдалъ гость два — подваливалъ ему третій, приговаривая: „Что жъ за число два? Богъ любитъ троицу“. Съѣдалъ гость три — онъ ему: „Гдѣ жъ бываетъ телѣга о трехъ колесахъ? Кто жъ строитъ избу о трехъ углахъ?“ На четыре у него была опять поговорка, на пять — тоже.

Чичиковъ съѣлъ чего то чуть ли не двѣнадцать ломтей и думалъ: „Ну, теперь ничего не приберетъ больше хозяинъ“. Не тутъ то было: хозяинъ, не говоря ни слова, положилъ ему на тарелку хребтовую часть теленка, жаренаго на вертелѣ, лучшую часть, какая ни была, съ почками, да и какого теленка!

— Два года воспитывалъ на молокѣ, — сказалъ хозяинъ: — ухаживалъ, какъ за сыномъ!

— Не могу! — сказалъ Чичиковъ.

— Да вы попробуйте, да потомъ скажите: не могу!

— Не взойдетъ, нѣтъ мѣста.

— Да вѣдь и въ церкви не было мѣста, взошелъ городничій — нашлось; а вѣдь была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ — тотъ же городничій.

Попробовалъ Чичиковъ: дѣйствительно, кусокъ былъ въ родѣ городничаго: нашлось ему мѣсто, а, казалось, ничего нельзя было помѣстить.

Съ винами была тоже исторія. Получивши деньги изъ ломбарда, Петръ Петровичъ запасся провизіей на десять лѣтъ впередъ. Онъ, то и дѣло, подливалъ да подливалъ; чего жъ не допивали гости, давалъ допить Алексашѣ и Николашѣ, которые такъ и хлопали рюмка за рюмкой, а встали изъ-за стола — какъ бы ни въ чемъ не бывали, точно выпили по стакану воды. Съ гостьми было не то: въ-силу, въ-силу перетащились они на балконъ и въ-силу помѣстились въ креслахъ. Хозяинъ, какъ сѣлъ въ свое, какое то четырехмѣстное, такъ тутъ же и заснулъ. Тучная собственность его превратилась въ кузнечный мѣхъ: черезъ открытый ротъ и носовыя ноздри началъ онъ издавать звуки, какіе не бываютъ и въ новой музыкѣ. Тутъ было все — и барабанъ, и флейта, и какой то отрывистый звукъ, точно собачій лай.

— Экъ его насвистываетъ! — сказалъ Платоновъ. Чичиковъ разсмѣялся.

— Разумѣется, если этакъ пообѣдать, — заговорилъ Платоновъ, — какъ тутъ придти скукѣ! тутъ сонъ придетъ.

— Да, — говорилъ Чичиковъ лѣниво. Глазки стали у него необыкновенно маленькіе. — А все-таки, однакожъ, извините, не могу понять, какъ можно скучать. Противъ скуки есть такъ много средствъ.

— Какія же?

— Да мало ли для молодого человѣка! Можно танцовать, играть на какомъ-нибудь инструментѣ... а не то — жениться.

— На комъ? скажите.

— Да будто въ окружности нѣтъ хорошихъ и богатыхъ невѣстъ?

— Да нѣтъ.

— Ну, поискать въ другихъ мѣстахъ, поѣздить. — Тутъ богатая мысль сверкнула въ головѣ Чичикова; глаза его стали побольше. — Да вотъ прекрасное средство! — сказалъ онъ, глядя въ глаза Платонову.

— Какое?

— Путешествіе.

— Куда жъ ѣхать?

— Да если вамъ свободно, такъ поѣдемъ со мной, — сказалъ Чичиковъ и подумалъ про себя, глядя на Платонова: „А это было бы хорошо: тогда бы можно издержки пополамъ, а починку коляски отнести вовсе на его счетъ“.

— А вы куда ѣдете?

— Да какъ сказать — куда? Ѣду я, покуда, не столько по своей надобности, сколько по надобности другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ... Конечно, родственники-родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя; ибо видѣть свѣтъ, коловращенье людей — кто что ни говори, есть какъ бы живая книга, вторая наука.

Платоновъ задумался.

Чичиковъ между тѣмъ такъ помышлялъ: „Право, было (бы) хорошо! Можно даже и такъ, что всѣ издержки будутъ на его счетъ. Можно даже сдѣлать и такъ, чтобы отправиться на его лошадяхъ, а мои покормятся у него въ деревнѣ, а въ дорогу взять его коляску“.

„Что жъ? почему жъ не проѣздиться?“ думалъ между тѣмъ Платоновъ: „авось-либо будетъ повеселѣе. Дома же мнѣ дѣлать нечего, хозяйство и безъ того на рукахъ у брата; стало быть, разстройства никакого. Почему жъ, въ самомъ дѣлѣ, не проѣздиться?“

— А согласны ли вы, — сказалъ онъ вслухъ, — погостить у брата денька два? Безъ этого онъ меня не отпуститъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, хоть три.

— Ну, если такъ — по рукамъ! Ѣдемъ! — сказалъ, оживясь, Платоновъ.

— Браво! — сказалъ Чичиковъ, хлопнувъ по рукѣ его, — ѣдемъ!

— Куда? куда? — сказалъ хозяинъ, проснувшись и выпуча на нихъ глаза. — Нѣтъ, государи, и колеса

приказано снять съ вашей коляски, а вашъ жеребецъ, Платонъ Михалычъ, отсюда теперь за пятнадцать верстъ. Нѣтъ, вотъ вы сегодня переночуйте, а завтра послѣ ранняго обѣда и поѣзжайте себѣ.

„Вотъ тебѣ на!“ подумалъ Чичиковъ. Платоновъ ничего на это не сказалъ, зная, что Пѣтухъ держался обычаевъ своихъ крѣпко. Нужно было остаться.

Зато награждены они были удивительнымъ весеннимъ вечеромъ. Хозяинъ устроилъ гулянье на рѣкѣ. Двѣнадцать гребцовъ, въ двадцать четыре весла, съ пѣснями, понесли ихъ по гладкому хребту зеркальнаго озера. Изъ озера они пронеслись въ рѣку, безпредѣльную, съ пологими берегами по обѣ стороны. Хоть бы струйкой шевельнулись воды. На катерѣ они пили съ калачами чай, подходя ежеминутно подъ протянутые впоперекъ рѣки канаты для ловли рыбы снастью. Еще до чаю (хозяинъ) успѣлъ раздѣться и выпрыгнуть въ рѣку, гдѣ барахтался и шумѣлъ съ полчаса съ рыбаками, покрикивая на Ѳому большого и Козьму, и, накричавшись, нахлопотавшись, намерзнувшись въ водѣ, очутился на катерѣ (съ аппетитомъ) и такъ пилъ чай, что было завидно. Тѣмъ временемъ солнце зашло; осталась небесная ясность. Крики отдавались звонко. Намѣсто рыбаковъ показались повсюду у береговъ группы купающихся ребятишекъ: хлопанье по водѣ, смѣхъ отдавались далече. Гребцы, хвативши разомъ въ двадцать четыре весла, подымали вдругъ всѣ весла вверхъ, и катеръ самъ собой, какъ легкая птица, стремился по недвижной зеркальной поверхности. Здоровый, свѣжій дѣтина, третій отъ руля, запѣвалъ звонко одинъ, вырабатывая чистымъ голосомъ; пятеро подхватывало, шестеро выносило — и разливалась безпредѣльная, какъ Русь, пѣсня; и, заслонивши ухо рукой, какъ бы терялись сами пѣвцы въ ея безпредѣльности. Становилося какъ то льготно, и думалъ Чичиковъ: „Эхъ, право, заведу себѣ когда-нибудь деревеньку!“ — „Ну, что тутъ хорошаго“, думалъ Платоновъ, „въ этой заунывной пѣснѣ? отъ ней еще бо̀льшая тоска находитъ на душу“.

Возвращались назадъ уже сумерками. Весла ударяли впотьмахъ по водамъ, уже не отражавшимъ неба. Едва видны были по берегамъ огоньки. Мѣсяцъ подымался, когда они пристали къ берегу. Повсюду на треногахъ варили рыбаки уху, все изъ ершей да изъ животрепещущихъ рыбъ. Все уже было дома. Гуси, коровы, козы уже давно были пригнаны, и самая пыль отъ нихъ уже давно улеглась, и пастухи, пригнавшіе ихъ, стояли у воротъ, ожидая крынки молока и приглашенья къ ухѣ.

Тамъ и тамъ слышались говоръ и гомонъ людской, громкое лаянье собакъ своей деревни и отдаленное — чужихъ деревень. Мѣсяцъ подымался, и стали озаряться потемки; и все, наконецъ, озарилось — и озеро, и избы; поблѣднѣли огни; сталъ виденъ дымъ изъ трубъ, осеребренный лучами. Николаша и Алексаша пронеслись передъ ними на двухъ лихихъ жеребцахъ, въ обгонку другъ друга; пыль за ними — какъ отъ стада барановъ. „Эхъ, право, заведу себѣ когда-нибудь деревеньку!“ думалъ Чичиковъ. Бабенка и маленькіе Чичиковы начали ему снова представляться. Кого жъ не разогрѣетъ такой вечеръ?

А за ужиномъ опять объѣлись. Когда вошелъ Павелъ Ивановичъ въ отведенную комнату для спанья и, ложась въ постель, пощупалъ животикъ свой: „Барабанъ!“ сказалъ: „никакой городничій не взойдетъ!“ — Надобно же было такому стеченью обстоятельствъ: за стѣной былъ кабинетъ хозяина, стѣна была тонкая, и слышалось все, что тамъ ни говорилось. Хозяинъ заказывалъ повару, подъ видомъ ранняго завтрака, на завтрашній день, рѣшительный обѣдъ, и какъ заказывалъ! У мертваго родился бы аппетитъ. И губами подсасывалъ, и причмокивалъ. Раздавалось только:

— Да поджарь, да дай взопрѣть хорошенько!

А поваръ приговаривалъ тоненькой фистулой:

— Слушаю-съ. Можно-съ. Можно-съ и такой.

— Да кулебяку сдѣлай на четыре угла. Въ одинъ уголъ положи ты мнѣ щеки осетра да вязигу, въ другой запусти гречневой кашицы, да грибочковъ съ лучкомъ, да молокъ сладкихъ, да мозговъ, да еще чего знаешь тамъ этакого...

— Слушаю-съ. Можно будетъ и такъ.

— Да чтобы съ одного боку она, — понимаешь? — зарумянилась бы, а съ другого пусти ее полегче. Да исподку-то, исподку—понимаешь?—пропеки такъ, чтобы разсыпалась, чтобы всю ее пропяло, знаешь, сокомъ, чтобы и не услышалъ ее во рту — какъ снѣгъ бы растаяла.

„Чортъ побери!“ думалъ Чичиковъ, ворочаясь: „просто, не дастъ спать!“

— Да сдѣлай ты мнѣ свиной сычугъ. Положи въ середку кусочекъ льду, чтобы онъ взбухнулъ хорошенько. Да чтобы къ осетру обкладка, гарниръ то, гарниръ то чтобы былъ побогаче! Обложи его раками да поджаренной маленькой рыбкой, да проложи фаршецомъ изъ сняточковъ, да подбавь мелкой сѣчки, хрѣнку, да груздочковъ, да рѣпушки, да морковки, да бобовъ, да нѣтъ ли еще тамъ какого коренья?

— Можно будетъ подпустить брюкву или свеклу звѣздочкой, — сказалъ поваръ.

— Подпусти и брюкву, и свеклу. А къ жаркому ты сдѣлай вотъ какую обкладку...

„Пропалъ совершенно сонъ!“ сказалъ Чичиковъ, переворачиваясь на другую сторону, закуталъ голову въ подушки и закрылъ себя всего одѣяломъ, чтобы не слышать ничего. Но сквозь одѣяло слышалось безпрестанно: „Да поджарь, да подпеки, да дай взопрѣть хорошенько“. Заснулъ онъ уже на какомъ то индюкѣ.

На другой день до того объѣлись гости, что Платоновъ уже не могъ ѣхать верхомъ; жеребецъ былъ отправленъ съ конюхомъ Пѣтуха. Они сѣли въ коляску. Мордатый песъ лѣниво пошелъ за коляской: онъ тоже объѣлся.

— Нѣтъ, это уже слишкомъ, — сказалъ Чичиковъ, когда выѣхали они со двора. — Это даже по-свински. Не безпокойно ли вамъ, Платонъ Михалычъ? Препокойная была коляска, и вдругъ стало безпокойно. Петрушка, ты, вѣрно, по глупости, сталъ перекладывать? отовсюду торчатъ какія то коробки!

Платоновъ усмѣхнулся.

— Это, я вамъ объясню, — сказалъ онъ, — Петръ Петровичъ насовалъ въ дорогу.

— Точно такъ, — сказалъ Петрушка, оборотясь съ козелъ, — приказано было все поставить въ коляску — пашкеты и пироги.

— Точно-съ, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Селифанъ, оборотясь съ козелъ, веселый: — очень почтенный баринъ, угостительный помѣщикъ! По рюмкѣ шампанскаго выслалъ, точно-съ, и приказалъ отъ стола отпустить блюда, — очень хорошія блюда, деликатнаго скусу. Такого почтительнаго господина еще и не было.

— Видите ли? онъ всѣхъ удовлетворилъ, — сказалъ Платоновъ. — Однакоже, скажите просто: есть ли у васъ время, чтобы заѣхать въ одну деревню, отсюда верстъ десять? Мнѣ бы хотѣлось проститься съ сестрой и зятемъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — сказалъ Чичиковъ.

— Отъ этого вы не будете въ накладѣ: зять мой— весьма замѣчательный человѣкъ.

— По какой части? — спросилъ Чичиковъ.

— Это первый хозяинъ, какой когда-либо бывалъ на Руси. Онъ въ десять лѣтъ съ небольшимъ, купивши разстроенное имѣніе, едва дававшее двадцать тысячъ, возвелъ его до того, что теперь получаетъ двѣсти тысячъ.

— А, почтенный человѣкъ! Вотъ этакого человѣка жизнь стоитъ того, чтобы быть переданной въ поученье людямъ! Очень, очень будетъ пріятно познакомиться. А какъ по фамиліи?

— Скудронжогло.

— А имя и отчество?

— Константинъ Ѳедоровичъ.

— Константинъ Ѳедоровичъ Скудронжогло. Очень пріятно познакомиться. Поучительно узнать этакого человѣка. — И Чичиковъ пустился въ разспросы о Скудронжоглѣ, и все, что онъ узналъ о немъ отъ Платонова, было, точно, изумительно.

— Вотъ смотрите, въ этомъ мѣстѣ уже начинаются его земли, — говорилъ Платоновъ, указывая на поля.— Вы увидите тотчасъ отличье отъ другихъ. Кучеръ, здѣсь возьмешь дорогу налѣво. Видите ли этотъ молодникъ-лѣсъ? Это — сѣянный. У другого въ пятьдесятъ лѣтъ не поднялся [бы] такъ, а у него въ восемь выросъ. Смотрите, вотъ лѣсъ и кончился, начались уже хлѣба; а черезъ пятьдесятъ десятинъ опять будетъ лѣсъ, тоже сѣянный, а тамъ опять. Смотрите на хлѣба, во сколько разъ они гуще, чѣмъ у другого.

— Вижу. Да какъ же онъ это дѣлаетъ?

— Ну, разспросите у него, вы увидите, что ни.. нѣтъ у него. Это всезнай, такой всезнай, какого вы нигдѣ не найдете. Онъ мало того, что знаетъ, какую почву что любитъ, знаетъ, какое сосѣдство для кого не нужно, по близости какого лѣса нужно сѣять какой хлѣбъ. У насъ у всѣхъ земля трескается отъ засухъ, а у него нѣтъ. Онъ разсчитаетъ, насколько нужно влажности, столько и дерева разведетъ; у него все играетъ двѣ роли: лѣсъ лѣсомъ, а полю удобренье отъ листьевъ да отъ тѣни. И это во всемъ такъ.

— Изумительный человѣкъ! — сказалъ Чичиковъ и съ любопытствомъ посматривалъ на поля.

Все было въ порядкѣ необыкновенномъ. Лѣса были обгороженные; попадались скотные дворы, тоже не безъ причины обстроенные, завидно содержимые; хлѣбныя клади росту великанскаго. Обильно и хлѣбно было повсюду. Видно было вдругъ, что живетъ тузъ-хозяинъ. Поднявшись на небольшую возвышенность, [увидѣли] на супротивной сторонѣ большую деревню, разсыпавшуюся на трехъ горныхъ возвышеніяхъ. Все тутъ было богато: торныя улицы, крѣпкія избы; стояла гдѣ телѣга— телѣга была крѣпкая и новёшенькая; попадался ли конь — конь былъ откормленный и добрый; рогатый скотъ — какъ на отборъ, даже мужичья свинья глядѣла

дворянином. Такъ и видно, что здѣсь именно живутъ тѣ мужики, которые гребутъ, какъ поется въ пѣснѣ, серебро лопатой. Не было тутъ аглицкихъ парковъ, бесѣдокъ и мостовъ съ затѣями и разныхъ проспектовъ передъ домомъ; отъ избъ до господскаго двора потянулись рабочьи дворы. На крышѣ большой фонарь, не для видовъ, но для разсматриванья, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ, и какъ производились работы.

Они подъѣхали къ дому. Хозяина не было; встрѣтила ихъ жена, родная сестра Платонова, бѣлокурая, бѣлолицая, съ прямо русскимъ выраженьемъ, также красавица, но такъ же полусонная, какъ онъ. Кажется, какъ будто ее мало заботило то, о чемъ заботятся, или оттого, что всепоглощающая дѣятельность ничего не оставила на ея долю, или оттого, что она принадлежала, по самому сложенію своему, къ тому философическому разряду людей, которые, имѣя и чувства, и мысли, и умъ, живутъ какъ то вполовину, на жизнь глядятъ въ-полглаза и, видя возмутительныя тревоги и борьбы, говорятъ: „[Пусть] ихъ, дураки, бѣсятся! Имъ же хуже“.

— Здравствуй, сестра! — сказалъ Платоновъ. — Гдѣ жъ Константинъ?

— Не знаю. Ему уже слѣдовало быть давно здѣсь. Вѣрно, захлопотался.

Чичиковъ на хозяйку не обратилъ [вниманія]. Ему было интересно разсмотрѣть жилище этого необыкновеннаго человѣка. Онъ оглянулъ въ комнатѣ все: думалъ онъ отыскать въ ней слѣды свойства самого хозяина,— какъ по раковинѣ можно судить, какого рода сидѣла въ ней устрица или улитка; но этого то и не было. Комнаты были безхарактерны совершенно — просторны, и ничего больше. Ни фресковъ, ни картинъ по стѣнамъ, ни бронзы по столамъ, ни этажерокъ съ фарфоромъ и чашками, ни вазъ, ни цвѣтовъ, ни статуекъ, — словомъ, какъ то голо. Простая обыкновенная мебель да рояль стоялъ въ сторонѣ, и тотъ покрытъ: какъ видно, хозяйка рѣдко за него садилась. Изъ гостиной отворена [была дверь въ кабинетъ хозяина]; но и тамъ было такъ же голо, — просто и голо. Видно было, что хозяинъ приходилъ въ домъ только отдохнуть, а не то, чтобы жить въ немъ; что для обдумыванья своихъ плановъ и мыслей ему [не] надобно было кабинета съ пружинными креслами и всякими покойными удобствами, и что жизнь его заключалась не въ очаровательныхъ грезахъ у пылающаго камина, но прямо въ дѣлѣ: мысль исходила вдругъ изъ самихъ обстоятельствъ, въ ту минуту, какъ они представлялись, и обращалась вдругъ въ дѣло, не

имѣя никакой надобности въ томъ, чтобы быть записанной.

— А! вотъ онъ! Идетъ, идетъ! — сказалъ Платоновъ. Чичиковъ тоже устремился къ окну. Къ крыльцу подходилъ лѣтъ сорока человѣкъ, живой, смуглой наружности. На немъ былъ триковый картузъ. По обѣимъ сторонамъ его, снявъ шапки, шли двое нижняго сословія, — шли, разговаривая и о чемъ то съ [нимъ] толкуя. Одинъ, казалось, былъ простой мужикъ; другой, въ синей сибиркѣ, какой то заѣзжій кулакъ и пройдоха.

— Такъ ужъ прикажите, батюшка, принять! — говорилъ мужикъ, кланяясь.

— Да нѣтъ, братецъ, я ужъ двадцать разъ вамъ повторялъ: не возите больше. У меня матеріалу столько накопилось, что дѣвать некуда.

— Да у васъ, батюшка Константинъ Ѳедоровичъ, весь пойдетъ въ дѣло. Ужъ этакого умнаго человѣка во всемъ свѣтѣ нельзя сыскать. Ваше здоровье всяку вещь въ мѣсто поставитъ. Такъ ужъ прикажите принять.

— Мнѣ, братецъ, руки нужны; мнѣ работниковъ доставляй, а не матеріалъ.

— Да ужъ въ работникахъ не будете имѣть недостатку. У насъ цѣлыя деревни пойдутъ въ работы: безхлѣбье такое, что и не запомнимъ. Ужъ вотъ бѣда то, что не хотите насъ совсѣмъ взять, а отслужили бы вѣрою вамъ, ей Богу, отслужили. У васъ всякому уму научишься, Константинъ Ѳедоровичъ. Такъ прикажите принять въ послѣдній разъ.

— Да вѣдь ты и тогда говорилъ: въ послѣдній разъ, а вѣдь вотъ опять привезъ.

— Ужъ въ послѣдній разъ, Константинъ Ѳедоровичъ. Если вы не возьмете, то у меня никто не возьметъ. Такъ ужъ прикажите, батюшка, принять.

— Ну, слушай, этотъ разъ возьму, и то изъ сожалѣнія только, чтобы не провозилъ напрасно. Но если ты привезешь въ другой разъ, хоть три недѣли канючь— не возьму.

— Слушаю-съ, Константинъ Ѳедоровичъ; ужъ будьте покойны, въ другой разъ ужъ никакъ не привезу. Покорнѣйше благодарю. — Мужикъ отошелъ, довольный. Вретъ, однакоже, привезетъ: авось — великое словцо.

— Такъ ужъ того-съ, Константинъ Ѳедоровичъ, ужъ сдѣлайте милость... посбавьте, — говорилъ шедшій по другую сторону заѣзжій кулакъ въ синей сибиркѣ.

— Вѣдь я тебѣ на первыхъ порахъ объявилъ. Тор-

говаться я не охотникъ. Я тебѣ говорю опять: я не то, что другой помѣщикъ, къ которому ты подъѣдешь подъ самый срокъ уплаты въ ломбардъ. Вѣдь я васъ знаю всѣхъ. У васъ есть списки всѣхъ, кому когда слѣдуетъ уплачивать. Что жъ тутъ мудренаго? Ему приспичитъ, онъ тебѣ и отдастъ за полцѣны. А мнѣ что твои деньги? У меня вещь хоть три года лежи: мнѣ въ ломбардъ не нужно уплачивать.

— Настоящее дѣло, Константинъ Ѳедоровичъ. Да вѣдь я того-съ... оттого только, чтобы и впредь имѣть съ вами касательство, а не ради какого корыстья. Три тысячи задаточку извольте принять. — Кулакъ вынулъ изъ-за пазухи пукъ засаленныхъ ассигнацій. Скудронжогло прехладнокровно взялъ ихъ и, не считая, сунулъ въ задній карманъ своего сюртука.

„Гм“, подумалъ Чичиковъ: „точно какъ бы носовой платокъ!“

Минуту спустя, Скудронжогло показался въ дверяхъ гостиной.

— Ба, братъ, ты здѣсь! — сказалъ онъ, увидѣвъ Платонова. Они обнялись и поцѣловались. Платоновъ рекомендовалъ Чичикова. Чичиковъ благоговѣйно подступилъ къ хозяину, лобызнулъ его въ щеку, принявши и отъ него впечатлѣнье поцѣлуя.

Лицо Скудронжогла было очень замѣчательно. Въ немъ было замѣтно южное происхожденіе. Волосы на головѣ и на бровяхъ темны и густы, глаза говорящіе, блеску сильнаго. Умъ сверкалъ во всякомъ выраженьи лица, и ужъ ничего не было въ немъ соннаго. Но замѣтна, однакоже, была примѣсь чего то желчнаго и озлобленнаго. Онъ былъ не совсѣмъ русскаго происхожденія. Есть много на Руси русскихъ не русскаго происхожденья, въ душѣ, однакоже, русскіе. Скудронжогло не занимался своимъ происхожденьемъ, находя, что это нейдетъ въ дѣло; притомъ не зналъ и другого языка, кромѣ русскаго.

— Знаешь ли, Константинъ, что я выдумалъ? — сказалъ Платоновъ.

— А что?

— Выдумалъ я проѣздиться по разнымъ губерніямъ; авось ли это вылѣчитъ отъ хандры.

— Что жъ? это очень можетъ быть.

— Вотъ вмѣстѣ съ Павломъ Ивановичемъ.

— Прекрасно! Въ какія же мѣста, — спросилъ Скудронжогло, привѣтливо обращаясь къ Чичикову, — предполагаете теперь ѣхать?

— Признаюсь, — сказалъ Чичиковъ, наклоня го-

лову на-бокъ и взявшись рукою за ручку креселъ, — вѣдь я, покамѣстъ, не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя; потому что, точно, не говоря уже о пользѣ, которая можетъ быть въ гемороидальномъ отношеніи, одно уже то, чтобъ увидать свѣтъ, коловращенье людей... кто что ни говори, есть, такъ сказать, живая книга, та же наука.

— Да, заглянуть въ иные уголки не мѣшаетъ.

— Превосходно изволили замѣтить, — отнесся Чичиковъ, — точно, не мѣшаетъ. Видишь вещи, которыхъ бы не видѣлъ; встрѣчаешь людей, которыхъ бы не встрѣтилъ. Разговоръ съ инымъ тотъ же червонецъ. Научите, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ, научите, къ вамъ прибѣгаю. Жду, какъ манны, сладкихъ словъ вашихъ.

Скудронжогло смутился

— Чему же, однако?... чему научить? Я и самъ учился на мѣдныя деньги.

— Мудрости, почтеннѣйшій, мудрости! мудрости управлять хозяйствомъ, подобно вамъ; подобно вамъ умѣть извлекать изъ него (не мечтательные, но) существенные доходы; пріобрѣсть, подобно вамъ, имущество не воображаемое, но существенное, дѣйствительное, и тѣмъ, исполня долгъ гражданина, заслужить уваженье соотечественниковъ.

— Знаете ли что? — сказалъ Скудронжогло; — останьтесь денекъ у меня. Я покажу вамъ все управленіе и разскажу обо всемъ. Мудрости тутъ, какъ вы увидите, никакой нѣтъ.

— Братъ, оставайся этотъ день, — сказала хозяйка, обращаясь къ Платонову.

— Мнѣ все равно, — произнесъ тотъ равнодушно, — какъ Павелъ Ивановичъ?

— Я съ большимъ удовольствіемъ... Но вотъ обстоятельство — нужно посѣтить родственника генерала Бетрищева. Есть нѣкто полковникъ Кошкаревъ...

— Да вѣдь онъ... знаете ли вы это? Вѣдь онъ дуракъ и помѣшанъ.

— Объ этомъ я уже слышалъ. Мнѣ къ нему и дѣла нѣтъ. Но такъ какъ генералъ Бетрищевъ — близкій пріятель и, такъ сказать, благотворитель... такъ уже какъ то и неловко.

— Въ такомъ случаѣ знаете ли что, — сказалъ (Скудронжогло): — поѣзжайте къ нему теперь же. У

меня стоятъ готовыя пролетки. Къ нему и десяти верстъ (нѣтъ), такъ вы слетаете духомъ. Вы даже раньше ужина возвратитесь назадъ.

Чичиковъ съ радостью воспользовался предложеньемъ. Пролетки были поданы, и онъ поѣхалъ тотъ же часъ къ полковнику, который изумилъ его такъ, какъ еще никогда ему не случалось изумляться. Все было у полковника необыкновенно. Вся деревня была въ разброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу и бревенъ по всѣмъ улицамъ. Выстроены были какіе то домы, въ родѣ присутственныхъ мѣстъ. На одномъ было написано золотыми буквами: Депо земледѣльческихъ орудій, на другомъ: Главная счетная экспедиція, на третьемъ: Комитетъ сельскихъ дѣлъ; Школа нормальнаго просвѣщенья поселянъ: словомъ, чортъ знаетъ, чего не было! Онъ думалъ, не въѣхалъ ли въ губернскій городъ. Самъ полковникъ былъ какой то чопорный. Лицо какое то чинное въ видѣ треугольника. Бакенбарды по щекамъ его были протянуты въ струнку; волосы, прическа, носъ, губы, подбородокъ — все какъ бы лежало дотолѣ подъ прессомъ. Началъ онъ говорить, какъ бы и дѣльный человѣкъ. Съ первыхъ началъ началъ онъ ему жаловаться на необразованность окружающихъ помѣщиковъ, на великіе труды, которые ему предстоятъ. Принялъ онъ Чичикова ласково и радушно, и ввелъ его совершенно въ довѣренность и разсказалъ съ самоуслажденьемъ, сколькихъ и сколькихъ стоило ему трудовъ возвесть имѣнье до нынѣшняго благосостоянія; какъ трудно было дать понять простому мужику, что существуютъ высшія побужденія, которыя доставляетъ человѣку просвѣщенная роскошь, что есть искусство; сколько нужно было бороться съ невѣжествомъ русскаго мужика, чтобы одѣть его въ нѣмецкіе штаны и заставить почувствовать, хотя сколько-нибудь, высшее достоинство человѣка; что бабъ, несмотря на всѣ усилія, онъ до сихъ (поръ) не могъ заставить надѣть корсетъ, тогда какъ въ Германіи, гдѣ онъ стоялъ съ полкомъ въ 14-мъ году, дочь мельника умѣла играть даже на фортепіано, говорила по-французски и дѣлала книксенъ. Съ соболѣзнованіемъ разсказывалъ онъ, какъ велика необразованность сосѣдей-помѣщиковъ; какъ мало думаютъ они о своихъ подвластныхъ; какъ они даже смѣялись, когда онъ старался изъяснить, какъ необходимо для хозяйства устроенье письменной конторы, конторъ, комиссіи и даже комитетовъ, чтобы тѣмъ предохранить (отъ) всякой кражи, и всякая вещь была бы извѣстна, чтобы писарь, управитель и бухгалтеръ

образовались бы не какъ-нибудь, но оканчивали бы университетское воспитанье; что, несмотря на всѣ убѣжденія, онъ не могъ убѣдить помѣщиковъ въ томъ, что какая бы выгода была ихъ имѣніямъ, еслибы каждый крестьянинъ былъ воспитанъ такъ, чтобы, идя за плугомъ, могъ читать въ то же время книгу о громовыхъ отводахъ.

На это Чичиковъ (подумалъ): „Ну, врядъ ли выберется такое время. Вотъ я выучился грамотѣ, а „Графиня Лавальеръ“ до сихъ поръ еще не прочитана“.

— Ужасное невѣжество! — сказалъ въ заключенье полковникъ Кошкаревъ: — тьма среднихъ вѣковъ, и нѣтъ средствъ помочь... Повѣрьте, нѣтъ! А я бы могъ всему помочь; я знаю одно средство, вѣрнѣйшее средство.

— Какое?

— Одѣть всѣхъ до одного въ Россіи, какъ ходятъ въ Германіи. Ничего больше, какъ только это, и я вамъ ручаюсь, что все пойдетъ, какъ по маслу: науки возвысятся, торговля подымется, золотой вѣкъ настанетъ въ Россіи.

Чичиковъ глядѣлъ на него пристально и думалъ: „Что жъ? съ этимъ чиниться нечего“. Не отлагая дѣла въ дальній ящикъ, онъ объяснилъ полковнику тутъ же, что такъ и такъ: имѣется надобность вотъ въ какихъ душахъ, съ совершеньемъ такихъ то крѣпостей и всѣхъ обрядовъ.

— Сколько могу видѣть изъ словъ вашихъ, это просьба; не такъ ли?

— Такъ точно.

— Въ такомъ случаѣ, изложите ее письменно. Она пойдетъ въ комиссію всякихъ прошеній. Комиссія всякихъ прошеній, помѣтивши, препроводитъ ее ко мнѣ. Отъ меня поступитъ она въ комитетъ сельскихъ дѣлъ, тамъ сдѣлаютъ всякія справки и выправки по этому дѣлу. Главноуправляющій вмѣстѣ съ конторою въ самоскорѣйшемъ времени положитъ свою резолюцію, и дѣло будетъ сдѣлано.

Чичиковъ оторопѣлъ.

— Позвольте, — сказалъ: — этакъ дѣло затянется.

— А! — сказалъ съ улыбкой полковникъ: — вотъ тутъ то и выгода бумажнаго производства! Оно, точно, нѣсколько затянется, но зато уже ничто не ускользнетъ: всякая мелочь будетъ видна.

— Но позвольте... Какъ же трактовать объ этомъ письменно? Вѣдь это такого рода дѣло... Души вѣдь нѣкоторымъ образомъ... мертвыя.

— Очень хорошо. Вы такъ и напишите, что души нѣкоторымъ образомъ мертвыя.

— Но вѣдь какъ же — мертвыя? Вѣдь этакъ же нельзя написать. Онѣ хотя и мертвыя, но нужно, чтобы казались, какъ бы были живыя.

— Хорошо. Вы такъ и напишите: „но нужно, или требуется, чтобы казалось, какъ бы живыя“.

Что было дѣлать съ полковникомъ? Чичиковъ рѣшился отправиться самъ поглядѣть, что это за комиссіи и комитеты; и что нашелъ онъ тамъ, то было не только изумительно, но превышало рѣшительно всякое понятье. Комиссія всякихъ прошеній существовала только на вывѣскѣ. Предсѣдатель ея, прежній камердинеръ, былъ переведенъ во вновь образовавшійся комитетъ сельскихъ построекъ. Мѣсто его заступилъ конторщикъ Тимошка, откомандированный на слѣдствіе — разбирать пьяницу-приказчика со старостой, мошенникомъ и плутомъ. Чиновника — нигдѣ.

— Да гдѣ жъ тутъ?... да какъ добиться какого-нибудь толку? сказалъ Чичиковъ своему сопутнику, чиновнику по особеннымъ порученіямъ, котораго полковникъ далъ ему въ проводники.

— Да никакого толку не добьетесь, — сказалъ проводникъ, — у насъ безтолковщина. У насъ всѣмъ, изволите видѣть, распоряжается комиссія построенія, отрываетъ всѣхъ отъ дѣла, посылаетъ, куды угодно. Только и выгодно у насъ, что въ комиссіи построенія (онъ, какъ видно, былъ недоволенъ на комиссію построенія). У насъ такъ заведено, что всѣ водятъ за носъ барина. Онъ думаетъ, что все-съ какъ слѣдуетъ, а вѣдь это названье только одно.

„Это, однакоже, нужно ему сказать“, подумалъ Чичиковъ и, пришедши къ полковнику, объявилъ, что у него каша, и никакого толку нельзя добиться, и комиссія построеній воруетъ напропалую.

Полковникъ воскипѣлъ благороднымъ негодованьемъ; тутъ же написалъ восемь строжайшихъ запросовъ: на какомъ основаніи комиссія построеній самоуправно распорядилась съ неподвѣдомственными ей чиновниками? какъ могъ допустить главноуправляющій, чтобы предсѣдатель, не сдавши своего поста, отправился на слѣдствіе? и какъ могъ видѣть равнодушно комитетъ сельскихъ дѣлъ, что даже не существуетъ комиссіи прошеній?

„Ну, пойдетъ кутерьма“, подумалъ Чичиковъ, и началъ раскланиваться.

— Нѣтъ, я васъ не отпущу. Въ два часа, не болѣе, вы будете удовлетворены во всемъ. Ваше дѣло поручу теперь особенному человѣку, который только что окончилъ университетскій курсъ. Посидите у меня въ библіотекѣ. Тутъ все, что для васъ нужно — книги, бумага, перья, карандаши — все. Пользуйтесь, пользуйтесь всѣмъ — вы господинъ.

Такъ говорилъ Кошкаревъ, отворяя дверь въ книгохранилище. Это былъ огромный залъ, снизу до верху уставленный книгами. Были тамъ даже и чучела животныхъ. Книги по всѣмъ частямъ — по части лѣсоводства, скотоводства, свиноводства, садоводства, тысячи всякихъ журналовъ, руководствъ и множество журналовъ, представлявшихъ самыя позднѣйшія развитія и усовершенствованія по коннозаводству и естественнымъ наукамъ. Были и такія названія: „Свиноводство, какъ наука“. Видя, что здѣсь все вещи непріятнаго препровожденія (времени), онъ обратился къ другому шкафу. Изъ огня — въ полымя: тутъ были все книги философскія. На одной было заглавіе: „Философія, въ смыслѣ науки“; шесть томовъ въ рядъ, подъ названіемъ: „Предуготовительное вступленіе къ теоріи мышленія въ ихъ общности, совокупности и въ примѣненіи къ уразумѣнію органическихъ началъ (общества) обоюднаго раздвоенья общественной производительности“. Что ни разворачивалъ Чичиковъ книгу, на всякой страницѣ — проявленье, развитье, абстрактъ, замкнутость и сомкнутость, и чортъ знаетъ, чего тамъ не было. „Нѣтъ, это (все) не по мнѣ“, сказалъ Чичиковъ, и оборотился къ третьему шкафу, гдѣ были книги все по части искусствъ. Тутъ вытащилъ какую то огромную книгу съ нескромными миѳологическими картинками и началъ ихъ разсматривать. Это было по его вкусу. Такого рода картинки нравятся холостякамъ среднихъ (лѣтъ). Говорятъ, что въ послѣднее время стали онѣ нравиться даже и старичкамъ, изощрившимъ вкусъ на балетахъ. Что жъ дѣлать! пряные коренья любитъ человѣкъ. Окончивши разсматриванье этой книги, Чичиковъ вытащилъ уже было и другую, въ томъ же родѣ, какъ вдругъ появился полковникъ Кошкаревъ, съ сіяющимъ видомъ и бумагою.

— Все сдѣлано, и сдѣлано отлично. Человѣкъ этотъ рѣшительно понимаетъ одинъ за всѣхъ. За это я его — выше всѣхъ: заведу особенное, высшее управленіе и поставлю его президентомъ. Вотъ что онъ пишетъ ...

„Ну, слава те, Господи!“ подумалъ Чичиковъ, и приготовился слушать.

„Приступая къ обдумыванью возложеннаго на меня вашимъ высокородіемъ порученія, честь имѣю симъ донести на оное: 1) Въ самой просьбѣ господина коллежскаго совѣтника и кавалера Павла Ивановича Чичикова есть уже нѣкоторое недоразумѣніе: въ изъясненьи того, что требуются ревизскія души, постигнутыя всякими внезапностями, вставлены и умершія. Подъ симъ, вѣроятно, они изволили разумѣть близкія къ смерти, а не умершія; ибо умершія не пріобрѣтаются. Что жъ и пріобрѣтать, если ничего нѣтъ? Объ этомъ говоритъ и самая логика, да и въ словесныхъ наукахъ они, какъ видно, не далеко уходили ...“

Тутъ на минуту Кошкаревъ остановился и сказалъ:

— Въ этомъ мѣстѣ, плутъ ... онъ немножко кольнулъ васъ. Но судите, однакоже, какое бойкое перо — статсъ-секретарскій слогъ; а вѣдь всего три года побылъ въ университетѣ, даже не кончилъ курса.

Кошкаревъ продолжалъ:

„ ...въ словесныхъ наукахъ, какъ видно, не далеко ... ибо выразились о душахъ умершія, тогда какъ всякому, изучавшему курсъ познаній человѣческихъ, извѣстно заподлинно, что душа безсмертна. — 2) Оныхъ упомянутыхъ ревизскихъ душъ, пришлыхъ или прибылыхъ, или, какъ они неправильно изволили выразиться, умершихъ, нѣтъ на-лицо таковыхъ, которыя бы не были въ залогѣ, ибо всѣ въ совокупности не только заложены безъ изъятья, но и перезаложены, съ прибавкой по полутораста рублей на душу, кромѣ небольшой деревни „Гурмайловка“, находящейся въ спорномъ положеніи по случаю тяжбы съ помѣщикомъ Предищевымъ, и потому ни въ продажу, ни въ залогъ поступить не можетъ“.

— Такъ зачѣмъ же вы мнѣ этого не объявили прежде? Зачѣмъ изъ пустяковъ держали? — сказалъ съ сердцемъ Чичиковъ.

— Да вѣдь какъ же я могъ знать объ этомъ сначала? Въ этомъ то и выгода бумажнаго производства, что вотъ теперь все, какъ на ладони, оказалось ясно.

„Дуракъ ты, глупая скотина!“ думалъ про-себя Чичиковъ. „Въ книгахъ копался, а чему выучился?“ Мимо всякихъ учтивствъ и приличій, схватилъ онъ шапку — изъ дома. Кучеръ стоялъ съ пролеткой наготовѣ и лошадей не откладывалъ: о кормѣ пошла бы письменная просьба, и резолюція — выдать овесъ лошадямъ вышла бы только на другой день. Какъ ни былъ Чичиковъ грубъ и неучтивъ, но Кошкаревъ, несмотря на все, былъ съ нимъ необыкновенно учтивъ и делика-

тенъ. Онъ насильно пожалъ ему руку и прижалъ ее къ сердцу (уже въ то время, какъ тотъ садился), и благодарилъ его за то, что онъ далъ ему случай увидѣть на дѣлѣ ходъ производства; что передрягу и гонку нужно дать необходимо, потому что способно все задремать, и пружины сельскаго управленья заржавѣютъ и ослабѣютъ; что, послѣдствіе этого событія, пришла ему счастливая мысль — устроить новую комиссію, которая будетъ называться комиссіей наблюденія за комиссіею построенія, такъ что уже тогда никто не осмѣлится украсть.

„Оселъ! дуракъ!“ думалъ Чичиковъ, сердитый и недовольный во всю дорогу. Ѣхалъ онъ уже при звѣздахъ. Ночь была на небѣ. Въ деревняхъ были огни. Подъѣзжая къ крыльцу, онъ увидѣлъ въ окнахъ, что уже столъ былъ накрытъ для ужина.

— Что это вы такъ запоздали? — сказалъ Скудронжогло, когда онъ показался въ дверяхъ.

— О чемъ вы это такъ долго съ нимъ толковали? — сказалъ Платоновъ.

— Уморилъ! — сказалъ Чичиковъ. — Этакого дурака я еще отъ роду не видывалъ.

— Это еще ничего! — сказалъ Скудронжогло. — Кошкаревъ — утѣшительное явленіе. Онъ нуженъ затѣмъ, что въ немъ отражаются карикатурно и видимѣй глупости умныхъ людей. Завели конторы и присутствія, и управителей, и мануфактуры, и фабрики, и школы, и комиссію, и чортъ ихъ знаетъ, что такое, точно какъ будто бы у нихъ государство какое! Какъ вамъ это нравится? я спрашиваю. Помѣщикъ, у котораго пахатныя земли и недостаетъ крестьянъ обрабатывать, а онъ завелъ свѣчной заводъ, изъ Лондона мастеровъ выписалъ свѣчныхъ, торгашомъ сдѣлался! Вонъ другой дуракъ еще лучше: фабрику шелковыхъ матерій завелъ!

— Да вѣдь и у тебя же есть фабрики, — замѣтилъ Платоновъ.

— А кто ихъ заводилъ? — Сами завелись: накопилось шерсти, сбыть некуды, я и началъ ткать сукна, да и сукна толстыя, простыя; по дешевой цѣнѣ ихъ тутъ же на рынкахъ у меня и разбираютъ. Рыбью шелуху, напримѣръ, сбрасывали на мой берегъ шесть лѣтъ сряду; ну, куды ее дѣвать? — я началъ изъ нея варить клей, да сорокъ тысячъ и взялъ. Вѣдь у меня все такъ.

„Экой чортъ!“ думалъ Чичиковъ, глядя на него въ оба глаза: „запребистая какая лапа!“

— Да я и строеній для этого не строю; у меня нѣтъ

зданій съ колоннами да фронтонами. Мастеровъ я не выписываю изъ-за границы, а ужъ крестьянъ отъ хлѣбопашества ни за что не оторву; на фабрикахъ у меня работаютъ только въ голодный годъ, все пришлые, изъ-за куска хлѣба. Этакихъ фабрикъ у меня, братъ, наберется много. Разсмотри только попристальнѣе свое хозяйство, ты увидишь — всякая тряпка пойдетъ въ дѣло, всякая дрянь дастъ доходъ, такъ что послѣ отталкиваешь только да говоришь: не нужно!

— Это изумительно, — сказалъ Чичиковъ, исполнившись участья: — изумительно! изумительно! Изумительнѣе же всего то, что всякая дрянь даетъ доходъ.

— Гм! да не только это!.. — Рѣчи Скудронжогло не кончилъ: желчь въ немъ пробудилась, и ему хотѣлось побранить сосѣдей-помѣщиковъ. — Вонъ опять одинъ умникъ — что, вы думаете, у себя завелъ? — Богоугодныя заведенія, каменное строеніе въ деревнѣ! Христолюбивое дѣло!.. Ужъ хочешь помогать, такъ ты помогай всякому мужику исполнить этотъ долгъ, а не отрывай его отъ христіанскаго долга. Помоги сыну пригрѣть у себя больного отца, а не давай ему возможности сбросить его съ плечъ своихъ. Дай лучше ему возможность пріютить у себя въ дому ближняго и брата, дай ему на это денегъ, помоги всѣми силами, а не отлучай его: онъ совсѣмъ отстанетъ отъ всякихъ христіанскихъ обязанностей. Донъ-Кишоты, просто, по всѣмъ частямъ!.. Двѣсти рублей выходитъ на человѣка въ годъ въ богоугодномъ заведеніи!.. Да я на эти деньги буду у себя въ деревнѣ десять человѣкъ содержать! — Скудронжогло разсердился и плюнулъ.

Чичиковъ не интересовался богоугоднымъ заведеньемъ: онъ хотѣлъ повести рѣчь о томъ, какъ всякая дрянь даетъ доходъ. Но Скудронжогло уже разсердился, желчь въ немъ закипѣла, и слова полились.

— А вотъ другой Донъ-Кишотъ просвѣщенья: завелъ школы! Ну, что, напримѣръ, полезнѣе человѣку, какъ знанье грамоты? А вѣдь какъ распорядился? Вѣдь ко мнѣ приходятъ мужики изъ его деревни. „Что это“, говорятъ: „батюшка, такое? сыновья наши совсѣмъ отъ рукъ отбились, помогать въ работахъ не хотятъ, всѣ въ писаря хотятъ, а вѣдь писарь нуженъ одинъ“. Вѣдь вотъ что вышло!

Чичикову тоже не было надобности до школъ, но Платоновъ подхватилъ этотъ предметъ:

— Да вѣдь этимъ останавливаться не нужно, что теперь не надобны писаря: послѣ будетъ надобность. Работать нужно для потомства.

— Да будь, братецъ, хоть ты уменъ! Ну, что вамъ далось это потомство? Всѣ думаютъ, что они какіе то Петры Великіе. Да ты смотри себѣ подъ ноги, а не гляди въ потомство; хлопочи о томъ, чтобы мужика сдѣлать достаточнымъ да богатымъ, да чтобы было у него время учиться по охотѣ своей, а не то, что съ палкой въ рукѣ говорить: „Учись!“ Чортъ знаетъ, съ котораго конца начинаютъ!.. Ну, послушайте: ну, вотъ я вамъ на судъ... — Тутъ Скудронжогло подвинулся ближе къ Чичикову и, чтобы заставить его получше вникнуть въ дѣло, взялъ его на абордажъ, другими словами — засунулъ палецъ въ петлю его фрака. — Ну, что можетъ быть яснѣе? У тебя крестьяне затѣмъ, чтобы ты имъ покровительствовалъ въ ихъ крестьянскомъ быту. Въ чемъ же бытъ? въ чемъ же занятія крестьянина? — Въ хлѣбопашествѣ? Такъ старайся, чтобы онъ былъ хорошимъ хлѣбопашцемъ. Ясно? Нѣтъ, нашлись умники, говорятъ: „Изъ этого состоянья его нужно вывести. Онъ ведетъ слишкомъ грубую, простую жизнь: нужно познакомить его съ предметами роскоши“. Что сами, благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди, и болѣзней, чортъ знаетъ, какихъ понабрались, и ужъ нѣтъ ни одного осьмнадцатилѣтняго мальчишки, который бы не испробовалъ всего, и зубовъ у него нѣтъ, и плѣшивъ, — такъ хотятъ теперь и этихъ заразить. Да слава Богу, что у насъ осталось хотя одно еще здоровое сословіе, которое не познакомилось съ этими прихотями! За это мы, просто, должны благодарить Бога. Да, хлѣбопашцы для меня всѣхъ почтеннѣе. Дай Богъ, чтобы всѣ были хлѣбопашцы!

— Такъ вы полагаете, что хлѣбопашествомъ всего выгоднѣе заниматься? — спросилъ Чичиковъ.

— Законнѣе, а не то, что выгоднѣе. Воздѣлывай землю въ потѣ лица своего — это намъ всѣмъ сказано; это не даромъ сказано. Опытомъ вѣковъ доказано, что въ земледѣльческомъ званіи человѣкъ чище нравами. Гдѣ хлѣбопашество легло въ основанье быта общественнаго, тамъ изобилье и довольство; бѣдности нѣтъ, роскоши нѣтъ, а есть довольство. Воздѣлывай землю, — сказано человѣку, трудись... что тутъ хитрить! Я говорю мужику: „Кому бы ты ни трудился, мнѣ ли, себѣ ли, сосѣду ли, только — трудись. Въ дѣятельности я твой первый помощникъ. Нѣтъ у тебя скотины, вотъ тебѣ лошадь, вотъ тебѣ корова, вотъ тебѣ телѣга. Всѣмъ, что нужно, готовъ тебя снабдить, но трудись. Для меня смерть, если хозяйство у тебя не въ устройствѣ и вижу у тебя безпорядокъ и бѣдность. Не потерплю праздно-

сти: я затѣмъ надъ тобой, чтобы ты трудился". Гм! думаютъ увеличить доходы заведеньями да фабриками! Да ты подумай прежде о томъ, чтобы всякій мужикъ былъ у тебя богатъ, такъ тогда ты и самъ будешь богатъ безъ фабрикъ и безъ заводовъ, и безъ глупыхъ [затѣй].

— Чѣмъ больше слушаешь васъ, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ, — сказалъ Чичиковъ, — тѣмъ большее получаешь желаніе слушать. Скажите, досточтимый мною: еслибы, напримѣръ, я возымѣлъ намѣреніе сдѣлаться помѣщикомъ, положимъ, здѣшней губерніи, на что именно слѣдуетъ обратить вниманіе? какъ быть, какъ поступить, чтобы въ непродолжительное [время] разбогатѣть, тѣмъ исполнивши, такъ сказать, въ виду отечества обязанность гражданина?

— Какъ поступить, чтобы разбогатѣть? А вотъ какъ... — сказалъ Скудронжогло.

— Пойдемъ ужинать! — сказала хозяйка, поднявшись съ дивана, и выступила на середину комнаты, закутывая въ шаль молодые продрогнувшіе свои члены.

Чичиковъ схватился со стула съ ловкостью почти военнаго человѣка, подлетѣлъ къ хозяйкѣ съ мягкимъ выраженьемъ, въ... деликатнаго штатскаго человѣка, коромысломъ подставилъ ей руку и повелъ ее парадно черезъ двѣ комнаты въ столовую, сохраняя во все время пріятное наклоненье головы нѣсколько на-бокъ. Служитель снялъ крышку съ суповой чашки; всѣ со стульями придвинулись ближе къ столу, и началось хлебанье супа.

Отдѣлавши супъ и запивши рюмкой наливки (наливка была отличная), Чичиковъ сказалъ такъ Скудронжоглу: „Позвольте, почтеннѣйшій, вновь обратить васъ къ предмету прекращеннаго разговора. Я спрашивалъ васъ о томъ, какъ быть, какъ поступить, какъ лучше приняться..."

. . . . . [1].

— Имѣнье, за которое, еслибы онъ запросилъ и 40 тысячъ, я бы ему тутъ же отсчиталъ.

— Гм! — Чичиковъ задумался. — А отчего же вы сами, — проговорилъ онъ съ нѣкоторою робостью, — не покупаете его?

---

[1] Послѣ этого утрачены изъ тетради двѣ страницы. Въ первомъ изданіи второго тома „Мертвыхъ Душъ" Шевыревъ сдѣлалъ къ этому мѣсту такое примѣчаніе: „Здѣсь въ разговорѣ между Костанжогло и Чичиковымъ пропускъ. Должно полагать, что Костанжогло предложилъ Чичикову пріобрѣсти покупкою имѣнье сосѣда его, помѣщика Хлобуева".

— Да нужно знать, наконецъ, предѣлы. У меня и безъ того много хлопотъ около своихъ имѣній. Притомъ, у насъ дворяне и безъ того уже кричатъ на меня, будто я, пользуясь крайностями и разоренными ихъ положеньями, скупаю земли за безцѣнокъ. Это мнѣ ужъ, наконецъ, надоѣло.

— Дворянство способно къ злословью! — сказалъ Чичиковъ.

— А ужъ у насъ, въ нашей губерніи... Вы не можете себѣ представить, что они говорятъ обо мнѣ. Они меня иначе и не называютъ, какъ скваллыгой и скупердяемъ первой степени. Себя они во всемъ извиняютъ. „Я“, говоритъ, „конечно, промотался, но потому, что жилъ высшими потребностями жизни. Мнѣ нужны книги, я долженъ жить роскошно, чтобы промышленность поощрять; а этакъ, пожалуй, можно прожить и не разорившись, еслибы жить такой свиньею, какъ Скудронжогло“. Вѣдь вотъ какъ!

— Желалъ бы я быть этакой свиньей! — сказалъ Чичиковъ.

— И вѣдь это все оттого, что не задаю обѣдовъ, да не занимаю имъ денегъ. Обѣдовъ я потому не даю, что это меня бы тяготило, я къ этому не привыкъ; а пріѣзжай ко мнѣ ѣсть то, что я ѣмъ, — милости просимъ! Не даю денегъ взаймы — это вздоръ. Пріѣзжай ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ нуждающійся, да разскажи мнѣ обстоятельно, какъ ты распорядишься моими деньгами: если я увижу изъ твоихъ словъ, что ты употребишь ихъ умно, и деньги принесутъ тебѣ явную прибыль, — я тебѣ не откажу и не возьму даже процентовъ. Но бросать деньги на вѣтеръ я не стану. Ужъ пусть меня въ этомъ извинятъ! Онъ затѣваетъ какой-нибудь обѣдъ своей любовницѣ, или на сумасшедшую ногу убираетъ мебелями домъ, а ему давай деньги взаймы!..

Здѣсь Скудронжогло плюнулъ и чуть-чуть не выговорилъ нѣсколько неприличныхъ и бранныхъ словъ въ присутствіи супруги. Суровая тѣнь темной ипохондріи омрачила его живое лицо. Вдоль лба и поперекъ его собрались морщины, обличители гнѣвнаго движенья, взволнованной желчи.

Чичиковъ выпилъ рюмку малиновки и сказалъ такъ:

— Позвольте мнѣ, досточтимый мною, обратить васъ вновь къ предмету прекращеннаго разговора. Еслибы, положимъ, я пріобрѣлъ то самое имѣніе, о которомъ вы изволили упомянуть, то во сколько времени и какъ скоро можно разбогатѣть въ такой степени...

— Если вы хотите, — подхватилъ сурово и отры-

висто Скудронжогло, еще полный нерасположенья духа, — разбогатѣть скоро, такъ вы никогда не разбогатѣете; если же хотите разбогатѣть, не спрашивая о времени, то разбогатѣете скоро.

— Вотъ оно какъ! — сказалъ Чичиковъ.

— Да, — сказалъ Скудронжогло отрывисто, точно какъ бы онъ сердился на самого Чичикова. — Надобно имѣть любовь къ труду; безъ этого ничего нельзя сдѣлать. Надобно полюбить хозяйство, да! И, повѣрьте, это вовсе не скучно. Выдумали, что въ деревнѣ тоска... Да я бы умеръ отъ тоски, еслибы хотя одинъ день провелъ въ городѣ такъ, какъ проводятъ они! Хозяину нѣтъ времени скучать. Въ жизни его нѣтъ пустоты — все полнота. Нужно только разсмотрѣть весь этотъ многообразный кругъ годовыхъ занятій — и какихъ занятій! занятій, истинно возвышающихъ духъ, не говоря уже о разнообразіи. Тутъ человѣкъ идетъ рядомъ съ природой, съ временами года, соучастникъ и собесѣдникъ всему, что совершается въ твореньи. Еще не появилась весна, а ужъ зачинаются работы: подвозы и дровъ, и всего на время распутицы; подготовка сѣмянъ; переборка, перемѣрка по амбарамъ хлѣба и пересушка; установленье новыхъ тяголъ. Прошли снѣга и рѣки, — работы такъ вдругъ и закипятъ: тамъ нагрузки на суда, здѣсь расчистка деревъ по лѣсамъ, пересадка деревъ по садамъ, и пошли взрывать повсюду землю. Въ огородахъ работаетъ заступъ, въ поляхъ соха и борона. И начинаются посѣвы — бездѣлица: грядущій урожай сѣютъ! Наступило лѣто — покосы, первѣйшій праздникъ хлѣбопашца, — бездѣлица! Пойдутъ жатва за жатвой: за рожью пшеница, за ячменемъ овесъ, а тутъ и дерганье конопли. Мечутъ стога, кладутъ клади. А тутъ и августъ перевалилъ за половину — пошла свозка всего на гумны. Наступила осень — запашки и посѣвы озимыхъ хлѣбовъ, чинка амбаровъ, ригъ, скотныхъ дворовъ, хлѣбный опытъ и первый умолотъ. Наступитъ зима — и тутъ не дремлютъ работы: первые подвозы въ городъ, молотьба по всѣмъ гумнамъ, перевозка перемолотаго хлѣба изъ риги въ амбары, по лѣсамъ рубка и пиленье дровъ, подвозъ кирпичу и матеріалу для весеннихъ построекъ. Да, просто, я и обнять всего не въ состояньи. Какое разнообразіе работъ! Сюда и туда взглянуть идешь: и на мельницу, и на рабочій дворъ, и на фабрики, и на гумна; идешь и къ мужику взглянуть, какъ онъ на себя работаетъ, — бездѣлица! Да для меня праздникъ, если плотникъ хорошо владѣетъ топоромъ; я два часа готовъ предъ нимъ простоять: такъ

веселитъ меня работа! А если видишь еще, съ какой цѣлью все это творится, какъ вокругъ тебя все множится да множится, принося плодъ да доходъ, да я и разсказать вамъ не могу, какое удовольствіе. И не потому, что растутъ деньги, — деньги деньгами, — но потому, что все это — дѣло рукъ твоихъ; потому, что видишь, какъ ты всему причина и творецъ всего, и отъ тебя, какъ отъ какого-нибудь мага, сыплется изобилье и добро на все. Да гдѣ вы найдете мнѣ равное наслажденье?— сказалъ Скудронжогло, и лицо его поднялось кверху, всѣ морщины исчезнули. Какъ царь въ день торжественнаго вѣнчанья своего, сіялъ онъ. — Да въ цѣломъ мірѣ не отыщете вы подобнаго наслажденья! Здѣсь, именно здѣсь, подражаетъ Богу человѣкъ: Богъ предоставилъ Себѣ дѣло творенья, какъ высшее наслажденье, и требуетъ отъ человѣка также, чтобы онъ былъ творцомъ благоденствія и стройнаго теченья дѣлъ. И это называютъ скучнымъ дѣломъ!

Какъ пѣнья райской птички, заслушался Чичиковъ сладкозвучныхъ хозяйскихъ рѣчей. Глотали слюнку его уста. Глаза умаслились и выражали сладость, и все бы онъ слушалъ.

— Константинъ! пора вставать, — сказала хозяйка, приподнявшись со стула. Платоновъ приподнялся, Скудронжогло приподнялся, Чичиковъ приподнялся, хотя хотѣлось ему все сидѣть да слушать. Подставивъ руку коромысломъ, повелъ Чичиковъ обратно хозяйку. Но голова его не была склонена привѣтливо на-бокъ, недоставало ловкости въ оборотахъ. Его мысли были заняты существенными оборотами и соображеньями.

— Что ни разсказывай, а все, однакоже, скучно, — говорилъ, идя позади ихъ, Платоновъ.

„Гость, кажется, очень неглупый человѣкъ“, думалъ хозяинъ: „степененъ въ словахъ и не щелкоперъ“. И, подумавши, сталъ онъ еще веселѣе, точно какъ бы самъ разогрѣлся отъ своего разговора, точно какъ [бы] празднуя, что нашелъ человѣка, готоваго слушать умные совѣты.

Когда потомъ помѣстились они всѣ въ маленькой, уютной комнаткѣ, озаренной свѣчками, насупротивъ большой стеклянной двери въ садъ, Чичикову сдѣлалось такъ пріютно, какъ не бывало давно, точно какъ бы послѣ долгихъ странствованій приняла его родная крыша и, по совершеньи всего, получилъ онъ желаемое и бросилъ скитальческій посохъ, сказавши: „довольно!“ Такое обаятельное расположенье навелъ ему на душу разумный разговоръ хозяина. Есть для всякаго сердца такія рѣчи,

которыя какъ бы ближе и родственнѣй ему другихъ рѣчей; и часто неожиданно, въ глухомъ, забытомъ захолустьи, на безлюдьи безлюдномъ, встрѣтишь человѣка, котораго грѣющая бесѣда заставитъ позабыть тебя и бездорожье дороги, и безпріютность ночлеговъ, и современный свѣтъ, полный глупостей людскихъ, обмановъ, обманывающихъ человѣка; и живо потомъ, навсегда и навѣки останется проведенный такимъ образомъ вечеръ, и все, что тогда случилось и было, удержитъ вѣрная память: и кто соприсутствовалъ, и кто на какомъ мѣстѣ стоялъ, и что было въ рукахъ его, — стѣны, углы и всякую бездѣлушку.

Такъ и Чичикову замѣтилось все въ тотъ вечеръ: и эта малая, неприхотливо убранная комнатка, и добродушное выраженье, воцарившееся въ лицѣ умнаго хозяина, и поданная Платонову трубка съ янтарнымъ мундштукомъ, и дымъ, который онъ сталъ пускать въ толстую морду Ярбу, и фырканье Ярба, и смѣхъ миловидной хозяйки, прерываемый словами: „Полно, не мучь его“, и веселыя свѣчки, и сверчокъ въ углу, и стеклянная дверь, и весенняя ночь, которая оттолѣ на нихъ глядѣла, облокотясь на вершины деревъ, изъ чащи которыхъ высвистывали весенніе соловьи.

— Сладки мнѣ ваши рѣчи, досточтимый мною Константинъ Ѳедоровичъ, — произнесъ Чичиковъ. — Могу сказать, что не встрѣчалъ во всей Россіи человѣка, подобнаго вамъ по уму.

Скудронжогло улыбнулся.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ онъ, — ужъ если хотите знать умнаго человѣка, такъ у насъ, дѣйствительно, есть одинъ, о которомъ, точно, можно сказать — „умный человѣкъ“, котораго я и подметки не стою.

— Кто это? — съ изумленьемъ спросилъ Чичиковъ.

— Это нашъ откупщикъ Муразовъ.

— Въ другой разъ уже про него слышу! — вскрикнулъ Чичиковъ.

— Это человѣкъ, который не то, что имѣньемъ помѣщика, цѣлымъ государствомъ управитъ. Будь у меня государство, я бы его сей же часъ сдѣлалъ министромъ финансовъ.

— Слышалъ. Говорятъ, человѣкъ, превосходящій мѣру всякаго вѣроятія: десять милліоновъ, говорятъ, нажилъ.

— Какое десять! перевалило за сорокъ. Скоро половина Россіи будетъ въ его рукахъ.

— Что вы говорите! — вскрикнулъ Чичиковъ, оторопѣвъ.

— Всенепремѣнно. У него теперь приращенье должно идти съ быстротой невѣроятной. Это ясно. Медленно богатѣетъ только тотъ, у кого какія-нибудь сотни тысячъ; а у кого милліоны, у того радіусъ великъ: что ни захватитъ, такъ вдвое и втрое противу самого себя. Поле то, поприще слишкомъ просторно. Тутъ ужъ и соперниковъ нѣтъ: съ нимъ некому тягаться. Какую цѣну чему ни назначитъ, такая и останется: некому перебить.

Вытаращивъ глаза и разинувши ротъ, какъ вкопанный, смотрѣлъ Чичиковъ въ глаза Скудронжогло. Захватило духъ въ груди ему.

— Уму непостижимо! — сказалъ онъ, приходя немного въ себя, — каменѣетъ мысль отъ страха. Изумляются мудрости Промысла въ разсматриваньи букашки; для меня болѣе изумительно, когда въ рукахъ смертнаго могутъ обращаться такія громадныя суммы! Позвольте предложить вамъ вопросъ насчетъ одного обстоятельства: скажите, вѣдь это, разумѣется, вначалѣ пріобрѣтено не безъ грѣха?

— Самымъ безукоризненнымъ путемъ и самыми справедливыми средствами.

— Не повѣрю, почтеннѣйшій, извините, не повѣрю. Еслибъ это были тысячи, еще бы такъ, но милліоны... извините, не повѣрю.

— Напротивъ, тысячи трудно безъ грѣха, а милліоны наживаются легко. Милліонщику нечего прибѣгать къ кривымъ путямъ. Прямой таки дорогой такъ и ступай, все бери, что ни лежитъ передъ тобой. Другой не подыметъ: всякому не по силамъ.

— Уму непостижимо! И что всего непостижимѣй, это то, что дѣло вѣдь началось изъ копейки!

— Да иначе и не бываетъ. Это законный порядокъ вещей, — сказалъ Скудронжогло. — Кто воспиталея на тысячахъ, тотъ уже не пріобрѣтетъ: у того уже завелись и прихоти, и мало ли чего нѣтъ! Начинать нужно съ начала, а не съ середины. Снизу, снизу нужно начинать. Тутъ только узнаешь хорошо людъ и бытъ, среди которыхъ придется потомъ изворачиваться. Какъ вытерпишь на собственной кожѣ то да другое, да какъ узнаешь, что всякая копейка алтыннымъ воздемъ прибита, да какъ перейдешь всѣ мытарства, тогда тебя умудритъ и вышколитъ такъ, что ужъ не дашь промаха ни въ какомъ предпріятьи и не оборвешься. Повѣрьте, это правда. Съ начала нужно начинать, а не съ середины. Кто говоритъ мнѣ: „Дайте мнѣ 100 тысячъ, я сейчасъ разбогатѣю“, я тому не повѣрю: онъ

бьетъ на удачу, а не наверняка. Съ копейки нужно начинать!

— Въ такомъ случаѣ я разбогатѣю, — сказалъ Чичиковъ, — потому что начинаю почти, такъ сказать, съ ничего. — Онъ разумѣлъ мертвыя души.

— Константинъ, пора дать Павлу Ивановичу отдохнуть и поспать, — сказала хозяйка, — а ты все болтаешь.

— И непремѣнно разбогатѣете, — сказалъ Скудронжогло, не слушая хозяйки. — Къ вамъ потекутъ рѣки, рѣки золота. Не будете знать, куда дѣвать доходы.

Какъ очарованный, сидѣлъ Павелъ Ивановичъ въ золотой области возрастающихъ грезъ и мечтаній. Закружился его мысли...

— Право, Константинъ, Павлу Ивановичу пора спать.

— Да что жъ тебѣ? Ну, и ступай, если захотѣлось! — сказалъ хозяинъ и остановился: громко, по всей комнатѣ, раздалось храпѣнье Платонова, а вслѣдъ за нимъ Ярбъ захрапѣлъ еще громче. Уже давно слышался отдаленный стукъ въ чугунныя доски. Дѣло потянуло за полночь. Скудронжогло замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ пора на покой. Всѣ разбрелись, пожелавъ спокойнаго сна другъ другу, и не замедлили имъ воспользоваться.

Одному Чичикову только не спалось. Его мысли бодрствовали. Онъ обдумывалъ, какъ сдѣлаться помѣщикомъ не фантастическаго, но существеннаго имѣнія. Послѣ разговора съ хозяиномъ все становилося такъ ясно; возможность разбогатѣть казалась такъ очевидной. Трудное дѣло хозяйства становилось теперь такъ легко и понятно и такъ казалось свойственно самой его натурѣ, что началъ помышлять онъ сурьезно о пріобрѣтеніи не воображаемаго, но дѣйствительнаго помѣстья; онъ опредѣлилъ тутъ же на деньги, которыя будутъ выданы ему изъ ломбарда за фантастическія души, пріобрѣсть помѣстье уже не фантастическое. Уже онъ видѣлъ себя дѣйствующимъ и правящимъ именно такъ, какъ поучалъ Скудронжогло, — расторопно, осмотрительно, ничего не заводя новаго, не узнавши насквозь всего стараго, все высмотрѣвши собственными глазами, всѣхъ мужиковъ узнавши, всѣ излишества отъ себя оттолкнувши, отдавши себя только труду да хозяйству... Уже заранѣе предвкушалъ онъ то удовольствіе, которое будетъ онъ чувствовать, когда заведется стройный порядокъ, и бойкимъ ходомъ двигнутся всѣ пружины хозяйства, дѣятельно толкая другъ друга. Трудъ закипитъ,

и подобно тому, (какъ) въ ходкой мельницѣ шибко вымалывается изъ зерна мука, пойдетъ вымалываться изъ всякаго дрязгу и хламу чистоганъ да чистоганъ. Чудный хозяинъ такъ и стоялъ предъ нимъ ежеминутно. Это былъ первый человѣкъ во всей Россіи, къ которому почувствовалъ онъ уваженіе личное: доселѣ уважалъ онъ человѣка или за хорошій чинъ, или за большіе достатки; собственно за умъ онъ не уважалъ еще ни одного человѣка. Скудронжогло былъ первый. Чичиковъ понялъ и то, что съ этакимъ нечего толковать о мертвыхъ душахъ, и самая рѣчь объ этомъ будетъ неумѣстна. Его занималъ теперь другой прожектъ — купить имѣнье Хлобуева. Десять тысячъ у него было; другія десять тысячъ предпологалъ онъ призанять у Скудронжогло, такъ какъ онъ самъ объявилъ уже, что готовъ помочь всякому, желающему разбогатѣть и заняться хозяйствомъ. Остальныя десять тысячъ можно было обязаться потомъ, по заложеніи душъ. Заложить всѣ накупленныя души еще нельзя было, потому что не было еще земель, на которыя слѣдовало переселить ихъ. Хотя (увѣрялъ) онъ, что въ Херсонской губерніи есть у него земли, но онѣ существовали больше въ предположеньи. Предполагалось еще и скупить ихъ въ Херсонской губерніи, потому что онѣ тамъ продавались за безцѣнокъ и даже отдавались даромъ, лишь бы только на нихъ селились. Думалъ онъ также и о томъ, что надобно торопиться закупать, у кого какіе остались бѣглецы и мертвецы, ибо помѣщики другъ передъ другомъ спѣшатъ закладывать имѣнія, и скоро во всей Россіи можетъ не остаться и угла, не заложеннаго въ казну. Всѣ эти мысли поперемѣнно наполняли его голову и мѣшали ему (спать). Наконецъ, сонъ, который уже цѣлые четыре часа держалъ весь домъ, какъ говорится, въ своихъ объятіяхъ, принялъ въ объятія и Чичикова. Онъ заснулъ крѣпко...

Глава IV.

На другой день все обдѣлалось, какъ нельзя лучше. Скудронжогло далъ съ радостью десять тысячъ безъ процентовъ, безъ поручительства, — просто, подъ одну расписку: такъ былъ онъ готовъ помогать всякому на пути къ пріобрѣтенью. Этого мало: онъ самъ взялся сопровождать Чичикова къ Хлобуеву, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ имѣніе. Послѣ сытнаго завтрака всѣ они отправились, сѣвши всѣ трое въ ко-

ляску Павла Ивановича; пролетки хозяина слѣдовали за ними порожнякомъ. Ярбъ бѣжалъ впереди, сгоняя съ дороги птицъ. Въ полтора часа съ небольшимъ, сдѣлали они восемнадцать верстъ и увидѣли деревушку съ двумя домами: одинъ большой и новый, недостроенный и остававшійся вчернѣ нѣсколько лѣтъ; другой маленькій и старенькій. Хозяина нашли они растрепаннаго, заспаннаго, недавно проснувшагося; на сюртукѣ у него была заплата, а на сапогѣ дырка.

Пріѣзду гостей онъ обрадовался, какъ Богъ вѣсть чему: точно какъ бы увидѣлъ онъ братьевъ, съ которыми надолго разставался.

— Константинъ Ѳедоровичъ! Платонъ Михайловичъ! — вскрикнулъ онъ, — отцы родные! вотъ одолжили пріѣздомъ! Дайте протереть глаза! А ужъ, право, думалъ, что ко мнѣ никто не заѣдетъ. Всякъ бѣгаетъ меня, какъ чумы: думаетъ — попрошу взаймы. Охъ, трудно, трудно, Константинъ Ѳедоровичъ! Вижу — самъ всему виной! Что дѣлать? свинья свиньей зажилъ. Извините, господа, что принимаю васъ въ такомъ нарядѣ: сапоги, какъ видите, съ дырами. Да чѣмъ васъ потчивать? скажите.

— Пожалуйста безъ околичностей. Мы къ вамъ пріѣхали за дѣломъ, — сказалъ Скудронжогло. — Вотъ вамъ покупщикъ, Павелъ Ивановичъ Чичиковъ.

— Душевно радъ познакомиться. Дайте прижать мнѣ вашу руку.

Чичиковъ далъ ему обѣ.

— Хотѣлъ бы очень, почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ, показать вамъ имѣніе, стоящее вниманія... Да что, господа, позвольте спросить, вы обѣдали?

— Обѣдали, обѣдали, — сказалъ Скудронжогло, желая отдѣлаться. — Не будемъ мѣшкать и пойдемъ теперь же.

— Въ такомъ случаѣ пойдемъ.

Хлобуевъ взялъ въ руки картузъ. Гости надѣли на головы картузы, и всѣ отправились пѣшкомъ осматривать деревню.

— Пойдемъ осматривать безпорядки и безпутство мое, — говорилъ Хлобуевъ. — Конечно, вы сдѣлали хорошо, что пообѣдали. Повѣрите ли, Константинъ Ѳедоровичъ, курицы нѣтъ въ домѣ, — до того дожилъ. Свиньей себя веду, просто свиньей!

Глубоко вздохнувъ и какъ бы чувствуя, что мало будетъ участія со стороны Константина Ѳедоровича, и жестковато его сердце, подхватилъ подъ руку Платонова и пошелъ съ нимъ впередъ, прижимая крѣпко его къ

груди своей. Скудронжогло и Чичиковъ остались позади и, взявшись подъ руки, слѣдовали за ними въ отдаленіи.

— Трудно, Платонъ Михалычъ, трудно! — говорилъ Хлобуевъ Платонову. — Не можете вообразить, какъ трудно! Безденежье, безхлѣбье, безсапожье! Трынъ-трава бы это было все, еслибы былъ молодъ и одинъ. Но когда всѣ эти невзгоды станутъ тебя ломать подъ старость, а подъ бокомъ жена, пятеро дѣтей, — сгрустнется, поневолѣ сгрустнется...

Платонову стало жалко.

— Ну, а если вы продадите деревню, это васъ поправитъ? — спросилъ онъ.

— Какое поправить! — сказалъ Хлобуевъ, махнувши рукой. — Все пойдетъ на уплату необходимѣйшихъ долговъ, а затѣмъ для себя не останется и тысячи.

— Такъ что жъ вы будете дѣлать?

— А Богъ знаетъ, — говорилъ Хлобуевъ, пожимая плечами.

Платоновъ удивился. — Какъ же вы ничего не предпринимаете, чтобы выпутаться изъ такихъ обстоятельствъ?

— Что жъ предпринять?

— Будто нѣтъ уже средствъ?

— Никакихъ.

— Ну, ищите должности, возьмите какое-нибудь мѣсто.

— Вѣдь я губернскій секретарь. Какое жъ мнѣ могутъ дать выгодное мѣсто? Жалованье дадутъ ничтожное, а вѣдь у меня жена, пятеро дѣтей.

— Ну, частную какую-нибудь должность. Пойдите въ управляющіе.

— Да кто жъ мнѣ повѣритъ имѣніе? Я промоталъ свое.

— Ну, да если голодъ и смерть грозятъ, нужно же что-нибудь предпринимать. Я спрошу, не можетъ ли братъ мой черезъ кого-либо въ городѣ выхлопотать какую-нибудь должность.

— Нѣтъ, Платонъ Михайловичъ, — сказалъ Хлобуевъ, вздохнувши и сжавши крѣпко его руку: — не гожусь я теперь никуда. Одряхлѣлъ прежде старости своей, и поясница болитъ отъ прежнихъ грѣховъ, и ревматизмъ въ плечѣ. Куды мнѣ! Что разорять казну! И безъ того теперь завелось много служащихъ ради доходныхъ мѣстъ. Храни Богъ, чтобы изъ-за доставки мнѣ жалованья прибавлены были подати на бѣдное сословіе: и

безъ того ему трудно при этомъ множествѣ сосущихъ. Нѣтъ, Платонъ Михайловичъ, Богъ съ нимъ.

„Вотъ положеніе!“ думалъ Платоновъ. „Это хуже моей спячки“.

Тѣмъ временемъ Скудронжогло и Чичиковъ, идя позади ихъ на порядочномъ разстояніи, такъ между собою говорили:

— Вонъ запустилъ какъ все! — говорилъ Скудронжогло. — Довелъ мужика до какой бѣдности! Когда случился падежъ, такъ ужъ тутъ нечего глядѣть на свое добро. Тутъ все свое продай, да снабди мужика скотиной, чтобы онъ не оставался и одного дни безъ средствъ производить работу. Теперь и годами не поправишь: и мужикъ уже излѣнился, и загулялъ, и сталъ пьяница.

— Такъ, стало быть, теперь не совсѣмъ выгодно и покупать эдакое имѣніе? — спросилъ Чичиковъ.

Тутъ Скудронжогло взглянулъ на Чичикова такъ, какъ бы хотѣлъ ему сказать: „Ты что за невѣжа! съ азбуки, что ли, нужно съ тобой начинать?“

— Невыгодно! да черезъ три года я буду получать двадцать тысячъ годового дохода съ этого имѣнія, — вотъ оно какъ невыгодно! Въ пятнадцати верстахъ — бездѣлица! А земля то какова? разглядите землю! Все поемныя мѣста. Да я засѣю льну, да тысячъ на пять одного льну отпущу; рѣпой засѣю — на рѣпѣ выручу тысячи четыре. А вонъ смотрите — рожь поднялась; вѣдь это все падаль. Онъ хлѣба не сѣялъ — я это знаю. Да этому имѣнью полтораста тысячъ, а не сорокъ.

Чичиковъ сталъ опасаться, чтобы Хлобуевъ не услышалъ, и потому отсталъ еще подальше.

— Вонъ сколько земли оставилъ впустѣ! — говорилъ, начиная сердиться, Скудронжогло. — Хоть бы повѣстилъ впередъ, такъ набрели бы охотники. Ну, ужъ если нечѣмъ пахать, такъ копай подъ огородъ, — огородомъ бы взялъ. Мужика заставилъ пробыть четыре года безъ труда — бездѣлица! Да вѣдь этимъ однимъ ты уже его развратилъ и навѣки погубилъ; ужъ онъ успѣлъ привыкнуть къ лохмотью и бродяжничеству! — Сказавши это, плюнулъ Скудронжогло, и желчное расположеніе осѣнило сумрачнымъ облакомъ его чело...

— Я не могу здѣсь больше оставаться: мнѣ смерть глядѣть на этотъ безпорядокъ и запустѣнье! Вы теперь можете съ нимъ покончить и безъ меня. Отберите у этого дурака поскорѣе сокровище. Онъ только безчеститъ Божій даръ! — И, сказавши это, Скудронжогло

простился съ Чичиковымъ и, нагнавши хозяина, сталъ также прощаться.

— Помилуйте, Константинъ Ѳедоровичъ, — говорилъ удивленный хозяинъ: — только что пріѣхали — и назадъ!

— Не могу. Мнѣ крайняя надобность быть дома, — сказалъ Скудронжогло, простился, сѣлъ и уѣхалъ на своихъ пролеткахъ.

Казалось, какъ будто Хлобуевъ понялъ причину его отъѣзда. — Не выдержалъ Константинъ Ѳедоровичъ, — сказалъ онъ. — Чувствую, что не весело такому хозяину, каковъ онъ, глядѣть на эдакое безпутное управленье. Вѣрите ли, что не могу, Павелъ Ивановичъ... что почти вовсе не сѣялъ хлѣба въ этомъ году! Какъ честный человѣкъ, сѣмянъ не было, не говоря уже о томъ, что нечѣмъ пахать. — Вашъ братецъ, Платонъ Михайловичъ, говорятъ, необыкновенный хозяинъ; а Константинъ Ѳедоровичъ, что ужъ говорить! это Наполеонъ своего рода. Часто, право, думаю: „Ну, зачѣмъ столько ума дается въ одну голову? ну, что бы хоть каплю его въ мою глупую, хоть бы на то, чтобы сумѣлъ домъ свой держать! Ничего не умѣю, ничего не могу". Ахъ, Павелъ Ивановичъ, [возьмите] въ свое распоряженіе! Жаль больше всего мнѣ мужичковъ бѣдныхъ Чувствую, что не умѣлъ быть...., не могу быть взыскательнымъ и строгимъ. Да и какъ пріучить ихъ къ порядку, когда самъ безпорядоченъ! Я бы ихъ отпустилъ сей же часъ на волю всѣхъ, да какъ то устроенъ русскій человѣкъ, какъ то не можетъ безъ покупателя ... Такъ и задремлетъ, такъ и заплѣснетъ.

— Вѣдь это, точно, странно, — сказалъ Платоновъ, — отчего это у насъ такъ, что если не смотришь во всѣ глаза за простымъ человѣкомъ, сдѣлается и пьяницей, и негодяемъ?

— Отъ недостатка просвѣщенія, — замѣтилъ Чичиковъ.

— Ну, Богъ вѣсть отъ чего. Вотъ мы и просвѣтились, а вѣдь какъ живемъ? Я и въ университетѣ былъ, и слушалъ лекціи по всѣмъ частямъ, а искусству и порядку жить не только не выучился, а еще какъ бы больше выучился искусству побольше издерживать деньги на всякія новыя утонченности да комфорты, больше познакомился съ такими предметами, на которые нужны деньги. Оттого ли, что я безтолково учился? Только нѣтъ: вѣдь такъ и другіе товарищи. Можетъ быть, два-три человѣка извлекли себѣ настоящую пользу, да и то оттого, можетъ быть, что и безъ того были умны, а прочіе вѣдь только и стараются

узнать то, что портитъ здоровье, да и выманиваетъ деньги, Ей Богу! Вѣдь приходили только затѣмъ, чтобы аплодировать профессорамъ, раздавать имъ награды, а не самимъ отъ нихъ получать. Такъ изъ просвѣщенья то мы все-таки выберемъ то, что погаже; наружность его схватимъ, а его самого [не] возьмемъ. Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, не умѣемъ мы жить отъ чего то другого, а отъ чего, ей Богу, я не знаю.

— Причины должны быть, — сказалъ Чичиковъ.

Вздохнулъ глубоко бѣдный Хлобуевъ и сказалъ такъ: — Иной разъ, право, мнѣ кажется, что будто русскій человѣкъ — какой то пропащій человѣкъ. Нѣтъ силы воли, нѣтъ отваги на постоянство. Хочешь все сдѣлать — и ничего не можешь. Все думаешь — съ завтрашняго дня начнешь новую жизнь, съ завтрашняго дня примешься за все, какъ слѣдуетъ, съ завтрашняго дня сядешь на діэту; ничуть не бывало: къ вечеру того же дни такъ объѣшься, что только хлопаешь глазами, и языкъ не ворочается, — право; и эдакъ всѣ.

— Нужно въ запасѣ держать благоразуміе, — сказалъ Чичиковъ, — ежеминутно совѣщаться съ благоразуміемъ, вести съ нимъ дру[жескую] бесѣду.

— Да что! — сказалъ Хлобуевъ. — Право, мнѣ кажется, мы совсѣмъ не для благоразумія рождены. Я не вѣрю, чтобы изъ насъ былъ кто-нибудь благоразумнымъ. Если я вижу, что иной даже и порядочно живетъ, собираетъ и копитъ деньгу, — не вѣрю я и тому: на старости и его чортъ попутаетъ — спуститъ потомъ все вдругъ! И всѣ у насъ такъ: и благородные, и мужики, и просвѣщенные, и непросвѣщенные. Вонъ какой былъ умный мужикъ: изъ ничего нажилъ сто тысячъ, а какъ нажилъ сто тысячъ, пришла въ голову дурь сдѣлать ванну изъ шампанскаго, и выкупался въ шампанскомъ. Но вотъ мы, кажется, и все обсмотрѣли. Больше ничего нѣтъ. Хотите развѣ взглянуть на мельницу? Впрочемъ, въ ней нѣтъ колеса, да и строенье никуда не годится.

— Что жъ и разсматривать ее! — сказалъ Чичиковъ.

— Въ такомъ случаѣ пойдемъ домой. — И они направили шаги къ дому.

На возвратномъ пути были виды тѣ же. Неопрятный безпорядокъ такъ и выказывалъ отовсюду безобразную свою наружность. Все было опущено и запущено. Сердитая баба, въ замасленной дерюгѣ, прибила до полусмерти бѣдную дѣвчонку и ругала на всѣ бока... всѣхъ чертей. Какая то философическая борода глядѣла съ равнодушіемъ стоическимъ изъ окошка на гнѣвъ пьяной бабы; другая борода зѣвала. Одинъ че-

салъ у себя пониже спины, другой зѣвалъ. Зѣвота видна была на строеніяхъ (и на всемъ): крыши также зѣвали. Платоновъ, глядя на нихъ, зѣвнулъ. „Мое то будущее достоянье -- мужики", подумалъ Чичиковъ: „дыра на дырѣ и заплата на заплатѣ!" И точно, на одной избѣ, вмѣсто крыши, лежали цѣликомъ ворота; провалившіяся окна подперты были жердями, стащенными съ господскаго амбара. Словомъ, въ хозяйство введена была, кажется, система Тришкина кафтана: отрѣзывались обшлага и фалды на заплату локтей.

Они вошли въ комнаты. Чичикова нѣсколько поразило смѣшенье нищеты съ нѣкоторыми блестящими бездѣлушками позднѣйшей роскоши. Посреди изорванной утвари и мебели — новенькія бронзы. Какой то Шекспиръ сидѣлъ на чернильницѣ; на столѣ лежала какая то ручка слоновой кости для почесыванья себѣ самому спины. Хлобуевъ отрекомендовалъ имъ хозяйку жену. Она была хоть куда; въ Москвѣ не ударила бы лицомъ въ [грязь]. Платье на ней было со вкусомъ, по модѣ. Говорить любила больше о городѣ да о театрѣ, который тамъ завелся. По всему было видно, что деревню она любила меньше, чѣмъ мужъ, и что зѣвала она еще больше Платонова, когда оставалась одна. Скоро комната наполнилась дѣтьми, прелестными дѣвочками и мальчиками. Ихъ было пятеро; шестое принеслось на рукахъ. Всѣ были прекрасны: мальчики и дѣвочки — заглядѣнье. Они были одѣты мило и со вкусомъ, были рѣзвы и веселы, и отъ этого самаго было еще грустнѣе глядѣть на нихъ. Лучше бы одѣты они были уже дурно, въ простыхъ пестрядевыхъ юбкахъ и рубашкахъ, бѣгали себѣ по двору и ничѣмъ не отличались отъ простыхъ крестьянскихъ дѣтей! Къ хозяйкѣ пріѣхала гостья. Дамы ушли на свою половину. Дѣти убѣжали вслѣдъ за ними. Мужчины остались одни.

Чичиковъ приступилъ къ покупкѣ. По обычаю всѣхъ покупщиковъ, сначала онъ охаялъ покупаемое имѣніе и, охаявши его со всѣхъ сторонъ, сказалъ:

— Какая же будетъ ваша цѣна?

— Видите ли что? — сказалъ Хлобуевъ. — Запрашивать съ васъ дорого не буду, да и не люблю: это было бы съ моей стороны и безсовѣстно. Я отъ васъ не скрою также и того, что въ деревнѣ моей изъ ста душъ, числящихся по ревизіи, и пятидесяти нѣтъ на-лицо: прочіе или померли отъ эпидемической болѣзни, или отлучились безпаспортно, такъ что вы почитайте ихъ какъ бы умершими. Поэтому то я и прошу съ васъ всего только тридцать тысячъ.

— Ну, вотъ — тридцать тысячъ! Имѣнье запущено, люди мертвы, и тридцать тысячъ! Возьмите 25 тысячъ.

— Павелъ Ивановичъ, я могу его заложить въ ломбардъ въ 25 тысячъ; понимаете ли это? Тогда я получаю 25 тысячъ, и имѣніе при мнѣ. Продаю я единственно затѣмъ, что мнѣ нужны скоро деньги, а при закладкѣ была бы проволочка, надобно бы платить приказнымъ, а платить нечѣмъ.

— Ну, да все-таки возьмите 25 тысячъ.

Платонову сдѣлалось совѣстно за Чичикова. — Покупайте, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ [онъ]. — За имѣнье можно всегда дать эту [цѣну]. Если вы не дадите за него тридцати тысячъ, мы съ братомъ складываемся и покупаемъ.

Чичиковъ испугался... — Хорошо! — сказалъ онъ, — даю 30 тысячъ. Вотъ двѣ тысячи задатку даю вамъ теперь, 8 тысячъ чрезъ недѣлю, а остальныя 20 тысячъ черезъ мѣсяцъ.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, только на томъ условіи, чтобы деньги, какъ можно скорѣе. Теперь вы мнѣ дайте пятнадцать тысячъ по крайней мѣрѣ, а остальныя никакъ не дальше, какъ черезъ двѣ недѣли.

— Да нѣтъ пятнадцати тысячъ! Десять тысячъ у меня всего теперь. Дайте соберу. — То есть, Чичиковъ лгалъ : у него было двадцать тысячъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, Павелъ Ивановичъ! я говорю, что необходимо нужны пятнадцать тысячъ.

— Да, право, недостаетъ пяти тысячъ. Не знаю самъ, откуда взять.

— Я вамъ займу, — подхватилъ Михайловъ [1].

— Развѣ эдакъ! — сказалъ Чичиковъ и подумалъ про себя : „А это, однакоже, кстати, что онъ даетъ взаймы: въ такомъ случаѣ завтра можно будетъ привезти“. Изъ коляски была принесена шкатулка и тутъ же было изъ нея вынуто десять тысячъ Хлобуеву; остальныя же пять тысячъ обѣщано было привезти ему завтра: то есть, обѣщано; предполагалось же привезти три; другія потомъ, денька черезъ два или три; а если можно, то и еще нѣсколько просрочить. Павелъ Ивановичъ какъ то особенно не любилъ выпускать изъ рукъ деньги Если жъ настояла крайняя необходимость, то все-таки, казалось ему, лучше выдать деньги завтра, а не сегодня. То есть, онъ поступалъ, какъ всѣ мы : вѣдь намъ пріятно же поводить просителя. Пусть его натретъ себѣ спину въ передней! Будто ужъ и нельзя подождать ему! Какое намъ дѣло до того,

[1] Платоновъ

что, можетъ быть, всякій часъ ему дорогъ, и терпятъ отъ того дѣла его! „Приходи, братецъ, завтра, а сегодня мнѣ какъ то некогда“.

— Гдѣ жъ вы послѣ этого будете жить? — спросилъ Платоновъ Хлобуева. — Есть у васъ другая деревушка?

— Деревушки нѣтъ, а я переѣду въ городъ. Все же равно это было нужно сдѣлать не для себя, а для дѣтей. Имъ нужны будутъ учители Закону Божію, музыкѣ, танцованью. Вѣдь этого въ деревнѣ нельзя достать!

„Куска хлѣба нѣтъ, а дѣтей хочетъ учить танцованью!“ — подумалъ Чичиковъ.

„Странно!“ — подумалъ Платоновъ.

— Что жъ? нужно намъ чѣмъ-нибудь вспрыснуть сдѣлку, — сказалъ Хлобуевъ. — Эй, Кирюшка! принеси, братъ, бутылку шампанскаго.

„Куска хлѣба нѣтъ, а шампанское есть!“ подумалъ Чичиковъ.

Платоновъ не зналъ, что и думать.

Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуевъ развязался, сталъ уменъ и милъ: остроты и анекдоты сыпались у него безпрерывно. Въ рѣчахъ его оказалось столько познанья людей и свѣта! Такъ хорошо и вѣрно видѣлъ онъ многія вещи, такъ мѣтко и ловко очерчивалъ въ немногихъ словахъ сосѣдей-помѣщиковъ, такъ видѣлъ ясно недостатки и ошибки всѣхъ, такъ хорошо зналъ исторію разорившихся баръ — и почему, и какъ, и отчего они разорились; такъ оригинально и мѣтко умѣлъ передавать малѣйшія ихъ привычки, что они оба были совершенно обворожены его рѣчами и готовы были признать его за умнѣйшаго человѣка.

— Послушайте, — сказалъ Платоновъ, схвативши его за руку, — какъ вамъ, при такомъ умѣ, опытности и познаніяхъ житейскихъ, не найти средствъ выпутаться изъ вашего затруднительнаго положенія?

— Средства то есть — сказалъ Хлобуевъ, и вслѣдъ за тѣмъ выгрузилъ имъ цѣлую кучу прожектовъ. Всѣ они были до того нелѣпы, такъ странны, такъ мало истекали изъ познанья людей и свѣта, что оставалось только пожимать плечами да говорить: „Господи Боже! какое необъятное разстоянье между знаньемъ свѣта и умѣньемъ пользоваться этимъ знаньемъ!“ Почти всѣ прожекты основывались на потребности вдругъ достать откуда-нибудь сто или двѣсти тысячъ. Тогда, казалось ему, все бы устроилось, какъ слѣдуетъ, и хозяйство бы

пошло, и прорѣхи всѣ бы заплатались, и доходы можно бы учетверить, и себя привести въ возможность выплатить всѣ долги. И оканчивалъ онъ рѣчь свою: — Но что прикажете дѣлать? Нѣтъ, да и нѣтъ такого благодѣтеля, который бы рѣшился дать двѣсти или хоть сто тысячъ взаймы! Видно, ужъ Богъ не хочетъ.

„Еще бы", подумалъ Чичиковъ: „эдакому дураку послалъ Богъ двѣсти тысячъ!"

— Есть у меня, пожалуй, трехмилліонная тетушка, — сказалъ Хлобуевъ: — старушка богомольная: на церкви и монастыри даетъ, но помогать ближнему тугенька. А старушка очень замѣчательная, — прежнихъ временъ тетушка, на которую бы взглянуть стоило. У ней однѣхъ канареекъ сотни четыре; моськи и приживалки, и слуги, какихъ ужъ теперь нѣтъ. Меньшому изъ слугъ будетъ лѣтъ 60, хоть она и зоветъ его: „Эй, малый"! Если гость какъ-нибудь себя не такъ поведетъ, такъ она за обѣдомъ прикажетъ обнести его блюдомъ. И обнесутъ, право.

Платоновъ усмѣхнулся.

— А какъ ея фамилія и гдѣ она проживаетъ? — спросилъ Чичиковъ.

— Живетъ она у насъ же въ городѣ — Александра Ивановна Ханасарова.

— Отчего жъ вы не обратитесь къ ней? — сказалъ съ участьемъ Платоновъ. — Мнѣ кажется, еслибы она только поближе вошла въ положенье вашего семейства, она бы не въ силахъ была отказать вамъ, какъ бы ни была туга.

— Ну, нѣтъ, въ силахъ! У тетушки натура крѣпковата. Это старушка-кремень, Платонъ Михайлычъ! Да къ тому жъ есть и безъ меня угодники, которые около нея увиваются. Такъ, есть одинъ, который мѣтитъ въ губернаторы. Приплелся ей въ родню... Богъ съ нимъ! можетъ быть, и успѣетъ. Богъ съ ними со всѣми! Я подъѣзжать и прежде не умѣлъ, а теперь и подавно: спина ужъ не гнется.

„Дуракъ!" подумалъ Чичиковъ. „Да я бы за этакой тетушкой ухаживалъ, какъ нянька за ребенкомъ!"

— Что жъ, вѣдь этакъ разговаривать сухо, — сказалъ Хлобуевъ.—Эй, Кирюшка! принеси-ка еще другую бутылку шампанскаго.

— Нѣтъ, нѣтъ, я больше не могу пить, — сказалъ Платоновъ.

— Я также, — сказалъ Чичиковъ, и оба отказались они рѣшительно.

— Ну, такъ, по крайней мѣрѣ, дайте мнѣ слово побывать у меня въ городѣ: 8-го іюня я даю маленькій обѣдъ нашимъ городскимъ сановникамъ.

— Помилуйте! — воскликнулъ Платоновъ. — Въ такомъ состояніи, разорившись совершенно — и еще обѣдъ.

— Что жъ дѣлать? нельзя: это долгъ, — сказалъ Хлобуевъ. — Они меня также угощали.

„Что съ нимъ дѣлать?“ подумалъ Платоновъ. Онъ еще не зналъ того, что на Руси, въ Москвѣ и другихъ городахъ, водятся такіе мудрецы, которыхъ жизнь — необъяснимая загадка. Все, кажется, прожилъ, кругомъ въ долгахъ, ни откуда никакихъ средствъ, и обѣдъ, который задается, кажется, послѣдній; и думаютъ обѣдающіе, что завтра же хозяина потащатъ въ тюрьму. Проходитъ послѣ того 10 лѣтъ — мудрецъ все еще держится на свѣтѣ; еще больше прежняго кругомъ въ долгахъ и такъ же задаетъ обѣдъ, и всѣ думаютъ, что онъ послѣдній, и всѣ увѣрены, что завтра же потащатъ хозяина въ тюрьму.

Почти такой же мудрецъ былъ Хлобуевъ. Только на одной Руси можно было существовать такимъ образомъ. Не имѣя ничего, онъ угощалъ и хлѣбосольничалъ, и даже оказывалъ покровительство, поощрялъ всякихъ артистовъ, пріѣзжавшихъ въ городъ, давалъ имъ у себя пріютъ и квартиру. Если [бы] кто заглянулъ въ домъ его, находившійся въ городѣ, онъ бы никакъ не узналъ, кто въ немъ хозяинъ. Сегодня попъ въ ризахъ служилъ тамъ молебенъ; завтра давали репетицію французскіе актеры; въ иной день какой-нибудь, неизвѣстный никому почти въ домѣ, поселялся въ самой гостиной съ бумагами и заводилъ тамъ кабинетъ, и это не смущало и не безпокоило никого въ домѣ, какъ бы было житейское дѣло. Иногда по цѣлымъ днямъ не бывало крохи въ домѣ, иногда же задавали въ немъ такой обѣдъ, который удовлетворилъ бы вкусу утонченнѣйшаго гастронома, и хозяинъ являлся праздничный, веселый, съ осанкой богатаго барина, съ походкой человѣка, котораго жизнь протекаетъ въ избыткѣ и довольствѣ. Зато временами бывали такія тяжелыя минуты, что другой давно бы, на его мѣстѣ, повѣсился или застрѣлился. Но его спасало религіозное настроеніе, которое страннымъ образомъ совмѣщалось въ немъ вмѣстѣ съ безпутною его жизнью. Въ эти горькія, тяжелыя минуты развертывалъ онъ книгу и читалъ житія страдальцевъ и тружениковъ, воспитывавшихъ духъ свой быть превыше страданій и несчастій. Душа

его въ это время вся размягчалась, умилялся духъ, и слезами исполнялись глаза его. И, — странное дѣло! — почти всегда приходила къ нему въ то время откуда-нибудь неожиданная помощь: или кто-нибудь изъ старыхъ друзей его вспоминалъ о немъ и присылалъ ему деньги; или какая-нибудь проѣзжая незнакомая барыня, христолюбивая, великодушная душа, нечаянно услышавъ о немъ исторію и тронувшись, съ стремительнымъ великодушьемъ женскаго сердца, присылала ему богатую подачу; или выигрывалось гдѣ-нибудь въ пользу его дѣло, о которомъ онъ никогда и не слыхалъ. Благоговѣйно, благодарно признавалъ онъ въ это время необъятное милосердье Провидѣнья, служилъ благодарственный молебенъ и — вновь начиналъ безпутную жизнь свою.

— Жалокъ онъ мнѣ, право, жалокъ! — сказалъ Чичикову Платоновъ, когда они выѣхали отъ него.

— Блудный сынъ! — сказалъ Чичиковъ. — О такихъ людяхъ и жалѣть нечего.

И скоро они оба перестали о немъ думать: Платоновъ — потому, что лѣниво и полусонно смотрѣлъ на положенья людей, такъ же, какъ и на все въ мірѣ. Сердце его сострадало и щемило при видѣ страданій другихъ, но впечатлѣнья не впечатлѣвались глубоко въ его душѣ. Онъ потому не думалъ о Хлобуевѣ, что и о себѣ самомъ не думалъ. Чичиковъ потому не думалъ о Хлобуевѣ, что всѣ мысли были заняты пріобрѣтенною покупкою. Онъ исчислялъ, разсчитывалъ и соображалъ всѣ выгоды купленнаго имѣнія. И какъ ни разсматривалъ, на какую сторону ни оборачивалъ дѣло, видѣлъ, что во всякомъ случаѣ покупка была выгодна. Можно было поступить и такъ, чтобы заложить имѣніе въ ломбардъ. Можно было поступить и такъ, чтобы заложить однихъ только мертвецовъ и бѣглыхъ. Можно было поступить и такъ, чтобы прежде выпродать по частямъ всѣ лучшія земли, а потомъ уже заложить въ ломбардъ. Можно было распорядиться и такъ, чтобы заняться самому хозяйствомъ и сдѣлаться помѣщикомъ, по образцу Попонжогла[1], пользуясь его совѣтами, какъ сосѣда и благодѣтеля. Можно было поступить даже и такъ, чтобы перепродать въ частныя [руки] имѣніе (разумѣется, если не захочется самому хозяйничать), оставивши при себѣ бѣглыхъ и мертвецовъ. Тогда представлялась и другая выгода: можно было вовсе улизнуть изъ этихъ мѣстъ и не заплатить Скудронжоглѣ денегъ,

[1] Костонжогло (Скудронжогло).

взятыхъ у него взаймы. Словомъ, всячески, какъ ни оборачивалъ онъ это дѣло, видѣлъ, что во всякомъ случаѣ покупка была выгодна. Онъ почувствовалъ удовольствіе, — удовольствіе отъ того, что сталъ теперь помѣщикомъ, помѣщикомъ не фантастическимъ, но дѣйствительнымъ помѣщикомъ, у котораго есть уже и земли, и угодья, и люди, — люди не мечтательные, не въ воображеньи пребываемые, но существующіе. И понемногу началъ онъ и подпрыгивать, и потирать себѣ руки, и подпѣвать, и приговаривать, и вытрубилъ на кулакѣ, приставивши его себѣ ко рту, какъ бы на трубѣ, какой то маршъ, и даже выговорилъ въ слухъ нѣсколько поощрительныхъ словъ и названій себѣ самому, въ родѣ мордашки и каплунчика. Но потомъ, вспомнивши, что онъ не одинъ, притихнулъ вдругъ, постарался кое-какъ замять неумѣренный порывъ восторгновенья, и когда Платоновъ, принявши кое-какіе изъ этихъ звуковъ за обращенную къ нему рѣчь, спросилъ у него: „Чего?“ онъ отвѣчалъ: „Ничего“.

Тутъ только, оглянувшись вокругъ себя, онъ замѣтилъ, что они ѣхали прекрасною рощей. Миловидная березовая ограда тянулась у нихъ справа и слѣва. Между деревъ показалась бѣлая каменная церковь. Въ концѣ улицы показался господинъ, шедшій къ нимъ навстрѣчу, въ картузѣ, съ суковатой палкой въ рукѣ. Аглицкій песъ, на высокихъ ножкахъ, бѣжалъ передъ нимъ.

— Стой! — сказалъ Платоновъ кучеру и выскочилъ изъ коляски. Чичиковъ вышелъ вслѣдъ за нимъ также изъ коляски. Они пошли пѣшкомъ навстрѣчу господина. Ярбъ уже успѣлъ облобызаться съ аглицкимъ псомъ, съ которымъ, какъ видно, былъ знакомъ уже давно, потому что принялъ равнодушно въ свою толстую морду живое лобызанье Азора (такъ назывался аглицкій песъ). Проворный песъ, именемъ Азоръ, облобызавши Ярба, подбѣжалъ къ Платонову, вскочилъ къ нему съ намѣреньемъ лизнуть его въ губы, но не досталъ и, оттолкнутый имъ, вскочилъ на Чичикова, лизнулъ его въ ухо, побѣжалъ снова къ Платонову, пробуя лизнуть его хоть въ ухо.

Платоновъ и господинъ, шедшій навстрѣчу, въ это время сошлись и обнялись.

— Помилуй, Платонъ! что это ты со мною дѣлаешь? — живо спросилъ господинъ.

— Какъ, что? — равнодушно отвѣчалъ Платоновъ.

— Да какъ же въ самомъ дѣлѣ? три дни отъ тебя ни слуху, ни духу! Конюхъ отъ Пѣтуха привелъ твоего

жеребца. „Поѣхалъ“, говоритъ, „съ какимъ то бариномъ“. Ну, хоть бы слово сказалъ: куды, зачѣмъ, на сколько времени? Помилуй, братецъ, какъ же можно этакъ поступать? А я, Богъ знаетъ, чего не передумалъ въ эти дни!

— Ну, что жъ дѣлать? позабылъ — сказалъ Платоновъ. —Мы заѣхали къ Константину Ѳедоровичу... Онъ тебѣ кланяется, сестра также. Рекомендую тебѣ Павла Ивановича Чичикова. — Павелъ Ивановичъ, — братъ Василій. Прошу полюбить его такъ же, какъ и меня.

Братъ Василій и Чичиковъ, снявши картузы, поцѣловались.

„Кто бы такой былъ этотъ Чичиковъ?“ думалъ братъ Василій. „Братъ Платонъ на знакомства неразборчивъ и, вѣрно, не узналъ, что онъ за человѣкъ“. И оглянулъ онъ Чичикова, насколько позволяло приличіе. Чичиковъ стоялъ, нѣсколько наклонивши голову и сохранивъ пріятное выраженье въ лицѣ.

Съ своей стороны Чичиковъ оглянулъ также, насколько позволяло приличіе, брата Василія. Онъ былъ ростомъ пониже Платона, волосомъ темнѣй его и лицомъ далеко не такъ красивъ; но въ чертахъ его лица было много жизни и одушевленья. Видно было, что онъ не пребывалъ въ дремотѣ и спячкѣ.

— Знаешь ли, Василій, что я придумалъ? — сказалъ братъ Платонъ.

— Что? — спросилъ Василій.

— Проѣздиться по святой Руси, вотъ именно съ Павломъ Ивановичемъ: авось —либо это размычетъ и растеребитъ хандру мою.

— Какъ же такъ вдругъ рѣшился?.. — началъ было говорить Василій, озадаченный не на шутку такимъ рѣшеньемъ, и чуть было не прибавилъ: „И еще замыслилъ ѣхать съ человѣкомъ, котораго видишь въ первый разъ, который, можетъ быть, и дрянь, и чортъ знаетъ что!“ И, полный недовѣрія, сталъ онъ разсматривать искоса Чичикова и увидѣлъ, что онъ держится необыкновенно прилично, сохраняя все то же пріятное наклоненье головы нѣсколько на-бокъ и почтительно-привѣтное выраженье въ лицѣ, такъ что никакъ нельзя было узнать, какого роду былъ Чичиковъ.

Въ молчаньи они пошли всѣ трое по дорогѣ, по лѣвую руку которой находилась мелькавшая промежъ деревъ бѣлая каменная церковь, по правую — начинавшія показ[ыв]аться, также промежъ деревъ, строенья господскаго двора. Наконецъ, показались и ворота. Они вступили во дворъ, гдѣ былъ старинный господскій домъ

подъ высокой крышей. Двѣ огромныя липы, росшія посреди двора, покрывали почти половину его своею тѣнью. Сквозь опущенныя внизъ развѣсистыя ихъ вѣтви едва сквозили стѣны дома. Подъ липами стояло нѣсколько длинныхъ скамеекъ. Братъ Василій пригласилъ Чичикова садиться. Чичиковъ сѣлъ, и Платоновъ сѣлъ. По всему двору разливалось благоуханье цвѣтущихъ сиреней и черемухъ, которыя, нависши отовсюду изъ саду въ дворъ черезъ миловидную березовую ограду, кругомъ его обходившую, казалися цвѣтущею цѣпью или бисернымъ ожерельемъ, его короновавшимъ.

Ухватливый и ловкій дѣтина лѣтъ 17, въ красивой рубашкѣ розовой ксандрейки, принесъ и поставилъ передъ ними графины съ водой и разноцвѣтными квасами всѣхъ сортовъ, шипѣвшими, какъ газовые лимонады. Поставивши предъ ними графины, онъ подошелъ къ дереву и, взявши прислоненный къ нему заступъ, отправился въ садъ. У братьевъ Платоновыхъ вся дворня работала въ саду, всѣ слуги были садовники, или, лучше сказать, слугъ не было, но садовники исправляли иногда эту должность. Братъ Василій все утверждалъ, что безъ слугъ можно даже и вовсе обойтись: подать что-нибудь можетъ всякій, и для этого не стоитъ заводить особаго сословья; что будто русскій человѣкъ по тѣхъ поръ только хорошъ и расторопенъ, и красивъ, и развязенъ, и много работаетъ, покуда онъ ходитъ въ рубашкѣ и зипунѣ; но что, какъ только заберется въ нѣмецкій сюртукъ, станетъ и неуклюжъ, и некрасивъ, и нерасторопенъ, и лѣнтяй. Онъ утверждалъ, что и чистоплотность у него содержится по тѣхъ поръ, покуда онъ еще носитъ рубашку и зипунъ, и что, какъ только заберется въ нѣмецкій сюртукъ — и рубашки не перемѣняетъ, и въ баню не ходитъ, и спитъ въ сюртукѣ, и заведутся у него подъ сюртукомъ и клопы, и блохи, и чортъ знаетъ что. Въ этомъ, можетъ быть, онъ былъ и правъ. Въ деревнѣ ихъ народъ одѣвался какъ то особенно щеголевато и опрятно, и такихъ красивыхъ рубашекъ и зипуновъ нужно было далеко поискать.

— Не угодно ли вамъ прохладиться? — сказалъ братъ Василій Чичикову, указывая на графины. — Это квасы нашей фабрики; ими издавна славится домъ нашъ.

Чичиковъ налилъ стаканъ изъ перваго графина — точно липецъ [1], который онъ нѣкогда пивалъ въ Польшѣ:

[1] Медъ.

игра, какъ у шампанскаго, а газъ такъ и шибнулъ пріятнымъ кручкомъ изо рта въ носъ.

— Нектаръ! — сказалъ Чичиковъ. Выпилъ стаканъ отъ другого графина — еще лучше.

— Въ какую же сторону и въ какія мѣста предполагаете преимущественно ѣхать? — спросилъ братъ Василій.

— Ѣду я, — сказалъ Чичиковъ, потирая себя рукой по колѣну, въ сопровожденьи легкаго покачиванья всего туловища и пріятнаго наклона головы на-бокъ, — не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя, ибо — не говоря уже о пользѣ въ гемороидальномъ отношеніи, — видѣть свѣтъ и коловращеніе людей — есть уже само по себѣ, такъ сказать, живая книга и вторая наука.

Братъ Василій задумался. „Говоритъ этотъ человѣкъ нѣсколько витіевато, но въ словахъ его есть правда", думалъ [онъ]. „Брату моему Платону недостаетъ познанія людей, свѣта и жизни". Нѣсколько помолчавъ, сказалъ такъ вслухъ:

— Знаешь ли что, Платонъ? — что путешествіе можетъ, точно, расшевелить тебя. У тебя душевная спячка. Ты, просто, заснулъ, и заснулъ не отъ пресыщенія или усталости, но отъ недостатка живыхъ впечатлѣній и ощущеній. Вотъ я совершенно напротивъ. Я бы очень желалъ не такъ живо чувствовать и не такъ близко принимать къ сердцу все, что ни случается.

— Вольно же принимать все близко къ сердцу! — сказалъ Платонъ. — Ты выискиваешь себѣ безпокойства и самъ сочиняешь себѣ тревоги.

— Какъ сочинять, когда и безъ того на всякомъ шагу непріятность? — сказалъ Василій. — Слышалъ ты, какую безъ тебя сыгралъ съ нами штуку Лѣницынъ[1]? — Захватилъ пустошь нашу, гдѣ красная горка.

— Не знаетъ, потому и захватилъ, — сказалъ Платонъ, — человѣкъ новый, только что пріѣхалъ изъ Петербурга. Ему нужно объяснить, растолковать.

— Знаетъ, очень знаетъ. Я посылалъ ему сказать, но онъ отвѣчалъ грубостью.

— Тебѣ нужно было съѣздить самому растолковать. Переговори съ нимъ самъ.

---

[1] Повидимому, то лицо, которое упоминалось въ главѣ о Тѣнтѣтниковѣ.

— Ну нѣтъ. Онъ черезчуръ уже заважничалъ. Я къ нему не поѣду. Поѣзжай, если хочешь, ты.

— Я бы поѣхалъ, но вѣдь я не мѣшаюсь. Онъ можетъ меня и провести, и обмануть.

— Да если угодно, такъ я поѣду, — сказалъ Чичиковъ.

Василій взглянулъ на него и подумалъ: „Экой охотникъ ѣздить!“

— Вы мнѣ подайте только понятіе, какого рода онъ человѣкъ, — сказалъ Чичиковъ, — и въ чемъ дѣло.

— Мнѣ совѣстно наложить на васъ такую непріятную комиссію, потому что одно изъясненіе съ такимъ человѣкомъ для меня уже непріятная комиссія. Надобно вамъ сказать, что онъ изъ простыхъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ нашей губерніи, выслужился въ Петербургѣ, вышелъ кое-какъ въ люди, женившись тамъ на чьей то побочной дочери, и заважничалъ. Задаетъ здѣсь тоны. Да и у насъ въ губерніи, слава Богу, народъ живетъ не глупый. Мода намъ не указъ, а Петербургъ — не церковь.

— Конечно, — сказалъ Чичиковъ, — а дѣло въ чемъ?

— А дѣло, по-настоящему, вздоръ. У него нѣтъ достаточно земли, — ну, онъ и захватилъ чужую пустошь, т.-е. онъ разсчитывалъ, что она не нужна, и о ней хозяева . . . . . , а у насъ, какъ нарочно, уже испоконъ вѣка собираются крестьяне праздновать тамъ красную горку. По этому то поводу я готовъ пожертвовать лучше другими, лучшими землями, чѣмъ отдать ее. Обычай для меня — святыня.

— Стало быть, вы готовы уступить ему другія земли?

— То есть, еслибы онъ не такъ со мной поступилъ; но онъ хочетъ, какъ я вижу, знаться судомъ. Пожалуй, посмотримъ, кто выиграетъ. Хоть на планѣ и не такъ ясно, но свидѣтели-старики еще живы и помнятъ.

„Гм!“ подумалъ Чичиковъ: „оба то, какъ вижу, съ душкомъ“. И сказалъ вслухъ:

— А мнѣ кажется, что это дѣло обдѣлать можно миролюбно. Все зависитъ отъ посредника. Письмен[1]

. . . . . .

. . . . . .

[1] Утрачены двѣ страницы. Въ первомъ изданіи второго тома „Мертвыхъ Душъ“ С. П. Шевыревъ сдѣлалъ къ этому мѣсту примѣчаніе: „Здѣсь пропускъ, въ которомъ, вѣроятно, содержался разсказъ о томъ, какъ Чичиковъ отправился къ помѣщику Лѣницыну“.

— что и для васъ самихъ будетъ очень выгодно перевесть, напримѣръ, на мое имя всѣхъ умершихъ душъ, какія по сказкамъ послѣдней ревизіи числятся въ имѣніяхъ вашихъ, такъ чтобы я за нихъ платилъ подати. А чтобы не подать какого соблазна, то передачу эту вы совершите посредствомъ купчей крѣпости, какъ бы эти души были живыя.

„Вотъ тебѣ на!“ подумалъ Лѣницынъ: „это что то престранное“. И нѣсколько даже отодвинулся со стуломъ назадъ, потому что совершенно озадачился.

— Я никакъ въ томъ не сомнѣваюсь, что вы на это дѣло совершенно будете согласны, — сказалъ Чичиковъ, — потому что это дѣло совершенно въ томъ родѣ, какъ мы сейчасъ говорили. Совершено оно будетъ между солидными людьми втайнѣ, и соблазна никому.

(Что тутъ дѣлать?) Лѣницынъ очутился въ затруднительномъ положеніи. Онъ никакъ не могъ предвидѣть, чтобы мнѣніе, имъ незадолго изъявленное, привело его къ такому быстрому осуществленью на дѣлѣ. Предложеніе было до крайности неожиданно. Конечно, ничего вредоноснаго ни для кого не могло быть въ этомъ поступкѣ: помѣщики, все равно, заложили бы также эти души наравнѣ съ живыми; стало быть, казнѣ убытку не можетъ быть никакого; разница въ томъ, что онѣ были бы въ однѣхъ рукахъ, а тогда были бы въ розныхъ. Но тѣмъ не менѣе онъ затруднился. Онъ былъ законникъ и дѣлецъ, и дѣлецъ въ хорошую сторону. Неправо не рѣшилъ бы онъ дѣла ни за какіе подкупы. Но тутъ онъ остановился, не зная, какое имя дать этому дѣйствію — правое ли оно, или неправое. Еслибы кто-нибудь другой обратился къ нему съ такимъ предложеніемъ, онъ могъ бы сказать: „Это вздоръ, пустяки! Я не хочу играть въ куклы, или дурачиться“. Но гость уже такъ ему понравился, такъ они сошлись во многомъ насчетъ успѣховъ просвѣщенья и наукъ, — какъ отказать? Лѣницынъ находился въ затруднительномъ положеніи.

Но въ это время, точно какъ будто затѣмъ, чтобы помочь горю, вошла въ комнату молодая курносенькая хозяйка, супруга Лѣницына, и блѣдная, и худенькая, какъ всѣ петербургскія дамы, и одѣтая со вкусомъ, какъ всѣ петербургскія дамы. За нею былъ вынесенъ мамкой на рукахъ ребенокъ-первенецъ, плодъ нѣжной любви недавно бракосочетавшихся супруговъ. Чичиковъ, разумѣется, подошелъ тотъ же часъ къ дамѣ и, не говоря уже о приличномъ привѣтствіи, однимъ пріят-

нымъ наклоненьемъ головы на-бокъ много расположилъ ее въ свою пользу. Затѣмъ подбѣжалъ къ ребенку. Тотъ было разревѣлся; но, однакоже, Чичикову удалось словами: „Агу, агу, душенька!“ прищелкиваньемъ пальцевъ и сердоликовой печаткой отъ часовъ переманить его на руки къ себѣ. Взявши его къ себѣ на руки, началъ онъ приподымать его кверху и тѣмъ возбудилъ въ ребенкѣ пріятную усмѣшку, которая очень обрадовала обоихъ родителей.

Но отъ удовольствія ли, или отъ чего-нибудь другого, ребенокъ вдругъ повелъ себя нехорошо. Жена Лѣницына закричала:

— Ахъ, Боже мой! онъ вамъ испортилъ весь фракъ.

Чичиковъ посмотрѣлъ: рукавъ новешенькаго фрака былъ весь испорченъ. „Пострѣлъ бы тебя побралъ, чертенокъ проклятый!“ пробормоталъ онъ въ-сердцахъ про себя.

Хозяинъ, и хозяйка, и мамка — всѣ побѣжали за одеколономъ; со всѣхъ сторонъ принялись его вытирать.

— Ничего, ничего, совершенно ничего, — говорилъ Чичиковъ. — Можетъ ли что-нибудь невинный ребенокъ? — И въ то же время думалъ про себя: „Да вѣдь какъ мѣтко обдѣлалъ, канальченокъ проклятый!“ — Золотой возрастъ! — сказалъ онъ, когда уже его совершенно вытерли, и пріятное выраженіе возвратилось на его лицѣ.

— А вѣдь точно, — сказалъ хозяинъ, обратившись къ Чичикову, тоже съ пріятной улыбкой: — что можетъ быть завиднѣй ребяческаго возраста? никакихъ заботъ, никакихъ мыслей о будущемъ...

— Состоянье, на которое можно сей же часъ помѣняться, — сказалъ Чичиковъ.

— За глаза, — сказалъ Лѣницынъ.

Но, кажется, оба соврали: предложи имъ такой обмѣнъ, они бы тутъ же на попятный дворъ. Да и что за радость сидѣть у мамки на рукахъ да портить фраки!

Молодая хозяйка и первенецъ удалились съ мамкой, потому что и на немъ требовалось кое-что поправить: наградивъ Чичикова, онъ и себя не позабылъ (наградить).

Это, повидимому, незначительное обстоятельство склонило еще болѣе хозяина на сторону Чичикова. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, отказать такому пріятному, обходительному гостю, который столько ласкъ оказалъ его ма-

люткѣ и такъ великодушно поплатился за то собственнымъ фракомъ? Лѣницынъ думалъ такъ: „Почему жъ, въ самомъ дѣлѣ, не исполнить его просьбы, если ужъ такое его желаніе?“ . . . . . .

Глава...[1]

Въ то самое время, когда Чичиковъ въ персидскомъ новомъ халатѣ изъ золотистой терламы, развалясь на диванѣ, торговался съ заѣзжимъ контрабандистомъ-купцомъ жидовскаго происхожденія и нѣмецкаго выговора, и передъ ними уже лежали штука первѣйшаго голландскаго полотна на рубашки и двѣ бумажныя коробки съ отличнѣйшимъ мыломъ первостатейнѣйшаго свойства (это мыло было то самое, которое онъ нѣкогда пріобрѣталъ на радзивиловской таможнѣ; оно имѣло, дѣйствительно, свойство сообщать непостижимую нѣжность и бѣлизну щекамъ изумительную), — въ то время, когда онъ, какъ знатокъ, покупалъ эти необходимые для воспитаннаго человѣка продукты, раздался громъ подъѣхавшей кареты, отозвавшійся легкимъ дрожаньемъ комнатныхъ оконъ и стѣнъ, и вошелъ его превосходительство Алексѣй Ивановичъ Лѣницынъ.

— На судъ вашего превосходительства представляю: каково полотно и каково мыло, и какова эта вчерашняго дня купленная вещица!

При этомъ Чичиковъ надѣлъ на голову ермолку, вышитую золотомъ и бусами, и очутился, какъ персидскій шахъ, исполненный достоинства и величія.

Но его превосходительство, не отвѣчая на вопросъ, сказалъ:

— Мнѣ нужно съ вами поговорить объ дѣлѣ.

Въ лицѣ его замѣтно было разстройство. Почтенный купецъ нѣмецкаго выговора былъ тотъ же часъ высланъ, и они остались [одни].

— Знаете ли вы, какая непріятность? Отыскалось другое завѣщаніе старухи, сдѣланное назадъ тому пять [лѣтъ]. Половина имѣнья отдается въ монастырь, а другая — обѣимъ воспитанницамъ пополамъ, и ничего больше никому.

Чичиковъ оторопѣлъ.

— Но это завѣщанье — вздоръ. Оно ничего не значитъ; оно уничтожено вторымъ.

---

[1] Остатокъ одной изъ первоначальныхъ редакцій второго тома „Мертвыхъ Душъ“, написанный въ то время, когда еще нельзя было опредѣлить, какая это будетъ глава по счету.

— Но вѣдь это не сказано въ послѣднемъ завѣщаніи, что имъ уничтожается первое.

— Это само собою разумѣется: послѣднее уничтожаетъ первое. Это вздоръ. Это первое завѣщанье никуда не годится. Я знаю хорошо волю покойницы. Я былъ при ней. Кто его подписалъ? кто были свидѣтели?

— Засвидѣтельствовано оно, какъ слѣдуетъ, въ судѣ. Свидѣтелемъ былъ бывшій совѣстный судья Бурмиловъ и Хавановъ.

„Худо", подумалъ Чичиковъ: „Хавановъ, говорятъ, честенъ; Бурмиловъ, — старый ханжа, читаетъ по праздникамъ апостола въ церквахъ".

— Но вздоръ, вздоръ, — сказалъ онъ вслухъ и тутъ же почувствовалъ рѣшимость на всѣ штуки. — Я знаю это лучше: я участвовалъ при послѣднихъ минутахъ покойницы. Мнѣ это лучше всѣхъ извѣстно. Я готовъ присягнуть самолично.

Слова эти и рѣшимость на минуту успокоили Лѣницына.

Онъ былъ очень взволнованъ и уже начиналъ было подозрѣвать, не было ли со стороны Чичикова какой-нибудь фабрикаціи относительно завѣщанія (хотя онъ и представить себѣ не могъ, чтобы дѣло было, какъ оно было дѣйствительно). Теперь укорилъ себя въ подозрѣніи. Готовность присягнуть была явнымъ доказательствомъ, что Чичиковъ... Не знаемъ мы, точно ли достало бы духа у Павла Ивановича присягнуть на святомъ, но сказать это достало духа.

— Будьте покойны (и не заботьтесь ни о чемъ, я отправляюсь) и переговорю объ этомъ дѣлѣ съ нѣкоторыми юрисконсультами. Съ вашей стороны тутъ ничего не должно прилагать; вы должны быть совершенно въ сторонѣ. Я же теперь могу жить въ городѣ, сколько мнѣ угодно.

Чичиковъ тотъ же часъ приказалъ подать экипажъ и отправился къ юрисконсульту. Этотъ юрисконсультъ былъ опытности необыкновенной. Уже пятнадцать лѣтъ, какъ онъ находился подъ судомъ, и такъ умѣлъ распорядиться, что никакъ нельзя было отрѣшить отъ должности. Всѣ знали, что его, за подвиги его, слѣдовало бы, шесть разъ слѣдовало послать на поселенье. Кругомъ и со всѣхъ сторонъ былъ онъ въ подозрѣніяхъ, но никакихъ нельзя было возвести явныхъ и доказанныхъ уликъ. Тутъ было дѣйствительно что то таинственное, и его бы можно было смѣло признать колдуномъ, еслибы исторія, нами описанная, принадлежала временамъ невѣжества.

Юрисконсультъ поразилъ холодностью своего вида, замасленностью своего халата, представлявшаго совершенную противоположность (весьма) хорошимъ мебелямъ краснаго дерева, золотымъ часамъ подъ стекляннымъ колпакомъ, люстрѣ, сквозившей сквозь кисейный чехолъ, ее сохранявшій, и вообще всему, что было вокругъ и носило на себѣ яркую печать блистательнаго европейскаго просвѣщенія.

Не останавливаясь, однакожъ, скептической наружностью юрисконсульта, Чичиковъ объяснилъ затруднительные пункты дѣла и въ заманчивой перспективѣ изобразилъ необходимо послѣдующую благодарность за добрый совѣтъ и участіе.

Юрисконсультъ отвѣчалъ на это изображеньемъ невѣрности всего земного и далъ тоже искусно замѣтить, что журавль въ небѣ ничего не значитъ, а нужно синицу въ руки.

Нечего дѣлать: нужно было дать синицу въ руки. Скептическая холодность философа вдругъ исчезла. Оказалось, что это былъ наидобродушнѣйшій человѣкъ, наиразговорчивый и наиприятнѣйшій въ разговорахъ, не уступавшій ловкостью оборотовъ самому Чичикову.

— Позвольте вамъ вмѣсто того, чтобы заводить длинное дѣло, — вы, вѣрно, не хорошо разсмотрѣли самое завѣщаніе: тамъ, вѣрно, есть какая-нибудь приписочка. Вы возьмите его на время къ себѣ. Хотя, конечно, подобныхъ вещей на домъ брать запрещено, но если хорошенько попросить нѣкоторыхъ чиновниковъ... Я съ своей стороны употреблю мое участіе.

„Понимаю", подумалъ Чичиковъ и сказалъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, я, точно, хорошо не помню, есть ли тамъ приписочка, или нѣтъ, — точно какъ будто и не самъ писалъ это завѣщаніе.

— Лучше всего вы это посмотрите. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, — продолжалъ онъ весьма добродушно, — будьте всегда покойны и не смущайтесь ничѣмъ, даже еслибы и хуже что произошло. Никогда и ни въ чемъ не отчаявайтесь: нѣтъ дѣла неисправимаго. Смотрите на меня: я всегда покоенъ. Какіе бы ни были возводимы на меня казусы, спокойствіе мое непоколебимо. — Лицо юрисконсульта-философа пребывало дѣйствительно въ необыкновенномъ спокойствіи, такъ что Чичиковъ много...

— Конечно, это первая вещь, — сказалъ (онъ). — Но согласитесь, однакожъ, что могутъ быть такіе случаи и дѣла, такія дѣла и такіе поклепы со стороны враговъ и такія затруднительныя положенія, что отлетитъ всякое спокойствіе.

— Повѣрьте мнѣ, это малодушіе, — отвѣчалъ очень покойно и добродушно философъ-юристъ. — Старайтесь только, чтобы производство дѣла было все основано на бумагахъ, чтобы на словахъ ничего не было. И какъ только увидите, что дѣло идетъ къ развязкѣ и удобно къ рѣшенью, старайтесь — не то, чтобы оправдать и защищать себя, — нѣтъ, просто спутать новыми вводными, и такъ... .

— То есть, чтобы...

— Спутать, спутать — и ничего больше, — отвѣчалъ философъ: — ввести въ это дѣло постороннія, другія обстоятельства, которыя запутали [бы] сюда и другихъ; сдѣлать сложнымъ — и ничего больше. И тамъ пусть пріѣзжій петербургскій чиновникъ разбираетъ, пусть разбираетъ, пусть его разбираетъ! — повторилъ онъ, смотря съ необыкновеннымъ удовольствіемъ въ глаза Чичикову, какъ смотритъ учитель ученику, когда объясняетъ ему заманчивое мѣсто изъ русской грамматики.

— Да, хорошо, если подберешь такія обстоятельства, которыя способны пустить въ глаза мглу, — сказалъ Чичиковъ, смотря тоже съ удовольствіемъ въ глаза философа, какъ ученикъ, который понялъ заманчивое мѣсто, объясняемое учителемъ.

— Подберутся обстоятельства, подберутся! Повѣрьте: отъ частаго упражненія и голова сдѣлается находчивою. Прежде всего помните, что вамъ будутъ помогать. Въ сложности дѣла выигрышъ многимъ: и чиновниковъ нужно больше, и жалованья имъ больше... Словомъ, втянуть въ дѣло побольше лицъ. Нѣтъ нужды, что иные напрасно попадутъ: да вѣдь имъ же оправдаться... имъ нужно отвѣчать на бумаги, имъ нужно окупиться... Вотъ ужъ и хлѣбъ... Повѣрьте мнѣ, что, какъ только обстоятельства становятся критическія, первое дѣло спутать. Такъ можно спутать, такъ все перепутать, что никто ничего не пойметъ. Я почему спокоенъ? — Потому что знаю: пусть только дѣла мои пойдутъ похуже, да я всѣхъ впутаю въ свое — и губернатора, и вицъ-губернатора, и полицеймейстера, и казначея, — всѣхъ запутаю. Я знаю всѣ ихъ обстоятельства: и кто на кого сердится, и кто на кого дуется, и кто кого хочетъ упечь. Тамъ, пожалуй, пусть ихъ выпутываются. Да покуда они выпутаются, другіе успѣютъ нажиться. Вѣдь только въ мутной водѣ и ловятся раки Всѣ только ждутъ, чтобы запутать. — Здѣсь юристъ-философъ посмотрѣлъ Чичикову въ глаза опять съ тѣмъ наслажденьемъ, съ какимъ учитель объясняетъ

ученику еще заманчивѣйшее мѣсто изъ русской грамматики.

„Нѣтъ, этотъ человѣкъ, точно, мудрецъ", подумалъ про себя Чичиковъ, и разстался съ юрисконсультомъ въ наипріятнѣйшемъ и въ наилучшемъ расположеніи духа.

Совершенно успокоившись и укрѣпившись, онъ съ небрежною ловкостью бросился на эластическія подушки коляски, приказалъ Селифану откинуть кузовъ назадъ (къ юрисконсульту онъ ѣхалъ съ поднятымъ кузовомъ и даже застегнутой кожей) и расположился, точь въ точь, какъ отставной гусарскій полковникъ или самъ Вишнепокромовъ,—ловко подвернувши одну ножку подъ другую, обратя съ пріятностью ко встрѣчнымъ лицо, сіявшее изъ [подъ] шелковой новой шляпы, надвинутой нѣсколько на ухо. Селифану было приказано держать направленье къ гостиному двору. Купцы, и пріѣзжіе, и туземные, стоя у дверей лавокъ, почтительно снимали шляпы, и Чичиковъ, не безъ достоинства, приподнималъ имъ въ отвѣтъ свою. Многіе изъ нихъ уже были ему знакомы; другіе, были хоть пріѣзжіе, но очарованные ловкимъ видомъ умѣющаго держать себя господина, привѣтствовали его, какъ знакомые. Ярмарка въ городѣ Тьфуславлѣ не прекращалась: отошла конная и земледѣльческая, началась — съ красными товарами для господъ просвѣщенья высшаго. Купцы, пріѣхавшіе на колесахъ, располагали назадъ не иначе возвращаться, какъ на саняхъ.

— Пожалуйте-съ, пожалуйте-съ, — говорилъ у суконной лавки, учтиво рисуясь, съ открытою головою, нѣмецкій сюртукъ московскаго шитья, съ шляпой въ рукѣ на отлетѣ, только чуть державшій круглый подбородокъ и выраженье тонкости просвѣщенья въ лицѣ.

Чичиковъ вошелъ въ лавку.

— Покажите-ка мнѣ, любезнѣйшій, суконца.

Благопріятный купецъ тотчасъ приподнялъ вверхъ открывавшуюся доску у стола и, сдѣлавши такимъ образомъ себѣ проходъ, очутился въ лавкѣ, спиною къ товару и лицомъ къ покупателю. Ставши спиной къ товарамъ и лицомъ къ покупателю, купецъ, съ обнаженной головой и шляпой на отлетѣ, еще разъ привѣтствовалъ Чичикова. Потомъ надѣлъ шляпу и, пріятно нагнувшись, обѣими же руками упершись въ столъ, сказалъ такъ:

— Какого рода суконъ-съ? англійскихъ мануфактуръ, или отечественной фабрикаціи предпочитаете?

— Отечественной фабрикаціи, — сказалъ Чичиковъ,

но только лучшаго сорта, который называется аглицкимъ.

— Какихъ цвѣтовъ пожелаете имѣть? — вопросилъ купецъ, все такъ [же] пріятно колеблясь на двухъ, упершихся въ столъ, рукахъ.

— Цвѣтовъ темныхъ оливковыхъ или бутылочныхъ съ искрою, приближающихся, такъ сказать, къ брусникѣ, — сказалъ Чичиковъ.

— Могу сказать, что получите первѣйшаго сорта, какое-съ можете въ обѣихъ столицахъ, — говорилъ купецъ, полѣзши доставать сверху штуку; бросилъ ее ловко на столъ, разворотилъ съ другого конца и поднесъ къ свѣту. — Каковъ отливъ-съ! Самаго моднаго, послѣдняго вкуса! — Сукно блистало, какъ шелковое. Купецъ чутьемъ пронюхалъ, что предъ нимъ стоитъ знатокъ суконъ, и не захотѣлъ начинать съ десятирублеваго.

— Порядочное, — сказалъ Чичиковъ, слегка погладивши. — Но знаете ли, почтеннѣйшій, покажите-ка мнѣ сразу то, что вы напослѣди показываете, да и цвѣту больше того... больше искрасна.

— Понимаю-съ: вы истинно желаете такого цвѣта, какой ноньче въ... входитъ. Есть у меня сукно отличнѣйшаго свойства. Предувѣдомляю, что высокой цѣны, но и высокаго достоинства.

Штука упала сверху. Купецъ ее развернулъ еще съ бо̀льшимъ искусствомъ, поймалъ другой конецъ и развернулъ точно шелковую матерію, поднесъ ее Чичикову такъ, что [тотъ] имѣлъ возможность не только разсмотрѣть его, но даже понюхать, сказавши только:

— Вотъ-съ сукно-съ! цвѣту наваринскаго дыму съ пламенемъ.

О цѣнѣ условились. Желѣзный аршинъ, подобный жезлу чародѣя, отхваталъ тутъ же Чичикову на фракъ [и] на панталоны. Сдѣлавши ножницами нарѣзку, купецъ произвелъ обѣими руками ловкое дранье сукна во всю его ширину, при окончаньи котораго поклонился Чичикову съ наиобольстительнѣйшею пріятностью. Сукно тутъ же было свернуто и ловко заверчено въ бумагу; свертокъ завертѣлся подъ легкой бичевкой. Чичиковъ хотѣлъ было лѣзть въ карманъ, но почувствовалъ пріятное окруженіе своей поясницы чьей то весьма деликатной рукой, и уши его услышали:

— Что вы здѣсь покупаете, почтеннѣйшій?

— А, пріятнѣйше-неожиданная встрѣча! — сказалъ Чичиковъ.

— Пріятное столкновенье, — сказалъ голосъ того же

самаго, который окружилъ его поясницу. Это былъ Вишнепокромовъ.

— Готовился было пройти лавку безъ вниманья, вдругъ вижу знакомое лицо — какъ отказаться отъ пріятнаго удовольствія! Нечего сказать, сукна въ этомъ году несравненно лучше. Вѣдь это стыдъ, срамъ! Я никакъ не могъ, бывало, отыскать... Я готовъ сорокъ рублей... возьми пятьдесятъ даже, но дай хорошаго. По мнѣ или имѣть вещь, которая бы, точно, была уже отличнѣйшая, или ужъ лучше вовсе не имѣть. Не такъ ли?

— Совершенно такъ! — сказалъ Чичиковъ. — Зачѣмъ же трудишься, какъ не затѣмъ, чтобы, точно, имѣть хорошую вещь?

— Покажите мнѣ сукна среднихъ цѣнъ, — раздался позади голосъ, показавшійся Чичикову знакомымъ. Онъ оборотился: это былъ Хлобуевъ. По всему видно было, что онъ покупалъ сукно не для прихоти, потому что сюртучокъ былъ больно протертъ.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ! позвольте мнѣ съ вами наконецъ поговорить. Васъ нигдѣ не встрѣтишь. Я былъ нѣсколько разъ — все васъ нѣтъ и нѣтъ.

— Почтеннѣйшій, я такъ былъ занятъ, что, ей-ей, нѣтъ времени. — Онъ поглядѣлъ по сторонамъ, какъ бы отъ объясненья улизнуть, и увидѣлъ входящаго въ лавку Муразова. — Аѳанасій Васильевичъ! Ахъ, Боже мой! — сказалъ Чичиковъ, — вотъ пріятное столкновеніе! — И вслѣдъ за нимъ повторилъ Вишнепокромовъ: — Аѳанасій Васильевичъ! [Хлобуевъ] повторилъ: — Аѳанасій Васильевичъ! — И, наконецъ, благовоспитанный купецъ, отнеся шляпу отъ головы настолько, сколько могла рука, и, весь подавшись впередъ, произнесъ: — Афанасію Васильевичу наше нижайшее почтенье! — (У всѣхъ) на лицахъ напечатлѣлась та собачья услужливость, какую оказываетъ грѣшный людъ милліонщикамъ.

Старикъ раскланялся со всѣми и обратился прямо къ Хлобуеву:

— Извините меня: я, увидѣвши издали, какъ вы вошли въ лавку, рѣшился васъ побезпокоить. Если вамъ будетъ черезъ..... свободно и по дорогѣ мимо моего дома, такъ, сдѣлайте милость, зайдите на малость времени. Мнѣ съ вами нужно будетъ переговорить.

Хлобуевъ сказалъ:

— Очень хорошо, Аѳанасій Васильевичъ.

И старикъ, раскланявшись снова со всѣми, вышелъ.

— У меня просто голова кружится, — сказалъ Чичиковъ, — какъ подумаешь, что у этого человѣка 10 милліоновъ. Это, просто, даже невѣроятно.

— Противозаконная, однакожъ, вещь, — сказалъ Вишнепокромовъ: — капиталы не должны быть въ однѣхъ [рукахъ]. Это теперь предметъ трактатовъ во всей Европѣ. Имѣешь деньги, — ну, сообщай другимъ: угощай, давай балы, производи благодѣтельную роскошь, которая даетъ хлѣбъ мастерамъ, ремесленникамъ.

— Это я не могу понять, — сказалъ Чичиковъ. — Десять милліоновъ — и живетъ, какъ простой мужикъ! Вѣдь это съ десятью милльонами, чортъ знаетъ, что можно сдѣлать. Вѣдь это можно такъ завести, что и общества другого у тебя не будетъ, какъ генералы да князья.

— Да-съ, — прибавилъ купецъ: — дѣйствительно, это непросвѣтительность. Если купецъ почетный, такъ ужъ онъ не купецъ: онъ нѣкоторымъ образомъ есть уже негоціантъ. Я ужъ тогда долженъ себѣ взять и ложу въ театрѣ, и дочь ужъ я за простого полковника— нѣтъ-съ, не выдамъ: я за генерала, иначе ее не выдамъ. Что мнѣ полковникъ? Обѣдъ мнѣ уже долженъ кондитеръ поставлять, а не то, что кухарка ...

— Да что говорить! помилуйте! — сказалъ Вишнепокромовъ, — съ десятью милліонами чего не сдѣлать? Дайте мнѣ десять милліоновъ, — вы посмотрите, что я сдѣлаю!

„Нѣтъ“, подумалъ Чичиковъ: „ты то не много сдѣлаешь толку съ десятью милліонами. А вотъ еслибы мнѣ десять милліоновъ, я бы, точно, кое-что сдѣлалъ“.

„Да, еслибы мнѣ десять милліоновъ!“ подумалъ Хлобуевъ: „я бы не такъ теперь поступилъ, какъ прежде, — не прожилъ бы такъ безумно. Послѣ такого страшнаго опыта узнаешь цѣну всякой копейки. Э, теперь бы я не такъ...“ И потомъ, нѣсколько минутъ подумавши, спросилъ себя внутренно: „точно ли бы теперь умнѣй распорядился?“ и, махнувши рукой, прибавилъ: „Кой чортъ! я думаю, такъ же бы растратилъ, какъ и прежде“, и, вышедши изъ лавки, отправился къ Муразову, желая знать, что объявитъ ему Муразовъ.

— Васъ жду, Петръ Петровичъ! — сказалъ Муразовъ, увидѣвши входящаго Хлобуева. — Пожалуйте ко мнѣ въ комнатку. — И онъ повелъ Хлобуева въ комнатку, уже знакомую читателю, неприхотливѣе которой нельзя было найти и у чиновника, получающаго семьсотъ рублей въ годъ жалованья.

— Скажите, вѣдь теперь, я полагаю, обстоятельства ваши получше? Послѣ тетушки все-таки вамъ досталось кое-что.

— Да какъ вамъ сказать, Аѳанасій Васильевичъ?

Я не знаю, лучше ли мои обстоятельства. Мнѣ досталось всего пятьдесятъ душъ крестьянъ и тридцать тысячъ денегъ, которыми я долженъ былъ расплатиться съ частью моихъ долговъ, — и у меня вновь ровно ничего. А главное дѣло, что дѣло по этому завѣщанью самое нечистое. Тутъ, Аѳанасій Васильевичъ, завелись такія мошенничества! Я вамъ сейчасъ разскажу, и вы подивитесь, что такое дѣлается. Этотъ Чичиковъ...

— Позвольте, Петръ Петровичъ; прежде чѣмъ говорить объ этомъ Чичиковѣ, позвольте поговорить собственно о васъ. Скажите мнѣ: сколько, по вашему заключенію, было бы для васъ удовлетворительно и достаточно затѣмъ, чтобы совершенно выпутаться изъ обстоятельствъ?

— Да чтобы выпутаться изъ обстоятельствъ, расплатиться совсѣмъ и быть въ возможности жить самымъ умѣреннымъ образомъ, мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, 100 тысячъ, если не больше.

— Ну, еслибы это у васъ было, какъ бы вы тогда повели жизнь свою?

— Ну, я бы тогда нанялъ себѣ квартирку, занялся бы воспитаньемъ дѣтей, потому что мнѣ самому ужъ не служить: я ужъ никуды не гожусь.

— А почему жъ вы никуды не годитесь?

— Да куды жъ мнѣ? сами посудите: мнѣ нельзя начинать съ канцелярскаго писца. Вы позабыли, что у меня семейство. Мнѣ сорокъ, у меня ужъ и поясница болитъ, я облѣнился; а должности мнѣ поважнѣе не дадутъ; я вѣдь не на хорошемъ счету. Я признаюсь вамъ: я бы и самъ не взялъ наживной должности. Я человѣкъ хоть и дрянной, и картежникъ, и все, что хотите, но взятокъ брать я не стану. Мнѣ не ужиться съ Красноносовымъ, да Самосвитовымъ.

— Но все, извините-съ, я не могу понять, какъ же быть безъ дороги; какъ идти не по дорогѣ; какъ ѣхать, когда нѣтъ земли подъ ногами; какъ плыть, когда челнъ не на водѣ? А вѣдь жизнь — путешествіе. Извините, Петръ Петровичъ, господа вѣдь, про которыхъ вы говорите, все же они на какой-нибудь дорогѣ, все же они трудятся. Ну, положимъ, какъ-нибудь своротили, какъ случается со всякимъ грѣшнымъ; да есть надежда, что опять набредутъ. Кто идетъ — нельзя, чтобы не пришелъ; есть надежда, что и набредетъ. Но какъ тому попасть на какую-нибудь дорогу, кто остается праздно? Вѣдь дорога не придетъ ко мнѣ.

— Повѣрьте мнѣ, Аѳанасій Васильевичъ, я чувствую совершенно справедливость . . . .; но говорю вамъ,

что во мнѣ рѣшительно погибла всякая дѣятельность: не вижу я, что могу сдѣлать какую-нибудь пользу кому-нибудь на свѣтѣ. Я чувствую, что я рѣшительно безполезное бревно. Прежде, покамѣстъ былъ помоложе, такъ мнѣ казалось, что все дѣло въ деньгахъ, что если-бы мнѣ въ руки сотни тысячъ, я бы осчастливилъ множество: помогъ бы бѣднымъ художникамъ, завелъ бы библіотеки, полезныя заведенія, собралъ бы коллекціи. Я человѣкъ не безъ вкуса и, знаю, во многомъ могъ бы гораздо лучше распорядиться тѣхъ нашихъ богачей, которые все это дѣлаютъ безтолково. А теперь вижу, что и это суета, и въ этомъ не много толку. Нѣтъ, Аѳанасій Васильевичъ, никуда не гожусь, ровно никуда, говорю вамъ. На малѣйшее дѣло неспособенъ.

— Послушайте, Петръ [Петровичъ]! Но вѣдь вы же молитесь, ходите въ церковь, не пропускаете, знаю, ни утрени, ни вечерни. Вамъ хоть и не хочется рано вставать, но вѣдь вы встаете же и идете, — идете въ четыре часа утра, когда никто не подымается.

— Это — другое дѣло, Аѳанасій Васильевичъ. Я это дѣлаю для спасенія души, потому что убѣжденъ, что этимъ хоть сколько-нибудь заглажу праздную жизнь, что какъ я ни (скверенъ самому себѣ) дуренъ, но смиренныя молитвы и нѣкоторое насиліе себя что-нибудь значатъ у Бога. Скажу вамъ, что я молюсь, — даже и безъ вѣры, но все-таки молюсь. Слышится только, что есть Господинъ, отъ Котораго все зависитъ, какъ лошадь и скотина домашняя слышитъ господина, имѣющаго право.

— Стало быть, вы молитесь за тѣмъ, чтобы угодить Тому, Которому молитесь, чтобы спасти свою душу, и это даетъ вамъ силы и заставляетъ васъ подыматься рано съ постели. Повѣрьте, что если вы взялись за должность свою такимъ образомъ, какъ бы вы ею служили Тому, Кому вы молитесь, у васъ бы появилась дѣятельность, и васъ никто изъ людей не въ силахъ охладить.

— Аѳанасій Васильевичъ! вновь скажу вамъ — это другое. Въ первомъ случаѣ я вижу, что я все-таки дѣлаю. Говорю вамъ, что я готовъ пойти въ монастырь, и самые тяжкіе, какіе на меня ни наложатъ, труды и подвиги я буду исполнять, потому что я вижу, для кого я дѣлаю. Не мое дѣло разсуждать. Тамъ я увѣренъ, что взыщется [съ тѣхъ], которые заставили меня дѣлать; тамъ я повинуюсь и знаю, что Богу повинуюсь.

— А зачѣмъ же такъ вы не разсуждаете и въ дѣлахъ свѣта? Вѣдь и въ свѣтѣ мы должны служить Богу, а

не кому иному. Если и другому служимъ, мы потому только служимъ, будучи увѣрены, что такъ Богъ велитъ, а безъ того мы бы и не служили. Что жъ другое всѣ способности и дары, которые разные у всякаго? Вѣдь это орудія моленья нашего: то — словами, а это дѣломъ. Вѣдь вамъ же въ монастырь нельзя идти: вы прикрѣплены къ міру, у васъ семейство.

Здѣсь Муразовъ замолчалъ. Хлобуевъ тоже замолчалъ.

— Такъ вы полагаете, что еслибы, напримѣръ, у [васъ] было двѣсти тысячъ, такъ вы [бы] могли упрочить жизнь и повести отнынѣ жизнь разсчетливѣе?

— То есть, по крайней мѣрѣ, я займусь тѣмъ, что можно будетъ сдѣлать, — займусь воспитаньемъ дѣтей, буду имѣть въ возможности доставить имъ хорошихъ учителей.

— А сказать ли вамъ на это, Петръ Петровичъ, что чрезъ два года будете опять кругомъ въ долгахъ, какъ [въ] шнуркахъ?

Хлобуевъ нѣсколко помолчалъ и началъ съ разстановкою:

— Однакожъ, послѣ этакихъ опытовъ...

— Да что жъ тутъ толковать! — сказалъ Муразовъ. — Вы человѣкъ съ доброй душой: къ вамъ придетъ пріятель, попроситъ взаймы — вы ему дадите; увидите бѣднаго человѣка — вы захотите помочь; пріятный гость придетъ къ вамъ — захотите получше угостить, да и покоритесь первому доброму движенью, а разсчетъ и позабываете. И позвольте вамъ, наконецъ, сказать по искренности, что дѣтей то своихъ вы не въ состояніи воспитать. Дѣтей своихъ воспитывать можетъ только тотъ отецъ, который ужъ самъ выполнилъ долгъ свой. Да и супруга ваша... она и доброй души... она совсѣмъ не такъ воспитана, чтобы дѣтей воспитать. Я даже думаю, — извините меня, Петръ Петровичъ, — не во вредъ ли дѣтямъ будетъ даже и быть съ вами!

Хлобуевъ призадумался; онъ началъ себя мысленно осматривать со всѣхъ сторонъ и, наконецъ, почувствовалъ, что Муразовъ былъ правъ отчасти.

— Знаете ли, Петръ Петровичъ? отдайте мнѣ на руки это — дѣтей, дѣла; оставьте и семью вашу, и дѣтей: я ихъ приберегу. Вѣдь обстоятельства ваши таковы, что вы въ моихъ рукахъ; вѣдь дѣло идетъ къ тому, чтобы умирать съ голоду. Тутъ уже на все нужно рѣшаться. Знаете ли вы Ивана Потапыча?

— И очень уважаю, даже несмотря на то, что онъ ходитъ въ сибиркѣ.

— Иванъ Потапычъ былъ милліонщикъ, выдалъ дочерей своихъ за чиновниковъ, жилъ, какъ царь; а такъ обанкрутился — что жъ дѣлать? — пошелъ въ приказчики. Не весело то было ему съ серебрянаго блюда перейти за простую миску: казалось то, что и руки ни къ чему не подымались. Теперь Иванъ Потапычъ могъ бы хлебать съ серебрянаго блюда, да ужъ не хочетъ. У него ужъ набралось бы опять, да онъ говоритъ: „Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, служу я теперь ужъ не себѣ и для себя, а потому, что Богъ такъ... По своей волѣ не хочу ничего дѣлать. Слушаю васъ, потому что Бога хочу слушаться, а не людей, и такъ какъ Богъ иначе не говоритъ, какъ устами лучшихъ людей только говоритъ. Вы умнѣе меня, а потому не я отвѣчаю, а вы". — Вотъ что говоритъ Иванъ Потапычъ; а онъ, если сказать по правдѣ, въ нѣсколько разъ умнѣе меня.

— Аѳанасій Васильевичъ! вашу власть и я готовъ надъ собою... вашъ слуга и что хотите: отдаюсь вамъ. Но не давайте работы свыше силъ: я не Потапычъ, и говорю вамъ, что ни на что доброе не гожусь.

— Не я-съ, Петръ Петровичъ, наложу-съ [на] васъ, а такъ какъ вы хотѣли бы послужить, какъ говорите сами, такъ [вотъ] вамъ богоугодное дѣло. Строится въ одномъ мѣстѣ церковь доброхотнымъ дательствомъ благочестивыхъ людей. Денегъ не стаетъ, нуженъ сборъ. Надѣньте простую сибирку... — вѣдь вы теперь простой человѣкъ, разорившійся дворянинъ и тотъ же нищій: что жъ тутъ чиниться? — да съ книгой въ рукахъ, на простой телѣжкѣ, и отправляйтесь по городамъ и деревнямъ. Отъ архіерея вы получите благословенье и шнуровую книгу, да и съ Богомъ.

Петръ Петровичъ былъ изумленъ этой совершенно новой должностью. Ему, все-таки дворянину нѣкогда древняго рода, отправиться съ книгой въ рукахъ просить на церковь, трястись въ телѣгѣ! А вывернуться и уклониться нельзя: дѣло богоугодное.

— Призадумались?—сказалъ Муразовъ.—Вы здѣсь двѣ службы сослужите: одну службу Богу, а другую — мнѣ.

— Какую же вамъ?

— А вотъ какую. Такъ какъ вы отправитесь по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ я еще не былъ, такъ вы узнаете-съ на мѣстѣ все: какъ тамъ живутъ мужички, гдѣ побогаче, гдѣ терпятъ нужду и въ какомъ состояньи всѣ. Скажу вамъ, что мужичковъ люблю оттого, можетъ быть, что я и самъ изъ мужиковъ. Но дѣло въ томъ, что завелось межъ ними много всякой мерзости. Раскольники тамъ и вся-

кіе-съ бродяги смущаютъ ихъ, иные и противъ властей ихъ возстанавливаютъ, а если человѣкъ притѣсненъ, такъ онъ легко возстаетъ. Что жъ, будто трудно подстрекнуть человѣка, который, точно, терпитъ. Да дѣло въ томъ, что не снизу должна начинаться расправа. Дѣло плохо, когда пойдутъ на кулаки: ужъ тутъ никакого толку не будетъ — только ворамъ пожива. Вы — человѣкъ умный, вы разсмотрите, узнаете, гдѣ дѣйствительно терпитъ человѣкъ отъ другихъ, а гдѣ отъ собственнаго неспокойнаго нрава, да и разскажете мнѣ потомъ все это. Я вамъ на всякій случай небольшую сумму дамъ на раздачу тѣмъ, которые уже и дѣйствительно терпятъ безвинно. Съ вашей стороны будетъ также полезно утѣшить ихъ словомъ и получше истолковать имъ то, что Богъ велитъ переносить безропотно, и молиться въ это время, когда несчастливъ, а не буйствовать и расправляться самому. Словомъ, говорите имъ, никого не возбуждая ни противъ кого, а всѣхъ примиряя. Если увидите въ комъ противу кого бы то ни было ненависть, употребите все усиліе.

— Аѳанасій Васильевичъ! дѣло, которое вы мнѣ поручаете, — сказалъ Хлобуевъ: — святое дѣло; но вы вспомните, кому вы его поручаете. Поручить его можно человѣку почти святой жизни, который бы и самъ уже [умѣлъ] прощать другимъ.

— Да я и не говорю, чтобы все это вы исполнили, а по возможности, что можно-съ. Дѣло то въ томъ, что вы все-таки пріѣдете съ большими познаньями тѣхъ мѣстъ, и будете имѣть понятіе, въ какомъ положеніи находится тотъ край. Чиновникъ никогда не столкнется съ лицомъ, да и мужикъ то съ нимъ не будетъ откровененъ. А вы, прося на церковь, заглянете ко всякому — и къ мѣщанину, и къ купцу, и будете имѣть случай разспросить всякаго. Говорю-съ вамъ это по той причинѣ, что генералъ-губернаторъ особенно теперь нуждается въ такихъ людяхъ; и вы, мимо всякихъ канцелярскихъ повышеній, получите такое мѣсто, гдѣ не безполезна будетъ ваша жизнь.

— Попробую, приложу старанья, сколько хватитъ силъ, — сказалъ Хлобуевъ. И въ голосѣ его было замѣтно ободренье, спина распрямилась и голова приподнялась, какъ у человѣка, которому свѣтитъ надежда. — Вижу, что васъ Богъ наградилъ разумѣньемъ, и вы знаете иное лучше насъ, близорукихъ людей.

— Теперь позвольте васъ спросить, — сказалъ Муразовъ, — что жъ Чичиковъ и какого роду [дѣло]?

— А [про] Чичикова я вамъ разскажу вещи неслы-

ханныя. Дѣлаетъ онъ такія дѣла... Знаете ли, Аѳанасій Васильевичъ, что завѣщаніе вѣдь ложное? Отыскалось настоящее, гдѣ все имѣніе принадлежитъ воспитанницамъ.

— Что вы говорите? Да ложное то завѣщаніе кто смастерилъ?

— Въ томъ то и дѣло, что премерзѣйшее дѣло! Говорятъ: Чичиковъ, и что подписано завѣщаніе уже послѣ смерти: нарядили какую то бабу, намѣсто покойницы, и она ужъ подписала. Словомъ, дѣло соблазнительнѣйшее. Подозрѣваютъ въ участіи и чиновниковъ. Ужъ, говорятъ, и генералъ-губернаторъ знаетъ. Говорятъ, тысячи просьбъ поступило съ разныхъ сторонъ. Къ Марьѣ Еремѣевнѣ теперь подъѣзжаютъ женихи; двое ужъ чиновныхъ лицъ изъ-за нея дерутся. Вотъ какого роду дѣло, Аѳанасій Васильевичъ!

— Не слышалъ я объ этомъ ничего, а дѣло, точно, не безъ грѣха. Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, признаюсь, для меня презагадочный [человѣкъ], — сказалъ Муразовъ.

— Я подалъ отъ себя также просьбу, затѣмъ, чтобы напомнить, что существуетъ ближайшій наслѣдникъ...

„А мнѣ пусть ихъ всѣ передерутся“, думалъ Хлобуевъ, выходя. — „Аѳанасій Васильевичъ не глупъ. Онъ далъ мнѣ это порученье, вѣрно, обдумавши. Исполнить его — вотъ и все“. Онъ сталъ думать о дорогѣ, въ то время, когда Муразовъ все еще повторялъ въ себѣ: „Презагадочный для меня человѣкъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ! Вѣдь еслибы съ этакой волей и настойчивостью да на доброе дѣло!“

А между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, по судамъ шли просьбы за просьбой. Оказались родственники, о которыхъ и не слышалъ никто. Какъ птицы слетаются на мертвечину, такъ все налетѣло на несмѣтное имущество, оставшееся послѣ старухи: доносы на Чичикова, на подложность послѣдняго завѣщанія, доносы на подложность и перваго завѣщанія, улики въ покражѣ и въ утаеніи суммъ Явились даже улики на Чичикова въ покупкѣ мертвыхъ душъ, въ провозѣ контрабанды во время бытности его еще при таможнѣ. Выкопали все, разузнали его прежнюю исторію. Богъ вѣсть, откуда все это пронюхали и знали. Только были улики даже и въ такихъ дѣлахъ, объ которыхъ, думалъ Чичиковъ, кромѣ его и четырехъ стѣнъ, никто не зналъ. Покамѣстъ все это было еще судейская тайна и до ушей его не дошло, хотя вѣрная записка юрисконсульта, которую онъ вскорѣ получилъ, нѣсколько дала ему по-

нять, что каша заварится. Записка была краткаго содержанія:

„Спѣшу васъ увѣдомить, что по дѣлу будетъ возня; но помните, что тревожиться никакъ не слѣдуетъ. Главное дѣло — спокойствіе. Обдѣлаемъ все". Записка эта успокоила рѣшительно Чичикова. „Этотъ человѣкъ — рѣшительный геній", сказалъ онъ (по прочтеніи записки).

Въ довершеніе хорошаго, портной въ это время принесъ платье. Чичиковъ получилъ желанье сильное посмотрѣть на самого себя въ новомъ фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ. Натянулъ штаны, которые обхватили его чудеснымъ образомъ со всѣхъ сторонъ, такъ что хоть рисуй. Ляжки такія..... славно обтянуло, икры тоже, сукно обхватило всѣ малости, сообща имъ еще бо̀льшую упругость. Какъ затянулъ онъ позади себя пряжку, животъ сталъ точно барабанъ. Онъ ударилъ по немъ тутъ щеткой, прибавивъ: „Вѣдь какой дуракъ, а въ цѣломъ онъ составляетъ картину!" Фракъ, казалось, былъ сшитъ еще лучше штановъ: ни морщинки, всѣ бока обтянулъ, выгнулся на перехватѣ, показавъ его ловкій перегибъ. На замѣчанье Чичикова, [что] подъ правой мышкой немного жало, портной только улыбался: отъ этого еще лучше прихватывало на таліи. „Будьте покойны, будьте покойны насчетъ работы", повторялъ онъ съ нескрытымъ торжествомъ. — „Кромѣ Петербурга, нигдѣ такъ не сошьютъ". Портной былъ самъ изъ Петербурга и на вывѣскѣ выставилъ: Иностранецъ изъ Лондона и Парижа. Шутить онъ не любилъ и двумя городами разомъ хотѣлъ заткнуть глотку всѣмъ другимъ портнымъ, такъ, чтобы впредь никто не появился съ такими городами, а пусть себѣ пишетъ изъ какого-нибудь „Карлсеру" или „Копенгара".

Чичиковъ великодушно расплатился съ портнымъ и, оставшись одинъ, сталъ разсматривать себя на досугѣ въ зеркалѣ, какъ артистъ, съ эстетическимъ чувствомъ и con amore. Оказалось, что все какъ то было еще лучше, чѣмъ прежде: щечки интереснѣе, подбородокъ заманчивѣй, бѣлые воротнички давали тонъ щекѣ, атласный синій галстукъ давалъ тонъ воротничкамъ; новомодныя складки манишки давали тонъ галстуку, богатый бархатный [жилетъ] давалъ [тонъ] манишкѣ, а фракъ наваринскаго дыма съ пламенемъ, блистая, какъ шелкъ, давалъ тонъ всему. Поворотился направо — хорошо! Поворотился налѣво — еще лучше! Перегибъ такой, какъ у камергера или у чиновника, служащаго въ иностранной коллегіи, или у такого господина,

который такъ чешетъ по-французски, что предъ нимъ самъ французъ — ничего, который, даже и разсердясь, не срамитъ себя русскимъ словомъ, а выругаетъ по-французски. Деликатность такая! Онъ попробовалъ, склоня головку нѣсколько на-бокъ, принять позу, какъ бы адресовался къ дамѣ среднихъ лѣтъ и послѣдняго просвѣщенья: выходила, просто, картина. Художникъ, бери кисть и пиши! Въ удовольствіи, онъ совершилъ тутъ же легкій прыжокъ, въ родѣ антраша. Вздрогнулъ комодъ, и упала на землю стклянка съ одеколономъ; но это не причинило никакого помѣшательства. Онъ назвалъ, какъ и слѣдовало, глупую стклянку дурой и подумалъ: „Къ кому теперь прежде всего явиться? Всего лучше..."

Какъ вдругъ въ передней — въ родѣ нѣкотораго бряканья сапоговъ со шпорами, и жандармъ въ полномъ вооруженіи, какъ [будто] въ лицѣ его было цѣлое. войско. „Приказано сей же часъ явиться къ генералъ-губернатору!" (Вотъ тебѣ на!) Чичиковъ такъ и обомлѣлъ. Передъ нимъ торчало страшилище съ усами, лошадиный хвостъ на головѣ, черезъ плечо перевязь, черезъ другое перевязь, огромнѣйшій палашъ привѣшенъ къ боку. Ему показалось, что при другомъ боку висѣло и ружье, и чортъ знаетъ что: цѣлое войско въ одномъ только! Онъ началъ было возражать, (страшило) грубо заговорило:

— Приказано сей же часъ!

Сквозь дверь въ переднюю онъ увидѣлъ, что тамъ мелькало и другое страшило, взглянулъ въ окошко — и экипажъ. Что тутъ дѣлать? Такъ, какъ былъ во фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ, долженъ былъ сѣсть и, дрожа всѣмъ тѣломъ, отправился къ генералъ-губернатору, и жандармъ съ нимъ.

Въ передней не дали даже и опомниться ему.

— Ступайте! васъ князь уже ждетъ, — сказалъ дежурный чиновникъ. Передъ нимъ, какъ въ туманѣ, мелькнула передняя, съ курьерами, принимавшими пакеты, потомъ зала, черезъ которую онъ прошелъ, думая только: „Вотъ какъ схватитъ, да безъ суда, безъ всего, прямо въ Сибирь!" Сердце его забилось съ такой силою, съ какою не бьется даже у наибѣшеннѣйшаго любовника. Наконецъ, растворилась предъ нимъ дверь: предсталъ кабинетъ, съ портфелями, шкафами и книгами, и князь гнѣвный, какъ самъ гнѣвъ.

„Губитель, губитель!" сказалъ Чичиковъ. „Погубитъ онъ мою душу" (и чуть не упалъ въ обморокъ): „зарѣжетъ, какъ волкъ агнца!"

— Я васъ пощадилъ, я позволилъ вамъ остаться въ городѣ, тогда какъ вамъ слѣдовало бы въ острогъ; а вы запятнали себя вновь безчестнѣйшимъ мошенничествомъ, какимъ когда-либо запятналъ себя человѣкъ. — Губы князя дрожали отъ гнѣва.

— Какимъ же, ваше сіятельство, безчестнѣйшимъ поступкомъ и мошенничествомъ? — спросилъ Чичиковъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Женщина, — произнесъ князь, подступая нѣсколько ближе и смотря прямо въ глаза Чичикову; — женщина, которая подписывала, по вашей диктовкѣ, завѣщаніе, схвачена и станетъ съ вами на очную ставку.

Чичиковъ сдѣлался блѣденъ, какъ полотно.

— Ваше сіятельство! Скажу всю истину дѣла. Я виноватъ; точно, виноватъ; но не такъ виноватъ: меня обнесли враги.

— Васъ не можетъ никто обнесть, потому что въ васъ мерзостей въ нѣсколько разъ больше того, что можетъ [выдумать] послѣдній лжецъ. Вы во всю свою жизнь, я думаю, не дѣлали небезчестнаго дѣла. Всякая копейка, добытая вами, добыта безчестнѣй[шимъ образомъ], есть воровство и безчестнѣйшее дѣло, за которое кнутъ и Сибирь! Нѣтъ, теперь полно! Съ сей же минуты будешь отведенъ въ острогъ и тамъ, на ряду съ послѣдними мерзавцами и разбойниками, ты долженъ [ждать] разрѣшенья участи своей. И это милостиво еще, потому что хуже ихъ въ нѣсколько [разъ]: они въ армякѣ и тулупѣ, а ты... — Онъ взглянулъ на фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ и, взявшись за шнурокъ, позвонилъ.

— Ваше сіятельство, — вскрикнулъ Чичиковъ; — умилосердитесь! Вы отецъ семейства. Не меня пощадите — старуха мать!

— Врешь! — вскрикнулъ гнѣвно князь. — Такъ же ты меня тогда умолялъ дѣтьми и семействомъ, которыхъ у тебя никогда не было, теперь — матерью!

— Ваше сіятельство! я мерзавецъ и послѣдній негодяй, — сказалъ Чичиковъ голосомъ... — Я дѣйствительно лгалъ, я не имѣлъ ни дѣтей, ни семейства; но, вотъ Богъ свидѣтель, я всегда хотѣлъ имѣть жену, исполнить долгъ человѣка и гражданина, чтобы дѣйствительно потомъ заслужить уваженье гражданъ и начальства... Но что за бѣдственныя стеченія обстоятельствъ! Кровью, ваше сіятельство, кровью нужно было добывать насущное существованіе. На всякомъ шагу соблазны и искушенье... враги, и губители, и по-

хитители. Вся жизнь была — точно судно среди волнъ морскихъ. Я — человѣкъ, ваше сіятельство!

Слезы вдругъ хлынули ручьями изъ глазъ его. Онъ повалился въ ноги князю, такъ, какъ былъ, во фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ, въ бархатномъ жилетѣ съ атласнымъ галстукомъ, въ чудесно сшитыхъ штанахъ и причесанныхъ волосахъ, изливавшихъ запахъ одеколона.

— Поди прочь отъ меня! Позвать, чтобы его взяли, солдатъ! — сказалъ князь взошедшимъ.

— Ваше сіятельство! — кричалъ [Чичиковъ] и обхватилъ обѣими руками сапогъ князя.

Чувство содроганья пробѣжало по всѣмъ жиламъ [князя].

— Подите прочь, говорю вамъ! — сказалъ онъ, усиливаясь вырвать свою ногу изъ объятія Чичикова.

— Ваше сіятельство! не сойду съ мѣста, покуда не получу милости! — говорилъ [Чичиковъ], не выпуская, сжимая сапогъ князя къ груди и проѣхавшись, вмѣстѣ съ ногой, по полу во фракѣ наваринскаго пламени и дыма.

— Подите, говорю вамъ! — говорилъ онъ съ тѣмъ неизъяснимымъ чувствомъ отвращенья, какое чувствуетъ человѣкъ при видѣ безобразнѣйшаго насѣкомаго, котораго нѣтъ духу раздавить ногой. Онъ встряхнулъ такъ, что Чичиковъ почувствовалъ ударъ сапога въ щеку, пріятно округленный подбородокъ и зубы; но онъ не выпустилъ сапога и еще съ большей силой держалъ ногу въ своихъ объятіяхъ. Два дюжихъ жандарма въ силахъ оттащили его и, взявши подъ руки, повели черезъ всѣ комнаты. Онъ былъ блѣдный, убитый, въ томъ безчувственно-страшномъ состояніи, въ какомъ бываетъ человѣкъ, видящій передъ собою черную, неотвратимую смерть, это страшилище, противное естеству нашему ...

Въ самыхъ дверяхъ на лѣстницу навстрѣчу — Муразовъ. Лучъ надежды вдругъ скользнулъ. Въ одинъ мигъ, съ силой неестественной, вырвался онъ изъ рукъ обоихъ жандармовъ и бросился въ ноги изумленному старику.

— Батюшка, Павелъ Ивановичъ, что съ вами?

— Спасите! ведутъ въ острогъ, на смерть ... — Жандармы схватили его и повели, не дали даже и услышать.

Промзглый, сырой чуланъ съ запахомъ сапоговъ и онучъ гарнизонныхъ солдатъ, некрашеный столъ, два скверныхъ стула, съ желѣзною рѣшеткой окно, дряхлая

печь, сквозь щели которой только дымило, а тепла не давало — вотъ обиталище, гдѣ помѣщенъ былъ нашъ (Чичиковъ), уже начинавшій вкушать сладость жизни и привлекать вниманье соотечественниковъ, въ тонкомъ новомъ фракѣ наваринскаго пламени и дыма. Не дали даже ему распорядиться взять съ собой необходимыя вещи, взять шкатулку, гдѣ были деньги, (чемоданъ, заключавшій гардеробъ). Бумаги, крѣпости на мертвыя (души) — все было теперь въ (рукахъ) чиновниковъ! Онъ повалился на землю, и плотоядный червь грусти страшной, безнадежной обвился около его сердца. Съ возрастающей быстротой стала точить она это сердце, ничемъ не защищенное. Еще день такой, день такой грусти, и не было бы Чичикова вовсе на свѣтѣ. Но надъ Чичиковымъ не дремствовала чья то всеспасающая рука. Часъ спустя (послѣ этого страшнаго состоянія) двери тюрьмы растворились: взошелъ старикъ Муразовъ.

Еслибы терзаемому палящей жаждой влилъ кто въ засохнувшее горло струю ключевой воды, то онъ бы не оживился такъ, какъ оживился бѣдный Чичиковъ.

— Спаситель мой! — сказалъ Чичиковъ, вдругъ схватившись съ полу, на который бросился въ разрывающей ... печали, вдругъ его руку быстро поцѣловалъ и прижалъ къ груди. — Богъ да наградитъ васъ за то, что посѣтили несчастнаго!

Онъ залился слезами.

Старикъ глядѣлъ на него скорбно-болѣзненнымъ взоромъ и говорилъ только: — Ахъ, Павелъ, Павелъ Ивановичъ! Павелъ Ивановичъ, что вы сдѣлали?

— Сдѣлалъ все, что свойственно подлѣйшему человѣку. Но посудите, посудите, развѣ можно такъ поступать? Я — дворянинъ. Безъ суда, безъ слѣдствія, бросить въ тюрьму, отобрать все отъ меня: вещи, шкатулка ... тамъ деньги, тамъ все имущество, тамъ все мое имущество, Аѳанасій Васильевичъ, — имущество, которое кровнымъ потомъ пріобрѣлъ ...

И, не въ силахъ будучи удерживать порыва вновь подступившей къ сердцу грусти, онъ громко зарыдалъ голосомъ, проникнувшимъ толщу стѣнъ острога и глухо отозвавшимся въ отдаленьи, сорвалъ съ себя атласный галстукъ и, схвативши (себя) рукою около воротника, разорвалъ на себѣ фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ.

— Павелъ Ивановичъ, все равно, и съ имуществомъ, и со всѣмъ, что ни есть на свѣтѣ, вы должны про-

ститься: вы подпали подъ неумолимый законъ, а не подъ власть какого человѣка.

— Самъ погубилъ самого себя, чувствую, что погубилъ — не умѣлъ вовремя остановиться. Но за что же такая страшная (кара), Аѳанасій Васильевичъ? Я развѣ разбойникъ? Отъ меня развѣ пострадалъ кто-нибудь? Развѣ я сдѣлалъ несчастнымъ человѣка? Трудомъ и потомъ, кровавымъ потомъ добывалъ копейку. Зачѣмъ добывалъ копейку? — Затѣмъ, чтобы въ довольствѣ прожить остатокъ дней, непрожитое оставить женѣ, дѣтямъ, которыхъ намѣревался пріобрѣсть для блага, для службы отечеству. Покривилъ, не спорю, покривилъ ... что жъ дѣлать? но вѣдь покривилъ, увидя, что прямой дорогой не возьмешь, и что косой дорогой больше напрямикъ. Но вѣдь я трудился, я изощрялся. А эти мерзавцы, которые по судамъ, берутъ тысячи и не то, чтобы съ казны, — небогатыхъ людей грабятъ, послѣднюю копейку сдираютъ съ того, у кого нѣтъ ничего!.. Аѳанасій Васильевичъ, я не блудничалъ, я не пьянствовалъ. (Я развѣ не выкупилъ?..) Да вѣдь сколько трудовъ, сколько желѣзнаго терпѣнья! Да я, можно сказать, выкупилъ всякую добытую копейку страданьями, страданьями! Пусть ихъ кто-нибудь выстрадаетъ то, что я! Вѣдь что вся жизнь моя? — Лютая борьба, судно среди волнъ. И лишиться вдругъ всего, что выработалъ, Аѳанасій Васильевичъ, того, что пріобрѣлъ такой борьбой ...

Онъ не договорилъ и зарыдалъ громко отъ нестерпимой боли сердца, и упалъ на стулъ, и оторвалъ совсѣмъ висѣвшую разорванную полу фрака, и швырнулъ ее прочь отъ себя и, запустивши обѣ руки себѣ въ волоса, объ укрѣпленьи которыхъ прежде такъ старался, безжалостно рвалъ ихъ, услаждаясь болью, которою хотѣлъ заглушить нестерпимую боль сердца.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! — говорилъ (Муразовъ), скорбно смотря на него и качая (головой). — Я все думаю о томъ, какой бы изъ васъ былъ человѣкъ, еслибы такъ же, и силою и терпѣньемъ, да подвизались бы на добрый (трудъ) и для лучшей (цѣли)! Еслибы хоть кто-нибудь изъ тѣхъ людей, которые любятъ добро, да употребили бы столько усилій для него, какъ вы для добыванья своей копейки!.. да сумѣли бы такъ пожертвовать для добра и собственнымъ самолюбіемъ, и честолюбіемъ, не жалѣя себя, какъ вы не жалѣли для добыванья своей копейки!..

— Аѳанасій Васильевичъ! — сказалъ бѣдный Чичиковъ и схватилъ его обѣими руками за руки. — О,

еслибы удалось мнѣ освободиться, возвратить мое имущество! клянусь вамъ, повелъ бы отнынѣ совсѣмъ другую жизнь! Спасите, благодѣтель, спасите!

— Что жъ могу я сдѣлать? Я долженъ воевать съ закономъ. Положимъ, еслибы я даже и рѣшился на это; но вѣдь князь справедливъ, — онъ ни за что не отступитъ.

— Благодѣтель! вы все можете сдѣлать. Не законъ меня устрашаетъ, — я передъ закономъ найду средства, — но то, что ... я брошенъ въ тюрьму, что я пропаду здѣсь, какъ собака, и что мое имущество, бумаги, шкатулка ... спасите!

Онъ обнялъ ноги старика, облилъ ихъ слезами.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! — говорилъ старикъ Муразовъ, качая (головою), — какъ васъ ослѣпило это имущество! Изъ-за него вы и бѣдной души своей не слышите!

— Подумаю и о душѣ, но спасите!

— Павелъ Ивановичъ! — сказалъ старикъ Муразовъ и остановился. — Спасти васъ не въ моей власти: вы сами видите. Но приложу старанье, какое могу, чтобы облегчить вашу участь и освободить. Не знаю, удастся ли это сдѣлать, но буду стараться. Если же, паче чаянья, удастся, Павелъ Ивановичъ, — я попрошу у васъ награды за труды: бросьте всѣ эти попопзновенья на эти пріобрѣтенія. Говорю вамъ по чести, что еслибы я и всего лишился моего имущества, — а у меня его больше, чѣмъ у васъ, — я бы не заплакалъ. Ей, ей, (дѣло) не въ этомъ имуществѣ, которое могутъ у меня конфисковать, а въ томъ, котораго никто не можетъ украсть и отнять! Вы ужъ пожили на свѣтѣ довольно. Вы сами называете жизнь свою судномъ среди волнъ. У васъ есть уже чѣмъ прожить остатокъ дней. Поселитесь себѣ въ тихомъ уголкѣ, поближе къ церквѣ и простымъ, добрымъ людямъ; или, если знобитъ сильное желанье оставить по себѣ потомковъ, женитесь на небогатой, доброй дѣвушкѣ, привыкшей къ умѣренности и простому хозяйству (и, право, вы не пожалѣете потомъ). Забудьте этотъ шумный міръ и всѣ его обольстительныя прихоти; пусть и онъ васъ позабудетъ. Въ немъ нѣтъ успокоенья. Вы видите: все въ немъ врагъ, искуситель, или предатель.

Чичиковъ задумался. Что то странное, какія то невѣдомыя дотолѣ, незнаемыя чувства, ему самому необъяснимыя, пришли къ нему: какъ будто хотѣло въ немъ что то пробудиться, что то подавленное изъ дѣтства суровымъ, мертвымъ поученьемъ, безпривѣтностью

скучнаго дѣтства, пустынностью родного жилища, безсемейнымъ одиночествомъ, нищетой и бѣдностью первоначальныхъ впечатлѣній, и какъ будто то, что..... суровымъ взглядомъ судьбы, взглянувшей на него скучно, сквозь какое то мутно-занесенное зимней вьюгой окно, хотѣло вырваться на волю.

— Спасите только, Аѳанасій Васильевичъ! — вскричалъ онъ, — поведу другую жизнь, послѣдую вашему совѣту! Вотъ вамъ мое слово!

— Смотрите же, Павелъ Ивановичъ, отъ слова не отступитесь, — сказалъ Муразовъ, держа его руку.

— Отступился бы, можетъ быть, еслибы не такой страшный урокъ, — сказалъ, вздохнувши, бѣдный Чичиковъ и прибавилъ, — но урокъ тяжелъ; тяжелъ, тяжелъ урокъ, Аѳанасій Васильевичъ!

— Хорошо, что тяжелъ. Благодарите за это Бога, помолитесь. Я пойду стараться. — Сказавши это, старикъ вышелъ.

Чичиковъ уже не плакалъ, не рвалъ на себѣ фрака и волосъ: онъ успокоился.

— Нѣтъ, полно! — сказалъ онъ наконецъ, — другую, другую жизнь! Пора, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлаться порядочнымъ. О, еслибы мнѣ какъ-нибудь только выпутаться и уѣхать хоть съ небольшимъ капиталомъ, поселюсь вдали отъ ... Если, однакожъ, получу назадъ бумаги ... А купчія?.. — Онъ подумалъ: „Что жъ? зачѣмъ оставить это дѣло, столькимъ трудомъ пріобрѣтенное?.. Больше не стану покупать, но заложить тѣ нужно. Вѣдь пріобрѣтенье это стоило трудовъ! Это я заложу, заложу съ тѣмъ, чтобы купить на деньги помѣстье. Сдѣлаюсь помѣщикомъ, потому что тутъ можно сдѣлать много хорошаго“. И въ мысляхъ его пробудились тѣ чувства, которыя овладѣли имъ, когда онъ былъ (у) Гоброжогло [1], и милая, при грѣющемъ свѣтѣ вечернемъ, умная бесѣда хозяина о томъ, какъ плодотворно и полезно занятье помѣстьемъ. Деревня такъ вдругъ представилась ему прекрасною, точно какъ бы онъ въ силахъ былъ почувствовать всѣ прелести деревни.

— Глупы мы, за суетой гоняемся! — сказалъ онъ, наконецъ. — Право, отъ бездѣлья! Все близко, все подъ рукой, а мы бѣжимъ за тридевять. Чѣмъ не жизнь, если займешься хоть бы и въ глуши? Вѣдь удовольствіе, дѣйствительно, въ трудѣ. Гоброжогло правъ. И ничего нѣтъ слаще, (точно), какъ плодъ собственныхъ трудовъ ... Нѣтъ, займусь трудомъ, поселюсь въ де-

[1] Костанжогло.

ревнѣ, и займусь честно, такъ, чтобы имѣть доброе вліянье и на другихъ. Что жъ, въ самомъ дѣлѣ, будто я уже совсѣмъ негодный? У меня есть способности къ хозяйству; я имѣю качества и бережливости, и расторопности, и благоразумія, даже постоянства. Стоитъ только рѣшиться. Теперь только истинно и ясно чувствую, что есть какой то долгъ, который нужно исполнять человѣку на землѣ, не отрываясь отъ того мѣста и угла, на которомъ онъ постановленъ.

И трудолюбивая жизнь, удаленная отъ шума городовъ и всѣхъ соблазновъ, которые отъ праздности выдумалъ, позабывши трудъ, человѣкъ, такъ сильно стала передъ нимъ рисоваться, что онъ уже почти позабылъ весь ужасъ своего положенія и, можетъ быть, готовъ былъ даже возблагодарить Провидѣнье за этотъ тяжелый ....., если только выпустятъ его и отдадутъ хотя часть. Но ... одностворчатая дверь его нечистаго чулана растворилась, вошла чиновная особа — Самосвитовъ, эпикуреецъ, отличный товарищъ, кутила и продувная бестія, какъ выражались о немъ сами товарищи. Въ военное время человѣкъ этотъ надѣлалъ бы чудесъ: его бы послать куда нибудь пробраться сквозь непроходимыя, опасныя мѣста, украсть передъ носомъ у самого непріятеля пушку, — это его бы дѣло. Но, за неимѣньемъ военнаго поприща, подвизался на штатскомъ и, намѣсто подвиговъ, за которые былъ (бы) не даромъ украшенъ, онъ пакостилъ и гадилъ. Непостижимое дѣло! съ товарищами онъ былъ хорошъ, никого не продавалъ никому и, давши слово, держалъ; но высшее надъ собою начальство онъ считалъ чѣмъ то въ родѣ непріятельской батареи, сквозь которую нужно пробиваться, пользуясь всякимъ слабымъ мѣстомъ, проломомъ или упущеніемъ ...

— Знаемъ все объ вашемъ положеніи, все услышали! — сказалъ онъ, когда увидѣлъ, что дверь за нимъ плотно затворилась. — Ничего, ничего! Не робѣйте: все будетъ поправлено. Всѣ будемъ работать за васъ и — ваши слуги! Тридцать тысячъ на всѣхъ — и ничего больше.

— Будто? — вскрикнулъ Чичиковъ, — и я буду совершенно оправданъ?

— Кругомъ! еще и вознагражденье получите за убытки.

— И за трудъ?..

— Тридцать тысячъ. Тутъ уже все вмѣстѣ — и нашимъ, и генералъ-губернаторскимъ, и секретарю.

— Но позвольте, какъ же я могу? Мои всѣ вещи...

шкатулка ... все это теперь запечатано, подъ присмотромъ ...

— Черезъ часъ получите все. По рукамъ, что ли?

Чичиковъ далъ руку. Сердце его билось, и онъ не довѣрялъ, чтобы это было возможно ...

— Пока прощайте! Поручилъ вамъ (сказать) нашъ общій пріятель, что главное дѣло — спокойствіе и присутствіе духа.

„Гм!“ подумалъ Чичиковъ, „понимаю — юрисконсультъ!“

Самосвитовъ скрылся. Чичиковъ, оставшись, все еще не довѣрялъ словамъ, какъ не прошло часа послѣ этого разговора, какъ была принесена шкатулка: бумаги, деньги — все въ наилучшемъ порядкѣ. Самосвитовъ явился въ качествѣ распорядителя: выбранилъ поставленныхъ часовыхъ за то, что небдительны, смотрителю приказалъ приставить еще лишнихъ солдатъ для усиленья присмотра, взялъ не только шкатулку, но отобралъ даже всѣ такія бумаги, которыя могли бы чѣмъ-нибудь компрометировать Чичикова; связалъ все это вмѣстѣ, запечаталъ и повелѣлъ самому солдату отнести немедленно самому Чичикову, въ видѣ необходимыхъ ночныхъ и спальныхъ вещей, такъ что Чичиковъ, вмѣстѣ съ бумагами, получилъ даже и все теплое, что нужно было для покрытія бреннаго его тѣла. Это скорое доставленіе обрадовало его несказанно. Онъ возымѣлъ сильную надежду, и уже начали ему вновь грезиться кое-какія вещи: вечеромъ театръ, плясунья, за которою онъ волочился. Деревня и мирная жизнь стали казаться блѣднѣй, городъ и шумъ — опять ярче, яснѣй... О, жизнь!

А между тѣмъ завязалось дѣло размѣра безпредѣльнаго въ судахъ и палатахъ. Работали перья писцовъ, и, понюхивая табакъ, трудились казусныя головы, съ чувствомъ художника любуясь собственной крючковатой строкой. Юрисконсультъ, какъ скрытый магъ, незримо ворочалъ всѣмъ механизмомъ; всѣхъ опуталъ рѣшительно, прежде, чѣмъ кто успѣлъ осмотрѣться. Путаница увеличилась. Самосвитовъ превзошелъ самого себя отважностью распоряженій и дерзостью неслыханною. Узнавши, гдѣ караулилась схваченная женщина, онъ явился прямо и вошелъ такимъ молодцомъ и начальникомъ, что часовой сдѣлалъ ему честь и вытянулся въ струнку.

— Давно ты здѣсь стоишь?

— Съ утра, ваше благородіе!

— Долго до смѣны?

— Три часа, ваше благородіе!

— Ты мнѣ будешь нуженъ. Я скажу офицеру, чтобы намѣсто тебя отрядилъ другого.

— Слушаю, ваше благородіе!

И, уѣхавъ домой, ни минуты не медля, самъ нарядился жандармомъ, явился въ домѣ, гдѣ былъ Чичиковъ, схватилъ первую бабу, какая попалась, и сдалъ ее двумъ чиновнымъ молодцамъ, докамъ тоже, а самъ прямо явился, въ усахъ и съ ружьемъ, какъ слѣдуетъ, къ часовымъ:

— Ступай къ мо . . . . . , меня прислалъ командиръ выстоять, намѣсто тебя, смѣну.

Обмѣнился съ часовымъ ружьемъ. Только этого было и нужно. Въ это время, намѣсто прежней бабы очутилась другая, ничего не знавшая и не понимавшая. Прежнюю запрятали куды то такъ, что и потомъ не узнали, куда она дѣлась. Въ то время, когда Самосвитовъ подвизался въ лицѣ воина, юрисконсультъ произвелъ чудеса на гражданскомъ поприщѣ: губернатору далъ знать стороною, что прокуроръ на него пишетъ доносъ; жандармскому чиновнику далъ знать, [что] секретно проживающій чиновникъ пишетъ на него доносы; секретно проживающаго чиновника увѣрилъ, что есть еще секретнѣйшій чиновникъ, который на него доноситъ, — и всѣхъ привелъ въ такое положеніе, что къ нему должны были обратиться за совѣтами. Произошла такая безтолковщина: доносъ сѣлъ верхомъ на доносъ, и пошли открываться такія дѣла, которыхъ и солнце не видывало, и даже такія, которыхъ и не было. Все пошло въ работу и въ дѣло: и кто незаконнорожденный сынъ, и какого рода и званія, и у кого любовница, и чья жена за кѣмъ волочится. Скандалы, соблазны и все такъ замѣшалось и сплелось вмѣстѣ съ исторіей Чичикова, съ мертвыми душами, что никоимъ образомъ нельзя было понять, которое изъ этихъ дѣлъ было главнѣйшая чепуха: оба казались равнаго достоинства. Когда стали, наконецъ, поступать бумаги къ генералъ-губернатору, бѣдный князь ничего не могъ понять. Весьма умный и расторопный чиновникъ, которому поручено было сдѣлать экстрактъ, чуть не сошелъ съ ума: никакимъ образомъ нельзя было поймать нити дѣла. Князь былъ въ это время озабоченъ множествомъ другихъ дѣлъ, одно другого непріятнѣйшихъ. Въ одной части губерніи оказался голодъ. Чиновники, посланные раздать хлѣбъ, какъ то не такъ распорядились, какъ слѣдовало. Въ другой части губерніи расшевелились раскольники. Кто то пропустилъ между ними, что наро-

дился антихристъ, который и мертвымъ не даетъ покоя, скупая какія то мертвыя души. Каялись и грѣшили и, подъ видомъ изловить антихриста, укокошили неантихристовъ. Въ другомъ мѣстѣ мужики взбунтовались противъ помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ. Какіе то бродяги пропустили между ними слухи, что наступаетъ такое время, что мужики должны [быть] помѣщики и нарядиться во фраки, а помѣщики нарядятся въ армяки и будутъ мужики, — и цѣлая волость, не размысля того, что слишкомъ много выйдетъ тогда помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ, отказалась платить подать. Нужно было прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Бѣдный князь былъ въ самомъ разстроенномъ состояніи духа. Въ это время доложили ему, что пришелъ откупщикъ.

— Пусть войдетъ, — сказалъ князь. Старикъ взошелъ . . .

— Вотъ вамъ Чичиковъ! Вы стояли за него и защищали. Теперь онъ попался въ такомъ дѣлѣ, на какое послѣдній воръ не рѣшится.

— Позвольте вамъ доложить, ваше сіятельство, что я не очень понимаю это дѣло, (въ которомъ онъ попался).

— Подлогъ завѣщанія, и еще какой!.. Публичное наказаніе плетьми за этакое дѣло!

— Ваше сіятельство, скажу не съ тѣмъ, чтобы защищать Чичикова, — но вѣдь это — дѣло не доказанное: слѣдствіе еще не сдѣлано.

— Улика: женщина, которая была наряжена на мѣсто умершей, схвачена. Я ее хочу разспросить нарочно при васъ. — Князь позвонилъ и далъ приказъ позвать ту женщину, — („которая взята“ — сказалъ онъ вошедшему).

Муразовъ замолчалъ.

— Безчестнѣйшее дѣло! И, къ стыду, замѣшались первые чиновники города, самъ губернаторъ. Онъ не долженъ быть тамъ, гдѣ воры и бездѣльники! — сказалъ князь съ жаромъ.

— Вѣдь губернаторъ — наслѣдникъ; онъ имѣетъ право на притязанія; а что другіе то со всѣхъ сторонъ прицѣпились, такъ это-съ, ваше сіятельство, человѣческое дѣло. Умерла-съ богатая, распоряженья умнаго и справедливаго не сдѣлала; слетѣлись со всѣхъ сторонъ охотники поживиться — человѣческое дѣло . . .

— Но вѣдь мерзости зачѣмъ же дѣлать?.. Подлецы, — сказалъ князь съ чувствомъ негодованья. — Ни одного чиновника нѣтъ у меня хорошаго: всѣ — мерзавцы!

— Ваше сіятельство! да кто жъ изъ насъ, какъ слѣдуетъ, хорошъ? Всѣ чиновники нашего города — люди, имѣютъ (свои) достоинства и многіе очень знающіе въ дѣлѣ, а отъ грѣха всякъ близокъ.

— Послушайте, Аѳанасій Васильевичъ: скажите мнѣ, — я васъ одного знаю за честнаго человѣка, — что у васъ за страсть защищать всякаго рода мерзавцевъ?

— Ваше сіятельство, — сказалъ Муразовъ: — кто бы ни былъ человѣкъ, котораго вы называете мерзавцемъ, но вѣдь онъ человѣкъ. Какъ же не защищать человѣка, если онъ половину золъ дѣлаетъ отъ грубости и невѣдѣнія? Вѣдь мы дѣлаемъ несправедливости на всякомъ шагу даже и не съ дурнымъ намѣреньемъ. Вѣдь, ваше сіятельство, сдѣлали также большую несправедливость.

— Какъ! — воскликнулъ въ изумленіи князь, совершенно пораженный такимъ нежданнымъ оборотомъ рѣчи.

Муразовъ остановился, помолчалъ, какъ бы соображая что то, и, наконецъ, сказалъ:

— Да вотъ хоть бы по дѣлу Дѣрпѣнникова [1].

— Какъ, развѣ я несправедливъ? преступленье противъ коренныхъ государственныхъ законовъ, равное измѣнѣ землѣ своей!..

— Я не оправдываю его. Но справедливо ли то, если юношу, который, по неопытности своей, былъ обольщенъ и сманенъ другими, осудить такъ, какъ и того, который былъ одинъ изъ зачинщиковъ? Вѣдь участь постигла ровная и Дѣрпѣнникова, и какого-нибудь Вороного-Дрянного; а вѣдь преступленья ихъ не равны.

— Ради Бога... — сказалъ князь съ замѣтнымъ волненьемъ, — вы что-нибудь знаете объ этомъ? скажите. Я именно недавно послалъ еще прямо въ Петербургъ объ смягченіи его участи.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, я не насчетъ того говорю, чтобы я зналъ что-нибудь такое, чего вы не знаете. Хотя, точно, есть одно такое обстоятельство, которое бы послужило въ его пользу, да онъ самъ не согласится, потому что чрезъ это пострадалъ бы другой. А я думаю только то, что не изволили ль вы тогда слишкомъ поспѣшить. Извините, мнѣ кажется по моему слабому разуму, слѣдовало бы тоже принять во вниманье и прежнюю жизнь человѣка, потому что, если не разсмотришь все хладнокровно, а накричишь съ пер-

---

[1] Тѣнтѣтникова.

ваго раза, — запугаешь только его, да и признанья настоящаго не добьешься; а какъ съ участіемъ его разспросишь, какъ братъ брата, — самъ все выскажетъ и даже не проситъ о смягченьи, и ожесточенья ни противъ кого нѣтъ, потому что ясно видитъ, что не я его наказываю: я законъ.

Князь задумался. Въ это время вошелъ чиновникъ и почтительно остановился съ портфелемъ. Забота, трудъ выражались на его молодомъ и еще свѣжемъ лицѣ. Видно было, что онъ не даромъ служилъ по особымъ порученьямъ. Это былъ одинъ изъ числа тѣхъ немногихъ, который занимался дѣлопроизводствомъ con amore. Не сгарая ни честолюбьемъ, ни желаньемъ прибытковъ, ни подражаньемъ другимъ, онъ занимался только потому, что былъ убѣжденъ, что ему нужно быть здѣсь, а не на другомъ мѣстѣ, что для этого дана ему жизнь. Слѣдить, разобрать по частямъ и, поймавши всѣ нити запутаннѣйшаго дѣла, разъяснить его — это было его дѣло. И труды, и старанія, и безсонныя ночи вознаграждались ему изобильно, если дѣло, наконецъ, начинало предъ нимъ объясняться, сокровенныя причины обнаруживаться, и онъ чувствовалъ, что можетъ передать его все въ немногихъ словахъ, отчетливо и ясно, такъ что всякому будетъ очевидно и понятно. Можно сказать, что не столько радовался ученикъ, когда предъ нимъ раскрывалась какая-нибудь труднѣйшая фраза, и обнаруживается настоящій смыслъ мысли великаго писателя, какъ радовался онъ, когда предъ нимъ распутывалось запутаннѣйшее дѣло. Зато...[1]

.. хлѣбомъ въ мѣстахъ, гдѣ голодъ; я эту часть получше знаю чиновниковъ: разсмотрю самолично, что кому нужно. Да если позволите, ваше сіятельство, я поговорю и съ раскольниками. Они то съ нашимъ братомъ, съ простымъ человѣкомъ, охотнѣе разговорятся, такъ, Богъ вѣсть, можетъ быть, помогу уладить[ся] съ ними миролюбно. А денегъ то отъ васъ я не возьму, потому что, ей Богу, стыдно въ такое время думать о своей прибыли, когда умираютъ съ голода. У меня есть въ запасѣ готовый хлѣбъ; я и теперь еще послалъ въ Сибирь, и къ будущему лѣту вновь подвезутъ.

— Васъ можетъ только наградить одинъ Богъ за такую службу, Аѳанасій Васильевичъ. А я вамъ не скажу ни одного слова, потому что, — вы сами можете

[1] Дальше значительный пропускъ.

чувствовать, — всякое слово тутъ безсильно. Но позвольте мнѣ одно сказать насчетъ той просьбы. Скажите сами: имѣю ли я право оставить это дѣло безъ вниманія, и справедливо ли, честно ли съ моей стороны будетъ простить мерзавцевъ?

— Ваше сіятельство, ей Богу, этакъ нельзя называть, тѣмъ болѣе, что изъ [нихъ] есть многіе весьма достойные. Затруднительны положенія человѣка, ваше сіятельство, очень, очень затруднительны. Бываетъ такъ, что кажется кругомъ виноватъ человѣкъ, а какъ войдешь — даже и не онъ.

— Но что скажутъ они сами, если оставлю? Вѣдь есть изъ нихъ, которые послѣ этого еще больше подымутъ носъ и будутъ даже говорить, что они напугали. Они первые будутъ не уважать ...

— Ваше сіятельство, позвольте мнѣ вамъ дать свое мнѣніе: соберите ихъ всѣхъ, дайте имъ знать, что вамъ все извѣстно, и представьте имъ ваше собственное положеніе точно такимъ самымъ образомъ, какъ вы его изволили изобразить сейчасъ передо мной, и спросите у нихъ совѣта: что [бы] изъ нихъ каждый сдѣлалъ на вашемъ положеніи?

— Да, вы думаете, имъ будутъ доступны движенья благороднѣйшія, чѣмъ каверзничать и наживаться? Повѣрьте, они надо мной посмѣются.

— Не думаю-съ, ваше сіятельство. У [русскаго] человѣка, даже и у того, кто похуже другихъ, все-таки чувство справедливо. Развѣ жидъ какой-нибудь, а не русскій. Нѣтъ, ваше сіятельство, вамъ нечего скрываться. Скажите такъ точно, какъ изволили передо мной. Вѣдь они васъ поносятъ, какъ человѣка честолюбиваго, гордаго, который и слышать ничего не хочетъ, увѣренъ въ себѣ, — такъ пусть же увидятъ все, какъ оно есть. Что жъ вамъ (ихъ бояться)? Вѣдь ваше дѣло правое. Скажите имъ такъ, какъ бы вы не предъ ними, а предъ Самимъ Богомъ принесли свою исповѣдь.

— Аѳанасій Васильевичъ, — сказалъ князь въ раздумьи: — я объ этомъ подумаю, а покуда благодарю васъ очень за совѣтъ.

— А Чичикова, ваше сіятельство, прикажите отпустить.

— Скажите этому Чичикому, чтобы онъ убирался отсюда какъ можно поскорѣй, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Его то уже я бы никогда не простилъ.

Муразовъ поклонился и прямо отъ князя отправился къ Чичикову. Онъ нашелъ Чичикова уже въ духѣ,

весьма покойно занимавшагося довольно порядочнымъ обѣдомъ, который былъ ему принесенъ въ фаянсовыхъ судкахъ изъ какой то весьма порядочной кухни. По первымъ фразамъ разговора старикъ замѣтилъ тотчасъ, что Чичиковъ уже успѣлъ переговорить кое съ кѣмъ изъ чиновниковъ-казусниковъ. Онъ даже понялъ, что сюда вмѣшалось невидимое участіе знатока-юрисконсульта.

— Послушайте-съ, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ онъ, — я привезъ вамъ свободу на такомъ условіи, чтобы сейчасъ васъ не было въ городѣ. Собирайте всѣ пожитки свои — да и съ Богомъ, не откладывая ни минуты, потому что дѣло еще хуже. Я знаю-съ, васъ тутъ одинъ человѣкъ настраиваетъ; такъ объявляю вамъ по секрету, что такое еще дѣло одно открывается, что ужъ никакія силы не спасутъ этого. Онъ, конечно, радъ другихъ топить, чтобы не скучно, да дѣло къ раздѣлкѣ. Я васъ оставилъ въ расположеньи хорошемъ, — лучшемъ, нежели въ какомъ теперь. Совѣтую вамъ-съ не въ шутку. Ей, ей, дѣло не въ этомъ имуществѣ, изъ-за котораго спорятъ люди, и рѣжутъ другъ друга люди, точно, какъ можно завести благоустройство въ здѣшней жизни, не помысливши о другой жизни. Повѣрьте-съ, Павелъ Ивановичъ, что покамѣстъ, брося все, изъ-за чего грызутъ и ѣдятъ другъ друга на землѣ, не подумаютъ о благоустройствѣ душевнаго имущества, — не установится благоустройство и земного имущества. Наступятъ времена голода и бѣдности, какъ во всемъ народѣ, такъ и порознь во всякомъ ... Это-съ ясно. Что ни говорите, вѣдь отъ души зависитъ тѣло. Какъ же хотѣть, чтобы [шло], какъ слѣдуетъ. Подумайте не о мертвыхъ душахъ, а [о] своей живой душѣ, да и съ Богомъ на другую дорогу! Я тожъ выѣзжаю завтрашній день. Поторопитесь! не то — безъ меня бѣда будетъ.

Сказавши это, старикъ вышелъ. Чичиковъ задумался. Значенье жизни опять показалось немаловажнымъ. „Муразовъ правъ“, сказалъ онъ: „пора на другую дорогу!“ Сказавши это, онъ вышелъ изъ тюрьмы. Часовой потащилъ за нимъ шкатулку... Селифанъ и Петрушка обрадовались, какъ Богъ знаетъ чему, освобожденью барина.

— Ну, любезные, — сказалъ Чичиковъ, обратившись [къ нимъ] милостиво: — нужно укладываться, да ѣхать.

— Покатимъ, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Селифанъ. — Дорога, должно быть, установилась: снѣгу выпало довольно. Пора ужъ, право, выбраться изъ города. Надоѣлъ онъ такъ, что и глядѣть на него не хотѣлъ бы.

— Ступай къ каретнику, чтобы поставилъ коляску на полозки, — сказалъ Чичиковъ, а самъ пошелъ въ городъ, но ни [къ] кому не хотѣлъ заходить отдавать прощальныхъ визитовъ. Послѣ всего этого событія было и неловко, — тѣмъ болѣе, что о немъ множество ходило въ городѣ самыхъ неблагопристойныхъ исторій. Онъ избѣгалъ (даже) всякихъ встрѣчъ и зашелъ потихоньку только къ тому купцу, у котораго купилъ сукна наваринскаго пламени съ дымомъ, взялъ вновь четыре аршина на фракъ и на штаны и отправился самъ къ тому же портному. За двойную [цѣну] мастеръ рѣшился усилить рвеніе и засадилъ всю ночь работать при свѣчахъ портное народонаселеніе иглами, утюгами и зубами, и фракъ на другой день былъ готовъ, хотя и немножко поздно. Лошади всѣ были запряжены. Чичиковъ, однакожъ, фракъ примѣрилъ. Онъ былъ хорошъ, точь-въ-точь какъ прежній. Но, увы! онъ замѣтилъ, что въ головѣ уже бѣлѣло что то гладкое, и примолвилъ грустно: „И зачѣмъ было предаваться такъ сильно сокрушенью? А рвать волосъ не слѣдовало бы и подавно“. Расплатившись съ портнымъ, онъ выѣхалъ, наконецъ, изъ города въ какомъ то странномъ положеніи. Это былъ не прежній Чичиковъ; это была какая то развалина прежняго Чичикова. Можно было сравнить его внутреннее состояніе души съ разобраннымъ строеньемъ, которое разобрано съ тѣмъ, чтобы строить изъ него же новое; а новое еще не начиналось, потому что не пришелъ отъ архитектора опредѣлительный планъ, и работники остались въ недоумѣньи. Часомъ прежде его отправился старикъ Муразовъ, въ рогоженной кибиткѣ, вмѣстѣ съ Потапычемъ, а часомъ послѣ отъѣзда Чичикова пошло приказаніе, что князь, по случаю отъѣзда въ Петербургъ, желаетъ видѣть всѣхъ чиновниковъ до едина.

Въ большомъ залѣ генералъ-губернаторскаго дома собралось все чиновное сословіе города, начиная отъ губернатора до (секретаря) титулярнаго совѣтника: правители канцелярій и дѣлъ, совѣтники, ассессоры, Кислѣдовъ, Красноносовъ, Самосвитовъ, не бравшіе, бравшіе, кривившіе душой, полукривившіе и вовсе не кривившіе, — все ожидало съ любопытствомъ, не совсѣмъ спокойнымъ, выхода. Князь вышелъ ни мрачный, ни ясный: спокойной твердостью былъ вооруженъ его шагъ и взоръ. Все чиновное собраніе поклонилось, многіе — въ поясъ. Отвѣтивъ легкимъ поклономъ, князь началъ:

— Уѣзжая въ Петербургъ, я почелъ приличнымъ повидаться съ вами со всѣми и даже объяснить вамъ от-

части причину. У насъ завязалось дѣло очень соблазнительное. Я полагаю, что многіе изъ предстоящихъ знаютъ, о какомъ дѣлѣ я говорю. Дѣло это повело за собою открытіе и другихъ, не менѣе безчестныхъ дѣлъ, въ которыхъ замѣшались даже, наконецъ, и такіе люди, которыхъ я доселѣ почиталъ честными. Извѣстна мнѣ даже и сокровенная цѣль спутать такимъ образомъ все, чтобы оказалась полная невозможность рѣшить формальнымъ порядкомъ. Знаю даже, и кто главная пружина и чьимъ сокровеннымъ... хотя онъ и очень искусно скрылъ свое участіе. Но дѣло въ томъ, что я намѣренъ это слѣдить не формальнымъ слѣдованьемъ по бумагамъ, а военнымъ быстрымъ судомъ, какъ въ военное [время], и надѣюсь, что государь мнѣ дастъ это право, когда я изложу все это дѣло. Въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ возможности произвести дѣло гражданскимъ образомъ, когда горятъ шкафы съ [бумагами], и, наконецъ, излишествомъ лживыхъ постороннихъ показаній и ложными доносами стараются затемнить и безъ того довольно темное дѣло, — я полагаю военный судъ единственнымъ средствомъ и желаю знать мнѣніе ваше.

Князь остановился, какъ [бы] ожидая отвѣта. Все стояло, потупивъ глаза въ землю. Многіе были блѣдны.

— Извѣстно мнѣ также еще одно дѣло, хотя производившіе его въ полной увѣренности, что оно никому не можетъ быть извѣстно. Производство его уже пойдетъ не по бумагамъ, потому что истцомъ и челобитчикомъ я буду уже самъ и представлю очевидныя доказательства.

Кто то вздрогнулъ среди чиновнаго собранія; нѣкоторые изъ боязливѣйшихъ тоже смутились.

— Само по себѣ, что главнымъ зачинщикамъ должно послѣдовать лишенье чиновъ и имущества, прочимъ отрѣшенье отъ мѣстъ. Само собою разумѣется, что въ числѣ ихъ пострадаетъ и множество невинныхъ. Что жъ дѣлать? дѣло слишкомъ безчестное и вопіетъ о правосудіи. Хотя я знаю, что это будетъ даже и не въ урокъ другимъ, потому что на мѣсто выгнанныхъ явятся другіе, и тѣ самые, которые дотолѣ были честны, сдѣлаются безчестными, и тѣ самые, которые удостоены будутъ довѣренности, обманутъ и продадутъ, — несмотря на все это, я долженъ поступить жестоко, потому что вопіетъ правосудіе. Итакъ, вы всѣ должны на меня глядѣть, [какъ] на безчувственное орудіе правосудія.

Содроганье невольно пробѣжало по всѣмъ лицамъ.

Князь былъ спокоенъ. Ни гнѣва, ни возмущенья душевнаго не выражало его лицо.

— Теперь тотъ самый, у котораго въ рукахъ участь многихъ и котораго никакія просьбы не въ силахъ были умолить, тотъ самый бросается теперь къ ногамъ вашимъ, васъ всѣхъ проситъ. Все будетъ позабыто, изглажено, прощено; я буду самъ ходатаемъ за всѣхъ, если исполните мою просьбу. Вотъ моя просьба. Знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаніями нельзя искоренить неправды: она слишкомъ уже глубоко вкоренилась. Безчестное дѣло брать взятки сдѣлалось необходимостью и потребностью даже и для такихъ людей, которые и не рождены быть безчестными. Знаю, что уже почти невозможно многимъ идти противъ всеобщаго теченья. Но я теперь долженъ, какъ въ рѣшительную и священную минуту, когда приходится спасать свое отечество, когда всякій гражданинъ несетъ все и жертвуетъ всѣмъ, — я долженъ сдѣлать кличъ, хотя къ тѣмъ, у которыхъ еще есть въ груди русское сердце и понятно сколько-нибудь слово благородство. Что тутъ говорить о томъ, кто болѣе изъ насъ виноватъ! Я, можетъ быть, больше всѣхъ виноватъ; я, можетъ быть, слишкомъ сурово васъ принялъ вначалѣ; можетъ быть, излишней подозрительностью я оттолкнулъ изъ васъ тѣхъ, которые искренно хотѣли мнѣ быть полезными, хотя и я съ своей стороны могъ бы также сдѣлать...[1]. Если они уже дѣйствительно любили справедливость и добро своей земли, не слѣдовало бы имъ оскорбиться и надменностью моего обращенія, слѣдовало бы имъ подавить въ себѣ собственное честолюбіе и пожертвовать своей личностью. Не можетъ быть, чтобы я не замѣтилъ ихъ самоотверженья и высокой любви къ добру и не принялъ бы, наконецъ, отъ нихъ полезныхъ и умныхъ совѣтовъ. Все-таки скорѣй подчиненному слѣдуетъ примѣняться къ нраву начальника, чѣмъ начальнику къ нраву подчиненнаго. Это законнѣй по крайней мѣрѣ и легче, потому что у подчиненныхъ одинъ начальникъ, а у начальника сотня подчиненныхъ. Но оставимъ теперь въ сторону, кто кого больше виноватъ. Дѣло въ томъ, что пришло намъ спасать нашу землю; что гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплеменныхъ языковъ, а отъ насъ самихъ; что уже, мимо законнаго управленья, образовалось другое правленье, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго. Установились свои условія, все оцѣнено, и цѣны даже приведены во всеобщую извѣстность. И никакой правитель, хотя бы онъ былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ поправить зла,

[1] Фраза не дописана.

какъ [ни] ограничивай онъ въ дѣйствіяхъ дурныхъ чиновниковъ приставленьемъ въ надзиратели другихъ чиновниковъ. Все будетъ безуспѣшно, покуда не почувствовалъ изъ насъ всякъ, что онъ такъ же, какъ въ эпоху (всеобщаго) возстанія народовъ вооружался противъ ..., такъ долженъ возстать противъ неправды. Какъ русскій, какъ связанный съ вами единокровнымъ родствомъ, одной и тою же кровью, я теперь обращаюсь [къ] вамъ. Я обращаюсь къ тѣмъ изъ васъ, кто имѣетъ понятье какое-нибудь о томъ, что такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долгъ, который на всякомъ мѣстѣ предстоитъ человѣку. Я приглашаю разсмотрѣть ближе свой долгъ и обязанность земной своей должности, потому что это уже намъ всѣмъ темно представляется, и мы едва...

Страницы, передѣланныя авторомъ по выходѣ въ свѣтъ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“.

1. Отрывки изъ седьмой главы.

Проснувшись, Чичиковъ и не вспомнилъ о помѣщикахъ. У него вылетѣли изъ головы всѣ эти странные образы, которые постепеннымъ появленьемъ, можетъ быть, навели грусть на читателя. Въ головѣ его [ворочались] мужики, то есть тѣ самыя фантастическія души, которыя онъ пріобрѣлъ. Онъ такъ былъ доволенъ пріобрѣтеньемъ, что отхваталъ по всей комнатѣ какой то танецъ изъ мазурки и трепака на цыганскій образецъ (съ пришлепкой себя самого), весьма ловко пришлепывая себя самого пяткой собственной своей ноги. Скоро, однакожъ, почувствовалъ онъ, что дѣлаетъ дурачество, неприличное человѣку среднихъ лѣтъ; надѣлъ тотъ же часъ халатъ, узорчатые сафьянные сапоги изъ множества кусочковъ всѣхъ цвѣтовъ, которыми снабжаетъ городъ Торжокъ всю Русь; вынулъ изъ шкатулки списки всѣхъ пріобрѣтенныхъ мужиковъ, купчія, — словомъ, отработалъ всю канцелярскую часть, которую онъ зналъ и [...], чтобы поменьше платить въ судѣ. Ему хотѣлось, не откладывая, все кончить въ тотъ [же день]: совершить, занести, внести и потомъ вспрыснуть всю продѣлку шипучимъ подъ серебряной головой, безъ которой Ѳемида не обходится. Но какъ разложилъ онъ передъ собою списки, какъ сталъ разсматрив(ать) весь этотъ народъ, который готовилъ укрѣпить за собой навсегда крѣпостями, чувство странное имъ овладѣло. Ему показалось на мигъ, какъ бы этотъ народъ дѣйствительно, къ довершенью очарованья, на спискѣ, сдѣланномъ Собакевичемъ. . . . . .

Половой поднесъ ему чай, [весь] изворот(ясь) съ под-

носомъ, подъ самымъ его носомъ [звеня] чашками. Чичиковъ сталъ пить чай надлежащимъ образомъ, какъ пьютъ по утрамъ: съ кренделям(и) и сливками, а все думалъ о крѣпо(стныхъ) мужи(кахъ). Сталъ потомъ бриться, но и подпирая языкомъ (лѣвую) щеку, все думалъ о крѣпостныхъ мужикахъ...

Но не мѣшаетъ увѣдоми(ть) читателя, что это размечтался не Чичиковъ. Сюда нѣсколько впутался самъ (авторъ) и, какъ весьма часто случается, вовсе некстати. Чичиковъ, напротивъ, думалъ вотъ что: „Ну что, еслибы эти мужики были, точно, живы. Бездѣлица! Тогда можно навсегда остаться въ деревнѣ. При тысячѣ душъ мож(но) получить тысячъ двадцать доходу,— впрочемъ, какова губернія иногда! Можно усовершенствовать, завести мануфактурность. Можно получать и до пятидесяти... быть въ почтеньи у всего дворянства, пустить его въ потомственное владѣнье, въ майоратъ, назвать его Павлушкино, Чичиково тожъ; — или же можно даже и такъ поступить: землю, по продажѣ душъ всѣхъ, заложить въ ломбардъ, а потомъ все имѣнье пожертвовать на заведенье кадетскаго корпуса и за великодушный поступокъ получить генеральскій чинъ!“ Отъ честолюбивыхъ покушеній онъ, впрочемъ, тутъ же отказался, спохватясь, что души были мертвыя, и что пора было отправляться въ судъ. Иначе дѣло могло и не кончиться въ тотъ [же день], ибо [власти] губерн(скаго) города NN соразмѣряли время сидѣнія съ требованьями желудка, который варилъ у всѣхъ скоро, хорошо. Бумаги были собраны, и туда же, въ карманъ, былъ засунутъ бумажникъ... Набросилъ шинель на медвѣд(яхъ), не за тѣмъ, чтобы на дворѣ было холодно, но чтобы внушить страхъ канцелярской мелюзгѣ. Едва только вышетъ онъ на улицу, какъ вдругъ навстрѣчу человѣкъ, тоже въ медвѣдяхъ, картузъ съ ушами и назадъ откинутъ затыльникъ, какъ у [женщинъ], деликатныя перчатки на рукахъ и улыбка на устахъ. Улыбка раздвигалась болѣе, лицо засвѣтилось, глаза исчезнули [вовсе]; раздалось восклицанье: „Павелъ Ивановичъ!“ Это былъ Маниловъ. Оба пріятеля такъ крѣпко поцѣловались, что у обоихъ болѣли весь (день) передніе зубы.

. . . . . .

Въ это время, когда происходила наша исторія, лакирова(нныхъ) столовъ и паркетовъ еще не было въ присутстві(яхъ): Ѳемида принимала гостей запросто, нараспашку, чуть не въ халатѣ. Въ коридорахъ воняло сторожами, у которыхъ рубахи мылись три раза въ годъ.

Во внутреннихъ чертогахъ было мало чѣмъ лучше. Стѣны приняли темноватый видъ — снизу отъ спинъ канцелярскихъ чиновник(овъ), сверху отъ паутины, отъ пыли. Бумаги безъ коробокъ: въ связкахъ одна на другой, какъ дрова; [....] служила только ширмой, куда заглядывалъ (чиновникъ), чтобы на себѣ что-нибудь поправить, если развязалось; вмѣсто чернильницъ иногда торчало дно разбитой бутылки. У иныхъ чиновниковъ даже и табакерокъ не было — табакъ держался просто въ бумажкѣ и засовывался куда то подъ мышку. Взгляды у всѣхъ были какіе то косые. Поджарыхъ было немного. Всѣ были большею частью изъ семинаріи, народъ дюжій, точно Бруты (?) римскихъ временъ, и у иного была такая губа, что можно изъ нея выкроить шесть нынѣшнихъ губъ. Обхожденіе было простое, прежнихъ временъ; слово: „изволили“ не употреблялось; сотоварищъ сотоварищу говорилъ: „куда ты [затащилъ“...], а „чортъ ее (знаетъ!)“ отвѣчалъ товарищъ. Голосъ начальника тоже раздавался сурово: „Вотъ я прикажу съ тебя сапоги снять!“ Маниловъ, какъ человѣкъ деликатный и военный, оскорб(ился), а Чичиковъ, какъ человѣкъ штатскій, и не дивил(ся,... и достигнули залы присутствія, гдѣ было, по крайней мѣрѣ, простор(нѣе): столъ, на немъ зерцало. Въ креслахъ предсѣдатель съ доброй и простой наружностью и возлѣ него плутъ Собакевичъ, совершенно закрывшись зерцаломъ.

. . . . . .

Потомъ засѣли въ вистъ. Играли, играли. Потомъ приняли(сь) за пуншъ, потомъ опять за вистъ. Потомъ вновь пили, потомъ вновь играли. Пили, пили, пили, играли, играли, играли. Давно и пѣтухи прокри(чали), и рынокъ отошелъ, нищіе и салопницы возвращались отъ ранней обѣдни; народъ успѣлъ вновь опохмелиться въ кабакахъ. Низшіе чины [испивали] по мосту кругомъ и награждали [носы] паями березинскаго табака. А они все игра(ли). Еле-ле (около) осьми часовъ кончилось дѣло, и кучера развезли ихъ по домамъ..

2. Отрывки изъ восьмой главы.

Дамы находили, что Чичиковъ, какъ слѣдуетъ, — точно въ немъ была какая то середина. (Въ немъ было) что то и военное и штатское. Временами подлеталъ какъ то этакъ, ловко подшаркнувши ножкой, встряхивался, какъ военный, или, по крайней (мѣрѣ), такой человѣкъ, у котораго чувству(ется), что у него стройн(ыя) ноги и штаны со штрипками. Временами же пріятнымъ накло-

неньемъ голов(ы) на бокъ и мягкостью рѣчей подобился онъ штатскому хорошо воспитанному человѣку. Предметы разговоровъ его больше изъ 18 столѣтія, но образъ выраженія... нѣсколько къ 19 столѣтію; выходило попури, которое губернскимъ (дамамъ), особенно замужнимъ, очень нравилось. Притомъ надобно сказать, что ни заносчивости, ни насмѣшливости, не было совсѣмъ въ рѣчахъ: онѣ были совершенно безобидны и не могли [никакъ] поссорить... Извѣстно, что мужчинѣ придаетъ больше бодрости ободрительный отзывъ дамъ на счетъ красоты. Это возводитъ въ такое свѣтлое настроеніе духъ, что онъ дѣйствительно дѣлается красавцемъ; какъ извѣстно, утка турухтанъ, когда приходитъ время любви, расцвѣтаетъ вдругъ такими яркими цвѣтами, как(ихъ) прежде не был(о). Мина у Чичикова сдѣлалась гораздо пріят(нѣе), чѣмъ прежде, обороты и повороты развязнѣе, и самые воротнички рубашки какъ то бѣлѣе [на немъ] и тщательнѣе прилегали къ щекамъ. Явилась новая цѣпочка. Онъ сталъ соблазнителенъ.

„Кто что ни говори! а балы хорошая вещь!“ думалъ Чичи(ковъ). „Холодъ ли, неурожай, или какой иной случай, отъ которыхъ..., а какъ соберешься вмѣстѣ, позабудешь обо [всемъ]. Всѣмъ есть что-нибудь: танцы для молодыхъ, карты для почтенныхъ людей. Можно и на танцующихъ поглядѣть, и въ вистъ наиграться, и много значитъ этакъ общество, толпа. Все это веселит(ся), пест(ро). Притомъ и ужинъ: губернаторскій поваръ, я думаю, глядѣ(лъ). Будетъ майонезъ съ рябчиками. Можетъ быть, еще холодныхъ двѣ осетринки (свѣжей) съ трюфелями, каперсами, кореньями и травкой и мелкой [крошкой] (?); потомъ зальемъ шипучкой, выстоявшейся на льду! Чортъ возьми, какъ въ жизни много есть всего! Люблю пріятное, безобидное общество!..

Всѣ жуки онъ хотѣлъ подобрать къ мотылькамъ. Продвинувшись сквозь эту черную тучу враговъ, онъ увидѣлъ передъ собой покой, (такъ) сверкающій изъ мотыльк(овъ) всѣхъ цвѣтовъ, что на время прижмури(лъ) глаза отъ этого блеска, — почти какъ рисуютъ иногда на вывѣскахъ рогъ изобилія, изъ которато сыплются и башмаки, и подвязки, и конфекты, и драгоцѣнн(ые) ка(мни). Точно то же было и здѣсь. Въ то время мотыльки въ губер(ніи) не разнуздались, какъ въ нынѣшнее разнузданное время, и только во время танцевъ мѣшались съ жуками. Отработавши дѣло ногами, каждый полъ отходилъ на свою сторону, и дамы всѣ строемъ лѣпили(сь) у одной стѣны. Къ нимъ подходи(лъ) только

изрѣдка какой-нибудь служившій по особеннымъ порученьямъ мужчина, блиставшій благообразность(ю) лица, и ловкій, [рѣзвый] кавалеристъ, сіявшій побѣдоносными эполетами, и то къ такой только, которая уже очень хорошо говоритъ по-французски. Прочее все перешептывалось между собою и даже конфузилось, если приступалъ какой-нибудь жукъ. Жукъ тоже приступалъ не прежде, какъ, сочинивши и заготов(ивши) впередъ фразу, которая бросала въ потъ бѣдную неприготовленную дамy: отвѣта никакъ нельзя сочинить впередъ, и потому все почти краснѣло и потѣло, имѣя надобность безпрерывную прохлаждаться мороженными и лимонадами. Которыя были поблагоразумнѣе, тѣ положили себѣ впередъ не отвѣчать ничего, а забира(ть) только усердно конфекты къ себѣ въ ридикюли.

Чичиковъ раскланялся [самымъ] ловкимъ образомъ: близко къ тому, какъ раскланивается пріѣхавшій изъ Петербурга чиновникъ. Обмѣнявшись привѣтствіями съ хозяйкой, (Чичиковъ) обрати(лся) къ дамамъ, сидѣвшимъ впереди. Предсѣдательша, почтмей(стерша) и даже прокурорша съ нимъ заговорили, а прочія молча обратили глаза. Онъ думалъ, какъ бы узнать, которая изъ (нихъ) была сочинительница. Трудно: глаза у всѣхъ такъ были выразительны! При этомъ ему открылось такое множество круглыхъ плечей и полненькихъ рукъ (на многихъ изъ нихъ даже лопнули длинныя перчатки), что почти невозможно было смотрѣть собственно въ одни глаза. А глаза всѣхъ были, точно, загадочны. Онъ оглянулъ еще разъ весь цвѣтникъ. Кажется, значительнѣе всѣхъ глядѣли предсѣдат(ельша), почтмейстерша и даже прокурорша, а впрочемъ, Богъ вѣсть. Пахнетъ сильно резедой, фіалками и даже гвоздикой. Чичиковъ, поворотивъ, отправился было къ жукамъ, чтобы засѣсть за вистъ, какъ вдругъ передъ нимъ губернаторша и съ ней стройная дѣвица, лѣтъ шестнадцати, стройная, какъ молодой тростникъ. „Павелъ Ивановичъ!“ сказала губернаторша съ пріятнымъ потряхиваньемъ головы. — Вотъ вамъ моя дочь, только что изъ института и въ первый (разъ) является въ свѣтъ; прошу принять благоскон(но“). Чичиковъ, разумѣется, уже хотѣлъ подшаркнуть ножкой и отпустить ей самое поощритель(ное) и ласковое привѣтств(іе); но, взглянувши ей въ лицо, вдругъ остановился: предъ нимъ стояла та самая [дѣвчонка]. Опять то же странное чувство... Матовое бѣлое платьеце, тончайшее воздуха, обнимало одинъ ея станъ; руки же, грудь, не взволнованныя ни одни(мъ) вздохомъ, и голубиная шейка, которую обнимало простое тюлевое бѣлое ожерелье, — все было открыто и соста(вляло) что то

единое съ платьемъ. Онъ (оторопѣлъ и позабылъ все и остался) нѣсколько минутъ совершенно неподвиженъ. Было ли это чувство любви? Кажется, онъ до сихъ поръ насчетъ любви былъ не очень податливъ. Имѣлъ, по мѣрѣ надобности, обращеніе съ женщиною, но влюбиться не влюблял(ся). Было что то разъ, когда то, въ давней юности, что то въ родѣ мгновен(ной) встрѣчи съ какой то крѣпостной служанкой; но влюблять(ся) онъ не влюблял(ся): это была игра лѣтъ, молодой крови. Но теперь онъ коллежскій совѣтникъ. Ему почти за сорокъ. Два раза онъ уже наживался, два раза [проживался]... два раза былъ подъ судомъ, два раза „пострадал(ъ) за правду"; испытано и узнано имъ почти все. Все подвергалъ онъ благоразум(ному)... Что жъ это такое? Почему же онъ сталъ впервые истуканомъ? Или есть что(то) въ чистомъ, ясномъ дѣвичествѣ еще не развившейся женщины, что то такое, что, мимо ума, мимо искусства, мимо всѣхъ качествъ, дѣйствуетъ на всѣхъ, даже (на) инвалидовъ, вооруженныхъ холодомъ безстрастія... и которыхъ никакая штука не своротитъ и не расшевелитъ. И больше всего обворожительна та, которая не знаетъ, что она обворожительна, и сокрушительнѣй всѣхъ красавицъ та, которая еще не знаетъ, что она красавица. Что бы то ни было, но герой нашъ почти такъ же былъ пораженъ, какъ юноша.

Онъ видѣлъ, что ее умчалъ кавалерійскій франтъ, перет(янутый), какъ оса съ усиками, съ тонкими, золотыми лепешками на плечахъ и рядомъ пуговицъ на круто выгнутой (груди)... и [небрежно] прочесанными волосами. Онъ видѣлъ, какъ она, чуть упираясь атласнымъ башмачковъ, летала, и бѣлый пухъ ея эѳирной одежды леталъ вокругъ, какъ бы кружилась она въ какомъ то тонкомъ облакѣ, показывая всю себя, какъ выточенную игрушку, въ которой ни малѣйш(аго) недостатка. Во всемъ тѣлѣ — ножка, ручка, шея, всяка(я) кость, съ такой соразмѣрностью одн(а) къ другой и ко всему тѣлу, что, казалось, ея фигурка чуть не пѣла отъ согласной стройности. Гармонія летала въ виду всѣхъ. Всѣ женщины (сдѣлались передъ ней вдругъ какія то) коровницы. Взглянулъ онъ нечаянно на другихъ женщи(нъ)...

Намѣсто ногъ и рукъ повсюду оказались ножищи, ручищи, плечища; [корсеты] у однѣхъ дамъ стали толстыя, выгнутыя безъ толку круто, подушки, у другихъ — неуклюжія доски, и почтмейстеръ понялъ это. Даже всѣ — и старые и толстые чиновники остановили глаза глядѣть, — не только почтмейстеръ, которы(й) былъ во-

локита, но делик(атный) прокуроръ пришелъ [поглядѣть] и моргалъ только бровью. Даже многіе женатые и почтенны(е) люди, которые были доселѣ увѣрены, что красивѣй ихъ женъ ничего не можетъ быть на свѣтѣ, стали находить, что жены ихъ какъ то не такъ сложены хорошо, какъ слѣдуетъ. Съ (ея) появленіемъ женщина(мъ) еще болѣе стало замѣтно бревно въ глазу. И рѣдкая не сказала: „какіе у насъ уроды въ губерніи!“ — себя, разумѣется, выключила. Всякой показалось, что только (у) одной губернаторской дочки да у нея порядочныя руки и ноги, а у всѣхъ ручищи... Точно какъ будто бы (она) разомъ пролетѣла по залу, чтобы всѣ почувствовали, что такое стройность и кра(сота)...

Черезъ нѣсколько минутъ, однакожъ, чувство зависти стало входить въ серд(ца) всѣхъ, особенно когда увидали [именно], что все молодое, военное, что ни было лучшаго, поворотилось къ шестнадцатилѣтней дѣвчонкѣ, и весь дамскій цвѣтникъ остался безъ всякаго нюханья. Почтмейстерша показала необыкновенное искусство въ танцахъ и, наклонивъ голову на-бокъ, стар(алась) выразить [каплю] неземного чувства, но никто этого не замѣча(лъ). Всякъ, кто былъ получше, танцовалъ съ своей дамой, точно съ подуш(кой), и глазами, какъ подсолнечникъ къ солнцу, обращался къ той сторонѣ, гдѣ танцовала та, которая даже и не думала о томъ, что она хорошо танцуетъ, и кружилась такъ потому, что [ей было] пріятно кружиться, [какъ стрекозѣ поверхъ воды]. Онъ поскорѣй тотъ же часъ занялъ стулъ и помѣстил(ся) около нея. Но странное дѣло! не могъ завязать разговора; говорилъ много, но какъ то не впалъ въ настоящую ноту: или выше, или ниже. Снача(ла) заговорилъ было о томъ, что Россія очень большое государство, что даже больше древней Римской имперіи; но, замѣтивши, что (дѣвчонка) начинаетъ зѣвать, спустился на такой разговоръ, который годенъ для тѣхъ, которыя только начали играть въ куклы. Извѣстно, что человѣкъ среднихъ лѣтъ иумѣющій занимать съ пріятностью дамъ не находится, что говорить съ дѣвицами. „Что это, въ самомъ дѣлѣ, я какъ будто сталъ дураковатъ!“ подумалъ Чичиковъ· „съ дамами могу говорить даже съ пріятностью, и [далеко] не схожу въ карманъ [за словомъ], а теперь вотъ и голову ломаю и обдумываю, а что то выходитъ похожее на глупость“. Онъ не зналъ, что люди благонамѣренныхъ лѣтъ и благоразумнаго возраста не всегда бываютъ годны на разговоры съ дѣвицами и что на этомъ полѣ берутъ люди безумныхъ лѣтъ и безтолковаго образа мыслей.

Дамы на Чичикова разсердились. Надулась пред-

сѣдательш(а), почтмейстерша и даже прокурорша. Онъ взглянулъ на (весь) цвѣтникъ: весь цвѣтникъ глядитъ на ихъ обо(ихъ), но уже въ глазахъ что то похожее на негодованіе и нерасположеніе. „Вотъ еще Боже сохрани!“ подумалъ со страхомъ Чичиковъ: „еще разсердятся, пожалуй. Это будетъ очень непріятно! Я, точно, (въ разсѣянности) поступилъ совсѣмъ неучтиво. Вотъ что̀ значитъ на одинъ мигъ только увлечься и всѣ первѣйшія обязанности человѣка, отношенія — все позаб(удешь). Дѣйствительно, на меня сердиты, — это я вижу ..“ Только что онъ сказалъ себѣ эти слова, какъ вдругъ видитъ — навстрѣчу валитъ къ нему Ноздревъ. Сердце его [точно] предчувствовало, что не быть добру. Онъ хотѣлъ было [ускользнуть], но тотъ уже увид(алъ)...

Въ этотъ вечеръ всѣ дамскія приготовл(енія), всѣ вкусы, тонкія умѣнья одѣваться, все [встряхнуто] было на воздухъ; всѣ обдуманны(я) фразы, духи, помада, фіалка, гвоздика, резеда — всѣ пахнул(и) даромъ. Въ выигрышѣ остались однѣ только тѣ дамы, которыя, не думая ни о чемъ, набивали себѣ конфектами ридикюли. Стало быть, въ этотъ вечеръ больше обыкновен(наго) отъ досады у многихъ первоклассныхъ дамъ пропалъ а(ппетитъ)...

3. Отрывокъ изъ конца восьмой главы.

...„Выдумали балы! Чортъ бы ихъ побралъ (и) тѣхъ, кто выдумалъ. На три часа сойдутся вмѣстѣ, а на три года пойдетъ потомъ сплетней. Никто [потомъ] дѣла не дѣлае(тъ), во всемъ... мужъ дуракъ въ присутствіи только [горюетъ] (?) . . . . . или дуетъ въ карты до пѣтуховъ, а баба дура зѣваетъ передъ окномъ [весь день]. Ну, шила бы рубахи! по крайней мѣрѣ ткала бы ковры! Все бы не пришла дурь въ голову! Натуральн(о) отъ бездѣлья придутъ въ голову балы! Чортъ побери!“ Такъ думалъ Чичиковъ, (говоря съ сердцовъ), точно какъ бы самъ никогда не игралъ до пѣтуховъ.

„Балы! балы!.. Сколько на платье да тряпки денегъ усадятъ! Сколько мужъ не дѣлаетъ каналь(ства), бездѣльничества и мерзостей, изъ-за того, чтобъ женѣ достать денегъ на нарядъ, а жена рядится затѣмъ, чтобы мужу же поставить рога!.. Балы!.. Чортъ побери, такъ перепутались всѣ, что не знаешь теперь, кто съ кѣмъ и живетъ... Все стало родня! Балы!.. Подумаешь, человѣкъ разумное животное, и этакъ проводитъ время! Одѣнется, какъ прилично взрослому

человѣку, а ногою дрыгъ, дрыгъ! (Видно, что весельчакъ! Народъ, по крайней мѣрѣ, если веселится, то вскрикиваетъ и присѣдаетъ. Видно, что веселится! А здѣсь (точно идетъ въ присутствіе), выступ(аетъ) мелочно. Дуракъ! — глядитъ сова-совою, а ногою дрягъ, точно какъ будто блохи кусаютъ его за ногу! Говорятъ другъ съ другомъ о сурьезномъ, а ногою — дрягъ, дрягъ!.. Развѣ это веселость!.. Балы!.. Намѣсто, чтобъ сидѣтъ по деревня(мъ), (заботиться о крестьянахъ), объ обработыван(іи) земли, разводить лѣсъ для (внуковъ), садъ воспитывать, крестьянъ учить, поучать народъ — вонъ соберутся всѣ въ городѣ!.. Балы! Въ губерніи голодъ, а они — балы! Вѣдь имѣнья небось вѣдь или закладываетъ, или продаетъ! (Всякъ лѣзетъ въ чиновники, чтобы на счетъ всѣхъ жить, а не на свой, чтобы кутить да пьянствовать!“ Такъ говорилъ Чичиковъ, какъ будто самъ былъ вовсе не охотникъ кутить и какъ будто тоже не хотѣлъ попить на счетъ другихъ).

Такъ бранилъ Чичиковъ съ досады балы.

Вновь найденныя страницы изъ 2 части „Мертвыхъ Душъ“ [1].

...„Всѣмъ жить на счетъ казны, сдѣлать себѣ доходныя мѣста изъ службы, изъ государства обратить въ богадѣльню, долженствующую ихъ всѣхъ кормить!.. Это устремленье въ ихъ ряды чиновниковъ и правителей, — вѣдь это(жъ, наконецъ, позвольте)!.. разсмотримъ же, кто же тогда останется въ рядахъ управляемыхъ? И станетъ ли средствъ управляемы(мъ) содержать громаду своихъ управляющихъ? Край (лишается) работающихъ рукъ. Земля не воздѣлыва(ется). Россія остается до сихъ поръ въ первоначальномъ пустынномъ видѣ. Нѣтъ, не возможно это — обратиться въ рыбарей и удить рыбу. Слѣдуетъ оставить заботу о частной и личной [жизни] и нужно вспомнить о бѣдной Россіи. Если мы сами не вспомнимъ, если мы сами дружнымъ усиліемъ не подымемъ... то никакія, геніальныя соображенія свыше... ни на какія средства и силы... Нѣтъ, слѣдуетъ обратить вниманіе, откуда всему начало злу... Нѣтъ, слѣдуетъ, наконецъ, не шутя подумать о томъ, какъ повести простую жи(знь), которая... Всѣ видятъ, даже и слѣпые, что взятки изъ желанья жить получше, сколько-нибудь сообр(азно)..., пользоваться всѣми удобствами и просвѣщенными прихотями нынѣшнихъ... Изъ-за этого и кражи, изъ-за этого и всѣ побужденія установить мѣста, будто бы необходимыя, будто обмануть немудрено! [Какіе] были представлены проекты объ установленіи новыхъ мѣстъ и какъ была ощутительно показана ихъ необходимость, что и я ихъ утвердилъ и представилъ на утвержд(еніе), я употребилъ во зло довѣріе, и послѣ уже нескоро увидѣлъ, что обманулъ своего благодѣтеля Государя, и я

[1] Изъ рѣчи генералъ-губернатора.

сталъ обманщикомъ! Сколько этакихъ явленій на всякомъ шагу!..

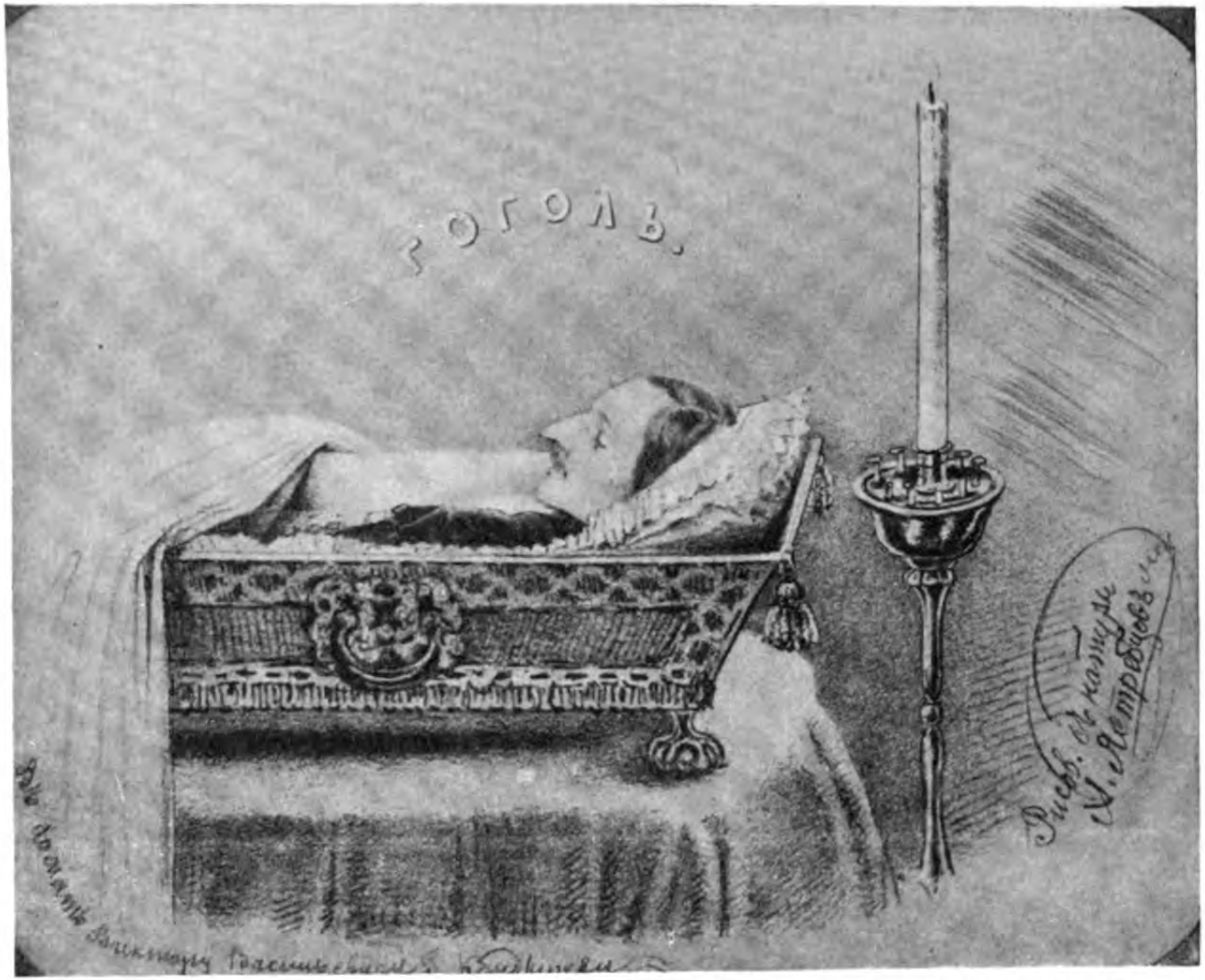
Нѣтъ, нельзя! Нужно положить, наконецъ, это(му) конецъ, нужно бросить этакую жизнь, [кото...] что, наконецъ, съ кражами и взятками не могутъ дойти до того, чтобы исполнять всѣ эти прихо(ти), условія, положенье свѣта. Ради несчастныхъ своихъ дочерей и со взятками и съ кражами вы теперь едва имѣете силы доставить это глупое несчастное воспитанье, котораго требуют(ъ) условія этой глупой жи(зни), которой никому изъ насъ не хочется бросить. Прежде всего обращаюсь къ богатымъ и состоятельны(мъ). Вамъ слѣдуетъ (показать) примѣръ. Уничтожьте мебели и всѣ прихоти. Заведите прост(о), хоть на нѣкоторое время, покуда не поправятся обстоятельства... — всѣ вы будете въ барышахъ; у васъ денегъ останется столько, что вы мог(ли) (бы) помочь и благотворить, — чего вы теперь, я знаю, не въ состояніи, — ни добраго дѣла не можете сдѣлать, потому что все [пошло на себя]. Что до меня, даю слово не заводить у себя никакого щегольского экипажа и на сам(омъ) парад(номъ) гуля(ньѣ) не буду иначе являться, какъ на извозчикѣ, и жена не надѣн(етъ) другого, кромѣ самаго обыкновеннаго, и на дочеряхъ моихъ не будетъ никогда платья свыше десяти рублей ассигн(аціями) и будетъ ими носиться до сносу, какія (бы) ни являлись картинки, хотя бы мода выворотила все навыворотъ. А вамъ, Петръ Николаевичъ, поручаю завести клубъ вовсе другого рода, такой, чтобы всѣмъ можно было войти [въ него], не разорившись. Объ этомъ посовѣтуйтесь съ Муразовымъ. Онъ найдетъ честнаго ресторана (sic). Стыдно въ провинціи, гдѣ припасы продаются на рынокъ за безцѣнокъ[...] обѣды со стола, чтобы не свыше... съ стола рубля ассигнаціями. Я очень знаю, что на эти деньги три, даже четыре блюда изъ свѣж(ей) провизіи изъ этого, что подъ рукой, безъ выписныхъ приправъ... А француза прошу выгнать вонъ. Это для него еще благодѣянье: если онъ поживетъ, онъ, дуракъ, обанкру(тится). Ему никто долговъ не заплотитъ... Самъ виноватъ — брать десятерную цѣну! Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что ему нужно составить капиталъ, на который можно ему будетъ потомъ хорошо (жить) въ Парижѣ. Онъ можетъ подкупать полицію..., но, какъ начальникъ, я этого не позволю, чтобъ это было на счетъ несчастной невоздержн(ости). Да и вообще прошу васъ употреб(лять) всѣ силы, чтобъ дать возможность всѣмъ мастеров(ымъ) производить работы дешевле. Объ этомъ прошу васъ переговорить съ Муразовымъ. Онъ тепе(рь) особенно занятъ классомъ мѣ-

щанъ и ремесленнико(въ), и многихъ уже образовалъ. Я увѣренъ, что если только уничтожить кое-какіе сборы, не позволить сборы, которые плотятъ въ полицію, то все будетъ гораздо... Но лучше, если полицейскіе, не дожидая(сь), ограничатъ свои поборы, потому что и къ нимъ теперь взываю, какъ русскимъ (по) сердцу, которымъ, полагаю, таки близка Россія. Жертва потребна общая отъ всѣхъ насъ, а не отъ одного кого-либо. Притомъ цѣны и дороговизна неминуемо д(олжны) упасть, стало быть, содержанье каждаго станетъ дешевле. Наконецъ, я умоляю прекращать всѣ тяж(бы) между (собою миромъ), не вмѣши(ва)ть правительства (и) не давать пищи ябедѣ, размноженію дѣлъ и вмѣстѣ съ ними новыхъ должностей и нов(ыхъ) чиновниковъ, которые, бѣдные, противъ воли должны быть чужеядными растеніями. Лучше прибѣгать, по старому русскому обычаю, къ простому третейскому суду и, выбравши изъ себя людей, извѣстныхъ честностью и справедливостью, предоставить на ихъ судъ, какъ они рѣшатъ теп(ерь), — тогда во всякомъ случаѣ даже и тотъ, кто проиграетъ, будетъ въ барышахъ, въ сравненіи съ тѣм(ъ), что онъ издержитъ по судамъ и всякимъ мытарс(твамъ), которыя могутъ проволочить его до глубокой старости и отравить на(вѣчно) всю его жизнь. Но я надѣюсь, что судъ будетъ безобиденъ. Если же въ затруднительномъ дѣлѣ, — то я вамъ совѣтую предоставить (дѣло) на судъ человѣка, котораго я не назову, но вы его угадаете, — чья безукоризненная жизнь и дѣятельность, полная добрыхъ подвиговъ, скажетъ самом... Очень можетъ быть, что мы этимъ нечувствит(ельно) достигнемъ до того, до чего нельзя достигнуть никакими мудрѣйшими распоряженіями правительства, то есть до уничтоженья всѣхъ этихъ временныхъ комиссій и комитетовъ, которые мы вся(кими) происками постарались обратить въ непремѣнные. По крайней мѣрѣ, это долгъ нашъ; мы должны объ (этомъ) всѣ стараться до единаго, какъ сыны земли, какъ преданные и присягнувшіе именемъ Бога служить вѣрно землѣ. Очень можетъ быть, что и теперь, послѣ твердой нашей рѣшимости, уменьшится количество дѣлъ и всякихъ бумажныхъ производствъ. Но тѣмъ не менѣе прошу всѣхъ исполнить въ точности: въ свое время быть въ присутствіи и въ свое время выходить изъ присутствія. Только прошу всѣхъ правителей канцеляріи не заводить этого педантства, этого наружнаго лицемѣрства, то есть чтобы каждый к а з а л с я занимающимся дѣломъ. Нѣтъ! достаточно, если онъ присутству(етъ). Нѣтъ, если нѣтъ дѣла, онъ можетъ читать полезную книгу, и пусть это

будетъ его ученый кабинетъ, пусть хоть здѣсь прочтутс(я) тѣ книги, которыя дѣлаютъ человѣка степеннымъ, разсудительнымъ, приготовляютъ изъ него будущаго государственна(го) мужа и сына земли своей. Съ завтрашня(го) же дни будетъ доставлено отъ меня во всѣ отдѣленія присутствія по экземпляру Библ(іи), по экземпляру русскихъ лѣтописей, и три, четыре классика, первыхъ всемірныхъ поэт(овъ), вѣрныхъ лѣтописцевъ своей жизни. Я радъ, что имѣю сдѣлать это пожертвованье отъ себя насчетъ нѣкоторыхъ ограничен(ій). Чувствую, что это важно. Въ послѣднее время головы всѣхъ насъ вывѣтрились отъ это(го) пустого чтенія минутныхъ романовъ [и отъ] водевилей, (которое) извращало на-изнанку жизнь, мысли, мнѣнья и понятья. Что, право, пора прочесть то, что прежде всего сл(ѣдуетъ). Къ стыду, у насъ, можетъ быть, едва отыщется чело(вѣкъ), который бы прочелъ Библію, тогда какъ эта книга (существуетъ) затѣмъ, чтобы читаться вѣчно, — не въ какомъ-либо религіозномъ отношеніи, нѣтъ! — изъ любопыт(ства), какъ памятникъ народа, всѣхъ превзошедшаго въ мудрости, поэзіи, законодательствѣ, котор(ую) и невѣрующіе, и язычники считаютъ высш(имъ) созданьемъ ума, учителемъ жизни и мудрости. Какъ же намъ требовать еще, чтобы изъ насъ выходили мужи, способные дѣйств(овать) обдуманно и поступать! какъ удивляются, что безпрестанно выходятъ скороспѣлки, выскочки, непостоянные, легкіе люди, неугомонные коверкатели, опрометчивые нововводители, безсильные владѣтели страстей!..

Нѣтъ, я обращаюсь къ вамъ. Не о себѣ пожалѣемъ, но пожалѣемъ о дѣтяхъ, которыхъ мы, бросивъ въ [чужія] руки... и которыхъ знать не хотимъ, тогда какъ кто лучшимъ бы могъ быть воспитателемъ сына, какъ не отецъ? Да, ничего болѣе, кромѣ только разумное чтеніе съ ними этихъ книгъ, сочиненій, образующихъ уже изъ млада сильный характеръ, познанье жизни, познанье земли своей. Уже было (бы) въ нѣсколько разъ полезнѣе всей этой истрачиваемой кучи денегъ на учителей съ ра(з)ными взглядами... понятіями, со всѣхъ сторонъ загружающими до того голову, что онъ, наконецъ, не узнаетъ до поздней старости, было ли въ немъ какое-нибудь собственное мнѣ(ніе) или мысль, и готовъ, какъ послушная овца, послѣдов(ать) за первымъ крикуномъ, за первой необдуманной брошюр(ой). И будто бы уже отецъ, который самъ учился и (въ корпусѣ) и въ университ(етѣ), не могъ самъ приготов(ить) своего сына въ заведеніе, когда и программа и (все) напечатано повсюду въ извѣстность... Времени нѣтъ! Но вѣдь для

картъ есть у насъ время! Да въ два вечера посреди своей семьи безъ книги можно дать поня(тіе) о всей наукѣ, то есть все содерж(аніе), въ чемъ она состоитъ и для чего намъ нужна, — словомъ, дать ее почувствовать, такъ что и жена и дочери выслушаютъ, а въ сынѣ возродится жела(нье) и любопытство прочесть и пополнить самому... И ничего собствен(но) кромѣ собственнаго удовольствія и собственнаго на(шего) вразумленья не доставили бы намъ такіе вечера. Нѣтъ, мы... страшнымъ оскорбительнымъ упрекомъ оскорбитъ насъ негодующее потомство и праведный гнѣвъ пора(зитъ), что еще... играя, какъ игрушкой, святымъ словомъ просвѣщенья, правились швеями, парикма(херами), модами дерзали поставить выше мужественныхъ (предковъ). . . . . Я это говорю, потому что такъ чувствую и считаю долгомъ сказать вамъ все, что чувству(ю). Въ минуту прощанія, которая все-таки торжественна, — можетъ быть, увидимся, а, можетъ быть, и не увидим(ся) — не слѣдуетъ говорить пустыхъ вещей. Могутъ надъ моимъ словомъ и надо мной посмѣяться, у кого дост(анетъ) духу посмѣяться. Но я знаю, что тѣ, которы(мъ) дорого счастье земли, которые еще русскіе въ глуб(инѣ) и не успѣли вывѣтриться, — тѣ согласятся со многи(мъ) изъ того, что я говорю. Повторяю еще разъ: „я буду о всѣхъ хлопотать, и всѣмъ до единаго буду старать(ся) испросить прощеніе“, — стало быть, я имѣю нѣкоторое право потребовать отъ васъ взвѣсить ихъ (?) хорошенько и подумать объ это(мъ)“.



Н. В. Гоголь. V.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Гоголь въ гробу.

(Съ рисунка Ястребцова.)

Повѣсти.

Носъ.

I.

Марта 25-го числа случилось въ Петербургѣ необыкновенно странное происшествіе. Цирюльникъ Иванъ Яковлевичъ, живущій на Вознесенскомъ проспектѣ (фамилія его утрачена, и даже на вывѣскѣ его — гдѣ изображенъ господинъ съ намыленною щекою и надписью: „И к р о в ь о т в о р я ю т ъ“ — не выставлено ничего болѣе), цирюльникъ Иванъ Яковлевичъ проснулся довольно рано и услышалъ запахъ горячаго хлѣба. Приподнявшись немного на кровати, онъ увидѣлъ, что супруга его, довольно почтенная дама, очень любившая пить кофе, вынимала изъ печи только что испеченные хлѣбы.

— Сегодня я, Прасковья Осиповна, не буду пить кофію, — сказалъ Иванъ Яковлевичъ, — а вмѣсто того хочется мнѣ съѣсть горячаго хлѣбца съ лукомъ. (То есть, Иванъ Яковлевичъ хотѣлъ бы и того, и другого, но зналъ, что было совершенно невозможно требовать двухъ вещей разомъ, ибо Прасковья Осиповна очень не любила такихъ прихотей.)

„Пусть дуракъ ѣстъ хлѣбъ, мнѣ же лучше“, подумала про себя супруга: „останется кофею лишняя порція“, и бросила одинъ хлѣбъ на столъ.

Иванъ Яковлевичъ для приличія надѣлъ сверхъ

рубашки фракъ и, усѣвшись передъ столомъ, насыпалъ соль, приготовилъ двѣ головки луку, взялъ въ руки ножъ и, сдѣлавши значительную мину, принялся рѣзать хлѣбъ. Разрѣзавши хлѣбъ на двѣ половины, онъ поглядѣлъ въ середину — и, къ удивленію своему, увидѣлъ что то бѣлѣвшееся. Иванъ Яковлевичъ ковырнулъ осторожно ножомъ и пощупалъ пальцемъ. „Плотное!“ сказалъ онъ самъ про себя: „что бы это такое было?“

Онъ засунулъ пальцы и вытащилъ — носъ!.. Иванъ Яковлевичъ и руки опустилъ; сталъ протирать глаза и щупать: носъ, точно, носъ! и еще, казалось, какъ будто чей то знакомый. Ужасъ изобразился на лицѣ Ивана Яковлевича. Но этотъ ужасъ былъ ничто противъ негодованія, которое овладѣло его супругою.

— Гдѣ это ты, звѣрь, отрѣзалъ носъ? — закричала она съ гнѣвомъ. — Мошенникъ! пьяница! я сама на тебя донесу полиціи. Разбойникъ какой! Вотъ ужъ я отъ трехъ человѣкъ слышала, что ты во время бритья такъ теребишь за носы, что еле держатся.

Но Иванъ Яковлевичъ былъ ни живъ, ни мертвъ: онъ узналъ, что этотъ носъ былъ не чей другой, какъ коллежскаго ассессора Ковалева, котораго онъ брилъ каждую середу и воскресенье.

— Стой, Прасковья Осиповна! Я заверну его въ тряпочку и положу въ уголокъ: пусть тамъ маленечко полежитъ, а послѣ его вынесу.

— И слушать не хочу! Чтобы я позволила у себя въ комнатѣ лежать отрѣзанному носу!.. Сухарь поджаристый! знай умѣетъ только бритвой возить по ремню, а долга своего скоро совсѣмъ не въ состояніи будетъ исполнять, потаскушка, негодяй! Чтобы я стала за тебя отвѣчать полиціи?.. Ахъ ты пачкунъ, бревно глупое! Вонъ его! Вонъ! Неси, куда хочешь! чтобы я духу его не слыхала!

Иванъ Яковлевичъ стоялъ совершенно какъ

убитый. Онъ думалъ, думалъ — и не зналъ, что подумать.

— Чортъ его знаетъ, какъ это сдѣлалось, — сказалъ онъ, наконецъ, почесавъ рукою за ухомъ: — пьянъ ли я вчера возвратился, или нѣтъ, ужъ навѣрное сказать не могу. А по всѣмъ примѣтамъ, должно быть, происшествіе несбыточное, ибо хлѣбъ — дѣло печеное, а носъ совсѣмъ не то. Ничего не разберу!

Иванъ Яковлевичъ замолчалъ. Мысль о томъ, что полицейскіе отыщутъ у него носъ и обвинятъ его, привела его въ совершенное безпамятство. Уже ему мерещился алый воротникъ, красиво вышитый серебромъ, шпага... и онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Наконецъ, досталъ онъ свое исподнее платье и сапоги, натащилъ на себя всю эту дрянь и, сопровождаемый нелегкими увѣщаніями Прасковьи Осиповны, завернулъ носъ въ тряпку и вышелъ на улицу.

Онъ хотѣлъ его куда-нибудь подсунуть: или въ тумбу подъ воротами, или такъ какъ-нибудь нечаянно выронить да и повернуть въ переулокъ. Но, на бѣду, ему попадался какой-нибудь знакомый человѣкъ, который начиналъ тотчасъ запросомъ: „Куда идешь?“ или: „Кого такъ рано собрался брить?“, такъ что Иванъ Яковлевичъ никакъ не могъ улучить минуты. Въ другой разъ онъ уже совсѣмъ уронилъ его; но будочникъ еще издали указалъ ему алебардою, примолвивъ: „подыми, вонъ ты что то уронилъ!“, и Иванъ Яковлевичъ долженъ былъ поднять носъ и спрятать его въ карманъ. Отчаяніе овладѣло имъ, тѣмъ болѣе, что народъ безпрестанно умножался на улицѣ, по мѣрѣ того, какъ начали отпираться магазины и лавочки.

Онъ рѣшился идти къ Исакіевскому мосту: не удастся ли какъ-нибудь швырнуть его въ Неву?.. Но я нѣсколько виноватъ, что до сихъ поръ не

сказалъ ничего объ Иванѣ Яковлевичѣ, человѣкѣ почтенномъ во многихъ отношеніяхъ.

Иванъ Яковлевичъ, какъ всякій порядочный русскій мастеровой, былъ пьяница страшный, и хотя каждый день брилъ чужіе подбородки, но его собственный былъ у него вѣчно небритъ. Фракъ у Ивана Яковлевича (Иванъ Яковлевичъ никогда не ходилъ въ сюртукѣ) былъ пѣгій, то есть онъ былъ черный, но весь въ коричнево-желтыхъ и сѣрыхъ яблокахъ; воротникъ лоснился; а вмѣсто трехъ пуговицъ висѣли однѣ только ниточки. Иванъ Яковлевичъ былъ большой циникъ, и когда коллежскій ассессоръ Ковалевъ обыкновенно говорилъ ему во время бритья: „у тебя, Иванъ Яковлевичъ, вѣчно воняютъ руки!“ то Иванъ Яковлевичъ отвѣчалъ на это вопросомъ: „Отчего жъ бы имъ вонять?“ — „Не знаю, братецъ, только воняютъ“, говорилъ коллежскій ассессоръ, и Иванъ Яковлевичъ, понюхавши табаку, мылилъ ему за это и на щекѣ, и подъ носомъ, и за ухомъ, и подъ бородою — однимъ словомъ, гдѣ только ему была охота.

Этотъ почтенный гражданинъ находился уже на Исакіевскомъ мосту. Онъ прежде всего осмотрѣлся, потомъ нагнулся на перила, будто бы посмотрѣть подъ мостъ, много ли рыбы бѣгаетъ, и швырнулъ потихоньку тряпку съ носомъ. Онъ почувствовалъ, какъ будто бы съ него разомъ свалилось десять пудовъ. Иванъ Яковлевичъ даже усмѣхнулся. Вмѣсто того, чтобы идти брить чиновничьи подбородки, онъ отправился въ заведеніе съ надписью: „Кушанье и чай“, спросить стаканъ пуншу, какъ вдругъ замѣтилъ въ концѣ моста квартальнаго надзирателя, благородной наружности, съ широкими бакенбардами, въ треугольной шляпѣ, со шпагою. Онъ обмеръ; а между тѣмъ квартальный кивалъ ему пальцемъ и говорилъ:

— А подойди сюда, любезный!

Иванъ Яковлевичъ, зная форму, снялъ издали еще картузъ и, подошедши проворно, сказалъ:

— Желаю здравія вашему благородію!

— Нѣтъ, нѣтъ, братецъ, не благородію, — скажи-ка: что ты тамъ дѣлалъ, стоя на мосту?

— Ей Богу, сударь, ходилъ брить, да посмотрѣлъ только, шибко ли рѣка идетъ.

— Врешь, врешь! Этимъ не отдѣлаешься. Изволь-ка отвѣчать!

— Я вашу милость два раза въ недѣлю, или даже три, готовъ брить безъ всякаго прекословія, — отвѣчалъ Иванъ Яковлевичъ.

— Нѣтъ, пріятель, это пустяки! Меня три цирюльника бреютъ, да еще и за большую честь почитаютъ. А вотъ изволь-ка разсказать, что ты тамъ дѣлалъ?

Иванъ Яковлевичъ поблѣднѣлъ... Но здѣсь происшествіе совершенно закрывается туманомъ, и что далѣе произошло, рѣшительно ничего не извѣстно.

II.

Коллежскій ассессоръ Ковалевъ проснулся довольно рано и сдѣлалъ губами: „брр“... — что всегда онъ дѣлалъ, когда просыпался, хотя и самъ не могъ растолковать, по какой причинѣ. Ковалевъ потянулся, приказалъ себѣ подать небольшое, стоявшее на столѣ, зеркало. Онъ хотѣлъ взглянуть на прыщикъ, который вчерашнимъ вечеромъ вскочилъ у него на носу; но, къ величайшему изумленію, увидѣлъ, что у него, вмѣсто носа, совершенно гладкое мѣсто! Испугавшись, Ковалевъ велѣлъ подать воды и протеръ полотенцемъ глаза: точно, нѣтъ носа! Онъ началъ щупать рукою, ущипнулъ себя, чтобы узнать, не спитъ ли онъ: кажется, не спитъ. Коллежскій ассессоръ Ковалевъ вскочилъ съ кровати, встряхнулся, — все нѣтъ

носа!.. Онъ велѣлъ тотчасъ подать себѣ одѣться и полетѣлъ прямо къ оберъ-полицеймейстеру.

Но между тѣмъ необходимо сказать что-нибудь о Ковалевѣ, чтобы читатель могъ видѣть, какого рода былъ этотъ коллежскій ассессоръ. Коллежскихъ ассессоровъ, которые получаютъ это званіе съ помощью ученыхъ аттестатовъ, никакъ нельзя сравнивать съ тѣми коллежскими ассессорами, которые дѣлались на Кавказѣ. Это два совершенно особенные рода. Ученые коллежскіе ассессора... Но Россія такая чудная земля, что если скажешь что-нибудь объ одномъ коллежскомъ ассессорѣ, то всѣ коллежскіе ассессора, отъ Риги до Камчатки, непремѣнно примутъ на свой счетъ; то же разумѣй и о всѣхъ званіяхъ и чинахъ. Ковалевъ былъ кавказскій коллежскій ассессоръ. Онъ два года только еще состоялъ въ этомъ званіи и потому ни на минуту не могъ его позабыть; а чтобы еще болѣе придать себѣ благородства и вѣса, онъ никогда не называлъ себя просто коллежскимъ ассессоромъ, но всегда маіоромъ.

— Послушай, голубушка, — говорилъ онъ обыкновенно, встрѣтивши на улицѣ бабу, продававшую манишки, — ты приходи ко мнѣ на домъ; квартира моя по Садовой; спроси только: здѣсь живетъ маіоръ Ковалевъ? — тебѣ всякій покажетъ.

Если же встрѣчалъ какую-нибудь смазливенькую, то давалъ ей сверхъ того секретное приказаніе, прибавляя:

— Ты спроси, душенька, квартиру маіора Ковалева.

Но этому то самому и мы будемъ впередъ этого коллежскаго ассессора называть маіоромъ.

Маіоръ Ковалевъ имѣлъ обыкновеніе каждый день прохаживаться по Невскому проспекту. Воротничокъ его манишки былъ всегда чрезвычайно чистъ и накрахмаленъ. Бакенбарды у него были такого рода, какія и теперь еще можно видѣть у

губернскихъ и уѣздныхъ землемѣровъ, у архитекторовъ и полковыхъ докторовъ, также у отправляющихъ разныя обязанности и, вообще, у всѣхъ тѣхъ мужей, которые имѣютъ полныя, румяныя щеки и очень хорошо играютъ въ бостонъ: эти бакенбарды идутъ по самой срединѣ щеки и прямёхонько доходятъ до носа. Маіоръ Ковалевъ носилъ множество печатокъ сердоликовыхъ — и съ гербами, и такихъ, на которыхъ было вырѣзано: середа, четвергъ, понедѣльникъ и проч. Маіоръ Ковалевъ пріѣхалъ въ Петербургъ по надобности, а именно — искать приличнаго своему званію мѣста: если удастся, то вице-губернаторскаго, а не то — экзекуторскаго въ какомъ-нибудь видномъ департаментѣ. Маіоръ Ковалевъ былъ не прочь и жениться, но только въ такомъ случаѣ, когда за невѣстою случится двѣсти тысячъ капиталу. И потому читатель теперь можетъ судить самъ, каково было положеніе этого маіора, когда онъ увидѣлъ, вмѣсто довольно недурного умѣреннаго носа, преглупое, ровное и гладкое мѣсто.

Какъ на бѣду, ни одинъ извозчикъ не показывался на улицѣ, и онъ долженъ былъ идти пѣшкомъ, закутавшись въ свой плащъ и закрывши платкомъ лицо, показывая видъ, какъ будто у него шла кровь. — „Но авось — либо мнѣ такъ представилось: не можетъ быть, чтобы носъ пропалъ сдуру“, подумалъ онъ и зашелъ въ кондитерскую нарочно съ тѣмъ, чтобы посмотрѣться въ зеркало. Къ счастію, въ кондитерской никого не было: мальчишки мели комнаты и разставляли стулья; нѣкоторые съ сонными глазами выносили на подносахъ горячіе пирожки; на столахъ и стульяхъ валялись залитыя кофіемъ вчерашнія газеты. „Ну, слава Богу, никого нѣтъ“, произнесъ онъ: „теперь можно поглядѣть“. Онъ робко подошелъ къ зеркалу и взглянулъ. „Чортъ знаетъ что, какая дрянь!“ произ-

несъ онъ, плюнувши: „хотя бы уже что-нибудь было вмѣсто носа, а то ничего!..“

Съ досадою, закусивши губы, вышелъ онъ изъ кондитерской и рѣшился, противъ своего обыкновенія, не глядѣть ни на кого и никому не улыбаться. Вдругъ онъ сталъ, какъ вкопанный, у дверей одного дома; въ глазахъ его произошло явленіе неизъяснимое: передъ подъѣздомъ остановилась карета; дверцы отворились; выпрыгнулъ, согнувшись, господинъ въ мундирѣ и побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ. Каковъ же былъ ужасъ и вмѣстѣ изумленіе Ковалева, когда онъ узналъ, что это былъ — собственный его носъ! При этомъ необыкновенномъ зрѣлищѣ, казалось ему, все переворотилось у него въ глазахъ; онъ чувствовалъ, что едва могъ стоять; но рѣшился, во что бы ни стало, ожидать его возвращенія въ карету, весь дрожа, какъ въ лихорадкѣ. Черезъ двѣ минуты носъ дѣйствительно вышелъ. Онъ былъ въ мундирѣ, шитомъ золотомъ, съ большимъ стоячимъ воротникомъ; на немъ были замшевыя панталоны; при боку шпага. По шляпѣ съ плюмажемъ можно было заключить, что онъ считался въ рангѣ статскаго совѣтника. По всему замѣтно было, что онъ ѣхалъ куда-нибудь съ визитомъ. Онъ поглядѣлъ на обѣ стороны, закричалъ кучеру: „Подавай!“ сѣлъ и уѣхалъ.

Бѣдный Ковалевъ чуть не сошелъ съ ума. Онъ не зналъ, какъ и подумать объ такомъ странномъ происшествіи. Какъ же можно въ самомъ дѣлѣ, чтобы носъ, который еще вчера былъ у него на лицѣ и не могъ ни ѣздить, ни ходить, былъ въ мундирѣ! Онъ побѣжалъ за каретою, которая, къ счастію, проѣхала недалеко и остановилась передъ Гостинымъ дворомъ.

Онъ поспѣшилъ туда, пробрался сквозь рядъ нищихъ-старухъ съ завязанными лицами и двумя отверзтіями для глазъ, надъ которыми онъ прежде

такъ смѣялся. Народу было немного. Ковалевъ чувствовалъ себя въ такомъ разстроенномъ состояніи, что ни на что̀ не могъ рѣшиться, и искалъ глазами этого господина по всѣмъ угламъ; наконецъ, увидѣлъ его, стоявшаго передъ лавкою. Носъ спряталъ совершенно лицо свое въ большой стоячій воротникъ и съ глубокимъ вниманіемъ разсматривалъ какіе то товары.

„Какъ подойти къ нему?“ думалъ Ковалевъ. „По всему — по мундиру, по шляпѣ — видно, что онъ статскій совѣтникъ. Чортъ его знаетъ, какъ это сдѣлать!“

Онъ началъ около него покашливать; но носъ ни на минуту не оставлялъ своего положенія.

— Милостивый государь, — сказалъ Ковалевъ, внутренно принуждая себя ободриться, — милостивый государь...

— Что вамъ угодно? — отвѣчалъ носъ, оборотившись.

— Мнѣ странно, милостивый государь... мнѣ кажется... Вы должны знать свое мѣсто. И вдругъ я васъ нахожу, и гдѣ же?.. Согласитесь...

— Извините меня, я не могу взять въ толкъ, о чемъ вы изволите говорить... Объяснитесь.

„Какъ мнѣ ему объяснить?“ подумалъ Ковалевъ и, собравшись съ духомъ, началъ:

— Конечно, я... впрочемъ, я маіоръ. Мнѣ ходить безъ носа, согласитесь, это неприлично. Какой-нибудь торговкѣ, которая продаетъ на Воскресенскомъ мосту очищенные апельсины, можно сидѣть безъ носа; но, имѣя въ виду получить... притомъ, будучи во многихъ домахъ знакомъ съ дамами: Чехтарева, статская совѣтница, и другія... Вы посудите сами... Я не знаю, милостивый государь (при этомъ маіоръ Ковалевъ пожалъ плечами)... извините... если на это смотрѣть сообразно съ правилами долга и чести... вы сами можете понять...

— Ничего рѣшительно не понимаю, — отвѣчалъ носъ. — Изъяснитесь удовлетворительнѣе.

— Милостивый государь, — сказалъ Ковалевъ съ чувствомъ собственнаго достоинства, — я не знаю, какъ понимать слова ваши... Здѣсь все дѣло, кажется, совершенно очевидно... или вы хотите... Вѣдь вы — мой собственный носъ!

Носъ посмотрѣлъ на маіора, и брови его нѣсколько нахмурились.

— Вы ошибаетесь, милостивый государь: я самъ по себѣ. Притомъ между нами не можетъ быть никакихъ тѣсныхъ отношеній. Судя по пуговицамъ вашего вицъ-мундира, вы должны служить по другому вѣдомству. — Сказавши это, носъ отвернулся.

Ковалевъ совершенно смѣшался, не зная, что дѣлать и что даже подумать. Въ это время послышался пріятный шумъ дамскаго платья: подошла пожилая дама, вся убранная кружевами, и съ нею тоненькая, въ бѣломъ платьѣ, очень мило рисовавшемся на ея стройной таліи, въ палевой шляпкѣ, легкой, какъ пирожное. За ними остановился и открылъ табакерку высокій гайдукъ съ большими бакенбардами и цѣлой дюжиной воротниковъ.

Ковалевъ подступилъ поближе, высунулъ батистовый воротничокъ манишки, поправилъ висѣвшія на золотой цѣпочкѣ свои печатки и, улыбаясь по сторонамъ, обратилъ вниманіе на легонькую даму, которая, какъ весенній цвѣточекъ, слегка наклонялась и подносила ко лбу свою бѣленькую ручку съ полупрозрачными пальцами. Улыбка на лицѣ Ковалева раздвинулась еще далѣе, когда онъ увидѣлъ изъ-подъ шляпки ея кругленькій, яркой бѣлизны подбородокъ и часть щеки, осѣненной цвѣтомъ первой весенной розы; но вдругъ онъ отскочилъ, какъ будто бы обжегшись. Онъ вспомнилъ, что у него, вмѣсто носа, совершенно нѣтъ

ничего, и слезы выжались изъ глазъ его. Онъ оборотился съ тѣмъ, чтобы напрямикъ сказать господину въ мундирѣ, что онъ только прикинулся статскимъ совѣтникомъ, что онъ плутъ и подлецъ и что онъ больше ничего, какъ только его собственный носъ... Но носа уже не было: онъ успѣлъ ускакать, вѣроятно, опять къ кому-нибудь съ визитомъ.

Это повергло Ковалева въ отчаяніе. Онъ пошелъ назадъ и остановился съ минуту подъ колоннадою, тщательно смотря во всѣ стороны, не попадется ли гдѣ носъ. Онъ очень хорошо помнилъ, что шляпа на немъ была съ плюмажемъ и мундиръ съ золотымъ шитьемъ; но шинели не замѣтилъ, ни цвѣта его кареты, ни лошадей, ни даже того, былъ ли у него сзади какой-нибудь лакей и въ какой ливреѣ. Притомъ каретъ неслось такое множество взадъ и впередъ и съ такою быстротою, что трудно было даже примѣтить; но еслибы и примѣтилъ онъ какую-нибудь изъ нихъ, то не имѣлъ бы никакихъ средствъ остановить. День былъ прекрасный и солнечный. На Невскомъ народу была тьма; дамъ цѣлый цвѣточный водопадъ сыпался по всему тротуару, начиная отъ Полицейскаго до Аничкина моста. Вонъ и знакомый ему надворный совѣтникъ идетъ, котораго онъ называлъ подполковникомъ, особливо, ежели то случалось при постороннихъ. Вонъ и Ярыжкинъ, столоначальникъ въ сенатѣ, большой пріятель его, который вѣчно въ бостонѣ обремизивался, когда игралъ восемь. Вонъ и другой маіоръ, получившій на Кавказѣ ассессорство, махаетъ рукой, чтобы шелъ къ нему...

„А, чортъ возьми!“ сказалъ Ковалевъ. „Эй, извозчикъ, вези прямо къ полицеймейстеру!“

Ковалевъ сѣлъ въ дрожки и только покрикивалъ извозчику: „Валяй во всю ивановскую!“

— У себя полицеймейстеръ? — вскричалъ онъ, взошедши въ сѣни.

— Никакъ нѣтъ, — отвѣчалъ привратникъ: — только что уѣхали.

— Вотъ тебѣ разъ!

— Да, — прибавилъ привратникъ, — а оно и не такъ давно, но уѣхалъ; минуточкой бы пришли раньше, то, можетъ, и застали бы дома.

Ковалевъ, не отнимая платка отъ лица, сѣлъ на извозчика и закричалъ отчаяннымъ голосомъ: „пошелъ!“

— Куда? — сказалъ извозчикъ.

— Пошелъ прямо!

— Какъ — прямо? тутъ поворотъ: направо или налѣво?

Этотъ вопросъ остановилъ Ковалева и заставилъ его опять подумать. Въ его положеніи слѣдовало ему прежде всего отнестись въ управу благочинія, не потому, что оно имѣло прямое отношеніе къ полиціи, но потому, что ея распоряженія могли быть гораздо быстрѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; искать же удовлетворенія по начальству того мѣста, при которомъ носъ объявилъ себя служащимъ, было бы безразсудно, потому что изъ собственныхъ отвѣтовъ носа уже можно было видѣть, что для этого человѣка ничего не было священнаго, и онъ могъ такъ же солгать и въ этомъ случаѣ, какъ солгалъ, увѣряя, что онъ никогда не видался съ нимъ. Итакъ, Ковалевъ уже хотѣлъ было приказать ѣхать въ управу благочинія, какъ опять пришла мысль ему, что этотъ плутъ и мошенникъ, который поступилъ уже при первой встрѣчѣ такимъ безсовѣстнымъ образомъ, могъ опять удобно, пользуясь временемъ, какънибудь улизнуть изъ города, — и тогда всѣ искания будутъ тщетны, или могутъ продолжиться, чего Боже сохрани, на цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ, казалось, само Небо вразумило его. Онъ рѣшился отнестись прямо въ газетную экспедицію и заблаговременно сдѣлать публикацію съ обстоятельнымъ

описаніемъ всѣхъ его качествъ, дабы всякій встрѣтившійся съ нимъ могъ въ ту же минуту его представить къ нему или, по крайней мѣрѣ, дать знать о мѣстѣ его пребыванія. Итакъ, онъ, рѣшивъ на этомъ, велѣлъ извозчику ѣхать въ газетную экспедицію и во всю дорогу не переставалъ его тузить кулакомъ въ спину, приговаривая:

— Скорѣй, подлецъ! Скорѣй, мошенникъ!

— Эхъ, баринъ! — говорилъ извозчикъ, потряхивая головой и стегая вожжой свою лошадь, на которой шерсть была длинная, какъ на болонкѣ.

Дрожки, наконецъ, остановились, и Ковалевъ, запыхавшись, вбѣжалъ въ небольшую пріемную комнату, гдѣ сѣдой чиновникъ, въ старомъ фракѣ и въ очкахъ, сидѣлъ за столомъ и, взявши въ зубы перо, считалъ принимаемыя мѣдныя деньги.

— Кто здѣсь принимаетъ объявленія? — закричалъ Ковалевъ. — А, здравствуйте!

— Мое почтеніе, — сказалъ сѣдой чиновникъ, поднявши на минуту глаза и опустивши ихъ снова на разложенныя кучи денегъ.

— Я желаю припечатать...

— Позвольте, прошу немножко повременить, — произнесъ чиновникъ, ставя одною рукою цифру на бумагѣ и передвигая пальцемъ лѣвой руки два очка на счетахъ. Лакей съ галунами и съ довольно чистою наружностію, показывавшею пребываніе его въ аристократическомъ домѣ, стоялъ возлѣ стола съ запискою въ рукахъ и почелъ приличнымъ показать свою общежительность: — Повѣрите ли, сударь, что собачонка не стоитъ восьми гривенъ, т. е. я не далъ бы за нее и восьми грошей; а графиня любитъ, ей Богу, любитъ, — и вотъ, тому, кто ее отыщетъ, сто рублей! Если сказать по приличію, то вотъ такъ, какъ мы теперь съ вами, вкусы людей совсѣмъ несовмѣстны: ужъ когда охотникъ, то держи лягавую собаку

или пуделя; не пожалѣй пятисотъ, тысячу дай, но зато ужъ, чтобъ была собака хорошая.

Почтенный чиновникъ слушалъ это съ значительною миною и въ то же время занимался смѣтою, сколько буквъ въ принесенной запискѣ. По сторонамъ стояло множество старухъ, купеческихъ сидѣльцевъ и дворниковъ съ записками. Въ одной значилось, что отпускается въ услуженіе кучеръ трезваго поведенія; въ другой — малоподержанная коляска, вывезенная въ 1814 году изъ Парижа; тамъ отпускалась дворовая дѣвка 19 лѣтъ, упражнявшаяся въ прачешномъ дѣлѣ, годная и для другихъ работъ; прочныя дрожки безъ одной рессоры; молодая горячая лошадь въ сѣрыхъ яблокахъ, семнадцати лѣтъ отъ роду; новыя, полученныя изъ Лондона, сѣмена рѣпы и редиса; дача со всѣми угодьями: двумя стойлами для лошадей и мѣстомъ, на которомъ можно развести превосходный березовый или еловый садъ; тамъ же находился вызовъ желающихъ купить старыя подошвы, съ приглашеніемъ явиться къ переторжкѣ каждый день отъ 8 до 3 часовъ утра. Комната, въ которой помѣщалось все это общество, была маленькая, и воздухъ въ ней былъ чрезвычайно густъ; но коллежскій ассессоръ Ковалевъ не могъ слышать запаха, потому что закрылся платкомъ, и потому что самый носъ его находился, Богъ знаетъ, въ какихъ мѣстахъ.

— Милостивый государь, позвольте васъ попросить... мнѣ очень нужно, — сказалъ онъ, наконецъ, съ нетерпѣніемъ.

— Сейчасъ, сейчасъ... Два рубля сорокъ три копейки!.. Сію минуту... Рубль шестьдесятъ четыре копейки! — говорилъ сѣдовласый господинъ, бросая старухамъ и дворникамъ записки въ глаза. — Вамъ что угодно? — наконецъ, сказалъ онъ, обратившись къ Ковалеву.

— Я прошу... — сказалъ Ковалевъ, — слу-

чилось мошенничество или плутовство — я до сихъ поръ не могу никакъ узнать. Я прошу только припечатать, что тотъ, кто ко мнѣ этого подлеца представитъ, получитъ достаточное вознагражденіе.

— Позвольте узнать, какъ ваша фамилія?

— Нѣтъ, зачѣмъ же фамилію? мнѣ нельзя сказать ее. У меня много знакомыхъ: Чехтарева, статская совѣтница, Пелагея Григорьевна Подточина, штабъ-офицерша... Вдругъ узнаютъ, Боже сохрани! Вы можете просто написать: коллежскій ассессоръ, или, еще лучше, состоящій въ маіорскомъ чинѣ.

— А сбѣжавшій былъ вашъ дворовый человѣкъ?

— Какое дворовый человѣкъ! это бы еще не такое большое мошенничество! Сбѣжалъ отъ меня... носъ...

— Гм! какая странная фамилія! И на большую сумму этотъ г. Носовъ обокралъ васъ?

— Носъ, то есть... вы не то думаете! Носъ, мой собственный носъ пропалъ, неизвѣстно куда. Чортъ хотѣлъ подшутить надо мною!

— Да какимъ же образомъ пропалъ? я что то не могу хорошенько понять.

— Да я не могу вамъ сказать, какимъ образомъ; но главное то, что онъ разъѣзжаетъ теперь по городу и называетъ себя статскимъ совѣтникомъ. И потому я васъ прошу объявить, чтобы поймавшій представилъ его немедленно ко мнѣ въ самомъ скорѣйшемъ времени. Вы посудите, въ самомъ дѣлѣ, какъ же мнѣ быть безъ такой замѣтной части тѣла? Это не то, что какой-нибудь мизинецъ на ногѣ, который я въ сапогъ — и никто не увидитъ, если его нѣтъ. Я бываю по четвергамъ у статской совѣтницы Чехтаревой; Подточина, Пелагея Григорьевна, штабъ-офицерша, и у ней дочка очень хорошенькая, тоже очень хо-

рошіе знакомые; и вы посудите сами, какъ же мнѣ теперь... Мнѣ теперь къ нимъ нельзя явиться.

Чиновникъ задумался, что означали крѣпко сжавшіяся его губы.

— Нѣтъ, я не могу помѣстить такого объявленія въ газетахъ, — сказалъ онъ, наконецъ, послѣ долгаго молчанія.

— Какъ? отчего?

— Такъ. Газета можетъ потерять репутацію. Если всякій начнетъ писать, что у него сбѣжалъ носъ, то... И такъ уже говорятъ, что печатается много несообразностей и ложныхъ слуховъ.

— Да чѣмъ же это дѣло несообразное? Тутъ, кажется, ничего нѣтъ такого.

— Это вамъ такъ кажется, что нѣтъ. А вотъ, на прошлой недѣлѣ, такой же былъ случай. Пришелъ чиновникъ такимъ же образомъ, какъ вы теперь пришли, принесъ записку, денегъ по разсчету пришлось 2 р. 73 к., и все объявленіе состояло въ томъ, что сбѣжалъ пудель черной шерсти. Кажется, что бы тутъ такое? А вышелъ пасквиль: пудель то этотъ былъ казначей, не помню, какого то заведенія.

— Да вѣдь я вамъ не о пуделѣ дѣлаю объявленіе, а о собственномъ моемъ носѣ: стало быть, почти то же, что о самомъ себѣ.

— Нѣтъ, такого объявленія я никакъ не могу помѣстить.

— Да когда у меня точно пропалъ носъ!

— Если пропалъ, то это дѣло медика. Говорятъ, что есть такіе люди, которые могутъ приставить какой угодно носъ. Но, впрочемъ, я замѣчаю, что вы должны быть человѣкъ веселаго нрава и любите въ обществѣ пошутить.

— Клянусь вамъ, вотъ какъ Богъ святъ! Пожалуй, ужъ если до того дошло, то я покажу вамъ.

— Зачѣмъ безпокоиться! — продолжалъ чинов-

никъ, нюхая табакъ. — Впрочемъ, если не въ безпокойство, — прибавилъ онъ съ движеніемъ любопытства: — то желательно бы взглянуть.

Коллежскій ассессоръ отнялъ отъ лица платокъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно странно! — сказалъ чиновникъ; — мѣсто совершенно гладкое, какъ будто бы только что выпеченный блинъ. Да, до невѣроятности ровное!

— Ну, вы и теперь будете спорить? Вы видите сами, что нельзя не напечатать. Я вамъ буду особенно благодаренъ, и очень радъ, что этотъ случай доставилъ мнѣ удовольствіе съ вами познакомиться. — Маіоръ, какъ видно изъ этого, рѣшился на сей разъ немного поподличать.

— Напечатать то, конечно, дѣло небольшое, — сказалъ чиновникъ: — только я не предвижу въ этомъ никакой для васъ выгоды. Если уже хотите, то отдайте тому, кто имѣетъ искусное перо, описать это, какъ рѣдкое произведеніе натуры, и напечатать эту статейку въ „Сѣверной Пчелѣ“ (тутъ онъ понюхалъ еще разъ табаку), для пользы юношества (тутъ онъ утеръ носъ) или такъ, для общаго любопытства.

Коллежскій ассессоръ былъ совершенно обезнадеженъ. Онъ опустилъ глаза въ низъ газеты, гдѣ было извѣщеніе о спектакляхъ; уже лицо его было готово улыбнуться, встрѣтивъ имя актрисы, хорошенькой собою, и рука взялась за карманъ, есть ли при немъ синяя ассигнація, потому что штабъ-офицеры, по мнѣнію Ковалева, должны сидѣть въ креслахъ; но мысль о носѣ все испортила!

Самъ чиновникъ, казалось, былъ тронутъ затруднительнымъ положеніемъ Ковалева. Желая сколько-нибудь облегчить его горесть, онъ почелъ приличнымъ выразить участіе свое въ нѣсколькихъ словахъ:

— Мнѣ, право, очень прискорбно, что съ вами случился такой анекдотъ. Не угодно ли вамъ

понюхать табачку? это разбиваетъ головныя боли и печальныя расположенія; даже въ отношеніи къ геморроидамъ это хорошо. — Говоря это, чиновникъ поднесъ Ковалеву табакерку, довольно ловко подвернувъ подъ нее крышку съ портретомъ какой то дамы въ шляпкѣ.

Этотъ неумѣстный поступокъ вывелъ изъ терпѣнія Ковалева.

— Я не понимаю, какъ вы находите мѣсто шуткамъ, — сказалъ онъ съ сердцемъ: — развѣ вы не видите, что у меня нѣтъ именно того, чѣмъ бы я могъ понюхать? Чтобъ чортъ побралъ вашъ табакъ! Я теперь не могу смотрѣть на него, и не только на скверный вашъ березинскій, но хоть бы вы поднесли мнѣ самаго рапе. — Сказавши это, онъ вышелъ, глубоко раздосадованный, изъ газетной экспедиціи и отправился къ частному приставу.

Ковалевъ вошелъ къ нему въ то время, когда онъ потянулся, крякнулъ и сказалъ: „Эхъ, славно засну два часика!“ и потому можно было предвидѣть, что приходъ коллежскаго ассессора былъ совершенно не во-время. Частный былъ большой поощритель всѣхъ искусствъ и мануфактурностей; но государственную ассигнацію предпочиталъ всему.

— Это вещь, — обыкновенно говорилъ онъ; — ужъ нѣтъ ничего лучше этой вещи: ѣсть не проситъ, мѣста займетъ немного, въ карманѣ всегда помѣстится, уронишь — не расшибется.

Частный принялъ довольно сухо Ковалева и сказалъ, что послѣ обѣда не то время, чтобы производить слѣдствіе, что сама натура назначила, чтобы, наѣвшись, немного отдохнуть (изъ этого коллежскій ассессоръ могъ видѣть, что частному приставу были небезызвѣстны изреченія древнихъ мудрецовъ), что у порядочнаго человѣка не оторвутъ носа.

То есть, не въ бровь, а прямо въ глазъ! Нужно

замѣтить, что Ковалевъ былъ чрезвычайно обидчивый человѣкъ. Онъ могъ простить все, что ни говорили о немъ самомъ, но никакъ не извинялъ, если это относилось къ чину или званію. Онъ даже полагалъ, что въ театральныхъ пьесахъ можно пропускать все, что относится къ оберъ-офицерамъ, но на штабъ-офицеровъ никакъ не должно нападать. Пріемъ частнаго такъ его сконфузилъ, что онъ тряхнулъ головою и сказалъ съ чувствомъ достоинства, немного разставивъ свои руки:

— Признаюсь, послѣ этакихъ обидныхъ съ вашей стороны замѣчаній, я ничего не могу прибавить... — и вышелъ.

Онъ пріѣхалъ домой, едва слыша подъ собою ноги. Были уже сумерки. Печальною, или чрезвычайно гадкою показалась ему квартира послѣ всѣхъ этихъ неудачныхъ исканій. Взошедши въ переднюю, увидѣлъ онъ на кожаномъ запачканномъ диванѣ лакея своего Ивана, который, лежа на спинѣ, плевалъ въ потолокъ и попадалъ довольно удачно въ одно и то же мѣсто. Такое равнодушіе человѣка взбѣсило его; онъ ударилъ его шляпою по лбу, примолвивъ:

— Ты, свинья, всегда глупостями занимаешься!

Иванъ вскочилъ вдругъ со своего мѣста и бросился со всѣхъ ногъ снимать съ него плащъ.

Вошедши въ свою комнату, маіоръ, усталый и печальный, бросился въ кресла и, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ вздоховъ, сказалъ:

— Боже мой! Боже мой! За что это такое несчастіе? Будь я безъ руки или безъ ноги — все бы это лучше; но безъ носа человѣкъ — чортъ знаетъ что: птица не птица, гражданинъ не гражданинъ, — просто, возьми да и вышвырни за окошко! И пусть бы уже на войнѣ отрубили, или на дуэли, или я самъ былъ причиною; но вѣдь пропалъ ни за что, ни про что, пропалъ даромъ,

ни за грошъ!.. Только, нѣтъ, не можетъ быть, — прибавилъ онъ, немного подумавъ: — невѣроятно, чтобы носъ пропалъ, никакимъ образомъ невѣроятно. Это, вѣрно, или во снѣ снится, или, просто, грезится; можетъ быть, я какъ-нибудь, ошибкою, выпилъ вмѣсто воды водку, которою вытираю послѣ бритья себѣ бороду. Иванъ дуракъ не принялъ, и я, вѣрно, хватилъ ея. — Чтобы дѣйствительно увѣриться, что онъ не пьянъ, маіоръ ущипнулъ себя такъ больно, что самъ вскрикнулъ. Эта боль совершенно увѣрила его, что онъ дѣйствуетъ и живетъ на-яву. Онъ потихоньку приблизился къ зеркалу и сначала зажмурилъ глаза съ тою мыслію, что авось-либо носъ покажется на своемъ мѣстѣ; но въ ту жъ минуту отскочилъ назадъ, сказавши: „Экой пасквильный видъ!“

Это было, точно, непонятно. Еслибы пропала пуговица, серебряная ложка, часы или что-нибудь подобное, — но пропасть, и кому же пропасть? и притомъ еще на собственной квартирѣ!.. Маіоръ Ковалевъ, сообразя всѣ обстоятельства, предполагалъ едва ли не ближе всего къ истинѣ, что виною этого долженъ быть не кто другой, какъ штабъ-офицерша Подточина, которая желала, чтобы онъ женился на ея дочери. Онъ, и самъ любилъ за нею проволокнуться, но избѣгалъ окончательной раздѣлки. Когда же штабъ-офицерша объявила ему напрямикъ, что она хочетъ выдать ее за него, онъ потихоньку отчалилъ съ своими комплиментами, сказавши, что еще молодъ, что нужно ему прослужить лѣтъ пятокъ, чтобы уже ровно было сорокъ два года. И потому штабъ-офицерша, вѣрно изъ мщенія, рѣшилась его испортить и наняла для этого какихъ-нибудь колдовокъ-бабъ, потому что никакимъ образомъ нельзя было предположить, чтобы носъ былъ отрѣзанъ: никто не входилъ къ нему въ комнату; цирюльникъ же, Иванъ Яковлевичъ, брилъ его еще въ среду, а въ про-

долженіе всей среды и даже во весь четвертокъ носъ у него былъ цѣлъ, — это онъ помнилъ и зналъ очень хорошо; притомъ, была бы имъ чувствуема боль, и, безъ сомнѣнія, рана не могла бы такъ скоро зажить и быть гладкою, какъ блинъ. Онъ строилъ въ головѣ планы: звать ли штабъ-офицершу формальнымъ порядкомъ въ судъ, или явиться къ ней самому и уличить ее. Размышленія его прерваны были свѣтомъ, который блеснулъ сквозь всѣ скважины дверей и далъ знать, что свѣча въ передней уже зажжена Иваномъ. Скоро показался и самъ Иванъ, неся ее передъ собою и озаряя ярко всю комнату. Первымъ движеніемъ Ковалева было схватить платокъ и закрыть то мѣсто, гдѣ вчера еще былъ носъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ глупый человѣкъ не зазѣвался, увидя у барина такую странность

Не успѣлъ Иванъ уйти въ конуру свою, какъ послышался въ передней незнакомый голосъ, произнесшій:

„Здѣсь ли живетъ коллежскій ассессоръ Ковалевъ?“

— Войдите; маіоръ Ковалевъ здѣсь, — сказалъ Ковалевъ, вскочивши поспѣшно и отворяя дверь.

Вошелъ полицейскій чиновникъ, красивой наружности, съ бакенбардами не слишкомъ свѣтлыми и не темными, съ довольно полными щеками, тотъ самый, который, въ началѣ повѣсти, стоялъ въ концѣ Исакіевскаго моста.

— Вы изволили затерять носъ свой?

— Такъ точно.

— Онъ теперь найденъ.

— Что вы говорите? — закричалъ маіоръ Ковалевъ. Радость отняла у него языкъ. Онъ глядѣлъ въ оба на стоявшаго передъ нимъ квартальнаго, на полныхъ губахъ и щекахъ котораго ярко мелькалъ трепетный свѣтъ свѣчи. — Какимъ образомъ?

— Страннымъ случаемъ: его перехватили почти на дорогѣ. Онъ уже садился въ дилижансъ и хотѣлъ уѣхать въ Ригу. И пашпортъ давно былъ написанъ на имя одного чиновника. И странно то, что я самъ принялъ его сначала за господина; но, къ счастію, были со мной очки, и я тотъ же часъ увидѣлъ, что это былъ носъ. Вѣдь я близорукъ, и если вы станете передо мною, то я вижу только, что у васъ лицо, но ни носа, ни бороды, ничего не замѣчу. Моя теща, то есть мать жены моей, тоже ничего не видитъ.

Ковалевъ былъ внѣ себя:

— Гдѣ же онъ? гдѣ? я сейчасъ побѣгу.

— Не безпокойтесь. Я, зная, что онъ вамъ нуженъ, принесъ его съ собою. И странно то, что главный участникъ въ этомъ дѣлѣ есть мошенникъ-цирюльникъ на Вознесенской улицѣ, который сидитъ теперь на съѣзжей. Я давно подозрѣвалъ его въ пьянствѣ и воровствѣ, и еще третьяго дня стащилъ онъ въ одной лавочкѣ бортище пуговицъ. Носъ вашъ совершенно таковъ, какъ былъ. — При этомъ квартальный полѣзъ въ карманъ и вытащилъ оттуда завернутый въ бумажкѣ носъ.

— Такъ, онъ! — закричалъ Ковалевъ: — точно, онъ! Выкушайте сегодня со мною чашечку чаю.

— Почелъ бы за большую пріятность, но никакъ не могу: мнѣ нужно заѣхать отсюда въ смирительный домъ... Очень большая поднялась дороговизна на всѣ припасы... У меня въ домѣ живетъ и теща, то есть мать моей жены, и дѣти; старшій особенно подаетъ большія надежды, очень умный мальчишка; но средствъ для воспитанія совершенно нѣтъ никакихъ...

Коллежскій ассессоръ, по уходѣ квартальнаго, нѣсколько минутъ оставался въ какомъ то неопредѣленномъ состояніи и едва черезъ нѣсколько минутъ пришелъ въ возможность видѣть и чувство-

вать: въ такое безпамятство повергла его неожиданная радость. Онъ взялъ бережливо найденный носъ, въ обѣ руки, сложенныя горстью, и еще разъ разсмотрѣлъ его внимательно.

— Такъ, онъ! точно, онъ! — говорилъ маіоръ Ковалевъ. — Вотъ и прыщикъ на лѣвой сторонѣ, вскочившій вчерашняго дня. — Маіоръ чуть не засмѣялся отъ радости.

Но на свѣтѣ нѣтъ ничего долговременнаго, а потому и радость, въ слѣдующую минуту за первою, уже не такъ жива; въ третью минуту она становится еще слабѣе и, наконецъ, незамѣтно сливается съ обыкновеннымъ положеніемъ души, какъ на водѣ кругъ, рожденный паденіемъ камешка, наконецъ, сливается съ гладкою поверхностью. Ковалевъ началъ размышлять и смекнулъ, что дѣло еще не кончено: носъ найденъ, но вѣдь нужно же его приставить, помѣстить на свое мѣсто.

„А что, если онъ не пристанетъ?“

При такомъ вопросѣ, сдѣланномъ самому себѣ, маіоръ поблѣднѣлъ.

Съ чувствомъ неизъяснимаго страха бросился онъ къ столу, придвинулъ зеркало, чтобы какънибудь не поставить носъ криво. Руки его дрожали. Осторожно и осмотрительно наложилъ онъ его на прежнее мѣсто. О, ужасъ! носъ не приклеивался!.. Онъ поднесъ его ко рту, нагрѣлъ его слегка своимъ дыханіемъ и опять поднесъ къ гладкому мѣсту, находившемуся между двухъ щекъ; но носъ никакимъ образомъ не держался.

„Ну, ну же! полѣзай, дуракъ!“ говорилъ онъ ему; но носъ былъ какъ деревянный и падалъ на столъ съ такимъ страннымъ звукомъ, какъ будто бы пробка. Лицо маіора судорожно скривилось. „Неужели онъ не прирастетъ?“ говорилъ онъ въ испугѣ. Но сколько разъ ни подносилъ онъ его на его же собственное мѣсто — стараніе было, попрежнему, неуспѣшно.

Онъ кликнулъ Ивана и послалъ его за докторомъ, который занималъ въ томъ же самомъ домѣ лучшую квартиру въ бельэтажѣ. Докторъ этотъ былъ видный собою мужчина, имѣлъ прекрасныя смолистыя бакенбарды, свѣжую, здоровую докторшу, ѣлъ поутру свѣжія яблоки и держалъ ротъ въ необыкновенной чистотѣ, полоща его каждое утро почти три четверти часа и шлифуя зубы пятью разныхъ родовъ щеточками. Докторъ явился въ ту же минуту. Спросивши, какъ давно случилось несчастіе, онъ поднялъ маіора Ковалева за подбородокъ и далъ ему большимъ пальцемъ щелчка въ то самое мѣсто, гдѣ прежде былъ носъ, такъ что маіоръ долженъ былъ откинуть свою голову назадъ съ такою силою, что ударился затылкомъ въ стѣну. Медикъ сказалъ, что это ничего, и, посовѣтовавши отодвинуться немного отъ стѣны, велѣлъ ему перегнуть голову сначала на правую сторону и, пощупавши то мѣсто, гдѣ прежде былъ носъ, сказалъ: „гм!“ потомъ велѣлъ ему перегнуть голову на лѣвую сторону и сказалъ: „гм!“ и въ заключеніе далъ опять ему большимъ пальцемъ щелчка, такъ что маіоръ Ковалевъ дернулъ головою, какъ конь, которому смотрятъ въ зубы. Сдѣлавши такую пробу, медикъ покачалъ головою и сказалъ:

— Нѣтъ, нельзя. Вы ужъ лучше такъ оставайтесь, потому что можно сдѣлать еще хуже. Оно, конечно, приставить можно; я бы, пожалуй, вамъ сейчасъ приставилъ его; но я васъ увѣряю, что это для васъ хуже.

— Вотъ хорошо! какъ же мнѣ оставаться безъ носу? — сказалъ Ковалевъ: — ужъ хуже не можетъ быть, какъ теперь. Это, просто, чортъ знаетъ что! Куда же я съ этакою пасквильностію покажуся? Я имѣю хорошее знакомство: вотъ и сегодня мнѣ нужно быть на вечерѣ въ двухъ домахъ. Я со многими знакомъ: статская совѣтница

Чехтарева, Подточина, штабъ-офицерша ... хоть послѣ теперешняго поступка ея я не имѣю съ ней другого дѣла, какъ только чрезъ полицію. Сдѣлайте милость, — продолжалъ Ковалевъ умоляющимъ голосомъ, — нѣтъ ли средства? какъ-нибудь приставьте: хоть не хорошо, лишь бы только держался; я даже могу его слегка подпирать рукою въ опасныхъ случаяхъ. Я же притомъ и не танцую, чтобы могъ вредить какимъ-нибудь неосторожнымъ движеніемъ. Все, что относится насчетъ благодарности за визиты, ужъ будьте увѣрены, сколько дозволятъ мои средства ...

— Вѣрите ли, — сказалъ докторъ ни громкимъ, ни тихимъ голосомъ, но чрезвычайно увѣтливымъ и магнетическимъ: — что я никогда изъ корысти не лѣчу. Это противно моимъ правиламъ и моему искусству. Правда, я беру за визиты, но единственно съ тѣмъ только, чтобы не обидѣть моимъ отказомъ. Конечно, я бы приставилъ вашъ носъ; но я васъ увѣряю честью, если уже вы не вѣрите моему слову, что это будетъ гораздо хуже. Предоставьте лучше дѣйствію самой натуры. Мойте чаще холодною водою, и я васъ увѣряю, что вы, не имѣя носа, будете такъ же здоровы, какъ если-бы имѣли его. А носъ я вамъ совѣтую положить въ банку со спиртомъ, или, еще лучше, влить туда двѣ столовыя ложки острой водки и подогрѣтаго уксуса, — и тогда вы можете взять за него порядочныя деньги. Я даже самъ возьму его, если вы только не подорожитесь.

— Нѣтъ, нѣтъ! ни за что не продамъ! — вскричалъ отчаянный маіоръ Ковалевъ: — лучше пусть онъ пропадетъ!

— Извините! — сказалъ докторъ, откланиваясь, — я хотѣлъ быть вамъ полезнымъ... Что жъ дѣлать! По крайней мѣрѣ, вы видѣли мое стараніе. — Сказавши это, докторъ съ благородною осанкою вышелъ изъ комнаты. Ковалевъ не за-

мѣтилъ даже лица его и въ глубокой безчувственности видѣлъ только выглядывавшіе изъ рукавовъ его чернаго фрака рукавчики бѣлой и чистой, какъ снѣгъ, рубашки.

Онъ рѣшился на другой же день, прежде представленія жалобы, писать къ штабъ-офицершѣ, не согласится ли она безъ бою возвратить ему то, что слѣдуетъ. Письмо было такого содержанія:

Милостивая государыня,

Александра[1] Григорьевна.

Не могу понять страннаго со стороны Вашей дѣйствія. Будьте увѣрены, что, поступая такимъ образомъ, ничего Вы не выиграете и ничуть не принудите меня жениться на Вашей дочери. Повѣрьте, что исторія насчетъ моего носа совершенно извѣстна, равно какъ и то, что въ этомъ Вы есть главныя участницы, а не кто другой. Внезапное его отдѣленіе съ своего мѣста, побѣгъ и маскированіе, то подъ видомъ одного чиновника, то, наконецъ, въ собственномъ видѣ, есть больше ничего, какъ слѣдствіе волхованій, произведенныхъ Вами или тѣми, которые упражняются въ подобныхъ Вамъ благородныхъ занятіяхъ. Я съ своей стороны почитаю долгомъ васъ предувѣдомить: если упоминаемый мною носъ не будетъ сегодня же на своемъ мѣстѣ, то я принужденъ буду прибѣгнуть къ защитѣ и покровительству законовъ.

Впрочемъ, съ совершеннымъ почтеніемъ къ Вамъ, имѣю честь быть

Вашъ покорный слуга

Платонъ Ковалевъ.

---

[1] Раньше — Пелагея (довольно обычная у Гоголя путаница именъ).

Милостивый государь,

Платонъ Кузьмичъ!

Чрезвычайно удивило меня письмо Ваше. Я, признаюсь Вамъ по откровенности, никакъ не ожидала, а тѣмъ болѣе относительно несправедливыхъ укоризнъ со стороны Вашей. Предувѣдомляю Васъ, что я чиновника, о которомъ упоминаете Вы, никогда не принимала у себя въ домѣ, ни замаскированнаго, ни въ настоящемъ видѣ. Бывалъ у меня, правда, Филиппъ Ивановичъ Потанчиковъ. И хотя онъ, точно, искалъ руки моей дочери, будучи самъ хорошаго, трезваго поведенія и великой учености, но я никогда не подавала ему никакой надежды. Вы упоминаете еще о носѣ. Если Вы разумѣете подъ симъ, что будто бы я хотѣла оставить Васъ съ носомъ, то есть дать Вамъ формальный отказъ, то меня удивляетъ, что Вы сами объ этомъ говорите, тогда какъ я, сколько Вамъ извѣстно, была совершенно противнаго мнѣнія, и если Вы теперь же посватаетесь на моей дочери законнымъ образомъ, я готова сей же часъ удовлетворить Васъ, ибо это составляло всегда предметъ моего живѣйшаго желанія, въ надеждѣ чего остаюсь всегда готовою къ услугамъ Вашимъ

Александра Подточина.

„Нѣтъ“, говорилъ Ковалевъ, прочитавши письмо: „она, точно, не виновата. Не можетъ быть! Письмо такъ написано, какъ не можетъ написать человѣкъ, виноватый въ преступленіи“. Коллежскій ассессоръ былъ въ этомъ свѣдущъ, потому что былъ посыланъ нѣсколько разъ на слѣдствіе еще въ Кавказской области. „Какимъ же образомъ, какими судьбами это приключилось? Только чортъ разберетъ это!“ сказалъ онъ, наконецъ, опустивъ руки.

Между тѣмъ слухи объ этомъ необыкновенномъ происшествіи распространились по всей столицѣ

и, какъ водится, не безъ особенныхъ прибавленій. Тогда у мы всѣхъ именно настроены были къ чрезвычайному: недавно только что занимали публику опыты дѣйствія магнетизма. Притомъ, исторія о танцующихъ стульяхъ въ Конюшенной улицѣ была еще свѣжа, и потому нечего удивляться, что скоро начали говорить, будто носъ коллежскаго ассессора Ковалева ровно въ три часа прогулявается по Невскому проспекту. Любопытныхъ стекалось каждый день множество. Сказалъ кто то, что носъ будто бы находился въ магазинѣ Юнкера — и возлѣ Юнкера такая сдѣлалась толпа и давка, что должна была вступиться даже полиція. Одинъ спекуляторъ почтенной наружности, съ бакенбардами, продававшій при входѣ въ театръ разные сухіе кондитерскіе пирожки, нарочно надѣлалъ прекрасныхъ деревянныхъ, прочныхъ скамеекъ, на которыя приглашалъ любопытныхъ становиться, за восемьдесятъ копеекъ отъ каждаго посѣтителя. Одинъ заслуженный полковникъ нарочно для этого вышелъ раньше изъ дому и съ большимъ трудомъ пробрался сквозь толпу; но, къ большому негодованію своему, увидѣлъ въ окнѣ магазина, вмѣсто носа, обыкновенную шерстяную фуфайку и литографированную картинку съ изображеніемъ дѣвушки, поправлявшей чулокъ, и глядѣвшаго на нее изъ-за дерева франта съ откиднымъ жилетомъ и небольшою бородкою, — картинку, уже болѣе десяти лѣтъ висящую все на одномъ мѣстѣ. Отошедъ, онъ сказалъ съ досадою: „Какъ можно этакими глупыми и неправдоподобными слухами смущать народъ?“ Потомъ пронесся слухъ, что не на Невскомъ проспектѣ, а въ Таврическомъ саду прогуливается носъ маіора Ковалева; что будто бы онъ давно уже тамъ; что когда еще проживалъ тамъ Хозревъ-Мирза [1], то очень удивлялся этой

[1] Персидскій принцъ, пріѣзжавшій въ Россію съ извиненіями за убійство Грибоѣдова.

странной игрѣ природы. Нѣкоторые изъ студентовъ Хирургической Академіи отправились туда. Одна знатная, почтенная дама просила особеннымъ письмомъ смотрителя за садомъ показать дѣтямъ ея этотъ рѣдкій феноменъ и, если можно, съ объясненіемъ наставительнымъ и назидательнымъ для юношей.

Всѣмъ этимъ происшествіямъ были чрезвычайно рады всѣ свѣтскіе необходимые посѣтители раутовъ, любившіе смѣшить дамъ, у которыхъ запасъ въ то время совершенно истощился. Небольшая часть почтенныхъ и благонамѣренныхъ людей была чрезвычайно недовольна. Одинъ господинъ говорилъ съ негодованіемъ, что онъ не понимаетъ, какъ въ нынѣшній просвѣщенный вѣкъ могутъ распространяться нелѣпыя выдумки, и что онъ удивляется, какъ не обратитъ на это вниманіе правительство. Господинъ этотъ, какъ видно, принадлежалъ къ числу тѣхъ господъ, которые желали бы впутать правительство во все, даже въ свои ежедневныя ссоры съ женою. Вслѣдъ за этимъ... но здѣсь вновь все происшествіе скрывается туманомъ, и что было потомъ — рѣшительно неизвѣстно.

III.

Чепуха совершенная дѣлается на свѣтѣ. Иногда вовсе нѣтъ никакого правдоподобія: вдругъ тотъ самый носъ, который разъѣзжалъ въ чинѣ статскаго совѣтника и надѣлалъ столько шуму въ городѣ, очутился, какъ ни въ чемъ не бывало, вновь на своемъ мѣстѣ, то есть именно между двухъ щекъ маіора Ковалева. Это случилось уже апрѣля 7 числа. Проснувшись и нечаянно взглянувъ въ зеркало, видитъ онъ: носъ! хвать рукою — точно, носъ! „Эге!“ сказалъ Ковалевъ, и въ радости чуть не дернулъ по всей комнатѣ босикомъ

тропака; но вошедшій Иванъ помѣшалъ. Онъ приказалъ тотъ же часъ дать себѣ умыться и, умываясь, взглянулъ еще разъ въ зеркало — носъ! Вытираясь полотенцемъ, онъ опять взглянулъ въ зеркало — носъ!

— А посмотри, Иванъ, кажется, у меня на носу какъ будто прыщикъ, — сказалъ онъ и между тѣмъ думалъ ... „Вотъ бѣда, какъ Иванъ скажетъ: „Да нѣтъ, сударь, не только прыщика, и самаго носа нѣтъ!“

Но Иванъ сказалъ:

— Ничего-съ, никакого прыщика: носъ чистый!

„Хорошо, чортъ побери!“ сказалъ самъ себѣ маіоръ и щелкнулъ пальцами. Въ это время выглянулъ въ дверь цирюльникъ Иванъ Яковлевичъ, но такъ боязливо, какъ кошка, которую только что высѣкли за кражу сала.

— Говори впередъ: чисты руки? — кричалъ еще издали ему Ковалевъ.

— Чисты.

— Врешь!

— Ей Богу-съ чисты, судырь.

— Ну, смотри же.

Ковалевъ сѣлъ. Иванъ Яковлевичъ закрылъ его салфеткою и, въ одно мгновенье, съ помощью кисточки, превратилъ всю бороду его и часть щеки въ кремъ, какой подаютъ на купеческихъ именинахъ. „Вишь ты!“ сказалъ самъ себѣ Иванъ Яковлевичъ, взглянувши на носъ, и потомъ перегнулъ голову на другую сторону и посмотрѣлъ на него сбоку: „Вона! экъ его, право, какъ подумаешь“, продолжалъ онъ, и долго смотрѣлъ на носъ. Наконецъ, легонько, съ бережливостью, какую только можно себѣ вообразить, онъ приподнялъ два пальца съ тѣмъ, чтобы поймать его за кончикъ. Такова ужъ была система Ивана Яковлевича.

— Ну, ну, ну, смотри! — закричалъ Ковалевъ.

Иванъ Яковлевичъ и руки опустилъ, оторопѣлъ

и смутился, какъ никогда не смущался. Наконецъ, осторожно сталъ онъ щекотать бритвой у него подъ бородою, и хотя ему было совсѣмъ не сподручно и трудно брить безъ придержки за нюхательную часть тѣла, однакоже, кое-какъ, упираясь своимъ шероховатымъ большимъ пальцемъ ему въ щеку и въ нижнюю десну, наконецъ, одолѣлъ всѣ препятствія и выбрилъ.

Когда все было готово, Ковалевъ поспѣшилъ тотъ же часъ одѣться, взялъ извозчика и поѣхалъ прямо въ кондитерскую. Входя, закричалъ онъ еще издали: „Мальчикъ, чашку шоколаду!“ а самъ въ ту же минуту къ зеркалу — есть носъ. Онъ весело оборотился назадъ и съ сатирическимъ видомъ посмотрѣлъ, нѣсколько прищуря глазъ, на двухъ военныхъ, у одного изъ которыхъ былъ носъ никакъ не больше жилетной пуговицы. Послѣ того отправился онъ въ канцелярію того департамента, гдѣ хлопоталъ объ вице-губернаторскомъ мѣстѣ, а въ случаѣ неудачи — объ экзекуторскомъ. Проходя чрезъ пріемную, онъ взглянулъ въ зеркало — есть носъ. Потомъ поѣхалъ онъ къ другому коллежскому ассессору, или маіору, большому насмѣшнику, которому онъ часто говорилъ въ отвѣтъ на разныя занозистыя замѣтки: „Ну, ужъ ты, я тебя знаю, ты шпилька!“ Дорогою онъ подумалъ: „Если и маіоръ не треснетъ со смѣху, увидѣвши меня, тогда ужъ вѣрный знакъ, что все, что ни есть, сидитъ на своемъ мѣстѣ“. Но коллежскій ассессоръ ничего. „Хорошо, хорошо, чортъ побери!“ подумалъ про себя Ковалевъ. На дорогѣ встрѣтилъ онъ штабъ-офицершу Подточину вмѣстѣ съ дочерью, раскланялся съ ними и былъ встрѣченъ съ радостными восклицаньями: стало быть, ничего, въ немъ нѣтъ никакого ущерба. Онъ разговаривалъ съ ними очень долго, и нарочно, вынувши табакерку, набивалъ передъ ними весьма долго свой носъ съ обоихъ подъѣздовъ, приговари-

вая про себя: „Вотъ, молъ, вамъ, бабье, куриный народъ! а на дочкѣ все-таки не женюсь. Такъ, просто, par amour [1] — изволь!“ И маіоръ Ковалевъ съ тѣхъ поръ прогуливался, какъ ни въ чемъ не бывало, и на Невскомъ проспектѣ, и въ театрахъ, и вездѣ. И носъ тоже, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣлъ на его лицѣ, не показывая даже вида, чтобы отлучался по сторонамъ. И послѣ того маіора Ковалева видѣли вѣчно въ хорошемъ юморѣ [2], улыбающагося, преслѣдующаго рѣшительно всѣхъ хорошенькихъ дамъ и даже остановившагося одинъ разъ передъ лавочкой въ Гостиномъ дворѣ и покупавшаго какую то орденскую ленточку, неизвѣстно для какихъ причинъ, потому что онъ самъ не былъ кавалеромъ никакого ордена.

Вотъ какая исторія случилась въ сѣверной столицѣ нашего обширнаго государства! Теперь только, по соображеніи всего, видимъ, что въ ней есть много неправдоподобнаго. Не говоря уже о томъ, что, точно, странно сверхъестественное отдѣленіе носа и появленье его въ разныхъ мѣстахъ въ видѣ статскаго совѣтника, — какъ Ковалевъ не смекнулъ, что нельзя чрезъ газетную экспедицію объявлять о носѣ? Я здѣсь не въ томъ смыслѣ говорю, чтобы мнѣ казалось дорого заплатить за объявленіе: это вздоръ, и я совсѣмъ не изъ числа корыстолюбивыхъ людей; но неприлично, неловко, нехорошо! И опять тоже: какъ носъ очутился въ печеномъ хлѣбѣ, и какъ самъ Иванъ Яковлевичъ?.. Нѣтъ, этого я никакъ не понимаю, рѣшительно не понимаю! Но, что страннѣе, что непонятнѣе всего, это то, какъ авторы могутъ брать подобные сюжеты. Признаюсь, это ужъ совсѣмъ непостижимо, это точно ... нѣтъ, нѣтъ! совсѣмъ не понимаю. Во-первыхъ, пользы отечеству рѣшительно ника-

[1] По любви.
[2] Настроеніи.

кой; во-вторыхъ ... но и во-вторыхъ тоже нѣтъ пользы. Просто, я не знаю, что это ...

А однакоже, при всемъ томъ, хотя, конечно, можно допустить и то, и другое, и третье, можетъ даже ... ну, да и гдѣ жъ не бываетъ несообразностей? — а все, однакоже, какъ поразмыслишь, во всемъ этомъ, право, есть что то. Кто что ни говори, а подобныя происшествія бываютъ на свѣтѣ, — рѣдко, но бываютъ.

Шинель.

Въ департаментѣ... но лучше не называть, въ какомъ департаментѣ. Ничего нѣтъ сердитѣе всякаго рода департаментовъ, полковъ, канцелярій и, словомъ, всякаго рода должностныхъ сословій. Теперь уже всякій частный человѣкъ считаетъ въ лицѣ своемъ оскорбленнымъ все общество. Говорятъ, весьма недавно поступила просьба отъ одного капитанъ-исправника, не помню, какого то города, въ которой онъ излагаетъ ясно, что гибнутъ государственныя постановленія, и что священное имя его произносится рѣшительно всуе; а въ доказательство приложилъ къ просьбѣ преогромнѣйшій томъ какого то романтическаго сочиненія, гдѣ, чрезъ каждыя десять страницъ, является капитанъ-исправникъ, мѣстами даже совершенно въ пьяномъ видѣ. Итакъ, во избѣжаніе всякихъ непріятностей, лучше департаментъ, о которомъ идетъ дѣло, мы назовемъ однимъ департаментомъ. Итакъ, въ одномъ департаментѣ служилъ одинъ чиновникъ, — чиновникъ, нельзя сказать, чтобы очень замѣчательный: низенькаго роста, нѣсколько рябоватъ, нѣсколько рыжеватъ, нѣсколько даже на видъ подслѣповатъ, съ небольшой лысиной на лбу, съ морщинами по обѣимъ сторонамъ щекъ и цвѣтомъ лица, что̀ называется, геморроидальнымъ... Что̀ жъ дѣлать! виноватъ

петербургскій климатъ. Что̀ касается до чина (ибо у насъ прежде всего нужно объявить чинъ), то онъ былъ то̀, что̀ называютъ вѣчный титулярный совѣтникъ, надъ которымъ, какъ извѣстно, натрунились и наострились вдоволь разные писатели, имѣющіе похвальное обыкновеніе налегать на тѣхъ, которые не могутъ кусаться. Фамилія чиновника была Башмачкинъ. Уже по самому имени видно, что она когда то произошла отъ башмака; но когда, въ какое время и какимъ образомъ произошла она отъ башмака, — ничего этого неизвѣстно. И отецъ, и дѣдъ, и даже шуринъ, и всѣ совершенно Башмачкины ходили въ сапогахъ, перемѣняя только раза три въ годъ подметки. Имя его было Акакій Акакіевичъ. Можетъ быть, читателю оно покажется нѣсколько страннымъ и вымышленнымъ, но можно увѣрить, что его никакъ не искали, а что сами собою случились такія обстоятельства, что никакъ нельзя было дать другого имени, и это произошло именно вотъ какъ. Родился Акакій Акакіевичъ противъ ночи, если только не измѣняетъ память, на 23 марта. Покойница-матушка, чиновница и очень хорошая женщина, расположилась, какъ слѣдуетъ, окрестить ребенка. Матушка еще лежала на кровати противъ дверей, а по правую руку стоялъ кумъ, превосходнѣйшій человѣкъ, Иванъ Ивановичъ Ерошкинъ, служившій столоначальникомъ въ сенатѣ, и кума, жена квартальнаго офицера, женщина рѣдкихъ добродѣтелей, Арина Семеновна Бѣлобрюшкова. Родильницѣ предоставили на выборъ любое изъ трехъ, какое она хочетъ выбрать: Мокія, Соссія, или назвать ребенка во имя мученика Хоздазата. „Нѣтъ“, подумала покойница, „имена то все такія“. Чтобы угодить ей, развернули календарь въ другомъ мѣстѣ — вышли опять три имени: Трифилій, Дула и Варахасій.

— Вотъ это наказаніе! — проговорила ста-

руха, — какія все имена! Я, право, никогда не слыхивала такихъ. Пусть бы еще Варадатъ или Варухъ, а то Трифилій и Варахасій.

Еще переворотили страницу — вышли: Павсикахій и Вахтисій.

— Ну, ужъ я вижу, — сказала старуха, — что, видно, его такая судьба. Ужъ если такъ, пусть лучше будетъ онъ называться, какъ и отецъ его. Отецъ былъ Акакій, такъ пусть и сынъ будетъ Акакій.

Такимъ образомъ и произошелъ Акакій Акакіевичъ. Ребенка окрестили, при чемъ онъ заплакалъ и сдѣлалъ такую гримасу, какъ будто бы предчувствовалъ, что будетъ титулярный совѣтникъ. Итакъ, вотъ какимъ образомъ произошло все это. Мы привели потому это, чтобы читатель могъ самъ видѣть, что это случилось совершенно по необходимости, и другого имени дать было никакъ невозможно. Когда и въ какое время онъ поступилъ въ департаментъ и кто опредѣлилъ его, этого никто не могъ припомнить. Сколько ни перемѣнялось директоровъ и всякихъ начальниковъ, его видѣли все на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ томъ же положеніи, въ той же самой должности, тѣмъ же чиновникомъ для письма, такъ что потомъ увѣрились, что онъ, видно, такъ и родился на свѣтъ совершенно готовымъ, въ вицмундирѣ и съ лысиной на головѣ. Въ департаментѣ не оказывалось къ нему никакого уваженія. Сторожа не только не вставали съ мѣстъ, когда онъ проходилъ, но даже не глядѣли на него, какъ будто бы черезъ пріемную пролетѣла простая муха. Начальники поступали съ нимъ какъ то холодно-деспотически. Какой-нибудь помощникъ столоначальника прямо совалъ ему подъ носъ бумаги, не сказавъ даже: „Перепишите“, или: „Вотъ интересное, хорошенькое дѣльце“, или что-нибудь пріятное, какъ употребляется въ благовоспитан-

ныхъ службахъ. И онъ бралъ, посмотрѣвъ только на бумагу, не глядя, кто ему подложилъ и имѣлъ ли на то право; онъ бралъ и тутъ же пристраивался писать ее. Молодые чиновники подсмѣивались и острились надъ нимъ, во сколько хватало канцелярскаго остроумія, разсказывали тутъ же предъ нимъ разныя составленныя про него исторіи; про его хозяйку, семидесятилѣтнюю старуху, говорили, что она бьетъ его, спрашивали, когда будетъ ихъ свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снѣгомъ. Но ни одного слова не отвѣчалъ на это Акакій Акакіевичъ, какъ будто бы никого и не было передъ нимъ. Это не имѣло даже вліянія на занятія его: среди всѣхъ этихъ докукъ онъ не дѣлалъ ни одной ошибки въ письмѣ. Только если ужъ слишкомъ была невыносима шутка, когда толкали его подъ руку, мѣшая заниматься своимъ дѣломъ, онъ произносилъ:

— Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?

И что то странное заключалось въ словахъ и въ голосѣ, съ какимъ они были произнесены. Въ немъ слышалось что то такое, преклоняющее на жалость, что одинъ молодой человѣкъ, недавно опредѣлившійся, который, по примѣру другихъ, позволилъ было себѣ посмѣяться надъ нимъ, вдругъ остановился, какъ будто пронзенный, и съ тѣхъ поръ какъ будто все перемѣнилось передъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ. Какая то неестественная сила оттолкнула его отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за приличныхъ, свѣтскихъ людей. И долго потомъ, среди самыхъ веселыхъ минутъ, представлялся ему низенькій чиновникъ съ лысинкою на лбу, съ своими проникающими словами: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?“ И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: „я братъ твой“. И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ, и много разъ содрогался онъ потомъ

на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже! даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ...

Врядъ ли гдѣ можно было найти человѣка, который такъ жилъ бы въ своей должности. Мало сказать: онъ служилъ ревностно; нѣтъ, онъ служилъ съ любовью. Тамъ, въ этомъ переписываньи, ему видѣлся какой то свой разнообразный и пріятный міръ. Наслажденіе выражалось на лицѣ его; нѣкоторыя буквы у него были фавориты, до которыхъ если онъ добирался, то былъ самъ не свой: и подсмѣивался, и подмигивалъ, и помогалъ губами, такъ что въ лицѣ его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его. Еслибы, соразмѣрно его рвенію, давали ему награды, онъ, къ изумленію своему, можетъ быть, даже попалъ бы въ статскіе совѣтники; но выслужилъ онъ, какъ выражались остряки, его же товарищи, пряжку въ петлицу да нажилъ геморрой въ поясницу. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы не было къ нему никакого вниманія. Одинъ директоръ, будучи добрый человѣкъ и желая вознаградить его за долгую службу, приказалъ дать ему что-нибудь поважнѣе, чѣмъ обыкновенное переписыванье: именно изъ готоваго уже дѣла велѣно было ему сдѣлать какое то отношеніе въ другое присутственное мѣсто; дѣло состояло только въ томъ, чтобы перемѣнить заглавный титулъ да перемѣнить кое-гдѣ глаголы изъ перваго лица въ третье. Это задало ему такую работу, что онъ вспотѣлъ совершенно, теръ лобъ и, наконецъ, сказалъ: „Нѣтъ, лучше, дайте, я перепишу что-нибудь“. Съ тѣхъ поръ оставили его навсегда переписывать. Внѣ этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало. Онъ не думалъ вовсе о своемъ платьѣ: вицмундиръ

у него былъ — не зеленый, а какого то рыжевато-мучного цвѣта. Воротничокъ на немъ былъ узенькій, низенькій, такъ что шея его, несмотря на то, что не была длинна, выходя изъ воротника, казалась необыкновенно длинною, какъ у тѣхъ гипсовыхъ котенковъ, болтающихъ головами, которыхъ носятъ на головахъ цѣлыми десятками русскіе иностранцы. И всегда что-нибудь да прилипало къ его вицмундиру: или сѣнца кусочекъ, или какая-нибудь ниточка; къ тому же онъ имѣлъ особенное искусство, ходя по улицѣ, поспѣвать подъ окно именно въ то самое время, когда изъ него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вѣчно уносилъ на своей шляпѣ арбузныя и дынныя корки и тому подобный вздоръ. Ни одинъ разъ въ жизни не обратилъ онъ вниманія на то, что дѣлается и происходитъ всякій день на улицѣ, на что, какъ извѣстно, всегда посмотритъ его же братъ, молодой чиновникъ, простирающій до того проницательность своего бойкаго взгляда, что замѣтитъ даже, у кого на другой сторонѣ тротуара отпоролась внизу панталонъ стремешка, — что вызываетъ всегда лукавую усмѣшку на лицѣ его. Но Акакій Акакіевичъ если и глядѣлъ на что, то видѣлъ на всемъ свои чистыя, ровнымъ почеркомъ выписанныя строки, и только развѣ, если, неизвѣстно откуда взявшись, лошадиная морда помѣщалась ему на плечо и напускала ноздрями цѣлый вѣтеръ въ щеку, тогда только замѣчалъ онъ, что онъ не на серединѣ строки, а скорѣе на серединѣ улицы. Приходя домой, онъ садился тотъ же часъ за столъ, хлебалъ наскоро свои щи и ѣлъ кусокъ говядины съ лукомъ, вовсе не замѣчая ихъ вкуса, ѣлъ все это съ мухами и со всѣмъ тѣмъ, что ни посылалъ Богъ на ту пору. Замѣтивши, что желудокъ начиналъ пучиться, вставалъ изъ-за стола, вынималъ баночку съ чернилами и переписывалъ бумаги, принесенныя на домъ. Если же такихъ

не случалось, онъ снималъ нарочно, для собственнаго удовольствія, копію для себя, особенно, если бумага была замѣчательна не по красотѣ слога, но по адресу къ какому-нибудь новому или важному лицу.

Даже въ тѣ часы, когда совершенно потухаетъ петербургское сѣрое небо, и весь чиновный народъ наѣлся и отобѣдалъ, кто какъ могъ, сообразно съ получаемымъ жалованьемъ и собственной прихотью, когда все уже отдохнуло послѣ департаментскаго скрипѣнья перьями, бѣготни, своихъ и чужихъ необходимыхъ занятій и всего того, что задаетъ себѣ добровольно, больше даже, чѣмъ нужно, неугомонный человѣкъ, когда чиновники спѣшатъ предать наслажденію оставшееся время: кто побойчѣе, несется въ театръ; кто на улицу, опредѣляя его на разсматриванье кое-какихъ шляпенокъ; кто на вечеръ — истратить его въ комплиментахъ какой-нибудь смазливой дѣвушкѣ, звѣздѣ небольшого чиновнаго круга; кто — и это случается чаще всего — идетъ, просто, къ своему брату въ четвертый или третій этажъ, въ двѣ небольшія комнаты съ передней или кухней и кое-какими модными претензіями, лампой или иной вещицей, стоившей многихъ пожертвованій, отказовъ отъ обѣдовъ, гуляній, — словомъ, даже въ то время, когда всѣ чиновники разсѣиваются по маленькимъ квартиркамъ своихъ пріятелей поиграть въ штурмовой вистъ, прихлебывая чай изъ стакановъ съ копеечными сухарями, затягиваясь дымомъ изъ длинныхъ чубуковъ, разсказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню, занесшуюся изъ высшаго общества, отъ котораго никогда и ни въ какомъ состояніи не можетъ отказаться русскій человѣкъ, или даже, когда не о чемъ говорить, пересказывая вѣчный анекдотъ о комендантѣ, которому пришли сказать, что подрубленъ хвостъ у лошади Фальконетова монумента; — словомъ даже

тогда, когда все стремится развлечься, Акакій Акакіевичъ не предавался никакому развлеченію. Никто не могъ сказать, чтобы когда-нибудь видѣлъ его на какомъ-нибудь вечерѣ. Написавшись всласть, онъ ложился спать, улыбаясь заранѣе при мысли о завтрашнемъ днѣ: что то Богъ пошлетъ переписывать завтра? Такъ протекла мирная жизнь человѣка, который, съ четырьмя стами жалованья, умѣлъ быть довольнымъ своимъ жребіемъ, и дотекла бы, можетъ быть, до глубокой старости, еслибы не было разныхъ бѣдствій, разсыпанныхъ на жизненной дорогѣ не только титулярнымъ, но даже тайнымъ, дѣйствительнымъ, надворнымъ и всякимъ совѣтникамъ, даже и тѣмъ, которые не даютъ никому совѣтовъ, ни отъ кого не берутъ ихъ сами.

Есть въ Петербургѣ сильный врагъ всѣхъ, получающихъ 400 рублей въ годъ жалованья или около того. Врагъ этотъ не кто другой, какъ нашъ сѣверный морозъ, хотя, впрочемъ, и говорятъ, что онъ очень здоровъ. Въ девятомъ часу утра, именно въ тотъ часъ, когда улицы покрываются идущими въ департаментъ, начинаетъ онъ давать такіе сильные и колючіе щелчки безъ разбору по всѣмъ носамъ, что бѣдные чиновники рѣшительно не знаютъ, куда дѣвать ихъ. Въ это время, когда даже у занимающихъ высшія должности болитъ отъ морозу лобъ, и слезы выступаютъ въ глазахъ, бѣдные титулярные совѣтники иногда бываютъ беззащитны. Все спасеніе состоитъ въ томъ, чтобы въ тощенькой шинелишкѣ перебѣжать, какъ можно скорѣе, пять-шесть улицъ и потомъ натопаться хорошенько ногами въ швейцарской, пока не оттаютъ такимъ образомъ всѣ замерзнувшія на дорогѣ способности и дарованья къ должностнымъ отправленіямъ. Акакій Акакіевичъ съ нѣкотораго времени началъ чувствовать, что его какъ то особенно сильно стало пропекать въ спину и плечо, несмотря

на то, что онъ старался перебѣжать, какъ можно скорѣе, законное пространство. Онъ подумалъ, наконецъ, не заключается ли какихъ грѣховъ въ его шинели. Разсмотрѣвъ ее хорошенько у себя дома, онъ открылъ, что въ двухъ-трехъ мѣстахъ, именно, на спинѣ и на плечахъ, она сдѣлалась точная сѣрпянка: сукно до того истерлось, что сквозило, и подкладка расползлась. Надобно знать, что шинель Акакія Акакіевича служила тоже предметомъ насмѣшекъ чиновникамъ; отъ нея отнимали даже благородное имя шинели и называли ее капотомъ. Въ самомъ дѣлѣ, она имѣла какое то странное устройство: воротникъ ея уменьшался съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, ибо служилъ на подтачиванье другихъ частей ея. Подтачиванье не показывало искусства портного и выходило, точно, мѣшковато и некрасиво. Увидѣвши, въ чемъ дѣло, Акакій Акакіевичъ рѣшилъ, что шинель нужно будетъ снести къ Петровичу, портному, жившему гдѣ то въ четвертомъ этажѣ по черной лѣстницѣ, который, несмотря на свой кривой глазъ и рябизну по всему лицу, занимался довольно удачно починкой чиновничьихъ и всякихъ другихъ панталонъ и фраковъ, разумѣется, когда бывалъ въ трезвомъ состояніи и не питалъ въ головѣ какого-нибудь другого предпріятія. Объ этомъ портномъ, конечно, не слѣдовало бы много говорить, но такъ какъ уже заведено, чтобы въ повѣсти характеръ всякаго лица былъ совершенно означенъ, то, нечего дѣлать, подавайте намъ и Петровича сюда. Сначала онъ назывался просто Григорій и былъ крѣпостнымъ человѣкомъ у какого то барина; Петровичемъ онъ началъ называться съ тѣхъ поръ, какъ получилъ отпускную и сталъ попивать довольно сильно по всякимъ праздникамъ, сначала по большимъ, а потомъ, безъ разбору, по всѣмъ церковнымъ, гдѣ только стоялъ въ календарѣ крестикъ. Съ этой стороны онъ былъ вѣренъ дѣдовскимъ

обычаямъ и, споря съ женой, называлъ ее мірскою женщиной и нѣмкой. Такъ какъ мы уже заикнулись про жену, то нужно будетъ и о ней сказать слова два; но, къ сожалѣнію, о ней немного было извѣстно, развѣ только то, что у Петровича есть жена, носитъ даже чепчикъ, а не платокъ; но красотою, какъ кажется, она не могла похвастаться; по крайней мѣрѣ, при встрѣчѣ съ нею, одни только гвардейскіе солдаты заглядывали ей подъ чепчикъ, моргнувши усомъ и испустивши какой то особый голосъ.

Взбираясь по лѣстницѣ, ведшей къ Петровичу, которая — надобно отдать справедливость — была вся умащена водой, помоями и проникнута насквозь тѣмъ спиртуознымъ запахомъ, который ѣстъ глаза и, какъ извѣстно, присутствуетъ неотлучно на всѣхъ черныхъ лѣстницахъ петербургскихъ домовъ, — взбираясь по лѣстницѣ, Акакій Акакіевичъ уже подумывалъ о томъ, сколько запроситъ Петровичъ, и мысленно положилъ не давать больше двухъ рублей. Дверь была отворена, потому что хозяйка, готовя какую то рыбу, напустила столько дыму въ кухнѣ, что нельзя было видѣть даже и самыхъ таракановъ. Акакій Акакіевичъ прошелъ черезъ кухню, не замѣченный даже самою хозяйкою, и вступилъ, наконецъ, въ комнату, гдѣ увидѣлъ Петровича, сидѣвшаго на широкомъ деревянномъ некрашеномъ столѣ и подвернувшаго подъ себя ноги свои, какъ турецкій паша. Ноги, по обычаю портныхъ, сидящихъ за работою, были нагишомъ; и прежде всего бросился въ глаза большой палецъ, очень извѣстный Акакію Акакіевичу, съ какимъ то изуродованнымъ ногтемъ, толстымъ и крѣпкимъ, какъ у черепахи черепъ. На шеѣ у Петровича висѣлъ мотокъ шелку и нитокъ, а на колѣняхъ была какая то ветошь. Онъ уже минуты съ три продѣвалъ нитку въ игличное ухо, не попадалъ и потому очень сердился

на темноту и даже на самую нитку, ворча вполголоса: „Не лѣзетъ, варварка! Уѣла ты меня, шельма этакая!“ Акакію Акакіевичу было непріятно, что онъ пришелъ именно въ ту минуту, когда Петровичъ сердился: онъ любилъ что-либо заказывать Петровичу тогда, когда послѣдній былъ уже нѣсколько подъ-куражемъ, или, какъ выражалась жена его: „осадился сивухой, одноглазый чортъ“. Въ такомъ состояніи Петровичъ, обыкновенно, очень охотно уступалъ и соглашался, всякій разъ даже кланялся и благодарилъ. Потомъ, правда, приходила жена, плачась, что мужъ де былъ пьянъ и потому дешево взялся; но гривенникъ, бывало, одинъ прибавишь — и дѣло въ шляпѣ. Теперь же Петровичъ былъ, казалось, въ трезвомъ состояніи, а потому крутъ, несговорчивъ и охотникъ заламывать чортъ знаетъ какія цѣны. Акакій Акакіевичъ смекнулъ это и хотѣлъ было уже, какъ говорится, на попятный дворъ, но ужъ дѣло было начато. Петровичъ прищурилъ на него очень пристально свой единственный глазъ, и Акакій Акакіевичъ невольно выговорилъ:

— Здравствуй, Петровичъ!

— Здравствовать желаю, судырь, — сказалъ Петровичъ и покосилъ свой глазъ на руки Акакія Акакіевича, желая высмотрѣть, какого рода добычу тотъ несъ.

— А я вотъ къ тебѣ, Петровичъ, того...— Нужно знать, что Акакій Акакіевичъ изъяснялся большею частью предлогами, нарѣчіями и, наконецъ, такими частицами, которыя рѣшительно не имѣютъ никакого значенія. Если же дѣло было очень затруднительно, то онъ даже имѣлъ обыкновеніе совсѣмъ не оканчивать фразы, такъ что весьма часто, начавши рѣчь словами: „Это, право, совершенно того...“ а потомъ уже и ничего не было, и самъ онъ позабывалъ, думая, что все уже выговорилъ.

— Что жъ такое? — сказалъ Петровичъ и обсмотрѣлъ въ то же время своимъ единственнымъ глазомъ весь вицмундиръ его, начиная съ воротника до рукавовъ, спинки, фалдъ и петлей, что все было ему очень знакомо, потому что было собственной его работы. Таковъ ужъ обычай у портныхъ: это первое, что онъ сдѣлаетъ при встрѣчѣ.

— А я вотъ того, Петровичъ... шинель то, сукно... вотъ видишь, вездѣ въ другихъ мѣстахъ совсѣмъ крѣпкое... оно немножко запылилось и кажется, какъ будто старое, а сно новое, да вотъ только въ одномъ мѣстѣ немного того... на спинѣ, да еще вотъ на плечѣ одномъ немного попротерлось, да вотъ на этомъ плечѣ немножко... видишь? вотъ и все. И работы немного...

Петровичъ взялъ капотъ, разложилъ его сначала на столъ, разсматривалъ долго, покачалъ головою и полѣзъ рукою на окно за круглой табакеркой съ портретомъ какого то генерала, — какого именно, неизвѣстно, потому что мѣсто, гдѣ находилось лицо, было проткнуто пальцемъ и потомъ заклеено четвероугольнымъ лоскуточкомъ бумажки. Понюхавъ табаку, Петровичъ растопырилъ капотъ на рукахъ и разсмотрѣлъ его противъ свѣта, и опять покачалъ головою; вновь снялъ крышку съ генераломъ, заклееннымъ бумажкой, и, натащивши въ носъ табаку, закрылъ, спряталъ табакерку и, наконецъ, сказалъ:

— Нѣтъ, нельзя поправить: худой гардеробъ!

У Акакія Акакіевича при этихъ словахъ екнуло сердце.

— Отчего же нельзя, Петровичъ? — сказалъ онъ почти умоляющимъ голосомъ ребенка, — вѣдь только всего, что на плечахъ поистерлось; вѣдь у тебя есть же какіе-нибудь кусочки...

— Да кусочки то можно найти, кусочки най-

дутся, — сказалъ Петровичъ: — да нашить то нельзя: дѣло совсѣмъ гнилое, тронешь иглой, — вотъ ужъ оно и ползетъ.

— Пускай ползетъ, а ты тотчасъ заплаточку.

— Да заплаточки не на чемъ положить, укрѣпиться ей не за что: поддержка больно велика. Только слава, что сукно, а подуй вѣтеръ, такъ разлетится.

— Ну, да ужъ прикрѣпи. Какъ же этакъ, право, того!..

— Нѣтъ, — сказалъ Петровичъ рѣшительно, — ничего нельзя сдѣлать. Дѣло совсѣмъ плохое. Ужъ вы лучше, какъ придетъ зимнее холодное время, надѣлайте изъ нея себѣ онучекъ, потому что чулокъ не грѣетъ. Это нѣмцы выдумали, чтобы побольше себѣ денегъ забирать (Петровичъ любилъ при случаѣ кольнуть нѣмцевъ); а шинель ужъ, видно, вамъ придется новую дѣлать.

При словѣ „новую“ у Акакія Акакіевича затуманило въ глазахъ, и все, что ни было въ комнатѣ, такъ и пошло предъ нимъ путаться. Онъ видѣлъ ясно одного только генерала съ заклееннымъ бумажкой лицомъ, находившагося на крышкѣ Петровичевой табакерки.

— Какъ же новую? — сказалъ онъ, все еще какъ будто находясь во снѣ: — вѣдь у меня и денегъ на это нѣтъ.

— Да, новую, — сказалъ съ варварскимъ спокойствіемъ Петровичъ.

— Ну, а еслибы пришлось новую, какъ бы она того..?

— То есть, что будетъ стоить?

— Да.

— Да три полсотни слишкомъ надо будетъ приложить, — сказалъ Петровичъ и сжалъ при этомъ значительно губы. Онъ очень любилъ сильные эффекты, любилъ вдругъ какъ-нибудь озадачить совершенно и потомъ поглядѣть искоса,

какую озадаченный сдѣлаетъ рожу послѣ такихъ словъ.

— Полтораста рублей за шинель! — вскрикнулъ бѣдный Акакій Акакіевичъ, — вскрикнулъ, можетъ быть, въ первый разъ отъ-роду, ибо отличался всегда тихостью голоса.

— Да-съ, — сказалъ Петровичъ: — да еще какова шинель. Если положить на воротникъ куницу, да пустить капюшонъ на шелковой подкладкѣ, такъ и въ двѣсти войдетъ.

— Петровичъ, пожалуйста, — говорилъ Акакій Акакіевичъ умоляющимъ голосомъ, не слыша и не стараясь слышать сказанныхъ Петровичемъ словъ и всѣхъ его эффектовъ: — какъ-нибудь поправь, чтобы хоть сколько-нибудь еще послужила.

— Да нѣтъ, это выйдетъ — и работу убивать, и деньги попусту тратить, — сказалъ Петровичъ, и Акакій Акакіевичъ послѣ такихъ словъ вышелъ, совершенно уничтоженный. А Петровичъ, по уходѣ его, долго еще стоялъ, значительно сжавши губы и не принимаясь за работу, будучи доволенъ, что и себя не уронилъ, да и портного искусства тоже не выдалъ.

Вышедъ на улицу, Акакій Акакіевичъ былъ какъ во снѣ. „Этаково то дѣло этакое“, говорилъ онъ самъ себѣ: „я, право, и не думалъ, чтобы оно вышло того...“ а потомъ, послѣ нѣкотораго молчанія, прибавилъ: „такъ вотъ какъ! наконецъ, вотъ что вышло! а я, право, совсѣмъ и предполагать не могъ, чтобы оно было этакъ“. За нимъ послѣдовало опять долгое молчаніе, послѣ котораго онъ произнесъ: „Такъ этакъ то! вотъ какое ужъ, точно, никакъ неожиданное того... этого бы никакъ... этакое то обстоятельство!“ Сказавши это, онъ, вмѣсто того, чтобы идти домой, пошелъ совершенно въ противную сторону, самъ того не подозрѣвая. Дорогою задѣлъ его всѣмъ нечистымъ

своимъ бокомъ трубочистъ и вычернилъ все плечо ему; цѣлая шапка извести высыпалась на него съ верхушки строившагося дома. Онъ ничего этого не замѣтилъ, и потомъ уже, когда натолкнулся на будочника, который, поставя около себя свою алебарду, натряхивалъ изъ рожка на мозолистый кулакъ табаку, тогда только немного очнулся, и то потому, что будочникъ сказалъ:

— Чего лѣзешь въ самое рыло? развѣ нѣтъ тебѣ трухтуара?

Это заставило его оглянуться и поворотить домой. Здѣсь только онъ началъ собирать мысли, увидѣлъ въ ясномъ и настоящемъ видѣ свое положеніе, сталъ разговаривать съ собою уже не отрывисто, но разсудительно и откровенно, какъ съ благоразумнымъ пріятелемъ, съ которымъ можно и говорить о дѣлѣ самомъ сердечномъ и близкомъ. „Ну, нѣтъ“, сказалъ Акакій Акакіевичъ: „теперь съ Петровичемъ нельзя толковать: онъ теперь того... жена, видно, какъ-нибудь поколотила его. А вотъ я лучше приду къ нему въ воскресный день утромъ: онъ послѣ канунешной субботы будетъ косить глазомъ и заспавшись, такъ ему нужно будетъ опохмелиться, а жена денегъ не дастъ, а въ это время я ему гривенничекъ и того въ руку — онъ и будетъ сговорчивѣе, и шинель тогда и того...“ Такъ разсудилъ самъ съ собою Акакій Акакіевичъ, ободрилъ себя и дождался перваго воскресенья, и, увидѣвъ издали, что жена Петровича куда то выходила изъ дому, онъ — прямо къ нему. Петровичъ, точно, послѣ субботы сильно косилъ глазомъ, голову держалъ къ полу и былъ совсѣмъ заспавшись; но при всемъ томъ, какъ только узналъ, въ чемъ дѣло, точно какъ будто его чортъ толкнулъ. — Нельзя, — сказалъ, — извольте заказать новую.

Акакій Акакіевичъ тутъ то и всунулъ ему гривенничекъ.

— Благодарствую, судырь, подкрѣплюсь маленечко за ваше здоровье, — сказалъ Петровичъ, — а ужъ объ шинели не извольте безпокоиться: она ни на какую годность не годится. Новую шинель ужъ я вамъ сошью на славу, ужъ на этомъ постоимъ.

Акакій Акакіевичъ еще было насчетъ починки, но Петровичъ не дослышалъ и сказалъ:

— Ужъ новую я вамъ сошью безпремѣнно, въ этомъ извольте положиться, старанье приложимъ. Можно будетъ даже такъ, какъ пошла мода, воротникъ будетъ застегиваться на серебряныя лапки подъ аплике.

Тутъ то увидѣлъ Акакій Акакіевичъ, что безъ новой шинели нельзя обойтись, и поникъ совершенно духомъ. Какъ же въ самомъ дѣлѣ, на что, на какія деньги ее сдѣлать? Конечно, можно бы отчасти положиться на будущее награжденіе къ празднику, но эти деньги давно уже размѣщены и распредѣлены впередъ. Требовалось завести новые панталоны, заплатить сапожнику старый долгъ за приставку новыхъ головокъ къ старымъ голенищамъ, да слѣдовало заказать швеѣ три рубахи да штуки двѣ того бѣлья, которое неприлично называть въ печатномъ слогѣ; словомъ, всѣ деньги совершенно должны были разойтися, и еслибы даже директоръ былъ такъ милостивъ, что, вмѣсто сорока рублей наградныхъ, опредѣлилъ бы сорокъ пять или пятьдесятъ, то все-таки останется какой-нибудь самый вздоръ, который въ шинельномъ капиталѣ будетъ капля въ морѣ. Хотя, конечно, онъ зналъ, что за Петровичемъ водилась блажь заломить вдругъ, чортъ знаетъ, какую непомѣрную цѣну, такъ что ужъ, бывало, сама жена не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть:

— Что ты съ ума сходишь, дуракъ такой! Въ другой разъ ни за что возьметъ работать, а теперь разнесла его нелегкая запросить такую цѣну, какой и самъ не стоитъ.

Хотя, конечно, онъ зналъ, что Петровичъ и за восемьдесятъ рублей возьмется сдѣлать; однако, все же, откуда взять эти восемьдесятъ рублей? Еще половину можно бы найти: половина бы отыскалась; можетъ быть, даже немножко и больше; но гдѣ взять другую половину?... Но прежде читателю должно узнать, гдѣ взялась первая половина. Акакій Акакіевичъ имѣлъ обыкновеніе со всякаго истрачиваемаго рубля откладывать по грошу въ небольшой ящичекъ, запертой на ключъ, съ прорѣзанною въ крышкѣ дырочкой для бросанія туда денегъ. По истеченіи всякаго полугода онъ ревизовалъ накопившуюся мѣдную сумму и замѣнялъ ее мелкимъ серебромъ. Такъ продолжалъ онъ съ давнихъ поръ, и такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, оказалось накопившейся суммы болѣе, чѣмъ на сорокъ рублей. Итакъ, половина была въ рукахъ; но гдѣ же взять другую половину? гдѣ взять другіе сорокъ рублей? Акакій Акакіевичъ думалъ-думалъ и рѣшилъ, что нужно будетъ уменьшить обыкновенныя издержки, хотя, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе одного года: изгнать употребленіе чаю по вечерамъ, не зажигать по вечерамъ свѣчи, а если что понадобится дѣлать, идти въ комнату къ хозяйкѣ и работать при ея свѣчкѣ; ходя по улицамъ, ступать какъ можно легче и осторожнѣе по камнямъ и плитамъ, почти на цыпочкахъ, чтобы такимъ образомъ не истереть скоровременно подметокъ; какъ можно рѣже отдавать прачкѣ мыть бѣлье, а чтобы не занашивалось, то всякій разъ, приходя домой, скидать его и оставаться въ одномъ только демикотоновомъ халатѣ, очень давнемъ и щадимомъ даже самымъ временемъ. Надобно сказать правду, что сначала ему было нѣсколько трудно привыкать къ такимъ ограниченіямъ, но потомъ какъ то привыклось и пошло на ладъ, — даже онъ совершенно пріучился голо-

дать по вечерамъ; но зато онъ питался духовно, нося въ мысляхъ своихъ вѣчную идею будущей шинели. Съ этихъ поръ какъ будто самое существованіе его сдѣлалось какъ то полнѣе, какъ будто бы онъ женился, какъ будто какой то другой человѣкъ присутствовалъ съ нимъ, какъ будто онъ былъ не одинъ, а какая то пріятная подруга жизни согласилась съ нимъ проходить вмѣстѣ жизненную дорогу, — и подруга эта была не кто другая, какъ та же шинель, на толстой ватѣ, на крѣпкой подкладкѣ безъ износу. Онъ сдѣлался какъ то живѣе, даже тверже характеромъ, какъ человѣкъ, который уже опредѣлилъ и поставилъ себѣ цѣль. Съ лица и съ поступковъ его исчезло само собою сомнѣніе, нерѣшительность, словомъ — всѣ колеблющіяся и неопредѣленныя черты. Огонь порою показывался въ глазахъ его, въ головѣ даже мелькали самыя дерзкія и отважныя мысли: не положить ли, точно, куницу на воротникъ? Размышленія объ этомъ чуть не навели на него разсѣянности. Одинъ разъ, переписывая бумагу, онъ чуть было даже не сдѣлалъ ошибки, такъ что почти вслухъ вскрикнулъ: „ухъ!“ и перекрестился. Въ продолженіе каждаго мѣсяца онъ, хотя одинъ разъ, навѣдывался къ Петровичу, чтобы поговорить о шинели: гдѣ лучше купить сукна, и какого цвѣта, и въ какую цѣну, — и хотя нѣсколько озабоченный, но всегда довольный возвращался домой, помышляя, что, наконецъ, придетъ же время, когда все это купится и когда шинель будетъ сдѣлана. Дѣло пошло даже скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Противу всякаго чаянія, директоръ назначилъ Акакію Акакіевичу не сорокъ или сорокъ пять, а цѣлыхъ шестьдесятъ рублей. Ужъ предчувствовалъ ли онъ, что Акакію Акакіевичу нужна шинель, или само собой такъ случилось, но только у него чрезъ это очутилось лишнихъ двадцать рублей. Это обстоятельство ускорило ходъ дѣла. Еще какихъ-ни-

будь два-три мѣсяца небольшого голоданья — и у Акакія Акакіевича набралось, точно, около восьмидесяти рублей. Сердце его, вообще весьма покойное, начало биться. Въ первый же день онъ отправился вмѣстѣ съ Петровичемъ въ лавки. Купили сукна очень хорошаго — и не мудрено, потому что объ этомъ думали еще за полгода прежде и рѣдкій мѣсяцъ не заходили въ лавки примѣняться къ цѣнамъ; зато самъ Петровичъ сказалъ, что лучше сукна и не бываетъ. На подкладку выбрали коленкору, но такого добротнаго и плотнаго, который, по словамъ Петровича, былъ еще лучше шелку и даже на видъ казистѣй и глянцовитѣй. Куницы не купили, потому что была, точно, дорога, а вмѣсто ея выбрали кошку, лучшую, какая только нашлась въ лавкѣ, — кошку, которую издали можно было всегда принять за куницу. Петровичъ провозился за шинелью всего двѣ недѣли, потому что много было стеганья, а иначе она была бы готова раньше. За работу Петровичъ взялъ двѣнадцать рублей — меньше никакъ нельзя было: все было рѣшительно шито на шелку, двойнымъ мелкимъ швомъ, и по всякому шву Петровичъ потомъ проходилъ собственными зубами, вытѣсняя ими разныя фигуры. Это было... трудно сказать, въ который именно день, но, вѣроятно, въ день самый торжественнѣйшій въ жизни Акакія Акакіевича, когда Петровичъ принесъ, наконецъ, шинель. Онъ принесъ ее поутру, передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ нужно было идти въ департаментъ. Никогда бы въ другое время не пришлась такъ кстати шинель, потому что начинались уже довольно крѣпкіе морозы и, казалось, грозили еще болѣе усилиться. Петровичъ явился съ шинелью, какъ слѣдуетъ хорошему портному. Въ лицѣ его показалось выраженіе такое значительное, какого Акакій Акакіевичъ никогда еще не видалъ. Казалось, онъ чувствовалъ въ пол-

ной мѣрѣ, что сдѣлалъ не малое дѣло и что вдругъ показалъ въ себѣ бездну, раздѣляющую портныхъ, которые подставляютъ только подкладки и переправляютъ, отъ тѣхъ, которые шьютъ заново. Онъ вынулъ шинель изъ носового платка, въ которомъ ее принесъ (платокъ былъ только что отъ прачки; онъ уже потомъ свернулъ его и положилъ въ карманъ для употребленія). Вынувши шинель, онъ весьма гордо посмотрѣлъ и, держа въ обѣихъ рукахъ, набросилъ весьма ловко на плеча Акакію Акакіевичу, потомъ потянулъ и осадилъ ее сзади рукой книзу; потомъ драпировалъ ею Акакія Акакіевича нѣсколько на-распашку. Акакій Акакіевичъ, какъ человѣкъ въ лѣтахъ, хотѣлъ попробовать въ рукава; Петровичъ помогъ надѣть и въ рукава — вышло, что и въ рукава была хороша. Словомъ, оказалось, что шинель была совершенно и какъ разъ впору. Петровичъ не упустилъ при семъ случаѣ сказать, что онъ такъ только, потому что живетъ безъ вывѣски на небольшой улицѣ и притомъ давно знаетъ Акакія Акакіевича, потому взялъ такъ дешево, а на Невскомъ проспектѣ съ него бы взяли за одну только работу семьдесятъ пять рублей. Акакій Акакіевичъ объ этомъ не хотѣлъ разсуждать съ Петровичемъ, да и боялся всѣхъ сильныхъ суммъ, какими Петровичъ любилъ запускать пыль. Онъ расплатился съ нимъ, поблагодарилъ и вышелъ тутъ же въ новой шинели въ департаментъ. Петровичъ вышелъ вслѣдъ за нимъ и, оставаясь на улицѣ, долго еще смотрѣлъ издали на шинель и потомъ пошелъ нарочно въ сторону, чтобы, обогнувши кривымъ переулкомъ, забѣжать вновь на улицу и посмотрѣть еще разъ на свою шинель съ другой стороны, то есть прямо въ лицо. Между тѣмъ Акакій Акакіевичъ шелъ въ самомъ праздничномъ расположеніи всѣхъ чувствъ. Онъ чувствовалъ всякій мигъ минуты, что на плечахъ его

новая шинель, и нѣсколько разъ даже усмѣхнулся отъ внутренняго удовольствія. Въ самомъ дѣлѣ, двѣ выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо. Дороги онъ не примѣтилъ вовсе и очутился вдругъ въ департаментѣ; въ швейцарской онъ скинулъ шинель, осмотрѣлъ ее кругомъ и поручилъ въ особенный надзоръ швейцару. Неизвѣстно, какимъ образомъ въ департаментѣ всѣ вдругъ узнали, что у Акакія Акакіевича новая шинель, и что уже капота болѣе не существуетъ. Всѣ въ ту же минуту выбѣжали въ швейцарскую смотрѣть новую шинель Акакія Акакіевича. Начали поздравлять его, привѣтствовать, такъ что тотъ сначала только улыбался, а потомъ сдѣлалось ему даже стыдно. Когда же всѣ, приступивъ къ нему, стали говорить, что нужно вспрыснуть новую шинель и что, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ задать имъ всѣмъ вечеръ, Акакій Акакіевичъ потерялся совершенно, не зналъ, какъ ему быть, что такое отвѣчать и какъ отговориться. Онъ уже минутъ черезъ нѣсколько, весь закраснѣвшись, началъ было увѣрять довольно простодушно, что это совсѣмъ не новая шинель, что это такъ, что это старая шинель. Наконецъ, одинъ изъ чиновниковъ, какой то даже помощникъ столоначальника, вѣроятно, для того, чтобы показать, что онъ ничуть не гордецъ и знается даже съ низшими себя, сказалъ:

— Такъ и быть, я вмѣсто Акакія Акакіевича даю вечеръ, и прошу ко мнѣ сегодня на чай: я же, какъ нарочно, сегодня именинникъ.

Чиновники, натурально, тутъ же поздравили помощника столоначальника и приняли съ охотою предложеніе. Акакій Акакіевичъ началъ было отговариваться, но всѣ стали говорить, что неучтиво, что, просто, стыдъ и срамъ, и онъ ужъ никакъ не могъ отказаться. Впрочемъ, ему потомъ сдѣлалось пріятно, когда вспомнилъ, что онъ будетъ

имѣть чрезъ то случай пройтись даже и ввечеру въ новой шинели. Этотъ весь день былъ для Акакія Акакіевича точно самый большой торжественный праздникъ. Онъ возвратился домой въ самомъ счастливомъ расположеніи духа, скинулъ шинель и повѣсилъ ее бережно на стѣнѣ, налюбовавшись еще разъ сукномъ и подкладкой, и потомъ нарочно вытащилъ, для сравненья прежній капотъ свой, совершенно расползшійся. Онъ взглянулъ на него, и самъ даже засмѣялся: такая была далекая разница! И долго еще потомъ за обѣдомъ онъ все усмѣхался, какъ только приходило ему на умъ положеніе, въ которомъ находился капотъ. Пообѣдалъ онъ весело и послѣ обѣда ужъ ничего не писалъ, никакихъ бумагъ, а такъ немножко посибаритствовалъ на постели, пока не потемнѣло. Потомъ, не затягивая дѣла, одѣлся, надѣлъ на плечи шинель и вышелъ на улицу. Гдѣ именно жилъ пригласившій чиновникъ, къ сожалѣнію, не можемъ сказать: память начинаетъ намъ сильно измѣнять, и все, что ни есть въ Петербургѣ, всѣ улицы и дома слились и смѣшались такъ въ головѣ, что весьма трудно достать оттуда что-нибудь въ порядочномъ видѣ. Какъ бы то ни было, но вѣрно по крайней мѣрѣ то, что чиновникъ жилъ въ лучшей части города, стало быть, очень неблизко отъ Акакія Акакіевича. Сначала надо было Акакію Акакіевичу пройти кое-какія пустынныя улицы съ тощимъ освѣщеніемъ, но, по мѣрѣ приближенія къ квартирѣ чиновника, улицы становились живѣе, населеннѣй и сильнѣе освѣщены; пѣшеходы стали мелькать чаще, начали попадаться и дамы, красиво одѣтыя; на мужчинахъ попадались бобровые воротники; рѣже встрѣчались ваньки съ деревянными рѣшетчатыми своими санками, утыканными позолоченными гвоздочками; напротивъ, все попадались лихачи въ малиновыхъ бархатныхъ шапкахъ, съ лакированными санками,

съ медвѣжьими одѣялами, и пролетали улицу, визжа колесами по снѣгу, кареты съ убранными козлами. Акакій Акакіевичъ глядѣлъ на все это, какъ на новость: онъ уже нѣсколько лѣтъ не выходилъ по вечерамъ на улицу. Остановился съ любопытствомъ передъ освѣщеннымъ окошкомъ магазина посмотрѣть на картину, гдѣ изображена была какая то красивая женщина, которая скидала съ себя башмакъ, обнаживши такимъ образомъ всю ногу, очень недурную; а за спиной ея, изъ дверей другой комнаты, выставилъ голову какой то мужчина съ бакенбардами и красивой эспаньолкой подъ губой. Акакій Акакіевичъ покачнулъ головой и усмѣхнулся, и потомъ пошелъ своею дорогою. Почему онъ усмѣхнулся? потому ли, что встрѣтилъ вещь вовсе незнакомую, но о которой, однакоже, все-таки у каждаго сохраняется какое то чутье, или подумалъ онъ, подобно многимъ другимъ чиновникамъ, слѣдующее: „Ну, ужъ эти французы! что и говорить! Ужъ ежели захотятъ что-нибудь того, такъ ужъ, точно, того...“? А, можетъ быть, даже и этого не подумалъ: вѣдь нельзя же залѣзть въ душу человѣка и узнать все, что онъ ни думаетъ. Наконецъ, достигнулъ онъ дома, въ которомъ квартировалъ помощникъ столоначальника. Помощникъ столоначальника жилъ на большую ногу: на лѣстницѣ свѣтилъ фонарь, квартира была во второмъ этажѣ. Вошедши въ переднюю, Акакій Акакіевичъ увидѣлъ на полу цѣлые ряды калошъ. Между ними, посреди комнаты, стоялъ самоваръ, шумя и испуская клубами паръ. На стѣнахъ висѣли все шинели да плащи, между которыми нѣкоторые были даже съ бобровыми воротниками или съ бархатными отворотами. За стѣной былъ слышенъ шумъ и говоръ, которые вдругъ сдѣлались ясными и звонкими, когда отворилась дверь и вышелъ лакей съ подносомъ, уставленнымъ опорожненными стаканами, сливочникомъ

и корзиною сухарей. Видно, что ужъ чиновники давно собрались и выпили по первому стакану чаю. Акакій Акакіевичъ, повѣсивши самъ шинель свою, вошелъ въ комнату, и передъ нимъ мелькнули въ одно время свѣчи, чиновники, трубки, столы для картъ, и смутно поразили слухъ его бѣглый, со всѣхъ сторонъ подымавшійся разговоръ и шумъ передвигаемыхъ стульевъ. Онъ остановился весьма неловко среди комнаты, ища и стараясь придумать, что ему сдѣлать. Но его уже замѣтили, приняли съ крикомъ, и всѣ пошли тотъ же часъ въ переднюю и вновь осмотрѣли его шинель. Акакій Акакіевичъ хотя было отчасти и сконфузился, но, будучи человѣкомъ чистосердечнымъ, не могъ не порадоваться, видя, какъ всѣ похвалили шинель. Потомъ, разумѣется, всѣ бросили и его, и шинель, и обратились, какъ водится, къ столамъ, назначеннымъ для виста. Все это: шумъ, говоръ и толпа людей, — все это было какъ то чудно Акакію Акакіевичу. Онъ, просто, не зналъ, какъ ему быть, куда дѣть руки, ноги и всю фигуру свою; наконецъ, подсѣлъ онъ къ игравшимъ, смотрѣлъ въ карты, засматривалъ тому и другому въ лица и чрезъ нѣсколько времени началъ зѣвать, чувствовать, что скучно, — тѣмъ болѣе, что ужъ давно наступило то время, въ которое онъ, по обыкновенію, ложился спать. Онъ хотѣлъ проститься съ хозяиномъ, но его не пустили, говоря, что непремѣнно надо выпить, въ честь обновки, по бокалу шампанскаго. Черезъ часъ подали ужинъ, состоящій изъ винегрета, холодной телятины, паштета, кондитерскихъ пирожковъ и шампанскаго. Акакія Акакіевича заставили выпить два бокала, послѣ которыхъ онъ почувствовалъ, что въ комнатѣ сдѣлалось веселѣе, однакожъ, никакъ не могъ позабыть, что уже двѣнадцать часовъ и что давно пора домой. Чтобы какъ-нибудь не вздумалъ удерживать хозяинъ, онъ вышелъ потихоньку изъ ком-

наты, отыскалъ въ передней шинель, которую не безъ сожалѣнія увидѣлъ лежавшею на полу, стряхнулъ ее, снялъ съ нея всякую пушинку, надѣлъ на плечи и опустился по лѣстницѣ на улицу. На улицѣ все еще было свѣтло. Кое-какія мелочныя лавчонки, эти безсмѣнные клубы дворовыхъ и всякихъ людей, были отперты; другія же, которыя были заперты, показывали, однакожъ, длинную струю свѣта во всю дверную щель, означавшую, что онѣ не лишены еще общества, и, вѣроятно, дворовыя служанки или слуги еще доканчиваютъ свои толки и разговоры, повергая своихъ господъ въ совершенное недоумѣніе насчетъ своего мѣстопребыванія. Акакій Акакіевичъ шелъ въ веселомъ расположеніи духа, даже побѣжалъ было вдругъ, неизвѣстно почему, за какою то дамою, которая, какъ молнія, прошла мимо и у которой всякая часть тѣла была исполнена необыкновеннаго движенія. Но, однакожъ, онъ тутъ же остановился и пошелъ опять по-прежнему очень тихо, подивясь даже самъ неизвѣстно откуда взявшейся рыси. Скоро потянулись передъ нимъ тѣ пустынныя улицы, которыя даже и днемъ не такъ веселы, а тѣмъ болѣе вечеромъ. Теперь онѣ сдѣлались еще глуше и уединеннѣе: фонари стали мелькать рѣже — масла, какъ видно, уже меньше отпускалось; пошли деревянные домы, заборы; нигдѣ ни души; сверкалъ только одинъ снѣгъ по улицамъ, да печально чернѣли съ закрытыми ставнями заснувшія низенькія лачужки. Онъ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ перерѣзывалась улица безконечною площадью съ едва видными на другой сторонѣ ея домами, которая глядѣла страшною пустынею.

Вдали, Богъ знаетъ гдѣ, мелькалъ огонекъ въ какой то будкѣ, которая казалась стоявшею на краю свѣта. Веселость Акакія Акакіевича какъ то здѣсь значительно уменьшилась. Онъ вступилъ

на площадь не безъ какой то невольной боязни, точно какъ будто сердце его предчувствовало что то недоброе. Онъ оглянулся назадъ и по сторонамъ — точно море вокругъ него. „Нѣтъ, лучше и не глядѣть“, подумалъ и шелъ, закрывъ глаза, и когда открылъ ихъ, чтобы узнать, близко ли конецъ площади, увидѣлъ вдругъ, что передъ нимъ стоятъ, почти передъ носомъ, какіе то люди съ усами, — какіе именно, ужъ этого онъ не могъ даже различить. У него затуманило въ глазахъ и забилось въ груди.

— А вѣдь шинель то моя! — сказалъ одинъ изъ нихъ громовымъ голосомъ, схвативши его за воротникъ.

Акакій Акакіевичъ хотѣлъ было уже закричать: „караулъ“, какъ другой приставилъ ему къ самому рту кулакъ, величиною въ чиновничью голову, примолвивъ:

— А вотъ только крикни!

Акакій Акакіевичъ чувствовалъ только, какъ сняли съ него шинель, дали ему пинка колѣномъ, и онъ упалъ навзничь въ снѣгъ и ничего ужъ больше не чувствовалъ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ опомнился и поднялся на ноги, но ужъ никого не было. Онъ чувствовалъ, что въ полѣ холодно и шинели нѣтъ, сталъ кричать: но голосъ, казалось, и не думалъ долетать до концовъ площади. Отчаянный, не уставая кричать, пустился онъ бѣжать черезъ площадь прямо къ будкѣ, подлѣ которой стоялъ будочникъ и, опершись на свою алебарду, глядѣлъ, кажется, съ любопытствомъ, желая знать, какого чорта бѣжитъ къ нему издали и кричитъ человѣкъ. Акакій Акакіевичъ, прибѣжавъ къ нему, началъ задыхающимся голосомъ кричать, что онъ спитъ и ни за чѣмъ не смотритъ, не видитъ, какъ грабятъ человѣка. Будочникъ отвѣчалъ, что онъ не видалъ ничего, что видѣлъ, какъ остановили его среди площади какіе то два

человѣка, да думалъ, что то были его пріятели; а что пусть онъ вмѣсто того, чтобы понапрасну браниться, сходитъ завтра къ надзирателю, такъ надзиратель отыщетъ, кто взялъ шинель. Акакій Акакіевичъ прибѣжалъ домой въ совершенномъ безпорядкѣ: волосы, которые еще водились у него въ небольшомъ количествѣ на вискахъ и затылкѣ, совершенно растрепались; бокъ и грудь, и всѣ панталоны были въ снѣгу. Старуха, хозяйка квартиры его, услыша страшный стукъ въ дверь, поспѣшно вскочила съ постели и, съ башмакомъ на одной только ногѣ, побѣжала отворять дверь, придерживая на груди своей, изъ скромности, рукою рубашку; но, отворивъ, отступила назадъ, увидя въ такомъ видѣ Акакія Акакіевича. Когда же разсказалъ онъ, въ чемъ дѣло, она всплеснула руками и сказала, что нужно идти прямо къ частному, что квартальный надуетъ, пообѣщается и станетъ водить; а лучше всего идти прямо къ частному, что онъ даже ей знакомъ, потому что Анна, чухонка, служившая прежде у нея въ кухаркахъ, опредѣлилась теперь къ частному въ няньки, что она часто видитъ его самого, какъ онъ проѣзжаетъ мимо ихъ дома, и что онъ бываетъ также всякое воскресенье въ церкви, молится, а въ то же время весело смотритъ на всѣхъ, и что, стало быть, по всему видно, долженъ быть добрый человѣкъ. Выслушавъ такое рѣшеніе, Акакій Акакіевичъ, печальный, побрелъ въ свою комнату, и какъ онъ провелъ тамъ ночь — предоставляется судить тому, кто можетъ сколько-нибудь представить себѣ положеніе другого. Поутру рано отправился онъ къ частному; но сказали, что спитъ; онъ пришелъ въ десять — сказали опять: „спитъ“; онъ пришелъ въ одиннадцать часовъ — сказали: „да нѣтъ частнаго дома“; онъ въ обѣденное время — но писаря въ прихожей никакъ не хотѣли пустить его и хотѣли непремѣнно узнать, за какимъ дѣломъ и какая

надобность привела, и что такое случилось; такъ что, наконецъ, Акакій Акакіевичъ разъ въ жизни захотѣлъ показать характеръ и сказалъ наотрѣзъ, что ему нужно лично видѣть самого частнаго, что они не смѣютъ его не допустить, и что онъ пришелъ изъ департамента за казеннымъ дѣломъ, а что вотъ, какъ онъ на нихъ пожалуется, такъ вотъ тогда они увидятъ. Противъ этого писаря ничего не посмѣли сказать, и одинъ изъ нихъ пошелъ вызвать частнаго. Частный принялъ какъ то чрезвычайно странно разсказъ о грабительствѣ шинели. Вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на главный пунктъ дѣла, онъ сталъ разспрашивать Акакія Акакіевича: да почему онъ такъ поздно возвращался? да не заходилъ ли онъ и не былъ ли въ какомъ непорядочномъ домѣ? такъ что Акакій Акакіевичъ сконфузился совершенно и вышелъ отъ него, самъ не зная, возымѣетъ ли надлежащій ходъ дѣло о шинели, или нѣтъ. Весь этотъ день онъ не былъ въ присутствіи (единственный случай въ его жизни). На другой день онъ явился весь блѣдный и въ старомъ капотѣ своемъ, который сдѣлался еще плачевнѣе. Повѣствованіе о грабежѣ шинели, — несмотря на то, что нашлись такіе чиновники, которые не пропустили даже и тутъ посмѣяться надъ Акакіемъ Акакіевичемъ, — однакоже, многихъ тронуло. Рѣшились тутъ же сдѣлать для него складчину, но собрали самую бездѣлицу, потому что чиновники и безъ того уже много истратились, подписавшись на директорскій портретъ и на одну какую то книгу, по предложенію начальника отдѣленія, который былъ пріятелемъ сочинителю; итакъ, сумма оказалась самая бездѣльная. Одинъ кто то, движимый состраданіемъ, рѣшился, по крайней мѣрѣ, помочь Акакію Акакіевичу добрымъ совѣтомъ, сказавши, чтобъ онъ пошелъ не къ квартальному, потому что, хоть и можетъ случиться, что квартальный, желая за-

служить одобреніе начальства, отыщетъ какимъ-нибудь образомъ шинель, но шинель все-таки останется въ полиціи, если онъ не представитъ законныхъ доказательствъ, что она принадлежитъ ему; а лучше всего, чтобы онъ обратился къ одному значительному лицу; что значительное лицо, спишась и снесясь, съ кѣмъ слѣдуетъ, можетъ заставить успѣшнѣе идти дѣло. Нечего дѣлать, Акакій Акакіевичъ рѣшился идти къ значительному лицу. Какая именно и въ чемъ состояла должность значительнаго лица, это осталось до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Нужно знать, что одно значительное лицо недавно сдѣлался значительнымъ лицомъ, а до того времени онъ былъ незначительнымъ лицомъ. Впрочемъ, мѣсто его и теперь не почиталось значительнымъ, въ сравненіи съ другими, еще значительнѣйшими. Но всегда найдется такой кругъ людей, для которыхъ незначительное въ глазахъ прочихъ есть уже значительное. Впрочемъ, онъ старался усилить значительность многими другими средствами, именно: завелъ, чтобы низшіе чиновники встрѣчали его еще на лѣстницѣ, когда онъ приходилъ въ должность; чтобы къ нему являться прямо никто не смѣлъ, а чтобъ шло все порядкомъ строжайшимъ: коллежскій регистраторъ докладывалъ бы губернскому секретарю, губернскій секретарь — титулярному, или какому приходилось другому, и чтобы уже такимъ образомъ доходило дѣло до него. Такъ ужъ на святой Руси все заражено подражаніемъ: всякій дразнитъ и корчитъ своего начальника. Говорятъ даже, какой то титулярный совѣтникъ, когда сдѣлали его правителемъ какой то отдѣльной небольшой канцеляріи, тотчасъ же отгородилъ себѣ особенную комнату, назвавши ее „комнатой присутствія“, и поставилъ у дверей какихъ то капельдинеровъ, съ красными воротниками, въ галунахъ, которые брались за ручку

дверей и отворяли ее всякому приходившему, хотя въ „комнатѣ присутствія“ насилу могъ уставиться обыкновенный письменный столъ. Пріемы и обычаи значительнаго лица были солидны и величественны, но немногосложны. Главнымъ основаніемъ его системы была строгость. „Строгость, строгость и — строгость“, говаривалъ онъ обыкновенно, и при послѣднемъ словѣ обыкновенно смотрѣлъ очень значительно въ лицо тому, которому говорилъ, хотя, впрочемъ, этому и не было никакой причины, потому что десятокъ чиновниковъ, составлявшихъ весь правительственный механизмъ канцеляріи, и безъ того былъ въ надлежащемъ страхѣ: завидя его издали, оставлялъ уже дѣло и ожидалъ, стоя въ вытяжку, пока начальникъ пройдетъ черезъ комнату. Обыкновенный разговоръ его съ низшими отзывался строгостью и состоялъ почти изъ трехъ фразъ:

— Какъ вы смѣете? знаете ли вы, съ кѣмъ говорите? понимаете ли, кто стоитъ передъ вами?

Впрочемъ, онъ былъ въ душѣ добрый человѣкъ, хорошъ съ товарищами, услужливъ; но генеральскій чинъ совершенно сбилъ его съ толку. Получивши генеральскій чинъ, онъ какъ то спутался, сбился съ пути и совершенно не зналъ, какъ ему быть. Если ему случалось быть съ ровными себѣ, онъ былъ еще человѣкъ, какъ слѣдуетъ, — человѣкъ очень порядочный, во многихъ отношеніяхъ даже неглупый человѣкъ; но, какъ только случалось ему быть въ обществѣ, гдѣ были люди хоть однимъ чиномъ пониже его, тамъ онъ былъ, просто, хоть изъ рукъ вонъ: молчалъ, и положеніе его возбуждало жалость тѣмъ болѣе, что онъ самъ даже чувствовалъ, что могъ бы провести время несравненно лучше. Въ глазахъ его иногда видно было сильное желаніе присоединиться къ какому-нибудь интересному разговору и кружку, но останавливала его мысль: не будетъ ли

это ужъ очень много съ его стороны, не будетъ ли фамиліарно, и не уронитъ ли онъ чрезъ то своего значенія? И вслѣдствіе такихъ разсужденій онъ оставался вѣчно въ одномъ и томъ же молчаливомъ состояніи, произнося только изрѣдка какіе то односложные звуки, и пріобрѣлъ такимъ образомъ титулъ скучнѣйшаго человѣка. Къ такому то значительному лицу явился нашъ Акакій Акакіевичъ, и явился во время самое неблагопріятное, весьма некстати для себя, хотя, впрочемъ, кстати для значительнаго лица. Значительное лицо находился въ своемъ кабинетѣ и разговорился очень-очень весело съ однимъ недавно пріѣхавшимъ стариннымъ знакомымъ и товарищемъ дѣтства, съ которымъ нѣсколько лѣтъ не видался. Въ это время доложили ему, что пришелъ какой то Башмачкинъ. Онъ спросилъ отрывисто: „Кто такой?“ ему отвѣчали: „Какой то чиновникъ“. — „А! можетъ подождать, теперь не время“, сказалъ значительный человѣкъ. Здѣсь надобно сказать, что значительный человѣкъ совершенно прилгнулъ: ему было время; они давно уже съ пріятелемъ переговорили обо всемъ и уже давно перекладывали разговоръ весьма длинными молчаньями, слегка только потрепливая другъ друга по ляжкѣ и приговаривая: „такъ то, Иванъ Абрамовичъ!“ — „этакъ то, Степанъ Варламовичъ!“ но при всемъ томъ, однакоже, велѣлъ онъ чиновнику подождать, чтобы показать пріятелю, человѣку, давно не служившему и зажившемуся дома въ деревнѣ, сколько времени чиновники дожидаются у него въ передней. Наконецъ, наговорившись, а еще болѣе намолчавшись вдоволь и выкуривши сигарку, въ весьма покойныхъ креслахъ съ откидными спинками, онъ, наконецъ, какъ будто вдругъ вспомнилъ и сказалъ секретарю, остановившемуся у дверей съ бумагами для доклада:

— Да, вѣдь тамъ стоитъ, кажется, чиновникъ; скажите ему, что онъ можетъ войти.

Увидѣвши смиренный видъ Акакія Акакіевича и его старенькій вицмундиръ, онъ оборотился къ нему вдругъ и сказалъ: „что вамъ угодно?“ голосомъ отрывистымъ и твердымъ, которому нарочно учился заранѣе у себя въ комнатѣ, въ уединеніи и передъ зеркаломъ, еще за недѣлю до полученія нынѣшняго своего мѣста и генеральскаго чина. Акакій Акакіевичъ уже заблаговременно почувствовалъ надлежащую робость, нѣсколько смутился и, какъ могъ, сколько могла позволить ему свобода языка, изъяснилъ, съ прибавленіемъ даже чаще, чѣмъ въ другое время, частицъ, „того“, что была-де шинель совершенно новая, и теперь ограбленъ безчеловѣчнымъ образомъ, и что онъ обращается къ нему, чтобъ онъ ходатайствомъ своимъ какъ-нибудь того списался бы съ г. оберъ-полицеймейстеромъ или другимъ кѣмъ и отыскалъ шинель. Генералу, неизвѣстно почему, показалось такое обхожденіе фамиліарнымъ.

— Что вы, милостивый государь. — продолжалъ онъ отрывисто; — не знаете порядка? Куда вы зашли? Не знаете, какъ водятся дѣла? Объ этомъ вы бы должны были прежде подать просьбу въ канцелярію; она пошла бы къ столоначальнику, къ начальнику отдѣленія, потомъ передана была бы секретарю, а секретарь доставилъ бы ее уже мнѣ...

— Но, ваше превосходительство, — сказалъ Акакій Акакіевичъ, стараясь собрать всю небольшую горсть присутствія духа, какая только въ немъ была, и чувствуя въ то же время, что онъ вспотѣлъ ужаснымъ образомъ, — я, ваше превосходительство, осмѣлился утрудить потому, что секретари того... ненадежный народъ...

— Что, что, что? — сказалъ значительное

лицо, — откуда вы набрались такого духу? Откуда вы мыслей такихъ набрались? Что за буйство такое распространилось между молодыми людьми противъ начальниковъ и высшихъ! — Значительное лицо, кажется, не замѣтилъ, что Акакію Акакіевичу забралось уже за пятьдесятъ лѣтъ, стало быть, еслибы онъ и могъ назваться молодымъ человѣкомъ, то развѣ только относительно, то есть, въ отношеніи къ тому, кому уже было семьдесятъ лѣтъ. — Знаете ли вы, кому это говорите? Понимаете ли вы, кто стоитъ передъ вами? Понимаете ли вы это? Понимаете ли это? я васъ спрашиваю. — Тутъ онъ топнулъ ногою, возведя голосъ до такой сильной ноты, что даже и не Акакію Акакіевичу сдѣлалось бы страшно. Акакій Акакіевичъ такъ и обмеръ, пошатнулся, затрясся всѣмъ тѣломъ и никакъ не могъ стоять: еслибы не подбѣжали тутъ же сторожа поддержать его, онъ бы шлепнулся на полъ; его вынесли почти безъ движенія. А значительное лицо, довольный тѣмъ, что эффектъ превзошелъ даже ожиданіе, и совершенно упоенный мыслью, что слово его можетъ лишить даже чувствъ человѣка, искоса взглянулъ на пріятеля, чтобы узнать, какъ онъ на это смотритъ, и не безъ удовольствія увидѣлъ, что пріятель его находился въ самомъ неопредѣленномъ состояніи и начиналъ даже съ своей стороны самъ чувствовать страхъ.

Какъ сошелъ съ лѣстницы, какъ вышелъ на улицу, — ничего ужъ этого не помнилъ Акакій Акакіевичъ. Онъ не слышалъ ни рукъ, ни ногъ: въ жизнь свою онъ не былъ еще такъ сильно распеченъ генераломъ, да еще и чужимъ. Онъ шелъ по вьюгѣ, свистѣвшей въ улицахъ, разинувъ ротъ, сбиваясь съ тротуаровъ; вѣтеръ, по петербургскому обычаю, дулъ на него со всѣхъ четырехъ сторонъ, изъ всѣхъ переулковъ. Вмигъ надуло ему въ горло жабу, и добрался онъ домой, не въ силахъ будучи

сказать ни одного слова; весь распухъ и слегъ въ постель. Такъ сильно иногда бываетъ надлежащее распеканье! На другой же день обнаружилась у него сильная горячка. Благодаря великодушному вспомоществованію петербургскаго климата, болѣзнь пошла быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать, и когда явился докторъ, то онъ, пощупавши пульсъ, ничего не нашелся сдѣлать, какъ только прописать припарку, единственно уже для того, чтобы больной не остался безъ благодѣтельной помощи медицины; а, впрочемъ, тутъ же объявилъ ему чрезъ полтора сутокъ непремѣнный капутъ, послѣ чего обратился къ хозяйкѣ и сказалъ:

— А вы, матушка, и времени даромъ не теряйте, закажите ему теперь же сосновый гробъ, потому что дубовый будетъ для него дорогъ.

Слышалъ ли Акакій Акакіевичъ эти произнесенныя роковыя для него слова, а если и слышалъ, произвели ли они на него потрясающее дѣйствіе, пожалѣлъ ли онъ о горемычной своей жизни, — ничего этого неизвѣстно, потому что онъ находился все время въ бреду и жару. Явленія, одно другого страннѣе, представлялись ему безпрестанно: то видѣлъ онъ Петровича и заказывалъ ему сдѣлать шинель съ какими то западнями для воровъ, которые чудились ему безпрестанно подъ кроватью, и онъ поминутно призывалъ хозяйку вытащить у него одного вора даже изъ-подъ одѣяла; то спрашивая, зачѣмъ виситъ передъ нимъ старый капотъ его, что у него есть новая шинель; то чудилось ему, что онъ стоитъ передъ генераломъ, выслушивая надлежащее распеканье, и приговариваетъ: „Виноватъ, ваше превосходительство!“, то, наконецъ, даже сквернохульничалъ, произнося самыя страшныя слова, такъ что старушка-хозяйка даже крестилась, отъ роду не слыхавъ отъ него ничего подобнаго, тѣмъ болѣе, что слова эти слѣ-

довали непосредственно за словомъ „ваше превосходительство“. Далѣе онъ говорилъ совершенную безсмыслицу, такъ что ничего нельзя было понять; можно было только видѣть, что безпорядочныя слова и мысли ворочались около одной и той же шинели. Наконецъ, бѣдный Акакій Акакіевичъ испустилъ духъ. Ни комнаты, ни вещей его не опечатывали, потому что, во-первыхъ, не было наслѣдниковъ, а во-вторыхъ, оставалось очень немного наслѣдства, именно: пучокъ гусиныхъ перьевъ, десть бѣлой казенной бумаги, три пары носковъ, двѣ-три пуговицы, оторвавшіяся отъ панталонъ, и уже извѣстный читателю капотъ. Кому все это досталось, Богъ знаетъ: объ этомъ, признаюсь, даже не интересовался разсказывающій сію повѣсть. Акакія Акакіевича свезли и похоронили. И Петербургъ остался безъ Акакія Акакіевича, какъ будто бы въ немъ его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никѣмъ не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя вниманіе и естествонаблюдателя, не пропускающаго посадить на булавку обыкновенную муху и разсмотрѣть ее въ микроскопъ, — существо, переносившее покорно канцелярскія насмѣшки и безъ всякаго чрезвычайнаго дѣла сошедшее въ могилу, но для котораго все же таки, хотя передъ самымъ концомъ жизни, мелькнулъ свѣтлый гость въ видѣ шинели, оживившій на мигъ бѣдную жизнь, и на которое такъ же потомъ нестерпимо обрушилось несчастіе, какъ обрушивается оно на главы сильныхъ міра сего!... Нѣсколько дней послѣ его смерти посланъ былъ къ нему на квартиру изъ департамента сторожъ, съ приказаніемъ немедленно явиться: начальникъ-де требуетъ; но сторожъ долженъ былъ возвратиться ни съ чѣмъ, давши отчетъ, что не можетъ больше придти, и на запросъ: „почему?“ выразился словами:

— Да такъ: ужъ онъ умеръ; четвертаго дня похоронили.

Такимъ образомъ узнали въ департаментѣ о смерти Акакія Акакіевича, и на другой день уже на его мѣстѣ сидѣлъ новый чиновникъ, гораздо выше ростомъ и выставлявшій буквы уже не такимъ прямымъ почеркомъ, а гораздо наклоннѣе и косѣе.

Но кто бы могъ вообразить, что здѣсь еще не все объ Акакіи Акакіевичѣ, что суждено ему на нѣсколько дней прожить шумно послѣ своей смерти, какъ бы въ награду за непримѣченную никѣмъ жизнь? Но такъ случилось, и бѣдная исторія наша неожиданно принимаетъ фантастическое окончаніе. По Петербургу пронеслись вдругъ слухи, что у Калинкина моста и далеко подальше сталъ показываться по ночамъ мертвецъ, въ видѣ чиновника, ищущаго какой то утащенной шинели, и, подъ видомъ стащенной шинели, сдирающій со всѣхъ плечъ, не разбирая чина и званія, всякія шинели: на кошкахъ, на бобрахъ, на ватѣ, енотовыя, лисьи, медвѣжьи шубы, — словомъ всякаго рода мѣха и кожи, какія только придумали люди для прикрытія собственной. Одинъ изъ департаментскихъ чиновниковъ видѣлъ своими глазами мертвеца и узналъ въ немъ тотчасъ Акакія Акакіевича; но это внушило ему, однакоже, такой страхъ, что онъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ и оттого не могъ хорошенько разсмотрѣть, а видѣлъ только, какъ тотъ издали погрозилъ ему пальцемъ. Со всѣхъ сторонъ поступали безпрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы еще только титулярныхъ, но даже и надворныхъ совѣтниковъ, подвержены совершенной простудѣ, по причинѣ частаго сдергиванья шинелей. Въ полиціи сдѣлано было распоряженіе поймать мертвеца, во что бы то ни стало, живого или мертваго, и наказать его, въ примѣръ другимъ, жесточайшимъ образомъ, и въ томъ едва было

даже не успѣли. Именно, будочникъ какого то квартала, въ Кирюшкиномъ переулкѣ, схватилъ было уже совершенно мертвеца за воротъ на самомъ мѣстѣ злодѣянія, на покушеніи сдернуть фризовую шинель съ какого то отставного музыканта, свиставшаго въ свое время на флейтѣ. Схвативши его за воротъ, онъ вызвалъ своимъ крикомъ двухъ товарищей, которымъ поручилъ держать его, а самъ полѣзъ только на одну минуту за сапогъ, чтобы вытащить оттуда тавлинку съ табакомъ, освѣжить на время шесть разъ на вѣку приморожeнный носъ свой; но табакъ, вѣрно, былъ такого рода, котораго не могъ вынести даже и мертвецъ. Не успѣлъ будочникъ, закрывши пальцемъ свою правую ноздрю, потянуть лѣвою полгорсти, какъ мертвецъ чихнулъ такъ сильно, что совершенно забрызгалъ имъ всѣмъ троимъ глаза. Покамѣстъ они поднесли кулаки протереть ихъ, мертвеца и слѣдъ пропалъ, такъ что они не знали даже, былъ ли онъ, точно, въ ихъ рукахъ. Съ этихъ поръ будочники получили такой страхъ къ мертвецамъ, что даже опасались хватать и живыхъ, и только издали покрикивали: „Эй, ты, ступай своею дорогою!“ и мертвецъ-чиновникъ сталъ показываться даже за Калинкинымъ мостомъ, наводя немалый страхъ на всѣхъ робкихъ людей. Но мы, однакоже, совершенно оставили одно значительное лицо, которое, по настоящему, едва ли не былъ причиною фантастическаго направленія, впрочемъ, совершенно истинной исторіи. Прежде всего долгъ справедливости требуетъ сказать, что одно значительное лицо, скоро по уходѣ бѣднаго, распеченнаго въ пухъ Акакія Акакіевича, почувствовалъ что то въ родѣ сожалѣнія. Состраданіе было ему не чуждо; его сердцу были доступны многія добрыя движенія, несмотря на то, что чинъ весьма часто мѣшалъ имъ обнаруживаться. Какъ только вышелъ изъ его каби-

нета пріѣзжій пріятель, онъ даже задумался о бѣдномъ Акакіи Акакіевичѣ. И съ этихъ поръ почти всякій день представлялся ему блѣдный Акакій Акакіевичъ, не выдержавшій должностного распеканья. Мысль о немъ до такой степени тревожила его, что, недѣлю спустя, онъ рѣшился даже послать къ нему чиновника узнать, что онъ, и какъ, и нельзя ли, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ помочь ему: и когда донесли ему, что Акакій Акакіевичъ умеръ скоропостижно въ горячкѣ, онъ остался даже пораженнымъ, слышалъ упреки совѣсти и весь день былъ не въ духѣ. Желая сколько-нибудь развлечься и позабыть непріятное впечатлѣніе, онъ отправился на вечеръ къ одному изъ пріятелей своихъ, у котораго нашелъ порядочное общество, а что всего лучше, всѣ тамъ были почти одного и того же чина, такъ что онъ совершенно ничѣмъ не могъ быть связанъ. Это имѣло удивительное дѣйствіе на душевное его расположеніе. Онъ развернулся, сдѣлался пріятенъ въ разговорѣ, любезенъ, — словомъ, провелъ вечеръ очень пріятно. За ужиномъ выпилъ онъ стакана два шампанскаго, — средство, какъ извѣстно, не дурно дѣйствующее въ разсужденіи веселости. Шампанское сообщило ему расположеніе къ разнымъ экстренностямъ, а именно: онъ рѣшилъ не ѣхать еще домой, а заѣхать къ одной знакомой дамѣ, Каролинѣ Ивановнѣ, — дамѣ, кажется, нѣмецкаго происхожденія, къ которой онъ чувствовалъ совершенно пріятельскія отношенія. Надобно сказать, что значительное лицо былъ уже человѣкъ не молодой, хорошій супругъ, почтенный отецъ семейства. Два сына, изъ которыхъ одинъ служилъ уже въ канцеляріи, и милозидная, шестнадцатилѣтняя дочь, съ нѣсколько выгнутымъ, но хорошенькимъ носикомъ, приходили каждый день цѣловать его руку, приговаривая: „bonjour, papa“. Супруга его, еще женщина свѣжая и даже ничуть

не дурная, давала ему прежде поцѣловать свою руку и потомъ, переворотивши ее на другую сторону, цѣловала его руку. Но значительное лицо, совершенно, впрочемъ, довольный домашними семейными нѣжностями, нашелъ приличнымъ имѣть для дружескихъ отношеній пріятельницу въ другой части города. Эта пріятельница была ничуть не лучше и не моложе жены его; но такія ужъ задачи бываютъ на свѣтѣ, и судить объ нихъ не наше дѣло. Итакъ, значительное лицо сошелъ съ лѣстницы, сѣлъ въ сани и сказалъ кучеру: „Къ Каролинѣ Ивановнѣ!“ а самъ, закутавшись весьма роскошно въ теплую шинель, оставался въ томъ пріятномъ положеніи, лучше котораго и не выдумаешь для русскаго человѣка, то есть, когда самъ ни о чемъ не думаешь, а между тѣмъ мысли сами лѣзутъ въ голову, одна другой пріятнѣе, не давая даже труда гоняться за ними и искать ихъ. Полный удовольствія, онъ слегка припоминалъ всѣ веселыя мѣста проведеннаго вечера, всѣ слова, заставившія хохотать небольшой кругъ; многія изъ нихъ онъ даже повторялъ вполголоса и нашелъ, что они все такъ же смѣшны, какъ и прежде, а потому не мудрено, что и самъ посмѣивался отъ души. Изрѣдка мѣшалъ ему, однакоже, порывистый вѣтеръ, который, выхвативши вдругъ, Богъ знаетъ откуда и нивѣсть отъ какой причины, такъ и рѣзалъ въ лицо, подбрасывая ему туда клочки снѣга, хлобуча, какъ парусъ, шинельный воротникъ, или вдругъ, съ неестественною силою набрасывая ему его на голову и доставляя такимъ образомъ вѣчныя хлопоты изъ него выкарабкиваться. Вдругъ почувствовалъ значительное лицо, что его ухватилъ кто то весьма крѣпко за воротникъ. Обернувшись, онъ замѣтилъ человѣка небольшого роста, въ старомъ, поношенномъ вицмундирѣ, и не безъ ужаса узналъ въ немъ Акакія Акакіевича. Лицо чиновника было блѣдно, какъ

снѣгъ, и глядѣло совершеннымъ мертвецомъ. Но ужасъ значительнаго лица превзошелъ всѣ границы, когда онъ увидѣлъ, что ротъ мертвеца покривился и, пахнувши на него страшно могилою, произнесъ такія рѣчи:

— А, такъ вотъ ты, наконецъ! Наконецъ, я тебя того, поймалъ за воротникъ! Твоей то шинели мнѣ и нужно! Не похлопоталъ объ моей, да еще и распекъ — отдавай же теперь свою!

Бѣдное значительное лицо чуть не умеръ. Какъ ни былъ онъ характеренъ въ канцеляріи и вообще передъ низшими, и хотя, взглянувши на одинъ мужественный видъ его и фигуру, всякій говорилъ: „У, какой характеръ!“ но здѣсь онъ, подобно весьма многимъ, имѣющимъ богатырскую наружность, почувствовалъ такой страхъ, что не безъ причины даже сталъ опасаться насчетъ какого-нибудь болѣзненнаго припадка. Онъ самъ даже скинулъ поскорѣе съ плечъ шинель свою и закричалъ кучеру не своимъ голосомъ:

— Пошелъ во весь духъ домой!

Кучеръ, услышавши голосъ, который произносится обыкновенно въ рѣшительныя минуты и даже сопровождается кое-чѣмъ гораздо дѣйствительнѣйшимъ, упряталъ на всякій случай голову свою въ плечи, замахнулся кнутомъ и помчался, какъ стрѣла. Минутъ въ шесть съ небольшимъ значительное лицо уже былъ передъ подъѣздомъ своего дома. Блѣдный, перепуганный и безъ шинели, вмѣсто того, чтобы къ Каролинѣ Ивановнѣ, онъ пріѣхалъ къ себѣ, доплелся кое-какъ до своей комнаты и провелъ ночь весьма въ большомъ безпорядкѣ, такъ что на другой день поутру за чаемъ, дочь ему сказала прямо:

— Ты сегодня совсѣмъ блѣденъ, папа.

Но папа молчалъ и никому ни слова о томъ, что съ нимъ случилось, и гдѣ онъ былъ, и куда хотѣлъ ѣхать. Это происшествіе сдѣлало на него

сильное впечатлѣніе. Онъ даже гораздо рѣже сталъ говорить подчиненнымъ: „какъ вы смѣете? понимаете ли, кто передъ вами?“ если же и произносилъ, то ужъ не прежде, какъ выслушавши сперва, въ чемъ дѣло. Но еще болѣе замѣчательно то, что съ этихъ поръ совершенно прекратилось появленіе чиновника-мертвеца: видно, генеральская шинель пришлась ему совершенно по плечамъ; по крайней мѣрѣ, уже не было нигдѣ слышно такихъ случаевъ, чтобы сдергивали съ кого шинели. Впрочемъ, многіе дѣятельные и заботливые люди никакъ не хотѣли успокоиться и поговаривали, что въ дальнихъ частяхъ города все еще показывался чиновникъ-мертвецъ. И точно, одинъ коломенскій будочникъ видѣлъ собственными глазами, какъ показалось изъ-за одного дома привидѣніе; но, будучи по природѣ своей нѣсколько безсиленъ, — такъ что одинъ разъ обыкновенный взрослый поросенокъ, кинувшись изъ какого то частнаго дома, сшибъ его съ ногъ, къ величайшему смѣху стоявшихъ вокругъ извозчиковъ, съ которыхъ онъ вытребовалъ за такую издѣвку по грошу на табакъ, — итакъ, будучи безсиленъ, онъ не посмѣлъ остановить его, а такъ шелъ за нимъ въ темнотѣ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, привидѣніе вдругъ оглянулось и, остановясь, спросило: „Тебѣ чего хочется?“ и показало такой кулакъ, какого и у живыхъ не найдешь. Будочникъ сказалъ: „Ничего“, да и поворотилъ тотъ же часъ назадъ. Привидѣніе, однакоже, было уже гораздо выше ростомъ, носило преогромные усы и, направивъ шаги, какъ казалось, къ Обухову мосту, скрылось совершенно въ ночной темнотѣ.

Коляска.

Городокъ Б. очень повеселѣлъ, когда началъ въ немъ стоять *** кавалерійскій полкъ; а до того времени было въ немъ страхъ скучно. Когда, бывало, проѣзжаешь его и взглянешь на низенькіе мазаные домики, которые смотрятъ на улицу до невѣроятности кисло, то... невозможно выразить, что̀ дѣлается тогда на сердцѣ: тоска такая, какъ будто бы или проигрался, или отпустилъ некстати какую-нибудь глупость, — однимъ словомъ: не хорошо. Глина на домахъ обвалилась отъ дождя, и стѣны, вмѣсто бѣлыхъ, сдѣлались пѣгими; крыши бо̀льшею частью крыты тростникомъ, какъ обыкновенно бываетъ въ южныхъ городахъ нашихъ. Садики, для лучшаго вида, городничій давно приказалъ вырубить. На улицахъ ни души не встрѣтишь, развѣ только пѣтухъ перейдетъ чрезъ мостовую, мягкую, какъ подушка, отъ лежащей на четверть пыли, которая, при малѣйшемъ дождѣ, превращается въ грязь, и тогда улицы городка Б. наполняются тѣми дородными животными, которыхъ тамошній городничій называетъ французами. Выставивъ серьезныя морды изъ своихъ ваннъ, онѣ подымаютъ такое хрюканье, что проѣзжающему остается только погонять лошадей поскорѣе. Впрочемъ, проѣзжающаго трудно встрѣтить въ городкѣ Б. Рѣдко, очень рѣдко какой-нибудь помѣщикъ, имѣющій одиннадцать душъ

крестьянъ, въ нанковомъ сюртукѣ, тарабанитъ по мостовой въ какой то полубричкѣ и полутелѣжкѣ, выглядывая изъ-за наваленныхъ мучныхъ мѣшковъ и пристегивая гнѣдую кобылу, вслѣдъ за которою бѣжитъ жеребенокъ. Самая рыночная площадь имѣетъ нѣсколько печальный видъ: домъ портного выходитъ чрезвычайно глупо не всѣмъ фасадомъ, но угломъ; противъ него строится лѣтъ пятнадцать какое то каменное строеніе о двухъ окнахъ; далѣе стоитъ самъ по себѣ модный дощатый заборъ, выкрашенный сѣрою краскою подъ цвѣтъ грязи, который, на образецъ другимъ строеніямъ, воздвигъ городничій во время своей молодости, когда не имѣлъ еще обыкновенія спать тотчасъ послѣ обѣда и пить на ночь какой то декоктъ, заправленный сухимъ крыжовникомъ. Въ другихъ мѣстахъ все почти плетень. Посреди площади самыя маленькія лавочки; въ нихъ всегда можно замѣтить связку баранковъ, бабу въ красномъ платкѣ, пудъ мыла, нѣсколько фунтовъ горькаго миндалю, дробь для стрѣлянія, демикотонъ и двухъ купеческихъ приказчиковъ, во всякое время играющихъ около дверей въ свайку. Но какъ началъ стоять въ уѣздномъ городкѣ Б. кавалерійскій полкъ, все перемѣнилось: улицы запестрѣли, оживились, — словомъ, приняли совершенно другой видъ; низенькіе домики часто видѣли проходящаго мимо ловкаго, статнаго офицера съ султаномъ на головѣ, шедшаго къ товарищу поговорить о производствѣ, объ отличнѣйшемъ табакѣ, а иногда поставить на карточку дрожки, которыя можно было назвать полковыми, потому что онѣ, не выходя изъ полка, успѣвали обходить всѣхъ: сегодня катался въ нихъ маіоръ, завтра онѣ появлялись въ поручиковой конюшнѣ, а чрезъ недѣлю, смотри, опять маіорскій денщикъ подмазывалъ ихъ саломъ. Деревянный плетень между домами весь былъ усѣянъ висѣвшими на солнцѣ солдатскими фураж-

ками; сѣрая шинель торчала непремѣнно гдѣ-нибудь на воротахъ; въ переулкахъ попадались солдаты съ такими жесткими усами, какъ сапожныя щетки. Усы эти были видны во всѣхъ мѣстахъ: соберутся ли на рынкѣ съ ковшиками мѣщанки — изъ-за плечъ ихъ, вѣрно, выглядываютъ усы. Офицеры оживили общество, которое до того времени состояло только изъ судьи, жившаго въ одномъ домѣ съ какою то діаконицею, и городничаго, разсудительнаго человѣка, но спавшаго рѣшительно весь день — отъ обѣда до вечера и отъ вечера до обѣда. Общество сдѣлалось еще многолюднѣе и занимательнѣе, когда переведена была сюда квартира бригаднаго генерала. Окружные помѣщики, о существованіи которыхъ никто бы до того времени не догадался, начали пріѣзжать почаще въ уѣздный городокъ, чтобы видѣться съ господами офицерами, а иногда поиграть въ банчикъ, который уже чрезвычайно темно грезился въ головѣ ихъ, захлопотанной посѣвами, женинымн порученіями и зайцами. Очень жаль, что не могу припомнить, по какому обстоятельству случилось бригадному генералу давать большой обѣдъ; заготовленіе къ нему было сдѣлано огромное; стукъ поварскихъ ножей на генеральской кухнѣ былъ слышенъ еще близъ городской заставы. Весь совершенно рынокъ былъ забранъ для обѣда, такъ что судья съ своею діаконицею долженъ былъ ѣсть однѣ только лепешки изъ гречневой муки да крахмальный кисель. Небольшой дворикъ генеральской квартиры былъ весь уставленъ дрожками и колясками. Общество состояло изъ мужчинъ — офицеровъ и нѣкоторыхъ окружныхъ помѣщиковъ. Изъ помѣщиковъ болѣе всѣхъ былъ замѣчателенъ Пиѳагоръ Пиѳагоровичъ Чертокуцкій, одинъ изъ главныхъ аристократовъ Б.... уѣзда, болѣе всѣхъ шумѣвшій на выборахъ и пріѣзжавшій туда въ щегольскомъ экипажѣ. Онъ

служилъ прежде въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ и былъ однимъ изъ числа значительныхъ и видныхъ офицеровъ; по крайней мѣрѣ, его видали на многихъ балахъ и собраніяхъ, гдѣ только кочевалъ ихъ полкъ; впрочемъ, объ этомъ можно спросить у дѣвицъ Тамбовской и Симбирской губерній. Весьма можетъ быть, что онъ распустилъ бы и въ прочихъ губерніяхъ выгодную для себя славу, еслибы не вышелъ въ отставку по одному случаю, который обыкновенно называется „непріятною исторіею“: онъ ли далъ кому то въ старые годы оплеуху, или ему дали ее, объ этомъ навѣрное не помню, дѣло только въ томъ, что его попросили выйти въ отставку. Впрочемъ, онъ этимъ ничуть не уронилъ своего вѣсу: носилъ фракъ съ высокою таліей, на манеръ военнаго мундира, на сапогахъ шпоры и подъ носомъ усы, потому что безъ того дворяне могли бы подумать, что онъ служилъ въ пѣхотѣ, которую онъ презрительно называлъ иногда пѣхтурой, а иногда пѣхонтаріей. Онъ былъ на всѣхъ многолюдныхъ ярмаркахъ, куда внутренность Россіи, состоящая изъ мамокъ, дѣтей, дочекъ и толстыхъ помѣщиковъ, наѣзжала веселиться, бричками, таратайками, тарантасами и такими каретами, какія и во снѣ никому не снились. Онъ пронюхивалъ носомъ, гдѣ стоялъ кавалерійскій полкъ, и всегда пріѣзжалъ видѣться съ господами офицерами, очень ловко выскакивалъ передъ ними изъ своей легонькой колясочки или дрожекъ и чрезвычайно скоро знакомился. Въ прошлые выборы далъ онъ дворянству прекрасный обѣдъ, на которомъ объявилъ, что если только его выберутъ предводителемъ, то онъ поставитъ дворянъ на самую лучшую ногу. Вообще велъ себя по-барски, какъ выражаются въ уѣздахъ и губерніяхъ; женился на довольно хорошенькой; взялъ за нею двѣсти душъ приданаго и нѣсколько тысячъ капиталу. Капиталъ былъ тотчасъ употре-

бленъ на шестерку дѣйствительно отличныхъ лошадей, вызолоченные замки къ дверямъ, ручную обезьяну для дома и француза-дворецкаго. Двѣсти же душъ, вмѣстѣ съ двумя стами его собственныхъ, были заложены въ ломбардъ для какихъ то коммерческихъ оборотовъ. Словомъ, онъ былъ помѣщикъ, какъ слѣдуетъ... изрядный помѣщикъ. Кромѣ него, на обѣдѣ у генерала было нѣсколько и другихъ помѣщиковъ, но объ нихъ нечего говорить. Остальные были всѣ военные того же полка и два штабъ-офицера: полковникъ и довольно толстый маіоръ. Самъ генералъ былъ дюжъ и тученъ, впрочемъ, хорошій начальникъ, какъ отзывались о немъ офицеры. Говорилъ онъ довольно густымъ, значительнымъ басомъ. Обѣдъ былъ чрезвычайный: осетрина, бѣлуга, стерляди, дрофы, спаржа, перепелки, куропатки, грибы доказывали, что поваръ еще со вчерашняго дня не бралъ въ ротъ горячаго, и четыре солдата, съ ножами въ рукахъ, работали, на помощь ему, всю ночь фрикасе и желе. Бездна бутылокъ, длинныхъ съ лафитомъ, короткошейныхъ съ мадерою, прекрасный лѣтній день, окна, открытыя напролетъ, тарелки со льдомъ на столѣ, растрепенная манишка у владѣтелей укладистаго фрака, перекрестный разговоръ, покрываемый генеральскимъ голосомъ и заливаемый шампанскимъ, — все отвѣчало одно другому. Послѣ обѣда всѣ встали съ пріятною тяжестью въ желудкахъ и, закуривъ трубки съ длинными и короткими чубуками, вышли, съ чашками кофію въ рукахъ, на крыльцо.

— Вотъ ее можно теперь посмотрѣть, — сказалъ генералъ. — Пожалуйста, любезнѣйшій, — примолвилъ онъ, обращаясь къ своему адъютанту, довольно ловкому молодому человѣку пріятной наружности, — прикажи, чтобы привели сюда гнѣдую кобылу! Вотъ вы увидите сами. — Тутъ генералъ потянулъ изъ трубки и выпустилъ дымъ. —

Она еще не слишкомъ въ холѣ: проклятый городишка! нѣтъ порядочной конюшни. Лошадь, пуфъ, пуфъ, очень порядочная.

— И давно, ваше превосходительство, пуфъ, пуфъ, изволите имѣть ее? — сказалъ Чертокуцкій.

— Пуфъ, пуфъ, пуфъ, пу... пуфъ, не такъ давно; всего только два года, какъ она взята мною съ завода.

— И получить ее изволили объѣзженную, или уже здѣсь изволили объѣздить?

— Пуфъ, пуфъ, пу, пу, пу...у...у...фъ, здѣсь. — Сказавши это, генералъ весь исчезнулъ въ дымѣ.

Между тѣмъ изъ конюшни выпрыгнулъ солдатъ, послышался стукъ копытъ, наконецъ, показался другой, въ бѣломъ балахонѣ съ черными огромными усами, ведя за узду вздрагивавшую и пугавшуюся лошадь, которая, вдругъ поднявъ голову, чуть не подняла вверхъ присѣвшаго къ землѣ солдата вмѣстѣ съ его усами. „Ну жъ, ну, Аграфена Ивановна!“ говорилъ онъ, подводя ее подъ крыльцо.

Кобыла называлась Аграфена Ивановна. Крѣпкая и дикая, какъ южная красавица, она грянула копытами въ деревянное крыльцо и вдругъ остановилась.

Генералъ, опустивши трубку, началъ смотрѣть съ довольнымъ видомъ на Аграфену Ивановну. Самъ полковникъ, сошедши съ крыльца, взялъ Аграфену Ивановну за морду. Самъ маіоръ потрепалъ Аграфену Ивановну по ногѣ, прочіе пощелкали языкомъ.

Чертокуцкій сошелъ съ крыльца и зашелъ ей взадъ. Солдатъ, вытянувшись и держа узду, глядѣлъ прямо посѣтителямъ въ глаза, будто бы хотѣлъ вскочить въ нихъ.

— Очень, очень хорошая! — сказалъ Черто-

куцкій. — Статистая лошадь! А позвольте, ваше превосходительство, узнать, какъ она ходитъ?

— Шагъ у нея хорошъ, только... чортъ его знаетъ... этотъ дуракъ фельдшеръ далъ ей какихъ то пилюль, и вотъ уже два дня все чихаетъ.

— Очень, очень хороша! А имѣете ли, ваше превосходительство, соотвѣтствующій экипажъ?

— Экипажъ?.. Да вѣдь это верховая лошадь.

— Я это знаю; но я спросилъ, ваше превосходительство, для того, чтобъ узнать, имѣете ли и къ другимъ лошадямъ соотвѣтствующій экипажъ?

— Ну, экипажей у меня не слишкомъ достаточно. Мнѣ, признаться вамъ сказать, давно хочется имѣть нынѣшнюю коляску. Я писалъ объ этомъ брату моему, который теперь въ Петербургѣ, да не знаю, пришлетъ ли онъ, или нѣтъ.

— Мнѣ кажется, ваше превосходительство, — замѣтилъ полковникъ, — нѣтъ лучше коляски, какъ вѣнская.

— Вы справедливо думаете, пуфъ, пуфъ, пуфъ.

— У меня, ваше превосходительство, есть чрезвычайная коляска, настоящей вѣнской работы.

— Какая? та, въ которой вы пріѣхали?

— О, нѣтъ; это такъ, разъѣздная, собственно для моихъ поѣздокъ, но та... это удивительно, легка, какъ перышко, а когда вы сядете въ нее, то, просто, какъ бы, съ позволенія вашего превосходительства, нянька васъ въ люлькѣ качала!

— Стало быть покойна?

— Очень, очень покойна; подушки, рессоры, это все какъ будто на картинкѣ нарисовано.

— Это хорошо.

— А ужъ укладиста какъ! то есть, я, ваше превосходительство, и не видывалъ еще такой. Когда я служилъ, то у меня въ ящики помѣщалось десять бутылокъ рому и двадцать фунтовъ табаку, кромѣ того, со мною еще было около ше-

сти мундировъ, бѣлье и два чубука, ваше превосходительство, самые длинные, а въ карманы можно цѣлаго быка помѣстить.

— Это хорошо.

— Я, ваше превосходительство, заплатилъ за нее четыре тысячи.

— Судя по цѣнѣ, должна быть хороша. И вы купили ее сами?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, она досталась по случаю. Ее купилъ мой другъ, рѣдкій человѣкъ, товарищъ моего дѣтства, съ которымъ бы вы сошлись совершенно; мы съ нимъ, что твое, что мое — все равно. Я выигралъ ее у него въ карты. Не угодно ли, ваше превосходительство, сдѣлать мнѣ честь пожаловать завтра ко мнѣ отобѣдать? и коляску вмѣстѣ посмотрите.

— Я не знаю, что вамъ на это сказать. Мнѣ одному какъ то... Развѣ ужъ позволите вмѣстѣ съ господами офицерами?

— И господъ офицеровъ прошу покорнѣйше. Господа! я почту себѣ за большую честь имѣть удовольствіе видѣть васъ въ своемъ домѣ.

Полковникъ, маіоръ и прочіе офицеры отблагодарили учтивымъ поклономъ.

— Я, ваше превосходительство, самъ того мнѣнія, что если покупать вещь, то непремѣнно хорошую; а если дурную, то нечего и заводить. Вотъ у меня, когда сдѣлаете мнѣ честь завтра пожаловать, я покажу кое-какія статьи, которыя я самъ завелъ по хозяйственной части.

Генералъ посмотрѣлъ и выпустилъ изъ рту дымъ.

Чертокуцкій былъ чрезвычайно доволенъ, что пригласилъ къ себѣ господъ офицеровъ; онъ заранѣе заказывалъ въ головѣ свои паштеты и соусы, посматривалъ очень весело на господъ офицеровъ, которые также, съ своей стороны, какъ то удвоили къ нему свое расположеніе, что было

замѣтно изъ глазъ ихъ и небольшихъ тѣлодвиженій, въ родѣ полупоклоновъ. Чертокуцкій выступилъ впередъ какъ то развязнѣе, и голосъ его принялъ разслабленіе — выраженіе голоса, обремененнаго удовольствіемъ.

— Тамъ, ваше превосходительство, познакомитесь съ хозяйкой дома.

— Мнѣ очень пріятно, — сказалъ генералъ, поглаживая усы.

Чертокуцкій послѣ этого хотѣлъ немедленно отправиться домой, чтобы заблаговременно приготовить все къ принятію гостей къ завтрашнему обѣду; онъ взялъ уже было и шляпу въ руки, но какъ то такъ странно случилось, что онъ остался еще на нѣсколько времени. Между тѣмъ уже въ комнатѣ были разставлены ломберные столы. Скоро все общество раздѣлилось на четверныя партіи въ вистъ и разсѣялось въ разныхъ углахъ генеральскихъ комнатъ.

Подали свѣчи. Чертокуцкій долго не зналъ, садиться или не садиться ему за вистъ. Но какъ господа офицеры начали приглашать, то ему показалось очень несогласно съ правилами общежитія отказаться — онъ присѣлъ. Нечувствительно очутился передъ нимъ стаканъ съ пуншемъ, который онъ, позабывшись, въ ту же минуту выпилъ. Сыгравши два робера, Чертокуцкій опять нашелъ подъ рукою стаканъ съ пуншемъ, который, тоже позабывшись, выпилъ, сказавши напередъ: „Пора, господа, мнѣ домой; право, пора“. Но опять присѣлъ и на вторую партію. Между тѣмъ разговоръ въ разныхъ углахъ комнаты принялъ совершенно частное направленіе. Играющіе въ вистъ были довольно молчаливы; но неигравшіе, сидѣвшіе на диванахъ въ сторонѣ, вели свой разговоръ. Въ одномъ углу штабъ-ротмистръ, подложивши себѣ подъ бокъ подушку, съ трубкою въ зубахъ, разсказывалъ довольно свободно и плавно любовныя свои

приключенія и овладѣлъ совершенно вниманіемъ собравшагося около него кружка. Одинъ чрезвычайно толстый помѣщикъ съ короткими руками, нѣсколько похожими на два выросшіе картофеля, слушалъ съ необыкновенно сладкою миною и только по временамъ силился запустить коротенькую свою руку за широкую спину, чтобъ вытащить оттуда табакерку. Въ другомъ углу завязался довольно жаркій споръ объ эскадронномъ ученіи, и Чертокуцкій, который въ это время уже, вмѣсто дамы, два раза сбросилъ валета, вмѣшивался вдругъ въ чужой разговоръ и кричалъ изъ своего угла: „въ которомъ году?“ или „котораго полка?“, не замѣчая, что иногда вопросъ совершенно не приходился къ дѣлу. Наконецъ, за нѣсколько минутъ до ужина, вистъ прекратился, но онъ продолжался еще на словахъ, и, казалось, головы всѣхъ были полны вистомъ. Чертокуцкій очень помнилъ, что выигралъ много, но руками не взялъ ничего и, вставши изъ-за стола, долго стоялъ въ положеніи человѣка, у котораго нѣтъ въ карманѣ носового платка. Между тѣмъ подали ужинъ. Само собою разумѣется, что въ винахъ не было недостатка, и что Чертокуцкій почти невольно долженъ былъ иногда наливать въ стаканъ себѣ, потому что направо и налѣво стояли у него бутылки.

Разговоръ затянулся за столомъ предлинный, но, впрочемъ, какъ то странно онъ былъ веденъ: одинъ полковникъ, служившій еще въ кампанію 1812 года, разсказалъ такую баталію, какой никогда не было, и потомъ, совершенно неизвѣстно по какимъ причинамъ, взялъ пробку изъ графина и воткнулъ ее въ пирожное. Словомъ, когда начали разъѣзжаться, то уже было три часа, и кучера должны были нѣсколькихъ особъ взять въ охапку, какъ бы узелки съ покупкою, и Чертокуцкій, несмотря на весь аристократизмъ свой, сидя въ коляскѣ, такъ низко кланялся и съ такимъ

размахомъ головы, что, пріѣхавши домой, привезъ въ усахъ своихъ два репейника.

Въ домѣ все совершенно спало; кучеръ едва могъ сыскать камердинера, который проводилъ господина чрезъ гостиную, сдалъ горничной дѣвушкѣ, за которою кое-какъ Чертокуцкій добрался до спальни и уложился возлѣ своей молоденькой и хорошенькой жены, лежавшей прелестнѣйшимъ образомъ въ бѣломъ, какъ снѣгъ, спальномъ платьѣ. Движеніе, произведенное паденіемъ ея супруга на кровать, разбудило ее. Протянувшись, поднявши рѣсницы и три раза быстро зажмуривши глаза, она открыла ихъ съ полусердитою улыбкою; но, видя, что онъ рѣшительно не хочетъ оказать на этотъ разъ никакой ласки, съ досады поворотилась на другую сторону и, положивъ свѣжую свою щечку на руку, скоро послѣ него заснула.

Было уже такое время, которое по деревнямъ не называется р а н о, когда проснулась молодая хозяйка возлѣ храпѣвшаго супруга. Вспомнивши, что онъ возвратился вчера домой въ четвертомъ часу ночи, она пожалѣла будить его и, надѣвъ спальные башмачки, которые супругъ ея выписалъ изъ Петербурга, въ бѣлой кофточкѣ, драпировавшейся на ней, какъ льющаяся вода, она вышла въ свою уборную, умылась свѣжею, какъ сама, водою и подошла къ туалету. Взглянувши на себя раза два, она увидѣла, что сегодня очень недурна. Это, повидимому, незначительное обстоятельство заставило ее просидѣть передъ зеркаломъ ровно два часа лишнихъ. Наконецъ, она одѣлась очень мило и вышла освѣжиться въ садъ. Какъ нарочно, время было тогда прекрасное, какимъ можетъ только похвалиться лѣтній южный день. Солнце, вступивши на полдень, жарило всею силою лучей; но подъ темными густыми аллеями гулять было прохладно, и цвѣты, пригрѣтые солнцемъ, утроили свой запахъ. Хорошенькая хозяйка вовсе позабы-

ла о томъ, что уже двѣнадцать часовъ, а супругъ ея спитъ. Уже доходило до слуха ея послѣобѣденное храпѣнье двухъ кучеровъ и одного форейтора, спавшихъ въ конюшнѣ, находившейся за садомъ. Но она все сидѣла въ густой аллеѣ, изъ которой былъ открытъ видъ на большую дорогу, и разсѣянно глядѣла на безлюдную ея пустынность, какъ вдругъ показавшаяся вдали пыль привлекла ея вниманіе. Всмотрѣвшись, она скоро увидѣла нѣсколько экипажей. Впереди ѣхала открытая двумѣстная легенькая колясочка; въ ней сидѣлъ генералъ съ толстыми, блестѣвшими на солнцѣ, эполетами, и рядомъ съ нимъ полковникъ. За ней слѣдовала другая четверомѣстная; въ ней сидѣлъ маіоръ съ генеральскимъ адъютантомъ и еще двумя насупротивъ сидѣвшими, офицерами; за коляской слѣдовали извѣстныя всѣмъ полковыя дрожки, которыми владѣлъ на этотъ разъ тучный маіоръ; за дрожками — четверомѣстный бонвояжъ, въ которомъ сидѣли четыре офицера и пятый на рукахъ; за бонвояжемъ рисовались три офицера на прекрасныхъ гнѣдыхъ лошадяхъ въ темныхъ яблокахъ.

— Неужели это къ намъ? — подумала хозяйка дома: — Ахъ, Боже мой! въ самомъ дѣлѣ, — они поворотили на мостъ! — Она вскрикнула, всплеснула руками и побѣжала чрезъ клумбы и цвѣты прямо въ спальню своего мужа. Онъ спалъ мертвецки.

— Вставай, вставай! вставай скорѣе! — кричала она, дергая его за руку.

— А? — проговорилъ, потягиваясь, Чертокуцкій, не раскрывая глазъ.

— Вставай, пульпультикъ! слышишь ли? гости!

— Гости? какіе гости?.. — Сказавши это, онъ испустилъ небольшое мычаніе, какое издаетъ теленокъ, когда ищетъ мордою сосцовъ своей матери. — Мм... ворчалъ онъ, — протяни, моньмуня, свою шейку! я тебя поцѣлую.

— Душенька, вставай, ради Бога, скорѣй! Генералъ съ офицерами! Ахъ, Боже мой, у тебя въ усахъ репейникъ!

— Генералъ? А, такъ онъ уже ѣдетъ? Да что же это, чортъ возьми, меня никто не разбудилъ? А обѣдъ, что жъ обѣдъ? Все ли тамъ, какъ слѣдуетъ, готово?

— Какой обѣдъ?

— А развѣ я не заказывалъ?

— Ты? ты пріѣхалъ въ четыре часа ночи и, сколько я ни спрашивала тебя, ты ничего не сказалъ мнѣ. Я тебя, пульпультикъ, потому не будила, что мнѣ жаль тебя стало: ты ничего не спалъ... — Послѣднія слова сказала она чрезвычайно томнымъ и умоляющимъ голосомъ.

Чертокуцкій, вытаращивъ глаза, минуту лежалъ на постели, какъ громомъ пораженный; наконецъ, вскочилъ онъ въ одной рубашкѣ съ постели, позабывши, что это вовсе неприлично.

— Ахъ, я лошадь! — сказалъ онъ, ударивъ себя по лбу: — я звалъ ихъ на обѣдъ! Что дѣлать? далеко они?

— Я не знаю ... они должны сію минуту уже быть.

— Душенька ... спрячься!.. Эй, кто тамъ? Ты, дѣвчонка! ступай — чего дура боишься? — пріѣдутъ офицеры сію минуту: ты скажи, что барина нѣтъ дома; скажи, что и не будетъ совсѣмъ, что еще съ утра выѣхалъ ... слышишь? и дворовымъ всѣмъ объяви; ступай скорѣе!

Сказавши это, онъ схватилъ наскоро халатъ и побѣжалъ спрятаться въ экипажный сарай, полагая тамъ положеніе свое совершенно безопаснымъ. Но, ставши въ углу сарая, онъ увидѣлъ, что и здѣсь можно было его какъ-нибудь увидѣть. „А вотъ это будетъ лучше“, мелькнуло въ его головѣ, и онъ въ одну минуту отбросилъ ступени близъ стоявшей коляски, вскочилъ туда, закрылъ за собою

дверцы, для большей безопасности закрылся фартукомъ и кожею и притихъ совершенно, согнувшись въ своемъ халатѣ.

Между тѣмъ экипажи подъѣхали къ крыльцу.

Вышелъ генералъ и встряхнулся; за нимъ — полковникъ, поправляя руками султанъ на своей шляпѣ; потомъ соскочилъ съ дрожекъ толстый маіоръ, держа подъ мышкою саблю; потомъ выпрыгнули изъ бонвояжа тоненькіе подпоручики съ сидѣвшимъ на рукахъ прапорщикомъ; наконецъ, сошли съ сѣделъ рисовавшіеся на лошадяхъ офицеры.

— Барина нѣтъ дома, — сказалъ, выходя на крыльцо, лакей.

— Какъ — нѣтъ? Стало быть, онъ, однакожъ, будетъ къ обѣду?

— Никакъ нѣтъ. Они уѣхали на весь день. Завтра развѣ около этого только времени будутъ.

— Вотъ тебѣ на! — сказалъ генералъ, — какъ же это?..

— Признаюсь, это штука, — сказалъ полковникъ, смѣясь.

— Да нѣтъ, какъ же этакъ дѣлать? — продолжалъ генералъ съ неудовольствіемъ. — Фить... Чортъ ... Ну, не можешь принять, зачѣмъ напрашиваться?

— Я, ваше превосходительство, не понимаю, какъ можно это дѣлать, — сказалъ одинъ молодой офицеръ.

— Что? — сказалъ генералъ, имѣвшій обыкновеніе всегда произносить эту вопросительную частицу, когда говорилъ съ оберъ-офицеромъ.

— Я говорилъ, ваше превосходительство: какъ можно поступать такимъ образомъ!

— Натурально ... Ну, не случилось, что ли — дай знать, по крайней мѣрѣ, или не проси.

— Что жъ, ваше превосходительство, нечего дѣлать, поѣдемте назадъ! — сказалъ полковникъ.

— Разумѣется, другого средства нѣтъ. Впро-

чемъ, коляску мы можемъ посмотрѣть и безъ него. Онъ, вѣрно, ея не взялъ съ собою. Эй, кто тамъ? Подойди, братецъ, сюда!

— Чего изволите?

— Ты конюхъ?

— Конюхъ, ваше превосходительство.

— Покажи-ка намъ новую коляску, которую недавно досталъ баринъ.

— А вотъ, пожалуйте въ сарай.

Генералъ отправился вмѣстѣ съ офицерами въ сарай.

— Вотъ извольте, я ее немного выкачу: здѣсь темненько.

— Довольно, довольно, хорошо!

Генералъ и офицеры обошли вокругъ коляску и тщательно осмотрѣли колеса и рессоры.

— Ну, ничего нѣтъ особеннаго, — сказалъ генералъ: — коляска самая обыкновенная.

— Самая неказистая, — сказалъ полковникъ: — совершенно нѣтъ ничего хорошаго.

— Мнѣ кажется, ваше превосходительство, она совсѣмъ не стоитъ четырехъ тысячъ, — сказалъ одинъ изъ молодыхъ офицеровъ.

— Что?

— Я говорю, ваше превосходительство, что, мнѣ кажется, она не стоитъ четырехъ тысячъ.

— Какое четырехъ тысячъ! она и двухъ не стоитъ. Просто, ничего нѣтъ. Развѣ внутри есть что-нибудь особенное ... Пожалуйста, любезный, отстегни кожу ...

И глазамъ офицеровъ предсталъ Чертокуцкій, сидящій въ халатѣ и согнувшійся необыкновеннымъ образомъ.

— А, вы здѣсь! .. — сказалъ изумившійся генералъ.

Сказавши это, генералъ тутъ же заплопнулъ дверцы, закрылъ опять Чертокуцкаго фартукомъ и уѣхалъ вмѣстѣ съ господами офицерами.

Римъ.

Отрывокъ.

Попробуй взглянуть на молнію, когда, раскроивши черныя, какъ уголь, тучи, нестерпимо затрепещетъ она цѣлымъ потопомъ блеска: таковы очи у альбанки Аннунціаты. Все напоминаетъ въ ней тѣ античныя времена, когда оживлялся мраморъ и блистали скульптурные рѣзцы. Густая смола волосъ тяжеловѣсной косою вознеслась въ два кольца надъ головой и четырьмя длинными кудрями разсыпалась по шеѣ. Какъ ни поворотитъ она сіяющій снѣгъ своего лица — образъ ея весь отпечатлѣлся въ сердцѣ. Станетъ ли профилемъ — дивнымъ благородствомъ дышитъ профиль, и мечется красота линій, какихъ не создавала кисть. Обратится ли затылкомъ съ подобранными кверху чудесными волосами, показавъ сверкающую позади шею и красоту невиданныхъ землею плечъ — и тамъ она чудо! Но чудеснѣе всего, когда глянетъ она прямо очами въ очи, водрузивши хладъ и замиранье въ сердце. Полный голосъ ея звенитъ, какъ мѣдь. Никакой гибкой пантерѣ не сравниться съ ней въ быстротѣ, силѣ и гордости движеній. Все въ ней вѣнецъ созданья, отъ плечъ, до античной дышащей ноги и до послѣдняго пальчика на ея ногѣ. Куда ни пойдетъ она — уже несетъ съ собой картину: спѣ-

шитъ ли ввечеру къ фонтану съ кованной мѣдной вазой на головѣ — вся проникается чуднымъ согласіемъ обнимающая ее окрестность: легче уходятъ въ даль чудесныя линіи альбанскихъ горъ, синѣе глубина римскаго неба, прямѣй летитъ вверхъ кипарисъ, и красавица южныхъ деревъ, римская пинна, тонѣе и чище рисуется на небѣ своею зонтикообразною, почти плывущею на воздухѣ верхушкою. И все: и самый фонтанъ, гдѣ уже столпились въ кучу на мраморныхъ ступеняхъ, одна выше другой, альбанскія горожанки, переговаривающіяся сильными серебряными голосами, пока поочередно бьетъ вода звонкой алмазной дугой въ подставляемые мѣдные чаны, и самый фонтанъ, и самая толпа, — все, кажется, для нея, чтобы ярче выказать торжествующую красоту, чтобы видно было, какъ она предводитъ всѣмъ, подобно, какъ царица предводитъ за собою придворный чинъ свой. Въ праздничный ли день, когда темная древесная галлерея, ведущая изъ Альбано въ Кастель-Гандольфо, вся полна празднично-убраннаго народа, когда мелькаютъ подъ сумрачными ея сводами щеголи Миненти въ бархатномъ убранствѣ, съ яркими поясами и золотистымъ цвѣткомъ на пуховой шляпѣ; бредутъ или несутся вскачь ослы съ полузажмуренными глазами, живописно неся на себѣ стройныхъ и сильныхъ альбанскихъ и фраскатанскихъ женщинъ, далеко блистающихъ бѣлыми головными уборами, или таща вовсе не живописно, съ трудомъ и спотыкаясь, длиннаго неподвижнаго англичанина въ гороховомъ непромокаемомъ макинтошѣ, скорчившаго въ острый уголъ свои ноги, чтобы не зацѣпить ими земли, или неся художника въ блузѣ, съ деревяннымъ ящикомъ на ремнѣ и ловкой вандиковской бородкой, а тѣнь и солнце бѣгутъ попеременно по всей группѣ, — и тогда, и въ оный праздничный день при ней далеко лучше, чѣмъ безъ нея. Глубина галлереи выдаетъ

ее изъ сумрачной темноты своей всю сверкающую, всю въ блескѣ. Пурпурное сукно альбанскаго ея наряда вспыхиваетъ, какъ ищерь, тронутое солнцемъ. Чудный праздникъ летитъ съ лица ея навстрѣчу всѣмъ. И, повстрѣчавъ ее, останавливаются, какъ вкопанные: и щеголь Миненти съ цвѣткомъ за шляпой, издавши невольно восклицаніе; и англичанинъ въ гороховомъ макинтошѣ, показавъ вопросительный знакъ на неподвижномъ лицѣ своемъ; и художникъ съ вандиковской бородкой, долѣе всѣхъ остановившійся на одномъ мѣстѣ, подумывая: „то-то была бы чудная модель для Діаны, гордой Юноны, соблазнительныхъ грацій и всѣхъ женщинъ, какія только передавались на полотно!“ и дерзновенно думая въ то же время: то-то былъ бы рай, еслибъ такое диво украсило навсегда смиренную его мастерскую.

Но кто же тотъ, чей взглядъ неотразимѣе вперился за ея слѣдомъ? Кто сторожитъ ея рѣчи, движенья и движенья мыслей на ея лицѣ? Двадцатипятилѣтній юноша, римскій князь, потомокъ фамиліи, составлявшей когда то честь, гордость и безславіе среднихъ вѣковъ, нынѣ пустынно догорающей въ великолѣпномъ дворцѣ, исписанномъ фресками Гверчина и Караччей, съ потускнѣвшей картинной галлереей, съ полинявшими штофами, лазурными столами и посѣдѣвшимъ, какъ лунь, maestro di casa [1]. Его то увидали недавно римскія улицы, несущаго свои черныя очи, метатели огней изъ-за перекинутаго черезъ плечо плаща, носъ, очеркнутый античной линіей, слоновую бѣлизну лба и брошенный на него летучій шелковый локонъ. Онъ появился въ Римѣ послѣ пятнадцати лѣтъ отсутствія, появился гордымъ юношею вмѣсто еще недавно бывшаго дитяти.

Но читателю нужно знать непремѣнно, какъ

[1] Домопровитель.

все это свершилось, и потому пробѣжимъ наскоро исторію его жизни, еще молодой, но уже обильной многими сильными впечатлѣніями. Первоначальное дѣтство его протекло въ Римѣ; воспитывался онъ такъ, какъ въ обычаѣ у доживающихъ вѣкъ свой римскихъ вельможъ. Учитель, гувернеръ, дядька и все, что угодно, былъ у него аббатъ, строгій классикъ, почитатель писемъ Піетра Бембо, сочиненій Джіованни della Casa и пяти-шести пѣсней Данта, читавшій ихъ не иначе, какъ съ сильными восклицаніями: „Dio, che cosa divina!“ [1] и потомъ черезъ двѣ строки: „Diavolo, che divina cosa!“ въ чемъ состояла почти вся художественная оцѣнка и критика, — обращавшій остальной разговоръ на брокколи [2] и артишоки, любимый свой предметъ, знавшій очень хорошо, въ какое время лучше телятина, съ какого мѣсяца нужно начинать ѣсть козленка, любившій обо всемъ этомъ поболтать на улицѣ, встрѣтясь съ пріятелемъ, другимъ аббатомъ, обтягивавшій весьма ловко полныя икры свои въ шелковые черные чулки, прежде запихнувши подъ нихъ шерстяные; чистившій себя регулярно одинъ разъ въ мѣсяцъ лѣкарствомъ olio di ricino [3] въ чашкѣ кофію, и полнѣвшій съ каждымъ днемъ и часомъ, какъ полнѣютъ всѣ аббаты. Натурально, что молодой князь узналъ не много подъ такимъ началомъ. Узналъ онъ только, что латинскій языкъ есть отецъ итальянскаго, что монсиньоры бываютъ трехъ родовъ: одни въ черныхъ чулкахъ, другіе въ лиловыхъ, а третьи такіе, которые бываютъ почти то же, что кардиналы; узналъ нѣсколько писемъ Піетра Бембо къ тогдашнимъ кардиналамъ, большею частью поздравительныхъ; узналъ хорошо улицу Корсо,

---

[1] Боже, какая божественная вещь.
[2] Отростки, завязи, молодая зелень.
[3] Касторовое масло.

по которой ходилъ прогуливаться съ аббатомъ, да виллу Боргезе, да двѣ-три лавки, передъ которыми останавливался аббатъ для закупки бумаги, перьевъ и нюхательнаго табаку, да аптеку, гдѣ бралъ онъ свое olio di ricino. Въ этомъ заключался весь горизонтъ свѣдѣній воспитанника. О другихъ земляхъ и государствахъ аббатъ намекнулъ въ какихъ то неясныхъ и нетвердыхъ чертахъ: что есть земля Франція, богатая земля, что англичане — хорошіе купцы и любятъ ѣздить, что нѣмцы — пьяницы, и что на сѣверѣ есть варварская земля Московія, гдѣ бываютъ такіе жестокіе морозы, отъ которыхъ можетъ лопнуть мозгъ человѣческій. Далѣе сихъ свѣдѣній воспитанникъ вѣроятно бы не узналъ, достигнувъ до двадцатипятилѣтняго своего возраста, еслибъ старому князю не пришла вдругъ въ голову идея перемѣнить старую методу воспитанья и дать сыну образованье европейское, что можно было отчасти приписать вліянію какой то французской дамы, на которую онъ съ недавняго времени сталъ наводить безпрестанно лорнетъ на всѣхъ театрахъ и гуляньяхъ, засовывая поминутно свой подбородокъ въ огромный бѣлый жабо и поправляя черный локонъ на парикѣ. Молодой князь былъ отправленъ въ Лукку, въ университетъ. Тамъ, во время шестилѣтняго его пребыванья, развернулась его живая итальянская природа, дремавшая подъ скучнымъ надзоромъ аббата. Въ юношѣ оказалась душа, жадная наслажденій избранныхъ, и наблюдательный умъ. Итальянскій университетъ, гдѣ наука влачилась, скрытая въ черствыхъ схоластическихъ образахъ, не удовлетворялъ новой молодежи, которая уже слышала урывками о ней живые намеки, перелетавшіе черезъ Альпы. Французское вліяніе становилось замѣтно въ Верхней Италіи: оно заносилось туда вмѣстѣ съ модами, виньетками, водевилями и напряженными произведеніями не-

обузданной французской музы, чудовищной, горячей, но мѣстами не безъ признаковъ таланта. Сильное политическое движеніе въ журналахъ съ іюльской революціи [1] отозвалось и здѣсь. Мечтали о возвращеніи погибшей итальянской славы, съ негодованіемъ глядѣли на ненавистный бѣлый мундиръ австрійскаго солдата. Но итальянская природа, любительница покойныхъ наслажденій, не вспыхнула возстаніемъ, надъ которымъ не позадумался бы французъ; все окончилось только непреодолимымъ желаньемъ побывать въ заальпійской, въ настоящей Европѣ. Вѣчное ея движеніе и блескъ заманчиво мелькали вдали. Тамъ была новость, противоположность ветхости итальянской, тамъ начиналось XIX столѣтіе, европейская жизнь. Сильно порывалась туда душа молодого князя, чая приключеній и свѣта, и всякій разъ тяжелое чувство грусти его осѣняло, когда онъ видѣлъ совершенную къ тому невозможность: ему былъ извѣстенъ непреклонный деспотизмъ стараго князя, съ которымъ было ему не подъ силу ладить, — какъ вдругъ получилъ онъ отъ него письмо, въ которомъ предписано было ему ѣхать въ Парижъ, окончить ученье въ тамошнемъ университетѣ и дождаться въ Луккѣ только пріѣзда дяди, съ тѣмъ; чтобы отправиться съ нимъ вмѣстѣ. Молодой князь прыгнулъ отъ радости, перецѣловалъ всѣхъ своихъ друзей, угостилъ всѣхъ въ загородной остеріи [2] и черезъ двѣ недѣли былъ уже въ дорогѣ, съ сердцемъ, готовымъ встрѣтить радостнымъ біеньемъ всякій предметъ. Когда переѣхали Симплонъ, пріятная мысль пробѣжала въ головѣ его: онъ на другой сторонѣ, онъ въ Европѣ! Дикое безобразіе швейцарскихъ горъ, громоздившихся безъ перспективы, безъ легкихъ далей, нѣсколько

[1] 1830 г.
[2] Гостиница, ресторанъ.

ужаснуло его взоръ, пріученный къ высоко-спокойной, нѣжащей красотѣ итальянской природы. Но онъ просвѣтлѣлъ вдругъ при видѣ европейскихъ городовъ, великолѣпныхъ, свѣтлыхъ гостиницъ, удобствъ, разставленныхъ всякому путешественнику, располагающемуся, какъ дома. Щеголеватая чистота, блескъ — все было ему ново. Въ нѣмецкихъ городахъ нѣсколько поразилъ его странный складъ тѣла нѣмцевъ, лишенный стройнаго согласія красоты, чувство которой зарождено уже въ груди итальянца; нѣмецкій языкъ также поразилъ непріятно его музыкальное ухо. Но передъ нимъ была уже французская граница; сердце его дрогнуло. Порхающіе звуки европейскаго моднаго языка, лаская, облобызали слухъ его. Онъ съ тайнымъ удовольствіемъ ловилъ скользящій шелестъ ихъ, который еще въ Италіи казался ему чѣмъ то возвышеннымъ, очищеннымъ отъ всѣхъ судорожныхъ движеній, какими сопровождаются сильные языки полуденныхъ народовъ, не умѣющихъ держать себя въ границахъ. Еще большее впечатлѣнье произвелъ на него особый родъ женщинъ, легкихъ, порхающихъ. Его поразило это улетучившееся существо, съ едва вызначавшимися легкими формами, съ маленькой ножкой, съ тоненькимъ воздушнымъ станомъ, съ отвѣтнымъ огнемъ во взорахъ и легкими, почти не выговаривающимися рѣчами. Онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ Парижа, населялъ его башнями, дворцами, составилъ себѣ по-своему образъ его и съ сердечнымъ трепетомъ увидѣлъ, наконецъ, близкіе признаки столицы: наклеенныя афиши, исполинскія буквы, умножавшіеся дилижансы, омнибусы ... наконецъ, понеслись домы предмѣстья. И вотъ онъ въ Парижѣ, безсвязно обнятый его чудовищною наружностью, пораженный движеніемъ, блескомъ улицъ, безпорядкомъ крышъ, гущиной трубъ, безархитектурными сплоченными массами домовъ, облѣплен-

ныхъ тѣсной лоскутностью магазиновъ, безобразьемъ нагихъ, не прислоненныхъ боковыхъ стѣнъ, безчисленной смѣшанной толпой золотыхъ буквъ, которыя лѣзли на стѣны, на окна, на крыши и даже на трубы, свѣтлой прозрачностью нижнихъ этажей, состоявшихъ только изъ однихъ зеркальныхъ стеколъ. Вотъ онъ, Парижъ, это вѣчное, волнующееся жерло, водометъ, мечущій искры новостей, просвѣщенья, модъ, изысканнаго вкуса и мелкихъ, но сильныхъ законовъ, отъ которыхъ не властны оторваться и сами порицатели ихъ; великая выставка всего, что производитъ мастерство, художество и всякій талантъ, скрытый въ невидныхъ углахъ Европы, трепетъ и любимая мечта двадцатилѣтняго человѣка, размѣнъ и ярмарка Европы! Какъ ошеломленный, не въ силахъ собрать себя, пошелъ онъ по улицамъ, пересыпавшимся всякимъ народомъ, исчерченнымъ путями движущихся омнибусовъ, поражаясь то видомъ кафе, блиставшаго неслыханнымъ царскимъ убранствомъ, то знаменитыми крытыми переходами, гдѣ оглушалъ его глухой шумъ нѣсколькихъ тысячъ стучавшихъ шаговъ сплошно двигавшейся толпы, которая вся почти состояла изъ молодыхъ людей, и гдѣ ослѣплялъ его трепещущій блескъ магазиновъ, озаряемыхъ свѣтомъ, падавшимъ сквозь стеклянный потолокъ въ галлерею, то останавливаясь передъ афишами, которыя милліонами пестрѣли и толпились въ глаза, крича о двадцати четырехъ ежедневныхъ представленіяхъ и безчисленномъ множествѣ всякихъ музыкальныхъ концертовъ; то растерявшись, наконецъ, совсѣмъ, когда вся эта волшебная куча вспыхнула ввечеру при волшебномъ освѣщеніи газа — всѣ домы вдругъ стали прозрачными, сильно засіявши снизу; окна и стекла въ магазинахъ, казалось, исчезли, пропали вовсе, и все, что лежало внутри ихъ, осталось прямо среди улицы нехранимо, блистая и отражаясь въ

углубленьи зеркалами. „Ma quest'è una cosa divina!“ [1] повторялъ живой итальянецъ.

И жизнь его потекла живо, какъ течетъ жизнь многихъ парижанъ и толпы многихъ молодыхъ иностранцевъ, наѣзжающихъ въ Парижъ. Въ девять часовъ утра, схватившись съ постели, онъ уже былъ въ великолѣпномъ кафе, съ модными фресками за стекломъ, съ потолкомъ, облитымъ золотомъ, съ листами длинныхъ журналовъ и газетъ, съ благороднымъ приспѣшникомъ, проходившимъ мимо посѣтителей, держа великолѣпный серебряный кофейникъ въ рукѣ. Тамъ пилъ онъ съ сибаритскимъ наслажденьемъ свой жирный кофій изъ громадной чашки, нѣжась на эластическомъ, упругомъ диванѣ и вспоминая о низенькихъ, темныхъ итальянскихъ кафе съ неопрятнымъ боттегой [2], несущимъ невымытые стеклянные стаканы. Потомъ принимался онъ за чтеніе колоссальныхъ журнальныхъ листовъ и вспомнилъ о чахоточныхъ журналишкахъ Италіи, о какомъ-нибудь Diario di Roma, il Pirato и тому подобныхъ, гдѣ помѣщались невинныя политическія извѣстія и анекдоты чуть не о Термопилахъ и персидскомъ царѣ Даріи. Тутъ, напротивъ, вездѣ видно было кипѣвшее перо. Вопросы на вопросы, возраженья на возраженья — казалось, всякій изъ всѣхъ силъ топорщился: тотъ грозилъ близкой перемѣной вещей и предвѣщалъ разрушенье государству; всякое чуть замѣтное движенье и дѣйствіе камеръ и министерства разрасталось въ движенье огромнаго размаха между упорными партіями и почти отчаяннымъ крикомъ слышалось въ журналахъ. Даже страхъ чувствовалъ итальянецъ, читая ихъ и думая, что завтра вспыхнетъ революція; какъ будто въ чаду, выходилъ изъ литературнаго кабинета, и только одинъ

---

[1] Но это — божественная вещь.
[2] Слуга кафе (собственно, bottega — лавчонка).

Парижъ со своими улицами могъ вывѣтрить въ одну минуту изъ головы весь этотъ грузъ. Его порхающій по всему блескъ и пестрое движенье, послѣ этого тяжелаго чтенія, казались чѣмъ то похожимъ на легкіе цвѣтки, взбѣжавшіе по оврагу пропасти. Въ одинъ мигъ онъ переселялся весь на улицу и сдѣлался, подобно всѣмъ, зѣвакою во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ зѣвалъ предъ свѣтлыми, легкими продавицами, только что вступившими въ свою весну, которыми были наполнены всѣ парижскіе магазины, какъ будто бы суровая наружность мужчины была неприлична и мелькала бы темнымъ пятномъ изъ-за цѣльныхъ стеколъ. Онъ глядѣлъ, какъ заманчиво щегольскія тонкія руки, вымытыя всякими мылами, блистая, заворачивали бумажки конфектъ, межъ тѣмъ какъ глаза свѣтло и пристально вперялись на проходящихъ; какъ рисовалась въ другомъ мѣстѣ свѣтловолосая головка въ картинномъ склонѣ, опустивши длинныя рѣсницы въ страницы моднаго романа, не видя, что около нея собралась уже куча молодежи, разсматривающая и ея легкую снѣжную шейку, и всякій волосокъ на головѣ ея, подслушивающая самое колебаніе груди, произведенное чтеніемъ. Онъ зѣвалъ и передъ книжной лавкой, гдѣ, какъ пауки, темнѣли на слоновой бумагѣ черныя виньетки, набросанныя размашисто, сгоряча, такъ что иногда и разобрать нельзя было, что̀ на нихъ такое, и глядѣли іероглифами странныя буквы. Онъ зѣвалъ и передъ машиной, которая одна занимала весь магазинъ и ходила за зеркальнымъ стекломъ, катая огромный валъ, растирающій шоколадъ. Онъ зѣвалъ предъ лавками, гдѣ останавливаются по цѣлымъ часамъ парижскіе крокодилы, засунувъ руки въ карманы и разинувъ ротъ, гдѣ краснѣлъ въ зелени огромный морской ракъ, воздымалась набитая трюфелями индѣйка, съ лаконическою надписью: „300 fr.“, и мелькали золотистымъ перомъ и хвостами желтыя

и красныя рыбы въ стеклянныхъ вазахъ. Онъ зѣвалъ и на широкихъ бульварахъ, царственно проходящихъ поперекъ весь тѣсный Парижъ, гдѣ среди города стояли деревья въ ростъ шестиэтажныхъ домовъ, гдѣ на асфальтовые тротуары валила наѣздная толпа и куча доморощенныхъ парижскихъ львовъ и тигровъ, не всегда вѣрно изображаемыхъ въ повѣстяхъ. И, назѣвавшись вдоволь и досыта, взбирался онъ къ ресторану, гдѣ уже давно сіяли газомъ зеркальныя стѣны, отражая въ себѣ безчисленныя толпы дамъ и мужчинъ, шумѣвшихъ рѣчами за маленькими столиками, разбросанными по залу. Послѣ обѣда уже онъ спѣшилъ въ театръ, недоумѣвая только, который выбрать: на каждомъ изъ нихъ своя знаменитость, на каждомъ свой авторъ, свой актеръ. Вездѣ новость. Тамъ блещетъ водевиль, живой, вѣтреный, какъ самъ французъ, новый всякій день, создавшійся весь въ три минуты досуга, смѣшившій весь отъ начала до конца, благодаря неистощимымъ капризамъ веселости актера; тамъ горячая драма. — И онъ невольно сравнилъ сухую, тощую драматическую сцену Италіи, гдѣ повторялись одинъ и тотъ же старикъ Гольдони[1], знаемый всѣми наизусть, или же новыя комедійки, невинныя и наивныя до того, что ребенокъ бы соскучился надъ ними; онъ сравнилъ ихъ тощую группу съ этимъ живымъ, торопливымъ драматическимъ наводненіемъ, гдѣ все ковалось, пока было горячо, гдѣ всякій боялся только, чтобы не простыла его новость. Насмѣявшись досыта, наволновавшись, наглядѣвшись, утомленный, подавленный впечатлѣніями, возвращался онъ домой и бросался въ постель, которая, какъ извѣстно, одна только нужна французу въ его комнатѣ: кабинетомъ, обѣдомъ и вечернимъ освѣщеніемъ онъ пользуется въ публичныхъ мѣстахъ. Но

[1] Знаменитый итальянскій комическій писатель (1707—1793).

князь, однакоже, не позабылъ съ этимъ разнообразнымъ зѣваньемъ соединить занятій ума, которыхъ требовала нетерпѣливо душа его. Онъ принялся слушать всѣхъ знаменитыхъ профессоровъ. Живая рѣчь, часто восторженная, новыя точки и стороны, подмѣченныя рѣчивымъ профессоромъ, были неожиданны для молодого итальянца. Онъ чувствовалъ, какъ стала спадать съ глазъ его пелена, какъ въ другомъ, яркомъ видѣ возставали передъ нимъ прежде незамѣченные предметы, и самый пріобрѣтенный имъ хламъ кое-какихъ знаній, которыя обыкновенно погибаютъ у большей части людей безъ всякихъ примѣненій, пробуждался и, оглянутый другимъ глазомъ, утверждался навсегда въ его памяти. Онъ не пропустилъ также услышать ни одного знаменитаго проповѣдника, публициста, оратора камерныхъ преній и всего, чѣмъ шумно гремитъ въ Европѣ Парижъ. Несмотря на то, что не всегда доставало ему средствъ, что старый князь посылалъ ему содержанье, какъ студенту, а не какъ князю, онъ успѣлъ, однакоже, найти случай побывать вездѣ, найти доступъ ко всѣмъ знаменитостямъ, о которыхъ трубятъ, повторяя другъ друга, европейскіе листки; даже увидалъ въ лицо тѣхъ модныхъ писателей, которыхъ странными созданьями была поражена, на ряду съ другими, его пылкая, молодая душа, и въ которыхъ всѣмъ мнилось слышать еще небранныя дотолѣ струны, неуловимые доселѣ изгибы страстей. Словомъ, жизнь итальянца приняла широкій, многосторонній образъ, обнялась всѣмъ громаднымъ блескомъ европейской дѣятельности. Разомъ, въ одинъ и тотъ же день, беззаботное зѣванье и тревожное пробужденье, легкая работа глазъ и напряженная ума, водевиль на театрѣ, проповѣдникъ въ церкви, политическій вихрь журналовъ и камеръ, рукоплесканье въ аудиторіяхъ, потрясающій громъ консерваторнаго оркестра, воздушное блистанье тан-

цующей сцены, громотня уличной жизни — какая исполинская жизнь для двадцатипятилѣтняго юноши! Нѣтъ лучшаго мѣста, какъ Парижъ; ни за что не промѣнялъ бы онъ такой жизни. Какъ весело и любо жить въ самомъ сердцѣ Европы, гдѣ, идя, подымаешься выше, чувствуешь, что членъ великаго всемірнаго общества! Въ головѣ его даже вертѣлась мысль отказаться вовсе отъ Италіи и основаться навсегда въ Парижѣ: Италія казалась ему теперь какимъ то темнымъ, заплѣсневѣлымъ угломъ Европы, гдѣ заглохла жизнь и всякое движенье.

Такъ пронеслись четыре пламенные года его жизни, — четыре года, слишкомъ значительные для юноши, и къ концу ихъ уже многое показалось не въ томъ видѣ, какъ было прежде. Во многомъ онъ разочаровался. Тотъ же Парижъ, вѣчно влекущій къ себѣ иностранцевъ, вѣчная страсть парижанъ, уже показался ему много, много не тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Онъ видѣлъ, какъ вся эта многосторонность и дѣятельность его жизни исчезала безъ выводовъ и плодоносныхъ душевныхъ осадковъ. Въ движеньи вѣчнаго его кипѣнья и дѣятельности видѣлась теперь ему страшная недѣятельность, страшное царство словъ вмѣсто дѣлъ. Онъ видѣлъ, какъ всякій французъ, казалось, только работалъ въ одной разгоряченной головѣ; какъ это журнальное чтеніе огромныхъ листовъ поглощало весь день и не оставляло часа для жизни практической; какъ всякій французъ воспитывался этимъ страннымъ вихремъ книжной, типографски движущейся политики и, еще чуждый сословія, къ которому принадлежалъ, еще не узнавъ на дѣлѣ всѣхъ правъ и отношеній своихъ, уже приставалъ къ той или другой партіи, горячо и жарко принимая къ сердцу всѣ интересы, становясь свирѣпо противъ своихъ супротивниковъ, еще не зная въ глаза ни интересовъ своихъ, ни супротивниковъ... и слово политика опротивѣло, наконецъ, сильно итальянцу.

Въ движеньи торговли, ума, вездѣ, во всемъ видѣлъ онъ только напряженное усиліе и стремленіе къ новости. Одинъ силился предъ другимъ, во что бы то ни стало, взять верхъ, хотя бы на одну минуту. Купецъ весь капиталъ свой употреблялъ на одну только уборку магазина, чтобы блескомъ и великолѣпіемъ его заманить къ себѣ толпу. Книжная литература прибѣгала къ картинкамъ и типографической роскоши, чтобы ими привлечь къ себѣ охлаждающееся вниманіе. Странностью неслыханныхъ страстей, уродливостью исключеній изъ человѣческой природы силились повѣсти и романы овладѣть читателемъ. Все, казалось, нагло навязывалось и напрашивалось само безъ зазыва, какъ непотребная женщина, что ловитъ человѣка ночью на улицѣ; все, одно передъ другимъ, вытягивало повыше свою руку, какъ обступившая толпа надоѣдливыхъ нищихъ. Въ самой наукѣ, въ ея одушевленныхъ лекціяхъ, которыхъ достоинство не могъ не признать онъ, теперь стало ему замѣтно вездѣ желанье выказаться, хвастнуть, выставить себя; вездѣ блестящіе эпизоды, и нѣтъ торжественнаго, величаваго теченья всего цѣлаго. Вездѣ усилія поднять доселѣ незамѣченные факты и дать имъ огромное вліяніе, иногда въ ущербъ гармоніи цѣлаго, съ тѣмъ только, чтобы оставить за собой честь открытія; наконецъ, вездѣ почти дерзкая увѣренность и нигдѣ смиреннаго сознанія собственнаго невѣдѣнія, — и онъ привелъ себѣ на память стихъ, которымъ итальянецъ Алфіери, въ ѣдкомъ расположеньи своего духа, попрекнулъ французовъ:

Tutto fanno, nulla sanno,
Tutto sanno, nulla fanno:
Gira volta son Francesi,
Piu gli pesi, men ti danno.[1]

[1] Все дѣлаютъ, ничего не знаютъ,
Все знаютъ, ничего не дѣлаютъ:
Вертопрахи французы,
Чѣмъ больше имъ отвѣшиваешь, тѣмъ меньше они даютъ.

Тоскливое расположеніе духа имъ овладѣло. Напрасно старался онъ развлекать себя, старался сойтись съ людьми, которыхъ уважалъ; но не сошлась итальянская природа съ французскимъ элементомъ. Дружба завязывалась быстро, но уже въ одинъ день французъ выказывалъ себя всего до послѣдней черты: на другой день нечего было и узнавать въ немъ, далѣе извѣстной глубины уже нельзя было погрузить вопроса въ его душу, не вонзалось далѣе остріе мысли; а чувства итальянца были слишкомъ сильны, чтобы встрѣтить себѣ полный отвѣтъ въ легкой природѣ. И нашелъ онъ какую то странную пустоту даже въ сердцахъ тѣхъ, которымъ не могъ отказать въ уваженьи. И увидѣлъ онъ, наконецъ, что при всѣхъ своихъ блестящихъ чертахъ, при благородныхъ порывахъ, при рыцарскихъ вспышкахъ, вся нація была что то блѣдное, несовершенное, легкій водевиль, ею же порожденный. Не почила на ней величественно-степенная идея. Вездѣ намеки на мысли, нѣтъ самыхъ мыслей; вездѣ полустрасти, и нѣтъ самыхъ страстей; все не окончено, все наметано, набросано съ быстрой руки; вся нація — блестящая виньетка, а не картина великаго мастера.

Нашедшая ли внезапно на него хандра дала ему возможность увидать все въ такомъ видѣ, или внутреннее вѣрное и свѣжее чувство итальянца было тому причиною, то или другое, только Парижъ, со всѣмъ своимъ блескомъ и шумомъ, скоро сдѣлался для него тягостной пустыней, и онъ невольно выбиралъ глухіе отдаленные концы его. Только въ одну еще итальянскую оперу заходилъ онъ, тамъ только какъ будто отдыхала душа его, и звуки родного языка теперь вырастали предъ нимъ во всемъ могуществѣ и полнотѣ. И стала представляться ему чаще забытая имъ Италія, вдали, въ какомъ то манящемъ свѣтѣ; съ каждымъ днемъ зазывы ея становились слышнѣе, и онъ рѣ-

шился, наконецъ, писать къ отцу, чтобы позволилъ ему возвратиться въ Римъ, что въ Парижѣ оставаться болѣе онъ не видитъ для себя нужды. Два мѣсяца не получалъ онъ никакого отвѣта, ни даже обычныхъ векселей, которые давно слѣдовало ему получить. Сначала ожидалъ онъ терпѣливо, зная капризный характеръ своего отца, наконецъ, начало овладѣвать имъ безпокойство. Нѣсколько разъ на недѣлѣ навѣдывался къ своему банкиру и всегда получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что изъ Рима нѣтъ никакихъ извѣстій. Отчаяніе готово было вспыхнуть въ душѣ его. Средства содержанія уже давно у него всѣ прекратились, уже давно сдѣлалъ онъ у банкира заемъ, но и эти деньги давно вышли, давно уже онъ обѣдалъ, завтракалъ и жилъ кое-какъ въ долгъ; косо и непріятно начинали посматривать на него — и хоть бы отъ кого-нибудь изъ друзей какое-нибудь извѣстіе. Тутъ то онъ сильно почувствовалъ свое одиночество. Въ безпокойномъ ожиданіи бродилъ онъ въ этомъ надоѣвшемъ на-смерть городѣ. Лѣтомъ онъ былъ для него еще невыносимѣе: всѣ наѣздныя толпы разлетѣлись по минеральнымъ водамъ, по европейскимъ гостиницамъ и дорогамъ. Призракъ пустоты видѣлся на всемъ. Домы и улицы Парижа были несносны; сады его томились сокрушительно между домовъ, палимыхъ солнцемъ. Какъ убитый, останавливался онъ надъ Сеной, на грузномъ, тяжеломъ мосту, на ея душной набережной, напрасно стараясь чѣмъ-нибудь позабыться, на что-нибудь заглядѣться; тоска необъятная жрала его, и безыменный червь точилъ его сердце. Наконецъ, судьба надъ нимъ умилосердилась — и въ одинъ день банкиръ вручилъ ему письмо. Оно было отъ дяди, который извѣщалъ его, что старый князь уже не существуетъ, что онъ можетъ пріѣхать распорядиться наслѣдствомъ, которое требуетъ его личнаго присутствія, потому что раз-

строено сильно. Въ письмѣ былъ тощій билетъ, едва доставшій на дорогу и на расплату четвертой доли долговъ. Молодой князь не хотѣлъ медлить минуты, уговорилъ кое-какъ банкира отсрочить долгъ и взялъ мѣсто въ курьерской каретѣ. Казалось, страшная тягость свалилась съ души его, когда скрылся изъ вида Парижъ и дохнуло на него свѣжимъ воздухомъ полей. Въ двое сутокъ онъ уже былъ въ Марселѣ, не хотѣлъ отдохнуть часу, и въ тотъ же вечеръ пересѣлъ на пароходъ. Средиземное море показалось ему роднымъ: оно омывало берега его отчизны, и онъ посвѣжѣлъ уже, только глядя на однѣ безконечныя его волны. Трудно было изъяснить чувство, его обнявшее при видѣ перваго итальянскаго города — это была великолѣпная Генуя. Въ двойной красотѣ вознеслись надъ нимъ ея пестрыя колокольни, полосатыя церкви изъ бѣлаго и чернаго мрамора и весь многобашенный амфитеатръ ея, вдругъ обнесшій его со всѣхъ сторонъ, когда пароходъ пришелъ къ пристани. Никогда не видалъ онъ Генуи. Эта играющая пестрота домовъ, церквей и дворцовъ на тонкомъ небесномъ воздухѣ, блиставшемъ непостижимою голубизною, была единственна. Сошедши на берегъ, онъ очутился вдругъ въ этихъ темныхъ, чудныхъ, узенькихъ, мощенныхъ плитами улицахъ, съ одной узенькой вверху полоской голубого неба. Его поразила эта тѣснота между домами, высокими, огромными, отсутствіе экипажнаго стуку, треугольныя маленькія площадки и между ними, какъ тѣсные коридоры, изгибающіяся линіи улицъ, наполненныхъ лавочками генуэзскихъ серебренниковъ и золотыхъ мастеровъ. Живописныя кружевныя покрывала женщинъ, чуть волнуемыя теплымъ широкко[1], ихъ твердыя походки, звонкій говоръ въ улицахъ, отворенныя двери цер-

[1] Вѣтеръ.

квей, кадильный запахъ, несшійся оттуда, — все это дунуло на него чѣмъ то далекимъ, минувшимъ. Онъ вспомнилъ, что уже много лѣтъ не былъ въ церкви, потерявшей свое чистое, высокое значеніе въ тѣхъ умныхъ земляхъ Европы, гдѣ онъ былъ. Тихо вошелъ онъ и сталъ въ молчаніи на колѣни, у великолѣпныхъ мраморныхъ колоннъ, и долго молился, самъ не зная, за что,—молился, что его приняла Италія, что снизошло на него желанье молиться, что празднично было у него на душѣ, и молитва эта, вѣрно, была лучшая. Словомъ, какъ прекрасную станцію, унесъ онъ за собою Геную: въ ней принялъ онъ первый поцѣлуй Италіи. Съ такимъ же яснымъ чувствомъ увидѣлъ онъ Ливорно, пустѣющую Пизу, Флоренцію, слабо знаемую имъ прежде. Величаво глянулъ на него тяжелый, граненый куполъ ея собора, темные дворцы царственной архитектуры и строгое величіе небольшого городка. Потомъ понесся чрезъ Апенины, сопровождаемый тѣмъ же свѣтлымъ расположеніемъ духа, и когда, наконецъ, послѣ шестидневной дороги, показался, въ ясной дали, на чистомъ небѣ, чудесно кругливщійся куполъ — о!... сколько чувствъ тогда столпилось разомъ въ его груди! Онъ не зналъ и не могъ передать ихъ; онъ оглядывалъ всякій холмикъ и отлогость. И вотъ уже, наконецъ, Ponte Molle, городскія ворота, и вотъ обняла его красавица площадей Piazza del Popolo, глянулъ Monte Pincio съ террасами, лѣстницами, статуями и людьми, прогуливающимися на верхушкахъ! Боже, какъ забилось его сердце! Ветуринъ[1] понесся по улицѣ Корсо, гдѣ когда то ходилъ онъ съ аббатомъ, невинный, простодушный, знавшій только, что латинскій языкъ есть отецъ итальянскаго. Вотъ предстали предъ нимъ опять всѣ домы, которые онъ зналъ наизусть: Palazzo Ruspoli

[1] Извозчикъ, возница.

съ своимъ огромнымъ кафе, Piazza Colonna, Palazzo Sciarra, Palazzo Doria; наконецъ, поворотилъ онъ въ переулки, такъ бранимые иностранцами, не кипящіе переулки, гдѣ изрѣдка только попадалась лавка брадобрея съ нарисованными лиліями надъ дверьми, да лавка шляпочника, высунувшаго изъ дверей долгополую кардинальскую шляпу, да лавчонка плетеныхъ стульевъ, дѣлавшихся тутъ же на улицѣ. Наконецъ, карета остановилась передъ величавымъ дворцомъ брамантовскаго[1] стиля. Никого не было въ нагихъ, неубранныхъ сѣняхъ. На лѣстницѣ встрѣтилъ его дряхлый maestro di casa, потому что швейцаръ съ своей булавой ушелъ, по обыкновенію, въ кафе, гдѣ проводилъ все время. Старикъ побѣжалъ отворять ставни и освѣщать мало-по-малу старинныя величественныя залы. Грустное чувство овладѣло княземъ, — чувство, понятное всякому пріѣзжающему, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, домой, когда все, что ни было, кажется еще старѣе, еще пустѣе, и когда тягостно говорить всякій предметъ, знаемый въ дѣтствѣ; и чѣмъ веселѣе были съ нимъ сопряженные случаи, тѣмъ сокрушительнѣй грусть, насылаемая имъ на сердце. Онъ прошелъ длинный рядъ залъ, оглянулъ кабинетъ и спальню, гдѣ еще не такъ давно старый владѣтель дворца засыпалъ въ кровати подъ балдахиномъ съ кистями и гербомъ, и потомъ выходилъ въ шлафрокѣ и туфляхъ въ кабинетъ выпить стаканъ ослинаго молока, съ намѣреньемъ пополнѣть, — уборную, гдѣ онъ наряжался съ утонченнымъ стараньемъ старой кокетки и откуда отправлялся потомъ въ колескѣ съ своими лакеями на гулянье въ виллу Боргезе, лорнировать постоянно какую то англичанку, пріѣзжавшую туда также прогуливаться. На столахъ и въ ящикахъ видны были еще остатки румянъ, бѣлилъ и вся-

[1] Браманте (1444—1514), знаменитый итальянскій архитекторъ.

кихъ притираній, которыми молодилъ себя старикъ. Maestro di casa объявилъ, что уже за двѣ недѣли до смерти онъ принялъ было твердое намѣреніе жениться и сдѣлалъ нарочно консультацію съ иностранными докторами, какъ поддержать con onore i doveri di marito[1], но что въ одинъ день, сдѣлавши два или три визита кардиналамъ и какому то пріору, онъ возвратился усталый домой, сѣлъ въ кресла и умеръ смертью праведника, хотя смерть его была бы блаженнѣе, еслибы онъ, по словамъ maestro di casa, догадался послать за двѣ минуты прежде за своимъ духовникомъ il padre Benvenuto. Все это слушалъ молодой князь разсѣянно, не принадлежа мыслью ни къ чему. Отдохнувши съ дороги и отъ странныхъ впечатлѣній, онъ занялся своими дѣлами. Его поразилъ страшный безпорядокъ ихъ. Все, отъ малаго до большого, было въ безтолковомъ, запутанномъ видѣ. Четыре безконечныя тяжбы за обвалившіеся дворцы и земли въ Феррарѣ и Неаполѣ, совершенно опустошенные доходы за три года впередъ, долги и нищенскій недостатокъ среди великолѣпія — вотъ что представилось глазамъ его. Старый князь былъ непонятное соединеніе скупости и пышности. Онъ держалъ огромную прислугу, которая не получала никакой платы, ничего, кромѣ ливреи, и довольствовалась подаяніями иностранцевъ, приходившихъ смотрѣть галлерею. При князѣ были егери, офиціанты, лакеи, которые ѣздили у него за коляской, лакеи, которые никуда не ѣздили и просиживали по цѣлымъ днямъ въ ближнемъ кафе или остеріи, болтая всякій вздоръ. Онъ распустилъ тотъ же часъ всю эту сволочь, всѣхъ егерей и охотниковъ, и оставилъ одного только старика maestro di casa; уничтожилъ почти вовсе конюшню, продавъ никогда не употреблявшихся лошадей;

[1] Съ честью обязанности супруга.

призвалъ адвокатовъ и распорядился съ своими тяжбами, по крайней мѣрѣ, такъ, что изъ четырехъ составилъ двѣ, бросивъ остальныя, какъ вовсе безполезныя; рѣшился ограничить себя во всемъ и вести жизнь со всею строгостью экономіи. Это было ему не трудно сдѣлать, потому что уже заблаговременно онъ привыкъ ограничивать себя. Ему не трудно было также отказаться отъ всякаго сообщества съ своимъ сословіемъ, — которое, впрочемъ, все состояло изъ двухъ-трехъ доживавшихъ фамилій, — общества, воспитаннаго кое-какъ отголосками французскаго образованья, да богача-банкира, собиравшаго около себя кругъ иностранцевъ, да неприступныхъ кардиналовъ, людей необщительныхъ, черствыхъ, уединенно проводившихъ время за карточной игрой въ tresette (родъ дурачка) съ своимъ камердинеромъ или брадобреемъ. Словомъ, онъ уединился совершенно, принялся разсматривать Римъ и сдѣлался въ этомъ отношеніи подобенъ иностранцу, который сначала бываетъ пораженъ мелочной, неблестящей его наружностью, испятнанными, темными домами, и съ недоумѣньемъ вопрошаетъ, попадая изъ переулка въ переулокъ: „гдѣ же огромный древній Римъ?“ и потомъ уже узнаетъ его, когда мало-по-малу изъ тѣсныхъ переулковъ начинаетъ выдвигаться древній Римъ, гдѣ темной аркой, гдѣ мраморнымъ карнизомъ, вдѣланнымъ въ стѣну, гдѣ порфировой потемнѣвшей колонной, гдѣ фронтономъ посреди вонючаго рыбнаго рынка, гдѣ цѣлымъ портикомъ передъ нестаринной церковью, и, наконецъ, далеко тамъ, гдѣ оканчивается вовсе живущій городъ, громадно воздымается онъ среди тысящелѣтнихъ плющей, алоэ и открытыхъ равнинъ необъятнымъ Колизеемъ, тріумфальными арками, останками необозримыхъ цезарскихъ дворцовъ, императорскими банями, храмами, гробницами, разнесенными по полямъ; и уже не видитъ иноземецъ нынѣшнихъ тѣсныхъ его улицъ и переул-

ковъ, весь объятый древнимъ міромъ: въ памяти его возстаютъ колоссальные образы цезарей; криками и плесками древней толпы поражается ухо...

Но не такъ, какъ иностранецъ, преданный одному Титу Ливію и Тациту, бѣгущій мимо всего, къ одной только древности, желавшій бы въ порывѣ благороднаго педантизма срыть весь новый городъ — нѣтъ, онъ находилъ все равно прекраснымъ: міръ древній, шевелившійся изъ-подъ темнаго архитрава, могучій средній вѣкъ, положившій вездѣ слѣды художниковъ-исполиновъ и великолѣпной щедрости папъ, и, наконецъ, прилѣпившійся къ нимъ новый вѣкъ съ толпящимся новымъ народонаселеніемъ. Ему нравилось это чудное ихъ сліяніе въ одно, эти признаки людной столицы и пустыни вмѣстѣ: дворецъ, колонны, трава, дикіе кусты, бѣгущіе по стѣнамъ, трепещущій рынокъ среди темныхъ, молчаливыхъ, заслоненныхъ снизу громадъ, живой крикъ рыбнаго продавца у портика, лимонадчикъ съ воздушной, украшенной зеленью лавчонкой передъ Пантеономъ. Ему нравилась самая невзрачность улицъ, темныхъ, неприбранныхъ, отсутствіе желтыхъ и свѣтленькихъ красокъ на домахъ, идиллія среди города: отдыхавшее стадо козловъ на уличной мостовой, крики ребятишекъ и какое то невидимое присутствіе на всемъ ясной торжественной тишины, обнимающей человѣка. Ему нравились эти безпрерывныя внезапности, неожиданности, поражающія въ Римѣ. Какъ охотникъ, выходящій съ утра на ловлю, какъ старинный рыцарь, искатель приключеній, онъ отправлялся отыскивать всякій день новыхъ и новыхъ чудесъ и останавливался невольно, когда вдругъ среди ничтожнаго переулка возносился предъ нимъ дворецъ, дышавшій строгимъ сумрачнымъ величіемъ. Изъ темнаго травертина [1] былп

[1] Видъ камня (известковый туфъ).

сложены его тяжелыя, несокрушимыя стѣны, вершину вѣнчалъ великолѣпно набранный колоссальный карнизъ, мраморными брусьями обложена была большая дверь, и окна глядѣли величаво, обремененныя роскошнымъ архитектурнымъ убранствомъ; — или какъ вдругъ нежданно, вмѣстѣ съ небольшой площадью, выглядывалъ картинный фонтанъ, обрызгивавшій себя самого и свои обезображенныя мхомъ гранитныя ступени; — какъ темная, грязная улица оканчивалась нежданно играющей архитектурной декораціей Бернини [1] или летящимъ кверху обелискомъ, или церковью и монастырской стѣною, вспыхивавшими блескомъ солнца на темнолазурномъ небѣ, съ черными, какъ уголь, кипарисами. И чѣмъ далѣе вглубь уходили улицы, тѣмъ чаще росли дворцы и архитектурныя созданья Браманта, Борромини, Сангалло, Деллапорта, Виньолы, Бонаротти [2] — и понялъ онъ, наконецъ, ясно, что только здѣсь, только въ Италіи, слышно присутствіе архитектуры и строгое ея величіе, какъ художества. Еще выше было духовное его наслажденье, когда онъ переносился во внутренность церквей и дворцовъ, гдѣ арки, плоскіе столбы и круглыя колонны изъ всѣхъ возможныхъ сортовъ мрамора, перемѣшанные съ базальтовыми, лазурными карнизами, порфиромъ, золотомъ и античными камнями, сочетались согласно, покоренные обдуманной мысли, и выше ихъ всѣхъ вознеслось безсмертное созданіе кисти. Они были высоко прекрасны, эти обдуманныя убранства залъ, полныя царскаго величія и архитектурной роскоши, вездѣ умѣвшей почтительно преклониться предъ живописью въ сей плодотворный вѣкъ, когда художникъ бывалъ и архитекторъ, и живописецъ, и даже скульпторъ вмѣстѣ. Могучія созданья кисти, уже не повторяющейся нынѣ, возносились су-

[1] и [2] Знаменитые итальянскіе архитекторы.

мрачно предъ нимъ на потемнѣвшихъ стѣнахъ, все еще непостижимыя и недоступныя для подражанія. Входя и погружаясь болѣе и болѣе въ созерцаніе ихъ, онъ чувствовалъ, какъ развивался видимо его вкусъ, залогъ котораго уже хранился въ душѣ его. И какъ предъ этой величественной, прекрасной роскошью показалось ему теперь низкою роскошь XIX столѣтія, мелкая, ничтожная роскошь, годная только для украшенья магазиновъ, выведшая на поле дѣятельности золотильщиковъ, мебельщиковъ, обойщиковъ, столяровъ и кучи мастеровыхъ, и лишившая міръ Рафаэлей, Тиціановъ, Микель-Анжеловъ, низведшая къ ремеслу искусство! Какъ низкою показалась ему эта роскошь, поражающая только первый взглядъ и озираемая потомъ равнодушно, передъ этой величавой мыслію — украсить стѣны вѣковѣчнымъ созданьемъ кисти, передъ этой прекрасной мыслью владѣльца дворца — доставить себѣ вѣчный предметъ наслажденья въ часы отдыха отъ дѣлъ и отъ шумнаго жизненнаго дрязга, уединившись тамъ, въ углу, на старинной софѣ, далеко отъ всѣхъ, вперя безмолвно взоръ и, вмѣстѣ со взоромъ, входя глубже душою въ тайны кисти, зрѣя невидимо въ красѣ душевныхъ помысловъ! Ибо высоко возвышаетъ искусство человѣка, придавая благородство и красоту чудную движеньямъ души. Какъ низки казались ему предъ этой незыблемой, плодотворной роскошью, окружившею человѣка предметами, движущими и воспитывающими душу, нынѣшнія мелочныя убранства, ломаемыя и выбрасываемыя ежегодно безпокойною модою, страннымъ непостижимымъ порожденьемъ XIX вѣка, предъ которымъ безмолвно преклонились мудрецы, губительницей и разрушительницей всего, что колоссально, величественно, свято. При такихъ разсужденіяхъ невольно приходило ему на мысль: не оттого ли сей равнодушный хладъ, обнимающій нынѣшній вѣкъ,

торговый, низкій разсчетъ, ранняя притупленность еще не успѣвшихъ развиться и возникнуть чувствъ? Иконы вынесли изъ храма — и храмъ уже не храмъ: летучія мыши и злые духи обитаютъ въ немъ.

Чѣмъ болѣе онъ всматривался, тѣмъ болѣе поражала его сія необыкновенная плодотворность вѣка, и онъ невольно восклицалъ: „Когда и какъ успѣли они это надѣлать?“ Эта великолѣпная сторона Рима какъ будто бы росла передъ нимъ ежедневно. Галлереи и галлереи — и конца имъ нѣтъ: и тамъ, и въ той церкви хранится какое-нибудь чудо кисти; и тамъ, на дряхлѣющей стѣнѣ, еще дивитъ готовый исчезнуть фрескъ; и тамъ, на вознесенныхъ мраморахъ и столпахъ, набранныхъ изъ древнихъ языческихъ храмовъ, блещетъ неувядаемой кистью плафонъ. Все это было похоже на скрытые золотые рудники, покровенные обыкновенной землей, знакомые одному только рудокопу. Какъ полно было у него всякій разъ на душѣ, когда возвращался онъ домой! Какъ было различно это чувство, объятое спокойной торжественностью тишины, отъ тѣхъ тревожныхъ впечатлѣній, которыми безсмысленно наполнялась душа его въ Парижѣ, когда онъ возвращался домой усталый, утомленный, рѣдко будучи въ силахъ повѣрить итогъ ихъ!

Теперь ему казалась еще болѣе согласною съ этими внутренними сокровищами Рима его неприглядная, потемнѣвшая, запачканная наружность, такъ бранимая иностранцами. Ему бы непріятно было выйти послѣ всего этого на модную улицу, съ блестящими магазинами, щеголеватостью людей и экипажей: это было бы чѣмъ то развлекающимъ, святотатственнымъ. Ему лучше нравилась эта скромная тишина улицъ, это особенное выраженіе римскаго населенія, этотъ призракъ восемнадцатаго вѣка, еще мелькавшій по улицѣ то въ видѣ

чернаго аббата съ трехугольною шляпой, черными чулками и башмаками, то въ видѣ старинной пурпурной кардинальной кареты съ позлащеными осями, колесами, карнизами и гербами — все какъ то согласовалось съ важностью Рима: этотъ живой, не торопящійся народъ, живописно и покойно расхаживающій по улицамъ, закинувъ полуплащъ, или набросивъ себѣ на плечо куртку, безъ тягостнаго выраженья въ лицахъ, которое такъ поражало его на синихъ блузахъ и на всемъ народонаселеньи Парижа. Тутъ самая нищета являлась въ какомъ то свѣтломъ видѣ, беззаботная, незнакомая съ терзаньемъ и слезами, безпечно и живописно протягивавшая руку; картинные полки монаховъ, переходившіе улицы въ длинныхъ бѣлыхъ или черныхъ одеждахъ; нечистый рыжій капуцинъ, вдругъ вспыхнувшій на солнцѣ свѣтло-верблюжьимъ цвѣтомъ; наконецъ, это населенье художниковъ, собравшихся со всѣхъ сторонъ свѣта, которые бросили здѣсь узенькіе лоскуточки одѣяній европейскихъ и явились въ свободныхъ, живописныхъ нарядахъ; ихъ величественныя осанистыя бороды, снятыя съ портретовъ Леонардо-да-Винчи и Тиціана, такъ непохожія на тѣ уродливыя, узкія бородки, которыя французъ передѣлываетъ и стрижетъ себѣ по пяти разъ въ мѣсяцъ. Тутъ художникъ почувствовалъ красоту длинныхъ волнующихся волосъ и позволилъ имъ разсыпаться кудрями. Тутъ самый нѣмецъ, съ кривизной ногъ своихъ и безперехватностью стана, получилъ значительное выраженіе, разнеся по плечамъ золотистые свои локоны, драпируясь легкими складками греческой блузы или бархатнымъ нарядомъ, извѣстнымъ подъ именемъ cinquecento [1], которое усвоили себѣ только одни художники въ Римѣ. Слѣды строгаго спокойствія и тихаго труда отра-

[1] Костюмъ XV столѣтія.

жались на ихъ лицахъ. Самые разговоры и мнѣнья, слышимые на улицахъ, въ кафе, въ остеріяхъ, были вовсе противоположны и не похожи на тѣ, которые слышались ему въ городахъ Европы. Тутъ не было толковъ о понизившихся фондахъ, о камерныхъ [1] преніяхъ, объ испанскихъ дѣлахъ: тутъ слышались рѣчи объ открытой недавно древней статуѣ, о достоинствѣ кисти великихъ мастеровъ, раздавались споры и разногласья о выставленномъ произведеніи новаго художника, толки о народныхъ праздникахъ и, наконецъ, частные разговоры, въ которыхъ раскрывался человѣкъ и которые вытѣснены изъ Европы скучными общественными толками и политическими мнѣніями, изгнавшими сердечное выраженіе съ лицъ.

Часто оставлялъ онъ городъ для того, чтобы оглянуть его окрестности, и тогда его поражали другія чудеса. Прекрасны были эти нѣмыя, пустынныя римскія поля, усѣянныя останками древнихъ храмовъ, съ невыразимымъ спокойствіемъ разстилавшіяся вокругъ, гдѣ пламенѣя сплошнымъ золотомъ отъ слившихся вмѣстѣ желтыхъ цвѣтковъ, гдѣ блеща жаромъ раздутаго угля отъ пунцовыхъ листовъ дикаго мака. Они представляли четыре чудные вида на четыре стороны. Съ одной — соединялись они прямо съ горизонтомъ одной рѣзкой ровной чертой; арки водопроводовъ казались стоящими на воздухѣ и какъ бы наклеенными на блистающемъ серебряномъ небѣ. Съ другой — надъ полями сіяли горы; не вырываясь порывисто и безобразно, какъ въ Тиролѣ или Швейцаріи, но согласными плывучими линіями выгибаясь и склоняясь, озаренныя чудною ясностью воздуха, онѣ готовы были улетѣть въ небо; у подошвы ихъ неслася длинная аркада водопроводовъ, подобно длинному фундаменту, и вершина горъ казалась

[1] Парламентскихъ.

воздушнымъ продолженіемъ чуднаго зданія, и небо надъ ними было уже не серебряное, но невыразимаго цвѣта весенней сирени. Съ третьей — эти поля увѣнчивались тоже горами, которыя уже ближе и выше возносились, выступая сильнѣе передними рядами и легкими уступами уходя въ даль. Въ чудную постепенность цвѣтовъ облекалъ ихъ тонкій голубой воздухъ; и сквозь это воздушно-голубое ихъ покрывало сіяли чуть примѣтные домы и виллы Фраскати, гдѣ тонко и легко тронутые солнцемъ, гдѣ уходящіе въ свѣтлую мглу пылившихся вдали, чуть примѣтныхъ рощей. Когда же обращался онъ вдругъ назадъ, тогда представлялась ему четвертая сторона вида: поля оканчивались самимъ Римомъ. Сіяли рѣзко и ясно углы и линіи домовъ, круглость куполовъ, статуи Латранскаго Іоанна и величественный куполъ Петра, вырастающій выше и выше, по мѣрѣ отдаленья отъ него, и властительно остающійся, наконецъ, одинъ на всемъ полу-горизонтѣ, когда уже совершенно скрылся весь городъ. Еще лучше любилъ онъ оглянуть эти поля съ террасы которой-нибудь изъ виллъ Фраскати или Альбано, въ часы захожденья солнца. Тогда они казались необозримымъ моремъ, сіявшимъ и возносившимся изъ темныхъ перилъ террасы; отлогости и линіи исчезали въ обнявшемъ ихъ свѣтѣ. Сначала онѣ еще казались зеленоватыми, и по нимъ еще виднѣлись тамъ и тамъ разбросанныя гробницы и арки; потомъ онѣ сквозили уже свѣтлой желтизною въ радужныхъ оттѣнкахъ свѣта, едва выказывая древніе остатки, и, наконецъ, становились пурпурнѣй и пурпурнѣй, поглощая въ себѣ и самый безмѣрный куполъ и сливаясь въ одинъ густой малиновый цвѣтъ, и одна только сверкающая вдали золотая полоса моря отдѣляла ихъ отъ пурпурнаго, такъ же, какъ и онѣ, горизонта. Нигдѣ, никогда ему не случалось видѣть, чтобы поле превращалось въ пламя, подобно небу.

Долго, полный невыразимаго восхищенья, стоялъ онъ предъ такимъ видомъ, и потомъ уже стоялъ такъ, просто, не восхищаясь, позабывъ все. Когда и солнце уже скрывалось, потухалъ быстро горизонтъ и еще быстрѣе потухали вмигъ померкнувшія поля, вездѣ устанавливалъ свой темный образъ вечеръ, надъ развалинами огнистыми фонтанами подымались свѣтящіяся мухи, и неуклюжее крылатое насѣкомое, несущееся стоймя, какъ человѣкъ, извѣстное подъ именемъ дьявола, ударялось безъ толку ему въ очи, — тогда только онъ чувствовалъ, что наступившій холодъ южной ночи уже прохватилъ его всего, и спѣшилъ въ городскія улицы, чтобы не схватить южной лихорадки.

Такъ протекала жизнь его въ созерцаньяхъ природы, искусствъ и древностей. Среди сей жизни почувствовалъ онъ, болѣе нежели когда-либо, желаніе проникнуть поглубже исторію Италіи, доселѣ ему извѣстную эпизодами, отрывками; безъ нея казалось ему неполно настоящее, и онъ жадно принялся за архивы, лѣтописи и записки. Онъ теперь могъ ихъ читать не такъ, какъ итальянецъ-домосѣдъ, входящій и тѣломъ, и душою въ читаемыя событія и не видящій изъ-за обступившихъ его лицъ и происшествій всей массы цѣлаго, — онъ теперь могъ оглядывать все покойно, какъ изъ ватиканскаго окна. Пребываніе внѣ Италіи, въ виду шума и движенья дѣйствующихъ народовъ и государствъ, служило ему строгою повѣркою всѣхъ выводовъ, сообщило многосторонность и всеобъемлющее свойство его глазу. Читая, теперь онъ еще болѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ безпристрастнѣй былъ пораженъ величіемъ и блескомъ минувшей эпохи Италіи. Его изумляло такое быстрое разнообразное развитіе человѣка на такомъ тѣсномъ углу земли, такимъ сильнымъ движеньемъ всѣхъ силъ. Онъ видѣлъ, какъ здѣсь кипѣлъ человѣкъ, какъ каждый городъ говорилъ своею рѣчью, какъ у ка-

ждаго города были цѣлые томы исторіи, какъ разомъ возникли здѣсь всѣ образы и виды гражданства и правленій: волнующіяся республики сильныхъ непокорныхъ характеровъ и полновластные деспоты среди ихъ; цѣлый городъ царственныхъ купцовъ, опутанный сокровенными правительственными нитями, подъ призракомъ единой власти дожа; призванные чужеземцы среди туземцевъ; сильные напоры и отпоры въ нѣдрѣ незначительнаго городка; почти сказочный блескъ герцоговъ и монарховъ крохотныхъ земель; меценаты, покровители и гонители; цѣлый рядъ великихъ людей, столкнувшихся въ одно и то же время; лира, циркуль, мечъ и палитра; храмы, воздвигающіеся среди браней и волненій; вражда, кровавая месть, великодушныя черты и кучи романическихъ происшествій частной жизни среди политическаго, общественнаго вихря и чудная связь между ними: такое изумляющее раскрытіе всѣхъ сторонъ жизни политической и частной, такое пробужденіе въ столь тѣсномъ объемѣ всѣхъ элементовъ человѣка, совершавшихся въ другихъ мѣстахъ только частями и на большихъ пространствахъ! — И все это исчезло и прошло вдругъ, все застыло, какъ погаснувшая лава, и выброшено даже изъ памяти Европою, какъ старый ненужный хламъ. Нигдѣ, даже въ журналахъ, не выказываетъ бѣдная Италія своего развѣнчаннаго чела, лишенная значенья политическаго, а съ нимъ и вліянья на міръ.

„И неужели“, думалъ онъ, „не воскреснетъ никогда ея слава? Неужели нѣтъ средствъ возвратить минувшій блескъ ея?“ И вспомнилъ онъ то время, когда еще въ университетѣ, въ Луккѣ, бредилъ онъ о возобновленіи ея минувшей славы; какъ это было любимой мыслью молодежи; какъ за стаканами добродушно и простосердечно мечтала она о томъ. И увидѣлъ онъ теперь, какъ близорука была молодежь, и какъ близоруки бываютъ

политики, упрекающіе народъ въ безпечности и лѣни. Почуялъ онъ теперь, смутясь, Великій Перстъ, предъ нимъ же повергается въ прахъ нѣмѣющій человѣкъ, — Великій Перстъ, начертывающій свыше всемірныя событія. Онъ вызвалъ изъ среды ея же гонимаго ея гражданина, бѣднаго генуэзца, который одинъ убилъ свою отчизну, указавъ міру невѣдомую землю и другіе, широкіе пути [1]. Раздался всемірный горизонтъ: огромнымъ размахомъ закипѣли движенья Европы: понеслись вокругъ свѣта корабли, двинувъ могучія сѣверныя силы. Осталось пусто Средиземное море: какъ обмелѣвшее рѣчное русло, обмелѣла обойденная Италія. Стоитъ Венеція, отразивъ въ адріатическія волны свои потухнувшіе дворцы, и разрывающей жалостью проникается сердце иностранца, когда поникшій гондольеръ влечетъ его подъ пустыми стѣнами и разрушенными перилами безмолвныхъ мраморныхъ балконовъ. Онѣмѣла Феррара, пугая дикой мрачностью своего герцогскаго дворца. Глядятъ пустынно на всемъ пространствѣ Италіи ея наклонныя башни и архитектурныя чуда, очутясь среди равнодушнаго къ нимъ поколѣнья. Звонкое эхо раздается въ шумѣвшихъ когда то улицахъ, и бѣдный ветуринъ подъѣзжаетъ къ грязной остеріи, поселившейся въ великолѣпномъ дворцѣ. Въ нищенскомъ вретищѣ очутилась Италія, и пыльными отрепьями висятъ на ней куски ея померкнувшей царственной одежды.

Въ порывѣ душевной жалости готовъ онъ былъ даже лить слезы. Но утѣшительная, величественная мысль приходила сама къ нему въ душу, и чуялъ онъ другимъ, высшимъ чутьемъ, что не умерла Италія, что слышится ея неотразимое вѣчное владычество надъ всѣмъ міромъ, что вѣчно вѣетъ надъ нею ея великій геній, уже въ самомъ

[1] Колумбъ.

началѣ завязавшій въ груди ея судьбу Европы, внесшій крестъ въ европейскіе темные лѣса, захватившій гражданскимъ багромъ на дальнемъ краю ихъ дикообразнаго человѣка, закипѣвшій здѣсь впервые всемірной торговлей, хитрой политикой и сложностью гражданскихъ пружинъ, вознесшійся потомъ всѣмъ блескомъ ума, вѣнчавшій чело свое святымъ вѣнцомъ поэзіи и, когда уже политическое вліяніе Италіи стало исчезать, развернувшійся надъ міромъ торжественными дивами — искусствами, подарившими человѣку невѣдомыя наслажденья и божественныя чувства, которыя дотолѣ не подымались изъ лона души его. Когда же и вѣкъ искусства сокрылся, и къ нему охладѣли погруженные въ разсчеты люди, онъ вѣетъ и разносится надъ міромъ въ завывающихъ воплякъ музыки, и на берегахъ Сены. Невы, Темзы, Москвы, Средиземнаго, Чернаго моря, въ стѣнахъ Алжира и на отдаленныхъ, еще недавно дикихъ, островахъ гремятъ восторженные плески звонкимъ пѣвцамъ. Наконецъ, самой ветхостью и разрушеньемъ своимъ онъ грозно владычествуетъ нынѣ въ мірѣ: эти величавыя архитектурныя чуда остались, какъ призраки, чтобы попрекнуть Европу въ ея китайской мелочной роскоши, въ игрушечномъ раздробленіи мысли. И самое это чудное собраніе отжившихъ міровъ, и прелесть соединенья ихъ съ вѣчно цвѣтущей природой — все существуетъ для того, чтобы будить міръ, чтобы жителю сѣвера, какъ сквозь сонъ, представлялся иногда этотъ югъ, чтобъ мечта о немъ вырывала его изъ среды хладной жизни, преданной занятіямъ, очерствляющимъ душу, — вырывала бы его оттуда, блеснувъ ему нежданно уносящею вдаль перспективой, колизейскою ночью при лунѣ, прекрасно умирающей Венеціей, невидимымъ небеснымъ блескомъ и теплыми поцѣлуями чудеснаго воздуха, — чтобы хоть разъ въ жизни былъ онъ прекраснымъ человѣкомъ...

Въ такую торжественную минуту онъ примирялся съ разрушеньемъ своего отечества, и зрѣлись тогда ему во всемъ зародыши вѣчной жизни, вѣчно лучшаго будущаго, которое вѣчно готовитъ міру его вѣчный Творецъ. Въ такія минуты онъ даже весьма часто задумывался надъ нынѣшнимъ значеніемъ римскаго народа. Онъ видѣлъ въ немъ матеріалъ, еще непочатый. Еще ни разу не игралъ онъ роли въ блестящую эпоху Италіи: отмѣчали на страницахъ исторіи имена свои папы да аристократическіе домы, но народъ оставался незамѣтенъ. Его не зацѣплялъ ходъ двигавшихся внутри и внѣ его интересовъ; его не коснулось образованье и не взметнуло вихремъ сокрытыя въ немъ силы. Въ его природѣ заключалось что то младенчески-благородное. Эта гордость римскимъ именемъ, вслѣдствіе которой часть города, считая себя потомками древнихъ квиритовъ, никогда не вступала въ брачные союзы съ другими; эти черты характера, смѣшаннаго изъ добродушія и страстей, показывающія свѣтлую его натуру (никогда римлянинъ не забывалъ ни зла, ни добра; онъ или добрый, или злой, или расточитель, или скряга; въ немъ добродѣтели и пороки въ своихъ самородныхъ слояхъ и не смѣшались, какъ у образованнаго человѣка, въ неопредѣленные образы, у котораго всякихъ страстишекъ понемногу подъ верховнымъ начальствомъ эгоизма); эта невоздержность и порывъ развернуться на всѣ деньги, замашка сильныхъ народовъ, — все это имѣло для него значеніе. Эта свѣтлая, непритворная веселость, которой теперь нѣтъ у другихъ народовъ: вездѣ, гдѣ онъ ни былъ, ему казалось, что стараются тѣшить народъ; здѣсь, напротивъ, онъ тѣшится самъ; онъ самъ хочетъ быть участникомъ; его насилу удержишь въ карнавалѣ; все, что ни накоплено имъ въ продолженіе года, онъ готовъ промотать въ эти полторы недѣли; все усадитъ онъ на одинъ нарядъ:

одѣнется паяцомъ, женщиной, поэтомъ, докторомъ, графомъ, вретъ чепуху и лекціи и слушающему, и неслушающему, — и веселость эта обнимаетъ, какъ вихорь, всѣхъ, отъ сорокалѣтняго до мальчишки: послѣдній бобыль, которому не во что одѣться, выворачиваетъ себѣ куртку, вымазываетъ лицо углемъ и бѣжитъ туда же, въ пеструю кучу. И веселость эта прямо изъ его природы; ею не хмель дѣйствуетъ: тотъ же самый народъ освищетъ пьянаго, если встрѣтитъ его на улицѣ. Потомъ черты природнаго художественнаго инстинкта и чувства: онъ видѣлъ, какъ простая женщина указывала художнику погрѣшность въ его картинѣ; онъ видѣлъ, какъ выражалось невольно это чувство въ живописныхъ одеждахъ, въ церковныхъ убранствахъ; какъ въ Дженсано народъ убиралъ цвѣточными коврами улицы; какъ разноцвѣтные листики цвѣтовъ обращались въ краски и тѣни, на мостовой выходили узоры, кардинальскіе гербы, портретъ папы, вензеля, птицы, звѣри и арабески; какъ наканунѣ Свѣтлаго Воскресенья продавцы съѣстныхъ припасовъ, пицикаролы, убирали свои лавчонки: свиные окорока, колбасы, бѣлые пузыри, лимоны и листья обращались въ мозаику и составляли плафонъ; круги пармезановъ и другихъ сыровъ, ложась одинъ на другой, становились въ колонны; изъ сальныхъ свѣчей составлялась бахрома мозаичнаго занавѣса, драпировавшаго внутреннія стѣны; изъ сала, бѣлаго какъ снѣгъ, отливались цѣлыя статуи, историческія группы христіанскихъ и библейскихъ содержаній, которыя изумленный зритель принималъ за алебастровыя — вся лавочка обращалась въ свѣтлый храмъ, сіяя позлащенными звѣздами, искусно освѣщаясь развѣшенными шкаликами и отражая зеркалами безконечныя кучи яицъ. Для всего этого нужно было присутствіе вкуса, и пицикароле дѣлалъ это не изъ какихъ-нибудь доходовъ, но для того, чтобы

полюбовались другіе и полюбоваться самому. Наконецъ, народъ, въ которомъ живетъ чувство собственнаго достоинства: здѣсь онъ il popolo [1], а не чернь, и носитъ въ своей природѣ прямыя начала временъ первоначальныхъ квиритовъ; его не могли даже совратить наѣзды иностранцевъ, развратителей пребывающихъ въ бездѣйствіи націй, — наѣзды, порождающіе по трактирамъ и дорогамъ презрѣннѣйшій классъ людей, по которымъ путешественникъ произноситъ часто сужденіе обо всемъ народѣ. Самая нелѣпость правительственныхъ постановленій, эта безсвязная куча всякихъ законовъ, возникшихъ во всѣ времена и отношенія и не уничтоженныхъ понынѣ, между которыми даже есть эдикты временъ древней римской республики, — все это не искоренило высокаго чувства справедливости въ народѣ. Онъ порицаетъ неправеднаго притязателя, освистываетъ гробъ покойника и впрягается великодушно въ колесницу, везущую тѣло, любезное народу. Самые поступки духовенства, часто соблазнительные, произведшіе бы въ другихъ мѣстахъ развратъ, почти не дѣйствуютъ на него: онъ умѣетъ отдѣлить религію отъ лицемѣрныхъ исполнителей и не заразился холодной мыслью невѣрія. Наконецъ, самая нужда и бѣдность, неизбѣжный удѣлъ стоячаго государства, не ведутъ его къ мрачному злодѣйству: онъ веселъ и переноситъ все, и только въ романахъ да повѣстяхъ рѣжетъ по улицамъ. Все это показывало ему стихіи народа сильнаго, непочатаго, для котораго какъ будто бы готовилось какое то поприще впереди. Европейское просвѣщеніе какъ будто съ умысломъ не коснулось его и не водрузило въ грудь ему своего холоднаго усовершенствованія. Самое духовное правительство, этотъ странный уцѣлѣвшій призракъ минувшихъ временъ, осталось какъ будто

[1] Народъ.

для того, чтобы сохранить народъ отъ посторонняго вліянія, чтобъ никто изъ честолюбивыхъ сосѣдей не посягнулъ на его личность, чтобы до времени въ тишинѣ таилась его гордая народность. Притомъ здѣсь, въ Римѣ, не слышалось чего то умершаго; въ самыхъ развалинахъ и великолѣпной бѣдности Рима не было того томительнаго, проникающаго чувства, которымъ объемлется невольно человѣкъ, созерцающій памятники заживо умирающей націи. Тутъ противоположное чувство: тутъ ясное, торжественное спокойствіе. И всякій разъ, соображая все это, князь предавался невольно размышленіямъ и сталъ подозрѣвать какое то таинственное значеніе въ словѣ „вѣчный Римъ“.

Итогъ всего этого былъ тотъ, что онъ старался узнавать болѣе и болѣе свой народъ. Онъ его слѣдилъ на улицахъ, въ кафе, гдѣ въ каждомъ были свои посѣтители: въ одномъ антикваріи, въ другомъ стрѣлки и охотники, въ третьемъ кардинальскіе слуги, въ четвертомъ художники, въ пятомъ вся римская молодежь и римское щегольство; слѣдилъ въ остеріяхъ, чисто-римскихъ остеріяхъ, куда не заходитъ иностранецъ, гдѣ римскій nobile [1] садится иногда рядомъ съ Миненте, и общество скидаетъ съ себя сюртуки и галстуки въ жаркіе дни; слѣдилъ его въ загородныхъ живописно-невзрачныхъ трактиришкахъ съ воздушными окнами безъ стеколъ, куда фамиліями и компаніями наѣзжали римляне обѣдать, или, по ихъ выраженію, far allegria [2]. Онъ садился и обѣдалъ вмѣстѣ съ ними, вмѣшивался охотно въ разговоръ, дивясь весьма часто простому здравомыслію и живой оригинальности разсказа простыхъ, неграмотныхъ горожанъ. Но болѣе всего онъ имѣлъ случай узнавать его во время церемоній и празднествъ, когда всплываетъ наверхъ все народонаселеніе Рима и вдругъ пока-

[1] Знатный человѣкъ.
[2] Веселиться.

зывается несмѣтное множество дотолѣ неподозрѣваемыхъ красавицъ, — красавицъ, которыхъ образы мелькаютъ только въ барельефахъ да въ древнихъ антологическихъ стихотвореніяхъ. Эти полные взоры, алебастровыя плечи, смолистые волосы, въ тысячѣ разныхъ образовъ поднятые на голову или опрокинутые назадъ, картинно пронзенные насквозь золотой стрѣлой, руки, гордая походка — вездѣ черты и намеки на серьезную классическую красоту, а не легкую прелесть граціозныхъ женщинъ. Тутъ женщины казались подобными зданіямъ въ Италіи: онѣ или дворцы, или лачужки, или красавицы, или безобразныя; середины нѣтъ между ними: хорошенькихъ нѣтъ. Онъ ими наслаждался, какъ наслаждался въ прекрасной поэмѣ стихами, выбившимися изъ ряду другихъ и насылавшими свѣжительную дрожь на душу.

Но скоро къ такимъ наслажденьямъ присоединилось чувство, объявившее сильную борьбу всѣмъ прочимъ, — чувство, которое вызвало изъ душевнаго дна сильныя человѣческія страсти, подымающія демократическій бунтъ противъ высокаго единодержавія души: онъ увидѣлъ Аннунціату. И вотъ, такимъ образомъ, мы добрались, наконецъ, до свѣтлаго образа, который озарилъ начало нашей повѣсти.

Это было во время карнавала.

— Сегодня я не пойду на Корсо, — сказалъ принчипе [1] своему maestro di casa, выходя изъ дому, — мнѣ надоѣдаетъ карнавалъ, мнѣ лучше нравятся лѣтніе праздники и церемоніи...

— Но развѣ это карнавалъ? — сказалъ старикъ, — это карнавалъ ребятъ. Я помню карнавалъ: когда по всему Корсо ни одной кареты не было, и всю ночь гремѣла по улицамъ музыка; когда живописцы, архитекторы и скульпторы вы-

[1] Князь.

думывали цѣлыя группы, исторіи; когда народъ — князь понимаетъ — весь народъ, всѣ, всѣ золотильщики, рамщики, мозаичисты, прекрасныя женщины, вся синьорія, всѣ nobili, всѣ, всѣ, всѣ... o, quanta allegria! [1] Вотъ когда былъ карнавалъ, такъ карнавалъ! А теперь что за карнавалъ! Э!.. — сказалъ старикъ и пожалъ плечами; потомъ опять сказалъ, — э! — и пожалъ плечами, и потомъ уже произнесъ, — E una porcheria! [2] — Затѣмъ maestro di casa, въ душевномъ порывѣ, сдѣлалъ необыкновенно сильный жестъ рукою, но утишился, увидѣвъ, что князя давно предъ нимъ не было: онъ былъ уже на улицѣ. Не желая участвовать въ карнавалѣ, онъ не взялъ съ собой ни маски, ни желѣзной сѣтки на лицо и, забросившись плащомъ, хотѣлъ только пробраться чрезъ Корсо на другую половину города. Но народная толпа была слишкомъ густа. Едва только продрался онъ между двухъ человѣкъ, какъ уже попотчивали его сверху мукой; пестрый арлекинъ ударилъ его по плечу трещоткою, пролетѣвъ мимо съ своей Коломбиною; „конфетти“ и пучки цвѣтовъ полетѣли ему въ глаза; съ двухъ сторонъ стали ему жужжать въ уши: съ одной стороны графъ, съ другой медикъ, читавшій ему длинную лекцію о томъ, что у него находится въ желудочной кишкѣ. Пробиться между нихъ не было силъ, потому что народная толпа возросла, цѣпь экипажей, уже не будучи въ возможности двинуться, остановилась. Вниманіе толпы занялъ какой то смѣльчакъ, шагавшій на ходуляхъ наравнѣ съ домами, рискуя всякую минуту быть сбитымъ съ ногъ и грохнуться на-смерть о мостовую. Но объ этомъ, кажется, у него не было заботы. Онъ тащилъ на плечахъ чучелу великана, придерживая ее одной рукою, неся въ другой написанный на бумагѣ сонетъ, съ придѣланнымъ къ

[1] Сколько веселья!
[2] Одно свинство.

нему бумажнымъ хвостомъ, какой бываетъ у бумажнаго змѣя, и крича во весь голосъ: „Ecco il gran poeta morto! Ecco il suo sonetto colla coda“. („Вотъ умершій великій поэтъ! Вотъ его сонетъ съ хвостомъ!“) [1] Этотъ смѣльчакъ сгустилъ за собою толпу до такой степени, что князь едва могъ перевести духъ. Наконецъ, вся толпа двинулась впередъ за мертвымъ поэтомъ; цѣпь экипажей тронулась, чему онъ обрадовался сильно, хоть народное движеніе сбило съ него шляпу, которую онъ теперь бросился подымать. Поднявши шляпу, онъ поднялъ вмѣстѣ и глаза, и остолбенѣлъ: предъ нимъ стояла неслыханная красавица. Она была въ сіяющемъ альбанскомъ нарядѣ, въ ряду двухъ другихъ, тоже прекрасныхъ женщинъ, которыя были предъ ней — какъ ночь предъ днемъ. Это было чудо въ высшей степени. Все должно было померкнуть предъ этимъ блескомъ. Глядя на нее, становилось ясно, почему итальянскіе поэты и сравниваютъ красавицъ съ солнцемъ. Это именно было солнце, полная красота! Все, что разсыпалось и блистаетъ поодиночкѣ въ красавицахъ міра, все это собралось сюда вмѣстѣ. Взглянувши на грудь и бюстъ ея, уже становилось очевидно, чего недостаетъ въ груди и бюстахъ прочихъ красавицъ. Предъ ея густыми блистающими волосами показались бы жидкими и мутными всѣ другіе волосы. Ея руки были для того, чтобы всякаго обратить въ художника: какъ художникъ, глядѣлъ бы онъ на нихъ вѣчно, не смѣя дохнуть. Предъ ея ногами показались бы щепками ноги англичанокъ, нѣмокъ, француженокъ и женщинъ всѣхъ другихъ націй; одни только древніе ваятели удержали высокую идею красоты ихъ въ своихъ статуяхъ. Это

---

[1] Въ итальянской поэзіи существуетъ родъ стихотворенья, извѣстнаго подъ именемъ сонета съ хвостомъ (con la coda) — когда мысль не вмѣстилась и ведетъ за собою прибавленіе, которое часто бываетъ длиннѣе самого сонета. *Прим. Гоголя.*

была красота полная, созданная для того, чтобы всѣхъ равно ослѣпить. Тутъ не нужно было имѣть какой-нибудь особенный вкусъ; тутъ всѣ вкусы должны были сойтися, всѣ должны были повергнуться ницъ: и вѣрующій и невѣрующій упали бы предъ ней, какъ предъ внезапнымъ появленьемъ божества. Онъ видѣлъ, какъ весь народъ, сколько его тамъ ни было, заглядѣлся на нее, какъ женщины выразили невольное изумленье на своихъ лицахъ, смѣшанное съ наслажденьемъ, и повторяли: „O bella!“ [1]; какъ все, что ни было, казалось, превратилось въ художника и смотрѣло пристально на одну ее. Но въ лицѣ красавицы написано было только одно вниманье къ карнавалу: она смотрѣла только на толпу и на маски, не замѣчая обращенныхъ на нее глазъ, едва слушая стоявшихъ позади ея мужчинъ въ бархатныхъ курткахъ, вѣроятно, родственниковъ, пришедшихъ вмѣстѣ съ ними. Князь принимался было разспрашивать у стоявшихъ подлѣ него, кто была такая чудная красавица и откуда, но вездѣ получалъ въ отвѣтъ одно только пожатье плечьми, сопровождаемое жестомъ, и слова: „Не знаю; должно быть иностранка“ [2]. Недвижный, притаивъ дыханье, онъ поглощалъ ее глазами. Красавица, наконецъ, навела на него свои полныя очи, но тутъ же смутилась и отвела ихъ въ другую сторону. Его пробудилъ крикъ: предъ нимъ остановилась громадная телѣга. Толпа находившихся въ ней масокъ въ розовыхъ блузахъ, назвавъ его по имени, принялась качать въ него мукой, сопровождая однимъ длиннымъ восклицаніемъ: „у, у, у!..“ И въ одну минуту съ ногъ до головы былъ онъ обсыпанъ бѣлою пылью, при громкомъ смѣхѣ всѣхъ обступившихъ его сосѣдей. Весь

---

[1] Какая красавица.

[2] Римляне всѣхъ, кто не живетъ въ Римѣ, называютъ иностранцами (forestieri), хотя бы они обитали только въ 10 миляхъ отъ города. *Прим. Гоголя.*

бѣлый, какъ снѣгъ, даже съ бѣлыми рѣсницами, князь побѣжалъ наскоро домой переодѣться.

Покамѣстъ онъ сбѣгалъ домой, пока успѣлъ переодѣться, уже только полтора часа оставалось до Ave Maria. Съ Корсо возвращались пустыя кареты: сидѣвшіе въ нихъ перебрались на балконы смотрѣть оттуда не перестававшую двигаться толпу, въ ожиданіи коннаго бѣга. При поворотѣ на Корсо, встрѣтилъ онъ телѣгу, полную мужчинъ въ куртках и сіяющихъ женщинъ съ цвѣточными вѣнками на головахъ, съ бубнами и тимпанами въ рукахъ. Телѣга, казалось, весело возвращалась домой; бока ея были убраны гирляндами, спицы и ободья колесъ увиты зелеными вѣтвями. Сердце его захолонуло, когда онъ увидѣлъ, что среди женщинъ сидѣла въ ней поразившая его красавица. Сверкающимъ смѣхомъ озарялось ея лицо. Телѣга быстро промчалась при кликахъ и пѣсняхъ. Первымъ дѣломъ его было бѣжать вслѣдъ ея; но дорогу перегородилъ ему огромный поѣздъ музыкантовъ: на шести колесахъ везли страшилищной величины скрипку. Одинъ человѣкъ сидѣлъ верхомъ на подставкѣ, другой, идя съ боку ея, водилъ громаднымъ смычкомъ по четыремъ канатамъ, натянутымъ на нее вмѣсто струнъ. Скрипка, вѣроятно, стоила большихъ трудовъ, издержекъ и времени. Впереди шелъ исполинскій барабанъ. Толпа народа и мальчишекъ тѣсно валила вслѣдъ за музыкальнымъ поѣздомъ, и шествіе замыкалъ извѣстный въ Римѣ своей толщиною пицикароло, неся клистирную трубку вышиною съ колокольню. Когда улица очистилась отъ поѣзда, князь увидѣлъ, что бѣжать за телѣгой глупо и поздно, и притомъ неизвѣстно, по какимъ дорогамъ понеслась она. Онъ не могъ, однакоже, отказаться отъ мысли искать ее. Въ воображеніи его порхалъ этотъ сіяющій смѣхъ и открытыя уста съ чудными рядами зубовъ. „Это блескъ молніи, а не женщина!“ повторялъ

онъ въ себѣ, и въ то же время съ гордостью прибавлялъ: „Она римлянка; такая женщина могла только родиться въ Римѣ. Я долженъ непремѣнно ее увидѣть; я хочу ее видѣть, не съ тѣмъ, чтобы любить ее — нѣтъ, я хотѣлъ бы только смотрѣть на нее, смотрѣть на всю ее, смотрѣть на ея очи, смотрѣть на ея руки, на ея пальцы, на блистающіе волосы. Не цѣловать ее, хотѣлъ бы только глядѣть на нее. И что же? Вѣдь это такъ должно быть, это въ законѣ природы; она не имѣетъ права скрыть и унести красоту свою. Полная красота дана для того въ міръ, чтобы всякій ее увидалъ, чтобы идею о ней сохранялъ вѣчно въ своемъ сердцѣ. Еслибы она была просто прекрасна, а не такое верховное совершенство, она бы имѣла право принадлежать одному, ее бы могъ онъ унести въ пустыню, скрыть отъ міра. Но красота полная должна быть видима всѣмъ. Развѣ великолѣпный храмъ строитъ архитекторъ въ тѣсномъ переулкѣ? Нѣтъ, онъ ставитъ его на открытой площади, чтобы человѣкъ со всѣхъ сторонъ могъ оглянуть его и подивиться ему. Развѣ для того зажженъ свѣтильникъ, сказалъ Божественный Учитель, чтобы скрывать его и ставить подъ столъ? Нѣтъ, свѣтильникъ зажженъ для того, чтобы стоять на столѣ, чтобы всѣмъ было видно, чтобы всѣ двигались при его свѣтѣ. Нѣтъ, я долженъ ее видѣть непремѣнно“. Такъ разсуждалъ князь и потомъ долго передумывалъ и перебиралъ всѣ средства, какъ достигнуть этого; наконецъ, какъ казалось, остановился на одномъ и отправился тутъ же, нимало не медля, въ одну изъ тѣхъ отдаленныхъ улицъ, которыхъ много въ Римѣ, гдѣ нѣтъ даже кардинальскаго дворца съ выставленными расписными гербами на деревянныхъ овальныхъ щитахъ, гдѣ виденъ нумеръ надъ каждымъ окномъ и дверью тѣснаго домишка, гдѣ идетъ горбомъ выпученная мостовая, куда изъ иностранцевъ заглядываетъ

только развѣ пройдоха нѣмецкій художникъ съ походнымъ стуломъ и красками, да козелъ, отставшій отъ проходящаго стада и остановившійся посмотрѣть съ изумленьемъ, что за улица, имъ никогда не виданная. Тутъ раздается звонко лепетъ римлянокъ: со всѣхъ сторонъ, изо всѣхъ оконъ несутся рѣчи и переговоры. Тутъ все откровенно, и проходящій можетъ совершенно знать всѣ домашнія тайны; даже мать съ дочерью разговариваютъ не иначе между собою, какъ высунувъ обѣ свои головы на улицу; тутъ мужчинъ незамѣтно вовсе. Едва только блеснетъ утро, уже открываетъ окно и высовывается сьора Сусанна; потомъ изъ другого выказывается сьора Грація, надѣвая юбку; потомъ открываетъ окно сьора Нанна; потомъ вылѣзаетъ сьора Лучія, расчесывая гребнемъ косу; наконецъ, сьора Чечилія высовываетъ руку изъ окна, чтобы достать бѣлье на протянутой веревкѣ, которое тутъ же и наказывается за то, что долго не дало достать себя, наказывается скомканьемъ, киданьемъ на полъ и словами „che bestia!“ [1] Тутъ все живо, все кипитъ: летитъ изъ окна башмакъ съ ноги въ шалуна-сына или въ козла, который, подошедъ къ корзинкѣ, гдѣ поставленъ годовой ребенокъ, принялся его нюхать, и наклоня голову, готовился ему объяснить, что такое значатъ рога. Тутъ ничего не было неизвѣстнаго: все извѣстно. Синьоры все знали, что ни есть: какой сьора Джюдита купила платокъ, у кого будетъ рыба за обѣдомъ, кто любовникъ у Барбаручьи, какой капуцинъ лучше исповѣдуетъ. Изрѣдка только вставляетъ свое слово мужъ, стоящій обыкновенно на улицѣ, облокотясь у стѣны, съ коротенькою трубкою въ зубахъ, почитавшій необходимостью, услыша о капуцинѣ, прибавить короткую фразу: „всѣ мошенники!“ послѣ чего продолжалъ

[1] Какое животное.

снова пускать подъ носъ себѣ дымъ. Сюда не заѣзжала никакая карета, кромѣ развѣ только одной двухколесной трясучки, запряженной муломъ, привезшимъ хлѣбнику муку, и соннаго осла, едва дотащившаго перекидную корзину съ броколями, несмотря на всѣ понуканья мальчишекъ, угобжающихъ каменьями его нещекотливые бока. Тутъ нѣтъ никакихъ магазиновъ, кромѣ лавчонки, гдѣ продаются хлѣбъ и веревки, съ стеклянными бутылями, да темнаго узенькаго кафе, находящагося въ самомъ углу улицы, откуда виденъ былъ безпрестанно выходившій боттега, разносившій синьорамъ кофе или шоколадъ на козьемъ молокѣ, въ жестяныхъ маленькихъ кофейничкахъ, извѣстный подъ именемъ Авроры. Домы тутъ принадлежали двумъ, тремъ, а иногда и четыремъ владѣльцамъ, изъ которыхъ одинъ имѣетъ только пожизненное право, другой владѣетъ однимъ этажемъ и имѣетъ право пользоваться съ него доходомъ только два года, послѣ чего, вслѣдствіе завѣщанія, этажъ долженъ былъ перейти отъ него къ padre Vicenzo на десять лѣтъ, у котораго, однакоже, хочетъ оттягать его какой то родственникъ прежней фамиліи, живущій во Фраскати и уже заблаговременно затѣявшій процессъ. Были и такіе владѣльцы, которые владѣли однимъ окномъ въ одномъ домѣ, да другими двумя въ другомъ домѣ, да пополамъ съ братомъ пользовались доходами съ окна, за которое, впрочемъ, вовсе не платилъ неисправный жилецъ — словомъ, предметъ неистощимый тяжбъ и продовольствія адвокатовъ и куріаловъ [1], наполняющихъ Римъ. Дамы, о которыхъ только что было упомянуто, всѣ, какъ первоклассныя, честимыя полными именами, такъ и второстепенныя, называвшіяся уменьшительными именами, всѣ Тетты, Тутты, Нанны, большею частью ничѣмъ не зани-

[1] Судейскихъ.

мались: онѣ были супруги — адвоката, мелкаго чиновника, мелкаго торгаша, носильщика, факина [1], а чаще всего незанятаго гражданина, умѣвшаго только красиво драпироваться не весьма надежнымъ плащомъ.

Многія изъ синьоръ служили моделями для живописцевъ. Тутъ были всѣхъ родовъ модели. Когда бывали деньги, онѣ проводили весело время въ остеріи съ мужьями и цѣлой компаніей; не было денегъ — не были скучны и глядѣли въ окно. Теперь улица была тише обыкновеннаго, потому что нѣкоторыя отправились въ народную толпу на Корсо. Князь подошелъ къ ветхой двери одного домишка, которая вся была выверчена дырами, такъ что самъ хозяинъ долго тыкалъ въ нихъ ключомъ, покамѣстъ попадалъ въ настоящую. Уже готовъ онъ былъ взяться за кольцо, какъ вдругъ услышалъ онъ слова:

— Сьоръ принчипе хочетъ видѣть Пеппе?

Онъ поднялъ голову вверхъ: изъ третьяго этажа глядѣла, высунувшись, сьора Тутта.

— Экая крикунья! — сказала изъ супротивнаго окна сьора Сусанна. — Принчипе, можетъ быть, совсѣмъ пришелъ не съ тѣмъ, чтобы видѣть Пеппе.

— Конечно, съ тѣмъ, чтобы видѣть Пеппе, не правда ли, князь? Съ тѣмъ, чтобы видѣть Пеппе, не такъ ли, князь? Чтобы увидѣть Пеппе?

— Какой Пеппе, какой Пеппе! — продолжала съ жестомъ обѣими руками сьора Сусанна: — князь сталъ бы думать теперь о Пеппе! Теперь время карнавала: князь поѣдетъ вмѣстѣ съ своей куджиной [2], маркезой Монтелли, поѣдетъ съ друзьями въ каретѣ бросать цвѣты, поѣдетъ за городъ far allegria. Какой Пеппе! какой Пеппе!

---

[1] Носильщикъ.
[2] Кузиной.

Князь изумился такимъ подробностямъ о своемъ препровожденіи времени, но изумляться ему было нечего, потому что сьора Сусанна знала все.

— Нѣтъ, мои любезныя синьоры, — сказалъ князь: — мнѣ, точно, нужно видѣть Пеппе.

На это дала отвѣтъ князю уже синьора Грація, которая давно высунулась изъ окошка второго этажа и слушала. Отвѣтъ дала она, слегка пощелкавъ языкомъ и покрутивъ пальцемъ — обыкновенный отрицательный знакъ у римлянокъ — и потомъ прибавила: — Нѣтъ дома.

— Но, можетъ быть, вы знаете, гдѣ онъ, куда ушелъ?

— Э, куда ушелъ! — повторила сьора Грація, приклонивъ голову къ плечу, — статься можетъ — въ остеріи, на площади, у фонтана; вѣрно, кто-нибудь позвалъ его, куда-нибудь ушелъ: chi lo sa! (кто его знаетъ!)

— Если хочетъ принчипе что-нибудь сказать ему, — подхватила изъ супротивнаго окна Барбаручья, вдѣвая въ то же время серьгу въ свое ухо, — пусть скажетъ мнѣ: я ему передамъ.

„Ну, нѣтъ“, подумалъ князь и поблагодарилъ за такую готовность. Въ это время выглянулъ изъ перекрестнаго переулка огромный запачканный носъ и, какъ большой топоръ, повиснулъ надъ показавшимися вслѣдъ за нимъ губами и всѣмъ лицомъ: это былъ самъ Пеппе.

— Вотъ Пеппе! — вскрикнула сьора Сусанна.

— Вотъ идетъ Пеппе, sior principe! — вскрикнула живо изъ своего окна синьора Грація.

— Идетъ, идетъ Пеппе! — зазвенѣла изъ самаго угла улицы сьора Чечилія.

— Принчипе, принчипе, вонъ Пеппе! вонъ Пеппе! (ессо Реррo! ессо Реррe!) — кричали на улицѣ ребятишки.

— Вижу, вижу, — сказалъ князь, оглушенный такимъ живымъ крикомъ.

— Вотъ я, eccellenza [1]! вотъ! — сказалъ Пеппе, снимая шапку. Онъ, какъ видно, уже успѣлъ попробовать карнавала: его откуда-нибудь сбоку хватило сильно мукою: весь бокъ и спина были у него выбѣлены совершенно, шляпа изломана и все лицо было убито бѣлыми гвоздями. Пеппе уже былъ замѣчателенъ потому, что всю жизнь свою остался съ уменьшительнымъ именемъ своимъ Пеппе. До Джузеппе онъ никакъ не добрался, хотя и посѣдѣлъ. Онъ происходилъ даже изъ хорошей фамиліи, изъ богатаго дома негоціанта, но послѣдній домишка былъ у него оттяганъ тяжбой. Еще отецъ его, человѣкъ тоже въ родѣ самого Пеппе, хотя и назывался sior Джіованни, проѣлъ послѣднее имущество, и онъ мыкалъ теперь свою жизнь подобно многимъ, то есть, какъ приходилось: то вдругъ опредѣлялся слугой у какого-нибудь иностранца, то былъ на посылкахъ у адвоката, то являлся убирателемъ студіи [2] какого-нибудь художника, то сторожемъ виноградника или виллы, и, по мѣрѣ того, измѣнялся на немъ безпрестанно костюмъ. Иногда Пеппе попадался на улицѣ въ круглой шляпѣ и широкомъ сюртукѣ, иногда въ узенькомъ кафтанѣ, лопнувшемъ въ двухъ или трехъ мѣстахъ, съ такими узенькими рукавами, что длинныя руки его выглядывали оттуда, какъ метлы; иногда на ногѣ его являлся поповскій чулокъ и башмакъ; иногда онъ показывался въ такомъ костюмѣ, что ужъ и разобрать было трудно, тѣмъ болѣе, что все это было надѣто вовсе не такъ, какъ слѣдуетъ: иной разъ, просто, можно было подумать, что онъ надѣлъ на ноги, вмѣсто панталонъ, куртку, собравши и завязавши ее кое-какъ сзади. Онъ былъ самый радушный исполнитель всѣхъ возможныхъ порученій, часто

---

[1] Ваше сіятельство.
[2] Мастерской.

вовсе безынтересно: тащилъ продавать всякую ветошь, которую поручали дамы его улицы, пергаментныя книги разорившагося аббата или антикварія, картину художника; заходилъ по утрамъ къ аббатамъ забирать ихъ панталоны и башмаки для почистки къ себѣ на домъ, которые потомъ позабывалъ въ урочное время отнести назадъ отъ излишняго желанья услужить кому-нибудь попавшемуся третьему, и аббаты оставались арестованными безъ башмаковъ и панталонъ на весь день. Часто ему перепадали порядочныя деньги; но деньгами онъ распоряжался по-римски, то есть на завтра никогда почти ихъ не ставало, не потому, чтобы онъ тратилъ на себя или проѣдалъ, но потому, что все у него шло на лотерею, до которой былъ онъ страшный охотникъ. Врядъ ли существовалъ такой нумеръ, котораго бы онъ не попробовалъ. Всякое незначащее ежедневное происшествіе у него имѣло важное значеніе. Случилось ли ему найти на улицѣ какую-нибудь дрянь, онъ тотъ же часъ справлялся въ гадательной книгѣ, за какимъ нумеромъ она тамъ стоитъ, съ тѣмъ, чтобы его тотчасъ же взять въ лотереѣ. Приснился ему однажды сонъ, что сатана, — который и безъ того ему снился, неизвѣстно по какой причинѣ, въ началѣ каждой весны, — что сатана потащилъ его за носъ по всѣмъ крышамъ всѣхъ домовъ, начиная отъ церкви Св. Игнатія, потомъ по всему Корсо, потомъ по переулку tre Ladroni, потомъ по via della stamperia, и остановился, наконецъ, у самой trinita [1] на лѣстницѣ, приговаривая: „вотъ тебѣ, Пеппе, за то, что ты молился Св. Панкратію: твой билетъ не выиграетъ“. Сонъ этотъ произвелъ большіе толки между сьорой Чечиліей, сьорой Сусанной и всей почти улицей; но Пеппе разрѣшилъ его посвоему: сбѣгалъ тотъ же часъ за гадательной кни-

[1] Тройца (церковь) въ Римѣ.

гой, узналъ, что чортъ значитъ 13 нумеръ, носъ 24, Святой Панкратій 30, и взялъ въ то же утро всѣ три нумера. Потомъ сложилъ всѣ три нумера — вышелъ 67, онъ взялъ и 67. Всѣ четыре нумера, по обыкновенію, лопнули. Въ другой разъ случилось ему завести перепалку съ виноградаремъ, толстымъ римлянином, сьоромъ Рафаэлемъ Томачели. За что они поссорились, — Богъ ихъ вѣдаетъ, но кричали они громко, производя сильные жесты руками, и, наконецъ, оба поблѣднѣли — признакъ ужасный, при которомъ обыкновенно со страхомъ высовываются изъ оконъ всѣ женщины и проходящій пѣшеходъ отсторанивается подальше, — признакъ, что дѣло доходитъ, наконецъ, до ножей. И точно, толстый Томачели запустилъ уже руку за ременное голенище, обтягивающее его толстую икру, чтобы вытащить оттуда ножъ, и сказалъ: „Погоди ты, вотъ я тебя, телячья голова!“ какъ вдругъ Пеппе ударилъ себя рукою по лбу и убѣжалъ съ мѣста битвы. Онъ вспомнилъ, что на телячью голову онъ еще ни разу не взялъ билета; отыскалъ нумеръ телячьей головы и побѣжалъ бѣгомъ въ лотерейную контору, такъ что всѣ, приготовившіеся смотрѣть кровавую сцену, изумились такому нежданному поступку, и самъ Рафаэль Томачели, засунувши обратно ножъ въ голенище, долго не зналъ, что ему дѣлать, и, наконецъ, сказалъ:

— Che homo curioso! — (какой странный человѣкъ).

Что билеты лопались и пропадали, этимъ не смущался Пеппе. Онъ былъ твердо увѣренъ, что будетъ богачомъ, и потому, проходя мимо лавокъ, спрашивалъ почти всегда, что стоитъ всякая вещь. Одинъ разъ, узнавши, что продается большой домъ, онъ зашелъ нарочно поговорить объ этомъ съ продавцомъ; и когда стали надъ нимъ смѣяться знавшіе его, онъ отвѣчалъ очень простодушно:

— Но къ чему смѣяться? къ чему смѣяться?

Я вѣдь не теперь хотѣлъ купить, а послѣ, со-временемъ, когда будутъ деньги. Тутъ ничего нѣтъ такого... Всякій долженъ пріобрѣтать состояніе, чтобы оставить потомъ дѣтямъ, на церковь, бѣднымъ, на другія разныя вещи... chi lo sa!

Онъ уже давно былъ извѣстенъ князю, былъ даже когда то взятъ отцомъ его въ домъ въ качествѣ офиціанта, и тогда же прогнанъ за то, что въ мѣсяцъ износилъ свою ливрею и выбросилъ за окно весь туалетъ стараго князя, нечаянно толкнувъ его локтемъ.

— Послушай, Пеппе! — сказалъ князь.

— Что хочетъ приказать ecceleпza? — говорилъ Пеппе, стоя съ открытою головою, — князю стоитъ только сказать „Пеппе!“ а я: „вотъ я!“ Потомъ князь пусть только скажетъ: „Слушай, Пеппе“, а я: „ecco me, ecceleпza!“

— Ты долженъ, Пеппе, сдѣлать мнѣ теперь вотъ какую услугу ... — При сихъ словахъ князь взглянулъ вокругъ себя и увидѣлъ, что всѣ сьоры Граціи, сьоры Сусанны, Барбаручьи, Тетты, Тутты,— всѣ, сколько ихъ ни было, выставились любопытно изъ окна, а бѣдная сьора Чечилія чуть не вывалилась вовсе на улицу.

„Ну, дѣло плохо!“ подумалъ князь. — Пойдемъ, Пеппе, ступай за мною!

Сказавши это, онъ пошелъ впередъ, а за нимъ Пеппе, потупивъ голову и разговаривая самъ съ собою: „Э! женщины, потому и любопытны, потому что женщины, потому что любопытны“.

Долго шли они изъ улицы въ улицы, погрузясь каждый въ свои соображенія. Пеппе думалъ вотъ о чемъ: „Князь дастъ, вѣрно, какое-нибудь порученіе, можетъ быть, важное, потому что не хочетъ сказать при всѣхъ; стало быть, дастъ хорошій подарокъ или деньги. Если же князь дастъ денегъ, что съ ними дѣлать? Отдавать ли ихъ сьору Сервиліо, содержателю кафе, которому онъ

давно долженъ? потому что сьоръ Сервиліо на первой же недѣлѣ поста непремѣнно потребуетъ съ него денегъ, потому что сьоръ Сервиліо усадилъ всѣ деньги на чудовищную скрипку, которую собственноручно дѣлалъ три мѣсяца для карнавала, чтобъ проѣхаться съ нею по всѣмъ улицамъ, — теперь, вѣроятно, сьоръ Сервиліо долго будетъ ѣсть, вмѣсто жаренаго на вертелѣ козленка, одни броколи, вареные въ водѣ, пока не наберетъ вновь денегъ за кофе. Или же не платить сьору Сервиліо, да вмѣсто того позвать его обѣдать въ остерію? потому что сьоръ Сервиліо — il vero Romano [1], и за предложенную ему честь будетъ готовъ потерпѣть долгъ; а лотерея непремѣнно начнется со второй недѣли поста. Только какимъ образомъ до того времени уберечь деньги? какъ сохранить ихъ такъ, чтобы не узналъ ни Джакомо, ни мастеръ Петручьо, точильщикъ, которые непремѣнно попросятъ у него взаймы? потому что Джакомо заложилъ въ Гету [2] жидамъ все свое платье, а мастеръ Петручьо тоже заложилъ свое платье въ Гету жидамъ и разорвалъ на себѣ юбку и послѣдній платокъ жены, нарядясь женщиною... какъ сдѣлать такъ, чтобы не дать имъ взаймы?“ Вотъ о чемъ думалъ Пеппе.

Князь думалъ вотъ о чемъ: „Пеппе можетъ разыскать и узнать имя, гдѣ живетъ, и откуда, и кто такая красавица. Во-первыхъ, онъ всѣхъ знаетъ, и потому больше, нежели всякій другой, можетъ встрѣтить въ толпѣ пріятелей, можетъ чрезъ нихъ развѣдать, можетъ заглянуть во всѣ кафе и остеріи, можетъ заговорить даже, не возбудивъ ни въ комъ подозрѣнія своей фигурой. И хотя онъ подчасъ болтунъ и разсѣянная голова, но, если обязать его словомъ настоящаго римлянина, онъ сохранитъ все втайнѣ“.

---

[1] Истинный римлянинъ.
[2] Вѣроятно, Гетто — еврейскій кварталъ.

Такъ думалъ князь, идя изъ улицы въ улицу, и, наконецъ, остановился, увидѣвши, что уже давно перешелъ мостъ, давно уже былъ въ Трастеверской [1] сторонѣ Рима, давно взбирается на гору, и не далеко отъ него церковь S. Pietro in Montorio. Чтобы не стоять на дорогѣ, онъ взошелъ на площадку, съ которой открывался весь Римъ, и произнесъ, оборотившись къ Пеппе:

— Слушай, Пеппе: я отъ тебя потребую одной услуги.

— Что хочетъ eccelenza? — сказалъ опять Пеппе.

Но здѣсь князь взглянулъ на Римъ и остановился: предъ нимъ въ чудной сіяющей панорамѣ предсталъ вѣчный городъ. Вся свѣтлая груда домовъ, церквей, куполовъ, остроконечій сильно освѣщена была блескомъ понизившагося солнца. Группами и поодиночкѣ одинъ изъ-за другого выходили домы, крыши, статуи, воздушныя террасы и галлереи: тамъ пестрѣла и разыгрывалась масса тонкими верхушкими колоколенъ и куполовъ съ узорною капризностью фонарей; тамъ выходилъ цѣликомъ темный дворецъ; тамъ плоскій куполъ Пантеона; тамъ убранная верхушка Антониновской колонны съ капителью и статуей апостола Павла; еще правѣе возносили верхи капитолійскія зданія съ конями, статуями; еще правѣе надъ блещущей толпой домовъ и крышъ величественно и строго подымалась темная ширина колизейской громады; тамъ опять играющая толпа стѣнъ, террасъ и куполовъ, покрытая ослѣпительнымъ блескомъ солнца. И надъ всей сверкающей массой темнѣли вдали своей черною зеленью верхушки каменныхъ дубовъ изъ виллъ Людовизи, Медичисъ, и цѣлымъ стадомъ стояли надъ ними въ воздухѣ куполообразныя верхушки римскихъ пиннъ, подня-

[1] По ту сторону Тибра.

тыя тонкими стволами. И потомъ, во всю длину всей картины возносились и голубѣли прозрачныя горы, легкія, какъ воздухъ, объятыя какимъ то фосфорическимъ свѣтомъ. Ни словомъ, ни кистью нельзя было передать чуднаго согласія и сочетанья всѣхъ плановъ этой картины! Воздухъ былъ до того чистъ и прозраченъ, что малѣйшая черточка отдаленныхъ зданій была ясна, и все казалось такъ близко, какъ будто можно было схватить рукою. Послѣдній мелкій архитектурный орнаментъ, узорное убранство карниза — все вызначалось въ непостижимой чистотѣ. Въ это время раздались пушечный выстрѣлъ и отдаленный слившійся крикъ народной толпы, — знакъ, что уже пробѣжали кони безъ сѣдоковъ, завершающіе день карнавала. Солнце опускалось ниже къ землѣ; румянѣе и жарче сталъ блескъ его на всей архитектурной массѣ: еще живѣй и ближе сдѣлался городъ; еще темнѣй зачернѣли пинны; еще голубѣе и фосфорнѣе стали горы; еще торжественнѣй и лучше готовый погаснуть небесный воздухъ... Боже! какой видъ! Князь, объятый имъ, позабылъ и себя, и красоту Аннунціаты, и таинственную судьбу своего народа, и все, что ни есть на свѣтѣ.

Гоголь въ гробу.

(По офорту Панова съ рисунка В. А. Рачинскаго.)

Отрывки изъ неоконченныхъ повѣстей.

I.

Дѣвицы Чабловы, дочери бѣдныхъ родителей, вышли вмѣстѣ изъ института въ одно время и вдругъ очутились среди свѣта, огромнаго, великаго, со страхомъ и робостью въ душѣ. Онѣ были умны. Какимъ образомъ онѣ сдѣлались умны, никто не зналъ. Можетъ быть, это было внушено имъ отъ рожденія, какъ инстинктъ, или, можетъ быть, онѣ умѣли извлечь крупицы опытности и здраваго сужденія изъ книгъ, которыя имъ удавалось читать, изъ которыхъ не всякій умѣетъ извлекать что-либо. Дѣло въ томъ, что онѣ задумались о своемъ существованіи и, — въ то время, когда вѣтреная и малодушная бросается на свѣтъ безъ разсмотрѣнія, какъ бабочка на свѣчу, — онѣ уже захотѣли сдѣлать для себя планъ жизни и предначертать заранѣе для самихъ себя правила, въ законахъ которыхъ обращалась бы ихъ жизнь, — вещь, совершенно необыкновенная въ дѣвицахъ осьмнадцатилѣтнихъ...

II.

Можно биться объ закладъ, что читатель, если ему случится только проѣзжать заштатный городишко Погаръ, увидитъ, что изъ окна одного деревяннаго, весьма крѣпкаго, дома съ высокою

крышею и двумя бѣлыми трубами, глядитъ весьма полное и безъ всякихъ рябинъ лицо, цвѣтомъ нѣсколько похожее на свѣжую, еще не поношенную подошву. Это — Семенъ Семеновичъ Батюшекъ, помѣщикъ, дворянинъ, губернскій секретарь. Онъ завелъ обыкновеніе глядѣть изъ окна рѣшительно на все, что ни есть на улицѣ. Ѣдетъ ли проѣзжій какой-нибудь дворянинъ, можетъ быть, тоже и губернскій секретарь, а, можетъ быть, и повыше, въ колескѣ покойной, глубокой какъ арбузъ, изъ которой смотрятъ хлѣбъ, няньки, подушки, или просто жидъ-извозчикъ на облучкѣ рогожаной.....[1], съ узкою длинной бородой, въ которой оставили весьма немного волосъ разные господа, одѣтые въ военныя и партикулярныя платья; или пронесется вихремъ на тройкѣ разбойникъ и б...унъ ремонтеръ, — онъ все это разсмотритъ. Если жъ и никто не проѣдетъ — ничего: это не бѣда, — Семеновичъ посмотритъ и на курицу, и на чушку, которая пробѣжитъ передъ окномъ, — и весьма внимательно, — отъ головы до хвоста. Когда столкнутся два воза, онъ изъ окна тутъ же подастъ благоразумные совѣты: кому податься впередъ, кому [назадъ], и первому проходящему прикажетъ помочь. Если одинъ изъ очень быстрыхъ его глазъ завидитъ, что мальчишка лѣзетъ черезъ заборъ въ чужой огородъ или пачкаетъ углемъ на стѣнѣ неприличную фигуру, онъ подзываетъ очень ласковымъ голоскомъ къ себѣ, велитъ потомъ подвинуться ему ближе къ окну, потомъ еще ближе, потомъ, протянувши руку, хвать его за ухо и отдеретъ этого бѣднаго такимъ образомъ за ухо, что тотъ унесетъ его домой висящее на одной ниточкѣ, какъ нерадиво пришитая пуговица къ сюртуку. Если подерутся два мужика, то онъ сію жъ минуту, тутъ же изъ

[1] Пропущено какое то слово („кибитки"?).

окна, надъ ними судъ: допроситъ, чьи они, велитъ позвать Петрушку и Павлушку, — повара и комнатнаго лакея въ узкой сѣрой курткѣ, неизвѣстно по какой причинѣ съ военнымъ воротникомъ, — и тутъ же высѣчетъ обоихъ мужиковъ, а другимъ еще прикажетъ придерживать: ему нѣтъ нужды, что не его люди ...

Только на два часа въ день прячется это лицо. Это случается во время и послѣ обѣда, когда онъ имѣетъ обыкновеніе отдыхать. Но и тутъ, случись только какое-нибудь происшествіе на улицѣ, Семеновичъ, какъ паукъ, къ которому попадается въ паутину муха, вдругъ выбѣжитъ изъ своего угла, и уже такъ знакомое заштатному городишкѣ лицо, цвѣту еще не ношенной подошвы, торчитъ у окна...

Примѣчанія.

Мертвыя Души, т. II

(въ исправленной и первоначальной редакціяхъ).

Второй томъ „Мертвыхъ Душъ“ начатъ въ первые мѣсяца 1840 г., одновременно съ подготовленіемъ къ печати перваго тома. Отъ этой первой редакціи сохранился черновой набросокъ одной изъ главъ (безъ обозначенія нумераціи). Къ 1842 г. была выработана вторая редакція, отъ которой сохранилось только начало (и то и другое напечатано у насъ въ приложеніи). Съ 1842 г. Гоголь переписываетъ и перерабатываетъ набѣло переписанный текстъ, „набрасываетъ хаосъ, изъ котораго должно произойти созданіе „Мертвыхъ Душъ“. Такъ подготовляется новая черновая редакція второго тома (у насъ напечатано въ началѣ тома). Полный ея текстъ былъ сожженъ въ 1845 г. По измѣненному плану работа была возобновлена въ 1846 г. Въ 1849 г. было готово уже нѣсколько главъ, прочитанныхъ Смирновой, Асаковымъ и пр. Къ 1852 г. второй томъ былъ законченъ (можетъ быть, было набросано кое-что и для третьяго) и сожженъ за нѣсколько дней до кончины. Въ литературѣ о Гоголѣ есть упоминаніе о третьемъ сожженіи „Мертвыхъ Душъ“ между 1845 и 1852 годами.

Исторія второго тома „М. Д.“ передана вкратцѣ въ примѣчаніяхъ Тихонравова и В. И. Шенрока къ 16 изданію „Сочиненій Н. В. Гоголя“ (тт. V—VI и XI—XII). Подробности см. въ 10 изд., т. III (стр. 533—602), въ „Матеріалахъ“ В. И. Шенрока (т. IV, 876—913), въ статьѣ г. Марковскаго („Памяти Гоголя“, Кіевъ, 1902, стр. 169—226) и „Этюдахъ и характеристикахъ“ А. Н. Веселовскаго (3-е изд., стр. 648—686).

Страницы, передѣланныя авторомъ по выходѣ въ свѣтъ I т. „М. Д.“. Вошли впервые въ 10-е изд., т. VII (стр. 435—443, примѣч., стр. 776—795) и предназначались для второго, исправленнаго и дополненнаго изданія перваго тома поэмы. Для опредѣленія времени этой переработки нѣтъ данныхъ (по указанію В. И. Шенрока, послѣ 1842 г.).

Вновь найденныя страницы II-го тома. (См. 10-е изд., т. VII. стр. 448—450, 800—808.) По мыслямъ сходно съ письмами Гоголя конца 40-ыхъ годовъ. Для точнаго опредѣленія времени сочиненія этого отрывка данныхъ нѣтъ.

Повѣсти.

Носъ. Въ первоначальномъ наброскѣ (см. 10-е изд., т. II, стр. 565—566) „необычайное происшествіе" отнесено къ 1832 г. Къ тому же году относится и увлеченіе Петербурга магнетическими опытами. Вѣроятно, тогда же была задумана и самая повѣсть. Начата она была въ 1833 г. и окончена къ январю 1835 г. Гоголь послалъ ее для „Московскаго Наблюдателя", но ее нашли „пошлою, тривіальною и грязною". Послѣ новыхъ передѣлокъ напечатанъ былъ „Носъ" въ III т. „Современника" на 1836 г., съ такимъ примѣчаніемъ Пушкина: „Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатаніе этой шутки; но мы нашли въ ней такъ много неожиданнаго, фантастическаго, веселаго, оригинальнаго, что уговорили его позволить намъ подѣлиться съ публикою удовольствіемъ, которое доставила намъ его рукопись".

При напечатаніи въ „Современникѣ" передѣлано было, по требованію цензуры, слѣдующее мѣсто рукописнаго текста: „онъ поспѣшилъ въ соборъ, пробрался сквозь рядъ нищихъ старухъ съ завязанными лицами и двумя отверзтіями только для глазъ, надъ которыми онъ прежде такъ смѣялся, и вошелъ въ церковь. Молельщиковъ внутри церкви было немного; они всѣ стояли только при входѣ въ двери. Ковалевъ чувствовалъ, что онъ въ такомъ разстроенномъ состояніи, что никакъ не въ силахъ былъ молиться. Онъ искалъ господина носа по всѣмъ угламъ и, наконецъ, увидѣлъ его, стоявшаго въ сторонѣ. Носъ совершенно спряталъ лицо свое въ стоячій воротникъ и съ выраженіемъ величайшей набожности молился. „Какъ подойти къ нему?" думалъ Ковалевъ. „Одѣтъ, какъ господинъ, и притомъ еще статскій совѣтникъ". Онъ началъ, стоя около него, покашливать; но носъ ни на минуту не оставлялъ набожнаго своего положенія и отвѣшивалъ поклоны.

— Милостивый государь! — сказалъ Ковалевъ, стараясь ободрить себя, — милостивый государь!

— Что вамъ угодно? — отвѣчалъ онъ, оборачиваясь.

— Мнѣ странно, милостивый государь... Мнѣ ка-

жется... вы должны знать... свое мѣсто... и я васъ вдругъ нахожу... и гдѣ же? — въ церкви. Согласитесь...

— Я не могу понять, какъ вы изволите говорить: объяснитесь...

„Какъ мнѣ ему объяснить?“ подумалъ Ковалевъ и, собравшись съ духомъ, началъ:

— Конечно, я... Впрочемъ, я... Мнѣ ходить безъ носа... согласитесь, это не то, что ходить какой-нибудь торговкѣ, которая продаетъ на Воскресенскомъ мосту очищенные апельсины — можно сидѣть безъ него. Но для лица, ожидающаго губернаторскаго мѣста, что, безъ сомнѣнія, послѣдуетъ... Я не знаю, милостивый государь! — при этомъ маіоръ пожалъ плечами, — извините. Если на это смотрѣть сообразно съ правилами долга и чести, вы сами можете понять...

— Ничего рѣшительно, — отвѣчалъ носъ, — изъяснитесь удовлетворительнѣе.

— Милостивый государь! — сказалъ Ковалевъ съ чувствомъ достоинства, — я не знаю, какъ понимать слова ваши... Здѣсь все дѣло, кажется, совершенно очевидно... или вы не хотите... Вѣдь вы мой собственный носъ!

Носъ посмотрѣлъ на маіора и (лобъ) брови его нѣсколько нахмурились.

— Вы ошибаетесь, милостивый государь: я самъ по себѣ. Притомъ между нами не можетъ быть никакихъ тѣсныхъ сношеній. Судя по пуговицамъ вашего вицмундира, вы должны служить въ сенатѣ или, по крайней мѣрѣ, по юстиціи, я же по ученой части.

Сказавши это, носъ отвернулся и продолжалъ молиться. Ковалевъ совершенно смѣшался и сконфузился. „Что тутъ дѣлать?“ подумалъ онъ. Въ это время въ сторонѣ послышался пріятный шумъ дамскаго платья. Вошла пожилая дама довольно широкаго размѣра, вся убранная кружевами, нѣсколько походившая на готическое строеніе, и съ нею тоненькая, въ платьѣ, очень мило драпировавшемся на ея стройныхъ формахъ, въ палевой шляпкѣ, легкой, какъ бисквитное пирожное. За ними остановился и открылъ табакерку высокій господинъ съ большими бакенбардами и цѣлой партіей воротниковъ. Ковалевъ выступилъ поближе, высунулъ и поправилъ батистовый воротникъ манишки, поправилъ печатки отъ часовъ и, улыбаясь по сторонамъ, обратилъ вниманіе на легонькую даму, которая, какъ весенній цвѣточекъ, слегка наклонилась и подносила руку, съ бѣленькими прозрачными пальцами, ко лбу. Улыбка на лицѣ Ковалева расширилась еще далѣе, когда онъ уви-

дѣлъ изъ-подъ шляпки часть ея подбородка и часть щеки. Но вдругъ онъ отскочилъ, какъ будто бы обжегшись: онъ вспомнилъ, что у него вмѣсто носа совершенно ничего нѣтъ. И слезы выдавились изъ глазъ. Онъ оборотился, чтобы прямо сказать этому господину, что прикинулся статскимъ совѣтникомъ, что онъ плутъ и подлецъ и что онъ больше ничего, кромѣ собственный носъ. Но носа не было: онъ успѣлъ ускакать впередъ, опять къ кому-нибудь съ визитомъ. Онъ вышелъ изъ церкви. Время безподобное: солнце свѣтитъ; на Невскомъ народу гибель. Дамъ такъ и сыплетъ цѣлымъ водопадомъ. Вонъ и знакомый ему надворный совѣтникъ идетъ...“

Передѣланы и слѣдующія страницы рукописнаго текста: „Почтенный чиновникъ слушалъ его съ значительною миною и въ то же время занимался считаніемъ принесенныхъ имъ денегъ, отдѣляя 2 рубля 33 копейки за припечатаніе объявленія. По сторонамъ стояло множество старухъ, купеческихъ сидѣльцевъ, дворниковъ, кучеровъ съ записками. Въ одной отдавался кучеръ трезваго поведенія; въ другой мало держанная коляска, работанная за Петра, у которой не было ни одного винта цѣлаго. Тамъ отдавалась здоровая дѣвка 19 лѣтъ, упражнявшаяся въ прачешномъ дѣлѣ, годная и для другихъ работъ въ домѣ, у которой уже нѣсколько зубовъ недоставало во рту; прочныя дрожки безъ одной рессоры; молодая, горячая, въ сѣрыхъ яблокахъ, лошадь, 17 лѣтъ отъ роду; новыя полученныя изъ Лондона сѣмена рѣпы и редисъ; такъ называемый индѣйскій редисъ; отличная дача со всѣми угодьями: двумя стойлами для лошадей и мѣстомъ, на которомъ можно развести превосходный садъ. Тамъ же было извѣщеніе о потерянномъ кошелькѣ съ обѣщаніемъ приличнаго вознагражденія; вызовъ желающихъ купить старыя подошвы и велящихъ (sic!) явиться къ переторжкѣ въ такомъ то часу. Комната, въ которой все то находилось, была маленькая, закопчена, и воздухъ въ ней былъ такъ густъ, хоть топоръ повѣсь, потому что русскіе мужики имѣютъ удивительное свойство сгущать атмосферу, и, гдѣ соберутся четыре дворника въ красныхъ рубашкахъ и одинъ кучеръ, тамъ смѣло можно повѣсить на воздухѣ топоръ. Къ счастью, коллежскій асессоръ Ковалевъ не могъ ничего этого услышать, потому что закрылся платкомъ и потому что самый носъ то находился, Богъ знаетъ, въ какихъ мѣстахъ“. Словъ: „сказалъ онъ, наконецъ, съ нетерпѣніемъ“ — въ рукописи нѣтъ. Страницы, слѣдующія непосредственно затѣмъ въ печатномъ текстѣ, начиная отъ

словъ: „Сейчасъ, сейчасъ!“ до конца второй главы, представляютъ позднѣйшую обработку первоначальнаго рукописнаго текста. Въ рукописи этотъ текстъ читается такъ: „Сейчасъ, сейчасъ! — Два рубля сорокъ три копейки... рубль шестьдесятъ копеекъ!“ говорилъ сѣдовласый господинъ, бросая въ глаза старухамъ и дворникамъ записки. „Вамъ что угодно?“ наконецъ, сказалъ онъ, обратившись къ Ковалеву.

— Я особенно прошу... — сказалъ Ковалевъ, — случилось мошенничество или плутовство — я до сихъ поръ не могу никакъ узнать. Я прошу только припечатать, что тотъ, кто этого подлеца ко мнѣ представитъ, получитъ достаточное вознагражденіе.

— Хм! Позвольте узнать, какъ ваша фамилія?

— Коллежскій асессоръ Ковалевъ. Вы, впрочемъ, можете просто написать: состоящій въ маіорскомъ чинѣ.

— Да что сбѣжавшій то былъ вашъ дворовый человѣкъ?

— Какой дворовый человѣкъ! Это бы еще не такое большое мошенничество! Но это... носъ.

— Гм! какая странная фамилія! И на большую сумму этотъ Носовъ обокралъ васъ?

— Носъ, то есть... вы не то думаете. Носъ, мой собственный носъ пропалъ неизвѣстно. Самъ сатана-дьяволъ захотѣлъ подшутить надо мною... Только этотъ носъ разъѣзжаетъ теперь господиномъ по городу и дурачитъ всѣхъ... Только я васъ прошу объявить, чтобы поймавшій представилъ ко мнѣ мошенника, подлеца, сукина . . . . Но я закашлялся, и у меня пересохло въ горлѣ. Я не могу ничего говорить!

Чиновникъ задумался, что означали его крѣпко сжавшіяся губы.

— Нѣтъ, я не могу помѣстить такого объявленія въ газету, сказалъ онъ, наконецъ, послѣ долгаго молчанія.

— Какъ? отчего?

— Такъ. Газета можетъ потерять репутацію. Если всякій начнетъ писать, что у него сбѣжалъ носъ или губы... И такъ уже говорятъ, что печатаютъ много несообразностей и ложныхъ слуховъ.

— Да когда у меня, точно, пропалъ носъ?

— Если пропалъ, то это дѣло медика. Говорятъ, что есть такіе люди, которые могутъ приставить какой угодно носъ. Но, впрочемъ, я замѣчаю, что вы должны быть человѣкъ веселаго нрава и любите пошутить.

— Клянусь вамъ: вотъ какъ Богъ святъ, если лгу! Хотите, я вамъ покажу?..

— Зачѣмъ безпокоиться? — продолжалъ чиновникъ, нюхая табакъ. — Впрочемъ, если вамъ не въ безпокойство, то желательно бы взглянуть, — продолжалъ онъ съ движеніемъ любопытства.

Коллежскій асессоръ отнялъ платокъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно странно! — сказалъ чиновникъ, — совершенно, какъ только что выпеченный блинъ. Мѣсто до невѣроятности ровное!

— Ну, что и теперь будете говорите? Извольте же сейчасъ напечатать!

— Напечатать то, конечно, дѣло небольшое, только я не предвижу въ этомъ большой пользы. Если же хотите, то вы можете дать кому-нибудь описать искуснымъ перомъ, какъ рѣдкое произведеніе натуры, и напечатать эту статейку въ „Сѣверной Пчелѣ“ [тутъ онъ понюхалъ еще разъ табаку] для пользы юношества, упражняющагося въ наукахъ [при этомъ онъ утеръ носъ], или такъ для общаго любопытства.

Коллежскій асессоръ былъ въ положеніи человѣка, совершенно сраженнаго унынiемъ. Онъ опустилъ глаза на листъ газеты, гдѣ было извѣщеніе о спектакляхъ, и уже лицо его готово было улыбнуться, встрѣтивши имя актрисы, хорошенькой собою, и рука взялась за карманъ — пощупать, есть ли синяя ассигнація, потому что штабъ-офицеры, по мнѣнію Ковалева, должны сидѣть въ креслахъ; но мысль о носѣ, какъ острый ножъ, вонзилась въ его сердце. Бѣдный Ковалевъ, въ нестерпимой тоскѣ, отправился къ квартальному надзирателю, чрезвычайному охотнику до сахару; потому его вся передняя, она же и столовая, была установлена сахарными головами, которыя нанесли къ нему, изъ дружбы, купцы. Кухарка въ это время скидала съ частнаго пристава . . . . . ботфорты; шпага и всѣ военные доспѣхи уже мирно развѣсились по угламъ, и грозную треугольную шляпу уже затрогивалъ трехлѣтній сынокъ его, и онъ, послѣ боевой, бранной жизни готовился вкусить удовольствія мира. Ковалевъ вошелъ къ нему въ то время, когда онъ потянулся, крякнулъ и сказалъ: „Эхъ, славно засну два часика!“ И потому можно было сначала (?думать?), что приходъ коллежскаго асессора былъ совершенно не во время, и не знаю, хотя бы онъ даже принесъ ему въ то время нѣсколько фунтовъ чаю или сукна, — онъ бы не былъ принятъ слишкомъ радушно. Частный былъ большой поощритель всѣхъ искусствъ и мануфактурности, хотя иногда и говорилъ, что нѣтъ почтеннѣе вещи, какъ государственная ассигнація: „мѣста займетъ немного, въ

карманъ всегда помѣстится, уронишь — не расшибется".

Частный принялъ довольно сухо Ковалева: сказалъ, что послѣ обѣда не такое время, чтобы производить слѣдствіе, что сама натура назначила, чтобы человѣкъ, наѣвшись, немного отдохнулъ [изъ этого видно было, что частный приставъ былъ философъ], и что у порядочнаго человѣка не оторвутъ носа, и что много есть на свѣтѣ разныхъ маіоровъ, которые не имѣютъ даже и исподняго въ приличномъ состояніи и таскаются по всякимъ непристойнымъ мѣстамъ.

То есть, это уже было не въ бровь, а прямо въ глазъ! Нужно знать, что Ковалевъ былъ чрезвычайно обидчивый человѣкъ. Онъ могъ извинить все, что ни говори о немъ самомъ, но никакъ не извинялъ, если это касалось къ чину или званію. Онъ полагалъ, что по театральнымъ пьесамъ можно пропускать свободно все, что относится къ оберъ-офицерамъ, но на штабъ-офицеровъ никакъ не должно нападать. Такой пріемъ частнаго его такъ сконфузилъ, что онъ немножко стряхнулъ головою и съ чувствомъ собственнаго достоинства сказалъ, немного разставивъ руки:

— Признаюсь, послѣ этакихъ, съ вашей стороны, обидныхъ замѣчаній, я ничего не могу прибавить... — и вышелъ.

Онъ пріѣхалъ домой, едва слыша въ себѣ душу, а подъ собою ноги, послѣ всѣхъ этихъ душевныхъ революцій. Усталый бросился онъ въ кресла и, отдохнувши немного, сказалъ: „Боже мой! Боже мой! За что это такое несчастіе? Будь я безъ руки или безъ ноги — все бы это лучше, будь я безъ обоихъ ушей даже, все сноснѣе, но безъ носа человѣкъ — хоть выбрось! Если бы кто-нибудь отрѣзалъ или я самъ былъ причиною... но вотъ штука — пропалъ самъ собою! Ей Богу это невѣроятно! Можетъ быть, я сплю, и мнѣ все это снится". Коллежскій асессоръ пальцемъ себя щипни, — самъ чуть не вскрикнулъ отъ боли. „Нѣтъ, чортъ возьми! я не сплю". Онъ потихоньку приблизился къ зеркалу и сначала зажмурилъ глаза, потомъ вдругъ глянулъ — авось-либо есть носъ; но въ ту же минуту отскочилъ отъ зеркала, сказавши: „Чортъ знаетъ что! Какая дрянь!"

Дѣйствительно, это происшествіе было до невозможности [не] вѣроятно, такъ что его можно было совершенно назвать сновидѣніемъ, еслибы оно не случалось въ самомъ дѣлѣ и еслибы не представлялось множество самыхъ удовлетворительныхъ доказательствъ. Онъ

долго передумывалъ, кто бы здѣсь былъ виною, и, наконецъ, едва ли не остановился на томъ, что здѣсь главною причиною должна быть одна вдова, тоже штабъ-офицерша, которая желала, чтобы онъ женился на ея дочери, за которой онъ любилъ приволакиваться, но всегда избѣгалъ окончательной раздѣлки и, когда вдова объявила ему напрямикъ, что она хочетъ выдать ее за него, онъ потихоньку отчалилъ съ своими комплиментами, сказавши, что еще молодъ, что нужно еще прослужить лѣтъ пятокъ, чтобы было ровно сорокъ два года. И потому теперь, по его мнѣнію, вдова хотѣла ему непремѣнно отмстить и рѣшилась его испортить и, вѣрно, наняла бабъ-ворожей или сама, можетъ быть, удружила.

Разсуждая такимъ образомъ, онъ услышалъ въ передней голосъ:

— Здѣсь живетъ коллежскій асессоръ Ковалевъ?

— Войдите; маіоръ Ковалевъ здѣсь, — сказалъ онъ, вскочивши со стула и отворяя дверь. Это былъ полицейскій чиновникъ, благородной наружности, который стоялъ въ концѣ Исак . . .

— Вы, кажется, изволили затерять носъ свой?

— Такъ точно.

— Онъ теперь перехваченъ.

— Нѣтъ? Что вы говорите? — закричалъ въ величайшей радости маіоръ. — Какимъ образомъ?

— Страннымъ случаемъ: его перехватили почти на дорогѣ. Онъ уже садился въ дилижансъ и хотѣлъ уѣхать въ Ригу. И пашпортъ уже давно былъ написанъ на имя тамбовскаго директора училищъ. И странно то, что я самъ принялъ его за господина; но, къ счастью, были со мною очки, и я, уже надѣвши ихъ, увидѣлъ, что это былъ носъ. Вѣдь я близорукъ и, если вы передо мною станете, то я вижу только, что лицо, но ни носа, ни бороды — ничего не замѣчу. Моя теща, то есть мать жены моей, тоже ничего не видитъ.

Ковалевъ былъ внѣ себя.

— Гдѣ же онъ? гдѣ? Я сейчасъ побѣжу (sic!).

— Не безпокойтесь. Я, зная, онъ вамъ нуженъ, нарочно принесъ его съ собою. И странно то, что главный участникъ въ этомъ дѣлѣ есть мошенникъ цирюльникъ на Вознесенской улицѣ, который сидитъ теперь на съѣзжей. Я давно, впрочемъ, подозрѣвалъ его въ пьянствѣ и воровствѣ, и еще третьяго дня стащилъ онъ въ Гостиномъ полдюжины жилетныхъ пуговицъ. Носъ вашъ совершенно таковъ, какъ былъ.

При этомъ квартальный полѣзъ въ карманъ и вытащилъ оттуда завернутый въ бумажкѣ носъ.

— Такъ, онъ! — закричалъ Ковалевъ въ радости: — Точно онъ! Такой же самой . . . . . .[1] Откушайте сегодня со мною чашечку чаю.

— Съ большою пріятностью желалъ бы, но не могу: занятъ... Очень большая теперь поднялась дороговизна на всѣ припасы... У меня въ домѣ живетъ и теща, то есть мать моей жены, и дѣти; старшій особенно подаетъ большія надежды, умный мальчишка; но средствъ къ воспитанію совершенно нѣтъ никакихъ.

Ковалевъ догадался, и, схвативъ со стола красную ассигнацію, сунулъ въ руки надзирателя, который, расшаркавшись, вышелъ за дверь, и въ ту же (почти минуту) Ковалевъ слышалъ голосъ его на улицѣ, гдѣ онъ увѣщевалъ по зубамъ одного глупаго мужика, наѣхавшаго съ своею телѣгою (на) бульваръ. Коллежскій асессоръ пришелъ, наконецъ, въ себя, потому что радость повергнула почти въ безпамятство... „Ну, теперь, слава Богу, что есть носъ. А ну, приложимъ его". Сказавши это, онъ началъ приставить (sic!) его на свое мѣсто, но, къ удивленію, замѣтилъ, что носъ никакъ не приклеивался.

„Ну же, ну! полѣзай, дуракъ!" говорилъ онъ ему; но носъ былъ совершенно глупъ и падалъ прямо на столъ, какъ только онъ отнималъ руку. Лицо маіора слезливо искривилось. „Неужели онъ не пристанетъ?" сказалъ онъ въ испугѣ. Но носъ дѣйствительно отпадалъ. „Ахъ, Боже мой! Да вѣдь какимъ же [образом] онъ можетъ пристать? Я и позабылъ о томъ, что ужъ если что отрѣзано, то нельзя приставить".

Между тѣмъ слухъ объ этомъ необыкновенномъ происшествіи распространился по всей столицѣ и, какъ всегда водится, не безъ особенныхъ прибавленій. Тогда умы всѣхъ именно настроены были къ чрезвычайному: недавно только что занимали весь городъ опыты дѣйствія магнетизма. Притомъ исторія о танцующихъ стульяхъ въ Конюшенной была свѣжа, и потому нечего удивляться, что скоро начали говорить, что носъ коллежскаго асессора Ковалева, ровно въ три часа, каждый день, прогуливается по Невскому проспекту. Любопытныхъ стекалось каждый день множество. Этому происшествію были чрезвычайно рады всѣ свѣтскіе необходимые посѣтители раутовъ, любившіе смѣшить дамъ, которыхъ запасъ уже совершенно истощился. Но многіе слушали объ этомъ съ неудовольствіемъ, и одинъ господинъ со звѣздою съ негодованіемъ говорилъ, что

---

[1] Неразобранное слово.

онъ удивляется, какъ въ нынѣшній просвѣщенный вѣкъ могутъ распространяться такіе слухи и нелѣпыя выдумки, и что онъ еще болѣе удивляется, какъ не обратитъ на это вниманіе правительство. Этотъ господинъ былъ одинъ изъ числа тѣхъ людей, которые бы желали впутать правительство даже въ ихъ домашнія ссоры съ своею супругою.

Обо всѣхъ этихъ случаяхъ бѣдный коллежскій асессоръ, не знаю, какимъ образомъ, узналъ, не выходя почти изъ своей комнаты... Онъ не велѣлъ никого впускать къ себѣ, не появлялся никуда, даже въ театрѣ, какой бы ни игрался тамъ водевиль; не игралъ даже въ бостонъ; не видалъ даже Ярышкина, съ которымъ былъ большой пріятель, и въ продолженіе мѣсяца такъ исхудалъ и изсохъ, что былъ похожъ больше на мертвеца, нежели на человѣка, и даже...

Впрочемъ, все это, что ни описано здѣсь, видѣлось маіору во снѣ. И когда онъ проснулся, то въ такую пришелъ радость, что вскочилъ съ кровати, подбѣжалъ къ зеркалу и, увидѣвши все на своихъ мѣстахъ, бросился плясать въ одной рубашкѣ по всей комнатѣ (танецъ, который составлен ..... изъ кадрили и мазурки вмѣстѣ). И когда лакей его Иванъ просунулъ голову въ двери, посмотрѣть, что дѣлаетъ баринъ, онъ закричалъ ему:

— Пошелъ! Что тутъ нашелъ дивнаго?

Черезъ минуту онъ, бросившись и сѣвши на кровать, закричалъ:

— Эй, Иванъ!

— Чего извольте-съ?

— Что не спрашивала ли маіора Ковалева одна дѣвчонка, такая хорошенькая собою?

— Никакъ нѣтъ.

— Гм! — сказалъ маіоръ Ковалевъ и посмотрѣлъ, улыбаясь, въ зеркало".

Передѣлывая повѣсть „Носъ" для перваго изданія своихъ „Сочиненій", Гоголь далъ ей новое окончаніе. Въ „Современникѣ" Пушкина повѣсть оканчивалась такъ: „Послѣ этого, какъ то странно и совершенно неизъяснимымъ образомъ случилось, что у маіора Ковалева опять показался на своемъ мѣстѣ носъ. Это случилось уже въ началѣ мая, не помню 5 или 6 числа. Маіоръ Ковалевъ проснулся поутру, взялъ зеркало и увидѣлъ, что носъ сидѣлъ уже, гдѣ слѣдуетъ, между двумя щеками. Въ изумленіи онъ выронилъ зеркало

на полъ и все щупалъ пальцами, дѣйствительно ли это былъ носъ. Но, увѣрившись, что это былъ, точно, не кто другой, какъ онъ самый, онъ соскочилъ съ кровати въ одной рубашкѣ и началъ плясать по всей комнатѣ какой то танецъ, составленный изъ мазурки, кадриля и трепака. — Потомъ приказалъ дать себѣ одѣться, умылся, выбрилъ бороду, которая уже отросла было, такъ что могла вмѣсто щетки чистить платье, — и черезъ нѣсколько минутъ видѣли уже коллежскаго асессора на Невскомъ проспектѣ, весело поглядывающаго на всѣхъ; а многіе даже примѣтили его покупающаго въ Гостиномъ дворѣ узенькую орденскую ленточку, неизвѣстно для какихъ причинъ, потому что у него не было никакого ордена.

Чрезвычайно странная исторія! Я совершенно ничего не могу понять въ ней. И для чего все это? Къ чему это? Я увѣренъ, что больше половины въ ней неправдоподобнаго. Не можетъ быть, никакимъ образомъ не можетъ быть, чтобы носъ одинъ самъ собою ѣздилъ въ мундирѣ и притомъ еще въ рангѣ статскаго совѣтника! И неужели въ самомъ дѣлѣ Ковалевъ не могъ смекнуть, что чрезъ газетную экспедицію нельзя объявлять о носѣ? Я здѣсь не въ томъ смыслѣ говорю, что мнѣ казалось дорого заплатить за объявленіе: это пустяки, и я совсѣмъ не изъ числа корыстолюбивыхъ людей; но не прилично, нейдетъ. Несообразность и больше ничего! — И цирюльникъ Иванъ Яковлевичъ вдругъ явился и пропалъ, неизвѣстно къ чему, неизвѣстно для чего. — Я, признаюсь, не могу постичь, какъ я могъ написать это? — Да и для меня вообще непонятно, какъ могутъ авторы брать такого рода сюжеты! Къ чему все это ведетъ? Для какой цѣли? Что доказываетъ эта повѣсть? Не понимаю, совершенно не понимаю. — Положимъ, для фантазіи законъ не писанъ, и притомъ дѣйствительно случается въ свѣтѣ много совершенно неизъяснимыхъ происшествій; но какъ здѣсь? Отчего носъ Ковалева?.. И зачѣмъ самъ Ковалевъ?.. Нѣтъ, не понимаю, совсѣмъ не понимаю. Для меня это такъ необъяснимо, что я... Нѣтъ, этого нельзя понять!“

Въ черновой рукописи встрѣча съ Носомъ была пріурочена къ Казанскому собору, который былъ замѣненъ потомъ Гостинымъ дворомъ (10-е изд., т. II, стр. 577—578).

Шинель. Первая мысль объ этой повѣсти сложилась у Гоголя въ 1834 г., когда онъ выслушалъ разсказъ о бѣдномъ чиновникѣ-охотникѣ. Пишется она въ 1839 и 1840 гг. Впервые появилась въ „Сочине-

ніяхъ Н. Гоголя" 1842 г. Отрывки изъ первоначальныхъ редакцій въ 10-омъ изд., т. II, 170—194.

Коляска. Написана въ 1835 г. и первоначально предназначалась для альманаха Пушкина. Напечатана въ „Современникѣ" 1836, т. I, стр. 170—190. Первоначальная редакція напечатана въ „Сборникѣ Общества Любителей Россійской Словесности на 1890 г." (стр. 55—66). По очень вѣроятному предположенію Н. С. Тихонравова (10-е изд., т. II, стр. 621) въ основу „Коляски" легъ случай изъ жизни гр. М. Ю. Віельгорскаго, о которомъ могъ разсказать Н. В. гр. В. А. Сологубъ („Воспоминанія гр. Сологуба", стр. 113).

Римъ. Отрывокъ изъ повѣсти „Аннунціата". Первоначальная редакція отрывка окончена къ началу сентября 1839. Напечатанъ онъ въ „Москвитянинѣ" 1842 г. (мартъ, стр. 22—67). Бѣлинскій писалъ по поводу „Рима" (Соч., подъ ред. С. А. Венгерова, т. VII, стр. 440): „въ немъ „есть удивительно-яркія и вѣрныя картины дѣйствительности", но „и косые взгляды на Парижъ, и близорукіе взгляды на Римъ, и, что всего непостижимѣе въ Гоголѣ — есть фразы, напоминающія своею вычурною изысканностью Марлинскаго".

Насколько сильно задѣлъ Гоголя этотъ отзывъ, можно видѣть изъ письма его къ Шевыреву отъ 1 сентября 1843 г. (Письма, т. II, стр. 333): „Бѣлинскій смѣшонъ. А всего лучше замѣчаніе о „Римѣ"; онъ хочетъ, чтобы римскій князь имѣлъ тотъ же взглядъ на Парижъ и французовъ, какой имѣетъ Бѣлинскій. Я былъ бы виноватъ, еслибы даже римскому князю внушилъ такой взглядъ, какой я имѣю на Парижъ, потому что и я хотя могу столкнуться въ художественномъ чутьѣ, но вообще не могу быть одного мнѣнія съ моимъ героемъ. Я принадлежу къ живущей и современной націи, а онъ — къ отжившей. Идея романа вовсе не была дурна: она состояла въ томъ, чтобы показать значеніе націи отжившей, и отжившей прекрасно, относительно живущихъ націй. Хотя по началу, конечно, ничего нельзя заключить, но все можно видѣть, что дѣло въ томъ, какого рода впечатлѣніе производитъ строящійся вихорь новаго общества на того, для котораго уже почти не существуетъ современность".

Портретъ. Помѣщаемая обыкновенно въ отдѣлѣ „повѣстей" послѣдняя редакція „Портрета" напечатана у насъ вмѣстѣ съ первою въ III томѣ. Къ указанной въ немъ литературѣ нужно прибавить: Чудаковъ, Западныя параллели къ повѣсти Гоголя „Портретъ", сборникъ „Eranos", Кіевъ, 1906, стр. 266—276.

783516